

1879
10

1879

РУССКАЯ РАЧЬ.

5192
373

ОКТАБЕРЬ

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

1936 F.

05
p-89

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

p-89.

ОКТИБРА, 1879.
Центральная Библиотека
улицы Лассаля, 3
ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 1221 ок. об.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакция „Русской Рѣчи“: { Главная Контора журнала:
Прачешный пер., № 5. } Максимилиановскій пер., № 14.

1879.

^A
P Slav 005-15 (187?)
10
1125 1934 г. Прессован

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY
6142

.08-9

1221/2

ТИПОГРАФИЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Катерининский канал, между Вознесенским и Марининским мостами, д. № 90-1.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ 1879.

	Стр.
I. СТАРЫЙ ДОМЪ.—Романъ въ 3-хъ частяхъ.—Часть 1-я.—А. Б.	1
II. * * —Стихотвореніе.—А. Фета	78
III. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КОРЕСПОНДЕНТЫ. — (Эскизы губернской жизни).—I-IV.—А. Круглова	79
IV. * * —Стихотвореніе.—Н. Д.	123
V. ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.—I.—Искупительная жертва.—II.—Въ одесской гавани.—III.—Оригинальный политическій преступникъ.—Н. Э. Францога.—(Переводъ съ нѣмецкаго).	124
VI. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ БРЕСТЬЯНЕ. — IV - VI. — (Окончаніе).— П. Ш.	163
VII. О РЕЛИГИОЗНОМЪ ВОСПИТАНІИ.—А. Н.	207
VIII. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТАБАКОВОДСТВА ВЪ РОССІИ.— Николая Пономарева	220
IX. ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.—Очеркъ седьмой.—Биологія.—(Продолженіе).—Исторія открытія кровобращенія.—Л. К. Попова	252
X. БРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ.—(Очеркъ обычнаго права).—(Окончаніе).—Игоря Тютрюмова.	289

XI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пятидесятилѣтній юбилей желѣз- ной дороги, краткій очеркъ развитія и современнаго состоянія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи.—Комисія графа Баранова.— Постановленіе попечительнаго совѣта николаевскихъ женскихъ гимназій.—Законъ о предоставленіи губернаторамъ особыхъ правъ при замѣщеніи постоянныхъ должностей по земскимъ и город- скимъ учрежденіямъ.	1
XII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.—Россія и Германія.—Н.	35
XIII. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—Еъ вопросу о происхожденіи домашнихъ животныхъ.—Эльпе	50
XIV. КОРЕСПОНДЕНЦІЯ.—Съ Кубенскаго озера.—Введенскаго	66

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

XV. ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТРАНЫ МИЛЛІАРДОВЪ.—(Продол- женіе).—Нордау.—(Переводъ съ нѣмецкаго)	81
--	----

СТАРЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Зина, проснись! сейчасъ прїедемъ въ Новоселье... говорилъ высокій господинъ въ старой енотовой шубѣ и цилиндрѣ, наклоняясь, въ полутемномъ вагонѣ перваго класса, надъ откиднымъ кресломъ, на которомъ, вся закутанная пледомъ, лежала небольшая женская фигура.

— Я уже давно не сплю, папа, проговорила тихимъ голосомъ Зина; она сбросила съ себя пледъ, приподнялась и стала поправлять растрепавшіеся волосы, покрытые чернымъ, старымъ, кашемировымъ платкомъ.

— Сними платокъ и надѣнь шляпку, продолжалъ господинъ въ цилиндрѣ,—ты знаешь, я терпѣть не могу растрепанныхъ волосъ.

Зина сняла платокъ и достала изъ сѣтки черную, порыжѣлую, круглую шляпку, съ такимъ же старенькимъ, порыжѣлымъ, чернымъ вуалемъ. Въ вагонѣ почти никого не было; свѣчи въ фонаряхъ горѣли тускло, а изъ-за занавѣски раздавался сильный храпъ.

— Понять не могу, какъ можно такъ спать? продолжалъ господинъ въ енотовой шубѣ, есясь на занавѣску,—и это отъ самой Троицы. Зина, вѣдь это только въ Россіи такъ спать!

— Но вѣдь теперь ночь, папа...

— Все равно, это свинство! Экая сторонка проклятая! темно, хоть глазъ выколи; а холодъ-то какой! И это въ концѣ марта! Помнишь, мы, бывало, въ Дрезденѣ въ это время въ лѣтнемъ пальто гуляли.

Зина ничего не отвѣчала, но если бы въ вагонѣ было свѣтлѣе, ея отецъ увидѣлъ бы, какъ на блѣдномъ лицѣ дочери промелькнуло какое-то страдальческое выраженіе.

Поѣздъ сталъ уменьшать ходъ, замелькали передъ окнами огни, раздался пронзительный свистокъ и въ дверяхъ появился кондукторъ съ фонаремъ.

— Станція Новоселье, проговорилъ онъ соннымъ голосомъ: — здѣсь изволите выходить?

— Зина, все ли ты взяла? засуетился высочій господинъ, схвативъ дорожный мѣшокъ и еще какой-то узель.

— Все, папа.

И Зина, почти сгибаясь подъ тяжестью вещей и пледовъ, вышла изъ вагона и начала спускаться по крутой лѣсенкѣ, которая, казалось ей, близорукой, висѣла надъ пропастью.

— Не упади! здѣсь нѣтъ платформы! кричалъ отецъ. — *Quel pays! quel chien de pays!* ворчалъ онъ, проваливаясь въ мягкіе сугробы снѣга. — Хотя бы у станціи снѣгъ-то разгребали! говорилъ онъ, обращаясь неизвѣстно къ кому.

Раздался опять свистокъ и поѣздъ сталъ отходить отъ станціи. Зина оглянулась и ей показалось, что этотъ поѣздъ, исчезающій въ темнотѣ, былъ послѣднее звено, которое связывало ее съ прошедшимъ.

Путешественники съ трудомъ взобрались на станцію по скользкимъ и обледенѣлымъ ступенькамъ платформы.

— Экая грязь! экая мерзость! ворчалъ господинъ въ енотовой шубѣ, стараясь отворить двойную стеклянную дверь, невыразимо грязную и до половины занесенную снѣгомъ.

У самой двери его встрѣтилъ лакей съ угреватымъ лицомъ и въ затасканной шубенѣ.

— А, Герасимъ! здорово! проговорилъ баринъ, — во-время получили мою телеграму?

— Ужъ смеркаться стало, ваше превосходительство, отвѣчалъ лакей, очень юрко освобождая барина отъ мѣшка и узловъ. — Пожалуйте, барышня, проговорилъ онъ, обращаясь къ Зинѣ.

— Въ возѣ пріѣхали?

— Въ возѣ, ваше превосходительство, — о дорогахъ ужаси какая; какъ еще пройдемъ.

— Проѣдемъ какъ нибудъ; не ночевать же здѣсь, въ этакой гадости, говорилъ генераль, оглядывая комнату для дамъ, куда провель его юрѣй слуга.

— Пяти лѣтъ не прошло, какъ проведена эта дорога, а посмотри, какъ уже все загажено, продолжалъ онъ, не снимая своей шубы, которая, на самомъ дѣлѣ, была гораздо хуже и затасканнѣе всей обстановки комнаты для дамъ. — Скажи, Герасимъ, чтобы хоть лампу-то поправили что-ли, вѣдь она только падить.

Угреватый лакей юркнулъ въ дверь; черезъ нѣсколько минутъ явился замазанный сторожъ и грязными руками сталъ прибавлять огня въ лампѣ.

— *Quelles mains! admirez, quelles mains il a, cet animal!* говорилъ генераль, обращаясь къ дочери.

Не смотря на грязныя руки сторожа, лампа освѣтила яснѣе и генераль увидалъ усталое лицо Зины.

Это была невысокая, тоненькая дѣвушка, съ большими сѣрыми, нѣсколько прищуренными глазами, какъ всегда бываетъ у близорукихъ, и съ блѣднымъ, почти прозрачнымъ лицомъ. Лѣта ея опредѣлить было трудно; смотря на ея бѣлый, широкій лобъ, на которомъ, точно ниточки, уже виднѣлись морщинки, можно было дать ей около 30-ти лѣтъ; но веселая, почти дѣтская улыбка, которая появилась на лицѣ ея при видѣ заспаннаго сторожа, дѣлала ее гораздо моложе.

Сердитый генераль былъ старикъ лѣтъ 65-ти, съ совершенно бѣлыми, какъ серебро, курчавыми волосами. Онъ былъ высокъ, довольно плотенъ и имѣлъ совершенно круглое красное лицо, напоминавшее печеное яблоко. Дочь не походила на него. Особенно поражалъ въ старикѣ его большой, совершенно уходившій назадъ лобъ, un front de lunatique, какъ говорятъ французы.

— Лошади готовы, ваше превосходительство! сказалъ Герасимъ, появясь въ дверяхъ.

— Поѣдемъ, Зина! *je vois que vous tombez de fatigue*, таперича мы скоро дома.

— Дорога не приведи Богъ какая, ваше превосходительство!

— За то лошади хороши.

— Рабочія, ваше превосходительство; упряжныя, какъ вамъ извѣстно, давно уже проданы.

Генераль ничего не отвѣчалъ на замѣчаніе слуги, а на блѣдныхъ щекахъ дочери вспыхнулъ блѣдный румянецъ, но папа не замѣтилъ его; онъ съ безпокойствомъ шарилъ у себя въ карманѣ.

— Que cherchez vous, papa? сказала Зина, уже догадываясь въ чемъ дѣло.

— Мелочи нѣтъ, ma chère, надобно отдать Герасиму за доставку телеграммы.

— Послѣ-съ, не извольте беспокоиться, ваше превосходительство!

— Ну, конечно, братецъ, отвѣчалъ гордо генераль,—спроси въ конторѣ.

На лицѣ лакея выразилось при этомъ удивленіе, а Зина опять покраснѣла.

У крыльца станціи уже стоялъ возокъ, запраженный какими-то необыкновенно худыми лошадьми; такъ, по крайней мѣрѣ, показалось близорукой Зинѣ. Въ темнотѣ не было видно той степени ветхости и грязи, до которой дошли экипажъ и сбруя; только влѣзая въ возокъ, генераль и его дочь были поражены сильнымъ запахомъ не то плѣсени, не то чего-то кислаго и крѣпкого.

— Герасимъ! закричалъ генераль юркому лакею, силлившемуся затворить дверцы, которыя ни за что не хотѣли затвориться.—Что за мерзость! гдѣ у васъ стоялъ возокъ? въ немъ вѣрно ночевалъ кто нибудь?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, въ сараѣ стоялъ-съ! только ужъ очень много мышей тамъ завелось, такъ Марья Васильевна кошку туда велѣли пустить.

— Что за свинство! ворчалъ генераль,—да запри же, братецъ, дверь!

— Пружина заскочила, ваше превосходительство, никакъ невозможно запереть, надобно веревочкою привязать.

И онъ, въ темнотѣ, возился съ дверцею.

— Пошелъ же, наконецъ!

Лакей вскочилъ на козлы, и лошади, понукаемыя ударами кнута, безпощадно хлеставшими ихъ худыя спины, тронулись и потащили возокъ.

Дорога была точно ужасная; возокъ то наклонялся совершенно на бокъ, и тогда юркій лакей соскакивалъ съ козелъ и поддерживалъ его плечомъ, то ныралъ въ сугробъ, и тогда несчастныя клячи надрывались, чтобъ его вытащить; иногда онъ стремительно летѣлъ куда-то внизъ и Зинѣ казалось, что все разсыпится въ прахъ, потому что подъ нею и вокругъ нея все трещало, звенѣло и прыгало. Но великъ Богъ земли русской! Они не опрокинулись, не завязли, не провалились подъ ледъ, хотя онъ зловѣще трещалъ подъ ними, когда они переѣзжали

какую-то рѣченку, и, наконецъ, Зина, опустивъ съ большими усилиями окно въ возкѣ, которое тоже ни за что не хотѣло опускаться, увидала передъ собою что-то высокое и темное.

— Ну, слава Богу, пріѣхали! проговорилъ генераль, — вотъ и Преображенское! Ты, я думаю, совсѣмъ забыла его, Зинуша?

Замученныя лошаденки, почуявъ домъ, побѣжали шибче, хотя и въ гору. Они ѣхали теперь, на сколько Зина могла разглядѣть въ темнотѣ, алеєю, которая вела къ дому; слѣва чернѣлъ садъ, съ голыми деревьями; наконецъ, на самомъ верху горы, налѣво, замелькали огни въ громадномъ каменномъ домѣ. Возокъ обогнулъ какую-то полуразвалившуюся стѣну, причемъ чуть не завязъ въ сугробѣ; лошади дернули — и экипажъ такъ нагнуло на сторону, что владѣльцы чуть было не опрокинулись при самомъ въѣздѣ въ свои домены, но юркій лакей и тутъ выручилъ изъ бѣды, подхвативъ возокъ плечомъ. Напрягши послѣднія силы, лошаденки быстро пронеслись подъ какія-то ворота и, наконецъ, остановились у подъѣзда огромнаго дома.

— Выходи, Зина! пріѣхали! сказалъ генераль, пролѣзая въ дверцы, которыя уже успѣлъ отвязать Герасимъ.

Зина вошла по крутымъ каменнымъ ступенькамъ на галерею, на половину занесенную снѣгомъ. На колонахъ, которыя поддерживали верхнюю галерею, мѣстами отвалилась штукатурка, и при свѣтѣ фонаря съ разбитымъ стекломъ, который держалъ сторожъ, закрывая его полою шубы, онѣ выглядѣли очень некрасиво. Чѣмъ-то непривѣтливомъ, тоскливымъ и мрачнымъ повѣяло на Зину отъ этого жилища ея предковъ; ей показалось, что изъ свѣта и жизни она вступала въ тюрьму и мракъ.

— *N'est ce pas que c'est beau!* твердилъ ей отецъ, отворяя дверь въ громадныя сѣни. — *Un vrai château!*

«*Une vraie prison!* думалось дочери, — стѣна кругомъ и какія-то развалившіяся башни при въѣздѣ».

— *C'est lugubre, papa!* проговорила Зина.

— Все вздоръ, ничего не «*lugubre*»! таперича ночь, а днемъ это великолѣпно! Климатъ только гнусный, ну на то и матушка Русь православная! говорилъ онъ снимая шубу.

— Не извольте снимать здѣсь, ваше превосходительство, холодно очень; пожалуйте наверхъ, говорилъ Герасимъ.

Темнота и холодъ подъ сводами передней, также съ отвалившешуюся штукатуркою, были чувствительнѣе, чѣмъ на улицѣ.

— Хоть бы вы загляли что нибудь! сказалъ генераль недовольнымъ голосомъ.

— Керосину нѣтъ, ваше превосходительство!

— Глухой отвѣтъ, братецъ! дворецкій долженъ былъ объ этомъ позаботиться.

Удивленіе опять выразилось на лицѣ юркаго лакея; ему казалось, что баринъ бредитъ съ дороги, потому что кромѣ его, Герасима, никакой мужской прислуги въ домѣ не было.

Не снимая шубъ, генераль и его дочь начали всходить по грязной лѣстницѣ, которую, казалось, мели годъ тому назадъ. На самомъ верху ихъ встрѣтила худая, старая, совершенно сморщенная женщина, въ темномъ ситцевомъ платьѣ, повязанная темнымъ платкомъ «головкой». Она держала свѣчу въ старомъ подсвѣчникѣ, когда-то апликѣ, но съ котораго все серебро уже давно слѣзло.

— А, Марья Васильевна, здравствуй! проговорилъ генераль немного въ носъ.

— Здравствуйте, Константинъ Николаевичъ! отвѣчала старуха, наклонясь и хватая руку генерала, чтобы поцѣловать, чего тотъ не допустилъ и поцѣловалъ ее въ платокъ. — Здравствуйте, барышня! я думаю — не помните меня? вѣдь трехъ лѣтъ отсюда уѣхали, и старуха хотѣла совершить ту же церемонію съ Зиной, но та поцѣловалась съ нею и почувствовала при этомъ на лицѣ своемъ что-то жесткое: старуха не поцѣловала ее, а клюнула своимъ острымъ, выдающимся подбородкомъ.

«И эта какая-то страшная! подумала Зина, — точно колдунья!»

Старуха, совершивъ свой саламаликъ, очень бодро, точно молодая, пошла передъ господами впередъ.

— Какова! шепталъ генераль дочери, — elle a près de 80 ans, а какъ ходитъ!

— Ну за то лицо у нея ужъ совсѣмъ поросло мохомъ, сказала Зина по-французски, и та же дѣтская улыбка, которая такъ молодила ее, появилась на ея лицѣ.

Старуха отворила дверь въ огромную залу, изъ которой такъ и пахнуло на нихъ сыростью и холодомъ.

Зало имѣло по крайней мѣрѣ восемь аршинъ вышины. Семь огромныхъ оконъ, съ совершенно замерзшими стеклами, бѣлѣли во мракѣ; обои во многихъ мѣстахъ отстали и висѣли лохмотьями. Зала была совершенно пустая, потому что три дюжины старыхъ березовыхъ стульевъ, которые стояли по стѣнамъ, не могли ее наполнить. На окнахъ висѣли какія-то гардины фестонами; въ темнотѣ нельзя было разглядѣть ихъ цвѣта.

— Каковы размѣры! а, Зина? говорилъ генераль, съ гордостью оглядывая свою мрачную залу,—чисто барскій домъ!

— Пусто здѣсь, папа... отвѣтила дочь. Ее, какъ кошмаръ, давили эти размѣры, рядомъ съ убожествомъ убранства, и съ еще большимъ убожествомъ ея маленькаго, тощаго porte-monnaie.

Изъ залы генеральское семейство, все предшествуемое старухою съ острымъ подбородкомъ, вступило въ гостиную, также огромную, но съ мягкой мебелью, покрытою чохлами. По срединѣ стоялъ накрытый столъ и на немъ плохо вычищенный мѣдный самоваръ, бѣлый чайникъ съ крышечкой, у которой былъ отбитъ одинъ край, и двѣ саксонскія чашки, которыя Марья Васильевна считала такимъ же хламомъ, какъ и разбитый чайникъ.

— Ахъ какая прелесть! сказала Зина, взявъ въ руки маленькую, развалистую чашечку, на которой былъ изображенъ прелестный букетъ изъ розъ и незабудокъ. — Гдѣ вы это достали, Марья Васильевна?

— Старье все, барышня; только и осталось отъ цѣльнаго сервиза; извините, другихъ не нашлось... ужъ очень маленькя. Зина сѣла за столъ и стала искать чай.

— Чай положенъ, барышня, сказала ей шопотомъ старуха, — мой собственный, въ лавкѣ въ долгъ не дали; вы привезли съ собой? Зина вся вспыхнула.

— Нѣтъ, проговорила она, — какъ же быть то? Папаша вѣдь кофе по утрамъ пьетъ?

— Ну кофе-то я займу у попады, а калачей въ лавкѣ возьму на первый случай.

— Въ какой же лавкѣ?

— У насъ тутъ на селѣ есть.

Онѣ говорили шопотомъ, между тѣмъ какъ генераль расхаживалъ по комнатамъ, обозрѣвая свое жилище, которое имѣло скорѣе видъ пожарища.

— А Николай Григорьевъ гдѣ? спросилъ генераль, останавливаясь передъ Марьей Васильевной, — кажется могъ бы побезпокоиться встать.

— Онъ въ городъ уѣхавши, Константинъ Николаевичъ, повинности, сказывалъ, повезъ; ужъ очень становой донималъ, разовъ пять сюда прїѣзжалъ.

— Что за вздоръ? какія повинности? онъ меня самъ же увѣрялъ, что все заплачено.

— Были, сказывалъ, приготовлены деньги, да къ вамъ въ чужіе края потре...

Генераль притворился, что не слышалъ ея словъ и сѣлъ

къ столу. Чай Марьи Васильевны, хотя очень неукусный, былъ выпить съ удовольствіемъ, видно путешественники были голодны; не побрезгали также и чернымъ хлѣбомъ.

— А гдѣ вы намъ спать приготовили, спросилъ генераль?

— Вамъ—въ вашей комнатѣ на галдарей, Константинъ Николаичъ, а барышнѣ въ бывшей дѣтской, что подлѣ кабинета.

— Ну прощай, Зина, спи хорошенько! сказалъ генераль, цѣлуя дочь.—Марья Васильевна посвѣти ей, а я дорогу знаю.

Комната, въ которую привели Зину, была такая же огромная и такая же неудобная, какъ и всѣ остальные. Она раздѣлялась перегородкою изъ небѣленаго каленкора, съ розовыми кантиками; обивка на диванѣ и на креслахъ была такая же.

— Не безпокойтесь, мнѣ ничего не нужно, говорила Зина старухѣ, желая поскорѣе отъ нея отдѣлаться.

Когда дверь за Марьей Васильевной затворилась, она быстро раздѣлась и легла на жесткую и узенькую кровать, покрытую тонкимъ, но дурно вымытымъ бѣльемъ. Долго не могла она заснуть, оглядывая высокія, неприглядныя стѣны своей комнаты и вспоминая злобѣщія слова старухи о какихъ-то повинностяхъ и о томъ, что въ лавкѣ не даютъ въ долгъ, думая о томъ, какъ быть? гдѣ достать денегъ? Впрочемъ не отъ этихъ мыслей долго не могла заснуть Зина; она уже привыкла къ нимъ,—ѣзъ чему не привыкаетъ человѣкъ? она не могла отогнать гнетущей мысли, что она въ тюрьмѣ, такъ мраченъ и непригляденъ казался ей этотъ старый, громадный домъ. «Тюрьма, точно тюрьма!» шептала она даже засыпая, наконецъ, тяжелымъ и тревожнымъ сномъ.

II.

Константинъ Николаевичъ, не смотря на свой довольно преклонный возрастъ и не совсѣмъ веселыя обстоятельства, заснулъ крѣпкимъ, младенческимъ сномъ, какъ только опустилъ голову на подушку. Говорятъ, что такъ спать только люди, у которыхъ спокойная совѣсть; должно быть и у его превосходительства была спокойная совѣсть, потому что онъ спалъ, не просыпаясь, до десяти часовъ утра. Его разбудило солнце, которое проникло въ его комнату чрезъ цвѣтныя, на половину выбитыя стекла галдарей, освѣщая бюстъ Константина Николаевича, который уже давно мерзъ въ этой галерей, распи-

санной въ помпеевскомъ вкусѣ. Бюстъ изображалъ душу въ екатерининскомъ мундирѣ, съ жабо и со звѣздою. Выраженіе тоже было екатерининскаго времени—жеманное, хитрое и вмѣстѣ чувственное, выраженіе сатира, переодѣтаго царедворцемъ. Генераль покосился на бюстъ и невольно подумалъ: «Тебѣ хорошо жилось при восьми тысячахъ душъ, можно было дворцы строить... посмотрѣлъ бы я, чтобы ты теперь подѣлалъ, при новыхъ порядкахъ».

Генераль воображалъ, что всѣ его бѣды происходили отъ новыхъ порядковъ. Впрочемъ Константинъ Николаевичъ не долго останавливался на непріятныхъ мысляхъ, онъ всегда старался отогнать ихъ, думая, что все какъ нибудь устроится и деньги какъ нибудь и откуда нибудь непременно явятся.

«Вѣдь это все временное, думалъ генераль.—Не можетъ же быть, чтобы у Николая Григорьева не было денегъ! Повинности! Какая нибудь недоимка грошова, пустяки! Николаю Григорьеву непременно нужно намылить голову: уѣзжаетъ, болванъ, въ ту самую минуту, когда знаетъ, что я буду. Ну подождаль бы становой, не велика важность!.. у меня, бывало, не только становой, но и исправникъ дальше залы не смѣлъ ходить». И совершенно успокоенный, съ довольнымъ, сіяющимъ лицомъ, расправляя свои сѣдла бавенбарды, вошелъ онъ въ залу, гдѣ его дочь сидѣла за самоваромъ, который юркій лакей уже успѣлъ вычистить.

— Ну, что, Зина, отдохнула? спросилъ онъ, цѣлуя дочь въ голову и садясь на стулъ съ полупрорваннымъ соломеннымъ сидѣніемъ.

— Да, папа, отвѣчала Зина, наливая ему кофе, добытый у попады стараніями Марьи Васильевны.

Днемъ, зала, въ которой Константинъ Николаевичъ пилъ свой утренній кофе, была еще непригляднѣе, чѣмъ ночью, при свѣтѣ одной свѣчи. Замерзшія до самаго верха, громадныя овна, съ старыми, выгорѣвшими и во многихъ мѣстахъ треснувшими стеклами, пропускали сѣрый, грязный свѣтъ, въ большую, высокую комнату съ оборванными сѣрыми обоями и совершенно закоптѣлымъ потолкомъ. Обои особенно лопнули возлѣ печей, которыя начали топить только за нѣсколько дней до пріѣзда Засѣкина. Паркетъ, уже нѣсколько лѣтъ нечищенный и не натертый, хотя вымытый усердіемъ Марьи Васильевны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ поворобился и казался тоже какого-то неопредѣленнаго, грязно-желтаго цвѣта. Въ огромной залѣ было сыро и холодно, Зина была блѣднѣе обыкновеннаго, кофе былъ

прескверный, сливки жидкія, — но генералъ обратилъ вниманіе только на кофе.

— Что за гадость!.. сказалъ онъ, выпивъ однако цѣлый стаканъ, — это вѣрно Марья Васильевна варила? она понятія не имѣетъ, варить по старинному, на уголькахъ. Почему ты не варила на спиртѣ?

— Спирту нѣтъ, ваше превосходительство, сказала Марья Васильевна, выходя въ эту минуту изъ «офиціантской», грязнѣйшей комнаты во всемъ домѣ, продолжавшей носить это громкое названіе, хотя всѣ офиціанты заключались въ Герасимѣ, который спалъ тамъ на грязнѣйшемъ ложѣ за шкапомъ съ посудой.

— Какъ спирту нѣтъ? что за край? Ну пошлите въ городъ! Наконецъ, развѣ тутъ нѣтъ гдѣ нибудь по близости винокуреннаго завода? у графа Свѣтлова, я помню, былъ?

— Заводъ теперь на арендѣ у купца Александрова, Константинъ Николаевичъ.

— Такъ пошлите къ купцу Александрову!

— Денегъ пожалуйста! я сейчасъ найму кого нибудь на селѣ, мигомъ сбѣгаетъ.

— Зина! vous avez de la petite monnaie?

Зина вынула маленькій черный портмоне, очень потертый, и вынула изъ него тоже очень потертую рублевую бумажку. Марья Васильевна, которая, не смотря на свои 80 лѣтъ, очень хорошо видѣла, особенно издали, сейчасъ же замѣтила, что у барышни не густо въ портмоне, подошла къ ней, нагнулась и сказала шепотомъ:

— Я не возьму на всѣ; на 50 копѣекъ пока довольно. На заводѣ-то по мелочамъ не продаютъ, а въ лавочкѣ мнѣ отпустить по знакомству.

Зина покраснѣла и поспѣшно спрятала въ карманъ свой портмоне. Въ это самое время дверь изъ офиціантской опять отворилась и въ залу вошелъ Николай Григорьевъ, бывший крѣпостной человѣкъ Засѣкиныхъ, смѣнившій прежняго управляющаго Гладяго два года тому назадъ. Николай Григорьевъ былъ мужчина лѣтъ сорока, съ благообразнымъ лицомъ, напомиравшимъ апостольскіе лики на иконахъ, только выраженіе этого благообразнаго лица было холопское. На немъ было старое пальто и валенки всѣ въ снѣгу, такъ что вокругъ него скоро образовалась лужа. Шея была повязана пестрымъ шерстянымъ платкомъ.

— Все ли въ добромъ здоровьѣ, ваше превосходительство? сказалъ онъ, входя, — съ прїѣздомъ честь имѣю поздравить!

— Спасибо, братецъ! заговорилъ генералъ по обыкновенію въ носъ, — я-то здоровъ... только ты, кажется, не въ своемъ умѣ: уѣхалъ, вмѣсто того, чтобъ встрѣтить барина.

— Нивакъ нельзя было-съ, ваше превосходительство, формально-положительно нельзя! срочныя обязательства-съ! такая неприятная матерія завелась у насъ.

— Ничего не понимаю! какая неприятная матерія?

— Да все-съ по этимъ повинностямъ, земскимъ, да дворянскимъ. Господинъ становой, съ позволенія сказать, дохнуть-съ не давали-съ, оченно ужъ напирала.

— Да говори по-человѣчески! ничего не понимаю! горячился генералъ, хотя очень хорошо понималъ странную рѣчь своего прикащика.

— Деньги-съ требовали, скороговоркою, точно разсердясь, отвѣчалъ прикащикъ.

— Какія деньги? и генералъ даже прищурился.

— Земскія и дворянскія повинности-съ за два года не плачены, какъ вамъ извѣстно-съ.

— Ничего, ничего мнѣ не извѣстно; отчего-же ты не платилъ?

На благообразномъ и румяномъ лицѣ прикащика выразилось неодолимое удивленіе, онъ даже кашлянулъ въ рукавъ и взглянулъ на генерала своими свѣтлыми плутоватыми глазами.

— Я тебя спрашиваю, зачѣмъ ты не платилъ?

— По приказанію вашего превосходительства всѣ наличныя деньги высланы вамъ въ чужіе края, отвѣчалъ прикащикъ, продолжая смотрѣть на барина, который не глядѣлъ на него.

— А развѣ ты не могъ, братецъ, продолжалъ Константинъ Николаевичъ еще болѣе въ носъ и все сидя en trois quarts къ прикащику, точно тотъ снималъ съ него портретъ: — и мнѣ прислать, и повинности заплатить.

— Изъ чего-же-съ?

— Какъ изъ чего? изъ доходовъ.

— Нивакихъ-съ не предвидѣлось, да, сказать по чистой совѣсти, и не откуда-съ.

— А хлѣбъ? ты развѣ не продалъ?

— Еще на корню-съ продалъ, по приказанію вашего превосходительства, купцу Александрову, а деньги-съ съ первою почтою препроводилъ въ городъ Женева-съ. Квитанція почтовая цѣла-съ. Осмѣлюсь вамъ доложить, Константинъ Нико-

ламчѣ, что такая агрономія-съ не можетъ быть для имѣнія полезительна.

Генераль нетерпѣливо повернулся на стулѣ, стулѣ затрепалъ.

— Папа, пересядьте на другой стулѣ, сказала Зина, — этого ножка, кажется, надломана.

— Ахъ не мѣшай, ради Бога! laissez nous parler affaires.

Зина встала и пошла въ гостиную; за нею, захвата завернутый въ бумажекѣ чай, поплелась и Марья Васильевна.

— Барышня, сказала она шепотомъ, хотя въ залѣ ничего не могло быть слышно:—не взыщите... изъ усердія васъ спрашиваю, съ измалѣтства въ домѣ жила и состарилась, дѣдушку вашего помню, богатѣйшій человекъ былъ... много-ль вы денегъ съ собою изъ чужихъ-то краевъ привезли?

Зина вспыхнула и отвернулась, чтобы скрыть свои слезы.

— Да не плачьте, Христось съ вами! вѣрьте Богу, что я отъ чистой души спрашиваю.

— Десять рублей, тихо проговорила Зина.

— Мать Пресвятая Богородица! сказала старуха, всплеснувъ руками, — да какъ же папаша-то объ этомъ не позаботился, на чтожь онъ надѣялся?

— Онъ говорилъ, что въ конторѣ должны быть деньги, что Николой Григорьевъ ему писалъ.

— Въ конторѣ? Это въ какой конторѣ? гдѣ печка то разломана? да ужъ тамъ давно, еще при Иванѣ Ивановичѣ послѣднее время, никого не было, да и писать-то нечего, вся земля муживамъ въ аренду сдана. Это папаша думаетъ какъ прежде было; какія тутъ конторы? Гараська и тотъ говорить: какъ только генераль пріѣдетъ, сейчасъ расчетъ просить буду; это что, говорить, за порядки, жалованья за годъ не получалъ. Ахъ грѣхи! грѣхи!... чѣмъ же вы жить-то будете?

— Не знаю, Марья Васильевна, обернемся какъ нибудь; вѣдь и за границей было не лучше.

— Будто и тамъ нуждались?

Зина только махнула рувой.

— Что и говорить! въ своемъ углу все лучше, продолжала старуха, — здѣсь хоть за квартиру не платить.

— Голубушва, Марья Васильевна, похлопочите, какъ-бы намъ обѣдъ папѣ приготовить. Кто здѣсь стряпать-то умѣетъ?

— Старичекъ поваръ тутъ на селѣ живетъ, бывший графскій дворовый человекъ; я его приговорю, онъ дорого возьметъ!

— Пожалуйста! Да есть-ли у васъ что изъ провизіи?

— Курицы есть у Николая Григорьева, пушай одну на супъ заколетъ; соусъ можно творожный сдѣлать; а ужъ на счетъ жаркого не знаю какъ и быть. Теленочекъ, правда, есть сосунокъ, мозглявенькій такой, да свѣжѣвать-то его теперь поздно, развѣ къ завтраму; а ужъ сегодня, не прогнѣвайтесь, безъ жаркого будете. Вотъ на пирожное я драчену сдѣлаю, папаша прежде любилъ драчену, не знаю какъ теперь.

— Кажется, любить, отвѣчала Зина, не совсѣмъ понимая, что такое драчена.—Но вамъ деньги нужны? прибавила она.

— Какія деньги? Господь съ вами! Николаю Григорьеву, этому псу гладьому, за курицу нешто платить? онъ ее небось здѣсь-же, на господскихъ хлѣбахъ, выкормилъ... и старуха вышла, продолжая говорить и за дверью.

Зина, оставшись одна, подошла къ двери на балконъ, стараясь разглядѣть садъ сквозь стекло, немного оттаявшее въ одномъ мѣстѣ. Узкій балконъ, какіе обыкновенно бывали въ старинныхъ домахъ, весь былъ занесенъ снѣгомъ. Въ саду, между темными, высокими деревьями, лежали также груды снѣга, только въ иныхъ мѣстахъ около стволовъ, внизу, немного чернѣло. Нельзя было различить дорогу, которая вела къ пруду, а можно было только догадываться объ ея существованіи, потому что въ этомъ мѣстѣ, между деревьями, открывалась точно просѣка; за этою просѣкою опять груды снѣга и потомъ опять голыя деревья. Зину поразила мертвенность окружавшей ее природы; ни одного звука, ни одного живаго существа кругомъ, все было—и только вдали, на горизонтѣ, тоже бѣлыя церкви. «Пустыня, совершенная пустыня», говорила она, вглядываясь своими близорукими глазами въ это бѣлое пространство, сливавшееся съ такимъ же блѣднымъ горизонтомъ. Вдругъ пронзительный свистъ локомотива заставилъ ее вздрогнуть. Она вынула ринсе-пез и стала взглядываться; надъ деревьями показался дымъ и въ концѣ просѣки промелькнулъ длинный товарный поѣздъ. Ей вспомнилось недавно прочитанное описаніе о поѣздахъ желѣзной дороги въ американскихъ пустыняхъ и она невольно улыбнулась.—«Дикихъ только нѣтъ!» подумала она. «Есть и дикіе, можно было сказать ей на это,—взгляните только съ южной стороны вашего дома, съ галереи котораго видна деревня Преображенское; посмотрите на эти жалкія, грязныя кучи соломы, которыя зовутся избами, и вы убѣдитесь, что жилища дикіе нисколько не хуже, а можетъ быть даже и лучше курныхъ избъ Богоспасаемаго Перелѣпскаго уѣзда».

— А я веду къ тебѣ гостя, Зина! слышался за ея спиною голосъ Константина Николаевича. Зина вздрогнула и обернулась.

Не узнаете? сказалъ, подходя къ ней, высокій, худой господинъ, съ черною бородою клиномъ и черными кудрявыми волосами. Онъ былъ одѣтъ въ очень странный костюмъ. На немъ было что-то въ родѣ казакина, спитаго изъ стараго, порыжѣлаго манчестерскаго бархата, опушеннаго кошкой, и высокіе охотничьи сапоги, очень грязные и даже рваные; бѣлье этого господина также не отличалось чистотой.

Не узнаете? продолжалъ онъ, протягивая Зинѣ руку и смотря на нее карими, точно вытѣвѣтшими глазами.

— Нѣтъ, узнаю... Basile Величковскій? Но я никакъ не ожидала васъ здѣсь увидѣть.

— Да вѣдь онъ нашъ сосѣдъ, сказалъ генераль—развѣ я тебѣ не говорилъ? и такой милый, сейчасъ пріѣхалъ какъ только узналъ о нашемъ пріѣздѣ.

— Ну нѣтъ, дядя, смѣясь отвѣчалъ гость,—это не совсѣмъ вѣрно: я былъ на охотѣ и совершенно случайно узналъ, что вы пріѣхали сегодня ночью. Что-же, нравится вамъ здѣсь? продолжалъ Базиль, или Васенька, какъ его называли всѣ родные и знакомые.

— Не очень, невольно выговорила Зина.

— Конечно послѣ заграницы... я самъ всю прошлую зиму провелъ въ Ниццѣ; но здѣсь, увѣряю васъ, можно забыть, что живешь въ деревнѣ... мы отлично проводимъ здѣсь время! nous sommes toujours en très grande société, лѣтомъ у насъ собирается иногда до сорока человѣкъ гостей.

— Развѣ здѣсь такое большое сосѣдство?

— Нѣтъ, мы съ здѣшними господами незнакомы; извините за выраженіе, c'est de la drogue. Къ намъ пріѣзжаютъ изъ Москвы и изъ Петербурга родственники, друзья... ей Богу! не видишь, какъ время идетъ.

— А охота хороша? спросилъ генераль.

— Великолѣпная! мы здѣсь по сорока зайцевъ убиваемъ въ одну загонку.

— Ужъ и по сорока! Экъ хватилъ!

— Честное слово! На недѣлѣ, осенью, я пять лосей убилъ, и гдѣ вы думаете? почти у самаго дома. Сестра одного собственноручно въ прудъ загнала.

— Развѣ твоя сестра здѣсь?

— Нѣтъ, она была здѣсь, но уѣхала; на лѣто ~~идеть~~ ^{идти} приѣдетъ. Впрочемъ, прощайте! мнѣ некогда, тороплюсь домой!

— Да посиди...

— Нѣтъ, право нельзя, дядя Костя! дѣль столько, что голова идетъ кругомъ. И онъ всталъ—Ну, а вы какъ устроились? хорошо?

— Гдѣ устроиться? мы только что приѣхали. Да посиди!

— Нѣтъ, дядя, право нельзя! дѣла ужасъ что: и приващикъ ждетъ, и плотники... безъ меня вѣдь ничего не сдѣлается. Adieu, ma cousine, и онъ протянулъ Зинѣ огромную руку въ грязной и рваной перчаткѣ.

— Славный малый! только палый немножко, все съ охотою возится, сказалъ генераль, когда дверь гостиной затворилась за господиномъ въ бархатной бекешѣ.—Дурень только очень... а какой красивый былъ маленький; мать была прехорошенькая, я въ нее влюбленъ былъ. Вѣдь, обыкновенно, въ кузинъ влюбляются.

— Неужели Васенька былъ красивъ, папа?

— Говорять тебѣ—прехорошенькій!

— Онъ теперь ужасно на жида похожъ.

— Да, смахиваетъ немножко.

— Онъ женатъ, папа?

— Нѣтъ, старый холостякъ! un coeur à prendre... прекрасное состояніе!

— Онъ говорить, что у нихъ такъ весело; кто же это «они»?

— У него сестра-вдова часто гостить, разлихая барыня! дурна только очень, но бѣдовая! преумная и превеселая; неужели ты ее не помнишь?

— Я видѣла ее въ Петербургѣ; но это было такъ давно, папа.

Зина старалась пустыми разговорами разогнать мучительную заботу, которая не давала ей покоя. Это забота, кошмаръ всей ея жизни, была—гдѣ достать денегъ? Она видѣла по лицу отца, если не озабоченному, то нѣсколько сконфуженному, что разговоръ съ Николаемъ Григорьевымъ не привелъ ни къ какому благоприятному результату; она знала, что онъ никогда не говорилъ такъ много о вещахъ совершенно до него не касающихся, какъ когда его денежные обстоятельства были совсемъ плохи, и что еслибъ онъ имѣлъ надежду получить хоть сотню рублей отъ Николая Григорьева, то непременно сталъ бы рассказывать Васенькѣ, и даже ей, свои планы и предположенія на лѣто о перестройкахъ и передѣлкахъ въ домѣ

и т. д. Но онъ говорилъ о бывшей Васенькиной красотѣ, объ умѣ его сестры... значить — плохо, значить надобно ей какъ нибудь обернуться, во что бы то ни было достать денегъ. Будь они въ городѣ, это было бы сдѣлать легче: можно было бы заложить, или продать что нибудь; а здѣсь кому нужны, на примѣръ, кружевной платокъ, или шелковые чулки, остатки прежняго великолѣпія. Невеселая жизнь досталась на долю Зины, и, вспоминая прошедшее, она не находила тамъ ничего отраднаго, свѣтлаго, ничего, на чемъ могла бы отдохнуть душою. Не было въ ея жизни никакого выдающагося событія, никакого даже крупнаго несчастія, а такъ какая-то нескончаемая ванитель, шатанье изъ края въ край, пустота въ семьѣ, пустота кругомъ и постоянная забота, гдѣ бы перехватить денегъ.

Благодаря стараніямъ Марьи Васильевны, обѣдъ удался на славу; курица Николая Григорьева была очень жирная, такъ что супъ вышелъ прекрасный, а драчена оказалась такъ вкусна, что генераль потребовалъ себѣ вторую порцію; но еслибъ онъ видѣлъ въ какой кухнѣ и на какомъ столѣ все это готовилось, то, я думаю, не кушалъ бы съ такимъ аппетитомъ. Пслѣ обѣда и хорошаго крѣпкаго кофе, свареннаго, наконецъ, на спиртъ, купленномъ въ лавочкѣ, дурное расположеніе духа Константина Николаевича совершенно прошло, и онъ, сидя съ сигарою на большомъ вытертомъ клеенчатомъ патѣ своего кабинета, уже начиналъ развивать передъ Зиною свои планы о томъ, что надо передѣлывать домъ и выписывать сѣмяна цвѣтовъ изъ Москвы; что если рояль, который приплютъ изъ Москвы на прокатъ, окажется не хорошъ, то онъ сдѣлаетъ нахлобучку Ридеру и потребуеть другой; что нужно будетъ купить коляску — не ѣздить же ему съ дочерью въ тарантасѣ... и говорилъ онъ объ этомъ съ такою увѣренностью, что Зина и присѣвшая въ уголокъ Марья Васильевна, обѣ знавшія, что въ кошелькѣ у нихъ всего девять съ полтиною и что никакой полочки ни откуда не предвидится, только дивились и недоумѣвали, откуда все это берется?

Странный былъ человекъ генераль Засѣкинъ! Не былъ онъ ни поэтъ, ни художникъ, а между тѣмъ всю жизнь провелъ въ мечтахъ и иллюзіяхъ и незамѣтнымъ образомъ пришелъ къ полнѣйшему разоренію. Особенно были тяжелы послѣдніе годы его заграничной жизни, куда онъ уѣхалъ, не столько по болѣзни жены, сколько по невозможности продолжать жить въ Петербургѣ такъ, какъ, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ жить. Онъ всегда воображалъ себя гораздо знатнѣе и богаче, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и въ

силу этого воображенія, распалаемаго грамаднымъ тщеславіемъ, перешедшимъ ему, какъ золотуха, по наслѣдству отъ матери, бывшей фрейлины императрицы Маріи Θεодоровны, — былъ тогда только вполнѣ счастливъ, когда являлся въ шитомъ мундирѣ на какой нибудь выходъ; въ эту минуту онъ забывалъ всѣ житейскія и семейныя невзгоды. Онъ всегда гдѣ нибудь служилъ и акуратно каждый день, въ виць-мундирѣ, отправлялся въ департаментъ, съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто отъ его присутствія тамъ зависѣли судьбы Россіи; онъ не только серьезно, но даже благоговѣнно смотрѣлъ на свою служебную дѣятельность, какъ бы ни была она пуста и безсодержательна, и только визитъ къ высокопоставленному лицу казался ему важнѣе подписыванія исходящихъ бумагъ. Имѣніемъ и своими дѣлами онъ никогда не занимался, для этого были управляющіе и контора. Всѣ распоряженія по имѣнію заключались въ письмахъ къ управляющему, съ приказаніями высылать какъ можно скорѣе оброки, или деньги за проданный хлѣбъ; а собраны ли оброки? проданъ ли, или даже родился ли хлѣбъ? это не принималось во вниманіе.

Засѣвины всегда жили въ Петербургѣ, въ большой, дорогой квартирѣ; ихъ считали и сами они считали себя богатыми; но были ли они богаты на самомъ дѣлѣ, этого не только посторонніе, но даже сами они хорошенько не знали. Они знали одно: что въ Глушинской губерніи, въ Перелѣшскомъ уѣздѣ, у нихъ есть имѣніе; что въ этомъ имѣніи 1,000 душъ и большая усадьба съ каменнымъ домомъ, который строилъ еще дѣдушка; что тамъ есть садъ, оранжерея, контора и управляющій; что эта тысяча душъ платитъ оброкъ, пашетъ, сѣетъ, убираетъ хлѣбъ; что хлѣбъ покупаютъ купцы и несутъ деньги въ контору, а контора высылаетъ ихъ генералу. Но какъ и изъ чего платятъ мужики оброкъ? какъ пащется и собирается хлѣбъ, кому и сколько продается его? — до этого никому не было дѣла. Имѣніе было уже давно заложено, проценты платились неаккуратно, запаздывали, недоимки нарастали... Вдругъ подошла эмансипація и съ нею ликвидація дворянскихъ имѣній. Оказалось, что выкупа, къ которому сейчасъ же приступилъ Засѣвинъ, едва достало на уплату казеннаго долга, такъ велики были просрочки; что управляющій и конторщикъ тоже давно не получали жалованья. Все это было красиво написано рукою конторщика и, въ концѣ концовъ, отъ выкупной ссуды очистилось для землевладѣльца 2,523 р. 34 к. Если бы всѣ входящія и исходящія бумаги исчезли въ одинъ прекрасный день;

это не такъ бы ошеломило Константина Николаевича, какъ эти несчастныя цифры 2,523 р. 34 к. и то еще не наличными деньгами, а какими-то бумагами, которыя, онъ слыхаль, ходять 85 копѣекъ за рубль. Онъ долго ходилъ «какъ опущенный въ воду», что не помѣшало ему, однако, въ тотъ же день надѣть мундиръ и отправиться куда-то съ поздравленіями. Говорять, одна бѣда всегда влечетъ за собою другую. Мѣсто, которое занималъ Засѣкинъ, понадобилось кому-то другому, который понравился министру, бывшему большимъ прогресистомъ, да и время было такое, что каждый считалъ себя либераломъ и другомъ человечества. «Засѣкинъ человекъ стараго закала, — говорилъ министръ, красиво округляя свои фразы, — новое вино нельзя вливать въ мѣхи старыя; онъ формалистъ и бюрократъ, j'ai tout ce monde la en hocheur! Я хочу ввести новый, живой элементъ... вы меня понимаете?» Новый элементъ очень хорошо понялъ, чего желаетъ либеральный министръ, и Засѣкина, какъ говорится, спустили. Служебный вракъ былъ для него гораздо тяжелѣе врака имущественнаго. Кончились выѣзды въ мундирѣ и безъ онаго, не было теперь причины обсуждать вопросъ: въ чемъ ѣхать: въ бѣлыхъ или черныхъ панталонахъ? надѣвать вицъ-мундиръ или фракъ? а главное, вмѣстѣ со службой, снималось и придворное званіе, воспрещался и входъ во дворецъ. Что было дѣлать? Въ Петербургѣ оставаться невозможно, значить, надо ѣхать за-границу — и Засѣкины поѣхали. Madame Засѣкина была женщина больная, капризная и совершенно неумѣлая. Въ дѣла мужа она никогда не входила и слѣпо вѣрила, что она, madame Засѣкина, должна непременно одѣваться у madame Мошера, ѣздить въ каретѣ съ лакеемъ въ мѣховой пелеринѣ, и не иначе бывать въ театрѣ, какъ въ бель-этажѣ. Она все это и дѣлала, никогда не разсуждая, откуда берутся деньги на всѣ эти должныя расходы. Дѣтей она сама только рожала, такъ какъ не могла поручить это другой, но потомъ сейчасъ же сдавала ихъ на руки кормилицамъ и боннамъ. Дѣти росли, воспитывались и жили совершенно отдѣльною жизнію отъ родителей, маленькія — съ боннами, побольше — съ гувернантками, и сходили внизъ только къ обѣду и вечернему чаю, причемъ сидѣли за столомъ молча и чинно и, поцѣловавъ родительскія руки послѣ принятія пищи, также чинно и молча отправлялись на верхъ по своимъ мѣстамъ. Маменька никогда не позаботилась узнать, чему и какъ они учатся? и что они дѣлаютъ въ дѣтской? Дѣти не знали родителей; но видя маменькины туалеты и папашины шитые мундиры тоже считали себя богатыми, хотя

и слышали иногда жалобы боннъ и гувернантокъ, что имъ неакуратно платятъ жалованье. Изъ семерыхъ дѣтей у Засѣкиныхъ осталось въ живыхъ только двѣ дочери, изъ которыхъ одна вышла замужъ, когда другой, Зинѣ, исполнилось десять лѣтъ. Зина, какъ меньшая, была *ouée au bleu et au blanc*; «*en l'honneur de la vierge*», говорила своимъ знакомымъ *madame* Засѣкина, лежа на кушеткѣ, слабымъ, разбитымъ голосомъ, прибавляя: — я знала, что она будетъ послѣднею». Гуляя по мосткамъ Лѣтнаго сада, въ своей голубой бархатной шубкѣ, опушенной лебяжьимъ пухомъ, въ сопровожденіи миссъ Джонсъ, Зина естественно считала себя тоже богатою, и когда старшая ея сестра, красивая Лили, выходила замужъ, то, засматриваясь на выставленное приданое, Зинѣ, конечно, и въ голову не приходило, что все это сдѣлано въ долгъ. Папашѣ прислали изъ конторы, вотъ и все! Засѣкины поѣхали за-границу очень важно, въ отдѣльномъ купѣ, гдѣ *madame* Засѣкина могла лежать и нить сколько душѣ угодно. Незавѣстно какіе фокусъ-покусы продѣлалъ могучій магъ и чародѣй Иванъ Ивановичъ Гладковъ, управляющій Засѣкина, но деньги нашлись и генераль могъ выѣхать по-генеральски. За-границей Засѣкинъ считалъ своею обязанностью жить тамъ, гдѣ находилась какая нибудь августѣйшая особа; онъ представлялся каждому маленькому нѣмецкому принцу и удостоивался приглашеній къ такому двору, гдѣ на балѣ, въ видѣ прохладительнаго напитка, подавали простоквашу. Онъ забывалъ всѣхъ кредиторовъ, постоянно и непрерывно осаждавшихъ его, когда видѣлъ карточку, на которой было написано приглашеніе: *An der Herr General von Zassekin mit Sr. Gemahlin und Tochter*.

Не смотря на чародѣйство Ивана Ивановича, всему однако настала конецъ, и въ одинъ прекрасный день *Herr general von Zassekin* увидѣлъ въ своей квартирѣ нѣмецкаго полицейскаго чиновника, который наложилъ арестъ на все его имущество; а въ отвѣтъ на отчаянную телеграмму, посланную къ магу, онъ получилъ донесеніе, что магъ отказывается отъ должности управляющаго, потому что Преображенское описано за долги, а самъ онъ, магъ, не можетъ продолжать служить безъ жалованья и предъявляетъ на его превосходительство искъ въ количествѣ трехъ тысячъ рублей.

— Мошенникъ! кричалъ генераль, получивъ сначала телеграмму, а потомъ письмо, съ подробнымъ описаніемъ когда и сколько онъ долженъ магу, казнѣ и еще многимъ другимъ.— Я его подъ судъ! онъ злоупотребилъ моею довѣренностью!

Но кричать генераль могъ сколько душѣ угодно, дѣло отъ этого не измѣнялось и надо было принимать какіянибудь мѣры. Опять полетѣли телеграммы въ Россію къ зятю, мужу старшей дочери Засѣкина Лили, о томъ, чтобы какънибудь помочь, какънибудь вывернуться, что имѣніе будетъ со временемъ принадлежать имъ же и т. д. У зятя, господина Фриберъ, дѣтей было всего двое, но жадности было четверо. Бюрократъ и карьеристъ, онъ женился на красивой Лили, не столько по любви, хотя она ему и нравилась, сколько рассчитывая на наслѣдство и связи. Все это оказалось пухомъ, и вслѣдствіе этой неудачи, Фриберъ глупо презиралъ своего тестя и давно предсказывалъ его полнѣйшее разореніе.

— Телеграмма отъ милѣйшаго папа! сказалъ онъ Лили. — Преображенское описано за долги.

Хорошенькая Лили презрительно взглянула на мужа, — она иначе не смотрѣла на него, — и выговорила недовольнымъ голосомъ:

— Это давно надобно было ожидать!

— Да, но что теперь дѣлать? Я вовсе не хочу, чтобы, по милости этого стараго шута, мои дѣти пошли по міру.

— Прошу васъ не говорить такъ о моемъ отцѣ, сказала Лили довольно рѣзко, — я не рассчитываю на его наслѣдство.

— Конечно, вы такъ много принесли приданого! — проговорилъ съ досадою Фриберъ, но Лили уже не было въ комнатѣ.

— Ну ужъ семейка! сказалъ онъ ей вслѣдъ, — но я всетаки долженъ спасти наслѣдство.

И Фриберъ принялся спасать его. Спасеніе заключалось въ томъ, что онъ выпросилъ себѣ какую-то служебную командировку въ ту губернію, гдѣ находилось имѣніе тестя, полетѣлъ на казенный счетъ въ Перелѣпскій уѣздъ, и не имѣя ни о чемъ понятія, какъ и подобаешь истому петербургскому чиновнику, продалъ, не смотря на свою жадность, почти за даромъ великолѣпную дубовую рощу, главную цѣнность имѣнія, которая могла заплатить не только всѣ долги Засѣкиныхъ, но даже и тѣ, которые сдѣлали бы впоследствии дѣти самаго практическаго Фрибера.

Торговался онъ какъ жидъ; купецъ Александровъ три раза вспотѣлъ, торгуясь съ нимъ, и вышелъ отъ петербургскаго барина, какъ изъ бани; но все это ни къ чему не послужило, потому что Александровъ сразу понялъ, что этотъ кремень, петербургскій франтикъ, ни бѣса въ этомъ дѣлѣ не понимаетъ,

«да и дуба, пожалуй, отъ другаго дерева не отличить, особенно когда онъ безъ листовъ стоитъ».

Какъ бы то ни было, Преображенское было спасено; Иванъ Ивановичъ получилъ по векселю, зятегъ тоже взялъ за комисію. Остальныя деньги были посланы къ Константину Николаевичу и ихъ достало, чтобъ расплатиться съ самыми неотложными долгами и выѣхать въ Россію. Но онъ не выѣхалъ и еще года два продолжалъ свое бѣдственное существованіе за-границею. Только тогда рѣшился онъ уѣхать въ Россію, когда новый приказикъ положительно и нормально, какъ онъ выражался, пересталъ высылать ему требуемыя деньги. Заложивъ послѣднее, что у нихъ было, Засѣкины, наконецъ, уѣхали изъ Женевы, гдѣ неизвѣстно для чего прожили цѣлый годъ, и добрались до Петербурга; но тутъ оказалось новое препятствіе къ ихъ дальнѣйшему слѣдованію. Madame Засѣкина, всегда лѣнивая и ни во что не входившая, вдругъ рѣшительно объявила, что въ деревню она ни за что не поѣдетъ и останется въ Петербургѣ у Лиды и своего зятя Жоржа. Жоржу это предложеніе было съ руки, такъ какъ у госпожи Засѣкиной было свое, хотя заложенное, но недурное имѣніе, которымъ, къ счастью, не распорядился Константинъ Николаевичъ. Madame Засѣкина, поддерживаемая Жоржемъ, показала такую энергію, что генераль уступилъ.

Супруги, на старости лѣтъ, разстались, причеъ было рѣшено, что Зина *accompagne son père*. Зина не протестовала; не смотря на внутреннее убожество Константина Николаевича, она его любила, какъ любятъ иногда матери слабыхъ и убогихъ дѣтей, нуждающихся въ ихъ помощи. Измученная заграничною жизнью, гдѣ безрадостно протекали ея лучшіе годы, въ кочеваньѣ изъ города въ городъ, въ нелѣпыхъ представленіяхъ и въ постоянной заботѣ, гдѣ-бы достать денегъ?—она жаждала только спокойствія. Уже давно перестала она считать себя богатую; давно перешла черезъ всѣ унижительныя продѣлки людей, которыхъ преслѣдуютъ кредиторы; давно, тихонько отъ родителей, она работала за деньги, рисовала на фарфорѣ, на вѣрахахъ, раскрашивала фотографіи, чтобъ добыть себѣ хоть на обувь или перчатки, и нѣжный папаша (мамаша всегда была больна и ни во что не входила), зная, что кошелекъ его пустъ, никогда не полюбопытствовалъ узнать, откуда у дочери всегда чистыя перчатки и приличная обувь. Зина смотрѣла на Преображенское, какъ на мѣсто успокоенія, гдѣ можно будетъ не только не ѣздить на представленія къ принцамъ, но даже не носить

перчатокъ. И вдругъ это злачное мѣсто, куда стремились всея помыслы, этотъ уютный, деревенскій уголокъ, это монрепд, гдѣ, казалось ей, можно быть сытымъ молокомъ своихъ коровъ, хлѣбомъ своихъ полей и зеленью своего огорода, — оказывается громаднымъ, мрачнымъ домошъ, съ сорока- семью комнатами, гдѣ вставить однѣ битыя стекла будетъ стоять, по крайней мѣрѣ, полтора ста рублей и глѣ; только благодаря стараніямъ Марьи Васильевны, она могла накормить своего безпечнаго отца. Долше такъ жить представлялось невозможнымъ, и Зина рѣшилась заняться хозяйствомъ сама, и прежде всего осмотрѣть все и узнать, чтѣ у нихъ есть.

III.

На другой день, пока папаша еще спалъ, Зина, въ сопровожденіи Марьи Васильевны и благообразнаго Николая Григорьева, отправилась обзрѣвать хозяйство. Оказалось, что это было не такъ легко, какъ она думала. Чтобы дойти до скотнаго двора, — фермы, какъ величалъ его Константинъ Николаевичъ, — нужно было совершить цѣлое путешествіе, и путешествіе болѣе трудное, чѣмъ восхождение на нѣкоторыя изъ швейцарскихъ горъ. Пресловутая ферма находилась подъ горою въ полуверстѣ отъ палаццо. Чтобы дойти до нея, нужно было пробираться по узкой тропинкѣ, рискуя, при малѣйшемъ отклоненіи въ сторону, завязнуть по горло въ рыхломъ и уже подтаявшемъ снизу снѣгу. Путешественники, впрочемъ, достигли благополучно до фермы, только Зина потеряла одну калошу въ снѣгу и промочила ноги. Тѣ, чтѣ называлось фермою, было старое, полуразвалившееся, каменное строеніе, крытое соломой. Оно было расположено полукругомъ, а посрединѣ, Николай Григорьевъ, по приказанію Фрибера, иногда навъзжавшаго распорядиться горемычнымъ хозяйствомъ Преображенскаго, построилъ гумно, точно намѣреваясь, при легко возможномъ пожарѣ гумна, сжечь непремѣнно и скотный дворъ. Кругомъ всего строенія была глубокая канава, которая, наполняясь каждую весну водою, покрывала страшную сыростью всю нижнюю часть скотнаго двора и даже просачивалась внутрь. Зина насладились вполне зрѣлищемъ русскаго скотнаго двора весною; ничего подобнаго ей и во снѣ не грезилось. Въ низкомъ, темномъ, вонючемъ хлѣвѣ стояли, по колѣно въ грязи, топція, лохматыя коровенки, съ овечьими мордами. Всѣ онѣ, не смотря на овечьи морды, злобно

смотрѣли на вошедшихъ, а одна изъ нихъ, съ громаднымъ пятномъ грязи на боку и съ сломаннымъ рогомъ, загнувшимся и подвинулась къ Зинѣ.

— Барышня, отойдите подальше! забодаетъ! закричала старуха, — онѣ у насъ презлющія. Зина отшатнулась, хотя ей показалось невѣроятнымъ, чтобъ эта несчастная, чуть живая корова могла быть опасна.

— Самый злокачественный порочный скоть! проговорилъ Николай Григорьевъ, тоже осторожно отстраняясь отъ коровы.

— Будешь золь, коли съ голодухи бока подвело, сказала скотникъ въ овчинной шубѣ и рваной шапкѣ, почти такой же грязный, какъ и корова.

— Ну ты, стерва, чего засопѣла! продолжалъ онъ, тенью корову въ самую морду.

— Зачѣмъ же вы ихъ не кормите? спросила Зина краснѣя; ей было ужасно неловко говорить и съ скотникомъ, и съ Николаемъ Григорьевымъ.

— Мы ихъ кормимъ... для-че не кормите! только съ одной соломы, да и то почесь-то гнилой, сыты не будутъ. Ишь, какъ отошлала!

— Отчего онѣ такія хохлатыя? спросила Зина Марью Васильевну.

— Не вылиняли еще, барышня. Всякая скотина въ эту пору линяетъ.

— Отчего же за границей всѣ коровы такія большія, сытыя и гладкія? робко продолжала молодая хозяйка.

— Позвольте вамъ доложить, Зинаида Константиновна, вмѣшался Николай Григорьевъ, — что тамъ заведеніе совсѣмъ другое-съ, нормально, положительно другое; и кормъ не тотъ-съ, ну и образованность не та... тамъ всякій себя соблюдаетъ въ порядкѣ, ну и скотиной-съ дорожить.

Скотникъ ничего не отвѣчалъ на витѣватую рѣчь прикащика, только презрительно сплюнулъ на сторону и утеръ ротъ полою шубы.

Положеніе телятъ оказалось тоже далеко не блестящее. Ихъ было всего четыре, да и тѣ смотрѣли такими заморенными, что, по мнѣнію Николая Григорьева, нормально не годились на племя. Баба, которая ходила за ними, была грязнѣе соломы, на которой лежали бѣдные заморужи, и объявила, что одинъ теленокъ и на ножки не становится, потому что онѣ, должно быть, отморожены.

— Очепно холодно въ хлѣву-то, гдѣ коровы телятся, говорилъ она жалобнымъ голосомъ.

— Чего отморожены! онъ у тебя оболѣваетъ совсѣмъ, сказала Марья Васильевна, наклоняясь къ теляткѣ.

— А и то оболѣваетъ, подтвердила баба;—это ужъ восьменькій за нынѣшній годъ, продолжала она такимъ голосомъ, какъ будто такъ и быть должно и телята должны непремѣнно оболѣвать вскорѣ послѣ рожденія.

На птичій дворъ Зина не пошла, потому что тамъ птицъ не было.

— Индѣйки у насъ не ведутся, увѣрялъ прикащикъ,—а утки хоша и были, штукъ 20, можетъ и побольше, но таперича ни одной нѣтъ: молодыхъ лѣтомъ коршунъ заклевалъ, а старыхъ хоръ поѣла.

— Не ко двору, должно быть, намъ птицы, заключилъ онъ глубокомысленно,—вотъ куръ, если прикажете, завести можно.

— А развѣ и куръ нѣтъ? спросила Зина.—А это какія-же? продолжала она, показывая на куръ, которыя бродили по двору.

— Мои собственныя, отвѣчалъ Николай Григорьевъ, и его апостольскій ликъ какъ будто слегка зарумянился,—осмѣлюсь предложить вамъ на заводъ, Зинаида Константиновна, пару курочекъ и цѣтушка, отличныя, ублюдки отъ кохинхинскихъ.

— Что же онѣ стоятъ?

— Помилуйте-сь, вы меня обижаете, это отъ иссереннаго сердца-сь!

— Берите! на вашемъ же зернѣ откормлены, шепнула Зинѣ Марья Васильевна.

— Благодарю васъ, отвѣчала Зина,—но кто же будетъ ходить за ними?

— Да какой же уходъ? помилуйте! тутъ же съ моими находиться будутъ, а вы-сь, прогулки ради, завернете когда, да изъ своихъ ручекъ ихъ хлѣбцомъ покормите.

Зина невольно улыбнулась, ей показалось, что благообразный прикащикъ смотреть на нее, какъ на дурочку, которую можетъ утѣшить и занять кормленіе курочекъ изъ собственныхъ барскихъ ручекъ.

Лошадей она тоже не пошла смотрѣть. Марья Васильевна сказала, что это не женское дѣло; да и смотрѣть-то было нечего, всего только и было шесть лошадей, да и тѣ рабочія. Правда, она видѣла на дворѣ очень сытую лошадь, запряженную въ маленькія крашенныя санки, но ей сказали, что эта лошадь прикащика.

Масла оказалось всего два пуда и то такое грязное, что даже Марья Васильевна, не отличавшаяся опрятностью, ссылась на бабу, которая завѣдывала молочнымъ хозяйствомъ, ту же самую, что морила телятъ.

— Еще по зимѣ масло все продано, вступился Николай Григорьевъ, — а теперь, извѣстно, какіе же скопы? надо Петровокъ дожидаться. Вотъ, Богъ дастъ, коровки въ поле пойдутъ, тогда и масло будетъ.

Баба такъ обрадовалась заступничеству приеащика, что пронзительнымъ и жалобнымъ голосомъ затараторила:

— Я и то, кажется, изъ всѣхъ силъ стараюсь, масла господскаго и скуса не знаю — лопни мои глаза!...

Зины давно уже не было не только въ молочной, но и на дворѣ фермы, а баба все еще продолжала «ротиться и кляться».

За утреннимъ кофеемъ, Константинъ Николаевичъ очень неохотно выслушалъ рассказъ дочери о ея хозяйственныхъ впечатлѣніяхъ и отвѣчалъ на все своею обыкновенною фразою: что совсѣмъ не стоитъ такъ волноваться изъ пустяковъ, и что все, съ помощью Божіею, какъ-нибудь устроится и обдѣляется.

И онъ былъ правъ. Все дѣйствительно понемножку устроилось, но какъ? это другой вопросъ? Даже явились деньги: продали двухъ бычковъ и двухъ яловыхъ коровъ, ростомъ съ полугодоваго швейцарскаго теленка; освѣжвали теленка-сосунка, и генеральское семейство на нѣсколько времени было спасено отъ голода. Видно права была Марья Васильевна, говоря, что въ своемъ углу все лучше.

IV.

Время въ Преображенскомъ шло такъ же скоро, можетъ быть даже скорѣе, чѣмъ въ самомъ многолюдномъ городѣ; чѣмъ однообразнѣе жизнь, тѣмъ она летитъ быстрѣе, все одно и то же: — тѣ же предметы, тѣ же люди, тѣ же занятія, тѣ же разговоры, даже тѣ же мысли, а между тѣмъ незамѣтно проходятъ дни, мѣсяцы и годы... Скучно! невыносимо скучно! а не видишь какъ время идетъ.

Быстро наступила та пора, что зовется на Руси бездорожицей, когда не только на саняхъ или на колесахъ, но и пѣшкомъ-то съ грѣхомъ пополамъ пройдешь. Преображенское очутилось словно на островѣ; но Зину это радовало, потому что чужалась близость вѣчно юной, вѣчно грязной и вѣчно нетерпѣ-

ливо ожидаемой русской весны. Кто не живалъ въ это время въ деревнѣ, тотъ не можетъ понять этого томительнаго, почти болѣзненнаго ожиданія, которое овладѣваетъ человѣкомъ, прошедшимъ восемь мѣсяцевъ въ закупоренныхъ комнатахъ, съ замерзшими окнами, сквозь которыя, въ маленькія, оттаявшія отверстія, видны лишь сѣрое небо и необозримыя поля, покрытыя, точно саваномъ, снѣгомъ, по которымъ со свистомъ гуляетъ метель. Домъ Засѣкиныхъ зимою былъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ. Построенный итальянцемъ на манеръ палаццо, онъ былъ тщательно обереженъ отъ солнца, такъ что отъ сентября до марта въ его парадныхъ комнатахъ никогда не свѣтило солнце, и только въ самые длинные лѣтніе дни, при закатѣ, косые лучи его проникали въ гостиную. На солнечную сторону выходила только галерея, гдѣ стоялъ бюстъ дѣдушки, но галерея эта была холодная и поэтому зимою ею никто не пользовался, а лѣтомъ въ ней было такъ жарко, что не было возможности пробыть тамъ даже четверть часа.

Изъ оконъ Зининой комнаты открывался очень обширный и даже красивый видъ на села, деревни и церкви, которыхъ можно было насчитать до пятнадцати; но зимою, это огромное пространство, занесенное снѣгомъ, было такъ же мрачно и печально, какъ и все остальное.

Въ началѣ апрѣля, по бѣлому снѣжному пространству начали выступать темныя проталины, слетѣлъ съ деревьевъ иней, закаркали вороны и грачи на высокихъ липахъ, которыя росли подъ самыми окнами, и Зина, каждый день утромъ, вставъ съ постели, бѣжала къ окну, чтобъ посмотреть, — больше-ли сдѣлалось пятенъ на этомъ бѣломъ пространствѣ. Никогда еще такъ жадно и такъ нетерпѣливо не ждала она весны; эта весна казалась ей избавленіемъ отъ неволи и заточенія въ этомъ мрачномъ домѣ, съ постояннымъ воемъ вѣтра, который гулялъ безпрепятственно по его полуразрушеннымъ коридорамъ и многочисленнымъ комнатамъ съ выбитыми стеклами. Не смотря на свои 23 года, Зина первый разъ въ жизни встрѣчала весну въ деревнѣ, и она съ нетерпѣливымъ любопытствомъ ждала, что сдѣлается весною съ этими мертвыми, бѣлыми полями, съ этими громадными сугробами снѣга, которые были выше каменной ограды на дворѣ, покрывали всѣ кусты въ саду и доходили до половины высокихъ деревьевъ. Въ томъ году весна стала ранняя и теплая; она вознаградила себя потомъ морозами въ маѣ, но въ апрѣлѣ Зина не узнала мрачнаго Преображенскаго. Быстро, почти на глазахъ, исчезли снѣжные сугробы;

съ терасы, по дорожкамъ, весело бѣжали ручьи воды; быстро посинѣлъ и растаялъ ледъ на прудѣ, зачирывали воробьи на фермѣ, заворковали голуби на чердакѣ, надъ самымъ окномъ Зины, и ослѣпительное апрѣльское солнце заиграло на цвѣтныхъ окнахъ галереи, позолотило бюстъ дѣдушки и красивыми призмами отразилось на стѣнахъ, расписанныхъ въ помпеевскомъ вкусѣ. Но это продолжалось недолго; опять въ кабинетѣ опустился старый барометръ, пережившій нѣсколько поволеній, опять сѣрыми тучами заволокло небо, пошелъ снѣгъ и закрылъ всѣ проталины, которымъ такъ радовалась Зина. Русский май, по пословицѣ: «мѣсяць май—коню корма дай, а самъ на печь ступай», далъ знать себя, со всѣми своими прелестями—морозомъ, снѣгомъ и, наконецъ, невылазною грязью; но къ счастью есть конецъ всему и даже русской бездорожицѣ, и въ концѣ мая все зеленѣло въ Преображенскомъ, только одни дубы стояли еще черными, но и на нихъ уже начинали розовѣть почки.

V.

Теплый и тихій лѣтній вечеръ спустился на землю; солнце садилось за высокими деревьями парка; одинокая звѣздочка загорѣлась надъ лиственницею, которой стройный, темный силуэтъ вырѣзывался на свѣтлой листвѣ серебристаго тополя; а изъ густыхъ кустовъ на островѣ неслась громкая, неумолкаемая пѣсня соловья. Небольшое общество собралось на балконѣ Преображенскаго дома. Въ первый разъ пили чай на воздухѣ, и генералъ съ увлеченіемъ рассказывалъ Васинькѣ, который слушалъ его разсѣянно, о прежнемъ величій и богатствѣ Засѣиныхъ. Изъ гостиной, въ растворенную дверь, неслась чья-то быстрая и смѣлая импровизація на маленькомъ кабинетъ-роялѣ, взятомъ на прокатъ у Рибера.

— А вѣдь Никита мастеръ играть, сказалъ Васинька, не слушая Константина Николаевича,—браво! браво, топ шег! и онъ захопалъ своими длинными руками. Музыка тотчасъ-же смолкла, и на порогѣ гостиной появился высокій и стройный молодой человекъ.

— Васинька, пора ѣхать! сказалъ онъ обращаясь къ Величковскому.

— Точно пора, заторопился Васинька вставая; онъ былъ на этотъ разъ не въ высокихъ сапогахъ, а въ какихъ-то не-

возможныхъ гетрахъ, кое гдѣ застегнутыхъ на пуговкахъ, кое-гдѣ связанныхъ веревочками. Молодой человѣкъ, котораго звали Никитой, былъ въ высокихъ сапогахъ и коротенькомъ пальто, подпоясаннымъ ремнемъ, но этотъ нарядъ очень шелъ къ его стройной и юношески тонкой фигурѣ, тогда какъ Васинька и въ гетрахъ, и въ пальто, тоже подпоясаннымъ ремнемъ, всетаки напоминалъ жидка.

— Ну опять на охоту! проговорилъ Засѣкинъ недовольнымъ голосомъ. Ему хотѣлось рассказать Никитѣ то, что онъ несчетное число разъ уже рассказывалъ Васинькѣ.

— Нельзя, дядя Костя, никакъ нельзя! теперь самое лучшее время; въ этакой вечеръ тяга будетъ великолѣпная.

— *Restez vous au poins!* сказалъ генераль, взявъ за рукавъ молодаго человѣка.— Никогда не повѣрю, чтобъ музыкантъ могъ быть охотникомъ; все это хорошо для такихъ шалберовъ, какъ онъ! и генераль показалъ на Васиньку.

— Увѣряю васъ Константинъ Николаевичъ, что я страстный охотникъ, отвѣчала Никита.

— Никогда не повѣрю; Зина, вѣдь да?

— Не знаю папа, мнѣ кажется, что еслибъ я была мужчиною, я тоже любила бы охоту, только не для охоты.

— А для чего же Зинаида Константиновна? спросилъ молодой человѣкъ съ такою живостью, какъ будто отъ отвѣта Зины зависѣла его участь.

— Для лѣса, сказала она просто,— теперь должно быть такъ хорошо въ лѣсу, и она улыбнулась своею милою, дѣтскою улыбкою.

— *Qu'a cela ne tiennent,* сказалъ Васинька, — поѣдемте съ нами.

Зина взглянула вопросительно на отца.

— Вздорь!... куда ей ѣхать? отвѣчалъ Засѣкинъ, — еще ноги промочить, простудится.

— Въ такую погоду? умоляющимъ голосомъ сказалъ Никита.

Засѣкинъ только посмотрѣлъ на него, точно хотѣлъ сказать: «ты-то чего суешься?»

Зина отвернулась, чтобъ скрыть свое покраснѣвшее лицо и пристально стала смотрѣть куда-то вдаль.

— Какой вы, однако, деспотъ, дядя Костя! сказалъ Васинька, протягивая руку Зинѣ;— а вамъ, кузина, кажется очень хочется ѣхать? прибавилъ онъ лукаво.

— Нисколько, отвѣчала Зина спойно и даже строго взглянувъ на Васиньку, — здѣсь такъ же хорошо, какъ въ лѣсу... ѣ

тому же мы ждемъ эту ночь Лили съ дѣтьми, надо все приготовить къ ихъ прїѣзду. Она быстро встала и даже не взглянувъ на Никиту, котораго оживленное лицо вдругъ стало серьезно при словахъ Зины что она ждетъ Лили, пошла съ балкона.

— Ну чего же вы задумались? поѣдемте! сказалъ Васинька. Никита незамѣтно вздохнулъ, но тотчасъ же улыбнулся, взглянувъ на Васинькины гетры, бросился въ переднюю, сбѣжалъ по лѣстницѣ и въ ту минуту, когда Васинька появился на крыльцѣ, уже сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ необыкновенно худую, рыжею лошадыю, въ рваномъ хомутѣ.

— Ноги-то, ноги-то подберите, говорилъ Васинька, садясь верхомъ на дрожки, впереди Никиты,—ишь какія они у васъ длинныя.

— Признакъ породы! отвѣчалъ юноша, смѣясь и показывая свои удивительные зубы.

— Туда же о породѣ толкуеть... подумалъ Васинька,—а Богъ знаетъ его породу по отцу. (Мать Никиты приходилась родственницей Величковскимъ).

— У меня тоже длинныя, батюшка, не удивите, говорилъ онъ, подбирая свои палки въ гетрахъ. Онъ ударилъ возжами лошады; и она, брыкнувъ сначала, бодро повеселась отъ крыльца къ воротамъ.

— Кровь-то! кровь-то что значить! говорилъ Васинька, показывая на лошады.—Степь-то родная матушка!...

— Отчего она такая худая?

— Худая! много вы понимаете; донскія лошады никогда не бывають жирны, я ее съ Кавказа привелъ.

— Но всетаки... вѣдь на ней только кожа да кости и, кажется, она разбита на всѣ четыре ноги.

— Ничего вы не смыслите, замѣтилъ уже съ досадою Васинька, сбѣзжая съ горы и заворачивая налево, по дорогѣ, которая вела къ лѣсу.

Дорога была одна сплошная рытвина; справа и слѣва чернѣли поля, уже поднятыя подъ яровое. Колеса дрожекъ безпрестанно попадали въ колеи и Никита, то валился на сторону, цѣпляясь своими длинными ногами за колеса, то невольно хватался за ружье Васиньки.

— Ружья не трогать! недовольнымъ голосомъ проговорилъ Величковскій,—сейчасъ видѣнъ городской житель, на бѣговыхъ дрожкахъ сидѣть не умѣеть. И чего вы тамъ все возитесь? си-

дите смирно! Если вы у меня такъ на тягѣ будете воняться, такъ я, ей Богу! васъ больше никогда съ собой не возьму.

— **Васинька, голубчикъ, не сердитесь, захохоталъ Никита,** — чѣмъ же я виноватъ, что у васъ невозможныя дороги?

— Здѣсь не могутъ быть хорошія дороги.

— Это отчего?

— Оттого, что здѣсь хорошая земля. Хорошія дороги бываютъ только тамъ, гдѣ дурная почва, песокъ и суглинокъ.

Въ отвѣтъ на это неожиданное объясненіе Никита такъ громко захохоталъ, что даже кровная лошадь вздрогнула и побѣжала скорѣе.

— Какой вы еще ребенокъ! продолжалъ Васинька, съ трудомъ сдерживая лошадь, которая неудержимо неслась подъ гору.— Дальше Петербурга нигдѣ не были и воображаете, что здѣсь можетъ быть такое же шоссе, какъ въ царскосельскомъ паркѣ.

— Не шоссе, но хоть какая нибудь дорога, а здѣсь ея совершенное отсутствіе, эту дорогу баба клюкою намѣчала.

— Намѣчала! ну кто такъ говоритъ?

— А какъ же?

Въ это время лошадь сама вдругъ остановилась передъ мостикомъ, гдѣ не доставало нѣсколькихъ бревушекъ.

— Ну какъ же мы переѣдемъ теперь? спросилъ Никита, спрыгивая съ дрожекъ.— Дикая, совсѣмъ дикая страна!.. какъ здѣсь живутъ—не понимаю!

— А вотъ такъ, какъ вы видите. Садитесь, мы сейчасъ переѣдемъ.

Васинька повернулъ направо, въ самую канаву, и ударилъ лошадь, она дернула, дрожки чуть не опрокинулись, ноги Никиты окунулись въ воду до колѣнъ, Васинькины—лежали почти на спинѣ лошади... но они благополучно достигли противоположнаго берега.

— И вы по такой дорогѣ звали съ нами Зинаиду Константинову? сказалъ Никита.

— А что-жъ? отлично бы проѣхала, здѣсь всѣ такъ ѣздятъ; а пргорос, знаете что со мною разъ было, еще въ первое время, какъ я въ отставку вышелъ и поселился въ деревнѣ. Ъду я точно также на бѣговыхъ дрожекахъ, недалеко отсюда, вижу—мостъ... я на него,—мостъ подо мною и провалился... къ счастью невысоко было; а мужикъ въ это время преспокойно пашетъ и

кричить мнѣ: «А еще баринъ называется, такъ на мостъ и преть! кто-жъ по мостамъ ѣздить?»

— Позвольте, мнѣ сегодня Константинъ Николаевичъ рассказывалъ этотъ анекдотъ и говорилъ, что это съ нимъ было.

— Вздоръ! это онъ отъ меня слышалъ.

— Впрочемъ и вы мнѣ рассказываете это уже во второй разъ; вы повторяетесь, Васинька... А славная дѣвушка эта Зинаида Константиновна, продолжалъ онъ вдругъ совершенно неожиданно,—такая симпатичная.

— Ужъ не влюбились ли вы въ нее, юноша?

Никита покраснѣлъ и нахмурился.

— Съ чего вы это взяли? сказалъ онъ сердито.

— Не понимаю, что у васъ за вкусъ? продолжалъ Васинька,— въ ней нѣтъ, по моему, ничего хорошаго!

— Много вы понимаете послѣ этого. Да въ ней все хорошо!

— Что же это все?

— Во первыхъ, нога; такихъ ногъ, батюшка, я не видывалъ, а это, по моему, главная прелесть въ женщинѣ!

— О! о! вотъ вы какъ!..

— Во вторыхъ, рука, длинная, узкая, блѣдная, точно рука герцогини; хотя я никогда не видалъ герцогини, но думаю, что у нихъ, именно такія руки. Знаете вы портретъ какой-то дамы, въ Куселевской галереѣ, еще она перчатку надѣваетъ?... Я былъ влюбленъ въ этотъ портретъ; а у Зины именно такая рука...

— Все это вздоръ! у нея нѣтъ главнаго:—жизни въ ней нѣтъ! этого *air fix'a*. Ваяла она какая-то.

— Да это-то и прелестно.

— Что жизни-то нѣтъ?

— Это вамъ такъ кажется, потому что въ ней нѣтъ кривлянья и жеманства... и онъ вдругъ запѣлъ: «И ночь, и любовь, и луна!», и точно въ отвѣтъ на его молодой и звучный голосъ, въ лѣсу защебкала соловей.

— Ну слѣзайте, пріѣхали, сказалъ Васинька,—и хотя у васъ прекрасный голосъ, я прошу васъ теперь не пѣть и стоять смиренно.

— Досадно, проворчалъ Никита,—а мнѣ такъ хотѣлось попробовать у кого легкія сильнѣе, у меня, или у этого господина. Онъ показалъ на кустъ, откуда звонко лилась пѣснь соловья.

— Пш... летить! тихо отвѣчалъ на это Васинька, взводя буреи.

VI.

— И откуда Васинька досталъ этого итальянца? говорилъ Константинъ Николаевичъ, все еще сидя на своемъ балконѣ.

— Онъ вовсе не итальянецъ, папа, отвѣчала Зина, собиравшая чайную посуду на поднось, который, съ мрачнымъ и недовольнымъ видомъ, держалъ передъ нею Герасимъ. — Отецъ его былъ художникъ, извѣстный архитекторъ, а по матери онъ родня Величковскимъ.

— Какая нибудь седьмая вода на киселѣ, замѣтилъ Засѣвинъ, — и откуда онъ явился? зачѣмъ онъ здѣсь?

— Развѣ вы не помните, что Васинька пригласилъ его къ себѣ на лѣто; онъ еще рассказывалъ вамъ, что отецъ его не имѣлъ никакого состоянія; хотя при жизни онъ много зарабатывалъ, но все проживалъ и, послѣ смерти, оставилъ вдову и четверыхъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни. Мать его получила какое-то мѣсто, кажется классной дамы, сестры гдѣ-то гувернантками, а самъ Никита учится въ консерваторіи и даетъ уроки музыки.

Засѣвинъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Онъ дворянинъ?

— По матери — да, папа; я говорю вамъ, что онъ родня Величковскимъ.

— Всякая, матушка, бываетъ родня! Классная дама... сестры гувернантки... *pas grande chose!*

Зина посмотрѣла на отца и подумала:

«Чтобы онъ сказалъ, еслибъ я отвѣтила, что мнѣ предстоитъ, вѣроятно, та же участь, и что я буду очень рада получить мѣсто классной дамы, если только мнѣ дадутъ его.

— Онъ поетъ, говорятъ, этотъ Нѣмчиновъ?

— Лачиновъ, папа!

— Ну, все равно! ты знаешь я всегда забываю фамиліи.

— Поетъ... и даже очень хорошо!..

— Знаешь, что я думаю, Зина? не предложить ли этому Дѣмчинову давать уроки Нинишѣ, вѣдь у нея, какъ пишеть Лили, премиленькій голосъ.

— Не знаю, папа, это какъ Лили захочеть.

— Очень, очень буду радъ ихъ видѣть! продолжалъ генералъ, вдругъ переходя въ минорный тонъ: — пусто какъ-то безъ нихъ.

Засѣвинъ, который семь лѣтъ пробылъ за границую и почти не зналъ своихъ внучатъ, вдругъ вообразилъ, что онъ сильно любить дѣтей своей Лили, и продолжалъ уже растроганнымъ голосомъ:

— Жаль только, что папа ни за что не захотѣла пріѣхать: боится здѣшнихъ дорогъ и вообще деревни; трусиха твоя папа, Зина, а предобрая, окончилъ онъ совершенно неожиданно.

— Подумала ли ты обо всемъ? продолжалъ онъ уже спокойнымъ голосомъ, — все ли тамъ хорошо въ отдѣленіи Лили? Пойти посмотрѣть.

— Не безповайтесь, папа, мы съ Марьей Васильевной все приготовили.

— Ну спасибо, спасибо, Зинуша; и Марью Васильевну поблагодари отъ меня, она вѣдь предобрая эта старая слуга; нынѣшніе никогда не будутъ имѣть этой преданности къ господамъ, никогда! Лили, можетъ быть, имѣетъ привычку пить чай у себя; пожалуйста распорядись, чтобъ къ ней послали чай или кофе, когда она спроситъ.

— Да, папа.

Зина, хотя, повидимому, согласилась съ отцомъ, но очень хорошо знала, что ничего этого не будетъ, такъ какъ нѣтъ особеннаго сервиза, да и носить чай некому, потому что Герасимъ на отрѣзъ отказался отъ прибавленія службы, безъ прибавки жалованья. Она знала, что комнаты, приготовленныя для Лили, были совершенно пустыя, неудобныя комнаты въ нижнемъ этажѣ, очень большія, но отъ этого еще болѣе некомфортабельныя, съ когда-то крашенными стѣнами неопредѣленнаго, грязно голубаго цвѣта, и съ поломъ, который насилу отмыли, такъ онъ былъ запущенъ, да и то вымыли нехорошо, потому что, по словамъ Марьи Васильевны, преображенскія бабы и пола-то не умѣютъ вымыть какъ слѣдуетъ, а у себя избу метутъ только къ свѣтлому празднику. Въ апартаментахъ Лили стояли простыя деревянные кровати, которыя качались и грозили паденіемъ, когда, лежа на нихъ, приходила охота повернуться. На этихъ кроватяхъ лежали перины, вытатенныя Марьей Васильевною изъ громадныхъ старыхъ сундуковъ, которые стояли въ театральномъ залѣ; въ старомъ домѣ было и театральное зало, пріютъ голубей, пометъ которыхъ сплошь покрывалъ полъ, карнизы и на половину выбитыя стекла. Подушки были маленькія и такія жиденькія, что только послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей, и то въ молодые годы, можно было уснуть на нихъ. Остальное все

было въ томъ же родѣ. Въ спальнѣ Лили стоялъ ясневый, старый туалетъ, съ котораго уже давно сошла политура, и съ ящиками, изъ которыхъ ни одинъ не замыкался. Зеркало въ туалетѣ было все исцарапано, да еще показывало все криво, такъ что, глядя въ него, каждый удивлялся своей фizioномiи. Зина и Марья Васильевна потратили много труда, чтобы сдѣлать мало-мальски обитаемымъ это неприглядное жилище. Зина скропила изъ старой юбки чехоль на простой, деревянный столъ и, въ знакъ вниманiя къ красотѣ Лили, передъ которою она съ дѣтства привыкла преклоняться, пришила на углахъ розовые бантики. Марья Васильевна достала изъ сундуковъ старенькіе коврики, на половину изъѣденные молью; въ бокалы для шампанскаго поставили букеты изъ нарцисовъ, которыхъ было множество въ саду, накурили одеколономъ, растворили окна въ садъ, откуда понесло запахомъ сирени—и Зина подумала, что Лили останется довольна.

Фриберъ, который имѣлъ вездѣ знакомства, упросилъ управление желѣзной дороги остановить поѣздъ противъ самаго Преображенскаго; при этомъ случаѣ онъ, разумѣется, много нахваталъ про свое знакомство съ сильными міра сего, но цѣль была достигнута и въ два часа ночи, когда генераль уже засыпалъ на диванѣ въ гостиной, пронзительный свистъ выпускаемаго пара возвѣстилъ о приближенiи поѣзда.

— Посланы ли экипажи? засуетился генераль, вставая съ дивана.

— Тарантасъ уже давно тамъ дожидается, папа, отвѣчала Зина съ балкона.

Ночь была такъ тиха и тепла, что она просидѣла тамъ все время. Соловей пѣлъ не переставая, звѣзды гасли одна за другою... она слышала, какъ проѣхали, возвращаясь съ охоты, Васинька съ Никитой, слышала смѣхъ послѣдняго, и ей стало вдругъ невыразимо грустно, точно этотъ беззаботный, юношескій смѣхъ вызвалъ въ ней не то чувство зависти, не то жалости къ своей безрадостной жизни. Зина съ тревогою и даже какъ будто со страхомъ ждала прiѣзда сестры; для нея Лили казалась олицетворенiемъ всевозможной прелести и изящества, и она боялась, что ей покажется у нихъ безпокойно, зеуотно и скучно. Съ самаго ранняго дѣтства она привыкла видѣть въ Лили, которая была старше ея восемью годами, какое-то особенное существо, созданное для того, чтобъ его любили, баловали и поклонялись ему. Красивѣе Лили для Зины не существовало никого на свѣтѣ. Ей было десять лѣтъ, когда Лили выходила замужъ, и восхи-

тительный образъ высокой, стройной, бѣлокурой и бѣлоснѣжной дѣвушки, въ бѣломъ платьѣ и бѣломъ кружевномъ вуалѣ, и теперь, спустя 12 лѣтъ, стоялъ передъ нею, какъ живой. Потому она видѣла Лили очень рѣдко, такъ какъ мужъ ея служилъ въ провинціи, а когда Фриберъ перешелъ на службу въ Петербургъ, то Засѣкины уѣхали за границу; когда же онѣ свидѣлись въ Петербургѣ, послѣ семилѣтней разлуки, Зинѣ показалось, что между этою прелестною, такою же стройною, но съ какими-то загадочными глазами, женщиною и ея прежнею, идеальною Лили, не было уже ничего общаго. Не рѣшаясь осуждать Лили даже мысленно, она не могла, однако, не сознаться, что отношенія ея къ мужу были какія-то странныя, которыхъ, впрочемъ, не замѣчалъ никто, кромѣ ея.

«Конечно, любить Фрибера нельзя, думала Зина, — но зачѣмъ же это презрѣніе, которое я ясно читаю въ ея глазахъ, когда она взглядываетъ на него? вѣдь онъ всетаки отецъ ея дѣтей? Папа, конечно, этого не замѣчаетъ; онъ мнѣ столько разъ повторялъ, что Лили очень счастлива и очень любитъ своего мужа. Нѣтъ, у счастливыхъ женщинъ не бываетъ этого разсѣяннаго, скучающаго взгляда; женщина, которая любитъ мужа, не можетъ такъ глядѣть на него. Они никогда не ссорятся, это правда; но мнѣ кажется, что никогда не ссорятся между собою только тѣ, кто или равнодушны, или ненавидятъ другъ друга. Неужели же Лили?..»

— Зина, пріѣхали! раздался голосъ Константина Николаевича.

Зина вздрогнула, точно съ просонья, вожочила со стула и быстро побѣжала въ переднюю. На лѣстницу уже всходила высокая, молодая женщина, въ коричневомъ платьѣ и коричневой же круглой фетровой шляпкѣ съ перомъ. Въ этомъ нарядѣ, прозрачная бѣлизна Лили была еще замѣтнѣе. Чтò особенно поражало въ этой 30-ти-лѣтней женщинѣ, матери двухъ дѣтей, это необыкновенное, какъ бы дѣвственное выраженіе ея лица, и только очень опытный наблюдатель замѣтилъ бы что-то странное и загадочное въ выраженіи ея большихъ темно-сѣрыхъ глазъ, которые, казалось, говорили вамъ: «ты ничего не узнаешь, моя душа замкнулась и ключъ потерянь». Она вела за руку красиваго мальчика лѣтъ 9-ти, поразительно похожаго на мать, только глаза у него были черные, съ такимъ же загадочнымъ выраженіемъ.

За Лили шла дѣвочка лѣтъ 12-ти, худенькая, высокая, смуглая и некрасивая, тоже съ большими черными глазами;

за нею гувернантка, худоцавая женщина среднихъ лѣтъ, съ недурнымъ, но истощеннымъ лицомъ французскаго типа, а сзади ихъ господинъ средняго роста, съ совершенно неподвижнымъ лицомъ, въ пледъ и круглой мягкой шляпѣ.

— Гувернантка Ниниши, m-lle Reggasse, сказала Лили, послѣ первыхъ лобзаній, показывая на французженку;—а это Иванъ Михайловичъ Васильевъ, учитель Вики, прибавила она, поглаживая на господина въ пледѣ.

— Господи! орава-то какая! подумала Марья Васильевна, подходя къ ручкѣ молодой барыни и недружелюбно оглядывая наставниковъ,—чѣмъ только мы ихъ кормить будемъ?

— Пара! je tombe de fatigue, сказала Лили отцу, на его приглашеніе напиться чаю, который былъ приготовленъ въ столовой,—дѣти могутъ остаться, а Зина сведетъ меня въ мою комнату.

— Хорошо, душа моя, дѣлай какъ знаешь, и Засѣкинъ опять обнялъ дочь, крѣпко прижимая ее къ сердцу и цѣлуя въ голову.—Если хочешь—чай принесутъ тебѣ въ твою комнату.

— Нѣтъ, право, я ничего не хочу.

— Ну, какъ знаешь. И опять начались лобзанія, Засѣкинъ былъ вообще большой до нихъ охотникъ.—Venez, mademoiselle, продолжалъ онъ, галантно пропуская впередъ себя французженку:—*Tout ceci doit vous paraître un peu mesquin après la capitale.*

— *Comment monsieur? mais c'est splendide! un vrai château!* отвѣчала m-lle Reggasse, оглядывая съ любопытствомъ огромные размѣры залы, гдѣ стоялъ накрытый столъ.

— Дѣда! отчего у васъ такіе рваные обои? спрашивалъ между тѣмъ Вика.

— Скоро новые будутъ, голубчикъ! я уже выписалъ.

— Тебя, Вика, никто не спрашиваетъ, проговорила Ниниша;—дѣда! продолжала она нѣсколько жеманно, обращаясь къ Константину Николаевичу—вѣрно вы выписали такіе, какъ теперь дѣлаютъ? вотъ какъ у насъ въ столовой?

— *Cette vétusté me plaît,* тараторила французженка, оглядывая стѣны,—*elle a du cachet!*

— «Очень умная», подумалъ Константинъ Николаевичъ и, подсѣвъ къ мадемуазель Перрасъ, сталъ ей рассказывать на томъ французско-петербургскомъ нарѣчьи, какимъ говорили въ его время, о величій и богатствѣ рода Засѣкиныхъ и о тѣхъ улучшенияхъ и украшенияхъ, которыя онъ думаетъ произвести въ домѣ и вообще въ усадьбѣ. Дѣти, потчиваемыя Марьей Ва-

сильевой, усердно уплетали чай и молоко, а господинъ Васильевъ, хотя не проронилъ ни одного слова, презрительно поглядывая на барскіе обветшалые покровы, тоже преисправно ѣлъ за двоихъ, такъ что даже поразилъ ключницу громадностью своего аппетита.

— Ну что же, привыкла ты здѣсь, Зина? не скучаешь? спрашивала Лили, сидя передъ ясеневымъ туалетомъ съ кривымъ зеркаломъ, и расчесывая свои длинные, свѣтло-каштановые волосы.

— Какъ тебѣ сказать? отвѣчала Зина, не сводя глазъ съ сестры и стараясь прочесть на ея лицѣ, какое впечатлѣніе дѣлаетъ на нее вся эта обстановка.—Ты знаешь, я не избалована и потому никогда не скучаю.

— А ты думаешь, что скучаютъ только избалованныя? Такія какъ я, напримѣръ? И она, улыбаясь, посмотрѣла на Зину.

— Помилуй, Лили, я и не думала, отвѣчала Зина, краснѣя.

— Нѣтъ, ты это думала; зачѣмъ отпираться, ты думала:— «вотъ женщина, счастливая, обеспеченная, свѣтская... ей вѣрно скучно будетъ у насъ, въ нашемъ захолустьѣ?» и не мудрено, что ты это думала, вѣдь ты меня совсѣмъ не знаешь? Я сейчасъ замѣтила, что ты чѣмъ-то стѣсняешься, что ты какъ будто, не то что недовольна, но и не совсѣмъ рада моему пріѣзду, да еще съ такою свитой.

— Лили! какъ ты можешь это думать!

— *Ras de grimaces, chère...* оставимъ ихъ нашимъ родителямъ; вы въ очень стѣсненномъ положеніи; я знаю отца, *c'est un raiéer persé*.

Зину немножко поворобило отъ послѣдняго выраженія.

— Въ такомъ случаѣ... сказала она.

— Ты хочешь сказать, перебила ее Лили,—зачѣмъ, зная все это, я къ вамъ пріѣхала? Дѣтамъ необходимъ деревенскій воздухъ... но будьте покойны, я сказала Фриберу, что ни за что не хочу жить на счетъ папѣ.

— Неужели ты думаешь, сказала Зина, вся вспыхнувъ,— что папа допуститъ, чтобъ ты принимала его домъ за гостиницу.

Лили засмѣялась.

— Ахъ какая ты смѣшная, Зина: «папа не допуститъ», да онъ уже допустилъ, и даже, скажу тебѣ болѣе, въ бытность вашу въ Петербургѣ, взялъ у мужа 200 рублей. Конечно—въ долгъ, но въ сущности въ видѣ задатка за наше дѣтнее пребываніе въ Преображенскомъ.

Зина ничего не отвѣчала, она чувствовала какое-то щеко-таніе въ горлѣ; никогда еще бѣдность не казалась ей такъ уни-зительна, какъ теперь, слушая безцеремонную рѣчь этой изящ-ной, красивой Лили, идеала ея дѣтства и ранней молодости.

— Лили, ради Бога! могла только проговорить бѣдная дѣ-вушка.

— Ты совершенный ребенокъ! отвѣчала Лили, взглянувъ на Зину и понявъ, что она зашла слишкомъ далеко.—Ты не знаешь жизни, и принимаешь все *au tragique*. Мы съ мужемъ знаемъ ваше тяжелое положеніе; вспомни же, что я вамъ не чужая... вѣдь твой отецъ также и мой; что же мудренаго, что мы хо-тимъ помочь ему, а не быть вамъ въ тягость. Съ какой же стати вы должны кормить и содержать всѣхъ насъ... наши средства больше вашихъ; это было бы неделикатно съ нашей стороны, а съ вашей—прости за выраженіе, было бы даже глупо обижаться и великодушничать.

— Лили, полно объ этомъ; можетъ быть я не знаю жизни, но мнѣ хотѣлось, чтобы наши отношенія...

Она запнулась.

— Ты хотѣла, чтобъ наши отношенія были дружескія; по-чему же нѣтъ, я очень рада!

— Да, но ты начала съ денежныхъ расчетовъ.

— Съ нихъ всегда слѣдуетъ начинать, денежные расчеты должны быть ясны; а чувства... это ужъ потомъ...

— Прощай, Лили! ты, конечно, устала.

— *Sans galcine, n'est ce pas?*—и Лили притянула къ себѣ Зину и поцѣловала ее,—какая ты еще романическая! И она зѣвнула.—Завтра ты мнѣ покажешь ваше абатство. *Un vrai nid d'hibou!* проговорила она, осматривая своды своей комнаты, когда дверь затворилась за Зиной.

VII.

Въ восьми верстахъ отъ Преображенскаго находилась усадьба Васиньки Величковскаго, Старое Городище. Былъ ли тутъ когда нибудь въ самомъ дѣлѣ городъ, преданіе умалчиваетъ, какъ вообще оно нѣмо на счетъ почти всѣхъ старинныхъ весей и городовъ русской земли. Теперь Старое Городище можно было скорѣе назвать старымъ разрушившимся пепелищемъ, такъ оно было грязно и запущено. Старый, большой, деревянный домъ, съ котораго давно сошла охра, съ грязными бѣлыми колонами и не-

измѣннымъ фронтономъ надъ подъѣздомъ, стоялъ, неизвѣстно почему, бокомъ къ огромному, запущенному парку, которымъ Васинька хотя гордился, но, по скупости, не поддерживалъ, находя достаточнымъ заставлятъ разметать тамъ два раза въ лѣто дорожки. Паркъ, посаженный слишкомъ густо и безтолково, медленно разрушался, и время, вмѣсто того, чтобы придать ему ту прелесть, которую оно почти всегда придаетъ старымъ, запущеннымъ садамъ, дѣлая ихъ гуще, постепенно разружало его; старыя деревья гибли, а молодыя, вмѣсто того, чтобы замѣнять отжившія, болѣзненно тянулись вверху, ища простора и свѣта, гнулись на сторону и чахли. Гибели парка много содѣйствовало отсутствіе влаги, потому что вода, которая наполняла прежде его искусственные овраги и рѣчки, давно пересохла, такъ что безчисленные мостики, которые кое-какъ чинилъ Величковскій, висѣли надъ совершенно сухимъ дномъ ручейковъ и потоковъ. Хотя поэзіи въ Васинькиномъ паркѣ было мало, за то комаровъ было такое несмѣтное количество, что даже самыя завзятые охотники гулять подъ сѣнью деревьевъ, должны были, весною и въ началѣ лѣта, бѣжать оттуда безъ оглядки. Пѣвчія птицы также не водились въ паркѣ, но за то воронъ и грачей было въ изобиліи, и ихъ невыносимый крикъ раздавался тамъ по цѣлымъ днямъ. Въ этомъ-то паркѣ, на берегу пересохшаго пруда, въ высокой травѣ, которая росла тутъ довольно густо, лежалъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день, Нивита Лачиновъ. Онъ лежалъ навзничъ, закинувъ руки за голову, глядѣлъ, съвозъ просвѣты листьевъ, на ясное блѣдно-голубое небо, по которому плыли легкія перистыя облака, и думалъ невеселую думу. Онъ думалъ о будущемъ, что случалось съ нимъ рѣдко, потому что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые живутъ настоящею минутою; къ тому же ему было всего 22 года. Онъ думалъ, что, въ близкомъ будущемъ, ему предстоитъ много работы, а трудъ былъ ему ненавистенъ, да онъ и не былъ приученъ къ нему; жизнь его, въ продолженіи 20 лѣтъ, была одинъ нескончаемый праздникъ, безъ заботъ, безъ огорченій и даже безъ мукъ ученья, которыя достаются на долю всѣмъ дѣтямъ и юношамъ. Даровитый, красивый, любимое, балованное дитя художника-отца и легкомысленной, слабохарактерной матери, онъ росъ въ роскоши, нѣгѣ и холѣ. Ученье давалось ему легко, да и какое это было ученье? не то тяжелое и скучное, на которомъ томятъ дѣтей въ влассическихкихъ гимназіяхъ, даже не то, сравнительно легкое, въ военныхъ и реальныхъ училищахъ, съ баллами и атестаціями, ради которыхъ, порою, такъ много проливается

дѣтскихъ слезъ, а легкое, даже веселое домашнее ученье, гдѣ все наказаніе заключалось въ серьезной минѣ учителя, въ мимо-летномъ упрекѣ матери или полу-строгомъ, полу-нѣжномъ замѣчаніи отца, вѣчно занятого, вѣчно работающаго и вѣчно обрѣтающагося dans les esrapes. Судьба, злая мачиха для многихъ, осыпала всѣми дарами своего баловня; выросъ онъ и хорошъ, и пригожъ, и счастливъ, какъ говорится въ сказкахъ; но вдругъ связка кончилась и дѣйствительная жизнь наложила на всю беззаботную, цыганскую семью Лачиновыхъ свою желѣзную руку. Умеръ отецъ, и съ нимъ умерло все: пиры, веселье, беззаботная жизнь въ довольствѣ и даже роскоши. Продали съ молотка кровныхъ рысаковъ, на которыхъ, въ бархатной шубѣ, носилась по Невскому падаме Лачинова; продали, за безцѣнокъ, великолѣпную столовую въ русскомъ стилѣ, гдѣ все, до послѣдняго столика подъ самоваръ, было сдѣлано по рисункамъ самаго знаменитаго архитектора; пошли за грошъ гостиная и будуаръ, гдѣ были вещи, которыя любители цѣнили на вѣсъ золота; замолкли веселые звуки музыки подъ сводами прелестной залы, бѣлой съ золотомъ, и въ то время, когда въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ своей казенной квартиры угасалъ, въ медленной агоніи, беззаботный художникъ, жена его уже продавала свои кружева и брилліанты, чтобы было на что купить лекарство и заплатить доктору. Много потрудился на своемъ вѣку Юрій Лачиновъ; сынъ простаго плотника, смышленнаго востромскаго мужика, онъ, силою замѣчательнаго таланта, выбился изъ низкой и бѣдной среды, женился на барышнѣ Величковской, дѣвушкѣ замѣчательно красивой, сдѣлался извѣстенъ и богатъ. Его, сына мужика, приглашали во дворецъ, и не только милостиво, но даже внимательно слушали его оригинальную и образную рѣчь. Деньги, какъ золотой дождь, сыпались на него; храмы и дворцы сооружались по его планамъ; рисунокъ, сдѣланный Лачиновымъ, цѣнили на вѣсъ золота; да и точно хороши и оригинальны были эти лачиновскіе рисунки, своеобразною прелестью дышали эти quasi-русскіе орнаменты.

— Какой это русский стиль? говорили нѣкоторые знатоки и любители, ненавистники полотенца съ пѣтушками,—это просто Лачиновскій стиль.

Жена Лачинова не олицетворяла въ себѣ идеала настоящей жены художника:—хорошаго товарища и заботливой няньки; у нея не было ни этихъ волшебныхъ рукъ, которыя и ласкаютъ, и шьютъ, и стряпаютъ, ни этаго умѣнья великихъ сердецъ и умовъ ободрить, утѣшить, поддержать, и вмѣстѣ забавлять, раз-

влекать этихъ взрослыхъ, нервныхъ дѣтей, что зовутся художниками.

Лачинова была свѣтская барышня, сентиментальная, пустая, съ мѣщанскимъ образомъ мыслей и мѣщанскими привычками. Вся поэзія жизни заключалась для нея въ штофной гостиной, въ бархатной шубѣ, и въ пусканьѣ пыли въ глаза своимъ знакомымъ и роднымъ, которые считали ея бракъ за *mésalliance*. Она гордилась не тѣмъ, что она жена Юрія Лачинова, знаменитаго художника, она была бы гораздо довольнѣе быть генеральшею Сусловой, какъ ея сестра Кити, а тѣмъ, что у нея роскошная квартира, и что она даетъ балы, на которыхъ кавалеры все кавалергарды и конногвардейцы. Катаясь, выѣзжая и танцуя съ кавалергардами, она не замѣчала, какъ таяло здоровье ея труженика-мужа, какъ, снѣдаемый вѣчною работою воображенія, вѣчною тревогою — что будетъ съ семьей, когда его не станетъ? онъ медленно умиралъ, въ такіе годы, когда для западнаго художника настаетъ пора самой цвѣтущей дѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе художники и вообще русскіе поэты и писатели старѣютъ и умираютъ гораздо раньше, чѣмъ на западѣ; что этому причиною, мы не знаемъ, или, скорѣе, не находимъ нужнымъ затрогивать этотъ вопросъ, — будемъ думать, что причиною этому климатъ. Мы знали художниковъ, подававшихъ большія надежды, полныхъ жизни и таланта, которые въ сорокъ лѣтъ глядѣли стариками, бросали работать и вполнѣ предавались хозяйственнымъ заботамъ. Мы знали такихъ, которые послѣ перваго удачнаго произведенія, заставившаго говорить о нихъ въ газетахъ и ломать вопья въ журналахъ, писали все хуже и хуже, хотя говорили также много и краснорѣчиво, и, наконецъ, превращались въ довольныхъ филистеровъ, переставали метать громы въ идоловъ, и если не засыпали на лаврахъ, давно уже увядшихъ, за то подпадали подъ опеку супруги и водили знакомство только съ нужными людьми. Мы знали такихъ... но зачѣмъ тревожить мертвыхъ, ихъ же имена ты, Господи, вѣси! Юрій Лачиновъ былъ не такой, оттого-то онъ и умеръ, оставя жену и дѣтей на соломѣ, какъ говорятъ французы.

У Никиты былъ прелестный голосъ и замѣчательныя музыкальныя способности; но если правда, что геній—только терпѣніе, какъ говоритъ Бальзакъ, то генія-то у него и не было. Онъ даже музыки учился только до тѣхъ поръ, пока ученье доставляло ему удовольствіе; разъ начинался трудъ, онъ при-

нимался капризничать, играть дурно, мучить своихъ учителей, доводить до слезъ мамашу и раздражать больнаго и нервнаго отца. Кое-какъ выдержалъ онъ экзамень въ консерваторіи; этого непремѣнно хотѣлъ отецъ, точно предчувствуя, что сыну придется зарабатывать свой хлѣбъ. Великолѣпный теноръ юноши и тутъ выручилъ его.

— У него сто тысячъ дохода въ горлѣ, сказалъ директоръ, — учиться только надо. Онъ, кажется, у васъ лѣнтяй, маменькинъ сыночек! прибавилъ онъ грубо, смотря совершенно равнодушно на блестящую madame Лачинову, въ великолѣпномъ черномъ платьѣ, залитомъ «jais», и по этому случаю до того тяжелымъ, что она едва могла въ немъ двигаться. Лачинова не обидѣлась, вѣдь это говорила знаменитость, прославленный піанистъ, грубости котораго принимались барынями чуть не съ благоговѣніемъ. Маменькинъ сыночекъ учился черезъ пень-колоду; но онъ былъ хорошъ, какъ языческій богъ, и пѣлъ, какъ ангелъ. Въ него уже влюблялись, и онъ имѣлъ успѣхи, когда ему едва минуло 18 лѣтъ. И этотъ юноша, который не выдержалъ бы экзамена даже въ 3-й классъ гимназіи, который двухъ часовъ въ день не занимался какъ слѣдуетъ музыкой, воображалъ, что ему стоитъ только захотѣть — и каждый директоръ съ восторгомъ откроетъ ему свои объятія и дастъ 10,000 жалованья. Горько и страшно было его разочарованіе, когда, вмѣсто тысячнаго жалованья, и то только благодаря имени его отца, ему удалось получить кое-какіе уроки музыки, да и то за самую небольшую плату.

— Вы ничего не знаете, говорилъ ему грубо директоръ, — вы не можете поступить на сцену. У васъ прекрасный голосъ, это вѣрно, но вы не умѣете пѣть; васъ гдѣ нибудь въ Италіи гнилыми яблоками закидаютъ. Видите, продолжалъ онъ, показывая на великолѣпный рояль:—вѣдь хорошъ? а пусть на немъ съиграетъ плохой музыкантъ, что это будетъ? кастрюлька! а мнѣ дайте хоть разбитое фортепяно, и я произведу фуроръ; такъ и вашъ голосъ: — прекрасный инструментъ и ничего больше....

Все это, лежа на травѣ въ Васинькиномъ паркѣ, съ злобою и тоскою припоминалъ Нивита. «Учиться! Хорошо ему говорить, жиду проклятому! онъ небось въ туфляхъ на босую ногу маленькій бѣгалъ, а меня въ бархатѣ да шелку по Невскому водили. Къ чему меня приучили? что я знаю? что я умѣю? И какого имъ рожна нужно? пусть только примутъ на сцену, я поважу имъ, что я не хуже ихъ итальянцевъ пою; пусть мнѣ

скажутъ у кого такое до, какъ у меня! да я всѣхъ женщинъ съума сведу, ей-Богу, сведу!» И онъ, не смотря на мрачное настроеніе, невольно улынулся при этой мысли.

— «Эхъ, тоска право! продолжалъ онъ думать,—денегъ ни гроша! хорошо, теперь, у Васиньки, куда ни шло, и безъ денегъ можно, а приѣдешь въ Петербургъ, такъ вѣдь уроками на перчатки не заработаешь; какъ это другіе дѣлаютъ, не понимаю! Мать сама бьется, послѣднія деньжонки мнѣ отдаетъ; сестры-бѣдняги тоже изъ своего жалованья мнѣ же посылаютъ... вѣдь это просто подло, наконецъ! я долженъ имъ давать, а не онѣ мнѣ. Ужъ не пойти ли мнѣ добровольцемъ въ Сербію?... нѣтъ, гадость! туда все больше шушера какая-то идетъ, да и мать ни за что не отпустить».

«А какая милая эта Зина!... вотъ дѣвушка-то! вроткая, симпатичная, добрая, и вмѣстѣ съ тѣмъ породистая такая!... вотъ бы мнѣ жену такую! Бархатовъ да бриліантовъ не потребуешь, сама будетъ работать и меня заставить... одному вѣдь скучно. Я вѣдь всетаки художникъ, а художнику именно такая жена нужна: немножко сестра милосердія, немножко няня, и съ этимъ ласковая, граціозная... талантовъ, кажется, у нея никакихъ нѣтъ, да это и не нужно; талантливья, да еще эти такъ называемыя передовья, всегда капризны, взыскательны, эгоисты!» Никита совершенно забывалъ, что его мать, не отличавшаяся ни умомъ, ни талантами, не была однакожъ женщиною домашняго очага; но вѣдь мать обыкновенно не входитъ въ разрядъ женщинъ, она мать — и только! Къ тому же Никита не былъ человѣкъ анализа, онъ жилъ, не задумываясь надъ жизнью, и ждалъ отъ нея только наслажденій. Его баловала мать, теперь ему хотѣлось чтобъ его баловала жена... такихъ людей очень много между теперешними юношами».

«Жениться мнѣ на ней, что ли? не отдадутъ, пожалуй! этотъ старый генералъ все про дворъ рассказываетъ, а мой дѣдъ простой мужикъ былъ».

«Увезти ее?» но эта мысль даже ему самому показалась такъ смѣшна, что онъ громко расхохотался.

— Что за веселый господинъ! раздался надъ нимъ чей-то голосъ и учитель Васильевъ, точно изъ-подъ земли выросъ, появился передъ его глазами. — Валется по травѣ въ одиночествѣ и хохочетъ.

— А васъ это удивляетъ, мрачный педагогъ? отвѣчалъ Никита, ни мало не смутившійся отъ этого неожиданнаго появленія, и смотря, не мѣняя позы, снизу вверхъ на меланхолическое

и неподвижное лицо Васильева, отгнѣнное полями мягкой, черной шляпы.

— Еще бы не удивляться:—лежить человекъ одинъ и хохочеть.

— Ну что вы заладили одно и то же—лежить и хохочеть; ну да—лежу и хохочу! не всѣмъ же замышлять государственные перевороты.

— Какой вы, однако, вздоръ говорите, сказалъ Васильевъ, оглядываясь по сторонамъ и садясь на траву подлѣ Никиты, — съ вами, какъ я вижу, и говорить то серьезно ни о чемъ нельзя, все у васъ шутки; барченоеъ вы—ничего больше!

— Нѣтъ, врите! мой дѣдъ простой плотникъ былъ.

— Знаю я этихъ плотниковъ! кулакъ какой-нибудь, подрадчикъ, эксплуататоръ народа.

— Да никакъ вы опалѣли? сказалъ Никита, вскакивая и тоже садясь на траву:—за такія слова, батюшка, знаете что бываетъ?

— Вотъ и видно, что вы барченоеъ! Чтожъ, удовлетворенія у меня за честь дѣвушки потребуете? на дуэль вызовете?

— Какая дуэль? я знаю, что вы не пойдете; отволочу—да и баста!

— Ну драться вы со мною не станете; во первыхъ, потому, что это неприлично, а вы поклонникъ приличій; а во вторыхъ, потому, что я и не думалъ оскорблять васъ. Христосъ съ нимъ, съ вашимъ дѣдушкой! можетъ онъ былъ и честный, заправскій мужикъ, не спорю,—да вотъ вы-то зачѣмъ сибаритничаете, валаетесь, ничего не дѣлаете, небо коптите?

— А вамъ что за дѣло?

— Какъ что за дѣло? вотъ если бы вы были Васинька Величковскій, я бы слова не сказалъ, пропадай онъ совсѣмъ, туда имъ всѣмъ и дорога!... а васъ мнѣ жалко: вы человекъ молодой, здоровый, неглупый... у васъ и красота, и голосъ прекрасный—вѣдь это сила!

— Да вѣдь вамъ художники не нужны, искусство по вашему роскошь; вѣдь вы добиваетесь, чтобъ всѣ были равно бѣдны, чтобъ собственными руками, какъ первобытные Адамы, въ потѣ лица хлѣбъ себѣ доставали. Кто жъ у васъ художникамъ-то платить будетъ? прохвосты гораздо полезнѣе.

— Ну что вы все глумитесь! вѣдь глумленье ничего не доказываетъ. Неужели вамъ самимъ не тошно баблужи бить?

— А вы ихъ не бьете?

— Я? Вы, кажется, видите, что я всегда занятъ.

— Да занятія-то ваши все вздоръ и пустяки.

— Если вы говорите про мои занятія съ Викою, то это, конечно, пустяки, хотя я этимъ кормлюсь; но... и онъ глубокомысленно замолчалъ.

— Ну нѣтъ, занятія съ этимъ мальчишкой всетаки дѣло, а вотъ тѣ-то, о которыхъ вы не говорите.... то пустяки!

Васильевъ презрительно улыбнулся и показалъ всѣ свои отвратительные, черные зубы.

— Ну чего вы улыбаетесь? зубы у васъ прегадкіе и это къ вамъ совсѣмъ нейдетъ. А что обработали вы, наконецъ, тѣ гряды на огородѣ, за которыя взялись для приученія себя въ механическому труду? потѣха, право! выросло у васъ тамъ что-нибудь?

— Нѣтъ, бросилъ! отвѣчалъ Васильевъ, слегка краснѣя.

— Что такъ?

— Да когда съ малолѣтства не приученъ въ механическому труду, такъ ужъ въ 26 лѣтъ поздно. Я въ цѣлый день не могъ одной гряды скопать, а ужъ какъ старался, — два раза бѣлье смѣнялъ; а садовникъ пришелъ, да еще старый человекъ, лѣтъ подъ 60 будетъ, взялъ у меня лопату, да въ какой-нибудь часъ время двѣ вскопалъ.

— Вотъ то-то и есть! а туда же трудъ проповѣдуете. Нѣтъ, батюшка, болтунъ вы, какъ я вижу, и ничего больше! или нѣтъ, — кабинетный человекъ, вотъ самое приличное для васъ названіе; вы и сидите у себя въ кабинетѣ... а на улицу и носа не смѣите показывать. Какой вы дѣятель!

— Ну это мы еще посмотримъ. Не всѣмъ же гряды копать.

— Разумѣется, не боги же горшки обжигали.

Оба замолчали.

— Ахъ совсѣмъ было забылъ спросить, вдругъ спохватился Лачиновъ, — а это самое интересное: откуда вы явились и съ вѣмъ вы здѣсь?

— Съ госпожею Фриберъ и ея чадами и домочадцами.

— Такъ и Зинаида Константиновна здѣсь? спросилъ Никита съ живостью.

— Разумѣется, здѣсь! Величовскій какой-то дурацкій пивниъ затѣялъ, поѣзду въ какую-то Блинику.

— Отчего-же дурацкій? это очень весело, сказалъ Никита вставая, — пойти одѣться.

— Погодите, успѣете; вы и такъ очень эффектны.

— Да на какого чорта я буду тутъ съ вами сидѣть? вы думаете съ вами весело?

— А вамъ все веселья хочется?

— Ну ужъ такъ и быть, жертвую вамъ десять минутъ, только съ тѣмъ, чтобы вы мнѣ рассказали подробно, какъ вы живете въ Преображенскомъ?

Никитѣ хотѣлось, чтобъ Васильевъ говорилъ ему о Зинѣ, но тотъ былъ далекъ отъ того, что интересовало молодого человѣка, и пресерьезно воображалъ, что Лачиновъ интересуется дѣлами и помыслами его, Васильева.

— Что дѣлаемъ? утромъ я встаю довольно рано, выкупаюсь и иду въ лѣсъ съ книгой; я люблю гулять въ лѣсу, это полезно для моего здоровья.

Никита сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Это время я читалъ Лассала, продолжалъ невозмутимо Васильевъ монотоннымъ голосомъ, точно читалъ псалтырь, — знаете—процесь Лассала? книга эта была напечатана, но правительство спохватилось и запретило ее. Онъ опять презрительно улыбнулся.—Я купилъ ее по случаю, вѣдь вамъ все равно у кого?

— Рѣшительно все равно, проворчалъ Никита; его начала разбирать злость.

— Хожу, читаю, думаю и т. д.

— А далѣе-то что?

— Возвращаюсь домой къ завтраку; у насъ звонятъ къ завтраку... знаете—барская затѣя; это Лизаветѣ Константиновнѣ такъ угодно, она любитъ пики задавать. Гдѣ я остановился?

— Звонятъ къ завтраку, почти со скрежетомъ зубовъ повторилъ Никита.

— Ну-съ, я прихожу въ свою комнату, оставляю Лассала, переодѣваюсь,—я очень бережливъ и не пойду въ хорошемъ платьѣ въ лѣсъ—и иду въ столовую. Кормятъ хорошо; только одно неприятно:—тутъ всегда старуха-ключница торчитъ и точно считаетъ куски, что вы въ ротъ кладете. Провизія свѣжая... ничего нѣтъ вреднаго для желудка; я, вѣдь, знаете, очень остороженъ въ пищѣ, и есть вещи, которыя я положительно признаю вредными, какъ, напимѣръ...

— «Экій дьяволъ!» проворчалъ Никита.—Ну а потомъ? потомъ?

— Потомъ я возвращаюсь къ себѣ въ комнату; я, знаете, люблю...

— Фу ты, чортъ! не хочу я знать, что вы любите! что вы мнѣ все про себя рассказываете...

— А вы про кого же хотите знать?

— Про другихъ, про всѣхъ... про... онъ вдругъ остановился.— Ну о чемъ же, напримѣръ, вы разговариваете за завтракомъ? вѣдь не все же вы ѣдите?

— О чемъ, вы хотите, чтобъ я говорилъ съ этими господами; это все люди съ самыми отсталыми понятіями, ретрограды.

— Старикъ, положимъ, что ретроградъ, онъ иначе и быть не можетъ; а барыни?..

— Барыни? самая пустая баба, аристократка и бѣлоручка!

— Опять врете! Про madame Фриберъ ничего не скажу, я ее совсѣмъ не знаю, да и не очень долголюбиваю; важничаетъ ужъ очень, воображаетъ, что она красавица и важная персона... а мнѣ наплевать! но Зина—милѣйшее существо, все дѣлаетъ сама и все умѣетъ; ею одною весь домъ держится... кабая же она бѣлоручка?

— Она для народа ничего не дѣлаетъ; кругомъ ея голодъ, нищета, невѣжество, а она въ барскихъ палатахъ благодушествуетъ.

— Въ развалившемся-то домѣ? гдѣ, когда дождь идетъ, такъ ведра въ углахъ подставляютъ?... хороши барскія палаты! Нѣтъ-съ, она больше насъ съ вами работаетъ, даромъ что барышня, аристократка, какъ вы ее величаете! а что она преображенскимъ бабамъ не благодѣтельствуетъ, такъ во первыхъ, ей и не изъ чего благодѣтельствовать, а во вторыхъ, не вамъ-бы упрекать ее въ этомъ, потому что вы, кромѣ праздныхъ рѣчей съ рябымъ писаремъ, пока ничего полезнаго для пейзажистовъ не сдѣлали.

— Мои рѣчи не праздныя; писарь малый не глупый, неразвитой только.

— Такъ вы его развиваете.. ну и на здоровье!

— Черезъ него я знакомлюсь съ народомъ; онъ лучше меня знаетъ быть крестьянъ, ихъ нужды, потребности, надежды... ну а какъ помочь этимъ нуждамъ, гдѣ выходъ...

— Этому уже вы ихъ научите? ну вамъ и книги въ руки! А Вику вы развиваете въ этомъ же смыслѣ?

— Я его совсѣмъ не развиваю... напрасный трудъ! это лѣнтяй-барченокъ, котораго ничего не занимаетъ и не интересуется.

— А можетъ быть вы не умѣете его заинтересовать ничѣмъ; я убѣжденъ, что вы такой-же скучный учитель, какъ скучный пропагандистъ.

— Нѣтъ-съ, ошибаетесь! это ужъ порода такая... имъ все готовенькое подавай, привыкли все чужими руками жаръ загребать.

— Иванъ Михайловичъ! Иванъ Михайловичъ! раздался

вдругъ звонкій дѣтскій голосъ:—гдѣ вы? я васъ давно ищу, и Вика, весь красный и запыхавшійся, выбѣжалъ изъ боковой дорожки. Увидавъ Никиту, мальчикъ бросился къ нему со всѣхъ ногъ и совершенно забывъ своего наставника, котораго искалъ такъ усердно, винулся подлѣ Лачинова на траву и сталъ его тормашить и тащить за руку.

— Побѣжимте, побѣжимте скорѣе! твердилъ онъ:—ну чего вы тутъ сидите съ этимъ... онъ глазами показалъ на Васильева.— Лошади давно запряжены! всѣ въ долгушѣ ѣдутъ: и мама, и тетя Зина, и дѣдушва, а я верхомъ съ Васильемъ Николаичемъ... и вы тоже верхомъ? вѣдь вы лучше любите верхомъ, да? ну побѣжимте!

— Побѣжимъ, мой другъ! и Лачиновъ, схвативъ на руки Виду, который кричалъ и барахтался, побѣжалъ къ дому.

VIII.

Величковскій и его сестра Зарина страстно любили всевозможныя parties de plaisir, которыя Засѣкинъ называлъ parties de party, такъ какъ обыкновенно всѣ подобнаго рода поѣздки совершались въ безпокойнѣйшихъ экипажахъ и по невозможнымъ дорогамъ. Въ Величковскомъ и сестрѣ его было много цыганскаго. Шумъ, суета, передвиженіе, были необходимымъ элементомъ ихъ существованія. Даже жилище ихъ, не смотря на величину размѣровъ, напоминало какое-то кочевье, такъ оно было неуютно и мало приспособлено къ покойной, домашней жизни. Всѣ двери настежь, всѣ комоды и шкапы безъ ключей или съ испорченными замками. И постоянно безтолевыя поѣздки въ непоказанные часы, то верхомъ, то въ долгушѣ, то даже просто въ телѣгѣ.

Главная задача состояла въ томъ, какъ-бы убить время и куда нибудь перенести свою кибитку.

Въ этотъ разъ, цѣлью поѣздки была мельница, принадлежавшая Васинькѣ. Мельница, покосившаяся деревянная избушка, стояла на берегу узкой, почти совсѣмъ высохшей рѣчонки. Справа былъ жиденькій лѣсокъ, куда барышни сейчасъ же отправились за грибами, а слѣва—небольшой пригорокъ, гдѣ положили коверъ, подушки, и гдѣ лакей Величковскаго, вмѣстѣ съ Герасимомъ, стали готовить чай, немилосердно чадя самоваромъ.

Зарина была женщина небольшого роста, очень толстая,

лицо у нея было совершенно круглое, а большіе, свѣтлосѣрые на выкатѣ глаза придавали ей видъ совы. Особенность ея физиономіи составляли весьма замѣтные усы и борода. Всѣ эти прелести не мѣшали Madame Зариной считать себя очень привлекательною и думать, что всѣ мужчины въ нее влюбляются. Она была женщина неглупая и даже острая, но эта несчастная слабость дѣлала ее очень смѣшною. Не смотря на свои громадные размѣры, она была очень подвижна и даже легка на ногу.

Молодые люди, особенно влюбленные, не взыскательны на обстановку; еслибъ у Никиты Лачинова спросили: «красива-ли мѣстность въ Блиниѣ?» онъ отвѣчалъ бы, что она очаровательна. На самомъ же дѣлѣ онъ не видѣлъ ее, не видѣлъ ни жалкой, пересохшей рѣчонки, ни развалившейся, но вовсе не живописной мельницы, ни сыраго лѣсочка съ миліонами комаровъ, гдѣ раньше росли ландыши, но теперь не было ничего, кромѣ ивана да марьи и сырофъжокъ. Онъ не страдалъ отъ невыносимаго чада самовара, усердно раздуваемаго Герасимомъ; не видалъ ни недовольнаго лица Засѣина, ни сіяющихъ лицъ Васиньки и его сестры, ни красиваго, скучающаго лица Лили и ея прелестнаго платья изъ небѣленаго батиста съ блѣдно-голубыми бантами; не слышалъ визгливаго смѣха, какихъ то барышень изъ города; онъ видѣлъ только Зину и чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, когда, легко опираясь на его руку, которую онъ не смѣло, какъ съ другими, а робко предложилъ ей, она гуляла съ нимъ по берегу пересохшей рѣчки. Все остальное общество осталось позади—и имъ казалось, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія, что они одни въ цѣломъ мірѣ.

— За что вашъ отецъ не любитъ меня? спросилъ Никита, чувствуя, какъ этотъ вопросъ вырвался у него невольно, словно заслоняя другой, который онъ не рѣшался высказать.

— Вамъ такъ кажется; за что ему не любить васъ? отвѣчала Зина, чувствуя, что она говоритъ неправду, и краснѣя за эту неправду.

— Нѣтъ, Зинаида Константиновна, я не ошибаюсь; для меня слишкомъ важно расположеніе Константина Николаевича, я не могу относиться легко къ тому... онъ вдругъ остановился... однимъ словомъ, ради Бога, скажите, за что онъ меня не любитъ?

На этотъ разъ Зина не нашла, что отвѣчать; она только опустила голову и тихо вздохнула.

— Видите, это правда! но вы не можете, или не хотите сказать за что? и онъ наклонился къ своей спутницѣ, головка которой едва доходила до его плеча. Ему страстно захотѣлось обвить руками этотъ тонкій, граціозный станъ, прижать эту милую, темнорусую голову къ своей груди и сказать: «за то, что я тебя люблю»; но вмѣсто этого онъ продолжалъ, — мнѣ-бы такъ хотѣлось заслужить расположеніе Константина Николаевича, мнѣ такъ тяжело выносить его холодность, его недружелюбныя отношенія... Ваша сестра тоже самое: она точно считаетъ меня за существо низшей породы, и, конечно, еслибъ она не была ваша сестра—онъ гордо откинулъ назадъ свои великолѣпныя черныя кудри,—я бы отнесся къ этому совершенно индифферентно, какъ говорить Васильевъ; но все, что близко вамъ, для меня дорого.

Голосъ его прерывался, рука, на которую опиралась Зина, замѣтно дрожала и онъ, словно не сознавая самъ, что дѣлаетъ, нервно прижималъ къ себѣ ея руку. Его волненіе сообщилось и Зинѣ. Она хотѣла перебить его рычъ и заговорить о чемъ нибудь другомъ, но вмѣсто того, она тихо сказала, не поднимая на него глазъ:

— Зачѣмъ вы спрашиваете? вѣдь вы знаете за что?

Не смотря на свои 23 года, Зина была совершенно наивна въ дѣлахъ любви; она любила первый разъ въ жизни и, созная все безумство и безысходность своей любви, шла на встрѣчу несчастію, какъ отуманенная. Лачиновъ, хотя моложе Зины, былъ гораздо опытнѣе ея; изъ этого робкаго отвѣта онъ понялъ, что любимъ даже больше, чѣмъ ожидалъ и надѣялся, и, наклонясь къ самому лицу ея, онъ проговорилъ тихо и радостно:

— Такъ вы меня любите?

Она подняла на него свои большіе, грустные глаза, полныя слезъ, и этотъ взглядъ былъ краснорѣчивѣе словъ.

— Тетя Зина! тетя Зина! раздался сзади ихъ голосъ Вики,— иди назадъ, мама велѣла! сейчасъ будутъ чай пить и землянику ѣсть.

— Ахъ! провались они тамъ всѣ съ своимъ чаемъ! подумалъ Никита и повелъ свою спутницу назадъ къ пригорку, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ колосальной Зариной, уже возсѣдало все общество. Загадочные глаза Лили поднялись на Зину и едва замѣтная, насмѣшливая улыбка мелькнула на ея красивыхъ губахъ, когда она молча показала ей мѣсто возлѣ себя.

Никита сѣлъ немножко пониже пригорка, на которомъ сидѣли сестры, такъ что приходился какъ разъ у ихъ ногъ.

— Отчего у него такой растерянный видъ? тихо спросила Лили у сестры.

— У кого?

— Vous êtes unique!.. у него? кажется ясно, кто онъ.

Зина покраснѣла и ничего не отвѣчала; ей казалось, что все это сонъ, отъ котораго она непременно проснется; но когда и какъ, она не знала или не хотѣла знать.

— Прелесть какой вечеръ! сентиментально проговорила Зарина, — знаете, опасный вечеръ; вотъ такъ и подмываетъ влюбиться и забыть все!... Что вы скажете объ этомъ, дядя Коста?

— Я скажу одно, матушка: что сыро и пора домой.

— Ахъ какая проза, дядя!... замѣтилъ Васинька, — неужели и я буду такой же въ ваши годы?

— Ну ты и теперь уже не изъ молоденькихъ; всѣ эти ахи и охи хороши только вонъ въ ихъ года, отвѣчалъ Засѣкинъ, показывая на Лачинова и Васильева. Онъ всегда, точно нарочно, говорилъ о нихъ вмѣстѣ, что невыразимо сердило Лачинова; но въ эту минуту стрѣла пролетѣла мимо, Никита ничего не слышалъ; онъ старался уловить взглядъ Зины, но она не глядѣла въ его сторону, и даже замѣтивъ, что ея ноги касались его пальто, отодвинулась дальше и посадила передъ собою Вика, который положилъ на колѣна любимой тети свою темнорусую голову.

— Вы напрасно это думаете, папа, сказала Лили, проводя своею бѣлою ручкою, съ которой она сняла перчатку, по волосамъ сына, — нынѣшніе молодые люди вовсе не такіе, какъ были въ ваше время: они меньше стариковъ способны на увлеченіе, и всѣ эти ахи и охи, какъ вы говорите, давно сданы въ архивъ, со всѣмъ остальнымъ хламомъ: мечтаніями при лунѣ, восторгами при пѣніи соловья и т. п. Не правда ли, Иванъ Михайловичъ?

— Что до меня касается, медленно проговорилъ Васильевъ, — то въ пѣніи соловья я не нахожу ничего хорошаго и мнѣ гораздо больше нравится...

— Кукушка! перебилъ его Вика, — я помню вы говорили, что очень любите, какъ она кукуетъ.

Всѣ захохотали.

— Вика, ты опять суешься не въ свое дѣло, замѣтила Нинишъ, сидѣвшая рядомъ съ M-lle Перрасъ и не спускавшая глазъ съ Лачинова.

— Qu'est-ce qu'il dit? qu'il aime le chant du coucou?... спросила французенка, презрительно пожимая плечами.

— Да, я очень люблю слушать кукушку, продолжалъ медленно и невозмутимо Васильевъ, — ея кукованье какъ нельзя больше идетъ въ веснѣ и лѣсу.

— А пѣніе соловья не идетъ? спросилъ вдругъ нервно и раздражительно Лачиновъ.

— Я не говорю, что не идетъ... но мнѣ оно меньше нравится.

— Вы напрасно полагаете, Лизавета Константиновна, продолжалъ также нервно Лачиновъ, не отвѣчая Васильеву, — что всѣ нынѣшніе молодые люди, такъ же какъ сей господинъ (онъ показалъ на Васильева), предпочитаютъ кукушку соловью. Если въ насъ нѣтъ сентиментальности нашихъ отцовъ, то намъ также доступны и энтузіазмъ, и увлеченіе; да зачѣмъ далеко ходить, — развѣ не увлеченіе, не энтузіазмъ, заставляютъ нашихъ добровольцевъ идти въ Сербію?

— Ну это не совсѣмъ вѣрно, проговорилъ Засѣкинъ, даже не глядя на Лачинова, — какой тамъ энтузіазмъ; идутъ все какіе-то проходимцы, которымъ ѣсть нечего, да пьяницы.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь Константинъ Николаевичъ! я самъ знаю многихъ молодыхъ людей, очень богатыхъ, которые пошли туда.

— Я, дядя Костя, тоже хочу отправиться въ Сербію, сказалъ Величковскій, — все равно придется идти въ ополченіе.

— Какое тамъ еще ополченіе? Кто это тебѣ сказалъ?

— Говорятъ — получено предписаніе въ земской управѣ; мнѣ становой говорилъ.

— Все это вздоръ! какое предписаніе? съ кѣмъ мы воевать-то будемъ?

— Какъ съ кѣмъ? съ турками!

— Ну это бабушка еще на двое сказала, авось этой глупости мы и не сдѣлаемъ.

— Финансы наши не въ такомъ положеніи, чтобы мы могли воевать, также монотонно проговорилъ Васильевъ.

— Ну батюшка, на это не посмотреть, сказалъ Васинька, — и насъ съ вами не спросятъ.

— То-то и бѣда, отвѣчалъ Васильевъ и даже покраснѣлъ.

— Что не спросятъ? рѣзко сказалъ Засѣкинъ, — нѣтъ-съ это, напротивъ, отлично! а то бѣда, что у насъ тамъ, въ высшихъ то сферахъ, ужъ очень обращаютъ вниманіе на общественное мнѣніе, точно оно у насъ чего нибудь стоитъ.

— Напрасно вы такъ думаете, жаль только что высказаться не даютъ; сами знаете, какъ строга цензура.

— А я нахожу, что недостаточно строга.

— По вашему, дядя, собрать бы всё книги и смечь, сказала, смѣясь, толстая Зарина. — Однако пора домой, продолжала она приподымаясь, — ничего вы всё въ политикѣ не понимаете, а туда же толкуете. Ну, mesdames et messieurs, разсаживайтесь, а я въ долгушѣ на козлы сяду, — и точно, не смотря на свои размѣры, Зарина усѣлась на козлы рядомъ съ вучеромъ.

— Что у васъ такое съ Лачиновымъ? спросила по-французски Лили у сестры, какъ только онѣ сѣли въ коляску. Онѣ ѣхали вдвоемъ въ коляскѣ Величовскаго, которую тотъ предложилъ хорошенькой кузинѣ; на козлахъ помѣстился очень недовольный Вика, потому что мать не позволила ему ѣхать назадъ верхомъ.

— Ничего, отвѣчала Зина, также по-французски, — что же можетъ быть между нами?

— Я не думала, что ты такая скрытная; ты точно боишься и не доверяешь мнѣ.

— Право же ничего, Лили.

Зинѣ казалось, что она скорѣе умретъ, чѣмъ повѣрить сестрѣ тайну своего сердца, и не потому, чтобы она не любила сестру, но потому, что, не смотря на свое западное воспитаніе, она всетаки была русская женщина, а русская женщина признается въ своей любви, да и то когда у нея голова идетъ кругомъ, только тому, кого любить; только въ французскихъ романахъ героиня кидается въ объятія подруги и шепчетъ: «je l'aime!» Лили, не то насмѣшливо, не то лукаво, взглянула на сестру и не настаивала больше; отвѣтъ и смущеніе Зины сказали ей все. Она чуть-чуть вздохнула, проговорила точно про себя: «raconte enfant!» и отвинулась въ уголь коляски. Что то похожее на зависть шевельнулось въ ея душѣ, и сухая, антипатичная фигура Фрибера ясно представилась въ ея воображеніи, рядомъ съ высокою, стройною, красивою фигурою Никиты. Лили была честная женщина, честная de facto; но она не любила своего мужа, была довольно равнодушная мать, а главное, она страшно скучала. Глядя на эту красивую, изящную, такъ свѣтло улыбающуюся женщину, никто бы не повѣрилъ, что ее постоянно томила непроходимая скука. Жизнь большей части женщинъ, особенно того круга, къ которому принадлежала Лили, ничего и не можетъ дать, кромѣ гнетущей скуки, и тѣ, которыя сознаютъ окружающую ихъ пустоту и

тяготятся ею, еще лучшія. Она вышла почти ребенкомъ за Фрибера, безъ особенной любви къ нему, да, впрочемъ, въ ранней молодости очень рѣдки истинныя привязанности. Тутъ большую роль играетъ пробуждающаяся чувственность, прелесть новизны, а для свѣтской дѣвушки, которая уже 12-ти лѣтъ кокетничала на дѣтскихъ балахъ, и непреодолимое желаніе сдѣлаться дамою, чтобы выѣзжать и наряжаться. Воспитаніе, которое и до сихъ поръ дается дѣвушкамъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ, гдѣ отъ нихъ тщательно скрываютъ все то, что онѣ узнаютъ послѣ, вовсе не дѣлаетъ ихъ цѣломудренными, а, напротивъ, возбуждаетъ въ нихъ любопытство узнать запрещенное, что онѣ скоро и узнаютъ, только не полезнымъ, а вреднымъ образомъ, изъ книгъ, прочитанныхъ потихоньку, изъ балетовъ, на которые принято возить дѣтей, изъ шансонетокъ, распѣваемыхъ братьями, а главное, изъ разговоровъ болѣе опытныхъ подругъ. Лили воспитывалась и жила точь въ точь, какъ воспитывалась и жила ея маменька; но время было другое, и то, что удовлетворяло маменьку, не могло уже удовлетворять дочку. Маменька рожала, не задавая себѣ вопроса, «любитъ ли она или нѣтъ своего Constantin?» разумѣется любить, потому что онъ ея мужъ и мужъ добрый, который не отказываетъ ей ни въ чемъ. Дочь тоже родила двоихъ дѣтей, но она сознавала, что не любитъ Фрибера, потому что не можетъ его уважать, хотя онъ тоже былъ добрый мужъ и тоже ни въ чемъ ей не отказывалъ. Маменька дѣтьми не занималась, предоставляя эту заботу гувернанткамъ и боннамъ, и думала, что такъ и быть должно; дочь, хотя тоже не занималась дѣтьми, потому что возиться съ ними очень скучно, но когда бывала дома, то держала дѣтей при себѣ, и каждый день утромъ и вечеромъ присутствовала при ихъ туалетѣ, когда они были маленькіе, и при ихъ урокахъ, когда они стали побольше, но разумѣется въ такомъ случаѣ, когда не возвращалась съ бала въ 7 часовъ утра. Госпожу Засѣкину дѣти не любили, но боялись и слушались; госпожу же Фриберъ хотя любили, но не слушались и грубили ей. Маменька наряжалась, выѣзжала, кокетничала и никогда не скучала. Дочка тоже наряжалась, выѣзжала, кокетничала и страшно скучала. Маменька была вѣрна своему Constantin, изъ страха Божія, а главное, изъ боязни свѣта; дочка была вѣрна своему Фриберу (она звала мужа по фамиліи), изъ презрѣнія вообще ко всѣмъ мужчинамъ, которые были нисколько не лучше Фрибера, и изъ гордости. Маменька не только вѣрила въ то, во что ее учили вѣрить маленькую, но даже вѣрила въ предсказанія кородиваго Ивана

Яковлевича. Дочь не вѣрила ни въ Бога, ни въ спиритизмъ, и смѣялась надъ лордомъ Редстокомъ. Она хотѣла жить и наслаждаться, а то, что давала ей жизнь, была нескончаемая капиталь выѣздовъ, баловъ, танцевъ и кокетничанья съ пошлѣйшими кавалерами, а дома—присутствіе и казенныя ласки скучнаго и жаднаго бюрократа-мужа. Она сама очень любила деньги, скорѣе то, что покупается на деньги, но ей были противны циническая погоня Фрибера за наживой, его лакейство передъ высшими, его безшабашный матеріализмъ, прикрываемый лицемернымъ наружнымъ уваженіемъ къ преданіямъ и основамъ. Госпожа Засѣкина никогда ничего не читала и не тяготилась этимъ; ея дочь прочла всѣ современные французскіе романы и вынесла изъ нихъ то убѣжденіе, что можетъ быть всѣ эти увлекательныя любовныя сцены случаются во Франціи, но что у насъ все это должно быть и скучно, и пошло. По-русски она читала только тѣ журналы, которые пользуются популярностью въ ея кругу, но она находила ихъ скучными, тяжелыми, а ихъ белетристичеу, гдѣ говорилось о grand mond'ѣ, смѣшною. Лили, какъ большинство ея сверстницъ, не увлекалась художествами и эстетикою, и потому Анна Каренина, которую читали тогда всѣ, не представляла для нея той опасности, которую представляли Индіана или Валентина для сверстницъ ея маменьки. Глубокой реальности и высокой художественной прелести произведенія графа Толстаго она не поняла, а Вронскаго, неизвѣстно на какомъ основаніи, признавала неумнымъ, неспособнымъ увлечь, хотя на каждомъ шагу видѣла женщинъ, увлекающихся людьми, въ сравненіи съ которыми Вронскій почти гениаленъ. Въ концѣ концовъ она тяготилась тою жизнію, которую вела, и когда ей стукнуло 30 лѣтъ, она пришла къ тому заключенію, что всетаки игра въ любовь, единственная, заманчивая игра. Обжечься она не боялась, она считала себя нестораемому.

IX.

— Никита, вы должны непременно спѣть намъ что нибудь! говорила Анна Ивановна Зарина, не выпуская молодого человека изъ-за фортепьяно, на которомъ онъ наигрывалъ что-то очень странное и грустное.

— Непременно, непременно! подтвердили всѣ остальные.

Общество только что вернулось къ Величовскому съ поѣздки

на Ближнюю. Зина и Лили сидѣли на терасѣ, которая выходила въ огромный, разбитый по старинному цвѣтнику, гдѣ въ эту пору было очень много розъ въ полномъ цвѣту. Было совершенно темно; молодой мѣсяцъ выплывалъ изъ-за высокихъ деревьевъ парка; на землю пала сильная роса, а изъ цвѣтника неся одуряющій запахъ левкоевъ и резеды. Сестры молчали. Лили задумчиво опустила свою красивую головку на руку, которою облокотилась на перила. Зина помѣстилась на верхней ступенькѣ терасы, вдыхая въ себя душистый воздухъ и припоминая слова, голосъ и лицо Никиты, когда онъ говорилъ ей: «такъ вы меня любите?..»

Вдругъ великолѣпный, звучный голосъ раздался въ залѣ, пронесся по терасѣ и разбудилъ ночную тишь. Никита пѣлъ «Dichter Liebe» Шумана. Неудержимою страстью звучали эти мощные звуки великолѣпнаго груднаго тенора. Отъ нихъ захватывало духъ, туманились глаза и трепеть пробѣгалъ по жиламъ. Зина быстро вскочила и бросилась съ терасы въ садъ, она боялась разрыдаться и выдать свое волненіе. Лили даже не посмотрѣла на нее, она точно замерла на своемъ мѣстѣ, жадно прислушиваясь къ пѣнію. Какая-то необъяснимая тревога поднималась у нея въ груди, какое-то новое, незнаемое, жгучее, томительное чувство заставляло биться ея сердце; этотъ страстный молодой голосъ будилъ въ ней самой молодость, страсть и какое-то жгучее, томительное желаніе. Голосъ умолялъ, слышались браво, рукоплесканія и басистый голосъ Анны Ивановны: «да онъ хоть кого съ ума сведетъ». Опять раздался голосъ Лачинова. Онъ пѣлъ: «И ночь, и любовь, и луна!..» и эта душистая, тихая ночь и эта таинственная, серебристая луна, казалось, также прислушивались къ его пѣснѣ, и все вокругъ дышало любовью и замирало въ томительной нѣгѣ. «И ночь, и любовь, и луна!..» Лили послышалось тихое, сдержанное рыданіе, она взглянула въ садъ:—на скамейкѣ у самой терасы сидѣла Зина, закрывая лицо платкомъ.

«Такъ эта она, эта ничтожная дѣвчонка такъ вдохновляетъ его, подумала Лили,—такъ это любовь къ ней придаетъ его голосу эту страсть, которая такъ сильно волнуетъ меня».

Она встала, точно желая стряхнуть съ себя обаяніе, которое овладѣло ею при звукахъ этого голоса. Но Лачиновъ больше не пѣлъ; Лили услышала его быстрые шаги по гостиной, онъ вышелъ на балконъ, не видя ее и видимо кого-то отыскивая во тьмѣ.

— Никита Юрьевичъ, кого вы ищите? спросила она съ легкой усмѣшкою въ голосъ.

— Ахъ, это вы, Лизавета Константиновна! въ первую минуту я васъ не замѣтилъ, отвѣчалъ Лачиновъ робко.

— Вы очень разсѣянны, какъ и подобаетъ артисту.

Она стояла передъ нимъ спиною къ саду, ея стройная фигура вырѣзывалась на потемнѣвшемъ небѣ, на ея свѣтлыхъ, густыхъ волосахъ былъ накинута бѣлая вуаль, и въ такомъ видѣ, вкось освѣщенная луною, бѣлая, граціозная, воздушная, она походила на Титанію изъ «Сна въ лѣтнюю ночь». Онъ невольно залюбовался ею, затѣмъ, какъ артистъ, поддаваясь обаянію красоты, подвинулся къ ней ближе и, забывая, что передъ нимъ стоитъ гордая madame Фриберъ, которую, ему казалось, онъ такъ не любилъ, проговорилъ почти умоляющимъ голосомъ:

— Ради Бога, не шевелитесь! останьтесь такъ!

— Что съ вами? отчего вы такъ на меня смотрите? спросила Лили, уже угадывая въ выраженіи лица Никиты произведенное ею впечатлѣніе.

— Васъ такъ хорошо освѣщаетъ луна! «вы такъ хороши!» хотѣлъ сказать онъ, но во время остановился, потому что на терасу всходила Зина. Блѣдная, маленькая, худенькая, съ заплаканными глазами, она показалась Никитѣ такою жалкою, въ сравненіи съ этою обольстительною феею, что невольная мысль: «гдѣ же у меня были глаза?» мелькнула въ его головѣ.

— Какъ вы хорошо пѣли, сказала просто Зина, смотря на него и улыбаясь своею милою улыбкой.

«Нѣтъ, я люблю ее, она прелесть! подумалъ онъ опять.— Та хоть бы слово сказала».

— Не правда ли, что онъ хорошо поетъ? продолжала Зина, обращаясь къ сестрѣ.

— Да, только я не люблю сантиментальныхъ романсовъ.

Никиту передернуло.

— Я и Оффенбаховское пою, Лизавета Константиновна, хотите?

— Нѣтъ, пожалуйста, только не теперь, сказала Зина,— затѣмъ портить хорошее впечатлѣніе. Неужели, Лили, тебѣ не нравится «Dichter Liebe»?

— Намъ пора ѣхать, Зина. Adieu, monsieur!—и она протянула Лачинову свою бѣлую, изящную ручку, которая въ эту минуту была холодна, какъ ледь.

— Какая пустая, холодная женщина эта m-me Фриберъ, го-

ворилъ Лачиновъ Аннѣ Ивановнѣ, послѣ отъѣзда сестеръ:— предпочитаетъ Оффенбаха Шуману.

— Развѣ она сказала это?

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ; но она замѣтила, что не любитъ сентиментальныхъ романсовъ.

— И вы ей повѣрили, мой юный другъ?

— Отчего же не вѣрить?

— Какъ вы еще наивны; *non, mon cher, défiez vous des eaux dormantes.*

— Въ тихомъ омутѣ, значить... перевелъ Васинька.

— Всенепремѣнно...

X.

Высоко стояло на небѣ яркое июльское солнце, множество бабочекъ гонялось одна за другою и садилось на цвѣты; весело прыгали трасогузки, то взлетая на балконъ, гдѣ у нихъ было гнѣздо, изъ котораго слышался слабый, но жадный писекъ, то вылетая изъ гнѣзда и опять гоняясь за бувашками. А тамъ, дальше, въ концѣ сада, какое раздолье! Блещетъ на солнцѣ прудъ; слышатся голоса мальчишекъ, плескающихся въ водѣ, ихъ звонкій хохотъ; вотъ и Джекъ туда же понесся за Герасимомъ, онъ вѣдь страсть какъ любитъ купаться!.. а тутъ сиди, да слушай, какъ этотъ скучнякъ Иванъ Михайлычъ своимъ монотоннымъ голосомъ спрашиваетъ:

— А скажите, пожалуйста, какое различіе между именемъ существительнымъ собственнымъ и нарицательнымъ?

Горько было на душѣ у Вики и онъ все думалъ о томъ, какъ теперь Васья на спинѣ плаваетъ, а онъ тутъ сиди...

— Скажите же мнѣ пожалуйста, продолжалъ невозмутимо учитель.

«Ничего я тебѣ не скажу, думалъ мальчикъ, — потому что я все забылъ; отвяжись ты отъ меня!» и онъ молчалъ, не спуская глазъ съ открытаго окна и стуча перочиннымъ ножикомъ по столу.

— Оставьте это, сказалъ учитель и взялъ ножикъ, — такъ скажите же мнѣ пожалуйста, что такое имя существительное собственное?

— Имя существительное, имя существительное, то есть, означаетъ... не знаю Иванъ Михайлычъ, — и онъ опять взялся за ножикъ.

— Оставьте это, продолжалъ учитель и опять взялъ у Вики ножикъ.—Имя существительное собственное есть то, которое дается отдѣльнымъ предметамъ изъ цѣлаго ряда имъ подобныхъ. Ну-съ, повторите.

— Имя существительное собственное есть то... называется, т. е. предметъ... Ахъ, Господи! Джекъ, Джекъ-то! посмотрите какъ вымазался! и Вика съ хохотомъ бросился къ окну.

— Оставьте Джева и говорите за мною: имя существительное...

Въ это время раздался звонокъ.

— Къ завтраку звонятъ, Иванъ Михайлычъ!

— Это еще первый звонокъ, повторяйте за мною: имя существительное...

— Имя существительное собственное есть то, которое означаетъ цѣлый рядъ подобныхъ предметовъ...

— Совсѣмъ нѣтъ, вы не о томъ думаете!

Раздался второй звонокъ.

— Второй разъ звонятъ, Иванъ Михайлычъ!

— Ну идите! опять два часа пропали даромъ. «Лѣнтяй, барченокъ!» проворчалъ учитель въ слѣдъ питомцу, который, вмѣсто того, чтобы идти на верхъ, какъ вихрь помчался по дорожкѣ, которая вела къ пруду, не смотря на неистовый звонъ Герасима съ балкона.

Завтракали на балконѣ, гдѣ стояли кое-какія чахлыя растенія, купленныя Константиномъ Николаевичемъ въ три-дорога изъ графской оранжереи у купца Александрова, арендовавшаго винокуренный заводъ и имѣніе графа. Высокія лавровыя и миртовыя деревья, съ которыхъ сыпались листья, не смотря на усердный уходъ за ними Зины, кое-какъ закрывали внутреннюю стѣну балкона и скрадывали обвалившуюся мѣстами штукатурку. Высочайшіе фикусы, у которыхъ листья уцѣлѣли только на самыхъ верхушкахъ, стояли у колонъ; вокругъ нихъ, чтобы закрыть горшки, стояли потусы, продаваемые на рынкѣ по 5 к. за штуку и за которые съ Засѣкина взяли по 30 к. Въ промежуткахъ между колонами висѣли корзиночки, съ которыхъ спускались жиденькія сасифраги, а съ солнечной стороны балкона висѣла полосатая, довольно полинялая тиковая стора, которую Зина нашла въ одномъ изъ огромныхъ сундуковъ театральной залы. Но вся эта бѣдность обстановки скрадывалась великолѣпнымъ іюльскимъ солнцемъ, которое, проникая сквозь полосатую стору, такъ красиво освѣщало и сочные зеленые листья фикусовъ, и бѣдные большіе лавры и мирты. Чахлыя рас-

тенія, казалось, радовались прекрасному лѣтнему дню и старательно расправляли свои листья, точно подбодряясь и охорашиваясь. Прекрасный обширный видъ отрывался съ балкона стараго дома. Видно было почти на 30 версть кругомъ, таеъ высоко стоялъ домъ въ Преображенскомъ. Вдали—горѣли на солнцѣ купола церквей, синѣла даль, манили въ свою прохладную тѣнь темныя дубовыя рощи; ближе—стлались поля съ пожелтѣвшюю рожью и, точно зыбь проходила по нимъ отъ набѣгавшаго вдругъ вѣтерка; а въ небѣ стояли неподвижно легкія розоватыя облака. Липы были въ полномъ цвѣту, и несмолкаемое жужжаніе пчелъ несло изъ ихъ душистой листвы. Трясогузки, которыя таеъ смущали Вику, продолжали свою неустанную работу и, нисколько не пугаясь общества, сидѣвшаго за столомъ, вылетали и влетали опять въ гнѣздо, съ какою нибудь гусеницею; одна изъ птицъ даже очень долго скакала по рѣшеткѣ и фигуркамъ, держа въ носикѣ громаднаго мохнатаго червяка. Но общество, сидѣвшее за столомъ, не обращало въ эту минуту никакого вниманія ни на прелестный видъ, ни на птицъ, оно слушало рассказы Фрибера, который только вчера ночью прѣѣхалъ изъ Петербурга.

— Вчера, говорилъ онъ, —пью я скверный кофе, на грязной скатерти... знаешь, Лили, на столикѣ, что стоитъ рядомъ съ шкапомъ, въ которомъ красуются торжковскія туфли и подушки, тѣ же самыя, съ тѣхъ поръ, что я ѣзжу по этой дорогѣ? Фриберъ имѣлъ претензію на званіе искуснаго рассказчика и потому всегда рассказывалъ отъ А до Z. — Смотрю, входятъ въ вокзалъ довольно странныя личности: шествуютъ попарно женщины въ черныя платья и бѣлыя передникахъ, съ красными крестами на груди, за ними мальчики въ сѣрыхъ блузахъ, въ сопровожденіи русскаго священника, но не съ русскою фізіономіею. Какія-то нарядныя, пожилыя барыни сопровождаютъ сестеръ. Спрашиваю, кто такия? говорятъ, сестры общины княгини Натальи, отправляются въ Сербію.

— А мальчики-то тоже въ Сербію? спросилъ Засѣкинъ.

— Все нѣтъ, дайте кончить.

— Да тутъ нѣтъ ничего особенно интереснаго, сказала Лили,—сестры милосердія отправляются въ Сербію... Это можно сказать въ двухъ словахъ.

— Un peu de patience, chère madame, любопытное дальше, и можетъ встрѣтиться только въ Москвѣ. Въ числѣ барынь вижу одну, которую я сначала принялъ по туалету за женщину среднихъ лѣтъ, любящую молодиться; подхожу ближе, пред-

ставьте, mesdames,—это была совершенно древняя старуха, въ сѣдомъ шиньонѣ, или скорѣе парикѣ, надѣтомъ на совершенно голую голову. И на этомъ парикѣ, круглая, сѣрая шляпа *poisquetaire*, съ длиннымъ, бѣлымъ перомъ.

— Какъ же вы увидали, что у нея голая голова, если у нея былъ парикъ? спросила, улыбаясь, Зина.

— Парикъ съѣхалъ немного на сторону и я увидалъ совсѣмъ голое мѣсто, какъ ладонь.

— Что же дальше? замѣтила нетерпѣливо Лили, ей невыразимо надоѣли рассказы мужа,—гдѣ же любопытное? *une viel-le folle!* точно ихъ нѣтъ въ Петербургѣ.

— Такихъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Москвы, ручаюсь тебѣ за это! Лили только пожала плечами.

— Между пожилыми барынями, продолжалъ Фриберъ,—шла такая то суета; онѣ бѣгали, шептались, были видимо чѣмъ то недовольны и на кого то жаловались.

— *Ne cherchez pas à le défendre*, говорила одна изъ нихъ, тоже старая, но нарядная какъ бабочка, какому то высокому господину въ сѣрой шляпѣ,—*je le connaissais il n'y a que lui pour faire cela*. Оказалось, что имъ, по случаю проѣзда какого то принца, не позволили служить молебень у Иверской, боялись слишкомъ большого стеченія народа, а предоставили служить молебень на станціи. Администрація, по моему, поступила совершенно рационально: въ чему эти манифестаціи, особенно передъ иностраннымъ принцемъ, а барыни сердятся.

Никто не отвѣчалъ на это замѣчаніе, только Васильевъ проговорилъ своимъ медленнымъ голосомъ:

— Даже молиться запрещается.

— Не молиться, рѣзко отвѣчалъ Фриберъ, взглянувъ строго на учителя,—запрещаются уличныя манифестаціи, это совсѣмъ другое! а я думаю, что вы еще меньше меня стоите за молебны у Иверской.

— Фриберъ, замѣтила Лили,—я просила тебя разъ навсегда никогда не говорить объ этомъ при дѣтяхъ.

— Кажется, я ничего особеннаго не сказалъ; а фанативовъ я не намѣренъ изъ нихъ дѣлать.

— Что же, служили молебень? спросила Зина, желая прекратить споръ между супругами.

— Служили, конечно, только передъ другою иконой, тоже Иверская, только маленькая; всѣ пассажиры, всѣ провожавшіе сестеръ, вся прислуга были тамъ. Мальчиши въ сѣрыхъ блузахъ,

которые оказались дѣтьми изъ какого то пріюта, были пѣвчими.

— Я думаю, это было очень трогательно? сказала Зина.

— Какъ кому! я не изъ чувствительныхъ; барыни плакали, между сестрами были очень молоденькія... и зачѣмъ онѣ вѣдутъ? безуміе какое-то!

— Это великій подвигъ, продолжала Зина и даже покраснѣла, — подумайте, что ждетъ ихъ тамъ, какія нужды и печали, какъ поется въ молебнѣ; вѣдь это война съ варварами, которые не уважаютъ никакихъ конвенцій, стрѣляютъ по перемычнымъ пунктамъ.

— Нельзя всему вѣрить, что пишутъ въ газетахъ, особенно въ московскихъ; онѣ только раздуваютъ общественное мнѣніе. И надо правду сказать, точно безуміе какое-то обуяло всѣхъ; прежде многіе изъ насъ и не слыхали, какіе тамъ славяне существуютъ, а теперь—въ вагонахъ, на станціяхъ, на улицахъ, на гуляньѣ, въ ресторанахъ, просто одолеваютъ васъ барыни съ кружками и блюдами. Наканунѣ моего отъѣзда я былъ въ семейномъ саду, un lieu tout à fait canaille, ну такъ даже и тамъ ходила съ блюдомъ молодая, нарядная барыня, и на блюдѣ лежала груда асигнацій. Помилуйте, нашъ рубль ходитъ за границей чуть не полтинникъ, а тутъ на какихъ то дикихъ герцеговинцевъ и болгаръ летятъ сотни тысячъ. Безсмыслица какая то, ничего болѣе какъ стадное чувство! При мнѣ, въ Крестовскомъ саду, какая то барыня вдругъ зарыдала, когда на сценѣ представлялась дурацкая пантомима, подъ названіемъ «храбрость сербянокъ». Ну какое ей дѣло до сербянокъ, скажите на милость? Меня, признаюсь, все это бѣситъ, и я какъ только завижу кружку съ краснымъ крестомъ, такъ сейчасъ же удираю отъ нея.

— А мы такъ же пьемъ на болгаръ, сказала Лили, — кружки только у насъ нѣтъ, а тоже пошли бы собирать.

— Съ кого это, Лизавета Константиновна? спросилъ Васильевъ.

— Какъ съ кого? съ крестьянъ; спросите у Анны Ивановны, сколько холста принесли уже ей городищенскія и преображенскія бабы.

— Слишкомъ онѣ уже щедры, эти бабы; нищія помогать не въ состояніи.

— Вы очень ошибаетесь, Иванъ Михайловичъ, считая ихъ нищими, вмѣшался Засѣвинъ, — въ Россіи нищихъ нѣтъ, у каждаго изъ здѣшнихъ мужиковъ есть деньги. Digitized by Google

— Только нищія могутъ жить въ такихъ жилищахъ, Константинъ Николаевичъ.

— Это вы говорите про курныя избы? во-первыхъ, курная изба гораздо здоровѣе, чѣмъ изба съ трубою...

— Помилуйте, когда ее топятъ, то настѣжъ отворяютъ двери, чтобъ не задохнуться отъ дыма... и это иногда въ двадцать градусовъ мороза.

— Ну, и ничего! мужикъ привыкъ къ этому.

— Къ дыму и къ морозу въ 20 градусовъ? да развѣ къ этому можно привыкнуть? развѣ у него не такія же легкія, какъ у насъ?

— Нѣтъ-съ, не такія! потому что онъ съ дѣтства къ этому привыкъ; за то когда курная изба истопится, то въ ней тепло, а въ избѣ съ трубою и холодно, и угарно.

— Да вы бывали въ курной избѣ, Константинъ Николаевичъ?

— Разумѣется, бывалъ.

— Ночевали тамъ?

— Стану я ночевать въ такой мерзости.

— Нѣтъ, папа, въ курной избѣ очень холодно, сказала Зина, — я была въ одной изъ нихъ, у племянницы Марьи Васильевны, когда у нея дѣвочка была больна. Тамъ такъ холодно, что я удивляюсь, какъ тамъ живутъ люди, а я была уже послѣ того какъ печь истопилась. «Только на печи и спасенье», говорила мнѣ хозяйка. Отъ оконъ дуетъ, хотя они почти доверху закрыты снаружи соломой; а какой тамъ воздухъ!.. какая нечистота!

— Вольно же имъ пола не мыть, этимъ бабамъ-неряхамъ.

— Да какъ же мыть, папа, когда вода на полу мерзнетъ, и въ этой же избѣ не только куры, но даже и теленокъ живетъ.

— Все это пустяки, однѣ фразы! рѣзко замѣтилъ Фриберъ. — Бѣдность! бѣдность не у однихъ насъ, а повсюду; въ Англии сотни тысячъ людей не имѣютъ даже крова, а наши живутъ хотя въ курныхъ избахъ, но всетаки въ избахъ, и я вполне согласенъ съ Константиномъ Николаевичемъ, что имъ нравится такъ жить.

— Именно, нравится, подхватилъ Засѣкинъ, — Величковскій рассказывалъ мнѣ, что онъ помѣстилъ своего пригашника въ чистой комнатѣ и далъ ему кровать и тюфякъ; что жъ вы думаете? — онъ на этой кровати никогда не спитъ, а тутъ же

валяется на полу, на какомъ то войложѣ. Потребности у нихъ нѣтъ въ другой жизни, это я вамъ вѣрно говорю.

— Совершенно вѣрно! а помогать славянамъ всетаки не слѣдъ; знаете, что мнѣ сказалъ графъ, при отъѣздѣ: «скажите пожалуйста, кто это выдумалъ славянъ? Я знаю что у насъ есть свои голодные славяне, а про другихъ не слыхалъ».

— Вотъ видите, даже какой то графъ говорить, что у насъ есть голодные славяне, а вы отвергаете, Константинъ Николаевичъ, сказалъ Васильевъ, показывая свои черные зубы.

— Какой-то? проговорилъ Фриберъ,—какой-то графъ?!

— Почему же мнѣ знать какой? графовъ, въ несчастію, у насъ очень много.

— Къ несчастію? прелесть что такое! а вы не хотѣли бы быть графомъ?

— Ни за что на свѣтѣ!

— Будто? никогда не повѣрю!

— Нѣтъ, графомъ хорошо быть, вдругъ вмѣшался Вика,—можно тогда и не учиться.

— Ошибаешься, мой милый; тогда нужно еще больше учиться, а то графъ да болванъ, что хорошаго? замѣтилъ Засѣвинъ.

— А вотъ, дѣда, вы генераль, а не знаете грамматики: все говорите «таперича».

— Это я только съ Николаемъ Григорьевымъ такъ говорю, чтобъ онъ меня понималъ.

— Нѣтъ не съ однимъ Николаемъ Григорьевымъ.

— *Taisez vous*, сказала строго Лили.

— Мама, онъ пренесносный, вмѣшалась Ниниша,—всегда суется, куда его не спрашиваютъ.

— А ты молчи! не твое дѣло! я небось не рассказываю, какъ ты маминими духами душишься, да все передъ зеркаломъ разныя штуки лицомъ выдѣлываешь, когда Никита Юрьевичъ сюда прѣзжаетъ.

Лили посмотрѣла съ удивленіемъ на дочку, которая покраснѣла до ворней волосъ; покраснѣла также и Зина; Лили слегка прищурила глаза и проговорила:

— *Mlle Perrasse, il est temps que la petite prenne sa leçon.*

Гувернантка, хотя поняла слова Вики, но притворилась, что ничего не понимаетъ, и продолжала катать хлѣбные шары и видать ихъ трясозукѣ.

— Ну зачѣмъ вы выдаете ей хлѣбъ? сказалъ Вика, вставая,—развѣ не видите, что она только букашекъ ѣсть, вѣдь она не воробей! и онъ хотѣлъ сбѣжать съ балкона.

— Remerciez grand-papa, сказала мать.

— Merci, дѣда! сказалъ мальчикъ, цѣлуя дѣда и опять порываясь бѣжать.

— Où allez vous? спросила строго гувернантка.

«А вамъ что за дѣло», чуть было не вырвалось у Вики; но онъ удержался и медленно проговорилъ—dehors.

Видно уже ему очень хотѣлось бѣжать на улицу, если онъ рѣшился отвѣчать ненавистной французенкѣ, да еще по-французски.

— Онъ дѣлается совершенный enfant terrible, сказалъ дѣдушка, когда дѣти съ наставниками исчезли съ балкона.

— Пусть лучше будетъ enfant terrible, нежели лицемѣръ и лакей, отвѣчала Лили,—какъ были дѣти въ наше время.

— Кто это такой Никита Юрьевичъ, про котораго говорилъ Вика? спросилъ Фриберъ, закуривая сигару, которую онъ бережно вынулъ изъ серебряной сигарочницы, съ огромнымъ вензелемъ en relief.

— У Величовскаго такой артистъ проживаетъ, небрежно отвѣчалъ Засѣкинъ, косясь на сигару зятя и закуривая папироску домашнего издѣлѣя.

— Родственникъ Величовскаго, прибавила Зина и покраснѣла. Зять посмотрѣлъ на нее какъ-то особенно пристально.

— Молодой? протянулъ онъ.

— Молодой, холостой и красивый! проговорила, улыбаясь, Лили.

— А... и богатый?

— Раувге, somme Job.

— Поеть за то, говорятъ, хорошо, сказалъ Засѣкинъ.

— А... протянулъ опять зять.

Зина была какъ на иголкахъ; она очень хорошо видѣла, что все это говорится съ намѣреніемъ, и ей невыразимо стали противны и Фриберъ съ своими презрительными «а!» и даже Лили, съ ея холодною улыбкою. Она очень обрадовалась, увидавъ въ дверяхъ балкона Марью Васильевну, которая дѣлала ей какіе то знаки, и быстро пошла къ ней.

— Что съ нею? спросилъ Фриберъ жену, показывая на Зину.

— Пустьяви, послѣ скажу.

А Зина, отпустивъ Марью Васильевну, надѣла большую соломенную шляпу и быстро, почти бѣгомъ, отправилась внизъ, по боковой дорожкѣ, которая вела въ глубь сада. Ей хотѣлось уйти куда нибудь подальше отъ всѣхъ, гдѣ бы никто не мѣшалъ ей думать о немъ. Впрочемъ напрасно было уходить

такъ далеко; постоянно, и днемъ, и утромъ при пробужденіи, и въ долгіе ночные часы, просиживаемые у отвореннаго окна, одинъ и тотъ же неотступный образъ стоялъ въ умѣ и сердцѣ влюбленной дѣвушки. Мрачное Преображенское, въ которомъ такъ долго тосковала она, казалось ей теперь восхитительнымъ и поэтическимъ, озареннымъ лучезарною прелестью лѣта, любви и молодости. Какъ хорошо было оно весною, съ своими тѣнистыми садами, покрытыми молодою листвою, съ своими тихими водами и неумолаемою, любовною пѣснью соловья; какъ хорошо было оно теперь, въ короткія лѣтнія ночи, когда росистая, прозрачная мгла окутывала его со всѣхъ сторонъ, когда высоко на небѣ блестяли яркія звѣзды, а ея любимая звѣзда, которую она въ первый разъ замѣтила въ тотъ самый вечеръ, когда поняла, что любить его, всегда загоралась надъ темною лиственницею и потомъ медленно плыла по блѣдноглубому небу и исчезала тамъ, за дубами. Какъ хорошо было по вечерамъ, когда его голосъ звучалъ такъ гордо и страстно, наполняя чарующими звуками весь стихнувшій, присмирѣвшій, точно очарованный садъ и паркъ.

Она сѣла на скамью подъ склонившимися вѣтвями липы и глубоко задумалась все о томъ-же; она вся отдавалась своей любви, стараясь отогнать мысли о будущемъ; она знала, что это будущее не сулитъ ей счастья, что никогда Никита не будетъ ея мужемъ, но не потому, чтобы у нея не достало мужества пойти наперекоръ всѣмъ препятствіямъ со стороны родныхъ; ее ни на минуту не пугали ни бѣдность, ни лишенія, которыя ей придется выносить, сдѣлавшись его женою, она привыкла къ нимъ, и трудовая жизнь скорѣе манила ее; она не сомнѣвалась и въ самомъ Никитѣ, въ искренности его привязанности, она вѣрила ему, какъ ребенокъ; нѣтъ, она сомнѣвалась въ самой себѣ, думала, что она только будетъ помѣхою въ его артистической карьерѣ, не сумѣетъ такъ устроить его домашнюю жизнь, чтобы онъ могъ находить въ ней отраду и успокоеніе, не будетъ на высотѣ своего призванія. «Ну какая я жена артиста?» думала она про себя, ставя вообще артистовъ на какой то недосыгаемый пьедесталъ, а между тѣмъ при одной мысли, что имъ придется скоро разстаться, что черезъ мѣсяцъ онъ уйдетъ, у нея замирало сердце.

XI.

У управляющаго винокуреннымъ заводомъ Александрова, Ивана Ѳедоровича Звѣрева, собралось буржуазное общество изъ Городища и Преображенскаго. Заводъ былъ всего въ двухъ верстахъ отъ имѣнія Засѣкина. Управляющій помѣщался въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ, очень неказистомъ снаружи, но замѣчательно опрятнымъ внутри. Жена Звѣрева, Катерина Ивановна, была женщина очень акуратная и замѣчательно опрятная, чѣмъ рѣзко отличалась отъ всѣхъ обывательницъ Перелѣшскаго уѣзда, гдѣ всѣ, отъ барынь до послѣдней бабы, были страшныя неряхи. Все въ домѣ Катерины Ивановны изумляло чистотою, начиная отъ безукоризненно вымытаго, простаго некрашеннаго пола, до крошечной кухни, гдѣ кострюли блестяли какъ у голандки. Даже наружностью Катерина Ивановна напоминала голандку. Это была соровалѣтняя, здоровая, полная женщина, очень веселая и очень гостепріимная. Она не отличалась развитіемъ, была учена, какъ говорится, на мѣдныхъ деньги, но тату въ ней было больше, чѣмъ у иной княгини, и ее можно было безъ боязни, что она покажется смѣшною, принять въ какомъ угодно салонѣ. Даже мѣщанства въ ней было меньше, чѣмъ въ иныхъ перелѣшскихъ барыняхъ, считавшихъ себя аристократами. Былъ только одинъ изъянецъ въ Катеринѣ Ивановнѣ, ну да вѣдь и въ солнцѣ есть пятна: она очень дорожила знакомствами съ людьми, стоявшими выше ея по соціальному положенію (генеральство играло въ ея глазахъ большую роль) и немножко важничала передъ женою конторщика, передъ женою учителя мѣстной школы и передъ дочерью священника, молчаливою, румяною барышнею, которыя всѣ собрались въ ней на пирогъ по случаю именинъ мужа.

— А ты опять позабылъ сказать Засѣкинымъ, въ которомъ часу у насъ пирогъ, говорила она, нѣсколько недовольнымъ голосомъ, мужу, пожилому, высокому господину, съ простодушнѣйшимъ лицомъ, одѣтому въ новомодный, длинный сюртукъ, и покорно преклонявшемуся передъ желаніями и даже привазами своей Катеньки.

— Говорилъ, матушка, ей Богу, говорилъ! да они вѣрно не будутъ.

— Это отчего?

— Оттого, что къ нимъ зять изъ Петербурга третьяго дня пріѣхалъ.

— Лизаветы Константиновны мужъ? велика важность! ну ты бы и его пригласилъ.

— Да я его и не видалъ, Катенька; чтожь, нарочно было для этого опять въ Преображенское ѣхать?

— И съѣздить бы, бѣда небольшая! мнѣ признаться до Фриберовъ дѣла никакого нѣтъ, а вотъ барышня-то очень милая, такая простая, не гордая.

— А мнѣ бы очень было любопытно взглянуть поближе на Фрибершу, громкимъ и надтреснутымъ голосомъ сказала худенькая и смазливенькая жена конторщика, — она, говорятъ красавица.

— Да, король-барыня! отвѣчалъ Звѣревъ, — я такихъ, признаюсь, и не видывалъ; бѣда какъ сахаръ, а руки, руки то, такъ даже блестятъ на солнцѣ, ей Богу!

— Ужь не влюбился ли ты на старости лѣтъ? сказала смѣясь жена. — Господа, милости просимъ! водочки не угодно ли и закусить.

— Водка-то у васъ даровая, пей, значить, сколько душѣ угодно, сказалъ, смѣясь и наливая себѣ большую рюмку, конторщикъ, молодой человѣкъ съ рыжими усами и бородкою, мужъ смазливенькой барыньки.

— Сдѣлайте ваше одолженіе! отвѣчалъ хозяинъ, — хоть бы и не даровая, такъ для дорогихъ гостей не пожалѣемъ. Катенька, пора и за столъ!

— Подождать надо! Величковскій съ Лачиновымъ общались пріѣхать.

— Такъ это придется до вечера ждать; точно ты не знаешь Величковаго: закатится на охоту, жди его тамъ!

— Не велика важность и подождать, тихо сказала хозяйка, показывая на гостей.

— Иванъ Федорычъ, а я у васъ давно хочу спросить, сказалъ непомѣрно толстый, коротенькій господинъ, лѣтъ подъ сорокъ, приващикъ изъ лавки Александра, — какъ мнѣ, т. е. на счетъ долга генерала Засѣина поступить? вѣдь у меня счетецъ на ихъ превосходительство почестъ въ сотъ шесть будетъ.

— Что-жь, поѣзжайте въ Преображенское, да и представьте счетъ.

— Да я, кажись, разовъ десять ужъ былъ; не принимаетъ, или велить сказать, что безпремѣнно на той недѣлѣ приплеть... а какое на той недѣлѣ, почти полгода я ихней копѣйки и въ

глаза не видалъ. Я и до барышни доходилъ; говорятъ, она всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ.

— Ну что-жь?

— Вышла ко мнѣ, точно сробѣвши вся, да такимъ тихимъ голосомъ, даже меня жалость взяла, «подождите пожалуйста, говорятъ, вотъ справимся—за первый долгъ поставимъ васъ удовлетворить». Я говорю: «сударыня, никакъ ждать не могу, деньги хозяйскія!» а самъ не гляжу на нее, конфузно мнѣ за нее. Такая стоитъ передо мною худенькая, да млявинькая... меня, простаго мѣщанина, ужъ такъ просить, а еще генеральская дочка. «Пожалуйста, говорятъ, попросите господина Александра, чтобъ подождалъ, а я на той недѣлѣ безпремѣнно пришло, хоть не все, а пришло».

— И навѣрное прислала, сказала Катерина Ивановна.

— Прислала точно 150 рублей, со старухой, что у нихъ живетъ.

— Ахъ, бѣдная! качая головой, продолжала Звѣрева.

— Знаете-ли вы, какія деньги-то она вамъ прислала? Часы съ цѣпочкой свои послѣднѣе, да еще все-какія колечки заложила въ городѣ. Я и возила.

— Намъ все единственно, сказалъ толстякъ, наливъ себѣ рюмку водки и, перекрестивъ ротъ, залпомъ опрокинулъ въ него рюмку,—деньги не наши-съ, хозяйскія!

— Да я васъ и не виню; кто-жь захочетъ, чтобъ свои деньги пропадали; нынче такія времена, что, кажется, и отцу родному не повѣрятъ; а все же мнѣ жалко Зинаиду Константиновну... смерть какъ жалко!

— Не понимаю, какъ это они дошли до такого положенія? сказалъ хозяинъ.—Этакое имѣніе, золотое дно, земля богатѣйшая, а, кажется, во всемъ околотеѣ нѣтъ человѣка, кому-бы Константинъ Николаичъ не былъ долженъ: и Величковскому, и попу, и на...

— Ну и молчи, остановила его жена,—ѣзъ чему всѣмъ рассказывать.

— Не скроете-съ, Катерина Ивановна, никакъ не скроете, замѣтилъ конторщикъ,—засѣбинскія дѣла всѣмъ извѣстны; вспомните мое слово, что Преображенское съ молотка пойдетъ.

— Ахъ, пожалуйста, не пророчьте! мой мужъ хоть и служить у Александра, а я все-таки не хочу, чтобъ ему Преображенское доставалось; эти кушцы не въ примѣръ гордѣе господь, и супруга Антипа Ивановича какъ засядетъ въ Преображенскомъ, такъ такого форса задасть, что и не подступайся. Я

хоть и сама изъ купеческаго званія, а всегда скажу, что настоящіе господа не въ примѣръ обходительнѣе.

— Это у нихъ-съ надобно спросити? сказалъ конторщикъ, показывая на Васильева, который молча уплеталъ копченныя перелѣшскія селедки, поданныя на закуску.

— Вы это обо мнѣ говорите? сказалъ онъ, поднимая голову.—Я живу не у Засѣкиныхъ, продолжалъ онъ жуя,—а у Фриберовъ и вовсе не занимаюсь изученіемъ этихъ индивидуумовъ.

— Говорить какъ странно, прошепталъ толстякъ конторщику,—сейчасъ видно что изъ нынѣшнихъ; у насъ въ прошломъ году такой же на фабрикѣ проявился, въ поддевкѣ ходилъ и въ сапогахъ смазныхъ, такъ все такимъ нарѣчиемъ говорилъ.

— Зачѣмъ же это онъ у васъ на фабрикѣ жилъ? химикомъ что-ли состоялъ, или простымъ рабочникомъ?

— Лѣшій его знаетъ! работать не работалъ, а такъ межъ фабричными толкался, книжки имъ читалъ.

— Скажите... ну и что-жь?

— А тоже, что книжки-то оказались не путація; одинъ изъ молодцовъ возьми, да хозяину и поважи... ну его, раба Божія, взяли, скрутили, да въ городъ въ полицейское управленіе и предоставили.

— Эхъ какіе вы! да можетъ онъ ничѣмъ невиновать?

— Виновать, аль нѣтъ, это ужъ тамъ разберутъ; только бы намъ передъ начальствомъ какъ есть въ акуратѣ быть.

— Эвая скотина! сказалъ Васильевъ своему сосѣду учителю, вслушавшись въ слова прикащика.

— Ничуть, отвѣчалъ учитель,—я бы тоже самое сдѣлалъ.

— Что вы, Яковъ Андреичъ? этакую подлость!

— А это не подлость—смущать бѣдный народъ? рѣзко проговорилъ учитель, сильно выговаривая на «о».

— Ну что вы такое говорите? не смущать, а разъяснять ему его положеніе, показывать выходъ изъ него.

— Нѣтъ-съ, смущать, да въ бѣду вводить, потому что вы ни народа, ни нужды его не знаете, съ нимъ не жили, и его не понимаете, а туда же учить собираетесь, книжки дурацкія даете ему читать.

— Многія изъ этихъ книжекъ точно неудовлетворительны, но дѣло не въ нихъ, а въ разъясненіи.

— Да что вы разъяснять-то будете, когда сами ничего не знаете и не понимаете! Смѣются только надъ вами мужики, ей Богу! Вотъ вы все съ волостнымъ писаремъ возитесь, а писарь-то, я вамъ скажу, первый мошенникъ, съ живаго и съ

мертваго дереть; а вы его за друга народа почитаете, потому что вы ни жизни, ни людей не знаете... какъ есть малый ребенокъ; да и всѣ-то ваши—такіе же младенцы несмысленные. И гибнете вы, какъ говорится, ни за грошъ. Да вы не смѣйтесь; я жалѣючи васъ всѣхъ говорю. Есть изъ васъ хорошіе ребята, да вотъ хотъ вы сами... вѣдь вы мухи не обидите, а туда же говорите—съ топоромъ надо идти.

— Что-жъ дѣлать, когда иначе нельзя.

— Нѣтъ, можно! божусь вамъ, можно! надо только умѣючи за дѣло браться, потихоньку, да помаленьку, дѣйствуя честнымъ манеромъ на подрастающее поколѣніе.

— Нищимъ учиться некогда и нельзя! сами же вы говорите, что какъ только мальчишка подростеть, такъ его у васъ же сейчасъ берутъ назадъ въ домъ, работниѣ, модъ, нужеѣ; а тутъ-то и время настоящаго развитія.

— Что и говорить, трудно народу учиться; да и среда-то, въ которую мальчиѣ попадаетъ изъ школы, такая грубая, пьяная, неразвита; а все же вы не путнаго желаете! Бойтесь возбудить народную массу, вѣдь человекъ — звѣрь, сами же вы говорите.

— Да я и не думаю возбуждать, съ чего вы взяли?

— Ну, а не думаете, тѣмъ лучше... пусть же все и останется однимъ празднымъ разговоромъ.

— А вотъ и Василій Николаичъ съ Никитой Юрьевичемъ, сказала хозяйка, глядя въ окно.

Къ дому подѣхали неизмѣнныя бѣгковыя дрожжи, на которыхъ сидѣли Васинька и Никита, въ тѣхъ же охотничьихъ костюмахъ, но съ тою разницею, что Васинькины гетры были всѣ въ пыли. Никита ловко соскочилъ съ дрожекъ и взбѣжалъ на крутое крыльцо флигеля.

— Мое почтеніе, Катерина Ивановна! сказалъ онъ, входя и первый протягивая руку хозяйкѣ, всѣмъ остальнымъ онъ поклонился однимъ поклономъ.

— Извините, кажется, опоздали, сказалъ Васинька, входя съ хлыстомъ въ рукѣ.

— Да вѣдь вы ужъ, извѣстно, всегда опаздываете, отвѣчала хозяйка, внутренно сіяя отъ удовольствія, что въ ея салонѣ появились такіе важные гости.

— А, и вы здѣсь? сказалъ Никита, замѣтивъ смазливенькую конторщицу и садясь подлѣ нея на диванѣ.

— Амуръ какой! просто душа! шептала учительница на ухо поповѣ.

— А вы и не заглянете никогда въ наши края, отвѣчала, громко смѣясь, конторщица.

— А гдѣ это ваши края?

— Глухости спрашиваете!

Онъ нагнулся и что-то тихо сказалъ ей на ухо. Она громко и визгливо захохотала.

Пирогъ былъ великолѣпный, хозяинъ усердно подливалъ гостямъ визикинской лафитъ и донское; всѣмъ было очень весело. Васильевъ ѣлъ за двоихъ и глядѣлъ добродушно; Васинья и Никита ввали что-то невозможное смазливенькой барынькѣ, сидѣвшей между ними, которая каталась отъ смѣха, а иногда неизвестно отчего взвизгивала, такъ что даже хозяйка, не то удивленно, не то строго взглядывала на нее; поповна съ учительшей все шептались и уже больше не восторгались душкой Лачиновымъ, внутренно злая, что онъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Послѣ завтрака, гдѣ всѣ страшно набѣлись, вся компанія отправилась смотрѣть хороводы, которые водили анчутинскія дѣвки. Селеніе, гдѣ находился заводъ Александра, называлось Анчутино. Дѣвки, набѣленные и нарумяненные, но весьма некрасивыя, взявшись за руки, топтались на одномъ мѣстѣ, что-то распѣвая визгливѣйшими голосами, а посрединѣ ходила самымъ унылымъ образомъ одна изъ дѣвокъ, съ платочкомъ въ рукахъ. У кабака за то стонъ стоялъ отъ ругани и смѣха. При видѣ начальства (вѣдь для мужика всѣ начальство) крикъ немного утихъ, но потомъ мужики, видя, что господа не шли дальше лужка, на которомъ гуляли дѣвки, заорали еще сильнѣе и даже кто-то крикнулъ: караулъ! совершенно пьянымъ и хриплымъ голосомъ. Рябой писарь, недопускаемый Звѣревою въ ея салонъ, подошелъ къ Васильеву, который дружески протянулъ ему руку, точно желая вознаграждать его за чванство Катерины Ивановны, и поближе подвинулся съ нимъ къ оравшей толпѣ. Войти въ самую толпу онъ боялся, потому что вообще былъ человѣкъ очень робкій и къ тому же совсѣмъ не умѣлъ говорить съ мужиками. Тѣ, которые стояли поближе, посмотрѣли на него искоса, а одинъ какой-то рваной мужиченко, въ гречневикѣ, совершенно съѣхавшемъ на затылокъ, едва державшійся на ногахъ, проговорилъ, безсмысленно улыбаясь:

— Не поднесете-ли господа, водочки? то-то знатно! Онъ даже хотѣлъ ударить по плечу Васильева своею грязною лапцой, но тотъ брызгливо отшатнулся и покраснѣлъ до ушей. Рябой писарь отстранилъ очень ненѣжно грязную лапцу и повелъ своего пріятеля въ рошу, подальше отъ гуляющаго на-

рода. Васиньѣ и Никитѣ, не смотря на ихъ аристократизмъ, было очень весело, и Никита, догоняя на лугу развеселившихся, хохотавшихъ и визжавшихъ барынь и барышню (играли въ горѣлки), находилъ, что мондъ буржуа, иногда гораздо интереснѣе и веселѣе такъ называемаго высшаго свѣта.

ХП.

Приближался конецъ августа, вмѣстѣ съ тѣмъ приближалось и время отъѣзда Никиты, о которомъ, съ тоскою на сердцѣ, думала Зина. Повидимому, въ Преображенскомъ все обстояло благополучно: такъ же разсѣянно учился, по утрамъ, Вика; такъ же всѣ собирались по звонку къ завтраку и обѣду; такъ же аккуратно, въ одинъ и тотъ же часъ, играла гаммы Нинишъ; такъ же разсказывалъ о прошедшемъ величїи и богатствѣ рода Засѣкиныхъ старый генералъ; такъ же длинно, скучно и пространно развивалъ Фриберъ свой консервативный образъ мыслей; такъ же красиво одѣвалась Лили; продолжала и Зина дѣлать съ Марьей Васильевной чудеса искусства, чтобы навормить весь этотъ народъ (фриберовскихъ субсидій хватило не надолго), а Васильевъ по прежнему или глубокомысленно молчалъ, или развивалъ передъ писаремъ свои социалистическія идеи. Все, повидимому, шло по прежнему, а между тѣмъ Зинѣ и Лили казалось, что онѣ живутъ наканунѣ какого-то событія, и что будущее непременно принесетъ имъ что-то неизбежное — страданіе или счастье! но, кажется, скорѣе страданіе. Ни та, ни другая, конечно, не передавали другъ другу свои опасенія, тревоги и надежды, одна потому, что ей было совершенно невозможно допустить кого бы то ни было въ свое святая святыхъ, другая потому... что, когда мы замышляемъ противъ нашего ближняго что нибудь дурное, мы никогда его объ этомъ не предупреждаемъ. А нехорошіе замыслы подымались въ хорошенькой головѣ Лили, нехорошая страсть заставляла такъ тревожно биться ея сердце, и, не смотря на всѣ парадоксы, которыми она старалась успокоивать свою совѣсть, эта непрошенная совѣтчица всетаки подчасъ, хотя и очень тихо, говорила ей: «остановись, зачѣмъ? не надо»... Но кто же слушаетъ эту скучную совѣтчицу, когда тѣ, отъ чего она хочетъ удержать насъ, такъ обаятельно, таинственно и заманчиво. Разумѣется, всѣ эти предположенія и надежды были очень неясны даже для самой Лили; она не дѣлала никакихъ плановъ, не подводила никакихъ ковъ, она просто не скрывала отъ Никиты того впечатлѣнія, которое

производилъ на нее его голосъ, хотя даже нѣсколько преувеличивала это впечатлѣніе. Она, гордая, холодная и непрístupная для всѣхъ, становилась для него простою, довѣрчивою, даже робкою; она, скрытная и непроницаемая, не скрывала отъ него своего равнодушія и даже отвращенія къ мужу; она, точно нечаянно, являлась изящною, прелестною, въ бѣлыхъ дорогихъ *deshabillé*, рядомъ съ просто одѣтою, въ неизмѣнное сѣрое платье, Зиною, и надобно было быть человѣкомъ очень хладнокровнымъ, чтобы не любоваться ею и только ею одною, когда, озаренная яркими лучами солнца, которое не смѣло тронуть загаромъ ея снѣжной бѣлизны, она являлась, граціозная и стройная, въ аллеяхъ стараго сада. Конечно, въ сущности, въ этомъ еще не было ничего преступнаго, а между тѣмъ это ничего мутило, раздражало молодое воображеніе, заставляло юношу забывать свою любовь и невольно думать: «вотъ женщина, которая можетъ свести съ ума». Зина ничего не видѣла и ничего не подозрѣвала; да и могла ли она думать, чтобы онъ, любя ее, могъ увлекаться другою, могла ли она подозрѣвать, чтобы Лили, эта гордая Лили, которая находила невысказаннымъ ея бракъ съ Лачиновымъ (она нѣсколько разъ высказывалась въ этомъ смыслѣ), чтобы эта Лили, которую она такъ любила, была способна отнять у нея все, что у нея есть самаго дорогаго. Первый разъ въ жизни она была счастлива, счастлива, не смотря на тяжелое матеріальное положеніе, которое она изъ гордости скрывала отъ Фриберовъ, не смотря на близость разлуки и на неопредѣленность будущаго; счастлива потому, что онъ былъ близко, что они видѣлись почти каждый день; однимъ словомъ, счастлива тѣмъ, что она любитъ и любима... Лѣто, любовь и молодость, чего же нужно больше для счастья? и зачѣмъ заглядывать въ будущее, зачѣмъ думать о завтрашнемъ днѣ, когда сегодня такъ хорошо? Ни Константинъ Николаевичъ, ни Фриберъ, понятно, ничего не подозрѣвали и не замѣчали, первый потому, что никогда не былъ проницателенъ и къ тому же, какъ всѣ эгоисты, думалъ только о себѣ; второй... да когда же мужа что нибудь замѣчаютъ? Къ тому же Лили сказала Константину Николаевичу, когда онъ первое время боялся, чтобы Зинѣ не понравился этотъ пѣвецъ, что сестра и не думаетъ о Лачиновѣ, что она очень хорошо понимаетъ *qu'il n'est pas de leur monde*; а мужа она увѣряла, что хотя Зина и нравится этому странствующему музыканту, но тутъ нѣтъ ничего серьезнаго, и что Зина слишкомъ благоразумна и неспособна на увлеченіе. Значить, и овцы были цѣлы, и волеи сыты, и Ла-

чиновъ могъ бывать въ Преображенскомъ, не возбуждая ни въ комъ опасенія.

Время шло, наступилъ день отъѣзда Никиты, онъ уѣзжалъ съ Васинькой, который провожалъ его до Москвы. Последній разъ Зина гуляла съ Лачиновымъ въ городищенскомъ паркѣ. Былъ тихій и теплый августовскій вечеръ, такой вечеръ, какіе бываютъ рѣдко. Полная луна высоко стояла на небѣ, и ея лучи, проникая сквозь густую листву высокихъ деревьевъ, какъ-то волшебна, точно въ декорации, освѣщали нѣкоторыя дорожки, оставляя остальные въ полумракѣ.

Они шли все дальше и дальше, все больше углубляясь въ паркъ, и все больше и больше обхватывала ихъ глубокая прелесть этой тихой, лунной, теплой ночи. Кругомъ—ни звука, ни шороха, точно они были одни на свѣтѣ, въ этомъ заколдованномъ, облитомъ луннымъ свѣтомъ, лѣсѣ. Зина вдругъ остановилась...

— Никита! сказала она, поднимая на него свои большіе, грустные глаза; въ первый разъ она такъ назвала его и въ первый разъ говорила ему ты:—дай мнѣ слово, что, чтобы ни случилось, если даже ты разлюбишь меня, ты никогда не будешь гулять съ другою, въ такой вечеръ, въ лѣсу.

Онъ невольно улыбнулся.

— Какой ты ребенокъ, Зина!

— Дай мнѣ слово... тебѣ кажется смѣшно, что я придаю этому вечеру такое значеніе; но я чувствую, что для меня онъ будетъ первый и единственный въ жизни; пусть же и для тебя онъ останется единственнымъ воспоминаніемъ.

— Если ты непремѣнно этого хочешь?

И онъ невольно подумалъ: «Какая сентиментальность! иди-лія какая-то!»

— Мы расстаемся надолго, можетъ быть, навсегда, продолжала Зина и, точно усталая, опустилась на скамью.

— Навсегда! не говори этого, Зина! Онъ сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея маленькія, холодныя ручки:—Я буду работать безъ усталости... сдѣлаюсь профессоромъ въ консерваторіи, и тогда попрошу твоей руки, и надѣюсь, что тогда твой отецъ не откажетъ мнѣ, хотя онъ и находить *que je ne suis pas de votre monde*, какъ на дняхъ объясняла мнѣ ваша сестра.

У него съ горечью вырвались эти послѣднія слова.

Зина слабо улыбнулась, она почти не слыхала словъ Никиты, она только жадно смотрѣла на его прекрасное лицо, та-

кое блѣдное подъ лучами мѣсяца, и ей все казалось, что она видитъ его въ послѣдній разъ.

— Да, повторила она въ раздумѣ: — работать надо... но какъ? у тебя талантъ, а я ничего не умѣю; правду говоритъ про меня Васильевъ, что я бѣлоручка.

— Вретъ онъ все! самъ много дѣлаетъ, сказалъ Лачиновъ съ досадою.

— Онъ учить, а это важное и трудное дѣло; онъ мать, сестру и больного брата своими трудами содержать. Онъ смѣшной... что до этого, но онъ хорошій.

— Да ну его!

— Я къ тому говорю, Никита, что, смотря на трудящихся людей, мнѣ дѣлается стыдно и страшно моей неумѣлости; вѣдь и мнѣ, можетъ быть, также придется содержать работою своего отца.

— Неужели же вы въ такой крайности?

— У насъ нѣтъ ничего, мой другъ! или, что еще хуже, у насъ есть большой домъ, который я не знаю, чѣмъ мы будемъ топить зимою, и аренда за землю, которой едва достанетъ на проценты по нашимъ долгамъ. Вѣдь я теперь хорошо знаю наши дѣла; отцу я, конечно, не говорю объ этомъ, къ чему разрушать его иллюзиі? Я была бы рада получить какое нибудь мѣсто, хоть сельской учительницы; но у меня нѣтъ диплома.

— Что же думаютъ Фриберы? мнѣ кажется, ихъ прямая обязанность помочь Константину Николаевичу.

— У Фрибера свое семейство, къ тому же я скорѣе умру, чѣмъ приму помощь отъ Егора Васильевича. Ну да полно объ этомъ, зачѣмъ отравлять послѣднія минуты нашего послѣдняго свиданія. Будь счастливъ, милый! Богъ дастъ—все устроится, обернемся какъ нибудь, какъ говоритъ папа. Пора! меня вѣрно уже хватились; папа волнуется, а Лили сердится. Ахъ, а ргорос, она мнѣ говорила, что ты будешь давать уроки музыки Нинишъ?

— Да...

И Лачиновъ покраснѣлъ при этомъ, но Зина не замѣтила его смущенія.

— Пиши мнѣ, продолжала она и голосъ ея дрогнулъ, — только такъ, чтобы я могла показать письмо папа. Онъ будетъ спрашивать, а скрывать и лгать мнѣ противно; я буду писать къ сестрѣ, ты отъ нея будешь знать обо мнѣ, — и она заплакала.

Никита сталъ передъ нею на колѣни, ему сдѣлалось невыразимо жаль ее, и въ эту минуту онъ искренно давалъ себѣ

слово трудиться и работать, чтобы имѣть право назвать ее своею женою.

— Зина, не плачь! говорилъ онъ, цѣлуя ея дрожащія руки,—мы увидимся, увидимся скоро... влянусь тебѣ, моя дорогая, милая!

Она долго смотрѣла на него молча, точно желая наглядѣться, потомъ вдругъ, быстрымъ, порывистымъ движеніемъ, наклонилась къ нему, обвила его шею руками, вѣрно поцѣловала, вскочила, и прежде чѣмъ Лачиновъ успѣлъ опомниться отъ этой неожиданной ласки, уже исчезла за деревьями.

А. В.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

* *
*

Не тѣмъ, Господь, великъ, непостижимъ
Ты предъ моимъ мятущимся сознаньемъ,
Что въ звѣздный день, твой свѣтлый серафимъ
Громадный шаръ зажегъ надъ мірозданьемъ.

И мертвецу съ пылающимъ лицомъ
Онъ повелѣлъ блюсти твои законы,
Все пробуждать живительнымъ лучомъ,
Храня свой пылъ столѣтій міліоны.

Нѣтъ, Ты великъ и мнѣ непостижимъ
Тѣмъ, что я самъ, безсильный и мгновенный,
Ношу въ груди, какъ оный серафимъ,
Огонь сильнѣй и ярче всей вселенной.

Межъ тѣмъ какъ я—добыча суеты,
Игралище ея непостоянства,
Во мнѣ онъ вѣченъ, вездѣсущъ, какъ Ты,
Ни времени не знаетъ, ни пространства.

А. Фетъ.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КОРЕСПОНДЕНТЫ.

(Эскизы изъ губернской жизни).

I.

MONSIEUR ЭЛВАНДОВЪ.

Въ Плѣсноводскѣ ждали съ нетерпѣніемъ пріѣзда новаго врача, Григорія Александровича Крестовоздвиженскаго. Онъ жилъ ранѣе въ одномъ уѣздномъ городѣ Плѣсноводской губерніи, — и оттуда, изъ уѣзднаго захолустья, слава его достигла до губернскаго города. «Это—гуманнѣйшій человѣкъ, это — сердце, бьющееся одною любовію ко всему бѣдному, страждущему и угнетенному. Онъ знаетъ свое дѣло лучше всякой знаменитости: мѣткій діагнозъ и удивительно умѣлое, удачное леченіе».

Но это не все, что утверждала молва, опередившая доктора.

— Даже удивительно—до чего его любить простой народъ! Рассказывала одна барыня, гордившаяся тѣмъ, что она первая въ городѣ узнавала всѣ новости.—У меня вѣдь въ Видновѣ—родственники, продолжала она:—такъ они вотъ пишутъ: изъ-за 80 и 100 верстъ приходятъ къ нему... и кто вѣдь? Мужики! Замѣйте: тѣ самые мужики, чтѣ не вѣрятъ лекарю и боятся больницы. Это знаменательно!

Какъ про доктора, про Крестовоздвиженскаго рассказывали просто чудеса. Онъ вылѣчилъ купца, не видѣвшаго двадцать лѣтъ. Онъ заставилъ ходить женщину, болѣе десяти лѣтъ не встававшую съ кресла. Онъ спасъ чахоточнаго, приговореннаго къ смерти петербургскими и заграничными свѣтилами. Не до-

ставало одного, чтобы онъ, подобно Христу, однимъ словомъ подымалъ умирающаго съ постели и воскрешалъ мертваго! Послѣ этого неудивительно, что такого врача ждали съ нетерпѣніемъ всѣ болящіе плѣсноводцы.

И это ожиданіе роковымъ образомъ начало отзываться на другихъ врачахъ. У Ивана Ивановича былъ застарѣлый ревматизмъ. Онъ лечился цѣлые годы, пролечилъ много денегъ, но не получалъ желательнаго изцѣленія. Конечно, онъ всетаки продолжалъ бы пачкаться, оплачивая услуги Ѳедора Ѳедоровича Тепфера;—но тутъ вдругъ стало извѣстно, что скоро прійдетъ въ Плѣсноводскъ Крестовоздвиженскій.

— А вотъ-что скажетъ онъ? Что онъ сдѣлаетъ? Онъ поможетъ. Да... буду ждать его, рѣшилъ Иванъ Ивановичъ и пересталъ посѣщать своего врача.

Въ той же надеждѣ на мудрость и опытность «новаго доктора» и Марья Леонидовна отказала Николаю Петровичу Злобогину, лечившему ее отъ усиленнаго сердцебіенія и постоянной боли подъ ложечкой.

— Довольно перебросалъ зелененькихъ,—будетъ! порѣшилъ и купецъ Аршинниковъ.—Чего зря бросать деньги... уже вотъ прійдетъ новый,—онъ, надо думать, меня оправитъ, потому очинно ужъ восхваляютъ!

И зелененькія перестали переходить въ руку Алексѣя Васильевича Пахомова. «Болящіе и скорбящіе» повторяли исторію, рассказанную покойнымъ потомъ. Тамъ крестьяне, ожидавшіе барина, разсуждали: «вотъ прійдетъ баринъ, баринъ насъ рассудитъ»; здѣсь же больные, ожидая пріѣзда новаго доктора, говорили себѣ: «новый врачъ прійдетъ — намъ-де всѣмъ поможетъ».

Нечего и прибавлять, что плѣсноводскіе врачи, начавшіе терять практику и боявшіеся потерять ее окончательно, глубоко возненавидѣли своего будущаго коллегу. Они рѣшились дружно сплотиться между собою и во что бы то ни стало выжить его. Никто не называлъ Крестовоздвиженскаго по фамиліи, говорили просто: «онъ, его»—и это всѣмъ было понятно.

Въ одинъ изъ ненастныхъ осеннихъ вечеровъ, прибылъ наконецъ, въ Плѣсноводскъ и новый докторъ вмѣстѣ со своею теткою.

Это былъ невысокаго роста, уже пожилой брюнетъ, съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ, на которомъ остались слѣды какого-то страданія. Въ его карихъ глазахъ свѣтилась доброта и въ то же время какъ будто насмѣшка. Словно онъ смотрѣлъ

на всѣхъ какъ на людей заблуждающихся, живущихъ ложными интересами и не знающихъ истиннаго счастья въ жизни. Лицо его не было красиво въ общепотребительномъ смыслѣ этого слова, но этому блѣдному лицу, полному мысли и скорби, длинные волосы и большая борода придавали особенное, если можно такъ выразиться, какое-то необыкновенное выраженіе и рѣзко выдѣляли его изъ массы другихъ лицъ. Не ошибались тѣ, которые говорили, что Крестовоздвиженскій похожъ на апостола. Особенно это было вѣрно, когда онъ увлекался и рѣчь страстнымъ, горячимъ потокомъ лилась изъ его усть, а глаза блестя дивнымъ огнемъ. Скоро всѣ узнали, что докторъ любитъ не одни научные, спеціальные вопросы, но охотно заводитъ самъ и охотно поддерживаетъ разговоры на темы общественно-жизнейскія, касающіяся народнаго быта, экономическаго положенія народа, отношенія его къ наукѣ и врачамъ, къ духовенству и церкви. Онъ любилъ и теологическіе споры, но его своеобразные взгляды по этому вопросу поражали многихъ, и въ то же время дѣлали споры трудными, почти невозможными, такъ какъ Григорій Александровичъ обладалъ большою богословскою ерудиціей, зналъ наизусть массу источниковъ и буквально засыпалъ противника цитатами изъ книгъ ветхаго и новаго заветовъ.

Но эти своеобразности не мѣшали дѣлу. Здѣсь онъ являлся человѣкомъ, вооруженнымъ сильнымъ знаніемъ, обладающимъ дѣйствительно мѣткимъ диагнозомъ. Народъ массами пошелъ къ новому доктору, и съ семи часовъ утра его приемная уже была полна паціентами. За совѣты ничего не платилось— и въ приемную шли, разумѣется, только тѣ, кто не имѣлъ средствъ позвать доктора къ себѣ на квартиру. Люди состоятельные или сильно больные звали Крестовоздвиженскаго на домъ, и скоро число его паціентовъ такъ увеличилось, что ему не хватало времени на посѣщеніе всѣхъ приглашавшихъ его больныхъ. Новый докторъ не дѣлалъ чудесъ и даже прямо отказался лечить одного слѣпого; но за то, когда брался—то употреблялъ всѣ усилія, былъ необыкновенно внимателенъ и, въ большинствѣ случаевъ, лечилъ удачно. Больные оставались довольны и способомъ леченія и особенно отношеніями врача, ѣхавшаго по первому зову, не знавшаго различія между паціентомъ-нищимъ и платящимъ по десяти рублей за визитъ. И слава Крестовоздвиженскаго росла въ городѣ не по днямъ, а по часамъ.

Но полное торжество ждало его впереди. Купчиха второй гильдіи Матрена Власьева Семихвостова, не знавшая въ своей жизни почти никакой болѣзни, скоропостижно умерла. Нака-

нунѣ она была въ гостяхъ, ни на что не жаловалась, легла по обыкновенію около двѣнадцати часовъ спать, а на утро ее нашли въ постели безъ всякихъ признаковъ жизни. Приванный врачъ констатировалъ смерть безъ малѣйшаго колебанія.

— Она умерла и всё мѣры напрасны, сказалъ Злобогинъ, зажимая въ руки трехъ-рублевую бумажку.

— О, да, да... все кончено! подтвердилъ и Тепферъ, пріѣхавшій спустя полчаса послѣ своего товарища.

Семихвостовъ былъ въ отчаяніи. Онъ любилъ покойницу, да и всего только годъ, какъ женился на ней.

— Братецъ, промолвила свояченица:— да позовите еще Крестовоздвиженскаго, что онъ скажетъ!

— Богъ что-ли онъ! отвѣтилъ купецъ, махая рукою.

— Ахъ, братецъ, что вы! Я и въ мысляхъ не держала этого... какъ можно! но какъ вѣдь всё восхваляютъ... Вотъ Индюшкинъ уже умиралъ совсѣмъ, безъ языка былъ... всё врачи приговорили къ смерти, такъ что и жену его съ испугу чуть не уморили, а Крестовоздвиженскій началъ лечить—и поднялъ!

— Поднялъ да не мертваго! Воскресить не одинъ докторъ не можетъ; какъ ни мудри, а больше Бога не быть... что и грѣшить занапрасно. Божья воля! Твори Создатель, что ему благоугодно.

— Ахъ, батюшка, а можетъ быть...

— Что можетъ быть? Два доктора сказали, ужели дураки такіе, что не отличать мертваго отъ живаго? перестань говорить пустое! закончилъ Семихвостовъ, утирая глаза росписнымъ платкомъ.

Свояченица не стала спорить, но какъ только зять уѣхалъ изъ дому, отправилась сама къ «новому доктору». Дорогой ей сдѣлалось вдругъ и стыдно и боязно.

«Дура, зачѣмъ я, въ самомъ дѣлѣ, ѣду? Ну что можетъ сдѣлать самый первый въ мірѣ докторъ, когда человѣкъ умеръ? Назоветь онъ меня полоумною, изругаетъ... Нѣтъ, не такой онъ чтобы лаяться, не Тепферъ... добрый, говорятъ, обходительный... Не поѣдетъ, такъ дѣлать нечего, а всетаки испробую...»,

Съ этою мыслию позвонила она въ квартиру Крестовоздвиженскаго.

Ей отворила пожилая женщина, вся въ черномъ, сухая какъ щепка и желтая какъ лимонъ.

— Григорій Александровичъ у себя?

— Да... онъ только сейчасъ пріѣхалъ и... сильно утомленъ. У васъ опасно больной?

— Не могу-ли я самихъ ихъ видѣть... лично бы сказать надо... на минутку, я не задержу... не спать вѣдь они-съ?

— Нѣтъ; я скажу ему.

Крестовоздвиженскій полулежалъ на кушеткѣ, замѣтно утомленный и взволнованный.

— Что прикажете? спросилъ онъ, вставая при входѣ купчихи.— Садитесь, пожалуйста, прибавилъ онъ тѣмъ же утомленнымъ голосомъ, но безъ раздраженія и желанія спровадить какъ можно скорѣе посѣтительницу.

Онъ придвинулъ ей кресло и самъ сѣлъ опять на кушетку.

— Ахъ, батюшка, такое дѣло, такое дѣло... что и сказать не знаю какъ. Не къ больному вѣдь зову... а къ мертвому! Два доктора были и оба говорятъ, что умерла. Братецъ ужасъ какъ убиваются... да что, говоритъ, дѣлать... противу Господа не пойдешь! Истинно такъ... а я вотъ все-таки къ вамъ... ужъ очинно много наслышамшись о васъ-то... такъ наслышамшись, что и сказать не можно!

— Но вѣдь если она умерла... началъ было Крестовоздвиженскій.

— Умерла, говорятъ... и сама вижу, что не жива... а что-то вотъ не даетъ покою, да и только. Словно шепчетъ это: «сѣзди къ нему-то»,—это къ вамъ-то, стало быть,—«сѣзди, моль, попроси, пусть взглянетъ... кто знаетъ:—развѣ ошибиться нельзя». Сама слыхала, какъ въ деревнѣ, подъ Грязнопольскомъ, одна женщина замирала, а ну, какъ и Мотря-то наша не умерла, а такъ только... замерла! гляньте... не откажитесь, сдѣлайте милость!

— Какіе врачи были у васъ?

— Да Злобогинъ съ Тепферомъ. Сперва-то Злобогинъ, а поза нимъ вскорѣ и Тепферъ.

— Не могли же они такъ ошибиться! Но извольте: для вашего успокоенія я поѣду.

— Сдѣлай милость, родной! У меня и вибиточка своя...

Можете себѣ представить радость сестры и не менѣ радостное изумленіе мужа, когда докторъ объявилъ рѣшительно, что Матрена Власевна не умерла, а именно только «замерла».

— У нея летаргическій сонъ, сказалъ Крестовоздвиженскій.

— То есть какъ это... стало быть жива? промолвилъ купецъ, смотря на доктора съ недоувѣріемъ.

— Да, жива!

— Такъ-ли? Какъ же это... тѣ-то: умерла, говорятъ, и способъ никакихъ нѣтъ помочь!

— Ошиблись... я васъ увѣряю, что она въ летаргiи.

— Чтожь теперъ дѣлать-то? куда ее дѣтъ? сказалъ обрадованный мужъ, начиная склоняться на сторону новаго доктора, но всетаки еще не вполне вѣря его словамъ.

— Снимите ее со стола и положите на кровать. Нельзя опредѣлить долго-ли продолжится летаргiя... бываетъ всяко. Я буду заѣзжать каждый день.

— Вотъ тебѣ и разъ! говорилъ Семихвостовъ по уходѣ доктора:—двое—одно, а третiй—другое: вотъ тутъ и понимай! кому вѣрить?

— Не хоронить-же, братецъ, заживо! обидчиво замѣтила свояченица.

— Кто-жь тебѣ про это говорить! Развѣ я радъ смерти Матрены? Я такъ только разсуждаю-то... а хоронить извѣстно не стану: пока не будетъ «духу»—пуцай лежить... ахъ, Господи, Царь Небесный! Ужели это онъ, докторъ-то, правду говоритъ?

На другой день весь городъ заговорилъ о «живой покойницѣ».

— Какъ? что? жива? Семихвостова жива? Дуракъ! Онъ хочетъ быть всегда оригинальнымъ! Ну, да это ничего! сказалъ Злобогинъ.

— Онъ хочить насъ дѣлать дуракамъ, а самъ имъ бывать! о, да, да—это такъ! согласился Тепферъ.

Однако они оба и всѣ остальные врачи поѣхали посмотрѣть на мнимоумершую.

Къ полнѣйшему ихъ изумленiю—Семихвостовъ на-отрѣзъ отказался показать жену.

— Нечего ее смотрѣть по пустому, промолвилъ онъ довольно рѣзко:—коли жива, такъ встанетъ, а умерла—похоронимъ; что зря глядѣть? не годится!

Этотъ отказъ оскорбилъ врачей, но вмѣсто того, чтобы обидѣться на кушца, они озлобились еще болѣе на Крестовоздвиженскаго. Они были увѣрены, что Семихвостовъ дѣйствовалъ по наставленiю Григорiя Александровича.

— Вскочка! Интриганъ!

— Это мы запомнимъ... хорошо-о!

Въ городѣ между тѣмъ всѣ ждали съ нетерпѣнiемъ чѣмъ кончится исторiя. Одни были на сторонѣ Крестовоздвиженскаго, другiе противъ него.

— Помилуйте, возражали послѣдніе:—развѣ можно допустить, чтобы врачи ошиблись такъ грубо?

— Но вѣдь и онъ врачъ? почему-же у него вы допускаете ошибку?

— Это объясняется просто желаніемъ идти на переکورъ!.. Вы увидите, что вашъ божокъ жестоко ошибся!

Время показало, что ошиблись другіе.

Мужъ былъ внѣ себя отъ радости и предлагалъ Крестовоздвиженскому двѣсти рублей.

— Вы... вы... воскресили ее! говорилъ онъ.

— Богъ съ вами, что вы! улыбался Григорій Александровичъ:—еще такой силы не дано наукѣ. Одинъ Христосъ воскрешалъ мертвецовъ... а я только не назвалъ живую мертвою, это далеко не одно и тоже!

Съ этого дня вездѣ и всякому Семихвостовъ восхвалялъ новаго доктора и ругалъ старыѣхъ, особенно Злобогина, который прежде былъ его постояннымъ врачомъ.

— Дураки! говорилъ купецъ, размахивая руками и даже плевалъ сердито при этомъ.—Чтобы было-то, если-бы ее, голубушку, похоронили заживо! Вѣдь онъ все, все онъ, спаситель нашъ! Гибель-бы безъ него... безповоротная гибель!

Сторонники и друзья Григорія Александровича торжествовали; его всѣ хвалили, ему удивлялись, надъ его противниками глумились и смѣялись. Скомпрометированные въ глазахъ всего города, они были страшно озлоблены, и между тѣмъ не могли ничего сказать въ свое оправданіе, не могли ничѣмъ въ этомъ случаѣ унижить и очернить «ненавистнаго семинариста».

Но они рѣшились продолжать борьбу и вели ее по прежнему, сплетничая, оклеветывая противника, и небрезгая никакими средствами, старались подорвать его кредитъ въ глазахъ мѣстныхъ властей. Теплое отношеніе Крестовоздвиженскаго къ бѣдному учащемуся юношеству, въ особенности къ семинаристамъ, перетолковали въ дурную сторону, такъ что Григорію Александровичу былъ сдѣланъ допросъ относительно его знакомства съ семинаристами и въ особенности относительно вечернихъ собраній, бывшихъ изрѣдка въ его квартирѣ. Серьезнаго, а тѣмъ болѣе опаснаго ничего не оказалось, но молва искавила фактъ—и подозрѣніе извѣстнаго рода все-таки было заронено въ умы нѣкоторой части общества. Между прочимъ удалось возстановить противъ Григорія Александровича и губернаторшу, оскорбленную его отказомъ явиться къ ней по первому зову. Мотивъ былъ лшкомъ уважителенъ: съ постояннымъ пациентомъ Кре-

стовоздвиженскаго сдѣлался въ это время ударъ. Но вмѣсто этого мотива подставили другой, сказали, что Григорій Александровичъ врагъ аристократіи и другъ народа, и потому поѣхалъ сначала къ какому-то слесарю. Ея превосходительство вообще не любила людей неловкихъ, не свѣтскихъ, и ей сразу не особенно понравился новый докторъ. Теперь она охотно повѣрила Тепферу и, когда вечеромъ пріѣхалъ Крестовоздвиженскій, приказала сказать, что не нуждается въ его помощи. Она, впрочемъ, велѣла человѣку отдать доктору конвертъ съ гонораромъ; но семинаристъ имѣлъ дерзость не взять ихъ, причемъ въ первый разъ, кажется, съ его языка сорвалось дѣйствительно грубое слово.

Однако всего этого врагамъ Григорія Александровича показалось мало. Они не могли довольствоваться подрывомъ его кредита въ глазахъ только мѣстнаго общества, поселяя недовольство, раздувая каждый пустякъ, и по поводу каждаго неудачнаго случая въ практикѣ собрата—называя его невѣждой, шарлатаномъ, недоучкой! Они захотѣли очернить его въ глазахъ не однихъ плѣсководцевъ и рѣшились гласность, печать, обратиться въ орудіе своего мелкаго и низкаго мщенія.

У Злобогина была хорошенькая семнадцатилѣтняя дочка, за которой ухаживали почти всѣ молодые люди, имѣвшіе доступъ въ клубъ. Въ числѣ первыхъ поклонниковъ Лидочки Злобогиной былъ и monsieur Элевандовъ, молодой человѣкъ красивой наружности, служившій младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Онъ пользовался общимъ расположеніемъ, и это расположеніе приобрѣтено было имъ въ качествѣ мѣстнаго «приличнаго и полезнаго корреспондента».

Это любопытная и поучительная исторія, и ее стоитъ рассказать подробнѣе, а также и короче познакомить читателя съ m-иeиr Элевандовымъ.

Какъ и многіе, онъ сдѣлался корреспондентомъ совершенно случайно. Владѣя легко языкомъ, онъ еще въ гимназій считался «сочинителемъ», пописывалъ стишки въ альбомы барышнямъ, потомъ посылалъ свои произведенія въ два—три журнала и хотя нигдѣ не имѣлъ успѣха, однако считался въ кругу знакомыхъ «поэтомъ». Разъ онъ составилъ рѣчь одному плѣсководскому администратору и за эту услугу получилъ мѣсто сверхштатнаго чиновника особыхъ порученій; мѣсто безъ жалованія—но не безъ награды.

— Пока я не могу вамъ ничего сдѣлать больше, сказалъ администраторъ:— но вы человѣкъ умный, стумѣете пора-

виться его превосходительству и тогда, нѣтъ сомнѣнiя, первая свободная вакансiя будетъ ваша.

Элевандовъ оправдалъ надежды своего перваго покровителя съ тою только разницею, что приобрѣлъ расположенiе не его, а ея превосходительства. Губернаторша питала страстную любовь къ театру и къ филантропiи. Какъ актриса — она была положительно бездарна, а въ благотворительности — безалаберна и непрактична. Собственно говоря, не чувство любви подвигало ее на благотворительныя затѣи, но скука, желанiе развлечься разными алегри, вечерами, народными столовыми, желанiе порисоваться, заставить говорить о себѣ. Филантропiя — это такая игра, въ которую принято играть каждой аристократической дамѣ. Да и чтобы стали дѣлать многiя изъ нихъ, если бы не было на свѣтѣ этой интересной игры? Въ молодые годы — любовь, но и она одна — надоѣдаетъ! А въ старости?

— Ростиславъ Всеволодовичъ, обратился разъ къ Элевандову правитель канцелярiи: — а вѣдь скоро, пожалуй, будетъ свободно шѣтное мѣсто младшаго чиновника.

— Какъ такъ?

— Да.

— А Семилужинскiй куда?

— Хочетъ ѣхать въ Москву, тамъ у него влиятельный дядя, онъ общается что-то блестящее...

— Вотъ какъ! Недурно!

— Да-съ... а вотъ-бы вамъ на его-то мѣсто... также не дурно-бы!

— Эхъ, батенька, я думаю — масса желающихъ, со связями.

— Да кто же? Иволгинъ и Санкинъ — больше никого и нѣтъ.

— У обоихъ — рука!

— И у васъ есть средство!

— Какое же это? Петялинъ — скажете? Ну, тѣ его посильнѣе!

— А вы найдите руку еще посильнѣе! таинственно улыбнулся правитель.

— Кого же это именно?

— Ну, будто и не знаете: кто всѣхъ сильнѣе у генерала?

— Леденцовъ?

— Вотъ нашли... ищите ближе!

— Ей Богу не знаю! кто же?

— Ахъ вы, недогадливый? Кто? Сама, вотъ кто!

— Да что же я тутъ подѣлаю? Съ чего она будетъ мнѣ протезировать?

— Э, батюшка, да вы ее можете всю кушить, понимаете ли: кушить безъ единой копѣчки!

Элевандовъ съ недоумѣніемъ глядѣлъ на своего пріятеля.

— Да что вы такъ-то смотрите? захохоталъ тотъ:—правду говорю! Будетъ хлопотать за васъ, какъ за брата... вотъ что!

Онъ подошелъ ближе къ Элевандову и что-то шепнулъ ему на ухо.

— Понимаете? прибавилъ онъ громко, снова таинственно улыбаясь.

— Будто? воскликнулъ Элевандовъ, сіяя.

— Помяните мое слово, я ее хорошо знаю... Иначе я и предлагать не сталъ бы.

— Это отлично! попробуемъ... только вотъ что... ахъ, какъ это скверно!.. и вы совсѣмъ это упустили изъ виду.

— Что такое?

— На все надо время... а когда же? Семилужинскій ѣдетъ скоро...

— Ну гдѣ же скоро! Во первыхъ, онъ еще я не ѣдетъ, а только хочетъ... а во вторыхъ, навѣрное могу сказать, что раньше полгода не уѣдетъ... неужели вамъ этого срока мало?

— О, совершенно достаточно! Если такъ—идеть!

— Въ случаѣ успѣха ужинъ съ шампанскимъ!

— Батюшка, три дня разливанное море!

Вечеромъ этого же дня въ залѣ дворянскаго собранія шель-любительскій спектакль; ея превосходительство исполняла роль Катерины въ «Грозѣ». Она играла отвратительно и своею игрою испортила всю пьесу. Но ей аплодировали, ей поднесли два букета (одинъ, впрочемъ, былъ куленъ обожающимъ супругомъ) и, въ довершеніе всего, черезъ девять дней въ одной изъ петербургскихъ газетъ появилась корреспонденція изъ Пльсноводска, посвященная спектаклю. Корреспондентъ пропѣлъ губернаторшѣ днюирамбъ, какъ артисткѣ, и расхвалилъ ее за неустанныя заботы о бѣдныхъ (спектакль давался въ пользу вдовъ и дѣтей военныхъ, причемъ вырученныя деньги распредѣлились слѣдующимъ образомъ: 140 руб. за ужинъ, вина и на расходы, 30 руб. за печатаніе афишъ, 10 руб.—извозчикамъ; оставшаяся сумма въ размѣръ 20 руб. была распредѣлена между четырьмя солдатами—каждой по 1 рублю, и двумя женами офицеровъ—каждой по 8 рублей). Имени губернаторши въ письмѣ не было упомянуто прямо, корреспондентъ называлъ ее постоянно «одною изъ уважаемыхъ дамъ высшаго общества», но въ городѣ поняли про кого идетъ рѣчь; поняла сразу и сама Анна Павловна и—ли-

ковала. Что значать всё похвалы, расточаемыя въ театрѣ, въ сравненіи съ печатнымъ хвалебнымъ отзывомъ! Что такое самый букетъ—передъ дипломомъ на дарованіе, публично выданнымъ ей корреспондентомъ! Газету вѣдь вездѣ читаютъ:

Отъ финскихъ хладныхъ скалъ
До пламенной Колхиды.

И вдругъ вездѣ... вездѣ будутъ знать! Упоенной губерна-торшѣ казалось, что всё и вездѣ подѣ «уважаемою дамою» непремѣнно узнаютъ ее, Анну Павловну, талантливую артистку и идеальную попечительницу о страждущемъ человѣчествѣ.

— И что теперь скажетъ м-ше Щепурова? улыбалась пріятно Анна Павловна, держа въ рукахъ номеръ газеты.—Эта гордая барыня считаетъ только одну себя за талантъ—и вдругъ что же? О ея игрѣ — два-три слова, сказано только «не дурно», даже есть выраженіе «далеко не выдержанно и не всегда прочувствованно»; а между тѣмъ мнѣ, одной мнѣ, посвящено двѣ-трети письма!

Есть люди, которые совсѣмъ не замѣчаютъ лесты по отношенію къ себѣ, и всё похвалы, какъ бы онѣ ни были преувеличены, принимаютъ за чистую монету. Анна Павловна была именно изъ такихъ. Но принимая похвалы, какъ законную дань, она всетаки была благодарна услужливому корреспонденту и пожелала узнать фамилію того, кто сумѣлъ понять такъ тонко ея игру, ея благородныя стремленія, и такъ горячо, такъ увлекательно-краснорѣчиво передалъ все на бумагѣ. Она узнала безъ труда что это — подчиненный ея мужа, monsieur Элевандовъ, прекрасный молодой человѣкъ, умѣющій отлично танцовать и совершенно прилично держать себя въ хорошемъ обществѣ.

— Ахъ, да, ... я его видала, кажется! такъ, такъ, теперь вспоминаю... шатенъ? да, да... пріятная фізіономія...

Она закинула словцо мужу, и каждый разъ весьма благо-склонно кивала маленькою изящною головкою въ отвѣтъ на почтительный поклонъ Элевандова.

Мѣсяць спустя послѣ первой корреспонденціи появилась вторая, въ той же газетѣ и подписанная тѣми же буквами «Р—овъ». Корреспондентъ касался эвономическаго вопроса, описывалъ бѣдственное положеніе необезпеченнаго люда и, въ концѣ концовъ, свелъ опять таки на губернаторшу. Но въ этотъ разъ авторъ «позволилъ себѣ» назвать имя «всѣми глубоко уважаемой дамы», которой принадлежитъ всегда инициатива всякаго добраго дѣла. Онъ рассыпался въ похвалахъ Аннѣ Павловнѣ, сообщилъ и о

результатъ спектакля, выразившись слѣдующимъ образомъ: «до-
ставя нѣсколько пріятныхъ минутъ своею артистическою игрою,
ея превосходительство сдѣлала и истинно доброе дѣло, такъ
какъ, за небольшими издержками по устройству спектакля, вся
остальная сумма пошла на дѣтей и вдовъ нижнихъ чиновъ». Кор-
респондентъ коснулся вообще дѣятельности Анны Павловны
и все расхвалилъ, все нашелъ прекраснымъ: и народныя кухни
(гдѣ давались щи съ тараканами, а каша — съ прогорѣлымъ мас-
ломъ), и дѣтскія елки, на которыхъ бѣднымъ малюткамъ дари-
лись трехрублевыя буллы и не менѣе цѣнныя бездѣлушки, при-
чемъ мелкое чиновничество, обязанное посылать на елки своихъ
дѣтей, разорялось на покупке новыхъ приличныхъ дѣтскихъ
платьевъ, — и частный пріютъ (гдѣ дѣтей чуть не морили съ
голоду, убивая положительно ихъ здоровье недѣтскими работами).
Все это г. Р—овъ воспылъ — и закончилъ корреспонденцію та-
кими краснорѣчивыми строками: «Дай Богъ, чтобы высокому
примѣру ея (губернаторши) послѣдовали и другія дамы высшаго
круга, могущія послужить съ пользою на благо бѣднаго люда.
Тогда и ихъ будутъ благословлять бѣдняки точно такъ же, какъ
теперь они благословляютъ супругу губернатора, и ихъ имена
будутъ произноситься съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ
произносится ея имя».

— Отлично! Превосходно! смѣялся правитель канцеляріи. —
Вотъ увидите, что я выиграю.

Дѣйствительно, дѣло быстро подвигалось. Анна Павловна
прямо сказала мужу, что желаетъ видѣть Элевандова у себя...
въ четвергѣ.

— Это прекрасный молодой человѣкъ! сказала она.

— Мм... да! прочавкалъ супругъ. — Молодой человѣкъ... ни-
чего...

— Онъ такъ хорошо держитъ себя, что можетъ быть у
насъ. Чиновникъ особыхъ порученій, не писецъ какой-нибудь.

— Мда... мда... конечно! Положимъ, сверхштатный...

— Я не вижу никакого различія между вашими штатными
и нештатными; я знаю и понимаю только разницу между
порядочными людьми, какъ на примѣръ, Элевандовъ, и неуклю-
жими семинаристами, въ родѣ здѣшняго Крестовоздвиженскаго
и вашего старшаго чиновника особыхъ порученій... откуда вы
выкопали этого монстра?

— Мда, мда... ты такъ напрасно, душечка; это очень дѣль-
ный человѣкъ, онъ у меня — все!

— Ахъ, скажите пожалуйста! а вы думаете Элевандовъ глупѣе его?

— Онъ... онъ, ну... я ничего, душечка, не говорю про него худаго! Это очень умный и прекрасный человѣкъ... но онъ, онъ... молодъ для старшаго чиновника... вотъ развѣ на мѣсто Семилужинскаго?

— Ха, ха, ха! засмѣялась Анна Павловна.—Да я не думаю просить васъ мѣнять Орлова. Онъ вамъ по вкусу и Богъ съ нимъ! Я только такъ... а вы это что про Семилужинскаго: развѣ онъ хочетъ въ отставку?

— Ну, ну—зачѣмъ же ему въ отставку! Онъ долженъ служить... но ему дядя общаетъ мѣсто по лучше... въ Москвѣ.

— А! Такъ стало-быть вы въ самомъ дѣлѣ можете это мѣсто дать Элевандову. Неужели онъ теперь совсѣмъ безъ жалованья?

— Мда... мда... сверхштатные—пойми, душечка!—не получаютъ жалованья... но я разъ уже давалъ ему награду. А что касается мѣста... мда... мда... я... что-же, пожалуй... только вотъ за Санина просили меня.

— За Санина? Этотъ богачъ хочетъ получать какіе-нибудь 700 рублей! *Fi done!* И тебѣ не стыдно? Навонецъ, ты знаешь, какъ полезенъ можетъ быть тебѣ Элевандовъ! Онъ талантливый и честный писатель, онъ можетъ въ печати поддержать всѣ твои идеи!

— Мда... мда! Это правда... я... я... что-же, я готовъ... прекрасный молодой человѣкъ!

На другой день губернаторъ объявилъ Элевандову, что онъ имъ «очень, очень доволенъ» —и на прощаніи протянулъ ему всю руку.

Элевандовъ торжествовалъ.

— И вамъ не стыдно такъ лгать? упрекали его знакомые.

— Я лгалъ? нисколько! я всегда такъ смотрѣлъ на Анну Павловну! Это мое убѣжденіе... можетъ быть я ошибаюсь—это другой вопросъ... но я говорю отъ сердца!

— Рассказывайте!

— Честное слово! Ради чего же мнѣ ей льстить?

Но онъ зналъ ради чего льстилъ,—и достигъ цѣли. По отъѣздѣ Семилужинскаго — онъ получилъ штатное мѣсто.

Сдѣлавшись разъ корреспондентомъ, понявши, что печать чрезвычайно удобное средство для полученія «нужныхъ распоряженій», Элевандовъ не бросилъ пера, но по прежнему продолжалъ писать изъ Пльсноводска. Онъ не могъ, конечно, какъ

«порядочный человекъ» выносить соръ изъ избы и въ угоду «швали» задѣвать хорошихъ людей. Онъ только оказывалъ услуги и пріобрѣталъ расположенія. Надо было, на примѣръ, Ивану Ивановичу что-нибудь провести, и Элевандовъ писалъ корреспонденцію, гдѣ излюбленную мысль Ивана Ивановича выдавалъ за общественное мнѣніе. Нужно было предводителю дворянства провести своего кандидата въ земствѣ—и Элевандовъ писалъ о немъ корреспонденцію. Онъ защищалъ «хорошихъ людей» отъ обличеній «разночинцевъ» и всѣхъ вообще злонамѣренныхъ писаекъ; но пріобрѣтая расположенія своими письмами, Элевандовъ держался осторожно и никогда не позволялъ себѣ въ угоду одному «хорошему человеку»—чернить другаго также хорошаго человѣка. Онъ хвалилъ ихъ всѣхъ, а нападалъ только на разныхъ рагуеи. Но главнымъ образомъ онъ преслѣдовалъ свои интересы и, слѣдовательно, соображался со вкусами и взглядомъ ихъ превосходительство, отъ которыхъ зависѣла его карьера.

Таковъ былъ Элевандовъ, поклонникъ Лидочки Злобониной, и въ нему-то обратился ея папаша съ просьбою—поддержать ихъ въ борьбѣ съ зазнавшимся семинаристомъ. Сама Лида тоже вскользь попросила объ этомъ Элевандова, заключая свою рѣчь съ милою гримаской:

— Я терпѣть не могу этого длинноволосаго семинариста!... И вы, конечно, не будете защищать его?

Развѣ можно не исполнить просьбы почтеннаго человѣка и такой милой барышни? Къ тому же докторъ лично не нравится ея превосходительству, слѣдовательно, это и ей будетъ также пріятно. Въ той же газетѣ, услужливо печатавшей прежніе дифирамбы Элевандова, появилась новая корреспонденція изъ Пльшноводска. Элевандовъ сильно задѣлъ доктора-божка, и выставилъ его въ смѣшномъ видѣ, для чего не побоялся нѣсколько и прилгнуть. Онъ воснудся всѣхъ неудачныхъ случаевъ въ практикѣ Крестовоздвиженскаго, умалчивая вовсе объ исторіи съ купчихой. Раза два попалось слово «оригинальничанье», и въ концѣ концовъ корреспондентъ изумлялся тому количеству пациентовъ, какое было у Крестовоздвиженскаго. «Насъ удивляетъ—писалъ онъ—не самый этотъ фактъ,—онъ объясняется легко тѣмъ, что люди всегда привыкли бросаться на новое, особенно, если это новое оригинально (слово было подчеркнуто),—насъ удивляетъ то, что г. Кр—ій такъ много лечитъ и такъ мало слѣдитъ за наукой! Получать много, конечно, пріятно; но, намъ кажется,—нельзя же грошъ ставить выше науки. Въ этомъ

отношеніи мы невольно склоняемся на сторону тѣхъ товарищей г. Кр—скаго, которые (какъ напримѣръ, Зл—инъ, Т—ерь и Д.) не гонятся за лишнимъ рублемъ и не хотятъ ради денегъ жертвовать высшими интересами. Они не имѣютъ таковой обширной практики, какъ Кр—скій, потому что не хотятъ все время посвящать на леченіе, не оставляя свободнаго часа для чтенія. Впрочемъ, конечно, у всякаго свои цѣли!»

Эта корреспонденція болѣзненно подѣйствовала на нервнаго Крестовоздвиженскаго. Цѣлые два дня онъ насилу могъ выѣзжать и, противъ желанія, долженъ былъ на недѣлю отложить приемы.

— Неужели вы не будете отвѣчать? спрашивали его друзья.

— Нѣтъ! зачѣмъ?

— Мы всѣ подпишемся...

— Зачѣмъ? Стоитъ-ли отвѣчать тому, кто способенъ такъ нагло лгать? Пускай!

— Но тогда никто не узнаетъ правды! О васъ въ другихъ городахъ составятъ ужасное мнѣніе?!

— Мнѣ все равно... я живу не этимъ! Вспомните... И онъ началъ сыпать текстами изъ священнаго писанія.

Но друзья напрасно боялись, что правды никто не узнаетъ. Ее узнали! Ее возстановилъ, въ своей горячей корреспонденціи, одинъ изъ плѣсководцевъ, извѣстный подъ именемъ «непріятнаго человѣка».

II.

НЕПРІЯТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Это названіе онъ получилъ еще въ гимназіи, отъ учителя геометріи, котораго любилъ ставить въ затруднительное положеніе, и отъ инспектора, сторяча называвшаго учениковъ «болванами», «свинтусами» и «скотами». Онъ не выносилъ спокойно этихъ комплиментовъ и за то былъ постоянно на дурномъ счету у начальства. Но однажды онъ позволилъ себѣ какую-то особенную дерзость, что, въ совокупности съ его длинными волосами и благоговѣніемъ предъ авторомъ «темнаго царства», составило такое преступленіе, которому нѣтъ прощенія. Не будь у юности бабушки, и не знай она директора еще мальчишесомъ, когда тотъ бѣгалъ безъ невыразимыхъ, Павелъ Чу-

гунувъ непремѣнно былъ бы исключенъ изъ гимназіи. Теперь же ему только сказали, чтобы онъ самъ убирался по добру по здорову. Недоучась двухъ лѣтъ до окончанія курса, Чугуновъ оставилъ гимназію, испортивъ себѣ карьеру, такъ какъ объ университетѣ нечего было и думать.

— Куда же ты теперь дѣнешься? спросила его бабушка.

— Не знаю, отвѣчалъ юноша.

— Готовься хоть въ уѣздные учителя—всетаки хлѣбъ!

— Директоръ не пуститъ, отъ него вѣдь все зависитъ.

— Это и хорошо, что отъ него. Я схожу — и ниго какъ Богъ! Вѣдь я съ отцомъ-то вашего директора вмѣстѣ цѣлый годъ въ одной квартирѣ выжила, да и всегда дружны были! А директора—такъ на рукахъ носила и сколько разъ за уши драла, стыдно' ему будетъ не уважить моеѣ просьбы.

И онъ дѣйствительно уважилъ просьбу старухи: онъ позволилъ Чугунову держать экзаменъ и даже оказалъ рѣдкую милость—предложивши мѣсто въ самомъ Пльсноводскѣ.

— Я надѣюсь, что вы не заставите меня раскаяваться за снисхожденіе къ вамъ, сказалъ директоръ, утверждая Чугунова въ званіи учителя русскаго языка пльсноводскаго уѣзднаго училища.

Юноша ничего не отвѣтилъ на это.

На другой день онъ отправился въ училище, чтобы представиться смотрителю, Михаилу Семеновичу Лебедину.

По общими отзывамъ—это былъ прекраснѣйшій человекъ. Прежде всего онъ былъ человекъ религіозный, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно привыкли понимать. Вставалъ онъ рано, облакался въ виць-мундиръ и, накинувши на плечи гороховую шинель, отправлялся въ соборъ. Въ восемь часовъ онъ возвращался домой, нѣжно цѣловалъ вставшихъ дѣтишекъ (жену онъ успѣвалъ «чмокнуть» передъ уходомъ въ церковь) и садился пить чай. По своромнымъ днямъ онъ пилъ чай со сливками, а по постнымъ, также и по понедѣльникамъ—съ миндальнымъ молокомъ или съ медомъ.

Къ духовенству Лебединъ относился съ почтеніемъ, и подходя подъ благословеніе законоучителя, о. Вукола, съ чувствомъ цѣловалъ его руку. Молодой священникъ, на первыхъ порахъ, приходилъ отъ этого въ смущеніе, но Лебединъ всегда спокойно замѣчалъ ему:

— Въ училищѣ, на службѣ, я вашъ начальникъ, но здѣсь вы—пастырь, а я единая изъ овецъ стада Христова.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ Михайло Семе-

новичъ постоянно раздавалъ милостыню: онъ нарочно размѣнивалъ гривенникъ на гроши и полушки, чтобы имѣть возможность сдѣлать добро большому числу людей. Подавая денежку нищему, Лебединъ говорилъ обыкновенно:

— Прими во имя Христа, помани заупокой Семена и Варвару и помолись о здравіи Михаила, Софьи и чадъ ихъ. При этомъ онъ строго наблюдалъ, чтобы не было упущено ни одного имени.

Къ начальству Лебединъ былъ почитателемъ, за то и къ себѣ прежде всего требовалъ отъ подчиненныхъ покорности и уваженія. Свое уваженіе къ начальству Михаилъ Семеновичъ простиралъ до того, что не позволялъ себѣ ни одной «вольности» въ той комнатѣ, гдѣ висѣли портреты большихъ особъ прежняго времени по ученому вѣдомству. По этому поводу онъ любилъ щегольнуть своимъ знакомствомъ съ литературою и декламировалъ слѣдующіе два стиха:

Но храмъ разрушенный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Лебединъ былъ очень добръ къ учителямъ. Онъ не требовалъ нѣмецкой акуратности и если дѣлалъ замѣчанія, то развѣ только въ томъ случаѣ, когда учитель часовой урокъ превращалъ въ пятиминутный. Михаилъ Семеновичъ держался того взгляда, что «время не уйдетъ: кто будетъ учиться въ гимназій—потомъ все узнаетъ; а будущимъ-то рабочимъ и лавочникамъ и не нужна большая ученость».

Учитель исторіи и географіи любилъ выпить и являлся въ классъ зачастую навеселѣ, такъ что вмѣсто городовъ россійской имперіи начиналъ перечислять разные сорта водокъ, а уроки исторіи превращалъ въ уроки пѣнія, распѣвая свою любимую пѣсенку:

Бѣжалъ чижикъ въ лодочкѣ,
Въ генеральскомъ чинѣ;
Надо выпить водочки
По такой причинѣ!

Услыхавъ веселое пѣніе, Михаилъ Семеновичъ бѣжалъ скорѣе на верхъ и уводилъ педагога изъ класса.

— Виновать, Михаилъ Семеновичъ... ради Бога, простите! ваша воля—казнить и миловать!

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! укоризненно, но отечески выговаривалъ смотритель:—ну какъ же можно такъ-то? а вдругъ—

господинъ директоръ? что тогда? Вѣдь говорилъ я: выпей рюмочку, двѣ...

— Михаилъ Семеновичъ, вы говорили: три...

— Ну, ну, три, и будетъ до обѣда! а ты развѣ три? нука, признайся: три развѣ?

— Виновать, Михаилъ Семеновичъ! право только... рюмочекъ девять... ей-ей, девять только!

— Девять! И это только! ахъ, ахъ... и чего это смотреть Марья Савельевна!

Сторожъ уводилъ педагога домой, а смотритель сообщалъ женѣ за обѣдомъ:

— Иванъ Петровичъ опять наклюбался! Не можетъ удержаться—что ни говори! Слѣдовало бы его, по правдѣ сказать, тово... да жаль: семья... и самъ-то человѣкъ прекрасный, почтительный, вроткій.

— Рѣдкостный человѣкъ,—соглашалась Софья Панератьевна:—ужь нынѣ это и не въ модѣ, а онъ всегда къ рукѣ! Да и жена славная: позову что нибудь подѣлать—сейчасъ явится, прекрасные люди!

Въ городѣ хорошо отзывались о Лебединѣ, хотя и были люди, которые улыбались двусмысленно, когда заходила рѣчь о безкорыстїи смотрителя и его незапятнанной службѣ. Но кто же изъ порядочныхъ людей могъ обращать вниманіе на эти улыбки, когда Лебединъ имѣлъ пряжку за безпорочную службу!

Онъ радушно и тепло встрѣтилъ новаго учителя.

— Очень радъ, очень радъ, что ко мнѣ попали! улыбаясь, произнесъ смотритель.—Служите вѣрой и правдой... Слыхалъ я:—любили вы немножко того... Хе, хе! ну, да кто Богу не грѣшны, царю не виновать? надѣюсь, что вы все старое сдали въ архивъ, а если нѣтъ—такъ сдадите по маленьку... хе, хе, хе!

Онъ хотѣлъ добродушно похлопать Чугунова по плечу, но тотъ отступилъ на шагъ и промолвилъ сухо:

— Я къ вамъ поступаю не въ ученье, господинъ смотритель, и прошу разъ на всегда не касаться моихъ прошлыхъ и настоящихъ убѣжденій, если я не буду ихъ навязывать ученикамъ.

— Эге, батюшка, да вы еще совсѣмъ огонекъ!... обидчиво промолвилъ Лебединъ и замолчалъ.

На слѣдующій день смотритель со всѣми поздоровался любезно, пошутилъ, Чугунову же молча отвѣтилъ на поклонъ, не подавая руки. Съ этого раза такъ и установилось: поклонятся они другъ другу молча—и затѣмъ во весь день не обмѣняются

ни однимъ словомъ. Разъ только, пропустивъ урокъ, Павелъ Ивановичъ сообщилъ Лебедкину коротко:

— Я былъ боленъ вчера, г. смотритель!

— Я попрошу васъ на будущее время присылать записку передъ уроками, замѣтилъ Михаилъ Семеновичъ.

— Приму къ свѣдѣнью, отвѣчалъ Чугуновъ.

Такъ шло время. Минуло полгода,—а ихъ отношенія не мѣнялись. Смотритель не имѣлъ ничего серьезнаго противъ молодого человѣка и въ душѣ давно простилъ его,—только не хотѣлъ первый начать сближеніе, тѣмъ болѣе, что самъ учитель, видимо, не желалъ этого. Онъ приходилъ до урока минутъ за десять, не пропуская секунды отправлялся въ классъ, и если слѣдующаго урока у него не было—немедленно уходилъ домой. Когда же приходилось оставаться во время перемѣны въ учительской, онъ вынималъ газету и, помѣстясь въ сторонкѣ, углублялся или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что углубился въ чтеніе.

Наступилъ день рожденія смотрительши. Приглашая накануне учителей къ себѣ, Михаилъ Семеновичъ пригласилъ и Чугунова.

Павелъ Ивановичъ отвѣтилъ молчаливымъ поклономъ.

На утро, между первымъ и вторымъ урокомъ, онъ спустился въ квартиру смотрителя. Отговариваясь неимѣніемъ времени, онъ отказался даже отъ стакана кофе.

— Ахъ, Господи, какая точность! не безъ досады промолвила Софья Понератьевна:—неужели четверти часа нельзя пропустить?

— Не могу!

— Упрямые! Но ужъ вечеромъ-то вы должны придти непременно.

— Боюсь обѣщать.

— И слышать не хочу! Приходите, а то—ссора... большая ссора!

Но онъ всетаки не пришелъ. Это окончательно оскорбило Лебедкина и еще болѣе—его жену.

— Я звала, просила, сдѣлала уступку, первая ласково заговорила съ нимъ, хотя онъ виноватъ передъ Мишей... и вдругъ... Мальчишка! Невѣжа!

На другой день, какъ и всегда, Чугуновъ въ 9 часовъ былъ уже въ училищѣ. Кромѣ его не было ни одного учителя. Лебедкинъ зашелъ въ «учительскую», кивнулъ головою Чугу-

нову и произнесъ вслухъ, не обращаясь, однако, прямо къ нему:

— Никого нѣтъ... надо будетъ распустить учениковъ.

— Отчего же никого нѣтъ? спросилъ Павелъ Ивановичъ.

— Да, надо распустить, повторилъ смотритель, не отвѣчая на вопросъ, какъ будто и не слыша его.

— Должно быть, вслѣдствіе вчерашняго пиршества, сказалъ снова Чугуновъ.

— А вамъ какое дѣло? обернулся Лебединъ, задѣтый за живое насмѣшливымъ тономъ:—Вы тутъ что такое?

— Во второмъ классѣ у меня третій урокъ.

— Дадите завтра!

— Ну нѣтъ-съ, я хочу его дать сегодня!

— Я сейчасъ распущу учениковъ!

— А я попрошу этого не дѣлать, или же прикажите къ моему уроку собраться снова...

— Да это комедія! закричалъ смотритель:—распускать, собирать... что это такое? Театръ здѣсь, что-ли? Я не позволю въ училищѣ разыгрывать комедій!

— Да? Такъ знайте же: комедія—то, когда люди относятся къ дѣлу такъ, какъ вы и мои колеги, когда они не являются въ классъ потому, что одинъ еще спитъ, отуманенный винными парами, а другой опохмѣляется отъ вчерашней попойки. Если вы начальникъ...

— Да вы съума сошли! перебилъ смотритель:—вы мнѣ даете наставленіе, читаете выговоры. Вы... вы забылись! Если я многое сносилъ... такъ это по добротѣ... но мнѣ стоитъ донести директору...

— Донosite! сдѣлайте милость! Я не уклоняюсь отъ службы и мнѣ нечего бояться; но, вѣдь, если вы будете жаловаться, такъ и я не останусь нѣмымъ! Я все расскажу, пусть увидитъ директоръ, кому вы прощаете:—мнѣ или другимъ!

Смотритель былъ невольнo озадаченъ такимъ отвѣтомъ. Зная «прошлые грѣшки» учителя, онъ думалъ напугать его общаніемъ пожаловаться и нивагъ не ожидалъ того, что пришлось ему выслушать.

— Да вы... вы это... что-же? произнесъ онъ:—на ссору идете? Такъ-таки прямо на ссору?

— Я не начинаю и не начну! Но—когда пришлось бы—молчать не стану.

Лебединъ вышелъ изъ комнаты и на ходу сказалъ ученику, стоявшему въ коридорѣ:

— Ступайте на часъ на улицу, а затѣмъ въ классъ! Поди и скажи Павлу Ивановичу, что онъ можетъ давать урокъ.

Съ этого дня отношенія между смотрителемъ и Чугуновымъ сдѣлались чрезвычайно натянутыми. Недружелюбно стали относиться къ нему и товарищи, послѣ того какъ смотритель передалъ имъ его слова.

— Вѣдь это подлость! Это не по товарищески! говорил математикъ.—Сво-о-тина! рѣзко выругался онъ въ заключеніе, наливая рюмку очищенной.

— Надо это ему сказать прямо! вставилъ учитель рисованія, толстенный человѣчекъ, для котораго балыкъ и зернистая икра съ рюмкою «желудочной» — были высшимъ блаженствомъ жизни.

— Ахъ, оставьте лучше, господа! посовѣтовалъ смотритель.

— Ну его... къ свиньямъ! произнесъ снова математикъ:— бросимъ разговоръ о дряни и выпьемъ лучше «по маленькой»!

Прошло недѣли три. Павелъ Ивановичъ давалъ урокъ въ 3-мъ классѣ, когда вдругъ раздался страшный крикъ, потомъ стонъ, — потомъ что-то зазвѣнѣло, снова крикъ — и все замолкло. Чугуновъ остановился на полусловѣ, удивленно посмотрѣлъ на дверь — и выбѣжалъ поспѣшно изъ класса. Онъ видѣлъ, какъ вынесли ученика, изъ головы котораго текла кровь. Стекло въ дверяхъ перваго класса было выбито, на полу — кровь. Смотрителя не было.

— Что это такое? обратился Павелъ Ивановичъ къ сторожу.

— Хватовъ разбилъ стекло головою.

— Какъ же онъ это могъ разбить?

— Да такъ, разбилъ — и все тутъ!

— Его, вѣроятно, ктонибудь толкнулъ?

— Никто не толкалъ; а увернуться хотѣлъ отъ ихъ выскородія, да головой въ стекло и попалъ.

Однако, потомъ оказалось, что дѣло было нѣсколько иначе. Смотритель разсердился на Хватова и такъ ударилъ его, что тотъ упалъ на полъ. Тогда разсерженный педагогъ ударилъ мальчика каблукомъ по лицу. Хватовъ застоналъ, быстро вскочилъ и бросился въ классъ. Смотритель толкнулъ бѣжавшаго въ спину — и оттого-то онъ попалъ головою въ стекло.

Чугуновъ возмущился такими дѣйствіями Лебедегина и, не долго думая, горяча написалъ корреспонденцію въ одну столичную, хотя маленькую, но очень распространенную въ Пльс-новодскѣ газетку.

Фуроръ вышелъ поразительный. Библиотечный номеръ въ два дня превратился въ клочки. Весь городъ заговорилъ о возмутительной исторіи. Лебедегина потребовалъ къ себѣ директоръ,

— Неужели это правда? спросилъ онъ нѣсколько строго. Михаилъ Семеновичъ не посмѣлъ отрицать факта, но сказаль, что въ газетѣ многое преувеличено и извращено.

— Надо отписаться и опровергнуть, иначе можетъ быть не хорошо «оттуда».

Директоръ былъ кумомъ Лебекина и благоволилъ къ нему.

— Кто бы только это могъ написать? задумчиво произнесъ директоръ.— Ты ни на кого не думаешь?

— Не смѣю утверждать, ваше превосходительство!

— Но... но можетъ быть подозрѣваешь?

— Подозрѣваю, ваше превосходительство... своего человѣка подозрѣваю.

— Не Чугунова-ли?

— Его-съ, ваше превосходительство!

— Гм! А это очень возможно! Съ него—станеть... да, да! Эдакій вѣдь неприятный человѣкъ. Я думаль, что онъ исправится,—а онъ все... какъ, однако, онъ у васъ вообще-то? ничего?.. не лѣнится?

— Не могу-съ лгать, ваше пр-во: по службѣ очень старателенъ... но дерзокъ, ваше пр-во, самомнѣніе ужасное; гордыня безмѣрная, ваше пр-во!

— А съ учениками какъ? ничего такого... не распространяетъ?

— Не замѣтилъ-съ, ваше пр-во! я ужъ присматривался, примѣчалъ... да нѣтъ, ничего!

— Гм! да, да! А вѣдь онъ очень способный человѣкъ, да, да очень! замѣтилъ директоръ, раскуривая сигару.—Малый не глухой; я помню его сочиненія еще въ 5-мъ классѣ... печатай да и только! а вѣдь вотъ заразился... гм! да, да!

— Заразился, ваше пр-во! Человѣкъ неглухой, но гордыня и дерзость безмѣрная!

— Да, да!

Директоръ пососаль сигару, попыхаль и, подумавъ съ минутой, промолвилъ:

— Мы вотъ что пока сдѣлаемъ: я его оставляю... иначе и нельзя! Я оставляю,—посмотримъ, что будетъ... А ты между тѣмъ напиши хорошее и сильное официальное опроверженіе, подъ которымъ пусть подпишутся всѣ учителя... что тогда онъ скажетъ? Если онъ писалъ, то ему не ловко будетъ себя же обличать... вотъ и посмотримъ, что онъ скажетъ!

На этомъ аудіенція кончилась. Черезъ три дня, въ которые смотритель ничѣмъ не далъ замѣтить Чугунову, что его подозрѣваютъ, опроверженіе было написано учителемъ исторіи. Оно

вышло очень длинно, далеко негладко, но за то все дѣло освѣщалось такъ, что корреспондентъ являлся безчестнымъ лгуномъ, а зритель олеветанною невинностью. Рано утромъ, въ квартирѣ Лебедина, учитель чистописанія и рисованія каллиграфически переписалъ опроверженіе на министерскую бумагу за № и съ бланкомъ, а въ большую перемѣну Михаилъ Семеновичъ предложилъ учителямъ подписаться, предварительно прочитавъ опроверженіе въ слухъ. Дѣло происходило въ учительской. Сначала подписался законоучитель, за нимъ историкъ съ математикомъ, который и передалъ листъ Чугунову.

— Я не подпишусь, произнесъ онъ.

— Это почему? спросилъ Лебединъ.

— Я не видѣлъ факта, потому не могу ничего связать ни за, ни противъ. Да и въ опроверженіи отрицается даже то, что всѣмъ извѣстно, и что ни въ какомъ случаѣ не выдуманно корреспондентомъ.

Онъ говорилъ медленно, стараясь отчеканивать каждое слово, а когда кончилъ, взялъ со стола журналъ и хотѣлъ идти на урокъ. Но его остановили. Заговорилъ зритель, заговорили всѣ учителя. Въ комнатѣ поднялся шумъ. Зритель спрашивалъ: развѣ вы за одно съ пасквилянтомъ? Историкъ замѣтилъ, что «такъ честные люди не поступаютъ». Математикъ же, не долго думая, выпалилъ прямо: «да послѣ этого вы не товарищъ, а такой же пасквилянтъ, если только еще вы и онъ не одно и тоже лицо!

— Я попрошу васъ думать, о чемъ вы говорите, вспыхнулъ Чугуновъ:—и предупреждаю, что если вы еще позволите себѣ сказать мнѣ чтонибудь подобное — я вамъ дамъ пощечину какъ негодяю!

Онъ поблѣднѣлъ и, прежде чѣмъ всѣ успѣли опомниться, вышелъ изъ комнаты.

Отказъ Чугунова подписаться подъ опроверженіемъ окончательно убѣдилъ всѣхъ, что авторъ корреспонденціи никто иной, какъ онъ.

— Онъ, онъ! какъ Богъ свята — истинно! говорилъ историкъ.

— Оттого и не подписался, что самого себя пришлось бы опровергать! поддержалъ математикъ.

— Да-съ, оно точно... похоже на то, согласился даже и отецъ Вуколь, до тѣхъ поръ державшій полный нейтралитетъ относительно Чугунова.

Всѣ пришли къ одному заключенію и, придя къ нему, стали остерегаться и избѣгать Павла Ивановича. Какъ только онъ

входилъ въ комнату, разговоръ прекращался, а если кто нибудь начиналъ рассказывать о случившемся въ городѣ, остальные немедленно замѣчали ему:

— Вы не очень-то откровенничайте... нынѣ вездѣ уши... какъ разъ въ газеты попадете!

— Да вѣдь что же... я здѣсь между своими, кажется, умышленно возражалъ рассказчикъ.

— Это ничего не значить... нельзя довѣряться... всякіе и свои бываютъ, иные свои-то чужихъ хуже!

Чугуновъ понималъ для чего все это говорится, но дѣлалъ видъ, что не слышитъ намековъ. Когда же они начали ему сильно надоѣдать, онъ рѣшилъ снова «щелкнуть по носу» эту «пьянствующую орду»,—и послалъ новую корреспонденцію, гдѣ встали задѣлъ и самого директора; а въ «Будильникѣ» тиснулъ очередь, въ которомъ зло прошелся надъ своими товарищами. Онъ понималъ, что ставить послѣднюю карту, но нервно-возбужденный постоянными уколами, и увидѣвъ полную невозможность служить при такомъ отношеніи къ себѣ товарищей, Павелъ Ивановичъ не побоялся уже потерять мѣсто.

— А вѣдь подымутся... всѣ подымутся, думалъ онъ, читая свои собственные статьи.

И онъ не ошибся. Всѣ «задѣтые и оскорбленные» заволновались. Математикъ божился, что побьетъ Чугунова, какъ «послѣднюю шельму»; директоръ былъ возмущенъ. Въ городѣ только и было разговору что о новой корреспонденціи изъ Пльс-новодска и объ очеркѣ подъ злымъ заглавіемъ: «Губернскіе монстры». Авторъ такъ подробно и удачно описалъ внѣшность своихъ героевъ, что сомнѣваться было невозможно. Кто не узналъ Лебедкина или директора по ихъ дѣламъ, тотъ узналъ ихъ сразу по ихъ прическѣ, по одеждѣ, по разговору, по нѣкоторымъ любимымъ словечкамъ.

Директоръ рѣшился наказать «дерзкаго мальчишку».

— Я ошибся въ васъ, сказалъ онъ Чугунову лично:—вы не исправились... вы и на службѣ остались такимъ же, какимъ были въ гимназіи. Я не могу терпѣть этого... и потому прошу васъ подать въ отставку; иначе... но, я думаю,—этого вы не захотите и сами...

На другой же день Павелъ Ивановичъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и такимъ образомъ кончилась его дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ.

III.

ДАЛЬНѢЙШАЯ ИСТОРИЯ «НЕПРІЯТНАГО ЧЕЛОВѢКА».

Бабушка Чугунова была болѣе чѣмъ небогатая женщина; она существовала исключительно небольшою пенсіей и вязаньемъ чулковъ на продажу. Да Павелъ Ивановичъ и не захотѣлъ бы жить на счетъ бабушки, а потому, лишившись учительскаго мѣста, онъ сталъ немедленно прискиывать какихъ нибудь занятій. Всего лучше для него было бы найти частные уроки, но въ провинціи они оплачиваются мизерно и нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, уроковъ пять въ день, чтобы кое-какъ существовать. Въ положеніи Павла Ивановича это было невозможно. Официально, закономъ, онъ не былъ лишенъ права преподаванія, но всѣ знали неблаговоленіе къ нему начальства и не хотѣли вооружать противъ себя тѣхъ, отъ кого зависитъ судьба дѣтей. Одна дама, не столько либеральная, сколько оригинальная и любящая вообще все, что выходитъ изъ ряду вонъ, заинтересовалась «деревкимъ учителемъ» и пригласила его давать уроки своему сыну-гимназисту. Но она скоро раскаялась въ своемъ поступкѣ. Ея сынъ, получавшій постоянно изъ закона Божія и математики хорошія отмѣтки, пользовавшійся расположеніемъ обонхъ учителей, вдругъ сталъ замѣчать со стороны ихъ придирки и вмѣсто пяти и четырехъ—получать тройки. Оказалось, что это было только средство заставить мать отвязать домашнему учителю. Намекъ былъ слишкомъ ясенъ и, понявъ его, барыня немедленно отказала Чугунову.

Такимъ образомъ этотъ родъ занятій для него былъ совершенно невозможенъ.

Оставалось... но что же оставалось дѣлать молодому человѣку въ провинціи, гдѣ только или служить на воронной службѣ, или торгуютъ и ремесленничаютъ? Дѣлать столы, лудить самовары и шить сапоги—онъ не умѣлъ, а учиться этому было поздно; не идти же пилить тесъ или колоть дрова? Оставалась всетаки одна служба. Онъ пытался попасть въ губернское правленіе, но тамъ не оказалось мѣста; въ казенную же палату его не приняли потому, что предсѣдатель «не могъ терпѣть, да и боялся нигилистовъ», а Павла Ивановича неизвѣстно почему вдругъ произвели въ этотъ страшный чинъ. Общались знакомый человѣкъ похлопотать у городского головы, кстати же

въ думѣ отрывалась вакансія писца. Но нигилистъ и сочинитель былъ страшень всякому.

— Это его-то, его-то взять? испуганно воскликнулъ голова, купецъ Киричниковъ.—Да что вы, Богъ съ вами! Я еще не сошелъ съ ума!

— Чѣмъ же онъ худъ? Не пьеть...

— Да что въ томъ, что не пьеть! Ужъ лучше пей онъ, какъ самъ Малиновскій, да не будь такимъ! Возьми его, а онъ тебя же и обличить, пропечатаетъ; одно слово—нигилистъ и сочинитель! Отъ такого человѣка, какъ отъ грѣха, подальше держаться надо, а вы предлагаете взять на службу!

Павель Ивановичъ находился въ безвыходномъ положеніи и уже хотѣлъ идти въ сельскіе писаря, когда вдругъ открылась вакансія младшаго корректора при мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Это сообщилъ Чугунову знакомый наборщикъ и совѣтовалъ попытать счастья—попроситься.

— Вы сначала сходите къ Касьяну Ѳедотовичу, съ нимъ поговорите; если онъ не станетъ противиться, подавайте прошеніе. Касьянъ Ѳедотовичъ можетъ повліять...

— А сколько жалованья? полюбопытствовалъ Чугуновъ.

— Жалованье маленькое, всего—13 рублей, да вѣдь и занятій только съ 9 до 6-ти. За то будете близки въ редакціи, нѣтъ-нѣтъ, да и напишете что нибудь... все деньги.

Ѣхать въ деревню Павлу Ивановичу не хотѣлось. Онъ привыкъ къ книгамъ, не могъ обойтись дня безъ газеты... а тамъ глушь, грубость... да и что еще ждать въ деревнѣ—Богъ знаетъ! «Ужъ лучше здѣсь», порѣшилъ онъ, и раннимъ утромъ отправился къ редактору «Плѣсноводскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» Касьяну Ѳедотовичу Мальцеву.

Онъ жилъ на самомъ концѣ города, въ своемъ собственномъ дрянномъ домишкѣ, при видѣ котораго у каждаго вырывалось невольное восклицаніе:

— Господи! И есть же такіе безстрашные люди на свѣтѣ. Домъ отъ вѣтра, кажется, упадетъ, а они живутъ себѣ—и не боятся!

Касьянъ Ѳедотовичъ еще спалъ, когда пришелъ Чугуновъ. Толстая баба, замѣнявшая для редактора и кухарку, и экономку, и подругу жизни, непривѣтливо встрѣтила Павла Ивановича и, сказавъ небрежно: «посидите, встанетъ—скажу», вышла, хлопнувъ дверью такъ сильно, что можно было усомниться въ томъ, что Мальцевъ дѣйствительно еще спитъ. Но онъ спалъ и храпѣлъ на всѣ комнаты, посвистывая и почмокивая губами.

Здѣсь кстати сказать два слова о почтенномъ редакторѣ единственнаго въ городѣ свѣтскаго изданія. Это былъ уже довольно пожилой человѣкъ, небольшого роста, плюгавенькій на видъ вообще, и особенно антипатичный своими разноцвѣтными глазами. Хитрый, но недалекій, и скорѣе трусливый, чѣмъ осторожный, этотъ низкій и мелкій человѣкъ добился въ жизни всего не заслугою и дарованіемъ, а подлостью, низкопоклонствомъ и подслуживаніемъ. Онъ сплетничалъ, не щадя друга-пріятеля, исполнялъ очень недостойныя порученія, не гнушался ролью чуть не лакея, выносилъ ругань и нравственныя пощечины, не моргнувъ даже бровью, и заслужилъ окончательное благоволеніе, женившись на фаворитѣ своего начальника. Но и та, не проживя года, бросила мужа и уѣхала въ Москву, съ какимъ-то офицеромъ. Касьянъ Федотовичъ не опечалился такимъ фактомъ, тѣмъ болѣе, что жена не захватила съ собою золотыхъ вещей; онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе дородную деревенскую бабу и зажилъ счастливо, находя, что его Матрена Федуловна даже еще лучше улетѣвшей жены.

Въ годъ женитьбы Касьянъ Федоровичъ и получилъ мѣсто редактора вѣдомостей. Жалованье было не особенно блестящее, но всетаки — деньги, и эту новую прибавку онъ принялъ съ благодарностью, тѣмъ болѣе, что «дѣла редактору немного»; весь номеръ состоялъ почти изъ одной официальной части, а неофициальный отдѣлъ былъ всего въ двѣ странички! Но и тутъ не надъ чѣмъ задумываться: бери «Правительственный Вѣстникъ», «Московскія» и разныя другія «Вѣдомости» или Ученныя журналы, — и выкраивай! Такъ онъ и дѣлалъ. Онъ печаталъ все, что попадалось, не справляясь о томъ, интересно ли это, понятно ли для читателей и даже годно ли для вѣдомостей. Онъ перепечатывалъ и лекціи по химіи, и что то изъ технологіи, и проповѣди. Желая не отстать отъ «заправскихъ» газетъ, онъ помѣщалъ даже и телеграммы, причѣмъ, такъ какъ выходъ «Вѣдомостей» еженедѣльный, и телеграммы брались изъ «Прав. Вѣстн.», а не получались прямо изъ агентства, то читатели «Вѣдомостей» въ началѣ, напр., мая имѣли телеграммы отъ 15—17 апрѣля. А между тѣмъ матеріала было много, и матеріала интереснаго. Поступали въ редакцію статьи этнографическія, экономическія, — затрогивавшія серьезно важныя мѣстные вопросы. Но однѣ изъ статей не могли быть напечатаны потому, что были несогласны съ официальными данными, другія — по своимъ неприятнымъ выводамъ, третьи — оскорбляли кого-нибудь, четвертыя — могли не понравиться «вообще», и наконецъ

инны только потому, что редакция не хотѣла платить за статьи денегъ, а если и платила, то по $\frac{1}{4}$ копѣйки съ печатной строки! И потому среди статей по химіи и «словъ» надъ гробами разныхъ мужей и женъ,—только изрѣдка попадались въ вѣдомостяхъ статейки, касающіяся мѣстныхъ событій и фактовъ. Но и это были описанія той или другой встрѣчи, того или другого праздника, иллюминаціи, именинъ губернатора и другихъ столь же крупныхъ событій. При этомъ редакция не боялась гиперболю; если въ городѣ мелькали три плошки, то въ вѣдомостяхъ возвѣщалось о «блестящей иллюминаціи»; если играло на плацу пять гарнизонныхъ музыкантовъ,—писалось, что «вечеромъ публика наслаждалась прекрасною военною музыкою!» Если какую-нибудь особу встрѣтили два городовыхъ и три чуйки,—сообщалось, что «радушно встрѣчали всѣ граждане...» и т. п. За то, когда надо было, крупный фактъ представлялся ничтожнымъ;—1000 превращалась въ 100 и даже 10.

Но и хвалебныя статьи и описанія «случаевъ» составлялись не самимъ Мальцевымъ (онъ по три часа задумывался надъ одною фразою), а кѣмъ нибудь, изъ «господъ сотрудниковъ». При редакціи находился въ качествѣ «постояннаго сотрудника» Валентинъ Егоровичъ Стрепкинъ—исключенный семинаристъ, человѣкъ замѣчательно даровитый, но совсѣмъ спившійся съ кругу и ради пяточка и лишней рюмки водки готовый писать что угодно, хотя опроверженіе противъ самого себя. Его держали въ «черномъ тѣлѣ», призывали только тогда, когда являлась необходимость и прогоняли, когда эта надобность проходила. Впослѣдствіи, къ редакціи, въ качествѣ сотрудника, примкнулъ и Элевандовъ, позволяя перепечатывать свои корреспонденціи и изрѣдка давая для «Вѣдомостей» что-нибудь, разумѣется, благородное и хвалебное! Такъ, между прочимъ, онъ помѣстилъ въ «Вѣдомостяхъ» два стихотворенія. Одно было посвящено народу и воспѣвало «каска, султаны и звуекъ барабана»; а въ другомъ, посвященномъ Аннѣ Павловнѣ, поэтъ воспѣлъ «фею, что летая и порхая, звукомъ чуднымъ наполняя залъ,—чаровала и плѣняла всѣхъ сердца».

Но возвратимся къ разсказу.

Павель Ивановичъ болѣе часу наслаждался храпомъ, присвистываніемъ и причмокиваніемъ Мальцева. Наконецъ, все это вдругъ перешло въ продолжительный и громкій зѣвокъ. Затѣмъ на минуту все смолкло. Потомъ раздался кашель, сержинула раза два кровать, и вскорѣ за дверью послышалось шлепанье туфель.

— Матреша, а Матреша! прогнусавилъ мужской голосъ.

Явилась Матреша. Мальцевъ поплескался, пофыркалъ, опять поплепалъ туфлями — и все снова смолкло. Въ дальней же комнатѣ забрякали чашками.

Прошло еще минутъ пятнадцать, прежде чѣмъ дверь въ «залю» отворилась, и вышелъ самъ Касьянъ Федотовичъ, облеченный еще въ халатъ, но уже причесанный, въ накрахмаленной рубашкѣ и въ сапогахъ.

— Что вамъ угодно? прогнусавилъ онъ, останавливаясь передъ Чугуновымъ, не подавая ему руки и не приглашая садиться.

Павель Ивановичъ объяснилъ цѣль своего прихода.

— Да-а-съ... оно, правда... должна быть вакансія... но... но... жалованье маленькое.

— Я знаю, — сказалъ Чугуновъ.

— Да-а-съ... всего 12 рублей... и работы много... и кромѣ того... кромѣ того все зависитъ отъ Петра Елизаровича... я только могу предлагать.

— Я думаю, что онъ съ вами согласится, сказалъ Чугуновъ, чувствуя отвращеніе къ Мальцеву.

— Да-а-съ, конечно, Петръ Елизаровичъ мнѣ довѣряютъ; но нельзя такъ утверждать, какъ вы полагаете... бываетъ всяко...

— Но вы хотите или нѣтъ предложить меня? нетерпѣливо перебилъ Чугуновъ.

— Я конечно... я скажу... а что ужъ Петръ Елизаровичъ... неизвѣстно! можетъ быть, согласится, можетъ быть и нѣтъ!

— Когда же зайти за отвѣтомъ?

— Да-а-съ... вамъ отвѣтъ-то?... Опять же не могу сказать навѣрное... сразу нельзя предлагать... надо время удобное, не всегда можно безповоить!... Я скажу... какъ только будетъ можно, а вѣдь когда отвѣтять — это ихъ воля! не могу же я требовать отвѣта...

— Но вѣдь не мѣсяцъ же онъ будетъ думать? не выдержалъ Чугуновъ. — Ну, черезъ недѣлю... не рано?

— Зайдите черезъ недѣлю... если узнаю что — сообщу.

Чугуновъ вышелъ изъ дому редактора, ругая и уже ненавидя его.

Благодаря тому, что Чугуновъ былъ учителемъ русскаго языка, отвѣтъ получился утвердительный. Редакція, да и старшій корректоръ изъ чиновниковъ «хромали» по части грамматики и потому предложеніе отставнаго учителя русскаго языка было

принято. По положенію—старшій корректоръ читаетъ печатные листы, а младшій слѣдить по оригиналу. Но Чугунову поручили самую корректуру, а чтеніе оригинала принялъ на себя старшій корректоръ.

Здѣсь у мѣста упомянуть объ одномъ фактѣ изъ редакторской дѣятельности Мальцева, чтобы показать насколько редакция была сильна и въ другихъ вещахъ, кромѣ грамматики. Въ одной статьѣ, написанной какимъ-то помѣщикомъ, встрѣтилось слово «котерія». Читая корректуру, корректоръ остановился на этомъ словѣ. «Что, молъ, это за штука? пропустить,—а вдругъ это какая нибудь такая гадость, что Боже сохрани! Описка всегда возможна... надо показать». — Да, да... котерія... это что же?.. я ей-Богу не знаю, что такое это... а вы... вы тоже не знаете? спрашивалъ Мальцевъ у корректора. — Въ первый разъ слышу!..—Да, да... это такъ нельзя... у кого же спросить... Пошлю въ Валентину...

Побѣждалъ наборщикъ къ Стрепкину. Тотъ захохоталъ и потребовалъ два штофа водки. Ему обѣщали одинъ. Онъ заупрямился. Дѣлать нечего, дали требуемое, и значеніе слова «котерія» для редакция стало ясно.

Читая корректуру, Павелъ Ивановичъ, не бравшій до сихъ поръ «Вѣдомостей» въ руки, по неволѣ сталъ знакомиться съ ними. Его ужаснулъ и поразилъ выборъ статей. Такое обиліе печатнаго матеріала—и такой выборъ! Онъ не удержался и высказалъ свое недоумѣніе Мальцеву.

— Да-съ, оно, конечно... да вѣдь наше изданіе... казенное. Намъ нельзя печатать всего... изъ всѣхъ изданій... Напримѣръ, вотъ «Дѣло»: изданіе цензурное, а мы не можемъ-съ изъ него перепечатывать!

— Будто и не можете? Кто же вамъ запретилъ?

— Да-а-съ... запрещать, конечно, не запрещалъ... а все же... нельзя-съ! Петръ Елизаровичъ, напримѣръ, не любятъ-съ его... ну и нельзя-съ!

— А изъ другихъ-то?

— Мы изъ «Правительственнаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» больше... Оно спокойнѣе... и лучше! «Правительственный Вѣстникъ»—органъ правительственный, а «Московскія Вѣдомости»—извѣстная... уважаемая начальствомъ газета... тоже спокойно... а другія гдѣ же? Вотъ, напримѣръ, «Недѣля»? Тамъ-съ была одна статья о нашемъ краѣ, и Валентинъ Егоровичъ указывалъ на нее... Вы не знаете Валентина Егоровича?

— Знаю такъ... но... незнакомъ!

— Способный человекъ, но совсѣмъ спился... совсѣмъ. Онъ пишетъ для насъ... очень хорошо,—чувствительно пишетъ... но безъ водки ни строчки! Пока не поставишь штофа—и не примется!

— Вы говорите—онъ указывалъ вамъ на «Недѣлю?»

— Да-а-съ... тамъ видите статья была о нашемъ уѣздѣ... статьи я не читалъ... не знаю-съ... но какъ мы будемъ печатать то, что было въ «Недѣлѣ?» Она подвергалась предостереженіямъ... слѣдовательно не въ благоволеніи... нельзя-съ!

— Тогда вамъ остается печатать только описаніе тумбъ и лекціи по технологіи! засмѣялся Чугуновъ.

— Наше изданіе казенное! повторилъ Мальцевъ.—Мы не живемъ подписчиками... да ихъ и такъ не мало...

Въ самомъ дѣлѣ, «Плѣсноводскія Губернскія Вѣдомости» имѣли въ томъ году болѣе 6,000 подписчиковъ. Но это объясняется легко, и если у нихъ, въ 1880 году, будетъ 10,000 подписчиковъ—удивляться нечему. Во первыхъ, у «Губернскихъ Вѣдомостей» извѣстное число подписчиковъ обязательныхъ, которые, волей-неволей—выписываютъ ихъ. У служащихъ такъ просто вычитаютъ изъ жалованья. Но кромѣ того, обыкновенно всѣмъ исправникамъ и становымъ предлагается распространять подписку. Эти власти и предлагаютъ по мѣрѣ силъ и возможности. Такъ, напримѣръ, выписывались (и, можетъ быть, выписываются до сихъ поръ) «Плѣсноводскія Губернскія Вѣдомости» однимъ зажиточнымъ крестьяниномъ, который не умѣлъ ни читать, ни писать и, не развертывая нумеровъ, отдавалъ ихъ бабѣ на «потребы». Былъ и еще курьезный случай. Одинъ изъ услужливыхъ становыхъ, получивъ предписаніе предлагать подписку, убѣдилъ одного лавочника выписать два экземпляра, а человекъ десять—по одному экземпляру. Но этого показалось мало и, желая заслужить болѣе благоволеніе начальства, онъ выписалъ одинъ экземпляръ для себя, другой на имя жены, третій на имя матери и четвертый—дочери.

При такомъ способѣ распространенія газеты—нечего удивляться числу подписчиковъ, и можно смѣло печатать хотя китайскій словарь—изданіе пойдетъ! Но что «Губернскія Вѣдомости» нигде не годятся, это видно изъ того, что ихъ никто не читаетъ, а прямо же, получивъ съ почты, отдаетъ на «потребы».

Павель Ивановичъ пытался было писать для Вѣдомостей, но всѣ три опыта оказались «не подходящими». Статью о N—ихъ старовѣрахъ не приняли потому, что она «представ-

ляла собою ложь». Такъ и помѣтилъ на поляхъ рукописи самъ редакторъ.

Чугуновъ потребовалъ объясненій.

— Да-а-съ, что же... редакция не входитъ въ объясненія...

— Да полноте, что вы официализируете со мною! Вѣдь говорили же вы раньше, напримѣръ, о томъ, что нельзя печатать изъ «Недѣли» и т. д., а теперь вдругъ...

— Да чего вы хотите, Павелъ Ивановичъ? вѣдь я написалъ, видѣли?

— Видѣлъ, но не понимаю: «представляетъ собою ложь?»

— Да-а-съ! Оно—такъ и есть!

— Какъ такъ? Да гдѣ же эта ложь! въ чемъ?

— Въ самой сути!

— То-есть что же именно? добивался Чугуновъ:—какъ это въ «суть?»

— Да-а-съ... такъ, въ сути! Вы пишете о N—ихъ раскольникахъ?

— Ну да, о N—ихъ раскольникахъ!

— Да-а-съ... а ихъ нѣтъ!

— То-есть какъ нѣтъ?

— Такъ нѣтъ-съ!

— Да какъ же это такъ? гдѣ нѣтъ? на свѣтѣ, что ли?

— Зачѣмъ же... здѣсь нѣтъ, то-есть именно тамъ, гдѣ вы ихъ находите!

— Вотъ мило! захохоталъ Чугуновъ:—нѣтъ раскольниковъ въ N—ѣ? Да откуда вы? Кто же не знаетъ N—ихъ раскольниковъ?

— Да-а-съ, оно, можетъ быть, и знаютъ... а только ихъ, по донесенію отца Василя, въ N—ѣ нѣтъ:—всѣ православныя! Слѣдовательно, какъ же? отецъ Василій пишетъ, что ихъ нѣтъ, а мы будемъ помѣщать вашу статью? Нельзя-съ!

Чугуновъ только пожалъ плечами и послалъ очеркъ въ одну изъ московскихъ газетъ, гдѣ онъ и былъ напечатанъ.

Вторая статья Павла Ивановича—«О чистотѣ городовъ» не прошла потому, что «она могла обидѣть голову», какъ бы намекая на .... и т. д.

И эта статья, въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, появилась въ московской газетѣ.

Вскорѣ послѣ этого Чугуновъ представилъ третью статью, упрямо добиваясь своей цѣли.

— Надѣюсь—годится, сказалъ онъ, вручая свертокъ Мальцеву.

— Да-а-съ... конечно, если можно, съ удовольствіемъ... посмотримъ.

— Конечно, можно! Статья безобидная!

Но, увы! И эта статья, описывающая вечеринку крестьянъ, не была принята редакціей. Во первыхъ, стихи Некрасова нужно было выбросить.

— Я на это согласенъ! отвѣчалъ Чугуновъ.

— Да-а-съ... оно хорошо... но это... это не главное!

— Да что же еще-то?

— Весь духъ не годится... вы упоминаете о тяжеломъ трудѣ, цитируете Никитина: «душный воздухъ, дымъ лучины»... Это стихотвореніе мрачное... у насъ нельзя-съ! Вы дайте веселую картинку.

— Медовыя рѣки и кисельные берега? ядовито сказалъ Чугуновъ.

— Да-съ, зачѣмъ же! Но у насъ этого нельзя!

Въ тотъ же самый день, когда была отвергнута «вечеринка» Чугунова, въ редакцію прислали корреспонденцію изъ N—скаго села. Описывался пожаръ, всѣ его ужасы, причина пожара, бѣдственное положеніе, въ какое онъ поставитъ народъ и, наконецъ, несчастный случай, бывшій на пожарѣ. Письмо было живое, мѣстами полное чувства, а картина пожара — положительно мастерская.

Чугуновъ прочелъ письмо и побѣждалъ къ Мальцеву.

— Басьянъ Федотовичъ! Въ N—омъ селѣ пожаръ... и оттуда корреспонденція... просто прелесть! Завтрашній номеръ уже верстается, прочтите скорѣе и пускайте въ наборъ!

— Да-а-съ, конечно... позвольте... посмотримъ!

Онъ прочелъ, снялъ очки, которыя надѣвалъ только во время чтенія, — и, владя письмо на столъ, произнесъ своимъ гнусавымъ голосомъ:

— Да-съ, оно хорошо... очень хорошо, а всетаки я не напечатаяю!

— Какъ? эту корреспонденцію? вскричалъ Чугуновъ.

— Нельзя-съ!

— Намъ нельзя? да ее любое изданіе возьметъ... такихъ корреспонденцій и въ столичныхъ газетахъ мало!

— Да-съ, нельзя-съ! Мы еще не имѣемъ официальныхъ свѣдѣній о пожарѣ.

— Отъ кого свѣдѣній?

— Отъ кого слѣдуетъ-съ! Донесенія еще нѣтъ!

— Ну, донесутъ! Что же такое?

— Какъ же мы будемъ предупреждать донесенія? А можетъ быть явится разница? Мы—изданіе казенное, и вдругъ помѣстимъ корреспонденцію, несогласную съ отношеніемъ!

— Ахъ, Боже мой! Что же такое! То донесеніе,— а это частное письмо!

— Нельзя-съ!

— Да отчего-же?

— Нельзя-съ! Вотъ будетъ донесеніе...

— Да когда оно будетъ! Тогда изъ столичныхъ газетъ узнають... весь интересъ пропадетъ!

— Нельзя-съ! Да-а-съ! Мы не за интересомъ гонимся.

— Ну, хорошо! А послѣ донесенія напечатаете корреспонденцію?

— Если будетъ согласна съ нимъ— да; а иначе— нельзя-съ...

Черезъ полторы недѣли донесеніе пришло и было напечатано, но письмо въ Вѣдомостяхъ такъ и не появилось, потому что вышло маленькое разногласіе.

Чугуновъ былъ виѣ себя.

— Эхъ вы... горячка! промолвилъ Валентинъ Егоровичъ, въ первый разъ явившійся при Чугуновѣ въ редакцію.—И чего вы волнуетесь... будто это изданіе? Вѣдь это... сборникъ бумаги, замаранной краскою!.. Ха! ха! ха!

Отъ «постояннаго сотрудника» уже сильно несло, однако, онъ все-таки еще держался на ногахъ крѣпко. Но когда Чугуновъ, послѣ занятій, возвращался домой, Стрепыкинъ уже стоялъ у кабака, прислонившись спиною къ косяку дверей, и что-то бормоталъ подъ носъ, шаря одною рукою въ карманъ изодранныхъ брюкъ, а другой дѣлая въ воздухѣ какіе-то непонятные знаки.

Необыкновенно взволнованный и злобный вернулся Чугуновъ домой,—а тутъ его, какъ нарочно, ждала послѣдняя корреспонденція Элевандова. Письма этого господина и раньше возмущали Павла Ивановича, но онъ удерживался отъ возраженій, избѣгая новой исторіи; но послѣднее письмо «благороднаго» корреспондента было въ высшей степени возмутительно, а Чугуновъ находился въ томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ не взвѣшиваютъ спокойно послѣдствій,—и возраженіе написалось въ одинъ присѣсть, въ нѣсколько минутъ.

— Это подлость—молчать! обязанность честнаго человѣка разъяснить правду! Я не могу далѣе молчать!

Съ этимъ сознаніемъ Чугуновъ сѣлъ писать, и съ этимъ же сознаніемъ онъ вышелъ изъ дому, уже въ одиннадцатомъ часу ночи, чтобы опустить свое письмо въ почтовый ящикъ.

IV.

ГОНЕНІИ, ВОЗДВИГНУТОЕ НА «НЕПРІЯТНАГО ЧЕЛОВѢКА».

Болѣе горячаго, но въ то же время и болѣе рѣзкаго отвѣта себѣ Элевандовъ не могъ и ожидать. Письмо Павла Ивановича было сильно и доказательно на столько, что отвѣчать безъ увертокъ, прямо — не являлось никакой возможности. Одно только портило это горячее, кровью сердца написанное опроверженіе лживыхъ диеирамбовъ Элевандова,—нѣкоторая рѣзкость, несдержанность въ выраженіяхъ. Чугуновъ не одинъ разъ назвалъ Элевандова (не по фамиліи, конечно,) блюдолизомъ, подхалюзой, служащимъ на заднихъ лапкахъ передъ аристократіей; а въ одномъ мѣстѣ своего письма выразился прямо: «такіе корреспонденты, ради имъ только извѣстныхъ цѣлей, искажающіе истину, могутъ быть названы людьми, потерявшими честь и совѣсть,—упавшими столь низко, что честный человѣкъ побойтся подать имъ свою руку».

За то Павелъ Ивановичъ разбилъ въ пухъ и прахъ Элевандова и во всей правдѣ раскрылъ дѣло, не утаивъ ни одного промаха Крестовоздвиженскаго, но и не пада его враговъ. Выплыла наружу масса темнаго и сквернаго; сдѣлались ясными всѣ низкіе мотивы борьбы, всѣ сплетни, которыми занимались «благородные» люди. Филантропіи губернаторши было отведено надлежащее мѣсто, ея таланту—отданъ достойный почетъ. Это мѣсто кореспонденціи было одно изъ сильныхъ, и за это мѣсто главнымъ образомъ пришлось поплатиться потомъ Павлу Ивановичу. Всѣ нападки на врачей не имѣли бы серьезныхъ послѣдствій, если бы Чугуновъ не оскорбилъ, не возстановилъ противъ себя ея превосходительства.

Въ самомъ дѣлѣ: ей пропѣли гласно диеирамбъ, ее назвали идеальной филантропкой, имя которой съ благовѣніемъ проносится бѣднымъ людомъ, а какъ артистку—ее поставили чуть не рядомъ съ... Федотовой; словомъ—ея слава распространилась:

Отъ хладныхъ Невскихъ береговъ
До пламенной Колхиды.

И вдругъ—позоръ, безчестіе! Вдругъ ее низводятъ до «положительной бездарности», игру ея называютъ «лишенною вся-
Кв. X. — Октябрь, 1879.

каго смысла»,—и позволяютъ себѣ сказать такую возмутительно-дерзкую фразу: «намъ кажется, что этой многоуважаемой дамѣ, которая такъ плѣнила своей игрой г. Р—ова, всего приличнѣе было бы явиться на подмосткахъ какого нибудь масляничнаго балагана, потому что только г. Р—овъ и та невзыскательная публика могутъ приходиться въ восторгъ отъ игры, лишенной всякаго смысла».

Унизъ Чугуновъ только другихъ, осмѣи рѣзко ихъ всѣхъ, но возвеличь ее, и Анна Павловна, еслибы и не защищала его прямо, открыто, то всетаки и не пришла бы въ такой гнѣвъ, какъ теперь, не стала бы настаивать на томъ, что-бы имя «мерзавца» было открыто. Можетъ быть, она изъ любопытства и пожелала бы узнать его, но ради похвалы себѣ, довольная тѣмъ, что унижена какая нибудь Щепурова,—она простила-бы рѣзкости автору и хотя тайно, но, пожалуй, взяла бы его подъ свое покровительство.

Теперь было совсѣмъ другое дѣло! Она оскорблена, обезславлена; она не могла оставить въ покоѣ дерзкаго, не могла не отомстить ему. Конечно, она скрыла свое злобное чувство и говорила всѣмъ, что возмущена не личными нападками на нее, но тѣмъ безчестнымъ отношеніемъ къ почтеннымъ людямъ, какое позволилъ себѣ «наглый» корреспондентъ.

— Ахъ, я выше этихъ дразгъ! говорила Анна Павловна, вздыхая:—я совсѣмъ равнодушна къ тому, что говорятъ про меня. Пусть... мнѣ что? Хвалить—хвалите, бранить—пускай! Я играю, потому что люблю театръ, потому что моя игра дѣйствительно многимъ нравится, наконецъ, потому, что этимъ я дѣлаю доброе дѣло.

— Но это оскорбительно... позволять себѣ такъ рѣзко...

— Мнѣ все равно! Меня это нисколько не волнуетъ. Онъ говорить о моихъ благотворительныхъ дѣлахъ...

— Но какъ говорить, Анна Павловна?

— Что-же такое? Пускай! Развѣ я для славы дѣлаю это?

— Но все таки...

— Нисколько! Я христіанка, я исполняю ученіе церкви, я поступаю по влеченію сердца... и что же для меня всѣ отзвывы! Ахъ, повѣрьте, что для меня совершенно безразлично: хвалить или порицаютъ!

Съ этимъ, конечно, соглашались и тѣ, которые въ душѣ были рады, что «отщелкали губернаторшу», и отъ всего сердца благодарили корреспондента.

— Превосходно! Давно бы такъ! говорила Щенурова своей короткой приятельницѣ.

— Это ей хорошій урокъ! А то она, въ самомъ дѣлѣ, забудется, и Богъ вѣсть, что возмечтаетъ о себѣ!

— Превосходно! Лучше написать нельзя! И вѣдь какою она незлобивою, кроткою представляется,—посмотрѣла бы ты: просто святая—и только! «Мнѣ, говорить, все равно, я нисколько не волнуюсь». Какъ же! такъ и повѣрю! Я думаю, теперь своему старцу и повою не даетъ,—кто, да кто? узнай ей фамилію корреспондента!

— А кто, въ самомъ дѣлѣ?

— Разно говорятъ. Одни указываютъ на Чугунова, другіе на Стрепина, а Вадимъ Васильевичъ увѣряетъ, что это никто иной, какъ Чайковъ.

— Ну, нѣтъ, гдѣ ему! Скорѣе всего—Чугуновъ!

— Очень можетъ быть! А вѣдь не одобровать ему, если узнаютъ... дождетъ его Анна Павловна!

— Да что же она сдѣлаетъ? Развѣ онъ подчиненный?

— Все равно... старецъ можетъ сдѣлать многое...

— Не вышлетъ же его изъ Пгѣсноводска?

— А какъ знать, можетъ быть и то!

Анна Павловна сильно желала, чтобы «нахаль» былъ какънибудь построже наказанъ. Но какъ узнать, кто именно этотъ «нахаль»? Мнѣнія были различны; нельзя же преслѣдовать троихъ за разъ.

— Но ты прими мѣры, говорила Анна Павловна мужу:—вѣдь это гадко... такъ позорить честныхъ людей! Всѣ возмущены! Всѣ хотятъ судиться! Оскорблена я, врачи, обиженъ Элевандовъ, а онъ твой чиновникъ...

— Мда, мда... конечно, такъ! нельзя... нельзя такъ... но что же я сдѣлаю? Какъ я узнаю, душечва?

— Ахъ, Господи! Пиши въ редакцію... пусть полиція узнаетъ, старается... Прими мѣры!

Мѣры были приняты, но онѣ не дали никакихъ результатовъ. Редакція ничего не отвѣтила на первое письмо, а на второе, почти официальное, заявила готовность напечатать опроверженіе, но выдать фамилію корреспондента отказалась. «Если дѣло дойдетъ до суда—мы откроемъ фамилію автора, но иначе сообщать не можемъ»... Однако судиться врачи не хотѣли, а Элевандовъ тѣмъ болѣе, потому что онъ ни за что не желалъ принимать на себя писемъ, печатавшихся подъ псевдонимомъ Р—ва. Что эти письма были его—знали только самыя близкіе

знакомые, но чиновникъ особыхъ порученій вовсе не хотѣлъ гласно признаваться въ этомъ. Онъ написалъ, правда, опроверженіе, но оно вышло слабо, бездоказательно, и хотя редакция той газеты, гдѣ печатались прежніе дивирамбы губернаторшѣ, помѣстила это возраженіе, но оно не обѣлило чернаго дѣла и не разбило доводовъ Чугунова. Полиція, съ своей стороны, работала и немножко нажала на Чугунова и Стрепкина, но перваго она оставила въ покоѣ, послѣ того, какъ Павелъ Ивановичъ объявилъ приставу, что будетъ «писать въ газету, если къ нему станутъ придираться». Стрепкинъ же напечаталъ письмо въ той газетѣ, гдѣ была помѣщена «возмутительная корреспонденція»— и этимъ письмомъ снялъ съ себя всякое подозрѣніе.

У всѣхъ стало окончательно складываться убѣжденіе, что авторъ рѣзватога письма—Павелъ Ивановичъ. Этого же мнѣнія былъ и кварталный надзиратель Иванъ Моисѣевичъ Тряпичинъ, и онъ жалѣлъ только одного, что «нѣтъ яснаго доказательства».

— А ужъ я бы удружилъ ему... удружилъ! говорилъ онъ, запихивая въ свой красный носъ почтенную дозу сквернаго табаку.

— Можетъ быть и узнаете еще, утѣшали его.

— О! тогда я удружу! тогда я его... пропеку! съ наслажденіемъ восклицалъ Тряпичинъ.

Видно Чугуновъ родился подъ такою несчастною звѣздою, что ему не везло въ жизни. Сама же редакция, та самая редакция, которая отказалась открыть имя корреспондента, выдала Павла Ивановича цѣликомъ въ руки его недруговъ. Издатель «Трудолюбія», не получая долго писемъ отъ Чугунова, захотѣлъ напомнить ему объ обѣщаніи «не забывать сообщеніями», что и поручилъ сдѣлать секретарю редакціи; а этотъ милый господинъ, вѣроятно, пожалѣлъ редакціонныхъ денегъ или вообразилъ, что Плѣсноводскъ нѣчто въ родѣ Лондона—и ватнулъ Чугунову открытое письмо слѣдующаго содержанія:

М. г.!

Вы обѣщались не забывать насъ, а между тѣмъ, послѣ вашей первой корреспонденціи, вы и до сихъ поръ ничего не писали намъ. Вспомните о насъ.

Секретарь редакціи И. Гвоздинъ.

На письмѣ стоялъ штемпель редакціи газеты «Трудолюбіе». Ничего глупѣе не могло быть сдѣлано.

— Та-та-та-та! подскочилъ на своемъ мѣстѣ сортировщикъ,

прочитайъ письмо.—Вотъ она, штука-то! Тутъ голову ломають, а «ларчикъ самъ открылся!» Хе, хе, хе!

Онъ полетѣлъ на верхъ и показалъ письмо почтмейстеру.

— А-а! только и произнесъ плѣсноводскій Шпекинъ.

На другой день уже весь городъ зналъ, что авторъ «возмутительной корреспонденціи» — Павелъ Ивановичъ Чугуновъ, бывшій учитель уѣзднаго училища, служащій теперь младшимъ корректоромъ въ редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей».

У Чугунова опустили руки, когда онъ получилъ открытое письмо.

— Вотъ скоты-то! невольно сорвалось у него съ языка, — и онъ злобно смялъ редакціонное письмо.

— Теперь все кончено... мнѣ откажутъ! думалъ онъ, ходя по своей маленькой комнатѣ, которую нанималъ у сапожника. Здѣсь къ слову сказать, что бабушка Павла Ивановича съ годъ уже какъ уѣхала въ уѣздный городъ N—скъ, къ своимъ родственникамъ.

«Идти или нѣтъ»? размышлялъ онъ на другое утро. «Конечно, идти... все равно вѣдь... да и къ тому же надо дополучить три рубля... не бросить же ихъ... теперь мнѣ три рубля—деньги! Вѣдь эти просвѣтители—только портить все умѣютъ, а жить не дадутъ! Напоминать—напоминаютъ, а денегъ до сихъ поръ не выслали!... свиньи!»

Недотронувшись до завареннаго чая, Павелъ Ивановичъ отправился въ редакцію «Вѣдомостей».

Мальцева еще не было. Метранпажъ сообщилъ Чугунову, что «все уже извѣстно, и что порѣшено ему отказать».

— Касьянъ Федотовичъ страсть какъ перепугался! прибавилъ онъ:—Дня, говорить, держать больше не буду, потому нельзя, узнаетъ ея превосходительство—бѣда!

— Какъ онъ еще до сихъ поръ не уволилъ васъ, это удивленіе! замѣтилъ одинъ изъ наборщиковъ: — онъ такъ боялся, когда стали говорить на васъ... и я полагаю: знай онъ лучше грамматику—давно бы вамъ отказалъ!

— Ну, теперь и грамматика не спасетъ! сказалъ метранпажъ:—нашъ Касьянъ перепугался ужасть! я думалъ, что его самого съ мѣста стурили—до того расстроены!

Пришелъ старшій корректоръ, поздоровался съ Чугуновымъ и ушелъ на верхъ. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда спустился Мальцевъ и, противъ обыкновенія, не подалъ руки Чугунову.

— Да-а-съ, а вы должны будете оставить мѣсто... то есть прекратить занятія, сказалъ онъ поспѣшно.

— Мнѣ слѣдуетъ три рубля съ копѣйками, заявилъ Павелъ Ивановичъ.

— Да-асъ, это такъ... вамъ слѣдуетъ...

— Я желалъ бы получить!

— Да-асъ... получить... что же, вы получите въ свое время... сегодня еще только десятое...

— Неужели для такихъ пустяковъ приходитъ нарочно двадцатаго числа?

— Да-асъ, двадцатаго... выдача бываетъ только разъ... я бы могъ, конечно, свои... но... теперь у меня нѣтъ излишнихъ, извините!

— Я у васъ не прошу! рѣзко возразилъ Павелъ Ивановичъ.

Онъ всталъ, взялъ съ окна фуражку и, не поклонившись, вышелъ изъ комнаты.

Цѣлый день безцѣльно ходилъ онъ по городу и его окрестнымъ слободамъ, не смотря на то, что сентябрьское солнце грѣло плохо и дождикъ сѣялъ точно изъ сита. Закусивъ на гривеникъ въ грязномъ трактирѣ, Павелъ Ивановичъ пошелъ домой.

— Гдѣ это вы пропадали весь день? сердито встрѣтила его хозяйка.

— Это еще что такое? какое вамъ дѣло? грубо возразилъ постоялецъ.

— А такое вотъ, что мы не намѣрены держать васъ больше... слышали?

— Да вы бѣлены что-ли обѣлись сегодня, Авдотья Секарионовна? Или мужъ васъ опять отгузилъ колодкою?

— Это не касается васъ! а вы подайте деньги за мѣсяцъ, и убирайтесь вонъ... завтра же, мы не хотимъ изъ-за васъ наживать неприятностей!

Она захлопнула дверь и Павелъ Ивановичъ слышалъ, какъ она проворчала, уходя:—нигилистъ долговолосый! Путаешь только честныхъ людей... окаянный!

«Это еще что за новости?» думалъ молодой человекъ, въ изнѣможеніи опускаясь на поломанный стулъ:—она-то съ чего... что я имъ сдѣлалъ?

Онъ не зналъ еще, что у хозяина побывалъ Иванъ Моисѣвичъ Тряпичкинъ.

Этотъ мужъ, какъ бы случайно, завернулъ къ сапожнику и освѣдомился, между прочимъ:—а что, молъ, все еще у тебя живеть учитель?

— Какъ-же-съ, Иванъ Моисѣвичъ, живеть!

— А-а... и ничего?

— На счетъ чего-съ? Буйства? человѣкъ тихій... ничего-съ!

— Такъ, такъ, усмѣхнулся Тряпичевъ: — въ тихомъ-то омутѣ черти и водятся,—слыхаль?

— Какъ-же-съ... слыхаль: пословица такая... а только все это на счетъ чего-же, Иванъ Моисѣичъ?

— Да такъ, братъ, ничего!..

— Нѣтъ ужъ вы, будьте добры, скажите, потому сумнѣніе навели распросами... наше дѣло темное, а вамъ лучше и доподлинно все извѣстно.

— А слушаешься меня?

— За всегда готовы-съ... помиуйте, Иванъ Моисѣичъ!.. вы для насъ словно вотъ отецъ родной! извѣстно,—ваша воля, а мы ничего такого...

— Ну, ладно, воли такъ—предупрежу: жаль мнѣ тебя, Абрамъ, вотъ что... наживешь ты грѣха съ этимъ учителемъ!

— Это какъ-же-съ?

— Да такъ... человѣкъ онъ нехорошій! Въ подозрѣніи состоитъ... а ты человѣкъ тихій, ни въ чемъ незамѣченный!

— Помиуйте, Иванъ Моисѣичъ! какъ можно! Мы что если... всегда съ великимъ почтеніемъ...

— То-то, смотри, братецъ!.. а всего лучше коли бы отказалъ скорѣй учителю-то... знаешь кто онъ?

— Да какъ вамъ сказать-то... изволите сами знать: теперь онъ при «вѣдомостяхъ» занимается...

— Не въ этомъ дѣло! Это служба... да ему и откажутъ отъ мѣста! а онъ вѣдь, братецъ, нигилистъ!

— Иванъ Моисѣичъ! Это что же такое? очень ужъ худое занятіе?

— Да, братъ, нехорошее, коли въ подозрѣніи, и каждую минуту можетъ быть... Э, да что тутъ говорить: не хочешь бѣды—откажи лучше! а то не пѣнай на меня... предупреждалъ, послѣ потачки не дамъ!

— Иванъ Моисѣичъ, помиуйте! какъ можно—не слушаться начальства! Да я его таперича дня не буду держать!.. То есть значить, чтобы близко дому мово не было... вотъ что! Такъ и хозяйкѣ скажу... мы, в—іе, въ начальству всегда съ почтеніемъ... а не то чтобы какъ нибудь... бапмачки не прикажете ли сшить вашей дочкѣ, Иванъ Моисѣичъ? мы съ удовольствіемъ!

— Спасибо, братъ, вотъ уже женѣ скажу! а ты только откажи ему!

— Безпремѣнно, Иванъ Моисѣичъ! какъ только вотъ явит-

ся—сейчасъ я ему и свяжу; мы супротивъ начальства ни-ни, и отъ грѣха, значить, подалеже, потому наше дѣло—тихое, честное...

Павель Ивановичъ только что проснулся, когда хозяинъ вошелъ въ его комнату.

— А вы ужъ эту комнату-то извольте очистить! сказалъ онъ грубо.

— Это почему-же?

— Да ужъ потому...

— Однако, я хотѣлъ бы знать... а то вчера ваша жена...

— Да неча, значить, языкъ даромъ чесать, потому я хозяинъ и въ своей фатерѣ воленъ распорядиться: хочу держу, хочу—отказываю... вотъ и весь сказъ!

— Не могу же я выбраться на улицу; надо присмотрѣть комнату, дайте срокъ.

— Чего тутъ искать; искать не долго... а я больше дня держать не буду... Это мое слово!

— Ну, вы такъ напрасно: я имѣю полное право три дня оставаться здѣсь и раньше трехъ дней я не съѣду... а теперь извольте убираться отъ меня вонъ... это тоже мое слово!

— Погоди гнать-то, не важничай! ты деньги спервоначалу отдай, а потомъ и гони! вскричала хозяйка, съ шумомъ растворяя двери въ комнату жильца.

— Убирайтесь къ чорту! вскричалъ Чугуновъ внѣ себя, вскакивая съ кровати.

Онъ силою вытолкнулъ хозяевъ и заперъ двери на ключокъ.

Если читатель знаетъ провинцію, то онъ пойметъ затруднительное положеніе Чугунова. Напрасно промаявшись часа четыре, онъ ни съ чѣмъ вернулся домой. Дверь въ сѣни была заперта.

Онъ постучался.

— Кто тамъ? отозвался изнутри женскій голосъ.

— Отоприте!

— Ахъ, это ты, нигилистъ окаянный! Проваливай откуда пришелъ... намъ тебя не надо!

— Какъ вы смѣете? Я живу здѣсь... если вы не пустите, я силой войду!

— Попробуй! Испытаешь и части!... Даромъ что учитель, а ничего—выспишься въ кутузкѣ!

Выведенный изъ себя, Павель Ивановичъ вшпибъ раму и влѣзъ въ окно.

— Батюшки! разбой! Нигилистъ бьетъ стекла! заорала хо-

займа, выбѣгая на улицу: — отцы родные, помогите! Сбѣгайте въ часть... пусть придуть и возьмутъ его...

Нашлись услужливые люди и сбѣгали за полиціей. Явились два пожарныхъ солдата и самъ Тряпичкинъ.

— Это вы что же дѣлаете? обратился онъ къ Чугунову: — еще благородный человѣкъ, а затѣваете буйство... напились вы, что ли? такъ все-таки не надо было дѣлать буйства... пожалуйте въ часть!

— А какъ они смѣютъ не пускать меня домой?

— Этого я не знаю-съ... я вижу, и всѣ подтверждаютъ, что вы раму выбили... такъ нельзя-съ; въ часть пожалуйте!

— Не пойду! сказалъ рѣшительно Чугуновъ, садясь на стулъ.

Онъ тяжело дышалъ и былъ блѣденъ какъ полотно.

— Лучше идите чествомъ, а то вѣдь прикажу — возьмутъ силою! сказалъ Тряпичкинъ.

Павель Ивановичъ молчалъ.

— Не хотите! дѣлать нечего!... Братцы, возьмите его и отведите въ часть!

— Не смѣть подходить! закричалъ Чугуновъ, вскакивая. Но затѣмъ онъ вдругъ запнулся и съ громкими рыданіями упалъ на постель...

Солдаты налегли на него, связали руки веревкою и поволокли въ часть.

Павель Ивановичъ просидѣлъ въ арестантской цѣлѣ сутки. Выпущенный оттуда, разбитый и больной, онъ едва доплелся до ближайшаго трактира, чтобы подкрѣпить силы чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ. Истративъ послѣдніе шесть копѣекъ, безъ гроша въ карманѣ, но въ надеждѣ получить на дняхъ деньги изъ редакціи «Вѣдомостей», пошелъ онъ искать себѣ какую нибудь кануру.

Но, увы! его не пускали нигдѣ. Кто боялся его какъ буяна, кто уже былъ запуганъ Тряпичкинымъ и захлопывалъ двери передъ самымъ носомъ «нигилиста», а многіе просто боялись «обличителя», не хотѣли имѣть дѣла съ человѣкомъ, вооружившимъ противъ себя «сильныхъ плѣсноводскаго міра». Конечно, будь Чугуновъ богатъ, въ чинахъ и находись въ другой обстановкѣ, — и Тряпичкинъ не смѣлъ бы тревожить его, да и хозяева смотрѣли бы иначе. Но теперъ было совсѣмъ другое дѣло.

— Я ему удружу! ликовалъ Тряпичкинъ: — жидомъ вѣчнымъ будетъ, бродягой сдѣлается... а тогда мы его и подтянемъ!

Въ самомъ дѣлѣ, Чугунову приходилось ночевать подъ от-

крытомъ небомъ. И онъ уже рѣшился забраться на ночь подъ мостъ, когда случайно встрѣтился со Стрепкинымъ, который, шатаясь, возвращался въ свой уголь, держа въ одной рукѣ какой-то свертокъ, а въ другой—полуштофъ водки.

— А, колега! закричалъ онъ, увидѣвъ Чугунова: — куда вы это?

— Оставьте! желчно произнесъ Павелъ Ивановичъ, съ содраганіемъ взглядывая на фигуру Валентина Егоровича.— «Неужели я буду такимъ-же?» подумалъ онъ, и сердце сжалось въ его груди.

— Э, колега! что вы все носитесь сумрачны и унылы! Пойдемте лучше ко мнѣ, разопьемъ сію посудину, съѣдимъ сей фруктъ (онъ приподнялъ свертокъ) и будемъ мы блаженны и веселы!

Дождь становился крупнѣе; свѣжесть сильнѣе охватывала тѣло.

«Вѣдь все лучше, чѣмъ подъ мостомъ» — мелькнуло въ головѣ Чугунова.

— Послушайте, сказалъ онъ Стрепкину:—я пойду съ вами... только я не могу пить... я весь разбитъ;—дайте мнѣ отдохнуть и переночевать у васъ!

— Вся моя зала къ вашимъ услугамъ, колега! Спите, отдыхайте—и не мѣшайте мнѣ пить сей божественный нектаръ!... Ибо: «блаженны, егда можете напиться и среди плачущихъ и озлобленныхъ веселиться!»

А. Кругловъ.

(ОКОНЧАНИЕ БУДЕТЬ).

* * *

Уже въ поляхъ не слышно битвы...
Еще въ дыму пороховомъ
Темнѣетъ небо... Для молитвы
Бойцы собираются кругомъ.
Вездѣ разбросанные трупы
И лужи крови пролитой...
Мечи иззубрены и тупы
Въ грязи валяются... Порой
Несутся стоны:—надъ землею
Напрасно раненый солдатъ
Подняться силится съ броней
Облитыхъ кровью мѣдныхъ латъ.

Склонивъ знамена, побѣдитель
Хвалу возносить къ небесамъ,
Какъ будто Свѣтлый Искупитель—
Сходилъ помочь убійству самъ,
Какъ будто здѣсь набиты эти
Нѣмныя груды мертвецовъ
Ему въ угоду... Злыя дѣти,
Дружины бѣшеныхъ бойцовъ
Забыли врестъ, гдѣ Онъ томился,
Гдѣ въ мукахъ смерти роковой
Онъ за враговъ своихъ молился
Надъ ослѣпленную толпой.

Н. Д.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

I.

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА.

Сюжетомъ этого разсказа будетъ ребенокъ, четырехлѣтняя дѣвочка, по имени Лія, у которой были глянцовитые черные волосы и большіе темнаго цвѣта глаза. Но въ глазахъ этихъ не было блеска; они смотрѣли какъ то грустно, да и на всемъ ея блѣдномъ, съ тонкими чертами, личикѣ лежалъ тоже какой то особенный отпечатокъ задумчивости. Она была дочь очень бѣдныхъ людей и всего-на-все имѣла только одно платьице, все въ заплаткахъ,—единственное, какъ для праздничныхъ, такъ и для будничныхъ дней. Оно было шито изъ желтаго ситца, который такъ полинялъ, что уже трудно было узнать его первоначальный цвѣтъ.

Но отпечатокъ грусти и задумчивости на личикѣ Ліи происходилъ не отъ этихъ причинъ. Могла ли эта малютка понимать, что такое значить бѣдность?! Каждый день она была сыта, если и не совсѣмъ, то всетаки не была голодна; каждый день она могла играть на солнцѣ, сколько хотѣла. А мѣсто, гдѣ она играла, было такое прекрасное, лучше котораго даже нельзя и желать: большое, покрытое зеленою травю, тихое, гдѣ росло множество деревьевъ, пестрѣли цвѣты и гдѣ густыя, покрытыя цвѣтомъ, вѣтви бузины склонялись надъ цѣлыми рядами могилъ, танувшихся на далекое, далекое пространство. И такъ, мѣстомъ игръ Ліи было еврейское кладбище въ Барновѣ. Какъ то странно бывало смотрѣть, когда эта всегда серьезная малютка тихо

раскаживала между могилами, или когда она садилась на какую-нибудь из могильных плит и внимательно разглядывала красивых, с золотистыми крылышками, букашек, весело копошившихся в мглодой, только что пробивавшейся из земли, травѣ. Но грусть на ея личикѣ всетаки происходила и не от печальнаго характера окружавшей ее мѣстности. Могла ли маленькая Лія понимать, что такое смерть? Она знала, что отецъ ея умеръ, но умереть, по ея понятіямъ, значило заснуть и уже потомъ никогда, никогда не испытывать чувства голода. Такъ могло ли послѣ того каждодневное зрѣлище могиль производить на нее грустное впечатлѣніе?!... Конечно, нѣтъ! Тутъ была другая причина, и даже барновскіе евреи ввали, говоря утвердительною тономъ: «Вѣдь ребенокъ этотъ предназначенъ быть «искупительною жертвою», такъ возможно ли, чтобъ у него было другое выраженіе лица?!» Нѣтъ! страдальческій видъ блѣднаго личика былъ унаслѣдованною чертою въ ея фізіономіи. Несчастная Мириамъ Гольдштейнъ носила этого ребенка подъ сердцемъ, когда оно изнывало подъ бременемъ тяжкаго горя и рвалось отъ безпредѣльной душевной тоски. А когда ребенокъ появился на Божій свѣтъ и лежалъ у груди матери, то изъ глазъ послѣдней упало на его личико много, много неутѣшныхъ слезъ, которыя хотя и скоро высыхаютъ, но навсегда оставляютъ свои слѣды. Поэтому личико маленькой Ліи носило на себѣ слѣды слезъ, выплаканныхъ надъ нимъ ея матерью.

Нѣсколько времени спустя, когда малютка немного подросла, мать уже перестала плакать. Бѣдной вдовѣ даже не было времени для этого. Въ теченіи цѣлаго дня ее не покидали заботы о насущномъ хлѣбѣ; она работала неутомимо, а когда приходила ночь, то она, усталая, бросалась на свою постель, чтобъ поскорѣе уснуть и набраться новыхъ силъ въ слѣдующему дню. Даже просыпаясь и раздумывая о своей крайней бѣдности и трудности тяжелой работы, она уже не плакала болѣе, потому что въ заключеніи всего она всетаки могла сказать себѣ: «Слава тебѣ, Господи! ребенокъ мой и я сама не просимъ милости и не сидимъ голодными. Ребенокъ мой здоровъ! Благодарю тебя, Господи!»

«Ребенокъ здоровъ!» Мириамъ Гольдштейнъ, вдова барновскаго могильщика, получавшая отъ прихода, въ качествѣ вдовьей пенсіи, крохотную комнатку въ караулнѣ кладбищенскаго привратника, занимавшаяся съ утра до ночи стиркою бѣлья и шитьемъ на чужихъ людей, эта бѣдная труженица не плакала даже во время своихъ бессонныхъ ночей. Ребенокъ ея былъ

здоровъ!—я спрашиваю всѣхъ матерей вообще—могла ли Мириамъ Гольдштейнъ имѣть какой-нибудь поводъ къ слезамъ?!

Такъ шли и проходили дни за днями. Маленькой Ліи уже исполнилось четыре года; все лѣто она играла на солнцѣ надъ могилами и забавлялась иногда тѣмъ, что тихонько пролѣзала подъ низко-спустившіяся вѣтки бузины и подъ прикрѣпленныя ея матерью къ памятникамъ веревки, на которыхъ просушивалось только что вымытое бѣлье.

Потомъ наступила осень, а съ нею и холодные, сырые вечера. Сумерки начинались рано, и бѣдная женщина возвращалась домой, когда было уже совсѣмъ темно, а дѣвочка все это долгое, скучное время терпѣливо ждала въ каморкѣ ея возвращенія. Она вѣдь знала, что мать непременно придетъ, и слышавъ еще издали ея походуку, сама отворяла ей дверь; мать ласково говорила—«Лія!», и дѣвочка радостно бросалась въ распростерттыя къ ней объятія. Послѣ этого мать обыкновенно зажигала свѣчу, разводила въ печкѣ огонь и варила себѣ и ребенка поѣсть чего нибудь горячаго.

Только однажды, въ холодный, мрачный сентябрьскій вечеръ произошла перемена въ такого рода заведенномъ порядкѣ. Прачка воротилась домой, обликнула свою дочку, но та не вышла ей на встрѣчу.

Испуганная этимъ обстоятельствомъ, она дрожащею рукою зажгла свѣчу. Въ комнатѣ не было никого.

— Лія! закричала мать на этотъ разъ уже такъ громко, на сколько хватило у нея голоса. Ей по прежнему никто не откликнулся. Тогда у нея совсѣмъ опустились руки. Потомъ она вдругъ опомнилась и бросилась опростетью въ комнату своего сосѣда, могильщика, который прежде былъ помощникомъ ея мужа, а теперь занялъ его мѣсто.

— Гдѣ моя дочь? Куда дѣвалась моя дочь?! отчаяннымъ голосомъ спросила она.

— Да мы почему знаемъ гдѣ она! отвѣчали ей почти въ одно время могильщикъ и его жена, смотря на нее удивленными глазами.

— Она пропала! помогите, помогите! завопила, какъ безумная, несчастная мать и, не смотря на темноту, побѣжала прямо на кладбище.

Жена могильщика побѣжала искать дѣвочку по дорогѣ, которая вела въ городъ, а мужъ ея пошелъ слѣдомъ за бѣдною матерью. Хотя онъ очень хорошо зналъ мѣстоположеніе и всѣ дорожки кладбища, тѣмъ не менѣе онъ никакъ не могъ догнать

Мириамъ. Какъ заяцъ, преслѣдуемый охотниками, мѣталась она въ разныя стороны между крестами и могилами, то натыкаясь на какую нибудь надгробную плиту, то спотыкаясь о корень какого нибудь дерева; но не обращая ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти, задерживающіе ея поиски, предметы, она бѣгала по кладбищу по всѣмъ направленіямъ и отчаяннымъ голосомъ звала свою дочь. Сторожъ уже освоился съ этимъ мѣстомъ и потому всѣ страшныя рассказы о немъ не производили на него никогда ни малѣйшаго впечатлѣнія; но въ настоящую минуту у него самага становились волосы дыбомъ, когда онъ бѣгалъ въ темную ночь между могилами и въ его ухахъ постоянно раздавался раздирающій душу вопль несчастной женщины. Такимъ образомъ они оба добѣжали до того мѣста, гдѣ кладбище примыкаетъ къ руслу медленно и лѣниво протекавшей тамъ глубокой рѣки Сереть.

«Заборъ въ этомъ мѣстѣ очень ненадеженъ», подумалъ про себя сторожъ, но не осмѣлился выразить вслухъ своей мысли.

На этотъ разъ, судьба, по всей вѣроятности, сжалилась надъ бѣдною матерью. Когда Мириамъ, вмѣстѣ съ сторожемъ, побѣжала вдоль забора и когда она уже почти совсѣмъ охрипшимъ голосомъ звала по имени свою дочь, вдругъ изъ-за одного памятника послышался тоненькій, дѣтскій голосокъ, который крикнулъ «мама!» Малютка, набѣгавшись цѣлый день до усталости, была застигнута сумерками въ уединенномъ, отдаленномъ мѣстѣ. Она сѣла тамъ и уснула. Для нея казалось совершенно непонятнымъ, почему мать такъ порывисто бросилась къ ней, схватила ее къ себѣ на руки, крѣпко прижала къ своей груди, и почему она осыпала ее лично такими нѣжными поцѣлуями, обливая его притомъ горячими слезами. Идя шагъ за шагомъ отъ изнеможенія, Мириамъ принесла свою дорогую ношу домой. Могильщикъ шелъ за ней, онъ также очень обрадовался, что дѣвочка нашлась, но тѣмъ не менѣе въ раздумьѣ покачивалъ головою, говоря себѣ подъ носъ: «Я нисколько не удивился бы, еслибъ мы нашли дѣвочку мертвою, или даже совсѣмъ не нашли ее. Уже и до насъ навѣрное доберется болѣзнь, отъ которой люди мрутъ, какъ мухи; говорятъ, что она уже теперь появилась у турокъ...»

Но Мириамъ не слыхала этихъ странныхъ, сказанныхъ имъ словъ. Принеся свою дочку къ себѣ въ каморку, она уложила ее въ постель, которую устроила мягче обыкновеннаго, расправила малюткѣ рукою спустившіеся на глаза волосы и нѣсколь-

ко разъ принималась цѣловать ее. Потомъ отправилась къ сосѣдямъ на верхъ и, по обыкновенію всѣхъ женщинъ, въ безконечныхъ словахъ благодарила ихъ за ихъ участіе и помощь. Потомъ она воротилась въ свою каморку и въ заключеніи всего поблагодарила Бога, но на этотъ разъ уже не словами, а однимъ долгимъ, долгимъ взглядомъ, обращеннымъ къ небу.

Спать она не могла и потому, присѣвъ на корточки возлѣ маленькой постельки, она стала пристально, не спуская глазъ, смотрѣть на своего спящаго ребенка. Но Боже мой!—что же это такое?! У бѣдной женщины вся кровь застыла въ жилахъ. Всегда блѣдныя щеки малютки теперь были красны, дыханіе тяжелое и хриплое, ручки и ножки были холодны, какъ ледъ, а голова горѣла, какъ въ огнѣ.

— Ля, ужъ не захворала ли ты? Скажи, моя радость, что съ тобою? громко спросила она.

При звукахъ знакомаго голоса, малютка открыла глаза, но взглядъ ихъ былъ не прежній, бархатный, а они блестѣли какимъ то нехорошимъ, лихорадочнымъ блескомъ.

— Миѣ холодно, я озябла! слабымъ голосомъ отвѣтила она, потомъ опять закрыла глаза... съ нею сдѣлалась дрожь и она своими ослабѣвшими рученками силилась укутаться хорошенько въ одѣяло.

«Ребенокъ мой умираетъ!»...

Несчастная вдова не высказала того, что вдругъ пришло ей въ голову, но она чувствовала какъ эта мысль назойливо вторгалась въ ея душу и овладѣвала всѣмъ существомъ ея въ такой степени, что она не въ силахъ была пошевелиться. Но потомъ, опомнившись немного, она стащила съ своихъ плечъ худенькій платокъ, вынула изъ сундука свое праздничное платье и прикрыла этими обѣими вещами своего ребенка. Она чувствовала, что сама дрожить отъ холода, зубы ея стучали... но досугъ ли ей было думать о себѣ? Она опять бросилась къ сосѣдямъ и постучалась въ запертую изнутри дверь. Она хотѣла попросить сосѣда сойти внизъ и взглянуть на ребенка, чтобы узнать, что съ нимъ случилось.

У евреевъ могильщикъ исполняетъ еще и другую должность: онъ обязанъ также посѣщать больныхъ, такъ что если кто не въ состояніи пригласить къ себѣ врача, тотъ по крайней мѣрѣ призываетъ могильщика. Но его въ то время не оказалось дома; онъ отправился по своей обязанности въ городъ, чтобъ ночью караулить покойника, только что умершаго богача Моисея Фрей-

денталя. Только жена его, жалѣя бѣдную женщину, могла придти посидѣть вмѣстѣ съ нею у постели больной.

— Это просто лихорадка, угѣшала она несчастную мать, — видимо, что ребенокъ простудился. Это самая обыкновенная, простая лихорадка; посмотрите, вотъ теперь, послѣ озноба, начинается жаръ.

И дѣйствительно, все тѣло малютки горѣло, такъ что мать должна была снять съ нея все, чѣмъ укутала ее прежде. Обѣ женщины заварили для нея напитокъ изъ подерѣвляющихъ силы травъ, но она не могла пить его. Медленно, безконечно, тянулась эта томительная ночь.

На разсвѣтѣ могильщикъ воротился домой, отбывъ свою печальную обязанность. Подойдя къ постели больного ребенка, онъ покачалъ головою. Замѣтивъ это движеніе, мать въ отчаяніи начала ломать себѣ руки, причемъ изъ груди ея вырвался глухой стонъ. Могильщику стало жаль ее.

— Вѣдь эта болѣзнь неопасная, сказалъ онъ ей нервными тономъ. — Ребенокъ еще можетъ выздоровѣть.

— Скажите мнѣ всю правду, умоляла его Мириамъ, — я уже во всякомъ случаѣ позову доктора.

Могильщикъ только пожалъ на это плечами.

— Докторъ уже болѣе недѣли въ Залѣщицахъ, сказалъ онъ, — на приѣмкѣ рекрутовъ. Но еслибъ онъ даже находился и здѣсь, то собственно этому ребенку никакой докторъ помочь не въ состояніи!

— Такъ неужели моя дочь должна умереть? спросила Мириамъ едва слышнымъ голосомъ; она едва держалась на ногахъ, у нея захватывало дыханіе.

— Никакой докторъ, какъ я полагаю, повторилъ могильщикъ, медленно произнося слова, — только развѣ благочестивый человѣкъ, равинъ, можетъ сдѣлать это. Сегодня въ десять часовъ будетъ погребеніе старика Мойсея Фрейденталя и на эту церемонію прійдетъ также и нашъ равинъ. Попросите его взглянуть на малютку и благословить ее. Онъ благочестивый человѣкъ, можетъ быть его слово будетъ имѣть на столько силы, чтобъ спасти вашу дочь, а можетъ быть онъ подастъ вамъ какой нибудь совѣтъ.

Съ этими словами могильщикъ вышелъ, чтобы заняться приготовленіемъ мѣста для вѣчнаго успокоенія новаго пришельца. Жена его послѣдовала за нимъ.

— По настоящему, мнѣ слѣдовало бы вырыть двѣ могилы, сказалъ онъ, запуская лопату въ землю.

— Такъ ты думаешь, что ребенокъ непременно умретъ? спросила его жена.— Бѣдная Мириамъ!.. сохрани ее Богъ еще отъ этого несчастья!

— Да! отвѣчалъ онъ,— у меня самого сердце коробить, глядя на нее. Да что-же дѣлать? Въ такихъ случаяхъ люди уже бываютъ безсильны. Всѣ говорятъ, что у насъ опять скоро начнется «морь». Можетъ быть Богъ и пощадитъ насъ, принявъ отъ насъ, какъ «искупительную жертву», ребенка, котораго мы обрекли на это.

— Что ты? Богъ съ тобой! Какія страсти ты говоришь! съ ужасомъ вскрикнула его жена.— Такъ для того, чтобъ отъратить болѣзнь отъ другихъ, должно оставаться безъ помощи и лишиться жизни невинное дитя?

Мужъ снова только пожалъ плечами, потомъ прибавилъ:

— Ты вѣрно хочешь быть мудрѣе нашего, извѣстнаго своимъ благочестіемъ, равина. Ты вѣрно считаешь себя правосуднѣе даже самаго главнаго равина Срольце, творящаго чудеса, великаго равина, что живетъ въ Садагора и который сдѣлалъ такое распоряженіе?!...

Жена уже болѣе не смѣла возражать и замолчала.

Какое же собственно распоряженіе сдѣлано было творящимъ чудеса равинномъ? Почему-же именно эту малютку назвали— «искупительною жертвою?»

Въ ужасающихъ, исполинскихъ, страшныхъ размѣрахъ свирѣпствовалъ въ 1831 году бичъ Господень, какъ ангель истребитель, въ видѣ неизвѣстной доселѣ болѣзни, которая распространилась повсюду и которую называли холерой. Съ дальняго Востока, она дошла до самаго крайняго Запада, опустошая города и наполняя кладбища. Засѣвъ однажды въ бѣдныхъ, грязныхъ мѣстечкахъ Подольской степи, она беспощадно губила людей, которые умирали какъ мухи, такъ что, наконецъ, уже недоставало рукъ, чтобъ хоронить мертвецовъ. Никакія лекарства не помогали, никакой образъ жизни не предохранялъ отъ нея. Люди или впадали въ тупую апатію, или предавались дикому, злобному чувству отчаянія. И Богъ попустилъ это бѣдствіе, и онъ не посылалъ свою помощь! Они взывали къ нему, но онъ не внималъ имъ!.. Отчего, отчего не принималъ онъ ихъ мольбы?! Вѣдь они молили его, ихъ Бога, Бога своихъ отцовъ, единаго сильнаго, единаго правосуднаго?! Неужели онъ отвратилъ отъ нихъ лицо свое, что не воздвигъ свои длани,

чтобъ спасти ихъ? За что прогнѣвался онъ на народъ свой, что не хочетъ пощадить даже людей добрыхъ и праведныхъ?!

Понятія этихъ людей уже начинали путаться: для нихъ въ жизни оставалось только одно путеводное свѣтило,—ихъ вѣра, но и та обманывала ихъ ожиданія. Вся это казалось имъ не-постижимымъ!

Затѣмъ у нихъ явилась еще другая мысль, страшная, убій-ственная, но тѣмъ не менѣе, относительно, всетаки утѣшитель-ная! Вѣдь ихъ Богъ былъ въ то же время Богомъ мстителемъ! Не былъ-ли Онъ также всегда Богомъ—ревнителемъ правосудія, который наказывалъ жестоко и беспощадно всякій дерзновенный, оскорбляющій его поступокъ? И если рука его такъ ужасно тяготѣетъ теперь надъ злыми и добрыми, то причину тому вѣроятно ничто другое, какъ грѣхи злыхъ людей, на которые добрые смотрѣли до сихъ поръ равнодушно и оставляли ихъ безъ должнаго наказанія?

«Нужно очиститься!» единогласно рѣшилъ этотъ несчастный, ослѣпленный, измученный страхомъ и впавшій въ уныніе, народъ. «Отыщемъ въ нашей средѣ дерзновенныхъ, оскорбившихъ Бога людей, и примиримся съ Богомъ, устранивъ отъ себя Его гнѣвъ наказаніемъ виновныхъ»!

И они очистились... Они учредили народный судъ, страшный, заставляющій невольно содрогаться, судъ тайный, который невидимо розыскивалъ, невидимо рѣшалъ, невидимо наказывалъ, жестоко, беспощадно, настойчиво и съ такою силою, что никто не могъ уеруться отъ его кары. У него были тысячи глазъ и тысячи рукъ, которыхъ никто не могъ ни видѣть, ни осязать. Это были дни отмщенія за поруганіе святаго имени Божія», и дѣйствительно въ это время для многихъ преступниковъ, ускользнувшихъ отъ правосудія общегосударственныхъ законовъ, пробилъ часъ возмездія и наказанія. Но кромѣ того, сколько еще другихъ, невинныхъ жертвъ поплатилось жизнію въ этотъ мрачный періодъ овладѣвшаго людьми безумія?! Въ тѣ дни были совершены такіа дѣянія, что вся кровь стынетъ въ сердцахъ при одномъ воспоминаніи о нихъ, а перо положительно отказывается описать ихъ.

Но заразительная болѣзнь свирѣпствовала, не смотря на то, съ еще большимъ ожесточеніемъ; такъ что немногіе, оставшіеся въ живыхъ врачи положительно упали духомъ и сидѣли сложа руки, убѣдившись въ томъ, что они не только не въ состояніи кого нибудь спасти, но даже облегчить страданія заболѣвшихъ.

Тогда люди прекратили неистовство надъ себѣ подобными. Увеличивающаяся сила болѣзни, какъ общаго бѣдствія, сдѣлала ихъ малодушными, даже трусливыми; они дошли, наконецъ, до того, что уже не осмѣливались молиться Богу сами, а рѣшили, что нужно поручить это одному какому нибудь человѣку, который долженъ быть посредникомъ между ними и Богомъ.

Для такой роли молещика-заступника они избрали равина изъ Садагоры, маленькаго мѣстечка, находящагося въ Буковинѣ. Объ этомъ человѣкѣ и безъ того ходили слухи, что онъ творилъ много разныхъ чудесъ, и потому онъ былъ у всѣхъ извѣстенъ подъ именемъ «чудотворца». Онъ обладалъ силою испѣленія, посредствомъ одного возложенія своихъ рукъ на больного, и могъ замалывать и отпускать грѣхи во имя Бога. Потому что, по понятіямъ этого жалкаго, несчастнаго люда, онъ былъ человѣкомъ, изъ рода котораго долженъ возстать искупитель, и о немъ сложилась такого рода легенда, что на ладони правой руки у него находится знакъ царскаго племени Давида, изображеніе льва, какъ внѣшнее доказательство Божьяго къ нему благоволенія. По этому, собравъ множество денегъ и разныхъ драгоценностей, даже бѣдники присоединяли къ этому свою лепту,—они отправили все это въ даръ къ равину, чтобъ этимъ способомъ склонить его взять на себя ходатайство за нихъ передъ Богомъ.

Безкорыстный праведникъ обѣцалъ помочь.

— Вы всѣ прогнѣвили Бога, объявилъ онъ имъ,—и потому всѣ должны принести покаяніе. Онъ назначилъ дни покаянія, съ строжайшимъ и неуклоннымъ исполненіемъ предписаннаго поста и самобичеванія, причемъ никто не смѣлъ отступить отъ соблюденія этихъ правилъ, подъ страхомъ смерти, которая грозила виновному уже прямо, какъ Божья кара за нарушеніе обѣта. Читателю можетъ быть покажется невѣроятнымъ, но я могу ему передать за дѣйствительный фактъ, что въ тотъ трехнедѣльный срокъ все еврейское населеніе этого края ѣло и пило только черезъ два дня въ третій.

Послѣдствія этого понятны: на изнуренныхъ, ослабѣвшихъ людей холера дѣйствовала еще сильнѣе.

Тутъ видимо являлся подрывъ славы равина и доходимости его заступничества передъ Богомъ. Онъ тотчасъ же сообразилъ это и придумалъ другое средство.

— Богу болѣе всего угодно, чтобъ поклоняющійся Ему народъ «плодился и множился», объявилъ онъ. — Поэтому пусть каждый приходъ позаботится приготовить нѣсколько паръ, а

въ крайнемъ случаѣ хотя одну, и пусть обвиняетъ ихъ, для смягченія гнѣва Божія,—на кладбищѣ.

Это новое средство имѣло различныя послѣдствія. Во многихъ мѣстахъ большое собраніе людей на кладбищѣ и неумѣренное пированіе тамъ во время свадебнаго обѣда только усилило холеру. Въ другихъ же—этотъ сумасбродный способъ не произвелъ такого губительнаго дѣйствія, потому что «морь» сталъ уже самъ по себѣ ослабѣвать и вскорѣ даже совсѣмъ прекратился.

Средство это было принято къ свѣдѣнію. А когда наступилъ 1848 годъ, принесшій съ собою столько радостныхъ надеждъ на свободу и закончившійся столькими смертными казнями, то холера, которую евреи называли не иначе, какъ «морь», опять изподтишка появилась въ степяхъ восточной Галиціи; тогда напуганные ея предшествовавшими опустошеніями, они снова прибѣгли къ вышеупомянутому средству, и вездѣ началось празднованіе ужасныхъ свадебъ на кладбищахъ.

Точно также поступили и барновскіе евреи. Несчастливая, избранная для того пара бѣдняговъ, у которыхъ не спрашивали о существованіи взаимной склонности, но которую начальство порѣшило повѣнчать, должна была, волею-неволею, справлять свою свадьбу посреди свѣжихъ могилъ. Женихъ былъ Натанъ Гольдштейнъ, могильщикъ, а его невѣста, не имѣвшая ни одного гроша въ карманѣ, Марія Ротъ, служившая горничной въ домѣ старшины прихода. Они прежде никогда не знали другъ друга и увидѣлись въ первый разъ, когда стояли рядомъ подъ вѣнчальнымъ балдахиномъ.

Впрочемъ бракъ этотъ, устроенный такъ внезапно, совершенный при такой ужасной обстановкѣ и заключенный ради такой грустной цѣли, оказался удачнымъ, и молодые жили тихо и мирно. Работникъ и служанка, конечно, болѣе чѣмъ кто нибудь, могли оцѣнить благополучіе своего собственнаго угла и хозяйства.

И такъ, Натанъ и Мириамъ жили между собою согласно и счастливо, и у нихъ уже родилось двое дѣтей. Затѣмъ первымъ, постигшимъ ихъ горемъ была почти внезапная смерть обѣихъ дѣтей, которыя умерли вскорѣ одинъ послѣ другаго. Это было въ 1859 году. Но въ замѣнъ умершихъ дѣтей Богъ вѣроятно хотѣлъ послать имъ утѣшеніе: весною того же года Мириамъ почувствовала себя беременной.

Но съ наступленіемъ лѣта, съ востока опять пришелъ прежній, посланный Богомъ ангель-истребитель, который снова при-

нялся производить страшныя опустошенія въ еврейско-польскихъ мѣстечкахъ степнаго края.

Барновъ однакожь остался пощаженымъ. Здѣсь жертвою бѣдствія сдѣлался только одинъ человекъ — Натанъ могильщикъ. Горе вдовы было неутѣшно, такъ какъ, въ своемъ положеніи, она чувствовала себя вдвойнѣ безпомощною. Но за то вся община ликовала по случаю счастливаго минованія страшной бѣзъни, а когда она прекратилась во всемъ краѣ совершенно, то евреи, съ выраженіемъ глубочайшей признательности и съ приложеніемъ цѣнныхъ подарковъ, послали извѣстить объ этомъ жившаго въ Садагорѣ сына прежняго равина-чудотворца, который унаслѣдовалъ, вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, и эту способность отъ своего отца. Принявъ отъ депутатовъ подарки, благосклонно выслушавъ заявленіе ихъ благодарности и узнавъ отъ нихъ, что въ Барновѣ былъ всего только одинъ смертный случай отъ холеры, онъ сказалъ:

— Такъ какъ вы были угодны Богу, то онъ въ продолженіи одиннадцати лѣтъ не посылалъ на васъ холеру и поэтому прекратилъ ее тотчасъ послѣ того, какъ вы посвятили ему нѣсколько паръ сочetaвшихся бракомъ людей; но люди, которыхъ вы добровольно ему посвятили, не были ему пріятны. Поэтому онъ и послалъ смертность на дѣтей ихъ, а затѣмъ, въ видѣ искупительной жертвы за всѣхъ васъ, послалъ уже смерть одному изъ сочetaвшихся бракомъ. Такъ что когда у оставшейся послѣ него беременной жены родится ребенокъ, то онъ будетъ жить лишь для того, чтобъ современемъ сдѣлаться искупительною жертвою за всѣхъ васъ.

Вотъ что изрекъ равинъ, на томъ, конечно, основаніи, что отъ вдовы могильщика ему уже невозможно было ожидать никакихъ приношеній. Между тѣмъ депутація воротилась во-сво-яси и стала распространять во всеобщее свѣдѣніе, сказанныя равиномъ слова.

Слухъ этотъ дошелъ также и до Мириамъ, которая залилась при этомъ горькими слезами. Потомъ ей уже было некогда плакать:—она должна была работать, чтобъ не умереть съ голода и не заставить голодать своего ребенка.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ и наступила осень, мрачная осень 1863 года. Поляки взбунтовались противъ великаго, живущаго на востокѣ, народа, и вотъ опять стали толковать о появленіи грознаго ангела-истребителя, этого ужаснаго и почти неизбежнаго спутника всякой войны.

Вотъ почему могильщикъ полагалъ, что бѣдная «жертва искупленія» — маленькая Лия, не могла быть спасена отъ смерти.

Похороны Натана Фрейденталя кончились. Это былъ уже очень древній и совсѣмъ одинокій человѣкъ; некому было оплакивать его смерть, даже немногіе провожатые погребальной процессіи и тѣ спѣшили поскорѣе разойтись по домамъ. Старики мѣстный равинъ также собирался уходить вмѣстѣ съ прочими. Этой самой минуты и ожидала смиренно издали несчастная вдова. Подойдя къ проходившему мимо равину, она попросила его взглянуть на ея малютку. Въ ея словахъ не было никакихъ умоляющихъ выраженій, но въ самомъ тонѣ голоса, во взглядѣ устремленныхъ на старика глазъ, было что-то особенное, чего онъ не могъ не замѣтить. Въ его душѣ зашевелилось сомнѣніе. Ему стало жаль эту женщину — неужели она въ самомъ дѣлѣ была негодна Богу? Что же касается собственно ея ребенка, такъ вѣдь онъ долженъ быть «искупительною жертвою».

Однакожь, тѣмъ не менѣе, онъ пошелъ съ нею въ кладбищенскій домикъ, въ ея каморку. Наклонившись надъ постелью больной малютки, онъ долго смотрѣлъ на нее. Но когда затѣмъ онъ выпрямился, лицо его было строго и сурово.

Съ замираіемъ сердца ожидала мать его приговора. Но старики молчалъ и собирался уходить.

— Неужели вы не благословите ребенка? спросила его присутствовавшая при этомъ жена могильщика.

— Слушай, женщина! отвѣчалъ ей равинъ глухимъ голосомъ, — ребенку не поможетъ никакое благословеніе. А потомъ, еслибъ я даже и хотѣлъ благословить его, я не сдѣлаю этого, такъ какъ это значило бы явно идти противъ воли Божіей.

Съ страшнымъ воплемъ бросилась мать къ постели, гдѣ лежалъ въ безсознательномъ состояніи ея ребенокъ, и крѣпко обхватила его руками, какъ будто желая защищать его отъ всякой посторонней руки, даже отъ руки самаго Бога. Потомъ она громко, отчаянно спросила:

— Отчего, рабби, отчего?

Старики мрачно посмотрѣлъ на нее, потомъ въ невольномъ смущеніи опустилъ глаза.

— Ты знаешь, сказалъ онъ нерѣшительно: — почему тебя повѣнчали съ твоимъ мужемъ. Ты знаешь, почему онъ умеръ и

что послѣдовало за его смертью. Ты знаешь, какія слова изрекъ надъ тобою и надъ твоимъ ребенкомъ великій равинъ, живущій въ Садагора. Ну... и... и вотъ намъ опять угрожаетъ бѣдствіе все приближающейся сюда холеры...

Женщина поняла его.

— А! такъ вотъ почему! произнесла она задыхающимся отъ горя и злости голосомъ. Съ сверкающими глазами, съ пылающимъ лицомъ, медленно приподнялась она съ постели, подошла къ равину близко, близко, и, смотря ему прямо въ глаза, не проговорила, а скорѣе прошипѣла слѣдующія слова: — Ты лжешь, рабби, ты лжешь! Ребенокъ мой не умретъ!... Богъ премудръ, милосердъ и справедливъ; но ты самъ и всѣ вы, безумцы, немилосердны и несправедливы! Вы считаете себя людьми правосудными; какъ же можете вы требовать, чтобъ невинный ребенокъ умеръ безъ всякой помощи за ваши грѣхи?! Вы считаете себя милосердными — и желаете при этомъ смерти своему ближнему?! Вы считаете себя мудрыми — и при этомъ вѣрите, что Богъ допуститъ это, нашъ всеблагій, всесильный и правосудный Господь!

Въ иступленіи отчаянія она стала рвать на себѣ волосы, запаталась и безъ чувствъ рухнула на землю.

— Богъ разсудитъ насъ, пробормоталъ старый равинъ уходя...

Прошелъ еще цѣлый день и цѣлая ночь и казалось, что Богъ уже въ скоромъ времени рѣшить, кто именно правъ: бѣдная женщина или равинъ. Одно время казалось, что будто бы Онъ склоняется рѣшить вопросъ въ пользу равина, въ пользу чудотворца, обреченнаго ребенка быть искупительною жертвою за всѣхъ, и въ пользу жестокосердныхъ, безумныхъ людей. Когда, на другой день, сѣроватый утренній свѣтъ заглянулъ въ окно каморки и пламя горѣвшаго тамъ ночника колебалось отъ холоднаго осенняго вѣтра, дувшаго во всѣ щели, то свѣтильнигъ дѣтской жизни, подобно угасающей свѣчкѣ, также едва-едва вспыхивалъ при неумолимомъ вѣяніи смерти.

Мать уже болѣе не плакала.

Да, у нея не было слезъ, отраднѣйшій источникъ которыхъ уже изсякъ совершенно. Самое глубокое горе обыкновенно бываетъ безслезно. Съ сухими, словно окаменѣвшими глазами сидѣла она у болѣзненнаго одра своего ребенка, и въ тѣ минуты,

когда лихорадочный озноб потрясалъ это страдающее маленькое тѣло, изъ груди ея вырывался только тихій стонъ.

Такъ прошло нѣсколько часовъ... уже совсѣмъ разсвѣтало и каморка наполнилась посѣтителеми. Безчисленное множество женщинъ приходило и уходило; въ числѣ ихъ было также нѣсколько мужчинъ. Между ними можетъ быть были такіе, которые приходили навѣстить бѣдную мать изъ чувства состраданія, но большинство было побуждаемо къ этому лишь однимъ эгоистичнымъ чувствомъ, составляющимъ какъ бы смѣсь сожалѣнія, страха и самосохраненія.

Тупо и равнодушно смотрѣла Мириамъ на входящихъ и уходящихъ. Вдругъ она встала съ своего мѣста и дикимъ голосомъ закричала:

— Ступайте прочь! ступайте вонъ отсюда! Вамъ нечего смотрѣть здѣсь! Ребенокъ еще не умеръ! И тогда всѣ тихо убрались вонъ изъ каморки.

Послѣ обѣда, передъ кладбищенскимъ домикомъ остановилась повозка. Это была «бричка» общиннаго старшины и въ ней сидѣла старая, престарая женщина. Ее осторожно подняли, и такъ какъ старуха не могла уже ходить безъ посторонней помощи, то ее нужно было внести въ комнату. Это была Хая Грюнъ, вдова прежняго общиннаго старшины и мать настоящаго. Весь городъ называлъ ее «Бабѣле» (бабушка); это было настолько извѣстная всѣмъ своимъ умомъ, своимъ благочестіемъ и своею благотворительностью женщина, что всякій невольно оказывалъ ей уваженіе. Въ ея домѣ жила прежде Мириамъ горничною, и старуха всегда очень любила ее.

Поэтому, не смотря на убѣжденія своихъ домашнихъ, она не утерпѣла, чтобъ не отправиться къ ней сама.

Внеся въ каморку, ее тотчасъ же усадили въ привезенное вмѣстѣ съ нею складное кресло. Мириамъ совершенно равнодушно смотрѣла на все это, потомъ взоръ ея вдругъ оживился.

— Бабѣле! вскрикнула она и бросилась къ ногамъ старухи: — Бабѣле... да благословить васъ Богъ за...

— Она не договорила; рыданія душили ее... наконецъ, она заплакала. Старуха стала тихо гладить ее по головѣ и проводить рукою по ея измученному горемъ лицу.

— Не говори мнѣ ничего, сказала она, — я знаю твою печаль, мнѣ все рассказали о тебѣ... не говори мнѣ ничего! Выслушай, что я хочу сказать тебѣ, выслушай меня спокойно...

Однакожь, она сама не могла удержать при этомъ своихъ

слезъ и онѣ тихо катились по ея блѣдному, почтенному лицу; потомъ она продолжала:

— Я не знаю... я уже такъ состарѣлась, что даже ноги мои отказываются служить мнѣ... разсудокъ мой также сталъ слабъ... но мнѣ кажется, что было бы большою несправедливостью, еслибъ мы допустили твоего ребенка умереть. Да—это была бы очень большая несправедливость! И потому я полагаю, что на это не можетъ быть воли Господней, не можетъ быть также воли великаго равина въ Садагора, такъ какъ Духъ Божій почтеть на немъ...

Старуха съ минуту помолчала и покачала головою, какъ будто желая побороть въ себѣ тайныя, возникшія по этому поводу, мысли. Потомъ она продолжала:

— Да, дѣйствительно, онъ сотворилъ много чудесъ. Духъ Божій глаголетъ его устами. Онъ однажды изрекъ свое слово надъ тобою и надъ твоимъ ребенкомъ и мы должны слѣдовать этому слову. Слышишь-ли, волею или неволею, но мы должны ему подчиниться... Потому что, если у насъ родится сомнѣніе въ чемъ нибудь одномъ, то скоро уже мы не будемъ вѣрить ни во что. И потому также нашъ здѣшній равинъ не заслужилъ тѣхъ оскорбительныхъ словъ, которыя ты ему вчера наговорила...

— О Бабѣле! еслибъ вы знали...

— Не говори ничего! сказала старуха, возвысивъ голосъ, какъ бы желая запечатлѣть каждое свое слово въ сердцѣ блѣдной вдовы.— Не говори ничего, не оправдывайся! тебѣ не въ чемъ оправдываться! Боже мой!.. Да кто же могъ бы обвинить тебя за то, что ты сказала равину?.. вѣдь это твое дитя. О, Господи! вѣдь я также мать... Но послушай: то слово, которое изрекъ старшій равинъ, можетъ быть взято назадъ только имъ же самимъ—понимаешь-ли ты это? Ужъ я сама думала, думала объ этомъ, ужъ немало работы было старческой головѣ моей... и всетаки не нашла другаго средства, кромѣ того, чтобы ты отправилась въ Садагора и вымолила бы тамъ жизнь твоего ребенка!

— Чтобъ я бросила мое больное дитя? Никогда! вскрикнула Мириамъ.

— Я уже позабочусь, чтобъ за твоею малюткою былъ самый лучший уходъ. А жена могильщика, находившаяся тутъ въ эту минуту, прибавила:—Я буду ходить за твоимъ ребенкомъ, какъ за моимъ собственнымъ.

— Такъ неужели я непременно должна рѣшиться на это? съ отчаяніемъ произнесла несчастная мать.

— Непремѣнно, отвѣчала утвердительною тономъ старуха. Потомъ она тихо и какъ бы въ недоумѣніи прибавила:

— По крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что ты непремѣнно должна поступить такъ. Ахъ, одинъ только Богъ вѣдаетъ, что именно нужно сдѣлать тутъ. Ахъ, Мириамъ! еслибъ ты знала, сколько передумала, сколько перестрадала я за тебя и за твоего ребенка. Восемьдесятъ лѣтъ живу я на свѣтѣ—и никогда не приходило мнѣ въ голову сомнѣваться въ путяхъ Господнихъ и въ словахъ его мудрыхъ проповѣдниковъ. И вотъ теперь рождается у меня въ первый разъ мысль объ этомъ. Правильно-ли мы думаемъ на этотъ счетъ...

Говоря все это, она сидѣла сгорбившись, потомъ выпрямилась на своемъ креслѣ и твердымъ, почти повелительнымъ голосомъ сказала:

— Мириамъ, ты должна ѣхать къ равину. Завтра утромъ, рано, извозчикъ Симонъ отправляется въ Черновицы съ двумя женщинами. Онъ довезетъ тебя до Садагора. Я найму для тебя мѣсто у него въ повозкѣ и вотъ тебѣ еще деньги на ѣду во время дороги и на издержки для возвратнаго пути. Черезъ три дня ты уже опять можешь быть дома—и я убѣждена, что ты найдешь своего ребенка выздоравливающимъ. Послушай моего совѣта, Мириамъ! Тутъ дѣло идетъ о цѣлой общинѣ... впрочемъ какая тебѣ нужда думать о цѣлой общинѣ, но тутъ дѣло идетъ о твоёмъ ребенкѣ. Мириамъ, согласи-ли ты исполнить это?

Въ душѣ бѣдной женщины происходила страшная борьба. Ея надежда на Бога обманула ее: ребенокъ постепенно дѣлался все слабѣе. Но утопающій хватается даже за соломинку, и потому эта женщина рѣшилась уступить людямъ, которыхъ она проклинала, и умолять ихъ о пощадѣ.

— Да, я сдѣлаю это! произнесла она рѣшительнымъ тономъ, но въ которомъ слышался какъ бы послѣдній крикъ отчаянія.

И она дѣйствительно сдѣлала это.

На слѣдующее утро отправилась она въ путь вмѣстѣ съ двумя другими женщинами, въ повозкѣ, принадлежавшей извозчику Симону, и выѣхала вонъ изъ города на большую дорогу, шедшую къ югу, по направленію къ Буковинѣ. Какъ она прощалась съ своимъ ребенкомъ, что чувствовала тогда,—этого мы не будемъ описывать, потому что на предшествовавшихъ страницахъ читатель уже и безъ того прочелъ много раздирающихъ душу сценъ.

Вотъ взошло солнце, холодное, тусклое, позднее осеннее

солнце и освѣтило своими лучами пустынную, плоскую равнину, вмѣстѣ съ плѣхимъ экипажемъ, который медленно двигался по глубокимъ дорожнымъ колеямъ, наполненнымъ густою грязью. Потомъ небо покрылось сплошными облаками, которыя образовали надъ печальною, темною отъ грязи равниною какъ будто громадное печальное, сѣраго цвѣта, покрывало, все постепенно темнѣвшее и все ниже спускавшееся къ землѣ; наконецъ, пошелъ дождикъ, мелкій, несильный, но непрерывный, сопровождаемый унылымъ вѣтромъ, который разносился по степи какъ вздохъ невидимаго существа. Иногда только онъ начиналъ дуть сильными порывами, крутя и какъ будто желая сорвать полотняный верхъ повозки.

Медленно тащились лошади по рытвинамъ широкой дороги, мимо голыхъ деревьевъ, съ сучьевъ которыхъ капала вода, мимо рѣвъ и прудовъ, надъ которыми стоялъ туманъ, мимо бѣдныхъ деревушекъ, казавшихся еще болѣе жалкими при такомъ безотрадномъ дневномъ освѣщеніи. Мѣстами грунтъ дороги былъ на столько размягченъ, что на немъ образовались, даже невидимыя подъ лужами, ямы, и вдругъ повозка завязла въ одной изъ нихъ. Тогда Симонъ и три женщины вылѣзли изъ повозки и принялись вытаскивать ее. Мириамъ, конечно, была самая слабая изъ всѣхъ, но трудилась при этомъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе. Только въ эту минуту видно было, что она дѣйствуетъ сознательно, потому что во все остальное время она лежала съ закрытыми глазами, забившись въ самый уголъ повозки и трясясь всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

О, какъ она страдала! Не смотря на то, что она лежала закрывши глаза, въ ея душѣ отчетливо, мучительно, съ паразитальною ясностью представлялись самыя ужасныя картины. Ей представлялась постель ея больной малютки... бѣдняжка зоветъ ее къ себѣ и протягиваетъ къ ней свои рученки, а надъ нею склонилась фигура женщины: это должно быть жена могильщика... Нѣтъ, не она!.. но кто же это, наконецъ? Это не женщина, а какое-то привидѣніе въ бѣлой, широко развѣвающейся одеждѣ, съ безкровнымъ, страшно серьезнымъ лицомъ. — Господи! Что я вижу? Это ангель смерти!..

Потомъ представлялось ей, что она пришла къ великому равину въ Садагдра, къ этому мрачному, жестокосердому чело-вѣку, и что она умоляетъ его—о! какъ искренно, какъ горячо! какъ можетъ умолять только мать за своего ребенка; но этотъ мудрецъ отсылаетъ ее прочь суровыми словами; она возвращается домой и находитъ свое дитя уже зарытымъ въ сырой

землѣ!.. Потомъ ей снова представлялся равинъ, будто онъ милостиво принялъ ее и сказалъ ей: «Я согласенъ, чтобъ твой ребенокъ остался живъ!» и вотъ она спѣшить домой, но уже находить свою малютку мертвой, мертвой, мертвой...

О, какъ она страдала!.. А осенній вѣтеръ, между тѣмъ, неутомно, не переставая, завывалъ и далеко разносился по степи. Но неужели это вѣтеръ такъ жалобно раздается, будто плачь? А когда онъ, вдругъ усилившись, порывисто пролетѣлъ въ пространствѣ точно вздохъ, то несчастная Мириамъ поняла, что это значитъ:—это былъ голосъ ея малютки, звавшій ее: «Мама!.. Мама!..» Да, это былъ голосъ ея Ли, которую мать покинула въ самые трудные для нея часы, оставивъ ее на рукахъ постороннихъ людей!..

— Слышите? произнесла она, озираясь вокругъ блуждающими глазами и ерѣшко схвативъ за руки обѣихъ женщинъ:— Слышите? дѣтскій голосъ зоветъ меня: «Мама!... Мама!»...

У обѣихъ женщинъ захолонуло на сердцѣ отъ этого взгляда.

Между тѣмъ, около втораго часа пополудни, повозка остановилась передъ большою, уединенно стоявшею харчевнею, находившеюся на пути между станціями Тлуста и Залѣсчики, гдѣ Симонъ расположился немного повормить лошадей. У воротъ стояла изящная, но вся забрызганная грязью, дорожная коляска, въ которую, повидимому, снова запрягали статныхъ, бойкихъ вороныхъ коней.

— Мириамъ! мы остановимся здѣсь часа на два, сказалъ извозчикъ. А женщины, которымъ она внушила къ себѣ искреннее участіе, съ своей стороны также ласково сказали ей:—Пойдемте, Мириамъ! выходите изъ повозки, поѣшьте хотя не много чего нибудь горячаго, иначе вѣдь вы совсѣмъ захвораете.

Несчастная женщина послушалась и вошла съ своими спутницами въ общую столовую.

— Я не должна быть больна, сказала она громко, но какъ бы говоря самой себѣ.

Большая комната, съ сѣрыми, покрытыми плѣсенью, стѣнами и съ грязнымъ, скользкимъ глинянымъ поломъ, была пуста. Только за маленькимъ столикомъ, у окна, расположилась молодая, красивая чета, въ изящныхъ дорожныхъ костюмахъ: блондинъ, лѣтъ тридцати, съ ероткимъ выраженіемъ лица, но съ довольно крупными чертами, и прелестная, молодая женщина, съ темными волосами, съ блестящими глазами, съ плутовскою улыбкою и поразительною свѣжестью лица. Повидимому, это были новобрачные; это замѣтно было по тому, какъ они

смотрѣли другъ на друга, по тому довольному, блаженному выраженію, какое читалось на ихъ лицахъ, и по ихъ веселому, отрывочному разговору. Они заняты были ѣдою яицъ съ хлѣбомъ. Трапеза сама по себѣ весьма скудная, но эти, привыкшіе къ хорошей кухнѣ, господа, очевидно, не рѣшились отвѣдать обѣда, приготовленнаго хозяиномъ.

Три женщины усѣлись въ углу.

— Это господинъ главный лѣсничій въ имѣніяхъ нашей графини, сказала одна изъ женщинъ въ полголоса своей сосѣдкѣ:—онъ женился въ Черновицахъ и теперь, вѣроятно, возвращается въ Барновъ.

— Въ Барновъ? спросила Мириамъ поспѣшно; потомъ она опять въ изнеможеніи опустила голову... вѣдь ей необходимо ѣхать не туда, а въ Садагдра!

Женщина спросила себѣ супу; Мириамъ также съѣла нѣсколько ложекъ его... потомъ отодвинула отъ себя тарелку. Въ эту самую минуту входилъ въ комнату Симонъ-извозчикъ, и она пошла прямо къ нему.

— Пожалуйста, скажите мнѣ: долго ли мы еще пробудемъ здѣсь? спросила она его умоляющимъ голосомъ.

— Часовъ до четырехъ. Необходимо дать отдыхъ лошадямъ, отвѣчалъ онъ.

— Ахъ, какъ долго! сказала она со вздохомъ.—А сколько миль отѣхали мы отъ Барнова?

— Три мили; но вѣдь дорога такая дурная!

— Только три мили! съ испугомъ проговорила она.—Такъ когда же мы приѣдемъ въ Садагдра?

— Послѣ завтра около полудня.

— Послѣ завтра! вскрикнула она.—Такъ, стало быть, я вочуюсь домой не раньше, какъ черезъ шесть дней. А потомъ настанетъ субота, это уже выходитъ семь дней... значить цѣлая недѣля. О, Боже мой! Боже мой!

Она опять сѣла въ уголъ и закрыла лицо руками. Но напрасно она закрывала глаза, напрасно нажимала пальцами вѣки, чтобы онѣ не отрывались, ей всетаки по прежнему представлялись тѣ же самыя ужасныя видѣнія, которыя не давали ей покоя во время дороги. Въ ея ухахъ, проникая съвозъ стѣны харчевни, раздавался ежеминутно слабый, дѣтскій голосъ, зовущій ее: «Мама... мама!..»

Молодые путешественники, слышавшіе ея разговоръ съ извозчикомъ и видѣвшіе какъ бѣдная женщина, патаясь, дошла

до скамейки, на которую опустилась въ изнеможеніи, позвали Симона къ себѣ.

— Что такое съ этою женщиною? спросили они.

Симонъ, почтительно снявъ передъ господиномъ лѣсничимъ шляпу, сообщилъ ему все, что зналъ.

Когда онъ кончилъ свой разсказъ, молодые супруги долго и молча смотрѣли другъ на друга.

— Это ужасно, Людмила, сказалъ, наконецъ, лѣсничій.— Такое страшное суетвіе...

— Да, Карлъ, въ самомъ дѣлѣ—ужасно! отозвалась на его слова молодая женщина. Но улыбка уже исчезла съ ея цвѣтущаго здоровьемъ лица и она съ чувствомъ глубокаго состраданія смотрѣла на бѣдную женщину.

Мириамъ продолжала по прежнему сидѣть неподвижно, зажимая руками глаза. Она иногда вздрагивала всѣмъ тѣломъ, но еще болѣе дрожала ея потрясенная горемъ душа.

Господинъ заплатилъ по поданному счету, потомъ кучеръ пришелъ доложить, что лошади готовы и молодые супруги начали одѣваться въ дорогу; но даже и одѣвшись, они все еще не уходили, и какъ бы въ нерѣшительности остановились на одномъ мѣстѣ.

— Карлъ! сказала молодая женщина нерѣшительно.

— Что, милая?

— Ахъ, какъ жаль эту бѣдную женщину...

— Да, Людмила, она дѣйствительно очень жалка...

И потомъ оба опять замолчали, но продолжали стоять на томъ же мѣстѣ. Въ эту минуту Мириамъ отняла руки отъ своего лица. Медленно, какъ бы пробудившись отъ сна, она провела рукою по лбу. Потомъ, увидѣвъ новобрачныхъ уже со всѣмъ готовыхъ къ отъѣзду, она всочила съ своего мѣста и быстрыми шагами подошла къ нимъ.

Остановившись передъ молодою женщиною, она молча устремила на нее свой умоляющій взоръ, сложивъ руки, какъ ихъ обыкновенно складываютъ на молитвѣ передъ Богомъ... говорить она была не въ силахъ.

Глаза молодой красавицы наполнились слезами, когда она взглянула на это мертвенно-блѣдное, отчаянное лицо.

— Не могу ли я въ чемъ нибудь помочь вамъ? спросила она.

— Въ Барновъ, пролепетала несчастная,—возьмите меня съ собою въ Барновъ!

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала молодая женщи-

на.—Пойдемте же... мы очень охотно возьмемъ васъ съ собою. Не правда ли, Карлъ?

— О да, конечно! отозвался тотъ въ свою очередь.

— А какъ же равинъ?! вскрикнули въ одинъ голосъ объ еврейки.—Вы не хотите ѣхать къ равину?

— Что скажетеъ объ этомъ вся община? прибавилъ Симонъ-извощикъ.

Мириамъ какъ бы очнулась.

— Пусть говорятъ, что хотятъ, сказала она:—это мой ребенокъ, и я должна ѣхать обратно къ моему ребенку!

Но тутъ силы опять совершенно оставили ее, такъ что самъ господинъ, вмѣстѣ съ кучеромъ, донесъ ее до коляски на рукахъ. Они усадили ее рядомъ съ молодой женщиною, а самъ господинъ помѣстился напротивъ. Бѣдная Мириамъ положительно не замѣтила этого оказаннаго ей вниманія и даже не поблагодарила за него. Только въ ту минуту, когда господинъ отдалъ кучеру приказъ: «ѣхать во всю прыть, не жалѣя лошадей!» глаза ея робко обратились къ нему съ выраженіемъ безпредѣльной благодарности. Такимъ образомъ, она сидѣла, притавившись, среди молодой четы совершенно незнакомыхъ ей людей и только изрѣдка приподымалась, дѣлая нетерпѣливое движеніе, какъ будто экипажъ все еще ѣхалъ недостаточно скоро. Но лошади неслись, какъ стрѣла, и въ тотъ же день, еще до наступленія сумерекъ, примчали ихъ въ Барновъ. Встрѣчавшіеся на улицѣ люди были поражены удивленіемъ при видѣ коляски, въ которой сидѣла Мириамъ вмѣстѣ съ господами и, перешептываясь между собою, указывали на нее пальцами.

Молодая женщина сконфузилась и покраснѣла при этомъ, но мужъ, взглянувъ на нее, укоризненно покачалъ головою.

— Какое намъ дѣло до нихъ? сказалъ онъ.

А когда они проѣзжали мимо статуи Мадонны, которая стоитъ у входа въ доминиканскій монастырь, то ему пришла въ голову странная мысль и онъ въ полголоса сказалъ:

— Ее также звали Мириамъ, она также была бѣдная еврейка, и ея материнское сердце было также истерзано душевными страданіями.

Въ сумерки они подѣхали къ кладбищенскому домику.

Мириамъ въ одинъ мигъ выпрыгнула изъ коляски.

— Да наградишь васъ Богъ! пробормотала она, задыхаясь.

— Есть у васъ докторъ? спросилъ молодой господинъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она:—городской врачъ уѣхалъ на приемку рекрутовъ.

— Ну такъ я пришлю вамъ графскаго хирурга изъ замка, крикнулъ онъ ей вслѣдъ.

Но она уже не слыхала его словъ. Она уже была въ своей каморкѣ.

Больная малютка была одна. Зажженный ночникъ освѣщаль ея пылающее, какъ въ огнѣ, личико, все покрытое крупными каплями пота, но, не смотря на то, она была только слегка прикрыта тонкимъ одѣяломъ.

Наскоро собрала Мириамъ всѣ свои платья и укутала ими ребенка.

«Сильная испарина—это знакъ выздоровленія!» подумала она, внявъ себя отъ радости, при видѣ такого хорошаго предзнаменованія.

Вскорѣ затѣмъ пришла и жена могильщика. Она очень удивилась, увидѣвъ Мириамъ, но не осмѣлилась упрекнуть ее возвращеніемъ.

— Ребенокъ все метался въ жару, передавала она матери, — вотъ я и сняла съ него лишнія одѣяла.

— Это вы нехорошо сдѣлали, отвѣтила Мириамъ:—испарину никогда не должно останавливать.

Тогда она опять присѣла на корточехи возлѣ постели больной, успокоенная мыслію, что теперь уже все поправится.

Часъ спустя, въ домику подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышелъ какой-то незнакомый человѣкъ, это былъ присланный изъ графскаго замка хирургъ.

Взглянувъ на малютку, онъ пощупалъ у нея пульсъ и снова заботливо укуталь ея. Потомъ онъ попросилъ обѣихъ женщинъ разсказать ему причины и всѣ признаки болѣзни.

— Ребенокъ находился въ большой опасности, сказалъ онъ, когда онѣ кончили,—но теперь эта опасность миновала. Для него было большое счастье, что вы во-время замѣтили появленіе у него спасительной испарины и что вы хорошо укутали его тогда.

Глаза Мириамъ загорѣлись при этихъ словахъ.

— А что было бы, еслибъ этого не сдѣлали? спросила она.

Докторъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Какимъ страннымъ тономъ вы спрашиваете меня...

— Отвѣчайте, умоляю васъ, господинъ докторъ! почти вскрикнула она.

— Тогда, сказалъ онъ уже совершенно прямо,—ребенокъ навѣрное умеръ бы теперь, или, по всей вѣроятности, долженъ былъ бы умереть.

— Боже, благодарю тебя! съ умиленіемъ произнесла Мири-

амъ. Тогда, съ гордымъ видомъ и съ сверкающими радостью глазами, она громко сказала, обращаясь къ сосѣдѣмъ:— Неужели всѣ вы и теперь будете утверждать, что на мнѣ тяготѣтъ Божіе проклятіе, на мнѣ, надъ которою Онъ совершилъ теперь это чудо? Развѣ не чудомъ нужно считать, что въ одно время со мною остановились въ харчевнѣ, проѣздомъ, добрые господа? Конечно, чудомъ, иначе ребенокъ мой долженъ былъ непременно погибнуть!

Ребенокъ выздоровѣлъ.

А что же говорятъ объ этомъ барновскіе евреи?

Если бы они только могли вообразить, что единственно лишь одна любовь, любовь матери, которая, не боясь возбудить противъ себя еще большую ненависть всѣхъ людей своего племени, показала свою врачующую и разрѣшающую всякіе обѣты силу, то они, конечно, стали бы по прежнему преслѣдовать своими гоненіями и вдову, и ея ребенка. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ совершилось уже «явное Божіе чудо», которое самъ Всемогущій Богъ хотѣлъ показать Его людямъ, то передъ Нимъ уже ничего не значитъ распоряженіе творящаго чуда равина...

II.

ВЪ ОДЕССКОЙ ГАВАНИ.

Ярко вошло утреннее солнце и освѣтило своими алыми лучами степь, городъ, гавань и все видимое пространство моря.

Далеко раскинулась эта степь, голая, бесплодная, безлюдная. На всей ея безконечной, плоской поверхности лишь кое-гдѣ разбросаны маленькія бѣдныя деревушки и мѣстечки. Все пустынно, все печально, все мертво. Крутыми, отвѣсными скалами или низменными, болотистыми мѣстностями примыкаетъ черноземная пустыня степи къ синей пустынѣ моря, и на границѣ этихъ двухъ пустынь, на высокомъ, песчаномъ берегу гордо стоитъ большой городъ со множествомъ шпицовъ и церковныхъ колоколенъ. Онъ смѣло занялъ своими постройками часть степи и даже захватилъ собою часть моря, твердо укоренившись на этихъ обѣихъ мѣстахъ, и процвѣтаетъ теперь этотъ шумный, полный жизни городъ, съ своими широкими, длинными, свѣтлыми улицами, величественными дворцами и еще болѣе гран-

діозными, по своимъ размѣрамъ, торговыми складами. Избравъ своимъ покровителемъ міеологическаго бога Меркурія, городъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ самыя разнообразныя товары и продукты всѣхъ странъ и національностей, развозимыя желѣзными дорогами по степи, а кораблями—по всему свѣту. Вы услышите здѣсь говоръ на всевозможныхъ языкахъ, какъ можете встрѣтить образчики народностей изъ всѣхъ частей свѣта. На улицахъ этого новаго города господствуетъ невообразимый шумъ, происходящій отъ общей бѣготни суетящихся и постоянно куда-то спѣшащихъ людей. Процвѣтаніе этого юнаго города началось недавно, такъ какъ онъ существуетъ еще менѣе ста лѣтъ; человѣкъ, посвятившій всѣ свои силы устройству такого процвѣтанія, умеръ не очень давно. Тамъ, близъ бульвара, въ тѣни акацій, на высокой скалѣ, выступъ которой обращенъ къ морю, находится его, вылитый изъ чугуна, памятникъ, съ надписью: «Градоначальнику, герцогу де-Ришелье, благодарная Одесса».

Съ этого, господствующаго надъ всею мѣстностью, выступа спускается, отлогими ступенями, грандіозная лѣстница, ведущая къ вокзалу желѣзной дороги и къ двумъ пристанямъ. Когда вы стоите на этой высотѣ и взоръ вашъ блуждаетъ по раскинутому передъ вашими глазами пространству, то вамъ представляется зрѣлище, лучше и занимательнѣе котораго трудно гдѣ либо встрѣтить. Конечно, справа и слѣва вы видите только голыя, бѣлѣющіяся песчаныя дюны, на которыя въ иныхъ мѣстахъ тихо и какъ бы осторожно забѣгаютъ морскія волны, а въ другихъ—бурно и грозно разносятся ихъ прибой. Но за то прямо передъ вами—море, обширное, величественное, могучее, голубое съ золотистымъ отливомъ! И какъ роскошно блеститъ оно, усѣянное безчисленнымъ множествомъ кораблей, массивными военными фрегатами и маленькими рыбацкими челноками, неуклюжими парусными судами и красивыми пароходами, гигантскими, еле-двигающимися, тяжело нагруженными лѣсомъ, барками и быстро, какъ стрѣла, несущимися лодками! Какъ красиво развѣваются флаги всевозможныхъ цвѣтовъ и какъ весело надуваются бѣлые паруса. Вдругъ въ воздухѣ раздается рѣзкій свистокъ; пыхтя и сопя подходитъ къ дебаркадеру желѣзной дороги тяжелый товарный поѣздъ, привезшій эти товары съ сѣвера и съ запада; а прибывшіе съ востока и съ юга, въ эту самую минуту, уносятся другимъ, уже нагруженнымъ поѣздомъ въ степную глубь страны. На дебаркадерѣ, на всѣхъ корабляхъ, на берегу, на ступеняхъ лѣстницы, на улицахъ и

въ городскихъ домахъ—вы видите все товары, товары и только одни товары!

Здѣсь торгуютъ всѣмъ, положительно всѣмъ, что производитъ земля, что обрабатываютъ человѣческія руки и что можетъ имѣть денежную цѣнность! Куда вы ни взглянете—всюду товары, нагруженные ими телѣжки, носильщики, торгующіеся покупатели и продавцы, записывающіе торговые сдѣлки присяжные маклера и кричащіе изо всей мочи факторы. Но если послѣднее обстоятельство способно, хотя на минуту, нарушить поѣтическое настроеніе, въ какое привело васъ общее зрѣлище всей этой картины, и если вы не въ состояніи понять поэзію, заключающуюся въ этомъ зрѣлищѣ гигантскаго, всемірнаго рынка, то вы просто ни болѣе ни менѣе, какъ пустой, праздный и сентиментальный мечтатель.

Въ «Херсонской гавани», маленькой, какъ бы домашней гавани города Одессы, въ противоположность большой, всемірной, находящейся направо Константинопольской гавани, останавливаются только тѣ суда, которыя совершаютъ свое плаваніе исключительно по Понту Еввѣинскому, и тамъ стоитъ уже совсѣмъ приготовившійся къ отплытію пароходъ, подъ названіемъ «Одиссей», что видно по надписи, уже порядочно потертой и сдѣланной золотыми буквами на его носу. Но еще болѣе потертымъ кажется самъ пароходъ, не отличающійся также большою опрятностію и, повидимому, сильно пострадавшій отъ времени и отъ морскихъ непогодъ, какъ это, впрочемъ, и подобаетъ судну, соименный патронъ котораго

«Видалъ много разныхъ людей и городовъ и вытерпѣлъ много бѣдъ».

Но, не смотря на то, капитанъ парохода, старый, хитраго вида грекъ убѣждаетъ молодую, робкую еврейку отправиться въ путь, слѣдующими словами: «Да помилюйте, я на этомъ пароходѣ объѣду еще цѣлый свѣтъ». Еврейка, однакожь, остановилась въ нерѣшимости на трапѣ, боясь ступить на палубу. Впрочемъ, вѣдь довѣряютъ же «Одиссею», безъ всякихъ опасеній, свою жизнь всѣ прочіе пассажиры. Въ особенности смѣло довѣряетъ ему себя вонъ тотъ восемнадцатилѣтній юноша, который, въ настоящую минуту, смотритъ человѣкомъ вполне совершеннолѣтнимъ; какъ радостно блестятъ его глаза и съ какимъ трудомъ удерживаетъ онъ въ себѣ порывы чисто юношескаго восторга! Впрочемъ, вѣдь и не можетъ быть иначе. Ахъ! еслибы вы знали какъ онъ счастливъ; теперь сбылись его, съ дѣтства лелѣянные мечты; свобода его не стѣснена, и онъ можетъ отпра-

виться путешествовать въ дальніе, до сихъ поръ еще невиданные имъ края! Притомъ же августовское утро такъ хорошо, это утро его перваго морскаго плаванія, и вокругъ его все такъ весело, а ему самому такъ хочется жить и наслаждаться!

А какъ хороша вся окружающая его пестрота красозь! Возьмемъ хоть для примѣра троихъ, окружающихъ «Одиссея» сосѣдей, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ представляетъ новый, особенный, совсѣмъ чуждый для другихъ міръ. Направо стоитъ большой, прочный парусный корабль; онъ пробылъ нѣсколько дней въ Константинопольской гавани и на нынѣшній день зашелъ сюда только для того, чтобы легче было разгрузиться, — повидимому, это купеческій корабль. Но что же такое привезъ онъ въ этихъ громадныхъ бочкахъ, что зашито въ этихъ грузныхъ тюкахъ, которые подхватываются краномъ съ палубы, какъ перышки, и перебрасываются на берегъ? Матросы двигаются медленно и шагаютъ тяжелой походкой; точно также лѣниво, вяло, но также тяжеловѣсно раздаются слова, заставляющей ихъ двигаться, команды; но та вещь, которая уже однажды захвачена ими въ руки, будетъ доставлена куда слѣдуетъ вѣрно и вполне исправно. Однакожъ, кто же эти блѣклящие, упитанные и неуклюжіе работники?! Вамъ стоитъ только взглянуть на тѣхъ двоихъ людей, которые стоятъ на палубѣ, чтобы угадать кто они. Вонъ, посмотрите хоть на этого «минхера» съ блѣднымъ, одутловатымъ лицомъ и спокойными, водянисто-голубыми глазами, какъ онъ равнодушно относится къ окружившей его толпѣ кричащихъ, назойливыхъ факторовъ — жидовъ и грековъ. Онъ дастъ имъ напумѣться и выкричаться въ волю; но если они, наконецъ, уже слишкомъ надоѣдаютъ ему, то онъ, съ невозмутимою флегмою, скажетъ имъ: «Вы знаете нашу фирму, фонъ-дерь-Шюйтенъ въ Амстердамѣ, и вамъ известно, что мы привозимъ кофе самаго лучшаго достоинства, потому что ѣздимъ закупать его на мѣстѣ; но если онъ кажется вамъ дорогимъ, то не берите. У фонъ-дерь-Шюйтенъ, ни въ Одессѣ и ни въ какомъ другомъ городѣ, товаръ никогда не оставался на рукахъ». И при этомъ онъ взглядываетъ на капитана, который облокотился на бортъ палубы и, повидимому, совершенно спокойно посматриваетъ вверхъ на городъ. Но флегматичность этихъ господъ только внѣшняя, потому что, въ сущности, имъ хотѣлось бы какъ можно поскорѣе отдѣлаться и отъ своего товара, и отъ жидовъ, и отъ грековъ, лишь бы добраться, наконецъ, до города, гдѣ за деньги можно достать вина и всякихъ прочихъ удовольствій. Можетъ быть эти, съ

виду флегматичные, но въ дѣйствительности одаренные страстною натурою, «минхеры» будутъ нынче ночью вытоленыты на улицу изъ эlegantнаго «извѣстнаго сорта танцовальнаго зала», за произведенный ими тамъ, въ періодъ полнѣйшаго охмѣленія, скандалъ.

Вплоть около этого купеческаго судна, бортъ о бортъ, стоятъ двѣ большія, плоскодонныя барки, изъ которыхъ одна нагружена бревнами, а другая—огородными плодами и овощами. Вотъ лежитъ громаднхъ размѣровъ шарообразный арбузъ, съ темно-зеленою коркою, рядомъ съ желтовато-зелеными, усѣянными бородавками, длинными гигантскими огурцами; вотъ цѣлыя груды крупнхъ, розовыхъ и бѣлыхъ вишенъ, зеленовато-желтыхъ, сладкихъ какъ сахаръ, дынь и яблочковъ замѣчательной величины. Такъ какъ Крымъ и Херсонская коса могутъ быть, насколько человекъ сумѣетъ воспользоваться ихъ благодатною почвою, дѣйствительно названы «землею, изобилующею млекомъ и медомъ», то названіе это подходитъ тутъ гораздо болѣе, чѣмъ въ той землѣ, которая, по преданіямъ, извѣстна каждому подъ именемъ «обѣтованной». Мысль о поляхъ, орошаемыхъ «священною рѣкою Іорданомъ», постепенно все настойчивѣе овладѣваетъ вашимъ воображеніемъ, когда вы обратите вниманіе на лица людей, нагружающихъ эти фрукты въ маленькія лодочки, для перевозки ихъ на берегъ. Они посѣяли, посадили и выростили все это своими собственными руками, на своихъ собственныхъ поляхъ, полныхъ ихъ собственнымъ трудовымъ потомъ; ни своимъ костюмомъ, ни своею манерою, они нисколько не напоминаютъ назойливыхъ, дерзкихъ, или носящихъ на себѣ отпечатокъ какой-то собачьей робости и приниженности жидовъ-торгашей, находящихся на берегу; а между тѣмъ, въ ихъ фizioноміи есть много родственныхъ чертъ съ этимъ народомъ, исповѣдующимъ одинаковую съ ними вѣру и говорящимъ одинакимъ съ ними языкомъ,—это крымскіе караимы или переселенцы этого племени изъ Еваторинославской или Херсонской губерніи.

Въ противоположность такому суетливому движенію, на баркѣ съ бревнами все тихо и мертво. Поверхъ сложенныхъ бревенъ и досокъ лежатъ, растянувшись, рабочіе судовщики и сонно, какъ бы въ пол-глаза, смотрятъ на весь остальной движущійся людъ. О чемъ думаютъ они въ эту минуту? Можетъ быть о своей отчизнѣ, о своей далекой, зеленой Украинѣ, въ лѣсахъ которой были срублены эти деревья и потомъ, сбитыя въ плоты, сплавлены внизъ по Днѣпру; или, можетъ быть, думаютъ о томъ—по крайней мѣрѣ таково выраженіе ихъ меланхоличе-

снихъ физиономій,—что на Божьемъ свѣтѣ, по всей вѣроятности, есть люди болѣе счастливые, чѣмъ малороссіяне, нанимающіеся рабочими къ судовщикамъ, торгующимъ бревнами. Но еще вѣрнѣе будетъ, если мы предположимъ, что они ровно ни о чемъ не думаютъ, и что мрачная черта ихъ физиономіи происходитъ не отъ какого нибудь личнаго страданія или горя, а потому, что надъ этимъ народомъ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, тяготѣло позорное иго рабства, слѣды котораго запечатлѣлись въ грустномъ выраженіи физиономіи, переходившемъ, по наслѣдству, отъ одного поколѣнія къ другому. Да и найдется ли, въ самомъ дѣлѣ, во всемъ мірѣ другой народъ, который перенесъ столько муки и страданій, какъ малороссы? Однако въ немъ все еще живетъ, хотя собственно только въ его національной пѣснѣ, воспоминаніе о прежнихъ эпизодахъ кровавой, безпощадной борьбы. Послушайте то, что, въ медленныхъ по темпу напѣвахъ, раздается съ барки, нагруженной бревнами:

«Гей, казаки! гей, казаки!

Слышите ли вы кличъ вашего гетмана?

Гей! къ чему призываетъ васъ гетманъ Стенько?!

«Братья! Смерть ляхамъ (полакамъ)!

Смерть бѣлолицымъ!

Бейте ихъ до тѣхъ поръ, пока Днѣстръ окрасится ихъ кровью,

Когда мы свергнемъ съ себя ихъ иго,

Бѣлокаменный Лембергъ будетъ нашъ!»

И поютъ они эту боевую пѣсню, при звукахъ которой ихъ предки отражали нападенія враговъ или свергали съ себя на время иго притѣснителей ихъ свободы, поютъ, почесывая у себя за ухомъ и робко озираясь вокругъ, не идетъ-ли ихъ хозяинъ, человѣкъ, которому они отдались въ кабалу. Таковъ какъ чувство сознанія своего рабства не покидаетъ никогда сыновъ этого народа, не смотря на то, что вѣрнопостное право уже давно отмѣнено въ принципѣ.

Молодой человѣкъ, прислонившись въ борту палубы, весь погруженъ въ мечты объ ожидающихъ его разнообразіяхъ въ неизвѣданной имъ повя жизни. Вдругъ—толчокъ! трапъ поднятъ и пароходъ медленно двигается съ своего мѣста. Юный путешественникъ еще разъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ гордый, стоящій на высотѣ городъ, съ его чугуными, блестящимъ отъ солнечныхъ лучей, памятникомъ, потомъ обвелъ глазами стоявшіе во-кругъ корабли. Но въ эту самую минуту пароходъ вышелъ изъ гавани въ открытое море и юноша, уже не развлекаясь, можетъ теперь заняться осмотромъ всей компаніи своихъ спутниковъ.

Боже мой!—Что за пестрота!

Тутъ перемѣшались всѣ восточныя нарѣчія и костюмы. Вонъ стоитъ цѣлая кучка сильно спорящихъ и сильно жестикулирующихъ людей; въ одеждѣ извѣстной всему міру: въ долгоболыхъ, грязныхъ, подпоясанныхъ кафтанахъ, въ засаленныхъ, жесткихъ поярковыхъ шляпахъ, съ пейсами на вискахъ,—это торгаша-жиды изъ Кіева, Могилева и Херсона. Рядомъ съ ними размѣстались въ кружокъ, сидя на полу, крестьяне въ сѣрыхъ сермягахъ; меланхолически смотрятъ они на Божій свѣтъ, меланхолически звучитъ ихъ заунывная народная пѣсня, которую они мурлычатъ про себя, меланхолически шжеывая при этомъ свой кусокъ чернаго хлѣба съ лукомъ. Это жители южно-русскихъ губерній, отправляющіеся по найму на жнитво въ Крымъ. Вотъ стоитъ англичанинъ, въ сѣромъ изящномъ дорожномъ костюмѣ, представляющій собою здоровѣннѣйшій экземпляръ этого типа, и съ любопытствомъ разсматриваетъ сидящихъ у его ногъ меланхолическихъ истребителей зеленаго лука, отъ которыхъ пренебрежительно отворачиваютъ носъ двое супруговъ, также «элегантно» одѣтыхъ, разумѣется, смотря по собственному вкусу каждаго. На мужѣ сѣрые панталоны, яркаго малиноваго цвѣта бархатный жилетъ и оливковаго цвѣта куртку; а на женѣ—тяжелое свѣтло-желтое бархатное платье и мантилья сине-лиловаго цвѣта. Кромѣ того, на обоихъ супругахъ навѣшено разныхъ золотыхъ вещей столько, что ихъ хватило бы на небольшой магазинъ. Они ѣдутъ въ свое херсонское имѣніе. Онъ прежде былъ банкометомъ въ одномъ изъ игорныхъ домовъ въ Москвѣ, а она... но мы лучше умолчимъ о ея прошломъ. Немного подалеже стоятъ нѣсколько человекъ грековъ, въ своемъ живописномъ національномъ костюмѣ, и между ними мальчикъ, на зло растлителямъ юношества, гордо смотрящій на всѣхъ и прелестный какъ самъ Фебъ-Аполонъ; но, по всей вѣроятности, именно благодаря этимъ самымъ растлителямъ, уже испорченный до мозга костей. Рядомъ съ нимъ сидитъ на коврѣ, неподвижно, поджавъ подъ себя ноги и съ видомъ стойка, старый турокъ, такъ что глядя на него можно было бы подумать, что онъ спитъ, еслибъ онъ изрѣдка не выпускалъ на воздухъ струйку голубаго дыма изъ чубука своего наргилѣ. Прямо передъ его носомъ и разсматривая его, какъ диковиннаго звѣря, остановились двое людей, костюмъ и нарѣчіе которыхъ менѣе всего подходили ко всему ихъ окружающему. Башмаки съ пряжками, короткіе панталоны до колѣнъ, треугольная шляпа, длинные, изъ грубаго свѣтло-синяго сукна, каф-

таны съ вапюшономъ—ну точь въ точь шварцвальдскіе крестьяне въ праздничномъ нарядѣ, какихъ мы видимъ въ Кинцигѣ или на Неккарѣ...

— Куда теперь пароходъ, господинъ? обращается одинъ изъ нихъ съ вопросомъ къ турку, который не удостоиваетъ его даже взглядомъ.

— Ганнеле, говоритъ его товарищъ:—онъ не понимаетъ тебѣ...

Въ эту минуту къ нимъ послѣшно подходитъ юный путешественникъ.

— Откуда вы?

— Изъ Штуккартъ.

— А куда вамъ нужно ѣхать?

— Ми—въ Мѣрингъ.

— Да развѣ изъ Штутгарта въ Мѣрингенъ ѣздить на Одессу?!

Но вещь объясняется весьма просто. Эти крестьяне ѣдутъ изъ нѣмецкой колоніи Штутгартъ, находящейся въ Еваторинославской губерніи, и желаютъ побывать у своихъ земляковъ, живущихъ въ колоніи Мѣрингенъ, въ Херсонской губерніи. Эти честные швабы перенесли съ собою въ свою новую восточную отчизну не только свои нѣмецкіе нравы, свой нѣмецкій говоръ и свое чисто нѣмецкое усердіе къ работѣ, но даже и названія мѣстностей своей дорогой родины.

Молодой человѣкъ вступилъ также въ разговоръ еще съ другою личностью, именно съ одною, маленькаго роста, хорошенькою, граціозною и черноглазою молоденькою дѣвочкою; ее зовутъ Маріетта, Маріетта Гризи изъ Генуи, и она, подъ покровительствомъ своей служанки, ѣдетъ въ Херсонъ къ папашѣ, который тамъ занимается постройкою судовъ. Однакожъ, не смотря на свой четырнадцатилѣтній возрастъ, Маріетта уже очень хорошо знаетъ, на что собственно Богъ даетъ дѣвочкамъ прекрасные, черные, огненные глаза, и она пользуется этимъ Божьимъ даромъ въ такой степени, что молодой человѣкъ чуть не задыхается отъ избытка нѣжныхъ чувствъ. Они громко болтаютъ всякій вздоръ, весело смѣются и, мнѣ вѣжется даже, что они поютъ... да! въ самомъ дѣлѣ, я не ошибся: онъ мурлычить себѣ подъ носъ, а она въ полголоса напѣваетъ какою-то страстную, народную генуэзскую пѣсню. Но когда пароходъ уже совершенно вышелъ въ море, гдѣ кромѣ воды ничего не было видно, въ это величественное, красивое, залитое солнцемъ море, которому, вслѣдствіе страннаго, происшедшаго отъ первоначальнаго ошибочнаго произношенія его прежняго названія, со-

всѣмъ незаслуженно дали сохранившееся до сихъ поръ мрачное названіе «чернаго»,—то въ этотъ моментъ болтала, пѣла и смѣялась только одна Мариетта, а юноша совсѣхъ притихъ и умолкъ.

Спокойно, тихо подымаясь и опускаясь, какъ человѣческая грудь, дышащая счастіемъ и блаженствомъ, волеблется золотисто-голубая поверхность моря, безпредѣльно, безконечно! Пустыня степей и горныхъ высей ничто въ сравненіи съ этимъ страшнымъ, подавляющимъ, величественнымъ уединеніемъ моря?! А надъ безконечною золотисто-голубою поверхностью его водъ склонился золотисто-голубой куполь небснаго свода.

Молодой человѣкъ неподвижно вперилъ взоръ въ эту полную блеска пустыню воздуха и воды. Онъ не въ состояніи произнести ни одного слова, онъ почти не смѣетъ дышать... Тихо звучитъ въ его глубоко растроганномъ сердцѣ фраза:

«Привѣтъ тебѣ, о море!».

III.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПРЕСТУПНИКЪ.

Это было осенью, въ одинъ прекрасный, ясный, сентябрьскій день. Офенскія горы стояли, окутанныя, какъ дымкою, голубымъ туманомъ, совершенно какъ въ лѣтнее время; волны голубаго Дуная блестяли и переливались на солнцѣ золотою чешуею; а на пештской набережной прогуливалась цѣлая масса раздраженныхъ въ пухъ и прахъ людей. Хорошо пройтись по берегу этой красивой рѣки, между двумя великолѣпными городами, и я вполне убѣжденъ, что на всемъ земномъ шарѣ мало найдется такихъ мѣстъ, гдѣ бы въ одномъ кругозорѣ вмѣщалось такое разнообразіе колоритовъ и такое обиліе всякихъ красотъ. А общій эффектъ всей картины зависитъ, конечно, отъ большой рѣки, отъ оживленной торговой дѣятельности, отъ самыхъ построекъ и въ особенности отъ тамошнихъ женщинъ. Но подъ конецъ зрѣніе утомляется даже великолѣпными картинами. Такимъ образомъ, шелъ я, въ этотъ чудный, тихій день, по берегу рѣки, прошелъ всю набережную, оставивъ позади себя фэшенебельную прогулку разфранченныхъ людей, и продолжалъ идти все дальше и дальше, до тѣхъ поръ, пока очутился передъ Блоксбергомъ. Тутъ я поворотилъ направо, на большую пустынную

дорогу, которая привела меня въ какой-то лабиринтъ улицъ и переулковъ, гдѣ я окончательно запутался, такъ что не въ состояніи былъ даже дать себѣ отчета, куда я попалъ и зачѣмъ я пришелъ сюда.

Большей противоположности, чѣмъ та, которая существуетъ между двумя частями города, откуда я пришелъ и гдѣ я находился въ настоящую минуту, даже и вообразить невозможно. Тамъ—новѣйшей архитектуры дворцы и банкирскія конторы, здѣсь—маленькіе, жалкіе, старинной постройки, домишки; тамъ—шумъ, движеніе, суета, здѣсь—почти совсѣмъ не видно людей. Узенькія улицы казались какъ бы вымершими; это была самая рабочая пора и всѣ жители сидѣли у себя по домамъ за дѣломъ или находились гдѣ нибудь на сторонѣ. А если и приходилось мнѣ случайно наткнуться на кучку живыхъ существъ человѣческаго рода, то все это были бѣлокурые, голубоглазые и съ нечистымъ носомъ ребята-нѣмцы, которые вообще народъ своевольный.

Нарѣчіе, на которомъ они очень громко разговаривали, не существуетъ, конечно, ни въ одной германской землѣ; это была какая-то смѣсь баварскихъ, швабскихъ, фрамскихъ, нижнерейнскихъ и, главнымъ образомъ, природныхъ вѣнскихъ словъ, такъ что въ общемъ это представляло собою что-то непонятное. Но если бы у меня прежде могло родиться хотя на время сомнѣніе въ томъ, что это дѣти родителей-нѣмцевъ, то впослѣдствіи оно мгновенно разсѣялось, когда я, проходя мимо ихъ, услышалъ сказанныя нѣкоторыми изъ нихъ слова: «Ну что на него смотрѣть? нечего съ нимъ связываться!» И тутъ же они принялись драться между собою; но, оглянувшись потомъ назадъ, я замѣтилъ, впрочемъ, что между ними не нашлось ни одного Бисмарка, который помирилъ бы ихъ всѣхъ. Затѣмъ я уже пересталъ наблюдать за ними, а обратилъ все свое вниманіе на попадавшіяся кое-гдѣ вывѣски, маленькія, пестрыя, съ самыми оригинальнѣйшими изображеніями и правописаніемъ. Такъ, на примѣръ, на одной изъ нихъ былъ изображенъ какой-то фантастической формы сапогъ съ огромною шпорою, внизу которой было написано: «Schwemminger János». На другой были наклеваны громаднѣйшія ножницы съ надписью: «Naubele Mihály». Рядомъ, но уже въ другомъ домѣ, надъ маленькимъ, выходившимъ на улицу подъѣздомъ, красовалась желтая, вывращенная охрою доска, на которой намазаны были: киноварью красная пивная кружка, а ярью-мѣдянкою—зеленый водочный штофъ, и съ такою надписью внизу, которая совсѣмъ не соответствовала сво-

ему назначенію: «Wassermacher Zsigmond». Потомъ мнѣ попалось нѣсколько человѣкъ мельничныхъ работниковъ, а когда я зашелъ въ одну улицу, гдѣ со всѣхъ сторонъ раздавалось мелодичное мычаніе и ревъ коровъ, то я только тутъ убѣдился, что нахожусь въ Францштадтѣ. Я опять таки повторяю здѣсь, что не найдется другого города въ мірѣ, гдѣ бы отдѣльныя части его отличались такою разнохарактерностью, какъ это мы видимъ въ столицѣ Венгріи. Пожалуй, если хотите, нѣкоторую разницу вы найдете во всѣхъ большихъ городахъ, но на это мало обращаютъ вниманія; туристу, бѣгло обозрѣвающему посѣщаемые имъ города, это не бросается само собою въ глаза, а туземецъ такъ привыкъ равнодушно смотрѣть на эту разницу, что считаетъ даже излишнимъ объяснять себѣ ее. Но тотъ, кто не оставляетъ безъ вниманія даже какихъ нибудь мелочныхъ особенностей, найдетъ большую пищу для интересныхъ и занимательныхъ наблюдений, преимущественно въ Буда-Пештѣ. Здѣсь не только всякое маленькое предмѣстье имѣетъ свой собственный характеръ, но даже каждое изъ нихъ распадается еще на множество отдѣльныхъ кварталовъ. Въ этомъ космополитическомъ смѣшеніи племенъ центральной части города очень рѣзко отличается небольшой кварталъ, имѣющій чисто мадыарскую фізіономію; такъ, въ Офенѣ жители раздѣляются по національностямъ, въ Іозефштадтѣ—по состоянію, а въ Францштадтѣ, почти сплошь населенномъ людьми, у которыхъ преобладаетъ нѣмецкій языкъ,— по специальностямъ ремесла. Тамъ живутъ извозчики и прачки, мельники и мызники, ведущіе молочное хозяйство, сапожники и портные, каретники и кузнецы, причѣмъ представители каждой специальности, вопреки всѣмъ основамъ новѣйшаго способа веденія народнаго хозяйства, охотнѣе селятся отдѣльными улицами, а не въ перемежку съ людьми другой профессіи. Такимъ образомъ, я прошелъ цѣлый рядъ садовъ, гдѣ направо и налево протянуты были веревки, на которыхъ просушивалось, покачиваемое вѣтромъ, бѣлье обѣихъ соединенныхъ столицъ, а потомъ пришелъ въ другую улицу, гдѣ живетъ около тридцати сапожниковъ и превосходныхъ башмачниковъ, имѣющихъ элегантные магазины, съ не менѣе изящными вывѣсками, и тутъ же рядомъ помѣщаются плохія лавчонки самыхъ простыхъ мастеровъ, занимающихся починкою старой обуви. Вездѣ, гдѣ есть какая нибудь вывѣска, вы навѣрное встрѣтите на ней чисто-нѣмецкую фамилію и притомъ съ чисто-венгерскимъ именемъ ея обладателя. Это обстоятельство уже прямо касается самихъ нѣмцевъ, а меня оно также навело на нѣкоторыя мысли въ этотъ тихій, осенній день.

Обращаясь къ общему образу дѣйствій нѣмцевъ, я, во первыхъ, никакъ не могу понять ихъ привычки показывать кулакъ въ карманѣ венгерскому шовинизму, который иногда дѣйствительно выказывается неумѣстно; но въ этомъ случаѣ намъ, нѣмцамъ, не мѣшало бы также немножко оглянуться на себя, потому что зачѣмъ же отцы этихъ людей предпочли покинуть дорогое сердцу отечество на берегахъ Дуная, Неккара или Рейна и поселиться въ чужой, дикой странѣ? Потому, конечно, что на родинѣ имъ было невыносимо, потому что они уже слишкомъ чувствовали на себѣ гнетъ тамошнихъ порядковъ. Одинъ хотѣлъ сдѣлаться мастеромъ, но не могъ добиться этого, вслѣдствіе цеховаго устава; другой хотѣлъ жениться—и не могъ, потому что ему мѣшала жестокій законъ дворянскихъ привилегій; третій, крестьянинъ, былъ доведенъ, вслѣдствіе все увеличиваемаго помѣщикомъ оброка и разныхъ поборовъ, до отчаянія. И вотъ они ушли совсѣмъ. И что же унесли они съ собою,—понятіе о нѣмецкой государственности, сознание духа нѣмецкой народности? Ахъ, въ то время не было еще никакой Германіи, даже самая мысль объ идеальномъ сліяніи всѣхъ нѣмцевъ во едино, едва-едва зарождалась въ головѣ передовыхъ, просвѣщенныхъ людей, и то, что они могли унести съ собою, было только сознание своего имперско-ульмсваго, курфюрсто-майнцаго, или имперско-рыцарскаго каценалленбогенскаго происхожденія. Но такого рода сознание весьма легко улетучивается на чужбинѣ, а если не улетучивается само по себѣ, то уже является свое собственное попользованіе отбросить его отъ себя добровольно прочь! То, что принесено было съ собою изъ своей родины отцами этихъ нѣмцевъ—нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе нравы, нѣмецкое усердіе къ работѣ, то сохранено сыновьями и до сихъ поръ. Но такъ какъ имъ здѣсь хорошо жилось и они могли располагать собою свободно, подъ покровительствомъ относительно либеральныхъ законовъ, то они и усвоили себѣ новый, мѣстный взглядъ на государственность, а вмѣстѣ съ нимъ, по несчастію ли, по ложнымъ ли понятіямъ, но во всякомъ случаѣ вслѣдствіе трудно объяснимой причины, и новое сознание своей національности!

Эти люди считаютъ себя мадярами, хотя совсѣмъ не знаютъ венгерскаго языка и умѣютъ только прокричать «Ei jen!» и сказать «hupszt a német!..» Впрочемъ, тотъ, кого возмущаетъ подобный фактъ, долженъ обратить свое негодованіе не противъ людей, съ которыми случилось то, чего и слѣдовало ожидать отъ нихъ, но противъ настоящихъ виновниковъ этого факта. И главными виновниками окажутся не притѣснители германской

народности, а ея защитники, которые принялись официальнымъ образомъ «германизировать» этихъ переселенцевъ на вышеупомянутый ладъ.

— Ахъ ты, австриякъ-собака! громко и рѣзко раздалось почти надъ самымъ моимъ ухомъ. Это восклицаніе прервало мои размышленія и я сталъ оглядываться вверху.

Въ ту минуту я находился въ улицѣ сапожниковъ. Что это ругательство относилось прямо ко мнѣ, въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что вся улица, ярко освѣщенная солнцемъ, была почти совсѣмъ пуста; только вдаль боролась два мальчугана съ льяными волосами, и какая-то старушонка, ковыляя, пробиралась къ нимъ вдоль домовъ. И почему меня кто-то вдругъ наградила этимъ почетнымъ титуломъ, котораго я менѣе чѣмъ кто либо заслуживаю?! И кто именно называлъ меня такъ?

— Eljen Кошуть! Eljen Кошуть!

Я быстро обернулся назадъ. Тотъ, кто кричалъ это, спрятался, по всей вѣроятности, въ той лавочкѣ, передъ которою я остановился. Это была мастерская сапожника, занимающагося починкою старой обуви. Но старикъ, съ самою добродушною миною, продолжалъ сидѣть, сторбившись, на своемъ треногомъ стулѣ и усердно приколачивалъ къ сапогу чуть-чуть державшуюся подошву. Когда я подошелъ къ нему, онъ невольно вскинулъ на меня глаза. Изъ глубины лавочки въ эту минуту опять послышалось повтореніе перваго, сдѣланнаго мнѣ привѣтствія, и только тутъ я могъ различить, что это былъ не человѣческій голосъ.

— А! это мой скворецъ! сказалъ, смѣясь, сапожный мастеръ и, повернувъ голову въ уголъ своей лавочки, закричалъ:--Ханслъ! замолчи!

Я тоже взглянулъ по этому направленію и увидаль сѣраго, съ стальнымъ отливомъ, скворца, который смотрѣлъ на меня своими блестящими, умными глазенками.

— Вѣдь онъ не понимаетъ, что это бранное слово! сказалъ мнѣ его хозяинъ, какъ бы желая меня утѣшить.—Вѣдь это онъ такъ кричитъ потому, что его такъ учили!

Теперь пришла моя очередь расхохотаться.

— Это очень рѣдко случается, замѣтилъ я:—чтобы скворецъ умѣлъ говорить столько словъ, да еще такъ отчетливо.

— Да, это, въ самомъ дѣлѣ, рѣдкій скворецъ! съ гордостью подтвердилъ сапожникъ.—Онъ умѣетъ кричать: «Eljen Кошуть!» и потомъ еще: «Ахъ ты, австриякъ-собака!»

И свворецъ принялся доказывать свое знаніе безчисленное множество разъ.

— Вы, по всей вѣроятности, хорошій патриотъ? спросилъ я его.

— Да, конечно! и старикъ при этомъ видимо приосанился.— Еще какой! Красный! Конституція—вотъ что надо!

— Вы говорите, конечно, о конституціи сорокъ восьмага года?

— Нѣтъ, о новой—шестьдесятъ седьмага года.

— Я полагалъ, что вы принадлежали къ лѣвой партіи, потому что вашъ свворецъ умѣетъ кричать «Ejjen Кошуть!»

— Нѣтъ, это, видите-ли, вотъ отчего: я выучилъ Хансля кричать эти слова еще въ шестидесятомъ году. Вѣдь тогда еще Кошуть былъ главнымъ человѣкомъ. Послѣ, въ шестьдесятъ седьмомъ году, мнѣ очень хотѣлось, чтобъ онъ выучился кричать: «да здравствуетъ король!» или, такъ какъ онъ уже привыкъ кричать Ejjen Кошуть, то чтобъ хотя умѣлъ кричать «Ejjen a Király!» Но онъ слишкомъ глупъ для этого,—сколько я съ нимъ не бился, ничего не вышло! Да, вотъ еслибъ Михель былъ живъ, это другое дѣло! Тотъ навѣрное выучился бы говорить всю молитву «Отче нашъ», еслибъ я только занялся этимъ. Но его уже нѣтъ, онъ умеръ еще въ шестьдесятъ пятомъ году.

При воспоминаніи о своемъ умершемъ любимецѣ, старикъ грустно понурилъ голову, но почти тотчасъ же прибавилъ съ озлобленіемъ:

— Собаки—австрійцы его погубили!

— Кого? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Михеля, конечно! Кого же еще?

— И его погубили австрійцы?

— Ну да! Они взяли его въ Офенъ подъ арестъ, затѣяли противъ него процессъ и потомъ убили. Знаете—за политическое преступленіе!

— Что-о-о? свворца?

— Вамъ все не вѣрится? А я говорю вамъ истинную правду; спросите кого хотите въ дѣломъ городѣ Пештѣ—всѣ объ этомъ знаютъ. Да, за политическое преступленіе! Ну, посудите сами,—сгубить такую славную пичужку!

— Да какимъ же образомъ все это случилось?

— Да вотъ подите же! а случилось это вотъ какъ! Старикъ стащилъ съ своего носа большіе очки въ роговой оправѣ и началъ:

— Въ ясный, не слишкомъ жаркій день, точь въ точь какъ

сегодня; сижу я эдакъ съ моимъ Михелемъ и болтаю всякую всячину. Ну, да вѣдь нельзя же человѣку сидѣть все молча; у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, такъ надо кое о чемъ поболтать хоть съ птицею. Вотъ я эдакъ разговариваю съ нимъ, а онъ, конечно, лепечетъ лишь то, что выучилъ— «ахъ ты, австріакъ собака!» и «Ejjen Кошутъ!» Михель понималъ все, что говорилъ, повѣрьте мнѣ, а меня понималъ лучше, чѣмъ пошелъ бы иной человѣкъ. И вотъ, пока я съ нимъ такъ сижу, а онъ болтаетъ, вдругъ, откуда ни возьмись, выскочилъ, какъ изъ земли выросъ, еще совсѣмъ молоденькій поручикъ, весь красный какъ ракъ, да какъ заоретъ: «Кто здѣсь ругается собакой? Гдѣ тотъ человѣкъ, который осмѣлился такъ обозвать меня?» А самъ весь дрожить отъ злости, словно въ лихорадкѣ.

— Господинъ поручикъ, говорю я ему:—извините, это мой Михель, скворецъ.

— Гдѣ онъ? кричитъ офицеръ, — гдѣ эта негодная бестія; я сію минуту сверну ему шею!—Тутъ я уже совсѣмъ струсилъ за моего скворушеу.

— Господинъ поручикъ, говорю я:—мой Михель не бестія, и совсѣмъ не негодный... а что вы хотите свернуть ему шею, то я вамъ этого не позволю! Вѣдь этотъ скворецъ моя собственность,—понимаете вы это, господинъ поручикъ!

Тутъ онъ ударилъ меня кулакомъ въ грудь и сталъ орать на всю улицу, что меня слѣдуетъ или разстрѣлять, или повѣсить. Потомъ побѣжалъ, но обернувшись пригрозилъ еще:

— Ну, смотри, берегись ты у меня, бунтовщикъ! Я тебя выучу разговаривать! Будешь меня помнить, когда тебя потащутъ на расправу!

— Я пештскій гражданинъ! не боюсь я никакой расправы! закричалъ я ему тоже вслѣдъ.

Потомъ взяло меня раздумье, что мы живемъ въ такое трудное и тяжелое время, когда богемцы драли насъ какъ имъ вздумается, а суда на нихъ искать было негдѣ; вотъ и стало у меня такъ страшно и тоскливо на душѣ. «Ну, Михель! сказалъ я, — это намъ съ тобою такъ не пройдетъ! Что ты надѣлалъ, Михель? Вѣдь мы оба съ тобою попались!» Какъ вы думаете? вѣдь онъ понялъ мои слова и сидѣлъ таковой скучный. И что же? вѣдь я отгадалъ! Часа черезъ два пришли двое вооруженныхъ солдатъ, схватили меня съ Михелемъ вмѣстѣ и потащили, черезъ мостъ, въ Офенъ, въ полицейское управленіе, гдѣ представили насъ—ну, не дураки-ли!—къ самому комисару, къ

господину М. Я его сейчас узналъ, это былъ пештсвій уроженецъ, но онъ передался австрійцамъ, поганецъ!

При этомъ старый саножникъ презрительно сплюнулъ.

Ну вотъ и началъ онъ меня спрашивать, какъ меня зовутъ, сколько мнѣ лѣтъ, сколько лѣтъ Михелю и давно ли онъ у меня?» — «Съ сорокъ седьмага года», говорю я. — «А когда это ты научилъ его говорить такія подлости?» спрашиваетъ онъ. — «Подлости?!» говорю я, — «нѣтъ! въ сорокъ восьмомъ году это не считалось подлостью, да и теперь въ этомъ нѣтъ ничего худаго; а ужъ если говорить о подлости, такъ скверно и подло поступили вы, господинъ фонъ М.» Я, знаете, человекъ горячій, — ну и не стерпѣлъ! Да вотъ и погубилъ этимъ и себя, и Михеля, потому что господинъ М. такъ и вспыхнулъ, да какъ закричитъ вдругъ: «Подъ арестъ его!» Тутъ меня подхватили... а моего Михеля я ужъ такъ и не видалъ съ тѣхъ поръ!

При этомъ воспоминаніи старикъ не выдержалъ и заплакалъ.

— Ну, что же было послѣ? спросилъ я его, помолчавъ немного.

— Вѣдь ужъ я сказалъ вамъ, что австрійцы дураки — стало быть, нечего больше и рассказывать! А между тѣмъ онъ всетаки продолжалъ: «Цѣлыхъ восемь дней просидѣлъ я подъ арестомъ, каждый день меня водили къ допросу и каждый день я отвѣчалъ все одно и тоже: «Въ сорокъ восьмомъ году выучилъ я Михеля говорить эти слова и тогда этого никто не считалъ за грѣхъ». Но имъ всетаки хотѣлось отъ меня какого-то признанія. «Да я больше ничего не знаю», говорилъ я имъ, и всетаки это ни къ чему не послужило. А Михелю они дали какое то дурацкое имя: — во все время они называли его «hogrus dixi». Потомъ они посадили меня въ тюрьму, какъ преступника, и выпустили оттуда только черезъ три недѣли. «А гдѣ мой Михель?» спросилъ я тюремнаго сторожа. «Онъ находится подъ слѣдствіемъ и потому его также держать подъ арестомъ, отвѣчалъ онъ, — благодари Бога за то, что тебя самого выпустили отсюда!»

— Господинъ тюремный сторожъ, шепнулъ я ему: — вотъ вамъ цванцигеръ, скажите только по совѣсти гдѣ мой Михель?

— Ну, ужъ если ты непременно хочешь знать, отвѣтилъ онъ мнѣ, — то я скажу тебѣ, что онъ умеръ. У господъ было засѣданіе, на которомъ они рѣшили, что такъ какъ онъ виновенъ въ политическомъ преступленіи, то его нужно убить. Вотъ я и подмѣшалъ ему въ кормъ крысиной отравы...

Вотъ какой конецъ былъ моему Михелю!

Мнѣ даже не нужно было впоследствии справляться «у всѣхъ, въ цѣломъ городѣ Пештѣ», чтобъ убѣдиться въ буквальной вѣрности словъ стараго сапожника. Разсказанная мнѣ имъ исторія о томъ, какъ, въ 1856 году, бѣдный скворецъ былъ приговоренъ королевско-императорскимъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни, за вольнодумнаго свойства преступныя рѣчи, хотя, въ сущности, кажется весьма забавною, но, не знаю почему, разсказъ этотъ не вызвалъ у меня смѣха, когда я, при закатѣ солнца, медленными шагами возвращался въ городъ.

К. Э. Францовъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

(Окончаніе).

IV.

Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.

Разсмотрѣвъ въ предыдущей, третьей части нашей статьи поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ 27-ми окадастрованныхъ внутреннихъ губерніяхъ, мы переходимъ теперь къ девяти западнымъ губерніямъ, а не къ остальнымъ внутреннимъ (т. е. великороссійскимъ и малороссійскимъ) губерніямъ, потому собственно, что въ западныхъ губерніяхъ устройство это уже окончено, и мы имѣемъ, также какъ и по 27 окадастрованнымъ губерніямъ, данныя для сужденія объ общихъ результатахъ сего устройства; между тѣмъ, изъ числа 9-ти внутреннихъ, неокадастрованныхъ губерній, владѣнные записи выданы, покуда, только въ двухъ губерніяхъ, а о ходѣ и настоящемъ положеніи дѣла въ остальныхъ семи губерніяхъ мы имѣемъ весьма неполныя свѣдѣнія, за неопубликованіемъ по этому дѣлу, съ 1875 года, официальныхъ отчетовъ. Вслѣдствіе сего, мы сочли болѣе удобнымъ разсмотрѣть сперва окончательные результаты поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ по западнымъ и другимъ губерніямъ, по коимъ результаты эти намъ извѣстны; а въ концѣ статьи нашей возвратиться къ тѣмъ великороссійскимъ и малороссійскимъ губерніямъ, гдѣ ра-

боты по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ еще не окончены.

На основаніи Высочайшаго указа 24-го ноября 1866 года, министерство государственныхъ имуществъ обязано было составить предположенія о примѣненіи главныхъ основаній сего указа къ тѣмъ губерніямъ, на кои дѣйствіе сего указа прямо не распространялось. Прежде всего стояли на очереди девять западныхъ губерній, т. е. 4 сѣверо-западныхъ: Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская; 2 бѣлорусскія: Витебская и Могилевская и 3 югозападныхъ: Кіевская, Подольская и Волынская.

Въ первой и второй частяхъ нашей статьи мы указали уже историческія и экономическія особенности устройства государственныхъ крестьянъ въ этихъ девяти губерніяхъ, гдѣ казенные крестьяне были прежде въ вѣдѣніи арендаторовъ казенныхъ имѣній, исполняя, въ пользу ихъ, барщину почти на помѣщицьемъ правѣ, а потомъ были переведены на оброкъ, вносимый непосредственно въ казну и исчисленный (при отсутствіи общиннаго владѣнія земель) съ каждаго домохозяина—сообразно величинѣ и доходности отведеннаго ему земельного участка,—по правиламъ такъ называемой люстраціи казенныхъ имѣній, которая имѣла цѣлью не только соразмѣреніе оброка съ надѣломъ (подобно кадастровой оцѣнкѣ во внутреннихъ губерніяхъ), но и устройство землевладѣнія крестьянъ, т. е. отводъ отдѣльнымъ домохозяевамъ земельныхъ участковъ, соответствующихъ рабочимъ силамъ и потребностямъ каждой семьи.

Мы указали также выше на невыгодныя для крестьянъ послѣдствія новой люстраціи казенныхъ имѣній, послѣшно произведенной въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, съ цѣлью возвышенія казеннаго дохода, посредствомъ надбавки къ оброкамъ и сдачи въ аренду постороннимъ лицамъ казенныхъ фермъ, образованныхъ, значительною частью, изъ угодій, бывшихъ прежде въ пользованіи крестьянъ.

Наконецъ, мы упомянули о томъ, что, для устраненія вредныхъ послѣдствій этой люстраціи, рельефно обнаружившихся во время мятежа 1863 года, министерство государственныхъ имуществъ, по настоянію генераль-губернатора графа Муравьева, образовало въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Ковенской въ 1864 г., а въ Минской въ 1866 году, изъ надежныхъ русскихъ чиновниковъ, новыя люстраціонныя комисіи, съ цѣлью правильнаго устройства землевладѣнія крестьянъ, съ прирѣзкою

къ ихъ участкамъ, изъ состава фермъ, необходимыхъ крестьянамъ угодій, и для болѣе справедливаго исчисленія оброка.

Въ такомъ положеніи застало это дѣло изданіе Высочайшаго указа 24 ноября 1866 года, разрѣшившаго въ главныхъ основаніяхъ вопросъ объ обращеніи государственныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ.

Нужно было продолжать работы люстраціонныхъ комиссій, направивъ ихъ такимъ образомъ, чтобъ онѣ послужили основаніемъ и приготовленіемъ къ окончательному поземельному устройству крестьянъ, по утвержденіи, законодательнымъ порядкомъ, предположеній о таковомъ устройствѣ. Еще до изданія Высочайшаго указа 24-го ноября 1866 года, но когда уже можно было предусмотрѣть на какихъ главныхъ основаніяхъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, была составлена и утверждена министромъ государственныхъ имуществъ, въ 1866 году, новая инструкція люстраціоннымъ комиссіямъ, соображенная уже съ ожидаемыми основаніями предстоявшаго преобразованія въ устройствѣ государственныхъ крестьянъ. Затѣмъ, въ началѣ 1867 года были внесены въ главный комитетъ предположенія о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, причемъ имѣлось въ виду:—завершить за крестьянами въ собственность надѣлы въ томъ пространствѣ и въ тѣхъ границахъ, кои будутъ опредѣлены люстраціонными комиссіями, и надѣлы этотъ предоставить крестьянамъ выкупить въ одинъ общій срокъ, соображенный съ окончаніемъ срока взноса выкупныхъ платежей бывшими крѣпостными крестьянами, дабы все сельское населеніе почти одновременно освобождено было отъ дальнѣйшаго взноса выкупныхъ платежей. Хотя нѣкоторые лица, ознакомившіяся съ этимъ проевтомъ, склонялись, какъ говорятъ, къ обложенію крестьянъ и въ западныхъ губерніяхъ безсрочною оброчною податью, но министръ государственныхъ имуществъ отстаивалъ необходимость обложенія ихъ срочными выкупными платежами, ибо, иначе, по окончаніи срока выкупа для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, бывшіе государственные крестьяне очутились-бы въ худшемъ противъ нихъ положеніи, продолжая вносить оброчную подать по прежнему. Мнѣніе А. А. Зеленаго восторжествовало въ главномъ комитетѣ и принято было въ государственномъ совѣтѣ. Затѣмъ состоялся Высочайшій указъ 16 мая 1867 года, въ силу коего границы предоставляемаго въ собственность государственныхъ крестьянъ западныхъ губерній надѣла опредѣляются люстраціон-

ными комисіями, съ допущеніемъ прирѣзки крестьянамъ свободныхъ казенныхъ земель и обмѣна угодій, безъ уменьшенія общаго, по каждому селенію, пространства существующаго надѣла. Размѣръ выкупныхъ за этотъ надѣлъ платежей, подлежащихъ взиманію впредь до 1-го января 1913 года, опредѣляется по увеличенію на 10% исчисленной люстраціонными комисіями оброчной подати. Такимъ образомъ, если оброчную подать въ 5 руб. капитализировать изъ 5%, то ежегодный взносъ въ 5 руб., увеличенный на 10%, составитъ 5 руб. 50 коп., т. е. $5\frac{1}{2}\%$ съ капитальной стоимости надѣла, изъ коихъ 5% составляетъ доходъ казны, а $\frac{1}{2}\%$ будутъ считаться погашеніемъ капитала. По опредѣленіи границъ надѣла и размѣра выкупныхъ платежей составляются, на каждое селеніе, люстраціонные акты (замѣняющіе выкупные акты, установленные для помѣщичьихъ имѣній), которые предъявляются крестьянамъ люстраціонными чиновниками при участіи мировыхъ посредниковъ и утверждаются губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. На окончаніе этихъ работъ были назначены сроки: трехлѣтній для губерній Виленской, Гродненской и Ковенской, гдѣ работы люстраціонныхъ комисій, учрежденныхъ тамъ въ 1864 г., значительно подвинулись ко времени изданія указа 16 мая 1867 года; четырехлѣтній—для Минской губерніи, и шестилѣтній—для югозападныхъ и бѣлорусскихъ губерній, гдѣ люстраціонныхъ комисій еще не было тогда открыто. По мѣрѣ утвержденія люстраціонныхъ актовъ, крестьянамъ должны выдаваться данныя на выкупаемый ими надѣлъ и затѣмъ бывшіе государственные крестьяне должны быть вполне сравнены, въ правахъ по землевладѣнію, съ крестьянами-собственниками изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ дополненіе къ постановленіямъ Высочайшаго указа 16 мая 1867 года, проектированы были министерствомъ государственныхъ имуществъ и, по рассмотрѣніи въ главномъ комитетѣ, Высочайше утверждены 20 октября 1867 года правила о составленіи люстраціонныхъ актовъ, гдѣ подробно опредѣлены порядокъ ограниченія надѣла, съ прирѣзкою необходимыхъ крестьянамъ угодій, а также и распределенія надѣла между отдѣльными домохозяевами, въ томъ числѣ и тѣми, водворенными въ казенныхъ селеніяхъ, посторонними лицами, кои припишутся къ мѣстнымъ обществамъ, подчиняясь всѣмъ повинностямъ наравнѣ съ крестьянами. Исчисленные люстраціонными комисіями выкупные платежи не должны превышать прежняго оброка болѣе чѣмъ на 30% и не должны во-

все превышать выкупных платежей, воими обложены сосѣдніе крестьяне изъ бывшихъ помѣщичьихъ. На недостаточность надѣла или обременительность выкупныхъ платежей по люстраціоннымъ актамъ крестьянамъ разрѣшено приносить жалобы губернскому присутствію, а на рѣшеніе присутствія — министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и, наконецъ, главному комитету.

Сообразно правиламъ 20 октября 1867 года, была дополнена и исправлена прежняя инструкція люстраціоннымъ комисіямъ. Затѣмъ указъ 16 мая, правила 20 октября и новая, утвержденная министромъ государственныхъ имуществъ 8 февраля 1868 года инструкція люстраціоннымъ комисіямъ, были вмѣстѣ напечатаны и изданы въ 1868 году 'особою книжкой (in 8°, 219 страницъ), для большаго удобства люстраціонныхъ чиновниковъ и чиновъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Новая инструкція только дополнила прежнюю инструкцію 1866 года и яснѣе указала способъ закончанія приговорительныхъ люстраціонныхъ работъ, для перехода къ составленію люстраціонныхъ актовъ. Но общее направленіе и техническія указанія прежней инструкціи оказались на столько соотвѣтствующими и новымъ требованіямъ, что начатыя по прежней инструкціи работы пришлось лишь продолжать и закончивать по новой, а вовсе не начинать съизнова или передѣлывать кореннымъ образомъ. Черезъ это сбережено было много труда и времени и удержана была послѣдовательность въ направленіи дѣятельности мѣстныхъ исполнителей; а ничто такъ не сбиваетъ съ толку чиновниковъ, какъ измѣненія и колебанія въ требованіяхъ начальства и непослѣдовательность въ общемъ направленіи работъ.

Люстраціонныя комисіи, учрежденныя въ 4-хъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ 1864 и 1866 годахъ, окончили свои приговорительныя работы и приступили къ составленію люстраціонныхъ актовъ въ 1869 году, а къ исходу 1871 года, люстраціонные акты въ этихъ губерніяхъ были уже утверждены губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Въ Кіевской губерніи, люстраціонная комисія была учреждена въ 1868 году; въ губерніяхъ же Подольской, Волынской и Витебской дѣйствія люстраціонныхъ комисій могли быть открыты лишь въ 1870 году, а въ Могилевской губерніи — въ 1871 году, по мѣрѣ окончанія работъ по поземельному устройству бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ и перевода оттуда люстраціонныхъ комисій, коихъ, по штату, назначено было всего пять на 9 губерній. Затѣмъ,

въ югозападныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ поземельное устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ было окончено въ 1873 и 1874 годахъ.

Что работы люстраціонныхъ комисій привели къ дѣйстви- тельному улучшенію быта бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, въ томъ можно убѣдиться чрезъ срав- неніе землевладѣнія и выкупныхъ платежей крестьянъ по лю- страціоннымъ актамъ съ надѣлами и платежами бывшихъ по- мѣщичьихъ крестьянъ, которые, благодаря повѣрочнымъ коми- сіямъ и обязательному выкупу, устроены въ западныхъ губер- ніяхъ гораздо лучше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Въ 4-хъ сѣверозападныхъ губерніяхъ, судя по офи- ціальнымъ отчетамъ, 10,937 селеніямъ, въ коихъ числится 412,685 душъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, предо- ставлено на выкупъ 2.512,057 дес. земли; на душу при- ходится земли по $6\frac{1}{10}$ дес.; выкупной платежъ составляетъ, въ средней сложности, по $67\frac{3}{4}$ к. съ десятины, тогда какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ на душу приходится всего по $4\frac{1}{2}$ дес., а платежа на десятину по $74\frac{3}{4}$ к. Слѣдовательно и тутъ надѣлъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ больше, а повинности меньше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, хотя разница въ пользу первыхъ и не такъ значи- тельна, какъ во внутреннихъ губерніяхъ.

При этомъ нужно замѣтить, что, въ сѣверозападныхъ губер- ніяхъ, удовлетворительнымъ надѣломъ бывшіе государственные крестьяне въ значительной степени обязаны дѣствіямъ послѣд- нихъ люстраціонныхъ комисій, а именно возврату крестьянамъ отрѣзанныхъ у нихъ, для образованія фермъ, угодій, прирѣзкѣ къ надѣлу и отводу безземельнымъ крестьянамъ свободныхъ казенныхъ земель. Люстраціонными комисіями надѣлено вновь до 89,269 душъ безземельныхъ крестьянъ, отставныхъ солдатъ и русскихъ переселенцевъ - старообрядцевъ, а общее про- странство крестьянскаго надѣла увеличено, противъ существо- вавшаго до послѣдней люстраціи, на 473,673 дес., при чемъ образовано, на казенныхъ земляхъ, до 930 новыхъ селеній.

Въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, средній выкупной платежъ составляетъ для бывшихъ государственныхъ крестьянъ $54\frac{1}{2}$ коп. съ десятины; въ Кіевской и Подольской—по 1 р. 14 к. и въ Волынской — отъ 39 к. до 87 к. съ десятины. Вывода о надѣлѣ на душу мы для этихъ губерній въ официаль-

ныхъ отчетахъ не нашли, а на дворъ въ Кіевской и Подольской губерніяхъ приходится земли по 9 дес.

Въ частности, по каждой изъ девяти западныхъ губерній сравненіе надѣловъ и платежей у двухъ разрядовъ крестьянъ-собственникововъ, по статистическому изслѣдованію Г. Янсона, даетъ слѣдующія цифры ¹⁾.

При разсмотрѣніи этихъ цифръ, нельзя не остановиться на Волынской губерніи, гдѣ надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ выходятъ немного меньше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а выкупные платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ ($81\frac{3}{4}$ к. съ десятины) выходятъ больше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (78 к.), что, на самомъ дѣлѣ, невозможно, коль скоро, по правиламъ о люстраціонныхъ актахъ, выкупные платежи въ бывшихъ вазенныхъ селеніяхъ сличаются, по каждому селенію, съ платежами въ сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и понижаются до размѣра сихъ послѣднихъ платежей, если бы оказались гдѣ либо выше ихъ. Это противорѣчіе общаго вывода съ фактомъ, Янсонъ объясняетъ тѣмъ, что государственные крестьяне поселены преимущественно въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ Волынской губерніи. Дѣйствительно, Овручскій и Ковельскій уѣзды и вообще, такъ называемое, Полѣсье рѣзко отличаются отъ прочихъ, плодородныхъ уѣздовъ Волынской губерніи, обиліемъ лѣсной и болотистой, малоцѣнной почвы. Изъ официальныхъ данныхъ видно, что, въ частности, по полѣскимъ уѣздамъ, выкупные платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ составляютъ только 39 к., а въ остальныхъ уѣздахъ — 87 к. съ десятины. Средняя изъ этихъ двухъ цифръ, не принимая

¹⁾ Стр. 105 и 106.

Губерніи.	Земли на душу.		Выкуп. плат. съ десятины.	
	б. госуд. десят.	б. пом. десят.	б. госуд. Руб. К.	б. пом. Руб. К.
Виленская	5,3	4,6	— 70 ¹ / ₂	— 74,4
Гродненская	4,2	3,8	— 70 ¹ / ₃	— 68,1
Ковенская	6,37	4,56	— 99 ³ / ₄	1 45
Минская	6,11	5,6	— 51	— 89 ³ / ₄
Витебская	4,17	3,8—4,8 (сред. 4,1)	— 62 ¹ / ₂ отъ до (сред. 1 15)	1 3 1 27 1 15
Могилевская	9,1	4,9	— 36	1 18
Волынская	3,61	3,97	— 81 ³ / ₄	— 78
Кіевская	4,1	2,54	1 4 ¹ / ₄	1 56
Подольская	4,36	2,39	1 3 ¹ / ₂	1 60

въ расчетъ числа десятины въ тѣхъ и другихъ уѣздахъ, составила бы 63 к. (а не $81\frac{3}{4}$ к.) съ десятины, т. е. менѣе, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ. Ясно, что избытокъ малолѣтнихъ, въ польсѣй, надѣловъ у массы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ искусственно понизилъ для нихъ средній по губернии выводъ и привелъ къ ошибочному сравненію съ размѣромъ платежей бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которые, въ сущности, и въ Волынской губернии обложены легче, чѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне.

Тою же неравномѣрностью въ распредѣленіи, по различнымъ мѣстностямъ, числа бывшихъ казенныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ селеній слѣдуетъ объяснить и незначительный, въ среднемъ по губернии выводъ, надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ Волынской губернии, а также сравнительно высокой размѣръ выкупныхъ платежей ихъ въ Гродненской губернии.

Если мы возьмемъ, по изслѣдованію Янсона, размѣръ общей суммы всѣхъ вообще повинностей, падающихъ, въ средней сложности, на каждую десятину крестьянскаго надѣла, то окажется, что бывшіе государственные крестьяне платятъ: въ югозападныхъ губерніяхъ отъ 1 р. 33 к. до 2 р. 9 к., въ бѣлорусскихъ отъ 62 к. до 1 р. 16 к., и въ сѣверозападныхъ отъ 1 р. $8\frac{1}{2}$ к. до 1 р. 45 к. съ десятины; а бывшіе помѣщичьи:—въ югозападныхъ губерніяхъ отъ 1 р. 73 к. до 3 р. 26 к. (отъ 14 до 89% болѣе), въ бѣлорусскихъ—отъ 1 р. 57 к. до 1 р. 81 к. (отъ 55% до 150% болѣе) и въ сѣверозападныхъ—отъ 1 р. 14 к. до 2 р. 1 к. (отъ $\frac{3}{4}\%$ до 60% болѣе) съ десятины.

Вообще несомнѣнно, что и въ западныхъ губерніяхъ бывшіе государственные крестьяне обеспечены лучше бывшихъ помѣщичьихъ; а какъ сіи послѣдніе обеспечены тамъ несомнѣнно лучше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, то мы можемъ, не прибѣгая вновь, — какъ мы сдѣлали это по 27 оадастрованнымъ губерніямъ, — къ подробнымъ выводамъ и доказательствамъ, прямо заявить наше убѣжденіе, что при надѣлѣ не ниже (въ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ) 4-хъ дес. на душу и при выкупныхъ платежахъ не выше 1 р. 14 к. съ десятины, — бывшіе государственные крестьяне въ западныхъ губерніяхъ, при окончательномъ поземельномъ ихъ устройствѣ, обеспечены вполне удовлетворительно, тѣмъ болѣе, что срочные выкупные платежи ихъ никогда не могутъ уже подлежать повышенію, а въ 1913 году должны вовсе прекратиться.

V.

Поземельное устройство крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ прибалтійскихъ губерній.

Послѣ западныхъ губерній, надлежало примѣнить главныя основанія Высочайшаго указа 24 ноября 1866 года къ устройству крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ прибалтійскихъ губерній, гдѣ, какъ объяснено нами въ концѣ первой части нашей статьи, была, подобно западнымъ губерніямъ, учреждена, къ 1866 году, особая комисія, изъ командированныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ специальныхъ чиновниковъ, для устройства крестьянскаго землевладѣнія и исчисленія размѣра оброка, слѣдующаго съ отведенныхъ крестьянамъ земельныхъ участковъ, сообразно доходности сихъ послѣднихъ.

Здѣсь разница въ положеніи крестьянъ, сравнительно съ западными губерніями, заключалась въ томъ: во 1-хъ, что крестьяне казенныхъ имѣній давно уже находились, наравнѣ съ крестьянами помѣщичьихъ имѣній, въ владѣніи общихъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, подчиняясь, во многихъ случаяхъ, вотчинной полиціи, представителемъ коей былъ часто, вмѣсто помѣщика или его управляющаго, арендаторъ мызныхъ угодій казеннаго имѣнія, хотя арендаторъ этотъ, со времени перевода крестьянъ на денежный оброкъ, вносимый ими непосредственно въ казну, не имѣлъ уже никакихъ поземельныхъ отношеній къ крестьянамъ и не пользовался отъ нихъ никакими повинностями; во 2-хъ, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ преобладало не просто участковое, подворное, а фермерное хозяйство, т. е. крестьяне не жили, большею частью, деревнями, владѣя землею, хотя подворно, но полосами въ разныхъ клинахъ пашень, съ общимъ пользованіемъ выгонами, какъ въ западномъ краѣ, а владѣли отдѣльными, болѣе крупными участками, съ особыми, при каждомъ, выгонами и полями, обработка коихъ превышала силы одного семейства и требовала найма рабочихъ; причѣмъ крестьяне подраздѣлялись на хозяевъ (Wirthе), владѣвшихъ участками наследственно (а не по срочнымъ аренднымъ контрактамъ, какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, со времени безземельнаго освобожденія крестьянъ) и на безземельныхъ батраковъ (Knechte), составлявшихъ, во многихъ имѣніяхъ, большинство населенія; и наконецъ, въ 3-хъ, что устройство казен-

ныхъ имѣній называлось здѣсь регулированиемъ, а не люстраціей, какъ въ западныхъ губерніяхъ, и усложнялось необходимостью отграничить и снять на планъ каждый крестьянскій земельный участокъ отдѣльно (а не надѣль цѣлаго селенія) и притомъ устранить случаи чрезполосности и обмѣнять или устранить взаимные сервитуты, т. е. права сосѣднихъ владѣльцевъ на извѣстнаго рода пользованіе чужими угодьями, какъ, на примѣръ: на выпасъ скота на чужихъ лугахъ послѣ уборки сѣна, на водопой, на прогонъ скота и проч.

Въ виду этихъ особенностей положенія крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ прибалтійскихъ губерній, министерствомъ государственныхъ имуществъ составлены были, для примѣненія къ нимъ общихъ основаній указа 24 ноября 1866 года, предположенія, влонившіяся въ тому, чтобы, оставивъ крестьянъ этихъ въ вѣдѣніи общихъ, мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, передать вотчинно-полицейскую власть, въ предѣлахъ казенныхъ имѣній, волостнымъ старшинамъ, вмѣсто арендаторовъ имѣній; затѣмъ, обративъ принадлежащее крестьянамъ-хозяевамъ наслѣдственное право пользованія отведенными имъ земельными участками—въ право собственности (какъ во внутреннихъ губерніяхъ), выдать имъ владѣнные записи, съ тѣмъ, чтобы участки были отведены въ тѣхъ границахъ, кои будутъ опредѣлены «комисією регулированія», безъ уменьшенія существующаго ихъ размѣра, но съ допущеніемъ прирѣзки крестьянамъ свободныхъ казенныхъ земель, для присоединенія къ существующимъ участкамъ недостающихъ имъ угодій и для отвода новыхъ участковъ безземельнымъ крестьянамъ, а также и обмѣна угодій для устраненія чрезполосности и сервитутовъ, и съ тѣмъ, чтобы оброчная подать была исчислена въ размѣрѣ 30 процентовъ съ опредѣленной комисією регулированія нормальной доходности угодій.

Составленный на этихъ основаніяхъ проектъ былъ отпечатанъ и сообщенъ на заключеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и прибалтійскаго генералъ-губернатора; послѣ чего содержаніе его стало извѣстно въ Ригѣ и возбудило тамъ оживленные толки.

Мѣстнымъ помѣщикамъ проектъ не могъ особенно нравиться, какъ создающій, рядомъ съ крестьянами-арендаторами въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, цѣлое сословіе крестьянъ-собственникововъ въ казенныхъ имѣніяхъ. Сторонники остзейской системы освобожденія крестьянъ безъ земли, — съ установленіемъ срочнаго арендованія крестьянами земельныхъ участковъ по

soi disant добровольному соглашенію съ помѣщиками на счетъ условій аренды, но съ правомъ помѣщиковъ отнимать участки у крестьянъ, не подчиняющихся предложеннымъ имъ условіямъ, и съ сохраненіемъ за помѣщикомъ вотчинно-полицейскаго надзора надъ крестьянами, — все еще надѣялись понемногу примѣнить эту систему и къ мѣстнымъ казеннымъ имѣніямъ, гдѣ положеніе крестьянъ не гармонировало съ общими мѣстными порядками. Были сдѣланы попытки ввести выдачу крестьянамъ казенныхъ имѣній срочныхъ по формѣ контрактовъ, подъ видомъ документовъ, опредѣляющихъ границы и пространство каждаго участка, а также и размѣръ исчисленнаго по регулированію оброка; а какъ оброкъ подлежалъ періодической повѣркѣ по новой оцѣнкѣ угодій, то это и служило предлогомъ къ выдачѣ этихъ документовъ на срокъ. Однако наследственное право владѣнія участкомъ прямо еще не оспаривалось; крестьянъ никогда съ участкомъ не стогнали и оброкъ опредѣлялся не по усмотрѣнію владѣльца земли (т. е. представителя казны — управляющаго государственными имуществами), а на основаніи правительственной оцѣнки. Тѣмъ не менѣе, съ формальной стороны, выраженіе «срочный контрактъ» было уже пущено въ ходъ, а со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно было надѣяться идти и дальше. Въ правительственныхъ сферахъ немногіе близко знаютъ остзейскіе порядки и не всегда умѣютъ во-время остановить ловкіе и осторожные подходы. Въ 1865 и 1866 годахъ, пріѣзжали въ Петербургъ вліятельные остзейцы и, ревнуя о поправленіи русскихъ финансовъ, внушали, кому слѣдуетъ, мысль о возможности значительно увеличить доходъ съ казенныхъ имѣній, если примѣнить къ нимъ экономическіе порядки, существующіе въ мѣстныхъ дворянскихъ имѣніяхъ, или, еще лучше, отдать казенныя имѣнія въ управленіе или продать ихъ мѣстному дворянству, подобно тому, какъ прежде проданы были эстляндскому дворянству нѣкоторыя казенныя имѣнія вмѣстѣ съ землями, состоявшими въ пользованіи крестьянъ. Такой оборотъ дѣла привелъ бы положеніе всѣхъ крестьянъ въ прибалтійскомъ краѣ къ одному знаменателю и устранилъ бы привилегированное положеніе крестьянъ казенныхъ имѣній, внушающее зависть прочимъ крестьянамъ и могущее развить въ нихъ недовольство своимъ положеніемъ. И вдругъ, всѣмъ этимъ планамъ конецъ! Крестьянъ казенныхъ имѣній хотятъ сразу произвести въ собственниковъ, да еще и устранить, игравшихъ роль помѣщиковъ, арендаторовъ казенныхъ мызныхъ угодій отъ пользованія правами

вотчинной полициі! Было отъ чего задуматься рижскимъ политикамъ. А когда придуманный для прибалтійскаго края проектъ новаго закона не понравится въ Ригѣ,—тогда, какъ извѣстно, дѣло затягивается. Прошелъ годъ, а объ устройствѣ крестьянъ казенныхъ прибалтійскихъ имѣній все ничего не было слышно. Вдругъ, въ началѣ 1869 года распространился слухъ, что дѣлу этому дають ходъ, но что проектъ министерства государственныхъ имуществъ будетъ обсуждаться въ остзейскомъ комитетѣ, минуя главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія и государственный совѣтъ.

Слухъ этотъ отчасти порадовалъ лицъ, интересующихся крестьянскимъ дѣломъ, возбудивъ надежду, что, такъ или иначе, вопросъ будетъ рѣшенъ, послѣ отсрочки, весьма короткой, сравнительно съ другими спорными по остзейскому краю вопросами (напримѣръ, съ вопросомъ о судебной реформѣ, который былъ сообщенъ, первоначально, на заключеніе генераль-губернатора въ 1864 году, да такъ и до сихъ поръ остается 15 лѣтъ нерѣшеннымъ); съ другой стороны, слухъ этотъ возбудилъ опасенія на счетъ исхода дѣла въ не совсѣмъ благоприятномъ для крестьянъ смыслѣ. Вскорѣ, однако, всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ были устранены обнаруженіемъ Высочайшаго именнаго указа 10 марта 1869 года, опредѣлившаго основанія для окончательнаго устройства крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ прибалтійскихъ губерній.

Въ томъ же 60-мъ (за 1869 г.) номерѣ «Правительственнаго Вѣстника», гдѣ напечатанъ былъ означенный Высочайшій указъ, помѣщено «правительственное сообщеніе», излагавшее историческій ходъ дѣла по устройству крестьянъ казенныхъ имѣній въ прибалтійскихъ губерніяхъ, объяснявшее мотивы и основанія принятыхъ въ указѣ 10 марта 1869 года мѣръ и содержавшее въ себѣ многія интересныя числовыя данныя, коими мы здѣсь и воспользуемся.

Указомъ 10 марта удержаны въ силѣ и окончательно и безповоротно закрѣплены права крестьянъ казенныхъ имѣній въ прибалтійскихъ губерніяхъ на постоянное, наследственное владѣніе отведенными имъ земельными участками. Слѣдовательно, главная, основная мысль проекта министерства государственныхъ имуществъ удержана и въ указѣ. Затѣмъ, въ частности, постановленія указа расходятся съ этимъ проектомъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1. Право вотчинной полициі въ предѣлахъ казенныхъ имѣній вообще передается волостнымъ старшинамъ; но, въ видѣ

изъятія изъ этого правила, мѣстному учрежденію (соотвѣтствующему нашимъ уѣзнымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ) предоставлено, по особо уважительнымъ причинамъ, испрашивать разрѣшеніе генераль-губернатора на передачу вотчинно-полицейскихъ обязанностей арендатору казеннаго имѣнія; а въ волостяхъ, состоящихъ частью изъ казенныхъ, частью же изъ помѣщичьихъ имѣній, — возлагать, по своему усмотрѣнію, эти обязанности на волостнаго старшину, или на помѣщика.

2. Право постоянного, наследственнаго владѣнія крестьянскими земельными участками, отведенными комиссіей регулированія, согласно предположеннымъ въ проектѣ министерства правиламъ (т. е. безъ уменьшенія, но съ допущеніемъ увеличенія существующаго размѣра участковъ), — названо въ указѣ не собственностью, а постояннымъ пользованіемъ, съ предоставленіемъ, однако, крестьянамъ права—во всякое время выкупить свои участки въ собственность, съ разсрочкою уплаты всей купчей цѣны на 49 лѣтъ или съ единовременною, по желанію крестьянъ, уплатою всей или части купчей цѣны государственными процентными бумагами по нарицательной ихъ цѣнѣ, или деньгами. При этомъ каждому крестьянину, на отведенный ему участокъ, выдается, вмѣсто владѣнной записи, регуляціонный актъ, замѣняемый при выкупѣ купчею.

При такихъ условіяхъ, разница противъ проекта министерства и противъ общихъ постановленій о государственныхъ крестьянахъ во внутреннихъ губерніяхъ заключается уже болѣе въ формѣ, чѣмъ въ существѣ правъ крестьянъ на владѣніе землею. Регуляціонные акты, наравнѣ съ владѣнными записями, обезпечиваютъ крестьянамъ неотъемлемое, постоянное владѣніе обозначенными въ актахъ угодьями, изъ платежа указанной въ тѣхъ же актахъ суммы (названной оброкомъ, вмѣсто оброчной подати), не подлежащей никакому увеличенію въ теченіе 20 лѣтъ, т. е. до 1889 года, и затѣмъ подлежащей измѣненію не иначе, какъ законодательнымъ порядкомъ, если, до того времени, оброкъ этотъ не будетъ погашенъ единовременными взносами или замѣненъ, по желанію крестьянъ, срочными выкупными платежами.

3. Сумма поземельнаго оброча, причитающагося со всѣхъ крестьянскихъ участковъ въ каждой изъ трехъ прибалтійскихъ губерній, опредѣлена въ самомъ указѣ 10 марта 1869 года, посредствомъ увеличенія существующихъ оладовъ съ небольшимъ на 30 процентовъ, и составляетъ: для Курляндской гу-

берни 557,000 р., для Лифляндской — 260,000 р. и для Эстляндской — 4,000 р. Эти общія, для каждой губерніи, суммы подлежат разверствѣ между отдѣльными крестьянскими участками, пропорціонально количеству оцѣночнаго, нормальнаго дохода, опредѣленнаго комисіей регулированія для каждаго участка. Но за угоды вновь прирѣзанныя крестьянамъ, комисіей регулированія, изъ свободныхъ казенныхъ земель, полагается дополнительный оброкъ, размѣръ коего исчисляется пропорціонально увеличенію существующаго надѣла.

Эта система опредѣленія размѣра оброка совершенно согласна съ правилами Высочайшаго указа 24 ноября 1866 года, и, по нашему мнѣнію, правильнѣе и лучше назначенія оброка въ 30% съ исчисленнаго при регулированіи дохода, ибо тутъ сумма оброка заранѣе опредѣлена закономъ, а комисіи предоставлена только правильная разверстка общей суммы между отдѣльными участками, сообразно сравнительной доходности каждаго. Такимъ образомъ устраняются: всякая зависимость абсолютной величины оброка отъ личныхъ взглядовъ оцѣнщиковъ и ихъ начальства, всякія нареканія на исполнителей за намѣренное, будто бы, общее повышеніе или пониженіе оброковъ, и всякая возможность измѣненія направленія работъ по оцѣнкѣ угодій, въ случаѣ перемѣны во взглядахъ и личномъ составѣ начальствующихъ лицъ.

Къ чему приводятъ такія перемѣны видно изъ того, что, въ Лифляндской губерніи, средній размѣръ подесятиннаго оброка, до открытія дѣйствій комисіи регулированія, составлялъ: по имѣніямъ, оцѣненнымъ при графѣ Киселевѣ до 1859 года, — 60 к.; а по имѣніямъ, оцѣненнымъ съ 1859 года — 1 р. 20 к., т. е. ровно вдвое. Теперь подобныхъ явленій опасаться нечего, и зная уже приблизительно общее пространство крестьянскихъ участковъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и опредѣленную закономъ общую сумму оброка съ нихъ, мы можемъ заранѣе хотя приблизительно опредѣлить для каждой губерніи (не исключая и Курляндской, гдѣ регулированіе еще не кончено) размѣръ средняго оброка съ десятины, который, при окончательной разверсткѣ, нивоимъ образомъ значительно увеличенъ быть не можетъ, ибо незначительная разность въ разсчетѣ можетъ зависѣть только отъ измѣненія въ числѣ десятины, на которыя дѣлится общая сумма оброка. Именно, размѣръ этотъ долженъ былъ составить: въ Курляндской губерніи 1 р. 65³/₄ к., въ Лифляндской — 93¹/₂ к. и въ Эст-

ландской — $78\frac{1}{2}$ к. съ десятины ¹⁾. Въ умѣренности этого оброка нельзя сомнѣваться, если сравнить его, не только съ оброками крестьянъ въ прибалтійскихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ они слишкомъ втрое выше (напр., въ Лифляндской губерніи слишкомъ 3 р. съ десятины всѣхъ угодій и до 8 р. съ десятины, если считать однѣ пахатныя земли), но и съ оброчною податью государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ. Напримѣръ, не только въ Московской, Ярославской и Рязанской губерніяхъ, но и въ Орловской и Тульской, оброчной подати съ десятины надѣла приходится больше, чѣмъ въ Лифляндіи; а въ Калужской губерніи, много уступающей Лифляндской въ свойствахъ почвы и условіяхъ сбыта, оброчной подати съ десятины приходится $89\frac{3}{4}$ к., т. е. всего на $3\frac{3}{4}$ к. меньше, чѣмъ въ Лифляндской губерніи и на $11\frac{1}{4}$ к. больше, чѣмъ въ Эстляндской губерніи.

4. Въ порядкѣ исчисленія выкупной стоимости участка, правила указа 10 марта 1869 года уже болѣе отличаются, въ ущербъ крестьянамъ, отъ постановленій, примѣняемыхъ во внутреннихъ губерніяхъ. Именно: выкупная сумма опредѣляется, для каждаго участка, посредствомъ капитализаціи оброка изъ $4\frac{0}{10}$ (т. е. помноженія суммы оброка на 25), а не изъ $5\frac{0}{10}$ (т. е. помноженія на 20), какъ принято для выкупа надѣловъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, — а равно и въ купленныхъ казною помѣщичьихъ имѣніяхъ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ также предоставлено на выборъ крестьянамъ выкупить надѣлъ съ разсрочкою уплаты на 49 лѣтъ $5\frac{1}{2}$ процентными взносами, или платить постоянную оброчную подать. Размѣръ разницы, зависящей отъ принятія того или другаго разчета, всего нагляднѣе можно объяснить примѣромъ.

Съ участка, съ коего причитается оброкъ 30 р., придется выкупной суммы: въ прибалтійскихъ губерніяхъ—750 р., а въ прочихъ губерніяхъ только 600 р.; а ежегодныхъ по $5\frac{1}{2}\frac{0}{10}$, въ теченіи 49 лѣтъ, платежей придется: въ первомъ случаѣ 41 р. 25 к., т. е. болѣе противъ прежняго оброка на 11 р. 25 к. или на $37\frac{1}{2}\frac{0}{10}$, а во второмъ случаѣ—33 р., т. е. болѣе противъ прежняго оброка всего на 3 р., т. е. на $10\frac{0}{10}$.

¹⁾ Цифры эти, взятые изъ правительственнаго сообщенія, напечатаннаго въ 1869 г., т. е. до окончанія регулированія, только приблизительныя, ибо основаны на не вполне еще провѣреныхъ данныхъ о количествѣ десятинъ отведенной крестьянамъ удобной, обложенной оброкомъ, земли.

Переходъ съ оброка на выкупъ тяжелѣе для крестьянъ въ прибалтійскихъ, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, тѣмъ болѣе, что и при единовременномъ погашеніи выкупной суммы процентными бумагами, имъ приходится вносить на 25% болѣе сумму. Но прибалтійскимъ крестьянамъ, при обезпеченіи имъ наследственнаго владѣнія участками, нѣтъ крайности спѣшить выкупомъ участковъ въ казенныхъ имѣніяхъ. Притомъ, весьма умѣренный размѣръ оброка дѣлаетъ необременительнымъ и взносъ выкупныхъ платежей. Въ Калужской губерніи, при оброчной подати по $89\frac{3}{4}$ к. съ десятины, пришлось бы выкупнаго платежа $98\frac{3}{4}$ к.; а въ Лифляндской губерніи (при оброкахъ въ $93\frac{1}{2}$ к.) 1 р. $28\frac{1}{2}$ к., что, сравнительно, немного, при доходности лифляндскихъ земель и удобствѣ сбыта.

Вообще, средняя выкупная цѣна десятины въ казенныхъ имѣніяхъ составитъ: въ Курляндской губерніи 41 р. 43 к., въ Лифляндской—23 р. $37\frac{1}{2}$ к. и въ Эстляндской—19 р. $62\frac{1}{2}$ к.

Между тѣмъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Лифляндской губерніи, средняя продажная цѣна десятины составляетъ отъ 61 до 66 р., т. е. втрое болѣе, чѣмъ въ казенныхъ имѣніяхъ.

Во исполненіе Высочайшаго указа 10 марта 1869 года, надлежало сперва окончить регулированіе въ каждой изъ трехъ прибалтійскихъ губерній; затѣмъ слѣдовало опредѣлить общую сумму оброка, причитающагося съ цѣлой губерніи, съ увеличеніемъ назначенной по указу суммы, пропорціонально увеличенію общаго пространства крестьянскихъ угодій отъ прирѣзки къ нимъ, комисіею регулированія, свободныхъ казенныхъ земель, и, затѣмъ, сличивъ общую сумму оброка съ общою, исчисленною комисіею, суммою нормальнаго дохода со всѣхъ крестьянскихъ участковъ въ губерніи, — опредѣлить взаимное процентное отношеніе этихъ суммъ и, наконецъ, разверстать общую сумму оброка между всѣми крестьянскими участками, назначивъ, съ каждаго участка, сумму оброка въ размѣрѣ опредѣленнаго такимъ образомъ процента съ исчисленнаго, съ угодій участка, нормальнаго дохода. Затѣмъ надлежало предъявить крестьянамъ пространство, границы участковъ и размѣры назначенныхъ оброковъ; исправить результаты регулированія по тѣмъ заявленіямъ крестьянъ, которыя окажутся основательными и, наконецъ, представить въ министерство государственныхъ имуществъ отчетъ объ общихъ результатахъ регулированія по цѣлой губерніи, а по утвержденіи этого отчета, составить и выдать крестьянамъ особыя, на каждый участокъ, регуляціонные акты. Содержаніе и форма этихъ актовъ были опредѣлены особымъ, распубликованнымъ сенатомъ, распоряженіемъ. Акты эти

пишутся на особыхъ, съ государственнымъ гербомъ, бланкахъ, на русскомъ языкѣ, съ эстонскимъ или латынскимъ переводомъ. Въ нихъ значится, что такой-то земельный участокъ, съ описаніемъ его состава, пространства и границъ, отданъ въ постоянное, наследственное пользованіе такому-то домохозяину изъ платежа такого-то оброка, размѣръ коего не можетъ быть увеличенъ до 1889 года (а послѣ того можетъ быть измѣненъ не иначе, какъ законодательнымъ порядкомъ), и съ правомъ выкупа участка на такихъ-то условіяхъ.

Далѣе оговорено, что въ случаѣ несправности домохозяина въ уплатѣ оброка и безуспѣшности всѣхъ мѣръ взысканія недоимки, распоряженіе хозяйствомъ передается одному изъ членовъ его семьи, который обязется пополнить недоимку; при невозможности же сего и при неимѣніи у домохозяина родственниковъ, кои взялись бы завѣдывать участкомъ и уплатить недоимку, — приглашаются члены того же общества, которые пожелали бы принять участокъ въ свое постоянное пользованіе, причемъ участокъ передается тому, кто предложитъ за него высшую сумму, изъ которой и пополняется недоимка, а весь остатокъ выдается на руки прежнему владѣльцу участка. Такимъ образомъ, владѣлецъ невыкупленного участка приравнивается къ собственнику, потому что, даже при неуплатѣ оброка, участокъ не отбирается въ казну, а право постоянного пользованія имъ продается съ торговъ, и вся вырученная сумма, за вычетомъ недоимки, признается собственностью прежняго владѣльца точно такъ-же, какъ при продажѣ за долги частной собственности.

Въ 1871 году было окончено регулированіе и выданы регуляціонные акты въ Эстляндской губерніи. Къ сожалѣнію, выгодами новаго, окончательнаго поземельнаго устройства воспользовались крестьяне лишь въ трехъ, оставшихся во владѣніи казны имѣніяхъ, такъ какъ остальные казенныя имѣнія въ Эстляндіи были, гораздо ранѣе, проданы мѣстному дворянству, и крестьяне этихъ послѣднихъ имѣній пользуются земельными участками по срочнымъ аренднымъ договорамъ и ограждены отъ возвышенія повинностей не болѣе, чѣмъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Въ трехъ казенныхъ имѣніяхъ Эстляндской губерніи числится 402 домохозяина, въ семействахъ коихъ 980 душъ мужскаго пола. Въ постоянное пользованіе ихъ отведено 5,093³¹/₄ дес. удобной, обложенной оброкомъ, земли, что составитъ по 12²/₈ дес. на дворъ или по 5¹/₅ дес. на душу. Незначительный, для той мѣстности, при фермерномъ хозяйствѣ, средний раз-

мѣръ подворныхъ участковъ, при большомъ надѣлѣ по расчету на душу, объясняется тѣмъ, что въ Эстляндской губерніи одно изъ казенныхъ имѣній (Вихчизби), расположенное близъ Чудскаго озера и границы Псковской губерніи, оказалось состоящимъ изъ двухъ деревень, населенныхъ чисто русскими крестьянами, владѣющими землями, хотя и по-дворно, но по-полосно, съ общимъ пользованіемъ выгонами, а вовсе не въ видѣ отдѣльныхъ фермъ. Потому-то этимъ русскимъ крестьянамъ и нельзя было выдать особый, на каждый участокъ, регуляціонный актъ; а пришлось испросить Высочайшее разрѣшеніе на выдачу, для каждой изъ двухъ деревень, общаго регуляціоннаго акта подобно тому, какъ составлялись люстраціонные акты въ западныхъ губерніяхъ.

Общая, назначенная на Эстляндскую губернію, указомъ 10 марта 1869 года, сумма поземельнаго оброка (4,000 р.), по увеличеніи ея пропорціально происшедшему, при регулированіи, увеличенію пространства крестьянскихъ угодій, вслѣдствіе прирѣзки къ нимъ свободныхъ казенныхъ земель,—составила 4,405 р. По раздѣленіи этой суммы на число десятинъ удобной, обложенной оброкомъ, крестьянской земли, окажется, что, въ средней сложности, съ десятины приходится оброка $86\frac{1}{2}$ к., съ души — 4 р. 48 к., съ двора же — 10 р. 95 к. Размѣръ подесятинаго оброка по регуляціоннымъ актамъ немного увеличился противъ приведеннаго выше приблизительнаго расчета собственно потому, что количество удобной земли, при повѣрѣхъ, нѣсколько уменьшилось противъ прежняго счета, и что изъ расчета исключены тѣ угодья, кои отведены бесплатно отставнымъ солдатамъ, школамъ и проч. и на которыя разверстка общей суммы оброка не распространялась. Но, въ дѣйствительности, къ суммѣ оброка, назначенной по указу, не сдѣлано нивакой надбавки, кромѣ причисленія оброка за вновь прирѣзанныя крестьянамъ земли. Средняя капитальная стоимость выкупленной уже, до 1875 года, крестьянами казенныхъ имѣній Эстляндской губерніи земли, (въ количествѣ $2,684\frac{3}{4}$ дес., за общую сумму 47,775 р.) составила 17 р. 79 к. съ десятины. Часть выкупной цѣны внесена крестьянами единовременно, а часть разсрочена на 49 лѣтъ, съ ежегоднымъ взносомъ по $5\frac{1}{2}\%$, что составитъ $97\frac{3}{4}$ к. съ десятины.

Въ Лифляндской губерніи регулированіе окончено было въ 1874 году, а въ 1875 году окончена выдача регуляціонныхъ актовъ. Въ сообщеніи, напечатанномъ въ № 70 «Прави-

тельственнаго Вѣстника» 1874 года, мы находимъ довольно интересныя статистическія данныя объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ крестьянъ лифляндскихъ казенныхъ имѣній.

Имѣній этихъ подлежало новому обрегулированію 123, въ коихъ числилось 47,663 ревизскихъ души мужскаго пола. Въ пользованіи крестьянъ, до открытія дѣйствій комисіи регулированія, состояло $261,691\frac{3}{4}$ дес. удобной земли, что составило бы, по расчету на душу, почти по $5\frac{1}{2}$ дес. Но, при фермерномъ хозяйствѣ, большая часть этой земли, именно 249,608 дес., состояла въ пользованіи однихъ крупныхъ домохозяевъ, образуя 6,026 хозяйскихъ участковъ, размѣромъ, въ средней сложности, около $43\frac{1}{2}$ дес. каждый. Затѣмъ 8,321 дес. приходилось на 3,625 мелкихъ бобыльскихъ участковъ, величиною каждый около $3\frac{1}{3}$ дес.; 483 дес. заключались въ 233 участкахъ (каждый около 2 дес.) отведенныхъ отставнымъ солдатамъ; а остальные $3,279\frac{1}{2}$ дес. были въ пользованіи крестьянскихъ обществъ—подъ общественными учрежденіями, выгонами, мірскими оброчными статьями, и при сельскихъ школахъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ общемъ числѣ семействъ, участвующихъ и не участвующихъ въ пользованіи землею, но, полагая на семейство, круглымъ числомъ, по $2\frac{1}{2}$ души мужскаго пола, мы можемъ принять общее число крестьянскихъ семействъ въ казенныхъ имѣніяхъ равнымъ 19,065, причемъ число это распредѣлится слѣдующимъ образомъ:

1) Семействъ крестьянъ-хозяевъ, вполне обеспеченныхъ крупными земельными участками—6,026 или $31\frac{1}{2}\%$.

2) Семействъ, владеющихъ мелкими участками, т. е. усадьбами, съ огородами, картофельными полями и маленькими выпусками для скота, т. е. такъ называемыхъ бобылей (Lostgeiber) и отставныхъ солдатъ, которые, имѣя собственные дома, скотъ и маленькое хозяйство, должны отчасти прибѣгать и въ постороннимъ заработкамъ,—3858 или $20\frac{1}{4}\%$; и

3) Семействъ вовсе безземельныхъ батраковъ, живущихъ въ хозяйскихъ помѣщеніяхъ и содержащихъ себя исключительно наемнымъ трудомъ у хозяевъ—9,181 или $48\frac{1}{4}\%$.

Слѣдовательно, не смотря на щедрый, по расчету на душу, (по $5\frac{1}{2}$ дес.) надѣлъ, безъ малаго половина крестьянъ вовсе не участвовала въ пользованіи землею,—отношеніе менѣе выгодное, чѣмъ во Франціи, гдѣ тоже ведется фермерное хозяйство, но гдѣ преобладаетъ мелкая, личная собственность

и гдѣ менѣе одной трети сельскаго населенія находится въ положеніи безземельныхъ батраковъ.

Посмотримъ теперь, на сколько измѣнились условія земледѣнія крестьянъ, вслѣдствіе новаго регулированія лифляндскихъ казенныхъ имѣній.

При регулированіи этомъ, общее пространство крестьянскихъ угодій увеличилось на $8\frac{3}{4}\%$, вслѣдствіе прирѣзки изъ свободныхъ казенныхъ земель: а) для увеличенія прежнихъ хозяйскихъ участковъ, кои терпѣли недостатокъ въ извѣстнаго рода угодьяхъ, напримѣръ, въ лугахъ, а также для увеличенія нѣкоторыхъ прежнихъ мелкихъ участковъ и доведенія ихъ до размѣра хозяйскихъ участковъ, — $3,851\frac{2}{3}$ дес.; б) для образованія новыхъ, преимущественно мелкихъ крестьянскихъ участковъ — 16,717 дес., изъ коихъ отведено: православнымъ безземельнымъ крестьянамъ, водворяемымъ по близости въ православнымъ церквамъ и школамъ, — 8,177 дес., вообще безземельнымъ крестьянамъ казенныхъ имѣній — 7,738 дес. и отставнымъ солдатамъ — 802 дес.; и в) для общественныхъ надобностей, какъ-то: подъ кладбища, школы и т. д. — 1,267 десятинъ. При этомъ прежнее число хозяйскихъ дворовъ увеличилось на 281, а число мелкихъ участковъ увеличилось на 2,699, въ томъ числѣ 750 новыхъ участковъ отведено отставнымъ солдатамъ. Новые мелкіе участки крупнѣе прежнихъ и, достигая до шести слишкомъ десятинъ и болѣе, обезпечиваютъ собою ихъ хозяевъ. Вслѣдствіе сего, въ общемъ среднемъ выводѣ, считая прежніе и новые участки, приходится кругомъ: на хозяйскій участокъ — по $43\frac{1}{3}$ дес., а на мелкій — по $4\frac{1}{2}$ дес., кромѣ солдатскихъ участковъ, имѣющихъ всего по $1\frac{3}{4}$ дес., но за то необложенныхъ оброкомъ.

По угодьямъ, отведенныя крестьянамъ земли распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

усадебной земли	3,669 дес.
пахатной	54,732 —
сѣнокосной	91,088 —
выгонной	116,563 —
перелогу	16,379 —
лѣсу	1,511 —

Это преобладающее количество выгоновъ съ перелогамъ объясняетъ значительный размѣръ хозяйскихъ участковъ, такъ какъ изъ общаго пространства участка лишь менѣе 20% или одной пятой доли приходится собственно пахатной земли, что на хозяйскій участокъ въ $43\frac{1}{3}$ дес. составитъ всего только

$8\frac{1}{2}$ дес. Тѣмъ же обстоятельствомъ обусловливается и умѣренность оброка по расчету на среднюю десятину всѣхъ вообще угодій. Но надо имѣть въ виду, что отъ хозяина зависитъ разрабатывать, постепенно, часть выгона и перелога подъ пашню. Конечно, подобное разширеніе хозяйства требуетъ такой затраты труда и капитала, которая не вдругъ можетъ окупиться, причемъ крестьяне въ помѣщичьихъ имѣніяхъ находятся и нынѣ подѣ страхомъ увеличенія арендной платы или удаленія изъ участковъ при каждомъ возобновленіи срочнаго контракта, а крестьяне въ казенныхъ имѣніяхъ могли прежде опасаться, что обращенные въ пашню выгоны и перелоги будутъ, при періодическомъ возобновленіи регулированія, обложены усиленнымъ оброкомъ, который поглотитъ большую часть выгодъ, приобретенныхъ дорогою цѣною. Но теперь, коль скоро назначенный по регуляціоннымъ актамъ оброкъ не можетъ быть возвышенъ до 1889 года, да и тогда можетъ быть увеличенъ только законодательнымъ порядкомъ, т. е. на извѣстный процентъ, а не посредствомъ новой оцѣнки доходности отдѣльныхъ угодій, — крестьяне казенныхъ имѣній смѣло могутъ приступать къ разработкѣ выгоновъ и перелоговъ. Увеличеніе, при послѣднемъ регулированіи, числа хозяйскихъ, а въ особенности мелкихъ (такъ называемыхъ бобыльскихъ, а также солдатскихъ) земельныхъ участковъ слѣдующимъ образомъ измѣнило отношеніе числа крестьянъ, пользующихся землею, къ числу безземельныхъ, противъ приведеннаго выше расчета.

Если принять то же общее число крестьянскихъ семействъ въ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндской губерніи, то оно, при выдачѣ регуляціонныхъ актовъ, распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

- 1) Семействъ крестьянъ-хозяевъ — 6,307 или 33 $\frac{0}{10}$.
- 2) Семействъ, владѣющихъ мелкими земельными участками, — 6,557 или 34 $\frac{1}{2}$ $\frac{0}{10}$; и
- 3) Семействъ безземельныхъ батраковъ — 6,201 или 32 $\frac{1}{2}$ $\frac{0}{10}$.

Такимъ образомъ число безземельныхъ крестьянъ, составлявшее, до послѣдняго регулированія, безъ малаго половину всей массы населенія казенныхъ имѣній, не достигаетъ теперь и одной трети населенія, и пропорція эта совпадаетъ съ существующею во Франціи, гдѣ большая половина поселянъ-собственникововъ довольствуется также мелкими, недостигающими 5 гектаровъ (съ небольшимъ $4\frac{1}{2}$ дес.) участками, а безземельные батраки составляютъ менѣе одной трети сельскаго населенія. При этомъ, вновь отведенные мелкіе участки, превы-

шая въ средней сложности шести-десятиный размѣръ, гораздо крупнѣе прежнихъ мелкихъ участковъ и могутъ уже обезпечить прокормленіе небольшой семьи, съ помощью временныхъ мѣстныхъ заработковъ, не отвлекающихъ крестьянъ отъ семьи и отъ обработки своихъ участковъ. Такимъ образомъ, условія землевладѣнія крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндской губерніи сравнялись съ условіями распредѣленія поземельной собственности во Франціи, гдѣ распредѣленіе это считается болѣе выгоднымъ для большинства сельскаго населенія, сравнительно съ другими государствами западной Европы.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что, при послѣднемъ регулированіи, сдѣлано все, чего можно было ожидать, относительно устройства землевладѣнія крестьянъ въ казенныхъ лифляндскихъ имѣніяхъ, такъ какъ идти еще далѣе и стремиться къ надѣленію участками всѣхъ безземельныхъ крестьянъ было невозможно, безъ нарушенія сложившихся вѣками мѣстныхъ экономическихъ условій и обычаевъ.

Надѣлить безземельныхъ крестьянъ изъ угодій, входившихъ издавна въ составъ хозяйскихъ участковъ, значило бы нарушить права прежнихъ владѣльцевъ этихъ участковъ на наследственное пользованіе ими; а свободныхъ казенныхъ земель не достало бы для наръзки изъ нихъ даже мелкихъ земельныхъ участковъ для всѣхъ, приписанныхъ къ казеннымъ имѣніямъ, безземельныхъ крестьянъ. Притомъ, со времени освобожденія лифляндскихъ крестьянъ, въ 1819 году, отъ крѣпостной зависимости, даже въ казенныхъ имѣніяхъ осѣдлое населеніе состояло только изъ семействъ, надѣленныхъ земельными участками. Безземельные же батраки составляли населеніе подвижное и причислялись къ тѣмъ волостямъ, въ предѣлахъ коихъ они нанимались годовыми работниками у крестьянъ-хозяевъ, у арендаторовъ имѣній или у помѣщиковъ. Если бы воѣ наличные, во время регулированія, въ казенныхъ имѣніяхъ безземельные крестьяне были надѣлены участками и перестали наниматься въ батраки, то арендаторамъ казенныхъ мызныхъ угодій и крестьянамъ-хозяевамъ, владѣющимъ крупными участками, требующими наемнаго труда, пришлось бы нанимать себѣ батраковъ, изъ числа крестьянъ, приписанныхъ въ сосѣднимъ помѣщичьимъ имѣніямъ; а эти батраки, съ перечисленіемъ ихъ, по мѣсту новаго жительства, въ казеннымъ волостямъ, образовали бы при нихъ новый контингентъ безземельныхъ крестьянъ. Все это произвело бы только пертурбацію въ условіяхъ найма, временное искусственное повышеніе цѣны для найма рабочихъ и вре-

менныя затрудненія для хозяевъ и помѣщиковъ. Обращеніе же всѣхъ земледѣльцевъ въ собственниковъ тамъ, гдѣ существуетъ фермерное хозяйство, — немислимо, точно такъ же, какъ немислимы ни замѣна укоренившагося вѣками фермернаго хозяйства общиннымъ владѣніемъ, ни внезапный общій переходъ крестьянъ отъ общиннаго владѣнія въ фермерному хозяйству. О преимуществахъ той или другой формы землевладѣнія можно спорить, но не слѣдуетъ касаться ихъ, пока самая жизнь не изберетъ себѣ лучшаго, для каждой мѣстности, пути. Одно только, по нашему мнѣнію, безспорно, а именно то, что сосредоточеніе всей поземельной собственности въ рукахъ слишкомъ немногихъ чрезмѣрно крупныхъ владѣльцевъ, съ обращеніемъ всей почти массы земледѣльцевъ въ пролетаріевъ — несправедливо и вредно какъ экономически, такъ и политически; напротивъ того, полезно и желательно, чтобы, рядомъ съ крупными землевладѣльцами, были средніе и мелкіе собственники, или, по крайней мѣрѣ, земледѣльцы, обезпеченные въ постоянномъ, непосредственномъ пользованіи землею, въ количествѣ, потребномъ для прокормленія семьи, хотя бы даже съ помощью нѣкоторыхъ заработковъ, и чтобы безземельные батраки не составляли большинства сельскаго населенія. Эта цѣль въ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндской губерніи достигнута вполне. Та же цѣль могла бы быть легко достигнута и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Лифляндской губерніи, если бы дѣло это не было окончательно испорчено тамъ безземельнымъ освобожденіемъ крестьянъ въ 1819 году.

Переходимъ къ вопросу объ оброкахъ крестьянъ.

Назначенная для Лифляндской губерніи общая сумма поземельнаго оброка (260,000 р.), по увеличеніи оной пропорціонально количеству прирѣзанныхъ крестьянамъ свободныхъ казенныхъ земель, составила 281,491 р. Эту сумму надлежало распределить между отдѣльными крестьянскими земельными участками и соразмѣрно исчисленному съ каждаго участка оцѣночному доходу, общая сумма коего составила, со всей отведенной крестьянамъ земли, 631,214 р. По взаимному отношенію суммъ оцѣночнаго дохода и оброка, пришлось, при разверсткѣ, съ каждаго 100 р. дохода брать по 44 р. 59 к., или, круглою суммою, по 45 р. оброка. По этому расчету пришлось съ каждой десятины (за исключеніемъ земель, отведенныхъ бесплатно школамъ и отставнымъ солдатамъ) брать оброка по 1 рублю 1 копейкѣ, что приводитъ къ капитальной оцѣнкѣ десятины, для выкупа, (по капитализаціи оброка изъ 4 про-

центо́въ) въ 25 р. 25 к., и къ исчисленію выкупнаго, съ средней десятины, ежегоднаго, въ теченіи 49 лѣтъ, платежа въ 1 р. 39 к.

Средній, весьма умѣренный размѣръ по-десятиннаго оброка значительно измѣняется по отношенію въ каждому роду угодій отдѣльно, а именно, приходится за десятину:

усадебной земли	7 р. 86 к.
пахатной	3 » 18 »
сѣнокошовой	— » 55 »
выгонной	— » 19 »

При переводѣ на принятую въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оцѣночную единицу, съ одного оцѣночнаго талера придется оброка по 4 р. 52¹/₂ к. Лифляндскій крестьянскій непрерывно-доходный банкъ, при выдачѣ ссудъ для выкупа крестьянскихъ участковъ, принималъ (на основаніи положенія 1849 года) за нормальную оцѣнку угодій по 4 р. за талеръ. Теперь же, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ рѣдко гдѣ крестьяне платятъ не болѣе 6 р. за талеръ, а чаще платятъ по 8 и до 10 р. за талеръ и даже выше.

Съ хозяйскаго, т. е. крупнаго участка, придется, въ сложности, по 40 р. 82 к. оброка, а съ мелкаго участка по 4 р. 23 к. Цѣны эти мы считаемъ умѣренными. Говорятъ, будто многіе крестьяне выкупили уже свои участки, но официальныхъ свѣдѣній о томъ не опубликовано.

Въ Курляндской губерніи регулированіе и до сихъ поръ не окончено и что тамъ дѣлается—неизвѣстно, ибо въ отчетѣ за 1875 годъ было объяснено, что работы приостановились тамъ, въ ожиданіи окончанія работъ въ Лифляндіи, а съ 1875 года, когда всѣ работы были въ Лифляндіи окончены, никакихъ отчетовъ болѣе не публиковалось.

VI.

Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ неокadaстрованныхъ губерніяхъ.

Въ предыдущихъ частяхъ нашей статьи мы изложили результаты поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ 27 okadaстрованныхъ внутреннихъ губерніяхъ, въ 9 западныхъ и въ двухъ прибалтійскихъ губерніяхъ (не

считая Курляндской, гдѣ устройство это еще не окончено),— а всего въ 38 губерніяхъ. Теперь намъ остается объяснить ходъ и настоящее положеніе этого дѣла въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи.

Предстоящая въ этихъ губерніяхъ задача,—по отношенію къ опредѣленію пространства, границъ и сравнительной доходности надѣла государственныхъ крестьянъ и къ разверсткѣ, между селеніями, оброчной подати,—усложнилась, сравнительно съ разсмотрѣнными нами прежде губерніями, тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь земли, состоявшія въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, не только никогда не были въ прежнее время оцѣнены, для переложенія оброчной подати съ душъ на земли, сообразно пространству и сравнительной доходности надѣла каждаго селенія, но не были даже, вообще, правильно отграничены и измѣрены. Здѣсь крестьяне продолжали (а частью продолжаютъ и до сихъ поръ) платить оброчную подать по душевымъ овладамъ, независимо отъ пространства и доходности владѣемой ими земли. Здѣсь надлежало сперва отграничить, по всѣмъ селеніямъ, крестьянскій надѣлъ, снять его на планъ, опредѣлить сравнительную доходность надѣла каждаго селенія, а затѣмъ уже приступить къ разверсткѣ оброчной подати и, наконецъ, къ составленію и выдачѣ владѣнныхъ записей. Въ окадастрованныхъ прежде губерніяхъ надлежало только, какъ объяснено нами выше (въ III-й части этой статьи), повѣрить и исправить результаты прежнихъ отграниченій, положенія и оцѣнки крестьянскихъ угодій; а здѣсь приходилось всѣ эти работы производить вновь и на огромныхъ пространствахъ. Прежде всего надлежало опредѣлить порядокъ производства этихъ работъ, стараясь достигнуть цѣли возможно упрощенными способами, дабы не затянуть окончанія дѣла на слишкомъ долгій срокъ. При этомъ слѣдовало допустить нѣкоторое различіе въ системѣ отграниченія надѣловъ для различныхъ группъ губерній и для отдѣльныхъ губерній, находящихся въ особыхъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи, неокадастрованныя губерніи распределяются слѣдующимъ образомъ:

1) Шесть сѣверныхъ и восточныхъ губерній (Вологодская, Вятская, Олонецкая, Оренбургская, Пермская и Уфимская), отличающіяся тѣмъ, что тамъ, во многихъ мѣстностяхъ, часть крестьянскаго надѣла вовсе не имѣетъ постоянныхъ границъ, ибо крестьяне выжигаютъ участки казеннаго лѣса, распахиваютъ ихъ и, по снятіи двухъ-трехъ урожаевъ, снова

запускаютъ ихъ подъ лѣсъ, а вмѣсто нихъ расчищаютъ себѣ пашни въ другомъ мѣстѣ.

2) Архангельская губернія, которая хотя сходна отчасти, въ этомъ отношеніи, съ предъидущими, но отличается отъ нихъ слабымъ развитіемъ лѣсныхъ расчистокъ, рѣдкостью населенія, сгруппированнаго исключительно по берегамъ рѣкъ, и крайне малымъ (особенно при обилии земель) размѣромъ обрабатываемой крестьянами земли, требующей очень усердной и спѣшной обработки и усиленнаго удобренія, чтобы хлѣбъ успѣлъ созрѣть въ теченіи короткаго лѣта,—такъ что крестьяне живутъ рыбными и другими промыслами, а далеко не исключительно хлѣбопашествомъ, хотя свотоводство у нихъ еще порядочно развито.

3) Малороссійскія (Черниговская и Полтавская) губерніи, гдѣ надѣлъ постоянный, но гдѣ границы этого надѣла могутъ быть окончательно опредѣлены лишь по мѣрѣ окончанія производящагося тамъ спеціального и генеральнаго межеванія.

4) Губерніи Бессарабская и Ставропольская хотя и не были поименованы въ числѣ тѣхъ 36 губерній, на которыя прямо распространялось дѣйствіе Высочайшаго указа 24 ноября 1866 года, но къ нимъ представлялось возможнымъ примѣнить постановленія сего указа еще съ меньшими затрудненіями, чѣмъ къ поименованнымъ выше девяти губерніямъ.

Разсмотримъ теперь изданныя, для поименованныхъ выше 11 губерній, дополнительныя, къ указу 24 ноября 1866 года, постановленія и результаты примѣненія сихъ постановленій.

1.

Порядокъ отграниченія надѣла и развертки оброчной подати въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ опредѣленъ особою, Высочайше утвержденною 15 октября 1869 года, инструкціею.

При составленіи этой инструкціи надлежало, главнымъ образомъ, разрѣшить двѣ задачи, а именно: во 1-хъ, установить порядокъ замѣны временнаго, непостояннаго и почти произвольнаго пользованія угодьями въ предѣлахъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ,—отводомъ крестьянамъ постояннаго надѣла въ опредѣленныхъ границахъ, и во 2-хъ, изыскать упрощенный, но достигающій цѣли способъ опредѣленія сравнительной доходности крестьянскихъ угодій, для развертки оброчной подати.

Въ этихъ губеріяхъ, многія сельскія общества государственныхъ крестьянъ, владѣя, при своихъ селеніяхъ, небольшимъ

количествомъ земли, въ видѣ усадебъ, луговъ и пашень, обрабатываемыхъ по трехпольной системѣ съ удобреніемъ, каждые два-три года расчищали и выжигали известное количество десятинъ въ лѣсу, пахали ихъ два-три года безъ удобренія, а по истощеніи почвы, бросали эти расчистки и разрабатывали себѣ новую, временную пашню въ другомъ мѣстѣ. Сохранить такой порядокъ, при отводѣ крестьянамъ надѣла въ собственность по владѣннымъ записямъ, было невозможно. Крестьяне сдѣлались бы собственниками только слишкомъ недостаточнаго для нихъ пространства постоянно обрабатываемыхъ ими угодій и приобрѣли бы, на вѣчныя времена, сервитутное право производства расчистовъ въ казенныхъ лѣсахъ, — что сдѣлало бы немыслимымъ введеніе правильнаго лѣснаго хозяйства и грозило бы нераціональнымъ истребленіемъ лѣсовъ, которые, съ развитіемъ горнаго промысла, уже теперь дорожаютъ въ тѣхъ губерніяхъ и должны быть охраняемы и разумно эксплуатируемы, какъ запасъ для будущихъ поколѣній и для обезпеченія развитія горнаго дѣла. Но, съ другой стороны, нельзя было не только ограничить крестьянскій надѣлъ ничтожнымъ размѣромъ ихъ постоянныхъ угодій, но и опредѣлить размѣръ надѣла по какой либо общей нормѣ, достаточной, по расчету, для обезпеченія крестьянъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, ибо внезапный, вынужденный переходъ съ залежнаго хозяйства въ трехпольному, требующему удобренія, былъ бы для крестьянъ слишкомъ затруднителенъ и чрезмерно ограничилъ бы размѣры запашекъ, при недостаткѣ удобренія. Потому признано было справедливымъ, въ составъ отводимаго крестьянамъ надѣла ввести, кромѣ постоянныхъ ихъ пашень, усадебъ и луговъ, такое количество не особенно цѣнныхъ лѣсныхъ угодій, которое дозволило бы крестьянамъ продолжать переложное хозяйство въ предѣлахъ своего надѣла.

Количество десятинъ лѣсныхъ угодій, какое слѣдуетъ присоединить къ постоянному надѣлу каждаго селенія, взаимнѣ отмѣняемаго права крестьянъ производить расчистки въ казенныхъ лѣсахъ, опредѣлено по особому расчету, основанному на соотношеніи пространства обрабатываемыхъ крестьянами переложныхъ (или такъ называемыхъ ядинныхъ) пашень къ числу лѣтъ, въ теченіе коихъ расчищенное пространство можетъ, по мѣстнымъ обычаямъ и условіямъ, пахаться сряду безъ удобренія, и къ числу лѣтъ, на какое пространство это должно быть оставлено затѣмъ въ залежи, для зарощенія лѣсомъ и восстановленія производительности почвы до новой, на томъ же мѣ-

стѣ, расчистки. Такъ, напримѣръ, если крестьяне пашутъ на перелogaхъ три года сряду и оставляютъ затѣмъ землю въ залежи на 12 лѣтъ, то изъ каждаго 15-ти дес. будутъ ежегодно подъ пашней 3 десятины, а подъ залежью 12 дес., т. е. пространство залежи вчетверо превзойдетъ пространство запашки, и потому, дабы дать крестьянамъ возможность вести прежнее хозяйство, нужно отвести имъ на каждую десятину залежной пашни, еще по 4 дес. лѣсу; а всего отвести въ надѣлъ по 5 дес. взаимно каждой десятины дѣйствительно обрабатываемой ими залежной пашни. По этому же расчету, пришлось бы отвести крестьянамъ по 7 дес. за одну, если бы расчистки находились подъ пашней только два года сряду и оставались въ залежи тоже 12 лѣтъ, или при распашкѣ три года сряду и при оставленіи въ залежи на 18 лѣтъ, — и такъ далѣе, увеличивая число десятинъ, зачисляемыхъ за одну десятину залежной пашни, по мѣрѣ уменьшенія числа лѣтъ запашки на одномъ мѣстѣ сряду и увеличенія числа лѣтъ оставленія земли въ залежи.

При такомъ расчетѣ устраняется уже абсолютное значеніе высшей нормы надѣла государственныхъ крестьянъ по 15 дес. на душу, ибо отводимыя, въ счетъ этой нормы, взаимно права расчистокъ, лѣсныхъ угодій вводятся въ расчетъ не полнымъ количествомъ, а считая нѣсколько десятинъ за одну. Такимъ образомъ, если крестьяне имѣютъ постоянныхъ угодій по 3 дес. на душу и сверхъ того распахивали въ лѣсу по 3 дес. на душу, пользуясь расчисткой по 3 года сряду и оставляя ее въ залежи по 12 лѣтъ, — то въ постоянный, на будущее время, надѣлъ имъ слѣдуетъ отвести, сверхъ прежнихъ 3 дес. постоянныхъ угодій, еще по 15 дес. (считая 5 дес. за одну) лѣсныхъ угодій подъ расчистку, а всего по 18 дес. на душу. При зачетѣ по 7 дес. за одну, пришлось бы всего надѣла по 24 дес. на душу. Очевидно, что инструкция 1869 года обезпечила бывшимъ государственнымъ крестьянамъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній вполне достаточный надѣлъ.

По отграниченіи, на этомъ основаніи, надѣловъ по цѣлой губерніи, по предъявленіи этихъ надѣловъ крестьянамъ и исправленіи ихъ согласно уважительнымъ ихъ возраженіямъ, надлежитъ, не прибѣгая къ сложной кадастровой оцѣнкѣ отдѣльныхъ угодій, опредѣлить, упрощеннымъ способомъ, при участіи выборныхъ отъ самихъ крестьянъ, сравнительную доходность надѣловъ по цѣлымъ селеніямъ и затѣмъ разверстать общую, слѣдующую съ каждой губерніи сумму оброчной подати, между отдѣльными

селениями, уже не по числу душъ, а пропорціонально пространству и сравнительной доходности надѣла каждаго населенія.

Въ этихъ постановленіяхъ заключается сущность инструкціи 15 октября 1869 года.

Производство приговорительныхъ, для составленія владѣнныхъ записей, работъ въ шести сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ могло быть начато лишь по мѣрѣ окончанія выдачи владѣнныхъ записей въ другихъ губерніяхъ, откуда переводились командированные туда специальные чиновники, число коихъ, опредѣленное штатомъ, не дозволяло начать работы во всѣхъ губерніяхъ разомъ. Поэтому работы были начаты: въ концѣ 1869 г.—въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ; въ 1870 г.—въ Вятской; въ 1871 г.—въ Олонецкой, и въ 1872 г.—въ Пермской и Вологодской губерніяхъ.

Изъ числа этихъ губерній, въ концѣ 1874 года, поземельное устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ (за исключеніемъ такъ называемыхъ припущенниковъ, о коихъ будетъ сказано ниже) было окончено, и владѣнные записи были выданы только въ двухъ губерніяхъ: Уфимской и Оренбургской, гдѣ, въ 800 слишкомъ селеніяхъ, на 176,400 душъ мужскаго пола, отведено въ надѣлъ около 2.320,000 десятинъ удобной земли, не считая ни лѣснаго надѣла, ни неудобныхъ земель.

Обмежеваніе и отграниченіе надѣла на пространствѣ 2.320.000 десятинъ, съ опредѣленіемъ сравнительной его доходности по каждому изъ 800 селеній и съ составленіемъ и выдачею затѣмъ владѣнныхъ записей, представляло собою трудъ, выполненіе коего, конечно, требовало не менѣе употребленныхъ на то пяти лѣтъ, хотя въ этихъ двухъ, преимущественно степныхъ, а не лѣсныхъ губерніяхъ, почти не было случаевъ примѣненія самой сложной изъ предписанныхъ инструкціей 1869 года операций, т. е. замѣны переложныхъ пашень въ лѣсахъ отводомъ постоянного надѣла.

Результаты поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ этихъ двухъ губерніяхъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Уфимской губерніи надѣлъ составилъ на душу 6,8 дес., т. е. въ полтора раза болѣе противъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ по 4,3 дес. на душу; а оброчная подать, по владѣннымъ записямъ, составляетъ: на душу 3 р. 71 к. (почти вдвое менѣе противъ выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, равныхъ 6 р. 64 к.), а на десятину — 54 $\frac{1}{2}$ к., т. е. втрое менѣе противъ тѣхъ же выкупныхъ платежей, составляющихъ по 1 р.

54 к. съ десятины. Общая сумма всѣхъ повинностей, падающихъ на десятину надѣла, составляетъ въ Уфимской губерніи, по изслѣдованію г. Янсона, для бывшихъ государственныхъ крестьянъ—97 к., а для бывшихъ помѣщичьихъ—2 р. 26 к., т. е. слишкомъ вдвое болѣе. Въ Оренбургской губерніи, средней надѣлъ на душу составилъ 13,7 дес., т. е. слишкомъ вдвое болѣе противъ надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (6,4 дес.); оброчная же подать составляетъ: на душу 3 р. 61³/₄ к., а на десятину 26¹/₃ к., т. е. противъ выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по расчету на душу, почти вдвое менѣе (у тѣхъ—7 р. 7 к.), а на десятину слишкомъ въ четыре раза менѣе, ибо у тѣхъ приходится по 1 р. 10¹/₂ к. Всѣхъ вообще повинностей приходится съ десятины надѣла (по изслѣдованію г. Янсона) у бывшихъ государственныхъ крестьянъ Оренбургской губерніи—41 к., а у бывшихъ помѣщичьихъ 1 р. 60 к., т. е. почти въ четыре раза болѣе. Кажется не остается сомнѣнія въ томъ, что бывшіе государственные крестьяне и въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ вполне достаточно обезпечены надѣломъ, обложеннымъ весьма умѣренной оброчною податью.

Что касается остальныхъ четырехъ губерній: Вологодской, Вятской, Олонецкой и Пермской, то мы не можемъ судить, не только о будущихъ результатахъ поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ, но и о настоящемъ положеніи производящихся тамъ работъ по отграниченію крестьянскаго надѣла. Изъ послѣдняго опубликованнаго отчета о ходѣ этихъ работъ, мы знаемъ только, что въ этихъ четырехъ губерніяхъ числится 38, 733 селенія, съ 1.487,811 душами мужскаго пола государственныхъ крестьянъ, и что въ концѣ 1875 года былъ окончательно отграниченъ и предъявленъ крестьянамъ надѣлъ по 11,289 селеніямъ на 509,102 души, коимъ отведено 4.952,266 дес. земли, — что составитъ около 9³/₄ дес. на душу. По сравненію съ общимъ числомъ душъ въ этихъ четырехъ губерніяхъ, исполнено было въ 1875 году около одной трети всѣхъ предстоявшихъ работъ по отграниченію надѣла; но, въ частности, по губерніямъ, работы подвинулись не одинаково: именно, въ Вятской губерніи отграниченъ былъ въ 1875 году надѣлъ для большей половины (56¹/₂%) общаго числа душъ; въ Вологодской и Пермской исполнено было гораздо менѣе одной четверти (7% и 18%) предстоявшихъ работъ, а въ Олонецкой губерніи вовсе не показано пространство отграниченнаго крестьянамъ надѣла. Раз-

мѣръ отграниченнаго надѣла по расчету на душу колеблется между 7¹/₂ дес. (по Вологодской губ.) и 12 дес. (по Пермской губ.); но эти цифры могутъ, при дальнѣйшемъ ходѣ работъ по остальнымъ селеніямъ, значительно измѣниться въ общемъ, по губерніямъ, среднемъ выводѣ, въ особенности если работы начаты были съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ менѣе развито переложное, подсѣчное или лядинное хозяйство и гдѣ рѣже приходилось замѣнять временныя лѣсныя пашни отводомъ постоянного надѣла, считая по нѣскольکو десятинъ надѣла за одну десятину лѣсной пашни. Насколько подвинулись работы и въ какомъ онѣ привели результатамъ въ послѣдніе четыре года, намъ остается, въ сожалѣнію, совершенно неизвѣстнымъ, ибо дѣло, которое до 1875 года велось при полной гласности хода и результатовъ работъ, вдругъ облеклось, почему то, въ канцелярскую тайну, возбуждившую, по обыкновенію, разные толки, предположенія и слухи, вѣроятно весьма далекіе отъ истины.

Такъ, напримѣръ, по слухамъ отъ пріѣзжихъ изъ тѣхъ губерній, рассказывали, будто работы мало подвинулись за послѣдніе годы собственно потому, что пришлось измѣнить прежнее направленіе работъ и даже передѣлывать исполненныя работы, во избѣжаніе отвода крестьянамъ, въ ущербъ казеннымъ лѣсамъ, слишкомъ громаднаго надѣла, при принятомъ зачетѣ нѣсколькихъ десятинъ надѣла за одну десятину пашни; другіе объясняли замедленіе въ ходѣ работъ неудовлетворительностью произведенныхъ слишкомъ поспѣшно, до 1875 года, работъ, требовавшихъ исправленія въ техническомъ отношеніи, какъ, напримѣръ, яснаго обозначенія, на планахъ и въ натурѣ, границъ надѣла каждаго отдѣльнаго селенія, не довольствуясь общимъ указаніемъ, на одномъ планѣ, окружныхъ границъ цѣлой дачи, отведенной въ надѣлъ нѣсколькимъ селеніямъ. Слухи эти представляются намъ неправдоподобными по слѣдующимъ соображеніямъ: измѣненіе въ общемъ направленіи работъ по отграниченію надѣловъ и въ размѣрѣ угодій, подлежащихъ отводу взамѣнъ лѣсныхъ пашень, могло бы послѣдовать лишь послѣ соотвѣтственнаго измѣненія подлежащихъ статей Высочайше утвержденной 15 октября 1869 года инструкціи и послѣ обнародованія новыхъ, по этому предмету, постановленій въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», тѣмъ же порядкомъ, каковымъ была опубликована самая инструкція 1869 года, — а этого до сихъ поръ не было. Притомъ уменьшеніе размѣра подлежащаго отводу крестьянамъ надѣла, въ особенности по тѣмъ селеніямъ, гдѣ

надѣлъ уже ограниченъ и предъявленъ крестьянамъ, представляеть собою такую мѣру, на которую едвали рѣшится правительство, тѣмъ болѣе, что практическіе результаты произведеннаго уже по цѣлой трети селеній ограниченія надѣла вовсе не таковы, чтобы они могли оправдывать собою подобную мѣру, коль скоро средній надѣлъ на душу вышелъ далеко не громадный, составляя всего отъ $7\frac{1}{2}$ до 12, а въ сложности $9\frac{3}{4}$ дес., т. е. менѣе, чѣмъ въ Оренбургской губерніи, гдѣ владѣнные записи уже выданы. Съ другой стороны, если и могли оказаться частныя недодѣлки и несовершенства въ работахъ, произведенныхъ съ 1872 по 1875 годъ, то трудно предположить, чтобы частныя случаи такого рода могли быть обобщены на столько, чтобы они потребовали общей передѣлки, произведенныхъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, работъ и начатія работъ этихъ сѣзнова. Съ 1872 года (когда начались или развились начатія немного ранѣе работы въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ) и до сего времени во главѣ министерства государственныхъ имуществъ стоитъ одно и то же лицо, а потому трудно допустить, чтобы производившіяся, въ теченіи трехъ-четырехъ лѣтъ, подъ его руководствомъ и наблюденіемъ, работы были потомъ имъ же признаны вообще непригодными и требующими огульной передѣлки; частныя же исправленія въ планахъ, какъ-то: нанесеніе на нихъ и обозначеніе въ натурѣ границъ надѣла отдѣльныхъ селеній въ чертѣ одной общей дачи и т. п., не могли бы потребовать общей передѣлки прежнихъ работъ и не должны бы существенно задерживать дальнѣйшаго хода работъ по ограниченію надѣла. Затѣмъ мы можемъ объяснить возникновеніе приведенныхъ выше слуховъ только желаніемъ лицъ, интересующихся ходомъ дѣла устройства государственныхъ крестьянъ, но лишенныхъ возможности, за прекращеніемъ опубликованія официальныхъ о ходѣ этого дѣла отчетовъ,—разгадать, какъ нибудь, причину вѣжущагося замедленія работъ по ограниченію надѣловъ. Дѣйствительно, интересно бы знать, что сдѣлано по этому предмету къ нынѣшнему году въ Вятской губерніи, гдѣ четыре года назадъ уже половина работъ была окончена? а также—подвинутся ли, наконецъ, работы въ Олонецкой губерніи, гдѣ онѣ начаты были въ 1872 году, а въ 1875 году еще ни одному селенію надѣлъ не былъ окончательно ограниченъ?

2.

Архангельская губернія находится въ исключительномъ положеніи въ томъ отношеніи, что крестьяне ведутъ тамъ довольно интенсивное хозяйство, ограничиваясь обработкою по одной и даже менѣ десятины пашни на душу, не по недостатку земель, а потому, что, по климатическимъ условіямъ, хлѣбъ успѣваетъ созрѣть лишь при спѣшной и тщательной обработкѣ почвы и при сильномъ удобреніи, требующемъ достаточнаго количества скота и возможномъ лишь по берегамъ рѣкъ, гдѣ есть обиліе заливныхъ луговъ. Расчистки въ лѣсахъ тамъ еще мало развиты и практикуются преимущественно отдѣльными, наиболѣе предприимчивыми домохозяевами, а не цѣлыми обществами. Тутъ закрѣпленіе теперь за крестьянами надѣла въ границахъ существующаго пользованія черезъ-чуръ стѣснило бы будущее развитіе земледѣльческой промышленности, оставивъ крестьянъ при надѣлѣ въ какія нибудь двѣ десятины на душу. Съ другой стороны, тутъ рано еще думать объ огражденіи бездоходныхъ казенныхъ лѣсовъ отъ крестьянскихъ расчистокъ и распашекъ, а надо заботиться о расширеніи области хлѣбопашества, для обезпеченія населенія продовольствіемъ. Тутъ не только не ограничиваются, а напротивъ, поощряются крестьянскія расчистки, предоставленіемъ каждому крестьянину лично, наслѣдственно и бесплатно пользоваться, въ теченіи 40 лѣтъ, расчищеннымъ и впервые обработаннымъ имъ въ лѣсу пространствомъ. При такихъ условіяхъ, примѣненіе къ Архангельской губерніи инструкціи 1869 года, а затѣмъ выдача крестьянамъ владѣнныхъ записей, были бы преждевременны и скорѣе вредны теперь, чѣмъ полезны.

Потому-то, согласно Высочайше утвержденному 9 ноября 1870 года мнѣнію государственнаго совѣта, производство работъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ въ Архангельской губерніи отложено до особаго распоряженія, т. е. на неопредѣленное время.

3.

Въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ (Черниговской и Полтавской), гдѣ производится теперь генеральное и специальное межеваніе, воимъ будутъ юридически опредѣлены границы

и пространство каждаго земельного владѣнія, съ устраненіемъ при этомъ чрезполосности, — задача чиновъ министерства государственныхъ имуществъ по отграниченію крестьянскаго надѣла, съ одной стороны, облегчается, ибо имъ придется вести свои работы вслѣдъ за межеваніемъ и пользоваться готовыми его результатами (начинать отграниченіе тамъ, гдѣ юридическое межеваніе не кончено, было бы бесполезно, коль скоро границы владѣній могутъ при межеваніи измѣниться), а съ другой стороны, окончаніе работъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ чрезъ это замедляется, находясь въ зависимости отъ времени окончанія, въ каждомъ уѣздѣ, межеванія. Послѣднее обстоятельство вызвало необходимость установить для малороссійскихъ губерній особый порядокъ разверстки оброчной подати, сперва между всѣми уѣздами каждой губерніи, а потомъ уже между селеніями по каждому уѣзду отдѣльно, ибо иначе, для разверстки оброчной подати между всѣми селеніями по цѣлой губерніи одновременно, пришлось бы ожидать совершеннаго окончанія межеванія во всей губерніи; теперь же, владѣнныя записи могутъ быть выданы по тѣмъ уѣздамъ, гдѣ межеваніе будетъ ранѣе окончено, не ожидая окончанія его по прочимъ уѣздамъ той же губерніи.

Порядокъ разверстки оброчной подати въ малороссійскихъ губерніяхъ установленъ, на этомъ основаніи, Высочайше утвержденною 15 декабря 1872 года инструкціею; при этомъ собраніе свѣдѣній объ общемъ пространствѣ и сравнительной доходности земель крестьянскаго надѣла въ каждомъ уѣздѣ и пропорціональное тому опредѣленіе той доли общей, по цѣлой губерніи, суммы оброчной подати, какая должна падать на каждый уѣздъ, возложено на чиновъ по составленію владѣнныхъ записей, съ представленіемъ такой разверстки на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и на утвержденіе министровъ государственныхъ имуществъ и финансовъ.

Работы по поземельному устройству бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ малороссійскихъ губерніяхъ начаты въ 1873 году. Разверстка оброчной подати между уѣздами уже сдѣлана и утверждена. Результаты этой разверстки опубликованы не были, но, судя по тому, что намъ случилось слышать о нихъ въ бытность нашу въ Малороссіи, разверстка эта должна привести къ нѣкоторому увеличенію оладовъ оброчной подати въ лучшихъ уѣздахъ и къ существенному облегченію крестьянъ въ бѣднѣйшихъ уѣздахъ. Существующій подушный оладъ оброчной подати составлялъ, по всѣмъ уѣздамъ, съ небольшимъ по

3 р. съ души, независимо отъ пространства и качества надѣла. По разверствѣ оброчной подати придется съ десятины надѣла— почти до полутора рубля въ лучшихъ уѣздахъ (Конотопскомъ, Черниговской и Прилуцкомъ, Полтавской губерніи) и съ небольшимъ лишь по 40 к. въ худшихъ уѣздахъ Черниговской губерніи (Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и Суражскомъ), гдѣ, вслѣдствіе этого, и съ души придется оброчной подати отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 50 к., т. е. менѣе противъ прежняго овлада отъ 20 до 40 процентовъ, тогда какъ въ лучшихъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне, владѣя достаточнымъ надѣломъ отличнаго чернозема, платили до сихъ поръ съ души столько же, сколько взималось съ бѣднѣйшихъ крестьянъ, надѣленныхъ самою скудною почвою, душевой окладъ возвысится почти на 30%. При этомъ въ худшихъ уѣздахъ Черниговской губерніи придется оброчной подати съ десятины надѣла слишкомъ въ три раза менѣе, какъ противъ выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ тѣхъ же худшихъ уѣздахъ, такъ и противъ оброчной подати бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ лучшихъ уѣздахъ. Въ такомъ видѣ результаты разверстки признаются на мѣстѣ, на сколько мы слышали, вообще справедливыми.

Что касается работъ по окончательному отграниченію надѣла и разверствѣ оброчной подати между селеніями, то работы эти, сколько извѣстно, ни по одному уѣзду еще не окончены, а затѣмъ не могла начаться еще и выдача владѣнныхъ записей; но тутъ дѣло стало только за межевыми учрежденіями. Судя по послѣднему опубликованному отчету, въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ числится 1,506 селеній съ 173,169 душами бывшихъ государственныхъ крестьянъ; отграниченіе же надѣла было въ 1875 году окончено по 168 селеніямъ съ 36,467 душами мужскаго пола (около пятой части общаго числа), конемъ отведено въ надѣлъ 215,390 дес., что составитъ почти по 6 дес. на душу.

4.

Въ Бессарабской губерніи не было собственно государственныхъ крестьянъ, а былъ особый разрядъ сельскихъ обывателей (частію царанъ румынскаго происхожденія, частью же переселенцевъ изъ внутреннихъ и малороссійскихъ губерній), именовавшихся поселянами, водворенными на казенныхъ земляхъ. Въ Бессарабіи, какъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ,

крестьяне и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (царане) не были крѣпостными, а пользовались землею по контрактамъ или по мѣстному, обычному, словесному условію, съ правомъ перехода съ однѣхъ земель на другія. Однако это срочное пользованіе было тамъ обращено въ постоянное, съ выдачею царанамъ уставныхъ грамотъ, а затѣмъ и къ поселянамъ, жившимъ на казенныхъ земляхъ, на основаніи закона 23 декабря 1869 года, примѣнены общія правила Высочайшаго указа 24 ноября 1866 года, съ разверсткою оброчной подати и выдачею владѣнныхъ записей тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ другихъ неокadaстрованныхъ губерніяхъ. На казенныхъ земляхъ Бессарабской губерніи было всего 80 селеній съ 32,477 душами муж. пола и надѣломъ въ 270,519 дес., что составило по $8\frac{3}{4}$ дес. на душу. Владѣнные записи выданы имъ въ 1871 году. Оброчной подати пришлось на десятину по $45\frac{1}{2}$ в., т. е. почти въ четыре раза менѣе противъ выкупныхъ платежей (по 1 р. 78 в. съ десятины), причитающихся съ поселянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Къ государственнымъ крестьянамъ въ Ставропольской губерніи, на основаніи закона 20 марта 1874 года, примѣнены общія правила для поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ неокadaстрованныхъ губерніяхъ. Тамъ числятся 119 селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ коихъ водворено около 137,000 душъ. Владѣнные записи въ Ставропольской губерніи, сколько извѣстно, уже выданы, но результаты поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ этой губерніи опубликованы не были, и мы не можемъ судить о размѣрѣ причитающейся тамъ съ крестьянъ этихъ оброчной подати. Что же касается размѣра надѣла, то, судя по надѣлу отведенному 39 селеніямъ, по коимъ надѣлъ былъ окончательно ограниченъ и предъявленъ крестьянамъ еще въ 1875 году и о коихъ упоминается въ послѣднемъ изъ опубликованныхъ отчетовъ, можно предположить, что размѣръ этотъ составитъ до $15\frac{1}{2}$ дес. на душу.

Ознакомивъ читателей съ поземельнымъ устройствомъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ во всѣхъ губерніяхъ европейской Россіи (не касаясь Сибири, гдѣ вопросъ объ этомъ устройствѣ еще не рѣшенъ и, кажется, будетъ отложенъ на неопредѣленное время), намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о лѣсномъ надѣлѣ, и о государственныхъ крестьянахъ, водворенныхъ на особыхъ земляхъ, не бывшихъ прежде въ вѣ-

дѣлн министерства государственныхъ имуществъ, какъ-то: о припущенникахъ въ башкирскихъ дачахъ и крестьянахъ, поселенныхъ въ горнозаводскихъ дачахъ.

Выше, въ третьей части нашей статьи, мы объяснили, что, кромѣ земельного надѣла, государственнымъ крестьянамъ отводился еще особый лѣсной надѣлъ въ размѣрѣ отъ 1 дес. до $1\frac{7}{8}$ дес. на душу въ малоземельныхъ и до 3 дес. на душу въ многоземельныхъ губерніяхъ. Впрочемъ, надѣлъ этотъ отводился лишь тѣмъ селеніямъ, вблизи коихъ были лѣсныя казенныя дачи, откуда отпускался имъ лѣсной матеріалъ на постройки и топливо. Тамъ, гдѣ надѣлъ этотъ былъ уже нарѣзанъ во времени выдачи владѣнныхъ записей, онъ показывался въ записяхъ особо отъ земельного надѣла; по остальнымъ же селеніямъ надлежало его отвести впоследствии, съ выдачею на него дополнительныхъ владѣнныхъ записей. Но вопросъ о правѣ крестьянъ распорядиться лѣснымъ надѣломъ и о способѣ обложенія его особымъ лѣснымъ налогомъ былъ разрѣшенъ Высочайше утвержденнымъ 13 іюня 1873 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, уже послѣ окончанія выдачи владѣнныхъ записей въ 27 окаястрованныхъ губерніяхъ. На основаніи этого закона, бывшіе государственные крестьяне признаны окончательно собственниками лѣснаго надѣла, съ показаніемъ во владѣнныхъ записяхъ, не подлежащаго измѣненію въ теченіи 20 лѣтъ, размѣра лѣснаго налога и съ устраненіемъ лѣсничихъ отъ ежегоднаго отвода подлежащихъ вырубкѣ лѣсовъ и отъ надзора за рубкою лѣса крестьянами на пространствахъ ихъ лѣснаго надѣла.

Во исполненіе этого закона, въ концѣ 1875 года лѣсной налогъ былъ исчисленъ и внесенъ во владѣнные записи по всѣмъ почти селеніямъ въ 28 губерніяхъ, гдѣ лѣсной надѣлъ былъ отграниченъ до выдачи записей и былъ въ нихъ показанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выданы дополнительныя записи на лѣсной надѣлъ по большей части (91% общаго числа) тѣхъ селеній, по коимъ, при выдачѣ владѣнныхъ записей, лѣсной надѣлъ не былъ еще отграниченъ. Одновременно съ окончательнымъ опредѣленіемъ и внесеніемъ въ записи лѣснаго налога или съ выдачею на лѣсной надѣлъ дополнительныхъ записей, лѣсные надѣлы переданы въ полное распоряженіе крестьянъ и изъяты изъ надзора лѣсничихъ.

Всего отведено лѣсныхъ угодій въ лѣсной надѣлъ свыше полутора миліона десятинъ въ 28 губерніяхъ, гдѣ поземельное устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ уже окончено.

На душу приходится, въ средней сложности, съ небольшимъ по полудесятигѣ (0,57) лѣснаго надѣла и по $40\frac{3}{4}$ в. лѣснаго налога.

На сколько казался спорнымъ вопросъ о лѣсномъ надѣлѣ до его разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ, на столько и теперь раздѣлены мнѣнія о результатахъ примѣненія закона 1873 года. Одни сѣтуютъ на то, что крестьяне зря рубятъ, продаютъ и пропиваютъ свой лѣсъ, лишая себя обезпеченія въ топливѣ на будущіе годы, оголяя цѣлыя лѣсныя пространства, со вредомъ для климатическихъ условій мѣстности и для производительности почвы, лишенной тѣни и влаги. Другіе возражаютъ, что нельзя же было крестьянъ-собственниковъ оставить подъ вѣчною опекою казенныхъ лѣсничихъ и преслѣдовать ихъ за излишнюю, противъ нормы, вырубку собственного лѣса, какъ за кражу казеннаго лѣса; что въ малолѣсныхъ губерніяхъ лѣсной надѣлъ, отведенный бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, вовсе не такъ значителенъ, чтобы вырубка части этого лѣса грозила обезлѣсченіемъ края и измѣненіемъ климатическихъ условій; наконецъ, что если, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, ограниченіе въ правѣ рубки лѣсовъ представляется уже мѣрою, необходимою въ видахъ общественной пользы, то подобное ограниченіе слѣдовало бы установить для всѣхъ вообще собственниковъ, а не для однихъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ, при постепенномъ заселеніи безлюдныхъ пространствъ, государственные крестьяне издавна водворились, между прочимъ, и въ такихъ дачахъ, кои признаны были принадлежащими аборигенамъ—башкирамъ-вотчинникамъ, а также на земляхъ, приписанныхъ къ казеннымъ и посесіоннымъ заводамъ. Во избѣжаніе выселенія крестьянъ съ занятыхъ ими земель, нужно вымежевать ихъ надѣлы изъ тѣхъ дачъ, въ предѣлахъ коихъ они поселены, а затѣмъ выдать имъ владѣнные записи на общемъ основаніи. Вымежеваніе надѣла крестьянъ, живущихъ въ башкирскихъ дачахъ и пуцценныхъ туда вотчинниками этихъ земель—башкирами (т. е., такъ называемыхъ, припущенниковъ), возложено на мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, а исчисленіе оброчной подати и выдача владѣнныхъ записей предоставлены чинамъ министерства государственныхъ имуществъ. Изъ числящихся, въ четырехъ губерніяхъ, въ башкирскихъ дачахъ 664 селеній припущенниковъ, владѣнные записи были, до 1876 года, выданы только по двумъ селеніямъ.

Вымежеваніе надѣла государственныхъ крестьянъ изъ состава горнозаводскихъ дачъ должно зависѣть отъ министерства государственныхъ имуществъ; но о ходѣ этого дѣла намъ еще ничего неизвѣстно.

Подводя общій итогъ всему сказанному нами о поземельномъ устройствѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, мы находимъ, что сложное дѣло это, уже года три тому назадъ, приведено къ окончанію въ 42-хъ губерніяхъ; осталось только отграничить надѣлы и выдать владѣнные записи въ 4-хъ сѣверныхъ и 2-хъ малороссійскихъ губерніяхъ и кончить регулированіе и выдать регуляціонные акты въ одной Курляндской губерніи, т. е. кончить работы всего въ семи губерніяхъ, не считая Архангельской и сибирскихъ губерній, до коихъ очередь дойдетъ вѣроятно не скоро.

Въ 42-хъ губерніяхъ, гдѣ государственные крестьяне устроены окончательно, они обезпечены достаточнымъ надѣломъ, обложеннымъ весьма умѣренными платежами, и въ этомъ отношеніи нельзя не признать устройства ихъ удовлетворительнымъ.

Случалось намъ слышать и встрѣчать въ періодической печати указанія на то, что границы надѣловъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ (въ особенности границы подворныхъ участковъ тамъ, гдѣ нѣтъ общиннаго владѣнія, а иногда и внутреннія границы между надѣлами селеній, расположенныхъ въ одной дачѣ и владѣющихъ нѣкоторыми только угодьями сообща, а прочими—отдѣльно другъ отъ друга) не вездѣ опредѣлены, въ натурѣ, на планахъ и въ документахъ, съ надлежащею важностью и точностью, и что это обстоятельство порождаетъ поземельные споры и колеблетъ прочность и обезпеченность землевладѣнія крестьянъ.

Не отвергая возможности частныхъ ошибокъ, недомолвокъ и недодѣлокъ въ документахъ, опредѣлившихъ землевладѣніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ, мы не можемъ не замѣтить, что документы эти (владѣнные записи, люстраціонные и регуляціонные акты и хозяйственные планы, составленные чинами вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, равно какъ поставленные ими межевые признаки на границахъ надѣловъ) не имѣютъ, по закону, значенія юридическихъ, безспорныхъ межевыхъ документовъ, а потому, даже при безусловной вѣрности, не могутъ, сами по себѣ, устранить поземельныхъ споровъ. Документы эти, — основанные на фактѣ существовав-

шаго, при ихъ составленіи, дѣйствительнаго пользованія крестьянъ и на правѣ крестьянъ получить отъ казны установленный надѣлъ, — обезпечиваютъ имъ безпрепятственное, со стороны казны, вѣчное владѣніе отведеннымъ надѣломъ, но не ограждаютъ еще ихъ отъ постороннихъ исковъ, основанныхъ на вотчинномъ правѣ частныхъ лицъ на тѣ угодья, кои отведены казною крестьянамъ. Отъ частныхъ, постороннихъ исковъ, бывшіе государственные крестьяне ограждены только закономъ, постановившимъ; что если земли, отведенныя въ надѣлъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ по владѣннымъ записямъ или люстраціоннымъ актамъ, будутъ присуждены, по искамъ постороннихъ лицъ, въ частное кого либо владѣніе, то земли тѣ отъ крестьянъ не отбираются, а лицу, коему земли тѣ присуждены, выдается за нихъ денежное отъ казны вознагражденіе по установленной оцѣнкѣ. Это своего рода экспроприація для общественной пользы, допущенная для устраненія выселенія и разоренія крестьянъ, въ случаѣ отсужденія въ частную собственность всего ихъ надѣла, или большей его части.

Но этимъ не устраняются еще поземельные споры вообще, въ томъ числѣ и споры о границахъ между самими государственными крестьянами.

По нашему мнѣнію, окончательнаго приведенія въ ясность и порядокъ правъ по владѣнію землею, прочнаго закрѣпленія границъ владѣній и устраненія главныхъ поводовъ къ поземельнымъ спорамъ, — можно ожидать только отъ возобновленія генеральнаго и спеціальнаго межеваній во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, которыя слишкомъ давно обмежеваны, и отъ производства общаго, юридическаго размежеванія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковаго (какъ въ западныхъ губерніяхъ) вовсе еще не было. Но тогда придется вымежевать особо каждое отдѣльное владѣніе, т. е. надѣлъ каждаго селенія, при общинномъ владѣніи, и каждый подворный участокъ при личномъ владѣніи, тогда какъ, въ прежнее время, казніи и помѣщикамъ нарѣзывались цѣлыя дачи, а владѣнія въ нихъ крестьянъ не вымежевывались. Трудъ и расходъ будутъ громадные, но они окупятся принесенною ими пользою, если, параллельно съ юридическимъ межеваніемъ, будетъ произведена, хотя упрощеннымъ способомъ, общая кадастрація сравнительной доходности всѣхъ владѣній, которая послужитъ основаніемъ къ справедливой раскладкѣ всѣхъ поземельныхъ налоговъ и къ введенію правильной ипотечной системы. Тогда землевладѣніе будетъ прочно и обезпечено, налоги нигдѣ не обременительны, а поземельный кредитъ досту-

пенъ для землевладѣльцевъ и не рискованъ для банковъ и капиталистовъ.

Но такихъ результатовъ нельзя было и ожидать отъ частной, хозяйственной съемки, произведенной однимъ административнымъ вѣдомствомъ и не имѣющей никакого юридическаго значенія. Если же захотѣли бы обставить отграниченіе надѣла бывшихъ государственныхъ крестьянъ всѣми условіями, необходимыми для приданія этому отграниченію юридическаго значенія, съ надлежащимъ охраненіемъ поземельныхъ правъ какъ крестьянъ, такъ и сосѣднихъ владѣльцевъ, — въ такомъ случаѣ дѣло устройства государственныхъ крестьянъ чрезмѣрно усложнилось бы и затянулось бы на весьма многіе годы, подобно тому, какъ уже давно тянется и еще нѣсколько лѣтъ протянется генеральное и специальное межеваніе въ Малороссіи. Потому то и пришлось ограничиться, на первый разъ, административною хозяйственною съемкою, отложивъ настоящее размежеваніе до будущаго времени, т. е. до производства общаго юридическаго размежеванія, которое сдѣлалось не менѣе необходимо для выпущившихъ свой надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, чѣмъ для бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Въ заключеніе, мы считаемъ не лишнимъ остановиться еще на одномъ обвиненіи противъ общихъ результатовъ повсемельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ, — обвиненіи, которое намъ довелось слышать только въ послѣдніе годы и притомъ исключительно отъ людей, величающихъ себя «охранителями», но тѣмъ не менѣе враждебныхъ всѣмъ существующимъ порядкамъ, основаннымъ на реформахъ нынѣшняго царствованія.

Господа эти находятъ, что государственные крестьяне надѣлены землею слишкомъ щедро и обложены слишкомъ незначительными платежами, и все это они относятъ къ винѣ исполнителей постановленій объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, утверждая, будто исполнители эти, подъ вліяніемъ крайне либеральныхъ возрѣній, увлекались одностороннимъ желаніемъ устроить какъ можно лучше крестьянъ, жертвуя въ ихъ пользу интересами казны и государства.

Посмотримъ же, на сколько общіе результаты повсемельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ могли, на самомъ дѣлѣ, зависѣть отъ личныхъ взглядовъ исполнителей, и на сколько результаты эти прямо и безусловно вытекали изъ самой сущности изданныхъ по сему дѣлу узаконеній, помимо всякаго участія воли исполнителей, а также: какъ велики жертвы пра-

вительства для прочнаго обезпеченія быта цѣлой половины сельскаго населенія?

Основнымъ правиломъ, при устройствѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, служило оставленіе за ними существующаго надѣла. Увеличеніе общаго пространства издавна предоставленныхъ крестьянамъ земель, посредствомъ прирѣзокъ къ недостаточнымъ надѣламъ и отвода казенныхъ земель для водворенія нуждающихся въ землѣ переселенцевъ, допускалось только въ особыхъ случаяхъ, почти какъ исключеніе. Положимъ, что общее число десятинъ, прирѣзанныхъ къ крестьянскимъ надѣламъ и отведенныхъ переселенцамъ въ 41 губерніи, представляетъ почтенную цифру до 860,000 дес. Но не надо забывать, что дѣло шло объ устройствѣ слишкомъ восьми миллионовъ душъ мужскаго пола; что, въ средней сложности, прирѣзано и отведено переселенцамъ лишь по одной десятинѣ на каждыя десять душъ общаго числа государственныхъ крестьянъ,—что составитъ лишь около двухъ процентовъ по отношенію къ общему числу десятинъ существующаго надѣла этихъ крестьянъ, и изъ чего ясно, что прирѣзки не составляли общаго правила, а допускались лишь въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости; наконецъ, что въ прирѣзку преимущественно отводились, не доставлявшія казнѣ особыхъ выгодъ и расположенныя среди крестьянскихъ надѣловъ или вблизи ихъ, мелкія оброчныя статьи или малоцѣнные лѣски и кустарники; а переселенцамъ отводились земли въ малонаселенныхъ губерніяхъ, гдѣ увеличеніе числа рабочихъ рукъ возвышало доходность остальныхъ казенныхъ земель; причеиъ угодыя эти отводились не даромъ, а за оброчную подать, исчисленную особо, сверхъ суммы подати, положенной за существующій надѣлъ. Если принять все это во вниманіе, то трудно обвинить исполнителей въ излишней щедрости относительно прирѣзокъ, въ ущербъ интересамъ казны.

Въ дѣлѣ установленія размѣра платежей бывшихъ государственныхъ крестьянъ, личныя возрѣнія исполнителей еще менѣе могли имѣть вліянія на общіе результаты, ибо общая сумма платежей, слѣдующихъ съ каждой губерніи, была заранее опредѣлена, для внутреннихъ губерній—указомъ 24 ноября 1866 года, а для прибалтійскихъ губерній—указомъ 10 марта 1869 года; а исполнителямъ предоставлена только разверстка опредѣленной закономъ суммы налога. Въ однихъ только 9-ти западныхъ губерніяхъ (не считая 14 губерній, окадастрованныхъ до изданія указа 1866 года, гдѣ об-

рочная подать значительно была возвышена по оцѣнкѣ, произведенной по правиламъ 1859 года), размѣръ платежей крестьянъ опредѣлялся на основаніи люстраціонной оцѣнки угодій и могъ нѣсколько зависѣть отъ приемовъ исполнителей и отъ взглядовъ ихъ начальства. Но именно въ западныхъ губерніяхъ выкупные платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ, довольно значительно превышая прежнюю оброчную подать, близко подходятъ къ размѣрамъ выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ тѣхъ же губерніяхъ, — тогда какъ во внутреннихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ платежи, опредѣленные по разверсткѣ назначенной закономъ для каждой губерніи суммы, — въ два и въ три раза ниже платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Гдѣ же тутъ признаки намѣреннаго и односторонняго стремленія исполнителей къ пониженію платежей крестьянъ въ ущербъ казнѣ.

Посчитаемъ теперь, руководствуясь печатными смѣтами и приложениями къ государственной росписи, принесенныя, будто бы, казною денежные жертвы въ дѣлѣ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ.

До начала преобразованій въ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, оброчная съ нихъ и съ колонистовъ подать, по смѣтѣ 2-го департамента министерства государственныхъ имуществъ на 1865 годъ, исчислена въ суммѣ 31.321,171 рубль, включая сюда 602,286 р. оброка по прибалтійскимъ губерніямъ.

По приложенію же къ государственной росписи на 1874 годъ (когда поземельное устройство государственныхъ крестьянъ было почти окончено въ 41 губерніи), показано: оброчной подати 34.630,716 р.; половинной оброчной подати съ переселенцевъ 17,352 р.; выкупныхъ платежей по люстраціоннымъ актамъ 2.201,091 р.; поземельнаго оброка по прибалтійскимъ губерніямъ 646,276 р.; а всего 37.495,435 рублей, т. е. болѣе на 6.174,264 р., или на 17³/₄ процентовъ прибыли противъ прежняго дохода казны.

Съ другой стороны, доходъ съ свободныхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей составлялъ, круглыми цифрами:

	По смѣтѣ 1865 г.	По смѣтѣ 1875 г.
По внутреннимъ губерніямъ	1.878,000 р.	2.806,000 р.
По западнымъ и прибалтійскимъ губерніямъ . .	1.042,500 »	634,700 »
Итого	2.920,500 р.	3.440,700 р.

Слѣдовательно, по внутреннимъ губерніямъ, убыль дохода отъ дополнительнаго надѣла крестьянъ не только сполна покрылась увеличеніемъ дохода съ оставшихся во владѣніи казны земель, но оказалась еще прибыль въ доходѣ на 928,000 р. или на 49⁰/₁₀. Убыль же дохода по остальнымъ губерніямъ, объясняется вовсе не однимъ отводомъ земель крестьянамъ, а преимущественно распродажею почти всѣхъ казенныхъ земель въ западномъ краѣ въ частную собственность, въ видахъ водворенія тамъ русскаго землевладѣнія.

За всѣмъ тѣмъ, въ общемъ итогѣ оказывается всетаки прибыль въ доходѣ на 520,200 р. или на 17⁸/₄⁰/₁₀.

Поэтому мы и въ финансовомъ отношеніи считаемъ результаты устройства государственныхъ крестьянъ удовлетворительными, а сѣтованія нѣкоторыхъ лицъ на излишне возложенныя, будто бы, на казну, въ этомъ дѣлѣ, жертвы,—неосновательными.

II. III.

К О Н Е Ц Ъ .

О РЕЛИГИОЗНОМЪ ВОСПИТАНІИ.

Тяжелое время переживаетъ теперь наша родина, да и не одна она, а вся Европа, все культурное человѣчество. Время это, очевидно, переходное. Множество людей чувствуетъ ненормальность этого положенія и ищетъ изъ него исхода, но, къ сожалѣнію, не тамъ, гдѣ его нужно искать. Переходъ, очевидно, совершается въ самомъ обществѣ, т. е. въ сферѣ соціальной, а большинство ищетъ исцѣленія или облегченія исключительно въ сферѣ политической, въ измѣненіи существующихъ политическихъ учреждений. И какая путаница, какое противорѣчіе, замѣчаются въ этихъ попыткахъ. Въ то время, когда въ Россіи многіе полагаютъ, что разрѣшеніе соціального или, правильнѣе сказать, общественно-семейно-бытового вопроса заключается единственно въ реформѣ политическихъ учреждений страны на началахъ парламентаризма, въ Германіи раздаются многочисленныя голоса, что упадокъ и даже разложеніе общественнаго строя произошли именно отъ ослабленія королевской власти, отъ парламентскаго безсилія, и видятъ спасеніе въ усиленіи единоличной власти, въ усиленіи монархическаго принципа. Тогда какъ въ Италіи многіе мечтаютъ улучшить общественное устройство и быть страны учрежденіемъ республики; во Франціи, которая уже пережила нѣсколько республикъ, все еще существуетъ недовѣріе въ этому учрежденію, и недовѣріе это возбуждается въ особенности сильно, когда поднимается вопросъ о борьбѣ противъ католицизма, т. е. противъ традиціоннаго культа западной Европы. Наконецъ, въ Америкѣ, въ этой колыбели республики, и тамъ недовольны нынѣшнимъ президентомъ, исполняющимъ вполнѣ добросовѣстно свои обязанности, и также под-

нимаются голоса о новомъ избраніи Гранта, этого диктатора, правленіе котораго во многомъ напоминало монархическій принципъ единоличной власти; и у многихъ американцевъ, въ виду ужаснаго взяточничества и расхищенія государственной собственности высшими чиновниками государства, созрѣваетъ уже въ головѣ планъ учрежденія долгосрочнаго или даже пожизненнаго диктаторства, необходимаго для надлежащей силы центральной власти, но при сохраненіи широкихъ мѣстныхъ автономій. Такимъ образомъ, мы видимъ, что во всѣхъ культурныхъ государствахъ, при всякаго рода политическомъ устройствѣ, происходитъ что-то такое, что заставляетъ людей чувствовать на себѣ и въ себѣ самомъ бремя этого чего-то, и искать изъ него исхода. Когда человѣкъ нездоровъ, когда болѣзнь еще не опредѣлилась въ немъ, но уже даетъ себя чувствовать, то онъ, на вопросъ: «что съ тобою?» всегда отвѣчаетъ: «нездоровится, голова болитъ». И голова у него дѣйствительно горяча, дѣйствительно болитъ, но боль эта является лишь симптомомъ болѣзни, однимъ изъ ея признаковъ, а источники болѣзни, въ большей части случаевъ, слѣдуетъ искать или въ другихъ органахъ, или въ общемъ зараженіи организма. На голову же обращаютъ главное вниманіе потому, что она служитъ руководящимъ началомъ дѣятельности организма, потому что она служитъ мѣриломъ его ощущеній, чувствъ и вообще его жизни. Такъ и въ общественномъ организмѣ чувствуется въ настоящее время какая-то новая, невѣдомая социальная болѣзнь; человѣчеству неможется, само собою къ росту, а оно полагаетъ, что у него боль исключительно въ головѣ, т. е. въ высшихъ политическихъ учрежденіяхъ, и полагаетъ, что съ ихъ измѣненіемъ улучшится и общее состояніе. Но болѣзнь не въ нихъ однѣхъ, болѣзнь—въ самомъ обществѣ; болѣзнь гнѣздится во всемъ культурномъ человѣчествѣ и прежде всего необходимо сдѣлать тщательный діагнозъ этой болѣзни, опредѣлить ее и тогда уже подумать о радикальномъ ея излеченіи. Въ нашемъ журналѣ уже было помѣщено нѣсколько статей, касающихся болѣе или менѣе этого предмета; въ настоящей статьѣ постараемся обинуть взоромъ одну часть этого предмета,—это религиозное воспитаніе человѣка теоретическимъ и практическимъ путемъ. Постараемся разсмотрѣть этотъ вопросъ по отношенію къ нашей родинѣ, къ Россіи.

Первое, что формируетъ человѣка, что даетъ ему и волю, и энергію, что образуетъ его характеръ и постоянно вліяетъ на него—это религія, которую онъ воспринимаетъ въ дѣтствѣ

и которая, по мѣрѣ его воспитанія и развитія, переходитъ въ религіозныя убѣжденія, составляющія основу всей его жизни.

Воспитывать ребенка въ какойнибудь религіи необходимо. Воспитаите его внѣ всякой религіи—и вы лишите человѣка того базиса его развитія, на которомъ зиждется вся нравственность человѣка, вся сущность его жизни.

Ребенокъ не можетъ исповѣдывать религію, она доступна ему лишь съ одной обрядовой стороны; но эти обряды и составляютъ существенную часть воспитанія ребенка, составляютъ и одно изъ главныхъ звеньевъ его привязанности къ родинѣ, къ семьѣ и даже къ собственной жизни. Ребенокъ съ младенческихъ лѣтъ приучается, складывая ручонки, обращаться съ молитвою къ Богу, къ Богоматери и къ своему ангелу-хранителю, этому прекрасному, высоко-поэтическому міеу христіанства, приучающему человѣка, съ дѣтскихъ лѣтъ, признавать для себя особаго руководителя и охранителя и тѣмъ подготовляющаго человѣка къ переходу, впоследствии, къ дѣйствительности, т. е. къ тому, чтобы признать этого охранителя въ своей совѣсти, являющейся руководителемъ нравственности человѣка, этого божественнаго источника, безъ котораго немислимъ человѣкъ. Ребенокъ молится и, повторяя слова молитвы, инстинктивно приучается отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ самому себѣ, хотя еще и не сознаетъ этого и нуждается въ посредникѣ, въ высшемъ, неземномъ существѣ, которому онъ наединѣ сообщаетъ свои дѣтскія шалости и грѣхи.

Онъ ходитъ въ церковь. Торжественная обстановка храма, полусвѣтъ, полумракъ, блескъ иконъ и алтаря; обычное освѣщеніе свѣчами, рѣзко выдѣляющееся, свѣтлыми кругами, передъ особо чествуемыми иконами; мѣрное, пѣвучее чтеніе чего-то, что еще не совсѣмъ понятно ребенку; особый мѣрный тонъ, каимъ отправляется служба; торжественныя шествія съ дарами, съ Евангеліемъ и крестомъ; то радостная, то печальная служба и напѣвы церковныхъ пѣсень и молитвъ; обѣдни, всенощныя, панихиды, молебны; торжественно-величавая и глубоко-трогательная служба страстной недѣли, затѣмъ свѣтлая и радостная служба Св. Пасхи; освященіе воды, плодовъ, скота; муропомазаніе и освященіе хлѣбовъ, — все это ложится на молодую дѣтскую душу, западаетъ глубоко, кладетъ основу и будущимъ религіознымъ убѣжденіямъ, и поэзіи, и вообще нравственно-эстетическому развитію человѣка. Кто изъ насъ не испытывалъ этого радостнаго, дѣтскаго, давно забытаго чувства, когда, въ тяжелую или безотрадную минуту жизни, онъ заходилъ въ храмъ,

случайно, инстинктивно, и возставали въ его истомленной, а иногда и ожесточенной душѣ забытые образы дѣтства, и закипали въ наболѣвшемъ сердцѣ рыданія, навертывались слезы, туманили глаза и, наконецъ, лились неудержимымъ потокомъ... и падалъ ницъ человекъ, и молился безъ словъ, но такъ молился, какъ никогда дотошъ не молился въ жизни, и выходилъ изъ храма, обновленный, примиренный съ жизнью, съ новыми силами на грядущую борьбу.

Жалокъ, безконечно жалокъ тотъ, кто ни разу въ жизни не испыталъ этого чувства, кто ни разу не плакалъ подобными слезами, ни разу не молился самою выразительною молитвою — молитвою молчанія, безъ словъ, безъ звука, сливаясь всею своею мыслию, всёмъ существомъ своимъ и ничтожествомъ, съ величавымъ царствомъ вѣчности и безпредѣльности, царствомъ безъ начала и безъ конца.

Въ нашемъ молодомъ поколѣннн, къ сожалѣннн, у большаго его числа нѣтъ подобныхъ воспоминаннн, нѣтъ этой поэзн дѣтства, и отсутствнн ихъ выражается въ нравственномъ безсилнн, въ раннемъ старчевствѣ, въ тяготивнн жизнью и въ легкости самоубннствѣ. Дѣти переходнаго времени, они стали и его жертвами; дѣти расшатаннаго въ своихъ основахъ общественнаго и семейнаго быта, они расшатались сами, и тысячами жертвъ искупаютъ не свои грѣхи.

Но если религнзно-обрядовое воспитаннн необходимо для правнльнаго развитнн человекъ, если преемственна традицнн должна лечь въ его основу, то это всетаки только одна первоначальная сторона этого развитнн. За этимъ пернодомъ наступаетъ другой, переходнн пернодъ, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ образованнн и развитнн нравственно-религнзныхъ убѣжденнн, этой рацнальной и сознательной основы нравственнаго развитнн человекъ.

Ребенокъ поступаетъ въ школу, гдѣ передъ нимъ начинаютъ мало по малу приподнимать завѣсу въ святилище знаннн, гдѣ ему начинаютъ сообщать тайны знаннн, разные науки. Отъ этого изученнн, въ молодомъ умѣ начинается развиваться врожденное качество человекческаго ума — пытливость. Съ жадностью кидается онъ на познаннн, вѣвами скопленна человекчествомъ, и въ особенннн на ту ихъ отрасль, которая чаще всего напоминаетъ ему о себѣ, встрѣчается ему на каждомъ шагѣ и сопровождаетъ его всюду, т. е. на науки естественна. Онѣ объясняютъ ему законы природы, ихъ величавую простоту, ихъ неизмѣннннн. Онѣ приучаютъ его къ анализу всего и во всемъ, къ

анализу своихъ мыслей, ощущеній, къ анализу всего, что непонятно, что окружено тайною, что даже недоступно человѣку. Путемъ обобщенія молодой умъ приходитъ къ убѣжденію, что справедливо только то, что доказано; что все можетъ и должно быть доказано, и поэтому все, чего нельзя доказать, не есть истина, а существуетъ только въ воображеніи человѣка, только путааетъ и затемняетъ мозгъ. Въ немъ впервые зарождается понятіе и различіе научнаго отъ ненаучнаго, анализа отъ эмпиризма, факта отъ гипотезы. Въ это критическое для всякаго молодаго ума время, въ немъ впервые зарождается сомнѣніе и по отношенію къ религіи, по отношенію къ ея догматамъ. Обряды онъ еще любитъ, они еще дороги для него какъ завѣтные атрибуты дѣтства, сопровождавшіе всѣ и радостныя, и горестныя минуты его семейной и индивидуальной жизни; но догматы—дѣло иное. Въ дѣтствѣ онъ ихъ не понималъ и не думалъ о нихъ, теперь онъ о нихъ думаетъ, думаетъ много, и всетаки не понимаетъ.

Величайшую ошибку религіознаго воспитанія составляетъ введеніе его, какъ одну изъ наукъ, въ образовательныя заведенія для юношества. Пока юноша видитъ служителей церкви лишь въ храмѣ или при исполненіи ими различныхъ обрядовъ, пока онъ сохраняетъ укоренившуюся съ дѣтства привычку бесѣдовать съ священникомъ, или во время исповѣди, или въ частномъ разговорѣ, какъ съ духовнымъ отцомъ, съ проповѣдникомъ идеи мира, смиренія и добра,—до тѣхъ поръ въ душѣ юноши сохраняется невольное уваженіе къ сану священнослужителя и къ его личности, какъ къ необходимому посреднику между Богомъ и людьми, какъ къ участнику въ торжественныя минуты семейной жизни. Но когда тотъ же служитель церкви является не какъ духовное лицо, а какъ учитель въ классѣ, имѣя свое опредѣленное время уроковъ, тогда въ юношѣ является и иное отношеніе къ нему. Если служитель церкви, видѣя классъ, на пытливый вопросъ ученика о догматахъ или таинствахъ вѣры, отвѣтитъ, что вопросъ этотъ неумѣстенъ, что онъ преждевремененъ, что отвѣты на эти вопросы доступны только для зрѣлаго, развитаго ума, то юноша, хотя можетъ и не удовлетвориться подобнымъ отвѣтомъ, но всетаки не въ силахъ будетъ рационально опровергнуть его. Онъ уже знаетъ тогда, что существуетъ, напримѣръ, наука философія, которая тоже недоступна его неподготовленному уму, которую онъ пробовалъ самъ понять, для чего прочелъ даже нѣкоторыя философскія книжки, и, конечно, ничего не понималъ. Онъ знаетъ, что существуютъ и

высшія математическія науки, которыя тоже невозможно понять, не усвоивъ себѣ предварительно множество другихъ математическихъ познаній и не подготовивъ, долгимъ упражненіемъ, свой умъ къ способности и глубинѣ соображенія, необходимаго для пониманія высшихъ, сложныхъ законовъ математики. Но онъ и удовлетворяется этимъ, и удовлетворяется потому, что ему и не преподають ни философіи, ни высшей математики; но въ то же время онъ знаетъ, что существуютъ школы, гдѣ онъ, въ свое время, при удобномъ случаѣ, можетъ изучить всю эту высшую премудрость.

Точно также, еслибы юношу знакомили только съ Евангеліемъ, т. е. описаніемъ земной жизни Спасителя, и притомъ не преподавали бы ему Евангеліе, въ числѣ прочихъ наукъ, въ классѣ, а читали бы его ясно и толково въ церкви во время богослуженія, или объясняли бы ему вѣчныя божественныя евангельскія истины, а также и другіе, доступные пониманію, фазисы жизни Богочеловѣка въ сравненіи съ обычною жизнью людей—то чуткое чувство юноши поняло бы Евангеліе не головою, а сердцемъ, и сохранило бы къ нему и къ религіи вообще—теплое отношеніе дѣтства.

Но тутъ-то и допускается, повторяемъ, величайшая ошибка, давшая и дающая горькіе плоды и совершенно противоположный ожиданіямъ результатъ. Юношѣ начинаютъ преподавать слово Божіе и догматы религіи какъ науку, въ видѣ ветхаго и новаго заветъа, катехизиса, обрядовой стороны церкви и т. д. Катехизисъ въ особенности ставитъ преподаваніе на скользкій и замѣнутый путь. Онъ силится объяснить догматы религіи съ научной точки зрѣнія, онъ старается «доказать» истину своихъ положеній. Но разъ служитель церкви всталъ на почву учителя, доказывающаго истину своего предмета обычнымъ, научнымъ путемъ, то и отношенія къ нему учениковъ уже являются иными. Они привыкли требовать и слышать отъ своихъ учителей полнаго и яснаго доказательства; они привыкли спрашивать объясненія всего, чего не поняли, привыкли отъ добросовѣстнаго и знающаго учителя получать и объясненія на свои вопросы. Такъ относятся они и къ священнику, но тутъ, къ сожалѣнію, встрѣчаютъ иные, неудовлетворяющіе, неразъясняющіе, а подчасъ лишь оскорбляющіе отвѣты. Катехизисъ, становясь на научную почву, также усваиваетъ себѣ и научныя приемы, но съ тою разницею, что наука ссылается на факты и законы природы, а катехизисъ подеръживаетъ свои доводы ссылками на тексты, считая ихъ неопровержимыми и не требующими

доказательствѣ своей неопровержимости. Но пытливый человѣческій умъ не можетъ удовлетвориться подобнымъ научнымъ толкованіемъ. Ему нужно полное доказательство, и онъ не можетъ допустить, чтобы ему сказали: требуй доказательствъ и разъясненій до сихъ поръ, но не далѣе,—и не объясняя при этомъ, почему дальнѣйшее недоступно ему и почему онъ затѣмъ уже долженъ вѣрить на слово. Не вводите необъяснимое вовсе въ сферу наукъ—это дѣло другое; но разъ вставъ на научную точку зрѣнія, будьте послѣдовательны и рациональны. Иначе нельзя. Къ тому же катехизисъ весьма кратокъ и сжатъ, а мѣстами, гдѣ авторъ его старается подтвердить свое мнѣніе сравненіями (какъ, напримѣръ, объясненіе словъ Символа вѣры: «Свѣта отъ Свѣта») и непонятенъ. Катехизисъ составляетъ экстрактъ догматическаго богословія, а что бы мы сказали, если бы какой нибудь учитель въ младшихъ классахъ гимназіи сталъ бы объяснять ученикамъ экстрактъ философіи Аристотеля, Канта или Гегеля.

И вотъ, между ученикомъ и учителемъ-священнослужителемъ является сначала недоумѣніе, потомъ—непониманіе и, наконецъ, полное недоувѣріе съ одной и ожесточеніе съ другой стороны. Священнослужитель чувствуетъ всю неловкость своего положенія; иногда ему даже и не подобаетъ объяснять нѣкоторыя частности своего предмета. Что, напримѣръ, можетъ отвѣтить священникъ школьнику на вопросы о безпорочномъ зачатіи Іисуса Христа, о преимуществѣ дѣвства передъ супружествомъ, о седьмой заповѣди и т. п., какъ объяснить онъ ученикамъ таинство «пресуществленія», «предначатіе блаженства» и т. п.

Ученики сыплютъ вопросами, а объяснить невозможно. Заговорить съ ними, какъ съ взрослыми—немыслимо, а пытливый умъ юноши не удовлетворишь намеками, полуобъясненіями или сознаніемъ невозможности объяснить необъяснимое научнымъ путемъ. Кончается извѣстно какъ! Священникъ вынужденъ сослаться на неумѣстность вопросовъ и, не давая объясненія по существу, просто отклоняетъ ихъ, и иногда рѣзкимъ не педагогическимъ путемъ. Онъ настаиваетъ на зазубриваніи не только текстовъ, но и всего катехизиса, причемъ, для облегченія памяти учениковъ, даже указываетъ имъ на нужные и ненужные къ заучиванію тексты. Къ этому зазубриванью, въ концѣ концовъ, невольно приходятъ и сами ученики, такъ какъ они не въ силахъ рассказать своими словами отвѣты катехизиса, который предусмотрѣлъ даже и всѣ вопросы, какіе

только онъ считаетъ подлежащими объясненію; но и то на многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, на вопросы: «какъ единъ Богъ есть въ трехъ лицахъ»? даетъ отвѣтъ: «Мы не постигаемъ сей внутренней тайны Божества, но «вѣруемъ» ей, по непреложному свидѣтельству слова Божія». Вотъ отвѣтъ, который составляетъ сущность всего катехизиса, т. е. полная вѣра, безъ намѣренія и даже безъ желанія разъяснить себѣ обычнымъ путемъ то, что недоступно нашему разуму, но что принимается какъ непреложная истина сердцемъ вѣрующаго человѣка. Кромѣ того ученики приходятъ къ убѣжденію, что у священника спрашивать объясненія нельзя, что надо учить все цѣликомъ, какъ написано въ катехизисѣ, и не стараться понять, а только помнить, для того, чтобы отвѣчать. Отсюда ясно, что преподаваніе закона Божія юношамъ низводитъ догматы и обряды религіи съ высоты величія храма и не возводитъ ихъ на кафедру науки, т. е. само сѣсть только одно сомнѣніе тамъ, гдѣ ему никогда не должно быть мѣста.

Въ прежнее время религія также связывалась съ наукою и это приносило людямъ большую пользу. Но тогда и наука была не та. Дѣти учились грамотѣ по псалтырю и учились главнымъ образомъ для того, чтобы читать священныя книги, поэтому и понятіе о просвѣщеніи и книжной премудрости связывалось съ понятіемъ о религіи и еще болѣе возвышало послѣднюю. Но, по мѣрѣ развитія просвѣщенія, оно всетаки сосредоточивалось сначала въ монастыряхъ, гдѣ тѣсно и почти исключительно соприкасалось съ религіею, а затѣмъ, и по учрежденіи университетовъ и высшихъ свѣтскихъ школь, оно ни сколько не ослабляло значеніе религіи, такъ какъ все ученіе, въ этихъ школахъ, основывалось на Аристотелевской схоластикѣ, туманность которой ни сколько не противорѣчила философскимъ догматамъ христіанства. Но когда научное воспитаніе юношества, отдѣлившись отъ схоластики, перешло изъ монастырей въ другія руки, когда учредились свѣтскія образовательныя школы, въ которыхъ установилась система раздѣленія наукъ и новый методъ ихъ преподаванія, — тогда и для религіознаго воспитанія наступилъ кризисъ. Предстояло или вовсе исключить преподаваніе религіи въ школахъ, или ввести его, въ видѣ науки, въ среду другихъ наукъ. Къ сожалѣнію, было отдано предпочтеніе послѣднему. Религія вошла въ списокъ «наукъ» и получила свою школьную систематизацію, съ обычнымъ числомъ уроковъ, постепенностью курсовъ, экзаменовъ, отѣтковъ и т. п. Явилась и существеннѣйшая часть подобной систематизаціи — учебникъ, и юноше-

ство получило этотъ учебникъ у насъ въ Россіи въ видѣ катехизиса Филарета. Но различіе религіи отъ науки невольно дало себя знать. Въ то время, какъ всѣ научные учебники, по мѣрѣ развитія науки, дополнялись, переиздавались, а многие изъ нихъ передѣлывались за-ново,—учебникъ религіи, т. е. катехизисъ, остался, да и не могъ не остаться, неизмѣненнымъ ни на іоту. Такимъ образомъ онъ обратился въ своего рода земное откровеніе или въ соборное опредѣленіе, не подлежащее измѣненію, но только проповѣдуемое не съ церковной кафедрѣ, а преподаваемое въ школѣ, какъ наука, какъ раціональное объясненіе или коментаріи къ неизмѣннымъ догматамъ не только христіанства вообще, но его церквей.

Религію слѣдуетъ не изучать, какъ это дѣлаютъ по нынѣ, а познавать, и познавать болѣе сердцемъ, нежели умомъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, чтобы вывести законоучителей изъ ихъ неловкаго положенія и чтобы придать познанию религіи должное значеніе, необходимо вовсе изъять ее изъ числа школьныхъ наукъ и преподавать ее преимущественно въ храмахъ, въ видѣ поученій, или въ видѣ частныхъ, домашнихъ бесѣдъ; а существующіе экзамены замѣнить испытаніями во время говѣнія, въ тѣ дни, когда ученики, приготовляясь къ исповѣди, ежедневно посѣщаютъ церковь, и когда испытанія эти не будутъ имѣть для ученика общій характеръ обычнаго экзамена, при которомъ онъ чаще всего разсчитываетъ на удачу или случай, а, напротивъ, будетъ имѣть для него значеніе обряда, подготовляющаго его къ исповѣди и вполне гармонирующаго съ тѣмъ общимъ религіознымъ настроеніемъ, которымъ онъ обыкновенно бываетъ охваченъ въ эти дни покаянія, молитвы и поста ¹⁾.

Но одного этого, конечно, мало. Параллельно съ этою мѣрою необходимо принять и другую, не менѣе, а, напротивъ, еще болѣе важную по отношенію къ религіи. Религіозныя возрѣнія почерпаются и устанавливаются не въ однихъ только храмахъ, но и въ обыденной жизни человѣка. Домашняя обстановка, примѣры старшихъ, семьи, родителей, имѣютъ огромное значеніе въ развитіи религіознаго настроенія человѣка. Поэтому необходимо, чтобы между взрослыми и дѣтьми установились и по этому вопросу надлежащія, серьезныя, а не легкомысленныя, а иногда даже и безнравственныя отношенія.

¹⁾ Во Франціи, по законамъ Ферри, религіозное преподаваніе признано обязательнымъ для свѣтскихъ школъ, хотя мотивы, послужившіе основаніемъ къ этому закону, были иные.

А для этого прежде всего необходимо ввести основной законъ нравственнаго развитія—свободу совѣсти. Необходимо предоставить взрослому человѣку полную свободу въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія, а не заставлять его, подъ угрозой лишеній и даже наказанія, непременно принадлежать къ той церкви или къ той религіи, въ которую онъ зачисленъ по рожденіи. Эта-то принужденность болѣе всего ведетъ къ фарисейству, т. е. лишь въ одному наружному выполненію таинствъ или обрядовъ, безъ всякаго внутренняго въ нимъ сочувствія, безъ преданности, безъ заветнаго чувства любви. Это сильно и губительно дѣйствуетъ и на чуткую натуру ребенка. Онъ видитъ, напримѣръ, что его родители никогда не ходятъ въ церковь, никогда не постятся, а ходятъ только причащаться и исповѣдываться; иногда же и этого не исполняютъ. Ребенокъ видитъ, напримѣръ, что его отецъ, состоящій на коронной службѣ, говѣетъ, т. е. ходитъ на исповѣдь и къ причащенію, а его мать не исполняетъ этого. Ребенокъ спрашиваетъ:— «отчего это?» и если получить отвѣтъ, то въ родѣ—«нужно» или «оттого, что папа служить, а мама нѣтъ». Нѣкоторые родители, не исполняя сами обрядовъ, всетаки заставляютъ исполнять ихъ своихъ дѣтей, посылаютъ ихъ въ церковь съ няньками и гувернантками, а на просьбы ребенка: «Мама, пойдемъ со мною, съ тобою лучше» отвѣчаютъ: «нельзя, устала, не могу» и т. п.

Всю эту фальшь чувствуетъ и сознаетъ ребенокъ, и въ его головѣ слагается убѣжденіе о религіозныхъ обрядахъ, какъ о чемъ-то не дорогомъ и священномъ, входящимъ въ семейную жизнь, а какъ о чемъ-то чуждомъ, нужномъ для чего-то и для кого-то, въ родѣ прописки въ участіе, или праздничныхъ служебныхъ визитовъ.

Не лучше-ли дать полную свободу каждому религіозному убѣжденію, которое не вредитъ обществу или государству. Повѣрьте, что, съ дарованіемъ свободы совѣсти, люди сдѣлаются гораздо болѣе религіозными, чѣмъ каковы они нынѣ. Когда человѣкъ знаетъ, что онъ по неволѣ долженъ принадлежать къ извѣстной религіи или церкви, то онъ относится къ ней вполне индифферентно, какъ ко всему обязательному, казенному, и заботится лишь объ одной формальности; но когда ему даютъ свободный выборъ, тогда многіе изъ тѣхъ, которые теперь только по списку числятся, напримѣръ, православными, хотя можетъ быть и уклонятся на нѣкоторое время въ сторону, но, раньше или позже, вернутся въ его лоно, и вернутся уже не

на словахъ только, а дѣйствительно, сознательно, съ горячею любовью и благоговѣйною преданностью, которую они вселятъ и вкореняютъ въ своихъ дѣтей. Человѣчество, за весьма рѣдкими исключеніями, не можетъ жить безъ религіи. Несчастія и горе чловѣка слишкомъ часты и обильны, а въ этихъ случаяхъ религія, какъ утѣшительница и облегчительница страданія, не имѣетъ себѣ равныхъ. Даже и въ случаѣ удачи, радости и довольства, если только онѣ не притупили чувство чловѣка, въ немъ всегда является чувство благодарности, желаніе высказать его, желаніе облегчить переполненное сердце, — и въ этомъ случаѣ молитва опять-таки является наилучшимъ, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для удовлетворенія этой высокой, нравственной потребности чловѣка.

Говорятъ, что опасно дать свободу совѣсти именно по отношенію къ православію, такъ какъ представители православной церкви отличаются недостаткомъ энергіи къ пропагандѣ, къ обращенію и даже къ охраненію своихъ чадъ отъ искусныхъ сѣтей, разставляемыхъ проповѣдниками другихъ христіанскихъ церквей. Подобное мнѣніе совершенно ошибочно и неосновательно. На развитого чловѣка, за немногими исключеніями, католичество дѣйствуетъ (конечно, если онѣ не родился католикомъ) отталкивающимъ образомъ, именно вслѣдствіе этого уловленія, которымъ занимаются католическіе мисіонеры и патеры, допускающіе при этомъ множество компромисовъ и поблажекъ, лишь бы сопричислить чловѣка къ своей церкви. Большинство разумныхъ людей, принадлежащихъ къ другимъ христіанскимъ церквямъ и «ищущихъ истины», не разъ уже думали о присоединеніи именно къ православію и неоднократно поднимали этотъ вопросъ, не смотря на то, что православная церковь отличалась въ этомъ случаѣ своимъ пурризмомъ, недопуская даже никакихъ обрядовыхъ отступленій, вошедшихъ въ народную и общественную жизнь и не противорѣчащихъ догматамъ церкви; тогда какъ католичество, широко раскрывая свои объятія, шло на встрѣчу этимъ желаніямъ и соглашалось на всякія обрядовыя измѣненія лишь подъ условіемъ признанія главенства папы. Припомнимъ только исторію этого вопроса въ Англіи, неоднократныя попытки представителей англиканской церкви къ воссоединенію съ православіемъ и упорное несогласіе нашего синода на самыя ничтожныя, несущественныя уступки. Что же касается народа, темнаго неразвитаго народа — то тутъ бояться нечего. У народа православіе составляетъ одну изъ существенныхъ свойствъ его народности, а на сколько оно прочно и непоко-

лебимо въ немъ это доказываетъ его исторія, исторія русской земли. Не смотря на всѣ ухищренія, на страшный гнетъ, на вѣковья муки, испытанія и страданія, — Литва, Малороссія и Бѣлороссія не перешли въ католичество, а сохранили православіе. Народные «искатели истины» ударились въ расколъ и довели его, по своему невѣжеству, до безобразія и абсурда, но сдѣлали это потому, что расколъ есть всетаки лишь уклоненіе отъ православія, съ которымъ оно, въ сущности, сохраняетъ тѣсную внутреннюю связь. Распатается хоть немного невѣжество — и раскольникъ переходитъ въ единовѣріе, которое есть тоже православіе, но допустившее незначительныя обрядовыя измѣненія, въ сущности лишь потѣшающія самолюбіе раскольника, не заставляя его прямо переходить въ ту среду, которую онъ еще вчера порицалъ и проклиналъ, а давая ему возможность избрать средній, примиряющій путь.

Если, повторяемъ, съ дарованіемъ свободы совѣсти и отпадутъ отъ православія ея гнилыя дѣти, которыя и теперь считаются православными лишь по названію, за то вмѣсто ихъ присоединится множество другихъ, истинныхъ ея чадъ. Тогда намѣнится къ лучшему и столь жгучій вѣковой вопросъ — неразвитіе нашего духовенства. Въ средѣ его явятся сознательные проповѣдники, горячіе мисіонеры, которые войдутъ въ сношеніе съ духовными лицами иныхъ странъ и народовъ, познакомятъ ихъ съ сущностью и догматами православія, войдутъ въ тѣсныя сношенія съ вновь присоединенными — и православіе станетъ мощью не одного только и притомъ простаго народа русскаго, а всѣхъ русскыхъ, и не однихъ только русскыхъ, но и жителей другихъ странъ. Тогда явятся массаи Беринги, Геттэ, и на русскаго архіерея станутъ смотрѣть на западѣ не какъ на рѣдкій феноменъ, а какъ на пастыря христіанства, какъ на князя православной церкви, которую будутъ знать, т. е. или уважать, или исповѣдывать, а нѣкоторые и ненавидѣть, но которую не будутъ игнорировать и предавать глумленію и насмѣшкѣ.

И такъ, изъятіе изъ школы «преподаванія» закона Божія, съ замѣною его «познаваніемъ» слова Божія и вообще всего касающагося церкви, въ храмахъ, или въ видѣ отдѣльныхъ «бесѣдъ», и дарованіе свободы совѣсти — вотъ, по нашему мнѣнію, вѣрнѣйшій способъ достигнуть надлежащаго водворенія и развитія религіозныхъ вѣрованій въ человѣкѣ, какъ въ его зрѣлые, такъ и въ дѣтскіе годы. Медлить въ этомъ дѣлѣ нельзя. Поколѣнія быстро смѣняются поколѣніями, и будетъ печально, если старинная, традиціонно-преемственная религіозная обстановка семьи исчезнетъ и

уступить мѣсто, не другой какой-либо подобной же обстановкѣ, а одной лишь казенной формѣ, съ перегнившюю сердцевиною внутри. Настоящій моментъ наиболѣе благоприятенъ. Многіе, очень многіе, уже очнулись отъ этого мертвящаго фформализма; многіе изъ болѣе старшихъ вернулись къ прежнему, священному воспоминанію дѣтства; тѣ-же несчастные, у которыхъ, не по ихъ винѣ, не было подобнаго дѣтства, стоятъ на распутіи и ждутъ, и, какъ русскіе люди, съ радостью бросятся въ объятія церкви, но бросятся въ открытыя настежь ворота, а не въ узкую калитку, съ приставленнымъ къ ней сторожемъ съ ключемъ въ рукахъ, который замыкаетъ ее на замокъ за каждымъ, кто только хотя разъ, волею или неволею, вошелъ туда.

А. Н.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТАБАКОВОДСТВА ВЪ РОССІИ.

Въ недалекомъ будущемъ налогу на табакъ предстоятъ нѣкоторыя преобразованія. Будетъ ли измѣнена самая система взиманія или только возвышено бандерольное обложеніе—пока неизвѣстно.

Въ этомъ отношеніи вопросъ о табачномъ налогѣ остается открытымъ. Между тѣмъ, отъ правильнаго рѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ зависитъ судьба и благосостояніе весьма значительной части сельскаго населенія крестьянъ-плантаторовъ, не говоря уже о всеобщемъ интересѣ многочисленныхъ потребителей табака.

Весьма понятно, что прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о введеніи той или другой системы взиманія, нужно тщательно изслѣдовать самый объектъ налога—наше табакководство, нужно рассмотретьъ всѣ условія производства табаку въ Россіи, а также и табачной торговли, весьма распространенной у насъ.

Мы не станемъ разбирать всѣ системы табачнаго налога, существующія въ западной Европѣ,—онѣ тамъ довольно разнообразны и большинство изъ нихъ, въ томъ числѣ и пресловутая монопольная система, положительно непримѣнимы у насъ. Единственная система, которая, при нѣкоторыхъ видоизмѣненіяхъ, пожалуй, еще могла-бы имѣть у насъ мѣсто—это система, практикуемая въ Пруссіи. Ее мы и опишемъ въ краткихъ чертахъ.

Съ 1828 года въ Пруссіи принята и существуетъ до сихъ поръ система обложенія налогомъ плантацій по размѣру занимаемаго ими пространства. Налогъ при этой системѣ взимается съ пространства, занимаемаго плантаціями, съ такимъ расчетомъ, чтобы $\frac{2}{3}$ талера падали на одинъ центнеръ табака. Въ виду

различнаго качества земли и урожаявъ, всѣ плантаціи, для обложенія ихъ налогомъ, раздѣлены на 4 класса:

1-й классъ съ урожаеъ 6—9 центнеровъ съ 1 моргена платитъ 6 талер.
2-й > > > 7 ¹ / ₂ > > > > 5 >
3-й > > > 6 > > > > 4 >
4-й > > > 4 ¹ / ₂ > > > > 3 >

Классификація эта дѣлается каждые три года, причеъ всѣ плантаціи въ округѣ причисляются къ одному классу. Плантаціи менѣе 6 кв. руть (1 кв. рута=почти 3, 2 кв. саж.) вовсе освобождены отъ налога. Лица же, имѣющія плантаціи въ 6 кв. руть и болѣе этой минимальной нормы, обязаны не позже іюня мѣсяца заявить мѣстному акцизному управленію о мѣстѣ нахожденія и величинѣ ихъ плантацій, вслѣдствіе чего таковымиъ лицамъ акцизное начальство выдаетъ удостовѣренія и вноситъ ихъ показанія въ особые реестры. Повѣрка показаній плантаторовъ производится акцизными чиновниками, и въ случаѣ неточности показанія (болѣе ¹/₂₀ всей плантаціи) плантаторъ подвергается взыскаію. Послѣ окончанія ревизіи плантацій, установленный налогъ распредѣляется между плантаторами по расчету 6, 5, 4 или 3 зильбергрошей за каждыя 6 кв. руть земли, засаженной табакомъ.

Уплата акциза производится послѣ продажи плантаторомъ ¹/₂ количества собраннаго табака и никакъ не позже конца іюня слѣдующаго года. Въ случаѣ же поврежденія плантацій градомъ или морозомъ (не менѣе ¹/₆ части всей плантаціи и если она способна дать только ¹/₄ или ¹/₂ средняго урожая), то въ первомъ случаѣ слагается весь акцизъ, а въ послѣднемъ—двѣ трети его.

Кромѣ налога съ плантацій по пространству занимаемой ими земли, въ Пруссіи не взимается другаго налога съ табака внутри страны, такъ что фабрики и торговля табакомъ въ ней совершенно свободны и развиваются съ каждыиъ годомъ. Культура же табака не только не увеличилась съ 1828 года, но даже, вслѣдствіе налога на плантаціи, уменьшилась. Вотъ цифры, подтверждающія сказанное:

	Пространство плантацій:	
	Обложенныхъ налогомъ.	Необложенныхъ налогомъ.
1843 г.	40,037 морг.	1,830 морг.
1847 >	34,692 >	1,892 >
1850 >	31,073 >	1,629 >
1856 >	27,314 >	1,546 >
1860 >	23,457 >	1,817 >
1862 >	19,272 >	1,480 >
1869 >	17,207 >	5,550 >

Изъ этихъ цифръ видно, какъ быстро уменьшилось пространство табачныхъ плантацій въ Пруссіи, вслѣдствіе налога, а именно: въ теченіи 25 лѣтъ число морговъ сократилось на 43% т. е. почти вдвое.

Доходъ съ табачныхъ плантацій поступалъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Въ періодъ 1829 — 30 г.	160,000 тал.
> „ 1834 — 38 „	140,000 „
> „ 1850 — 52 „	122,000 „
> теченіи 1861 года	101,027 „
> „ 1863 „	88,543 „

Кромѣ налоговъ съ плантацій, въ Пруссіи получается еще доходъ съ табака въ видѣ таможенной пошрины, размѣръ которой одинаковъ для всѣхъ государствъ германскаго таможеннаго союза, а именно: съ листового табака берется 4 тал. съ центнера, съ сигаръ и нюхательнаго табака—20 тал., съ остальныхъ сортовъ—11 тал.

Пошлина, въ шестидесятыхъ годахъ, въ среднемъ, простиралась до 3.284,462 тал., а табака ввозилось въ то же время на сумму 14.709,870 тал., слѣдовательно, таможенная пошлина составляетъ около 222% съ цѣнности табака ¹⁾).

Вообще доходъ, получаемый съ табака въ государствахъ германскаго таможеннаго союза, какъ видно изъ предыдущаго, весьма незначительный.

Система взиманія налога съ табака въ Пруссіи весьма стѣснительна для плантаторовъ и затруднительна для надзора, обязаннаго измѣрять всѣ плантаціи, раздѣлить ихъ на 4 класса, затѣмъ вновь осматривать плантаціи, побитыя градомъ (напримѣръ, въ 1868 г. побито было градомъ 23,162 морга), и, наконецъ, слѣдить за своевременнымъ взносомъ налога; а, въ концѣ концовъ, система эта даетъ казнѣ всетаки ничтожный доходъ.

100,000 тал., поступившіе въ 1868 г. въ видѣ налога съ табака во всемъ сѣверогерманскомъ союзѣ получились съ 5,947 дес. плантацій, что составляетъ налога съ одной десятины 16 р. 80 к. Налогъ весьма значительный и несомнѣнно повліявшій на сокращеніе числа табачныхъ плантацій въ Пруссіи, увеличеніе его совсѣмъ прекратило бы культуру табака.

Такимъ образомъ, прусская система взиманія табачнаго на-

¹⁾ Е. Рагозинъ. «Исторія табака» etc., стр. 55 и слѣд.

лога не можетъ дать значительнаго дохода казнѣ¹⁾. Кромѣ того, система эта страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что плантаціи классифицируются только по урожайности табака и качеству земли; сорты же разводимаго табака въ расчетъ не принимаются.

Въ послѣднее время германское правительство признало свою систему обложенія табака налогомъ не достигающею цѣли и стремится измѣнить ее такъ или иначе. Однако проектъ введенія монополіи на табакъ, горячо поддерживаемый Бисмаркомъ, потерпѣлъ полнѣйшее фиаско въ назначенной для разсмотрѣнія этого вопроса спеціальной комисіи.

Разсмотримъ теперь поподробнѣе нашу бандерольную систему. У насъ, какъ извѣстно, облагаются акцизомъ только фабрикаты при продажѣ ихъ изъ фабрикъ и притомъ въ размѣрѣ, пропорціональномъ стоимости табака.

Прослѣдимъ исторію развитія нашего табакводства, въ связи съ законодательными мѣрами по этой отрасли промышленности.

До 1697 года употребленіе табака было повсемѣстно запрещено въ Россіи подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, конфискаціи имущества и даже смертной казни. Однако, не смотря на всѣ строгія мѣры, торговля табакомъ производилась тайно.

Указомъ 1 февраля 1697 года признано было за табакомъ право гражданства въ Россіи²⁾. Этимъ указомъ разрѣшалась продажа табака со взысканіемъ въ пользу казны со всякаго проданнаго фунта, смотря по сорту, 10 денегъ и 3 алтына или 2 деньги и 5 алтынъ. Въ Москвѣ же и Архангельскѣ торговля табакомъ была предоставлена одному лицу.

Въ 1697 г. вся торговля табакомъ была сдана на откупъ англійскому адмиралу маркизу де-Камартену, который обязался ввозить табакъ въ Россію въ слѣдующемъ количествѣ: въ первый годъ откупа 1.500,000 фунт., во 2-й — 2.000,000 фунт., въ 3-й — 2.500,000 фунт. и т. д., увеличивая привозъ ежегодно на 500,000 фунт. и уплачивая налогъ правительству

¹⁾ Одно время наши плантаторы ходатайствовали о замѣнѣ бандерольной системы налогомъ на плантаціи и, не зная числа десятинъ, занятыхъ подъ табакомъ въ Россіи, полагали, что налогъ не будетъ выше 10 р. съ десятины; между тѣмъ, чтобы взимать 10.000,000 р. съ 50,000 дес. (въ 1876 г.), потребовалось бы обложить каждую плантацію, въ среднемъ, по 200 р. съ десятины.

²⁾ Е. Рагозинъ. «Исторія табака», etc., стр. 61.

по 4 к. съ каждаго привезеннаго фунта, и кромѣ того, долженъ былъ представлять въ казну безвозмездно 1,000 фунт. табака.

Откупъ де-Камартена продолжался всего шесть лѣтъ; указомъ 4 апрѣля 1705 года установлена была продажа табака отъ казны.

Указомъ 10 октября 1716 года снова введена откупная система; въ Малороссіи, гдѣ и тогда было наиболѣе развито табакководство, взималась съ мѣстнаго табака пошлина по 60 к. съ пуда.

Петръ Великій весьма содѣйствовалъ развитію туземнаго табакководства и основалъ первыя табачныя фабрики въ Петербургѣ и Ахтырѣ.

Въ 1727 году установлена была вновь свободная торговля табаккомъ; налогъ взимался въ размѣрѣ 1 к. съ фунта, какъ при продажѣ табака внутри страны, такъ и при вывозѣ въ Сибирь; малороссійскій же табакъ при ввозѣ его въ Велико-россію облагался по 12 к. съ пуда.

Съ 1749—1762 года снова существовалъ откупъ, который въ 1759 г. былъ данъ генералъ-фельдмаршалу графу Шувалову, вслѣдствіе обстоятельствъ, подобныхъ современнымъ, именно для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войнами того времени. Доходъ съ табака, въ послѣднее время существованія откупа, достигъ до 70,000 р.

Указомъ 31 іюня 1762 года табачная промышленность была освобождена отъ всѣхъ стѣсненій откупной системы, и торговля табаккомъ сдѣлана доступною всѣмъ частнымъ лицамъ. Внутри страны табакъ не подлежалъ болѣе никакому налогу; взимались лишь пошлины съ привознаго (иностраннаго) табака по 10 к. съ пуда, а съ вывознаго (русскаго) по 20 к. съ пуда.

Наконецъ, въ 1838 году установленъ былъ акцизъ съ табака «въ видахъ воспособленія государственному казначейству, по мѣрѣ возрастанія расходовъ, необходимыхъ для усовершенствованія многихъ частей государственнаго производства», какъ сказано было въ указѣ 31 марта. Самыя же основанія налога мотивировались тѣмъ, что «приготовленіе табака, какъ предмета, относящагося къ требованіямъ роскоши, можетъ быть безъ всякаго стѣсненія для народа обложено умѣреннымъ налогомъ¹⁾».

¹⁾ Е. Рагозинъ: «Исторія табака», etc., стр. 63.

Главныя основанія издавнаго положенія заключаются, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ: разведеніе табака и торговля имъ въ непріготовленномъ видѣ ничѣмъ не ограничены; весь же табакъ нюхательный и курительный внутренняго приготовленія оплачивается акцизомъ. Иностранный приготовленный табакъ оплачивается лишь таможенною пошлиною и снабжается бандеролью со взиманіемъ 3 к. за каждую.

Акцизъ съ табака внутренняго приготовленія взимается посредствомъ бандеролей, которыя покупаются самими фабрикантами въ мѣстныхъ уѣздныхъ казначействахъ и наклеиваются на помѣщенія табака. Бандероли установлены разныхъ цѣнъ и указано обязательное отношеніе между вѣсомъ, цѣною продаваемого табака и цѣною бандероли. Бандерольный акцизъ, по уставу 1838 г., составлялъ, въ среднемъ, около 22% на продажную цѣну табака. Безъ бандероли же табакъ съ фабрики не можетъ быть выпущенъ.

Табачныя фабрики дозволено содержать только въ городахъ, а табачныя лавки и лавочки—повсемѣстно, но не иначе, какъ по особымъ свидѣтельствамъ.

Фабриканты должны вести книги для записыванія прихода и расхода, какъ сыраго, такъ и приготовленнаго табака.

Въ 1855 году сдѣланы новыя измѣненія въ табачномъ уставѣ, а именно: увеличена плата за бандероли на табакъ и сигары, въ среднемъ, до 25% съ цѣнности табака и установлено, чтобы владѣльцы табачныхъ фабрикъ выбирали ежегодно изъ казначействъ бандеролей на сумму не менѣе 500 р.

Въ 1863 году изданъ уставъ объ акцизѣ съ табака, существенныя основанія котораго слѣдующія: культура табака свободна отъ всякаго ограниченія и надзора. Плантаторы могутъ продавать свой табакъ оптомъ и въ розницу на плантаціяхъ, ярмаркахъ и торгахъ, безъ взятія особыхъ свидѣтельствъ и платежа акциза. Акцизъ съ табака по этому уставу, составлялъ, въ среднемъ, около 34% со стоимости табака.

Далѣе, по тому же уставу, лица, содержащія заведенія для приготовленія и продажи табака, должны брать особыя свидѣтельства, стоимость которыхъ весьма разнообразна и варьируется отъ 1 р.—на право разносной продажи табака, до 150 р.—для табачныхъ фабрикъ въ столицахъ.

Затѣмъ табачныя фабриканты, по этому уставу, обязаны ежегодно выбирать бандеролей въ обѣихъ столицахъ, Ригѣ и Одессѣ на сумму не менѣе 3,000 р., а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе 1,500 р.

По тому же уставу, сырой, привозимый изъ-за границы, табакъ оплачивается только таможенною пошлиною, а издѣльный, кромѣ пошлины, оплачивается въ таможенѣ 3 к. бандеролью.

Скажемъ нѣсколько подробнѣе о пошлинахъ, существующихъ у насъ на привозный иностранный табакъ.

По тарифу 1857 года пошлина на привозный табакъ взималась въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Табакъ: 1) въ листьяхъ и папушахъ съ пуда	6 р. — к.
2) курительный, крошенный всякій и нюхательный въ кружкахъ и рулахъ и пр.	24 „ — „
3) въ сигарахъ и др. съ фунта	2 „ — „
4) нюхательный тертый и всякій	— „ 80 „

Тарифъ, Высочайше утвержденный 5 июля 1868 г., слѣдующій:

Табакъ: 1) въ листьяхъ и папушахъ и пр. съ пуда	4 р. 40 к.
2) курительный, крошенный всякій и нюхательный въ кружкахъ и рулахъ и др.	26 „ 40 „
3) въ сигарахъ и др. съ фунта	2 „ 20 „
4) нюхательный тертый и всякій	— „ 88 „

При измѣненіи пошлины на табакъ, комисія для пересмотра тарифа 1857 года руководствовалась слѣдующими соображеніями. У насъ только въ Крыму и Бессарабіи производится табакъ, одинъ для замѣны имъ нѣкоторыхъ сортовъ иностраннаго, но его не хватаетъ для туземной фабрикаціи. Табакъ же малороссійскихъ и степныхъ губерній, по своему качеству, годенъ къ фабрикаціи только съ примѣсью иностраннаго или же недостающихъ сортовъ крымскаго и бессарабскаго. Поэтому, облегчая привозъ иностраннаго табаку (листоваго) и дѣлая его болѣе доступнымъ для русскихъ фабрикъ, можно только способствовать успѣхамъ туземнаго табаководства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ выращиваемый табакъ не можетъ поступать въ переработку одинъ. Состояніе же фабрикаціи нашей такое, что изъ русскаго табака готовится только тотъ сортъ, который продается ниже 80 к. за фунтъ и сигары ниже 2 р. за сотню, а дороже—табакъ до 1 р. 20 к. за фунтъ и сигары до 3 р. за сотню—съ примѣсью иностраннаго табаку; наконецъ, всѣ высшіе по цѣнѣ сорта готовятся преимущественно изъ иностраннаго табака ¹⁾).

¹⁾ А. Чероковъ, «Сравнительный таможенный тарифъ Россіи», стр. 17.

Возвращаемся опять къ уставу 1863 года.

Для надзора, по этому уставу, должны быть образованы табачно-акцизные округа въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе развито табакководство; округа, въ свою очередь, раздѣляются на дистанціи.

Уставъ 1863 года не распространялся на губерніи сибирскія и Закавказскій край.

Съ 1 января 1865 года управленія акцизными сборами перешли изъ департамента торговли и мануфактуръ въ департаментъ неокладныхъ сборовъ.

4 іюня 1871 года Высочайше утвержденъ новый уставъ объ акцизѣ съ табака. Въ общемъ, отъ устава изд. 1863 года, онъ отличается лишь нѣкоторыми подробностями; существенная же сторона измѣненій заключается въ возвышеніи нормы выбора фабрикантами бандеролей, а также въ увеличеніи акциза на всѣ сорта табака и патентнаго сбора за право торговли онымъ.

По ст. 20-й устава (изданіе 1872 г.), столичныя фабриканты, а также рижскіе и одесскіе, должны ежегодно выбирать бандеролей не менѣе, какъ на 10,000 р., а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе, какъ на 6,000 р. Такое стѣснительное правило, какъ увидимъ ниже, значительно сократило число табачныхъ фабрикъ.

Акцизъ съ табака, по уставу изд. 1872 г., въ среднемъ, составляетъ около 60% со стоимости табака.

Уставъ этотъ дѣйствуетъ и теперь, и при изданіи своемъ распространялся на всѣ части имперіи, кромѣ Закавказскаго и Туркестанскаго краевъ.

Въ самое послѣднее время, въ 1876 году, изданъ «Уставъ объ акцизѣ съ табака», совершенно тождественный съ уставомъ 1872 года; все отличіе его состоитъ лишь въ томъ, что онъ распространяется и на Закавказскій край. Такимъ образомъ, внѣ существующихъ акцизныхъ правилъ остается пока одинъ Туркестанскій край.

Прослѣдивъ всю исторію нашихъ постановленій о налогѣ на табакъ, мы видимъ, во первыхъ, что акцизъ съ табака постоянно увеличивался съ 1838 года, когда онъ составлялъ въ среднемъ всего около 22% со стоимости табака; въ 1855 году онъ возросъ до 25%; въ 1863 г.—до 34%, а теперь составляетъ около 60%.

Далѣе, мы видимъ, что существующая у насъ система вовсе не касается табачныхъ плантацій; акцизъ съ табака собирается

только на фабриках и, частью, его оплачиваютъ торговля заведенія.

Таковую систему полнѣйшаго невмѣшательства въ сельскохозяйственное производство одного изъ наивыгоднѣйшихъ продуктовъ сельской промышленности нельзя не признать рациональною.

Если наша система и имѣетъ недостатки, то они скорѣе заключаются въ излишней регламентаціи, въ значительномъ дробленіи цѣнъ на бандероли, и обязательномъ выборѣ оныхъ (весьма стѣснительномъ для фабрикаціи) на 6,000 — 10,000 р. табачными фабрикантами.

При существующей у насъ системѣ налога на табакъ, главный недостатокъ заключается въ томъ, что потребляется лишь незначительное количество фабрикованнаго, а слѣдовательно и оплаченнаго акцизомъ табака.

Такъ, напримѣръ, въ 1876 году собрано табака въ европейской Россіи 3.306,563 пуд., привезено изъ-за границы въ томъ же году 510,801 пуд., вывезено за границу около 100,000 пуд. и осталось для внутренняго потребления 3.717,364 пуд.; кстати замѣтимъ, что официальные цифры о собранномъ табакѣ, по крайней мѣрѣ, вдвое менѣе дѣйствительнаго сбора табака.

Между тѣмъ, табачныя фабрики приготовили всего только около 1.200,000 пуд. табака въ издѣліяхъ, такъ что 2.517,364 пуд., т. е. болѣе двухъ третей, потреблено табака, неоплаченнаго акцизомъ.

Правда, нѣкоторая часть этого количества табака осталась непотребленною и лежащею въ оптовыхъ складахъ торговцевъ и кладовыхъ табачныхъ фабрикантовъ, тѣмъ не менѣе, значительная часть табака всетаки не была оплачена акцизомъ.

Устранить это неудобство, при нашей системѣ налога, вполне никакъ нельзя, по той простой причинѣ, что огромная часть табака потребляется нашимъ простымъ народомъ въ сыромъ, нефабрикованномъ видѣ.

Только удешевленіе фабрикаціи, кромѣ улучшенія другихъ общихъ условій благосостоянія, разовьетъ въ народѣ потребленіе высшихъ, фабрикованныхъ сортовъ табака.

Разведеніе табака считается въ настоящее время выгоднымъ сельскохозяйственнымъ производствомъ тамъ, гдѣ климатическія и почвенныя условія соотвѣтствуютъ надлежащему его развитію.

Дѣйствительно, едвали найдется у насъ какой либо другой

сельскохозяйственный продукт, который приносилъ бы отъ 40 до 50% чистаго дохода, а табакъ такой доходъ приноситъ:

Кромѣ этихъ частныхъ, такъ сказать, выгодъ, табакъ доставляетъ значительные доходы государству въ формѣ акцизныхъ сборовъ и проч.

Вотъ акцизные сборы и таможенные пошлины за десять послѣднихъ лѣтъ:

Табачный доходъ—акцизный сборъ (кромѣ платы за свидѣтельства и штрафныхъ):

Годы.	Рубл.	Копѣек.
1867 . . .	4.398,868	88
1868 . . .	4.720,704	19
1869 . . .	5.150,792	7½
1870 . . .	6.927,278	76
1871 . . .	5.791,379	93¼
1872 . . .	7.473,618	02
1873 . . .	9.080,899	73 ½
1874 . . .	9.432,683	56
1875 . . .	9.145,410	—
1876 . . .	9.138,168	—

Табачный доходъ въ теченіи 1872 года, какъ видно изъ таблицы, поступилъ въ значительно увеличенномъ противъ прежняго размѣрѣ. Увеличеніе это, главнымъ образомъ, должно быть приписано введенію съ 1 января 1872 года Высочайше утвержденнаго, ⁴/₁₆ июня 1871 года, новаго табачнаго устава, коимъ значительно возвышены цѣны почти на всѣ сорта табачныхъ бандеролей, увеличена плата за акцизные свидѣтельства на право приготовленія и продажи табака. Но, независимо отъ этого, на увеличеніе табачнаго дохода вліяли и другія причины, а именно: постоянно увеличивающееся потребленіе высшихъ сортовъ табака и вообще улучшеніе и развитіе его фабрикаціи ²).

Табачный доходъ, какъ показываетъ вышеприведенная таблица, возрастаетъ хотя и медленно, но постоянно.

Возрастаніе табачнаго дохода тѣсно связано съ развитіемъ табаководства въ странѣ.

Табаководство въ настоящее время, по официальнымъ свѣдѣніямъ, существуетъ въ 30 губерніяхъ Европейской Россіи (не считая губерній царства Польскаго), а также на Кавказѣ и въ Сибири.

¹) Сюда включены губерніи царства Польскаго и Сибири.

²) «Ежегодникъ министерства финансовъ», 1874 г.

Вотъ официальные цифры о состояніи табаководства въ Европейской Россіи (кроме царства Польскаго) за десять лѣтъ ¹⁾:

Годы.	Пространство табачныхъ плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунты.
1867 . . .	34,988	381	2,403,679	37
1868 . . .	39,247	641	2,656,048	5
1869 . . .	38,508	1,728	2,515,661	38
1870 . . .	37,752	1,160	2,406,973	22
1871 . . .	37,794	1,452	2,268,241	1
1872 . . .	40,025	1,096	2,265,774	38
1873 . . .	42,651	2,204	2,272,647	27
1874 . . .	44,325	1,269	2,602,688	29
1875 . . .	46,377	1,707	2,706,711	25
1876 . . .	48,556	1,601	3,306,563	16

Эти цифры показываютъ, что табаководство въ Европейской Россіи развивается съ каждымъ годомъ.

Число табачныхъ фабрикъ, лавокъ и лавочекъ въ Европейской Россіи за послѣднее десятилѣтіе было слѣдующее:

Годы.	Фабрики.	Лавки.	Лавочки.
1867 . . .	336	3,554	36,244
1868 . . .	348	3,354	36,625
1869 . . .	364	2,847	39,785
1870 . . .	367	2,753	41,074
1871 . . .	358	2,741	45,367
1872 . . .	320	3,387	54,855
1873 . . .	302	3,373	59,193
1874 . . .	303	2,635	63,042
1875 . . .	278	3,179	65,307
1876 . . .	256	2,754	67,879

Послѣ введенія устава 1871 года число табачныхъ фабрикъ начинаетъ постепенно уменьшаться. Причина подобнаго уменьшенія числа фабрикъ можетъ быть объяснена лишь обязательнымъ выборомъ бандеролей на сумму отъ 6,000 до 10,000 р., тогда какъ по прежнему уставу выборъ бандеролей былъ обязателенъ для фабрикантовъ отъ 1,500 до 3,000 р. Число же табачныхъ лавочекъ увеличивается съ каждымъ годомъ.

Мѣстности, въ которыхъ табаководство ведется въ Россіи съ промышленною цѣлью и въ большихъ размѣрахъ, суть слѣдующія:

¹⁾ «Ежегодникъ министерства финансовъ», 1869—1878 г.

- 1) Малороссія, которая по количеству разводимаго табака, безспорно занимаетъ первое мѣсто.
- 2) Бессарабія, гдѣ табакководство приняло значительные размѣры только въ послѣднее время.
- 3) Приволжскія колоніи.
- 4) Крымъ.
- 5) Кавказскій край.

Впрочемъ, табакководствомъ занимаются у насъ вездѣ, гдѣ только благоприятствуютъ необходимыя для этого условія.

І. Табакководство въ Малороссіи.

Въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ табакководство существуетъ уже давно. Табакководствомъ занимались тамъ еще до присоединенія Малороссіи къ Россійскому государству.

Въ настоящее время разведеніе табака въ этомъ краѣ достигло весьма важнаго торговаго значенія.

Въ Малороссіи разведеніе табака, какъ промышленность, сосредоточено главнымъ образомъ въ южной части Черниговской и сѣверной части Полтавской губерній. Въ это пространство входятъ слѣдующіе уѣзды: Черниговской губерніи — восточная половина Нѣжинскаго, юговосточная оконечность Черниговскаго, южная половина Сосницкаго, весь Борзенскій, югозападныя оконечности Кролевецкаго и Конотопскаго уѣздовъ.

Полтавской губерніи, уѣзды: западная половина Роменскаго, сѣверозападная половина Гадячскаго, весь Лохвицкій уѣздъ, сѣверовосточныя части Лубенскаго и Пирятинскаго и восточная половина Прилукскаго. Такимъ образомъ, только Борзенскій и Лохвицкій уѣзды сполна входятъ въ округъ малороссійскаго табакководства, хотя разведеніе табака въ этихъ уѣздахъ далеко не такъ сильно развито, какъ въ остальныхъ вышесказанныхъ уѣздахъ ¹⁾.

Въ Малороссіи производство табака составляетъ промышленность, такъ сказать, всесословную: ею занимаются и помѣщики, и крестьяне, а также мѣщане, духовенство и казаки.

Табакъ разводится въ Малороссіи преимущественно по удоб-

¹⁾ С. П. Щепкинъ «Сельское хозяйство и гдоводство», 1870 г., январь.

ренію, постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Размѣръ табаководства у помѣщиковъ, послѣ 1861 года, значительно сократился, вслѣдствіе трудности имѣть во-время большое число рабочихъ рукъ и ихъ дороговизну, отчего значительныя табачныя плантаціи составляютъ въ настоящее время рѣдкость. Но за то размѣръ крестьянскаго производства, именно по характеру табаководства, свойственнаго болѣе мелкому хозяйству, увеличился значительно.

При среднемъ урожаѣ во 100 пуд. съ десятины и при средней цѣнѣ въ 1 р. 50 к. за пудъ, валовой доходъ простирается до 150 р., а расходъ, кромѣ навоза, который нигде не употребляется, простирается до 75 р., считая въ томъ числѣ 10 р. ренты. Вообще чистаго дохода съ десятины получается отъ 50 до 70 р., если принять въ расчетъ стоимость навоза ¹⁾.

Въ отношеніи выбора мѣста подъ табачныя плантаціи, мѣстные помѣщики поставлены, разумѣется, въ болѣе выгодныя условія, нежели крестьяне-собственники. Помѣщичьи плантаціи расположены почти всегда вблизи усадебъ, что имѣетъ большое значеніе при табаководствѣ, требующемъ большого надзора и ухода.

Крестьяне сажаютъ свой табакъ преимущественно на огородахъ, отдѣляя для этого пространство отъ 50 до 250 кв. саж., а также и на поляхъ.

Въ Роменскомъ уѣздѣ, напр., производство табака у крестьянъ, главнымъ образомъ, сосредоточено на огородахъ, а именно:

Пространство таб. плантацій.

На огородной землѣ	652 дес.
На поляхъ	146 „

Изъ этихъ цифръ видно, что около пятой части крестьянскихъ табачныхъ плантацій расположено на полевой землѣ, отдаленность которой отъ усадебъ, представляетъ главное неудобство для правильнаго ухода за табакомъ: у крестьянъ на поляхъ табакъ бываетъ несравненно хуже, чѣмъ на огородахъ ²⁾.

Въ 1872 году цѣны на табакъ сильно возвысились, вслѣдствіе чего крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ Полтавской губерніи (въ особенности Пирятинскаго и Прилукскаго) усиленно принялись за воздѣлываніе табака и совершенно вытѣснили изъ

¹⁾ «Докладъ комисіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства», etc. Приложенія II, III, IV, V, стр. 11.

²⁾ Новицкій, «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1869 г.

своихъ огородовъ картофель. Точно также и въ поляхъ, гдѣ только мѣсто мало-мальски оказывалось подходящимъ, оно удобрялось и засѣивалось табаконъ¹⁾.

Въ Малороссіи разводятся, главнымъ образомъ, ниспіе сорты табака, и только въ незначительномъ количествѣ выспіе (американскіе и турецкіе).

Посмотримъ, какъ развивалось въ этомъ краѣ табакководство за послѣднія десять лѣтъ (1867—1876).

Официальныя цифры, на которыя мы будемъ ссылаться и приводить въ нашемъ очеркѣ, заимствованы нами преимущественно изъ «Ежегодниковъ», издаваемыхъ министерствомъ финансовъ.

Цифры эти, повидимому, весьма обстоятельны, ибо даютъ свѣдѣнія для всѣхъ губерній, гдѣ существуетъ табакководство, съ точностью до квадратныхъ сажень и фунтовъ, тѣмъ не менѣе цифры эти сильно преуменьшены, если сличить ихъ съ цифрами, полученными изъ другихъ источниковъ.

Къ сожалѣнію, послѣднія данныя весьма малочисленны, но мы, по возможности, всегда будемъ указывать на нихъ въ надеждащемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, цифры, извлеченныя нами изъ вышесказанныхъ «Ежегодниковъ», имѣютъ лишь значеніе настолько, насколько онѣ выражаютъ относительную производительность (губерній) и относительную урожайность (сборовъ); взятыя же безотносительно, цифры эти, какъ уже мы сказали, грѣшатъ уменьшеніемъ. Но по нимъ всетаки можно судить, насколько табакководство развивается въ краѣ или падаетъ.

Вотъ какія цифры даетъ «Ежегодникъ» для Полтавской губерніи за десятилѣтіе 1867—1876 гг.:

Годы.	Пространство табачн. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунты.
1867 . . .	9,939	532	737,867	—
1868 . . .	9,255	649	675,654	—
1869 . . .	9,190	2,100	581,130	—
1870 . . .	7,939	1,140	432,270	—
1871 . . .	9,499	978	659,870	—
1872 . . .	8,082	301	346,902	34
1873 . . .	11,416	330	559,520	29
1874 . . .	11,218	315	442,945	37
1875 . . .	12,484	826	365,698	30
1876 . . .	13,881	1,211	701,507	—

¹⁾ А. Янсонъ, «Земледѣльческая газета», 1874 г., № 36.

Изъ приведенной таблицы видно, что воздѣлываніе земли подъ табакомъ въ Полтавской губерніи увеличивается съ каждымъ годомъ, хотя и медленно. Если же сопоставить между собою официальныя цифры о пространствѣ земли подъ табачными плантаціями съ количествомъ сбора табака, то, какъ видно изъ таблицы, большому количеству плантацій не всегда соответствуетъ большій сборъ табака. Это можно было бы объяснить уменьшеніемъ урожайности, вслѣдствіе истощенія земли табакомъ; но на это никто изъ плантаторовъ не жалуется, поэтому подобное противорѣчіе въ цифрахъ объясняется лишь недостаточною ихъ точностью.

Въ 1867 г., при общемъ количествѣ сбора табака въ Полтавской губерніи въ 737,867 пуд., на долю Роменскаго, Лохвицкаго и Прилукскаго уѣздовъ приходилось 689,834 пуд. табака (махорки), т. е. около 90% всего сбора въ губерніи ¹⁾.

Для Черниговской губерніи, за то же десятилѣтіе, существуютъ слѣдующія данныя:

Годы.	Пространство табачн. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунты.
1867 . . .	11,621	1,949	735,506	38
1868 . . .	13,846	1,375	916,839	5
1869 . . .	13,645	302	991,013	30
1870 . . .	13,862	2,310	1,043,843	—
1871 . . .	14,257	1,870	915,076	27
1872 . . .	16,372	1,015	752,969	14
1873 . . .	16,322	217	859,006	30
1874 . . .	17,141	1,920	1,157,292	—
1875 . . .	17,238	1,630	647,546	—
1876 . . .	15,987	550	1,479,507	—

Изъ таблицы видно, что табаководство съ каждымъ годомъ развивается и въ Черниговской губерніи, и развивается въ гораздо большихъ размѣрахъ, нежели въ Полтавской губерніи.

Къ малороссійскому табаководству относятъ также разведеніе табаку въ Харьковской губерніи, гдѣ оно преимущественно существуетъ въ уѣздахъ Сумскомъ и Лебединскомъ; но оттуда въ продажу поступаетъ незначительное количество табака, которое все почти расходуется въ сосѣднихъ уѣздахъ. Приводимъ цифры для Харьковской губерніи:

¹⁾ Новицкій. Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, 1869 г.

Годы.	Пространство табачн. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунтн.
1867 . . .	881	600	46,265	—
1868 . . .	978	966	54,627	27
1869 . . .	1,008	434	53,198	31
1870 . . .	927	1,900	56,116	—
1871 . . .	863	1,800	45,981	20
1872 . . .	1,066	1,800	56,125	—
1873 . . .	1,433	920	60,419	—
1874 . . .	1,066	—	46,690	—
1875 . . .	1,092	1,640	48,650	34
1876 . . .	1,094	2,326	48,835	—

Изъ цифръ видно, что въ Харьковской губерніи воздѣлываніе земли подъ табакъ увеличивается, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ.

Въ другихъ губерніяхъ съ малороссійскимъ населеніемъ, напримѣръ, въ Кіевской, табакъ сѣется только для собственнаго потребленія. Вотъ данныя для Кіевской губерніи:

Годы.	Пространство таб. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунтн.
1867	14	947	1,346	32
1868	7	1,491	235	13
1869	18	1,561	1,109	27
1870	33	318	1,415	36
1871	37	1,638	1,223	25
1872	11	640	170	—
1873	21	618	869	35
1874	25	2,019	1,090	—
1875	18	200	1,141	—
1876	23	1,800	1,582	20

Въ нѣскольکو большихъ размѣрахъ табакъ воздѣлывается въ Волынской губерніи:

Годы.	Пространство таб. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунтн.
1867 . . .	332	621	38,548	—
1868 . . .	406	754	37,783	—
1869 . . .	684	598	38,561	26
1870 . . .	598	2,265	36,489	23
1871 . . .	352	489	30,569	—
1872 . . .	531	2,060	23,001	19
1873 . . .	372	1,438	27,645	21
1874 . . .	394	1,204	33,326	33
1875 . . .	397	939	35,661	24
1876 . . .	352	1,816	30,004	35

Что касается до Подольской губернии, то тамошнее табаководство принадлежит болѣе въ округу табаководства бессарабскаго. Цифры, относящіяся къ табаководству Подольской губернии, мы приведемъ, когда будемъ говорить о табаководствѣ въ Бессарабіи.

Такимъ образомъ, подъ малороссійскимъ табаководствомъ слѣдуетъ собственно разумѣть табаководство лишь въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской.

Скажемъ здѣсь вкратцѣ нѣсколько словъ о табаководствѣ въ Екатеринославской губернии. Вотъ въ какихъ размѣрахъ по officialнымъ даннымъ оно существуетъ тамъ:

Годы.	Пространство таб. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунты.
1867 . . .	62	1,810	1,769	—
1868 . . .	122	183	4,794	14
1869 . . .	140	500	4,554	—
1870 . . .	142	1,800	6,438	33
1871 . . .	148	1,418	5,377	—
1872 . . .	108	1,560	5,387	—
1873 . . .	118	1,980	5,510	—
1874 . . .	105	1,260	4,171	30
1875 . . .	55	1,636	1,543	5
1876 . . .	58	2,210	1,652	—

Въ 1870 г., по другимъ officialнымъ свѣдѣніямъ ¹⁾, впрочемъ, мало расходящимся между собою, пространство всѣхъ табачныхъ плантацій въ Екатеринославской губернии опредѣлялось въ 153 дес. 1,418 саж. ²⁾, что составляетъ ¹⁾_{18,000} всего воздѣлываемаго пространства губернии.

Табакъ въ Екатеринославской губернии воздѣлывается преимущественно греками въ Мариупольскомъ уѣздѣ. Сорта разводимаго здѣсь табака слѣдующіе: крымскій, дюбекъ (сѣмяна получаютъ изъ Турціи), махорка, амофорка, также разводятся американскіе сорта (куба, огіо, гаванна) и турецкіе (султанскій, дюбекъ, самсонъ и трапезонъ).

II. Табаководство въ Бессарабіи.

Въ этомъ краѣ существуютъ наиболѣе благоприятныя условія для успѣшнаго разведенія высшихъ сортовъ табака, въ особенности турецкаго.

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ», 1872 г.

²⁾ Принадлежащихъ 45 владѣльцамъ.

Въ послѣднее время, табакководство въ Бессарабіи сдѣлало значительные успѣхи. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ (1858), въ Бессарабіи, по officialнымъ даннымъ, собиралось табака не болѣе 40,000 пуд. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ, сборъ табака, по отзывамъ производителей табака и торговцевъ онымъ, простирался уже до 500,000 пуд. ¹⁾ Въ настоящее время считаютъ, что ежегодный сборъ табака въ Бессарабіи простирается до 700,000 пуд. ²⁾

Въ Бессарабіи табакъ для промышленныхъ цѣлей разводится преимущественно въ трехъ уѣздахъ: Кишиневскомъ, Орѣвскомъ и Сорокскомъ. Сорокскій уѣздъ—средоточіе табакководства Бессарабіи. Такъ, на примѣръ, въ 1875 году, въ Сорокахъ было продано до 60,000 пуд.; сбытъ табака доходилъ иногда до 80,000 пуд. ³⁾

Вообще, воздѣлываніе табака въ Бессарабіи развито въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя прилегаютъ къ Днѣстру.

Табакководство, какъ культура весьма интенсивная, требующая значительной затраты труда и капитала, не можетъ вестись въ большихъ размѣрахъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Это ясно видно изъ величины отдѣльныхъ табачныхъ плантацій въ Бессарабіи: наибольшее число табачныхъ плантацій, находящихся тамъ, занимаютъ пространство менѣе $\frac{1}{2}$ дес.; болѣею же частію, по нѣскольку квадратныхъ сажень. Плантаціи эти принадлежатъ самому бѣдному классу земледѣльцевъ—царанамъ, которые разводятъ табакъ на чужихъ земляхъ, затѣмъ мелкимъ крестьянамъ—собственникамъ—резешамъ и др.

Такихъ мелкихъ плантацій насчитывалось въ Бессарабіи (въ 1870 г.) болѣе 15,000. Плантацій отъ $\frac{1}{2}$ до 1 дес. насчитываютъ около (менѣе) 1,000. Плантаціи эти преимущественно принадлежатъ крестьянамъ—собственникамъ и мѣщанамъ. Наконецъ, небольшое число табачныхъ плантацій, величиною болѣе десятины, принадлежитъ землевладѣльцамъ, крупнымъ и среднимъ, и арендаторамъ имѣній ⁴⁾.

Табакъ разводится въ Бессарабіи, болѣею частію, безъ удобренія, на свѣжей или долго отдохавшей землѣ. Болѣе двухъ или трехъ сборовъ табака на новой землѣ не дѣлаютъ. Культура и обработка производятся по турецкому способу, съ улучшенными даже приемами. Средніе урожаи колеблются около

¹⁾ «Записки бессарабскаго статистическаго комитета», Т. II, 1867 г.

²⁾ Щепкинъ, «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1870 г., май.

³⁾ Глузгольдъ, «Земледѣльческая газета», 1876 г., № 20.

⁴⁾ Щепкинъ, «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1870 г., май.

50 пуд. съ десятины; урожай же въ 70 пуд. считается рѣдкимъ. Табакъ, безъ раздѣленія на сорта, продается до 10 р. за пудъ. Такимъ образомъ, валовой доходъ простирается до 500 р., а расходъ съ рентою (10 р.) составляетъ обыкновенно до 50% валоваго дохода; такимъ образомъ, чистый доходъ равняется 250 руб. съ десятины. Выгоды, представляемыя табаководствомъ, имѣютъ вліяніе на его увеличеніе. Во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе этого, крестьяне стали заниматься табаководствомъ вмѣсто винодѣлія ¹⁾.

Въ Бессарабіи разводятся преимущественно высшіе сорта турецкаго табака, который своимъ качествомъ не уступаетъ настоящему (привозному) турецкому табаку. Приводимъ цифры о состояніи табаководства въ Бессарабіи:

Годы.	Пространство таб. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунты.
1867 . . .	2,045	676	87,539	22
1868 . . .	2,296	2,262	111,602	12
1869 . . .	2,691	1,979	130,163	28
1870 . . .	2,669	558	123,911	25
1871 . . .	2,239	1,340	133,997	28
1872 . . .	3,003	393	206,306	35
1873 . . .	2,581	2,311	176,917	15
1874 . . .	2,527	1,537	166,933	20
1875 . . .	2,923	2,125	113,929	27
1876 . . .	4,309	1,226	214,589	2

Изъ этихъ цифръ видно, что пространство табачныхъ плантацій въ Бессарабіи, въ теченіе десятилѣтій, увеличилось больше чѣмъ вдвое.

Насколько официальные цифры «Ежегодника» далеки отъ дѣйствительныхъ размѣровъ табаководства въ Бессарабіи, мы укажемъ только на слѣдующій фактъ. Еще въ 1866 г., въ засѣданіи (20-го августа) бессарабскаго областного статистическаго комитета, по поводу официальныхъ свѣдѣній о производствѣ табака въ Бессарабіи, было заявлено, что свѣдѣнія эти далеко не выражаютъ дѣйствительнаго производства и что въ Бессарабіи ежегодный сборъ въ 500,000 пуд. нужно считать за наименьшій, такъ какъ на одно внутреннее потребленіе идетъ тамъ, по приблизительному расчету, 256,720 пуд., а ежегодный вывозъ табака въ другія губерніи и въ Молдавію простирается также до 300,000 пуд. ²⁾.

¹⁾ «Докладъ комисіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства», etc. Приложение, II, III, IV и V, страница 12.

²⁾ Записки бессарабскаго статистическаго комитета, 1867 г., т. II.

Но свѣдѣнія, даваемые «Ежегодникомъ», хотя и неточны, однако, въ виду того, что онѣ собираются изъ года въ годъ однимъ и тѣмъ же способомъ, по нимъ можно судить, что табаководство въ Бессарабiи, за десятилѣтiе 1867—1876, удвоилось.

Въ Бессарабiи (въ 1867 г.) табакъ разводился на 9,000 дес. и сборъ его достигъ до 500,000 пуд.; считая, въ средней сложности, по 7 р. за пудъ, получимъ сумму въ 3.500,000 р.

Цифры эти показываютъ валовой доходъ; чистый же доходъ выводится по слѣдующему разсчету: съ 1 дес. получается среднимъ числомъ 55 пуд. табака, средняя цѣна съ пуда 7 р., что составляетъ доходъ въ 385 р. съ десятины. Обработка 1 дес. (не считая % на затраченный капиталъ.)—200 р., остается чистый доходъ въ 185 р.

Такой доходъ, впрочемъ, получаютъ только табаководы, имѣющіе собственный капиталъ, а не крестьяне, эксплуатируемые евреями, ссужающими ихъ деньгами впередъ, съ условіемъ доставить въ извѣстное время извѣстное количество табака по весьма низкой цѣнѣ, отъ 2—3 р. за пудъ ¹⁾.

Къ округу бессарабскаго табаководства относятся также мѣстности Херсонской (Дубоссары) и Подольской губерній (уѣзды Проскуровскій и Ушицкiй), занимающіеся воздѣлываніемъ табака.

Эти мѣстности лежатъ, главнымъ образомъ, по Днѣстру и находятся въ одинаковыхъ почти условіяхъ съ мѣстностями бессарабскими

Въ Херсонской и Подольской губерніяхъ разводятся преимущественно высшіе сорта турецкаго табака, американскаго же мало.

Вотъ цифры для Херсонской губерніи:

Годы.	Пространство таб. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунты.
1867 . . .	413	—	13,415	—
1868 . . .	301	600	13,693	—
1869 . . .	420	938	15,354	27
1870 . . .	339	—	9,497	—
1871 . . .	454	—	5,960	—
1872 . . .	309	900	4,562	—
1873 . . .	264	—	1,415	—
1874 . . .	387	—	2,217	—
1875 . . .	380	1,800	2,827	—
1876 . . .	380	—	7,207	—

Цифры «Ежегодника» показываютъ, что сборъ табака въ Херсонской губерніи, при одномъ и томъ же пространствѣ табачныхъ плантацій, сократился вдвое, слѣдовательно урожайность

¹⁾ Ibid., стр. 108.

табака уменьшилась также вдвое. Къ сожалѣнiю, такой, едвали правдоподобный фактъ намъ не удалось провѣрить, по недостатку частныхъ, неофициальныхъ данныхъ.

Цифры для Подольской губернии:

Годы.	Пространство таб. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунт.
1867 . . .	437	365	23,978	—
1868 . . .	718	549	15,852	25
1869 . . .	918	808	26,611	14
1870 . . .	769	2,164	38,781	25
1871 . . .	382	2,268	18,026	8
1872 . . .	359	1,243	19,428	16
1873 . . .	424	546	19,815	24
1874 . . .	440	1,158	16,672	29
1875 . . .	356	210	13,280	9
1876 . . .	295	2,293	19,824	7

По даннымъ «Ежегодника» видно, что и въ Подольской губернии табаководство за десятилѣтiе значительно уменьшилось; причемъ сборъ табака уменьшился пропорціонально уменьшенiю пространства табачныхъ плантацій.

III. Табаководство въ приволжскихъ губернияхъ.

Сюда относятся преимущественно Самарская и Саратовская губернии.

Въ Самарской губернии табакъ разводится колонистами лишь въ уѣздахъ Николаевскомъ и Новоузенскомъ; въ Саратовской—въ Саратовскомъ, Царицынскомъ и Камышенскомъ.

Разводимый въ этихъ губернияхъ табакъ дѣлится, главнымъ образомъ, на 4 сорта: 1) русскій (махорка), 2) желтый, 3) нѣмецкiй и 4) сигарный; послѣдние три сорта ничто иное, какъ переродившiйся американскiй табакъ; турецкiе сорта въ этихъ губернияхъ разводятся мало.

Приводимъ цифры «Ежегодника» для Самарской губернии:

Годы.	Пространство таб. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунт.
1867 . . .	6,038	139	499,343	25
1868 . . .	5,362	1,578	487,902	—
1869 . . .	5,033	975	339,891	25
1870 . . .	6,898	150	402,434.	20
1871 . . .	5,545	513	190,334	35
1872 . . .	5,007	2,275	484,187	37
1873 . . .	5,418	741	363,087	37
1874 . . .	5,916	500	456,117	—
1875 . . .	6,058	421	445,507	5
1876 . . .	6,188	572	355,122	8

Цифры «Ежегодника» не показываютъ увеличенія производства табака за 10 лѣтъ, а напротивъ, даже нѣкоторое уменьшеніе производства.

Это едвали вѣрно: еще въ 1866 году, напр., засѣяно было подъ табакъ 6,271 дес. и собрано табака около 280,000 пуд.; что, по мнѣнію «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», надо считать преуменьшеннымъ, по крайней мѣрѣ, на половину ¹⁾.

Въ 1876 году засѣяно, какъ видно изъ таблицы, тоже число десятинъ, слѣдовательно, въ настоящее время сборъ табака можно считать по крайней мѣрѣ въ 600,000 пуд.

Въ Саратовской губерніи, послѣ освобожденія крестьянъ, размѣры табакводства, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, значительно ограничились. Замѣчательно, что въ 1867 году число плантацій быстро возросло съ 472 до 1,678 и остановилось на этой цифрѣ, тогда какъ общее пространство табачныхъ плантацій обнаружилось съ годами замѣтное пониженіе ²⁾.

Приводимъ цифры «Ежегодника», выражающія производство табака въ Саратовской губерніи:

Годы.	Пространство таб. плантацій.		Количество пуд.	сбора. фунт.
	Дес.	Саж.		
1867 . . .	317	89	26,373	16
1868 . . .	212	277	25,494	32
1869 . . .	177	1,683	20,232	25
1870 . . .	191	1,500	20,265	25
1871 . . .	167	2,300	20,605	—
1872 . . .	35	715	3,778	—
1873 . . .	55	238	4,711	6
1874 . . .	53	382	7,742	20
1875 . . .	30	2,300	2,910	—
1876 . . .	34	2,093	2,788	20.

Въ Саратовской губерніи, какъ видно изъ таблицы, табакводство съ 1872 г. начало быстро упадать, такъ что къ истеченію десятилѣтія уменьшилось въ десять разъ.

Саратовскій табакъ, смотря по сорту, идетъ въ обѣ столицы, или сбывается въ степи; русскій табакъ покупается на мѣстѣ—чувашинами, мордвинами, а также пересылается торговцами въ калмыцкія орды и киргизскія степи. Нѣкоторая часть приволжскаго табака перерабатывается на мѣстныхъ фабрикахъ ³⁾.

¹⁾ »Земледѣльческая газета», 1867 г., № 37.

²⁾ Н. Смирновъ, «Земледѣльческая газета», 1876 г., № 16.

³⁾ Н. Смирновъ, «Земледѣльческая газета», 1876 г., № 22.

IV. Табаководство въ Крыму.

Въ Крыму разведеніе табака ограничивается, главнымъ образомъ, поливными мѣстами южнаго берега, его долинъ, и частью долинами на сѣверномъ склонѣ горъ. Вслѣдствіе поливки, табакъ разводится постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ до 10 и болѣе лѣтъ. Этимъ объясняется, что, не смотря на выгоды отъ табаководства, оно не увеличивается за недостаткомъ поливныхъ мѣстъ. Сортъ, разводимаго въ Крыму табака—малоазійскій. Другіе сорта переродились или скоро перерождаются. Качественно крмыскій табакъ грубѣе, вслѣдствіе поливки, и ниже бессарабскаго наружнымъ видомъ и уборкою, которая здѣсь вообще хуже, чѣмъ въ Бессарабіи; но за то крмыскій табакъ ароматомъ выше бессарабскаго, благодаря влажности климата. Средніе урожаи, которые мало зависятъ отъ погоды при ростѣ, простираются до 60 пуд. Цѣны табака безъ сортировки (съ бракомъ) до 10 р. пудъ, а въ сортахъ — отъ 3 до 20 р. пудъ. Валовой доходъ простирается до 600 р. съ десятины. Рента за поливную землю доходитъ до 200 р. за десятину. Расходъ около 200 р. Слѣдовательно, чистаго дохода съ одной десятины получается до 200 р. Гдѣ цѣна на землю подъ табакъ дешевле, тамъ качество его хуже и онъ дешевле. Сборъ табака въ Крыму, по частнымъ свѣдѣніямъ, простирается до 100,000 пуд. ¹⁾.

Вотъ цифры, которыя даетъ «Ежегодникъ» для Таврической губерніи вообще:

Годы.	Пространство таб. плантацій:		Количество сбора.
	Дес.	Саж.	
1867 . . .	917	816	35,540 20
1868 . . .	1,039	2,305	48,978 —
1869 . . .	768	374	36,940 —
1870 . . .	754	1,349	33,738 —
1871 . . .	815	648	37,339 32
1872 . . .	1,011	130	55,807 25
1873 . . .	1,425	36	30,193 20
1874 . . .	744	1,768	24,708 —
1875 . . .	903	1,148	31,801 —
1876 . . .	811	2,000	28,031 —

Изъ губерній центральныхъ табаководствомъ занимаются преимущественно—Воронежская и Тульская. Табакъ здѣсь раз-

¹⁾ «Докладъ комисіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства» etc. Приложенія II, III, IV, V стр. 12.

водится, большею частью, простой; высше сорта табака разводятся лишь у нѣкоторыхъ табакочодовъ въ незначительномъ количествѣ.

Вотъ официальные цифры за 10 лѣтъ для губернии Воронежской:

Годы.	Пространство таб. плантаціи.		Количество Пуды.	сбора. Фунт.
	Дес.	Саж.		
1867 . . .	508	2,169	37,601	33
1868 . . .	500	637	35,379	16
1869 . . .	998	2,355	55,946	39
1870 . . .	680	1,827	57,243	22
1871 . . .	696	1,853	49,052	5
1872 . . .	674	482	48,978	13
1873 . . .	763	2,313	59,240	10
1874 . . .	926	54	87,720	20
1875 . . .	681	1,091	66,459	18
1876 . . .	754	2,211	83,811	—

Изъ цифръ видно, что въ Воронежской губернии, въ десятилѣтіе 1867—1876 г., сборъ табака увеличился больше, чѣмъ въ два раза; наибольшій же посѣвъ табака приходится на 1869 и 1874 года.

Приводимъ официальные данные и для Тульской губернии:

	Пространство таб. плантаціи.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунт.
1867	471	1,024	34,966	8
1868	1,720	—	121,600	—
1869	1,638	—	101,086	—
1870	867	549	26,054	10
1871	353	2,387	15,467	17
1872	416	713	41,729	4
1873	418	470	43,920	—
1874	420	586	43,946	—
1875	239	840	15,473	—
1876	409	2,310	25,929	30

Табакочодство въ Тульской губернии, какъ показываютъ цифры, съ 1870 года начинаетъ уменьшаться; причиною такого уменьшенія послужилъ недостатокъ сбыта табака.

Для полноты очерка приводимъ таблицу о состояніи табакочодства въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, гдѣ оно ведется въ менѣ значительныхъ размѣрахъ.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ пространства земли, занимаемой табачными плантаціями, приводимъ для простоты, въ цѣлыхъ десятинахъ, а сборъ табака въ цѣлыхъ пудахъ, дробь же отброшена.

Г У Б Е Р Н И И.	1867.		1868.		1869.		1870.		1871.		1872.		1873.		1874.		1875.		1876.	
	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.	Простран.	Сборъ.
Астраханская	5	685	20	2,249	12	1,922	5	378	5	412	5	520	—	390	3	621	3	414	20	1728
Винская	3	602	—	—	1	25	1	14	1	22	1	27	1	24	1	75	—	20	—	—
Кадушская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	70	—	—	—	—	—	—	—
Курочка	97	5,731	148	9,347	261	11,763	234	9,549	256	12,665	203	9,891	285	14,100	294	14,375	277	13,304	420	23,088
Минская	48	2,198	48	2,647	33	2,325	33	1,642	32	2,397	33	2,076	42	2,595	18	487	17	717	52	4,571
Могилевская	6	178	—	22	1	21	1	22	1	20	1	19	1	22	1	20	4	170	3	75
Нижегородская	32	3,060	31	1,964	27	1,040	27	1,446	—	—	51	1,966	28	2,345	70	3,273	24	2,424	85	5,111
Оренбургская	5	420	2	200	3	70	—	—	—	7	810	7	655	10	1,220	11	1,020	12	55	55
Орловская	11	1,273	42	4,337	33	3,573	31	3,028	31	3,004	48	4,998	46	4,044	149	9,158	160	13,162	92	7,108
Пензенская	48	8,328	43	6,565	53	4,702	55	9,355	75	12,735	69	14,284	63	12,178	87	15,873	90	16,406	91	11,109
Рязанская	132	11,727	158	16,836	165	13,402	190	17,418	168	13,325	199	17,665	215	19,281	216	17,950	315	27,539	164	21,984
Симбирская	29	7,231	50	3,992	67	6,862	49	9,801	53	5,308	64	14,284	52	4,859	72	6,569	67	7,348	70	5,029
Смоленская	10	47	—	—	—	128	1	—	—	—	—	—	—	2	157	7	642	16	1,449	
Тамбовская	433	17,975	382	27,634	446	39,732	141	40,144	514	35,983	483	40,380	—	—	543	45,179	686	52,200	845	90,394
Земля войска Донского	1	735	16	515	10	720	413	466	—	253	5	560	10	901	13	901	9	960	26	1,805

У. Табаководство на Кавказѣ.

О кавказскомъ табакководствѣ имѣются лишь отрывочныя officialныя свѣдѣнія; частныхъ свѣдѣній имѣется также мало.

Вотъ что пишетъ г. Неручевъ по поводу табакководства въ горномъ Черноморскомъ округѣ¹⁾: «Мѣстъ, удобныхъ для табачныхъ плантацій въ горномъ Черноморскомъ округѣ мало; подъ табакъ могутъ быть воздѣлываемы лишь небольшіе клочки, лежащіе по узкимъ тѣснымъ долинамъ, при рѣкахъ, берега которыхъ покрыты толстымъ слоемъ тучной наносной почвы. Кромѣ того, какъ извѣстно, табакъ, для своего ухода, требуетъ много рабочихъ рукъ, которыхъ въ край мало».

Воздѣлываніе табака здѣсь производится крестьянами-переселенцами; особенными же мастерами являются греки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ послѣдніе платили до 40 руб. за десятину нови (и отъ 10—30 руб. за мягкую) подъ табакъ; но тогда еще на табакъ здѣсь стояли хорошія цѣны. Кромѣ того, плантаторы-греки подвергались сильной эксплуатаціи со стороны армянъ-купцовъ, которые давали задатки подъ табакъ впередъ и впоследствии брали его по чемъ хотѣли.

Притѣсненія со стороны кулаковъ, при отсутствіи правильно организованнаго кредита, и упавшія на табакъ цѣны, привели къ тому, что греки-плантаторы ушли и земли запустили.

Табакъ разводится въ Черноморскомъ округѣ и на Кубани на поляхъ изъ сѣмянъ, ежегодно выписываемыхъ изъ Турціи (дюбекъ, кеобекъ). Табакъ этотъ имѣетъ превосходныя качества, ничѣмъ не уступаетъ настоящему турецкому и подъ именемъ этого послѣдняго извѣстенъ въ продажѣ въ Бриму, Одессѣ и на Дону.

Въ послѣднее время, въ станицахъ, расположенныхъ по лѣвую сторону рѣки Кубани, жители начали заниматься въ большихъ размѣрахъ разведеніемъ табака. 1871 годъ, особенно урожайный, далъ блестящіе результаты.

Въ Терской области и Ставропольской губерніи разводятъ на огородахъ простой табакъ (*nicotiana rustica*); кромѣ того, дѣлаются въ небольшихъ размѣрахъ опыты посѣва высшихъ сортовъ. Въ Терской области, благодаря влимату и наносной песчаноиловатой почвѣ, во всѣхъ мѣстностяхъ, орошаемыхъ р. Те-

¹⁾ «Русское сельское хозяйство», 1875 г., № 11.

рекомъ и множествомъ горныхъ рѣчекъ, табаководство могло-бы развиться до значительныхъ размѣровъ. При существующихъ мѣстныхъ условіяхъ, здѣсь съ успѣхомъ можно разводить не только турецкіе, но и высшіе американскіе сорта табака ¹⁾.

Приводимъ официальные данныя о производствѣ табака въ губерніи Ставропольской и Областяхъ Терской и Кубанской:

Годы.	Простр. табачн. плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуд.	Фун.
1867 . . .	138	1,952	5,243	20
1868 . . .	226	2,340	11,181	25
1869 . . .	322	196	17,574	27
1870 . . .	453	310	24,486	34
1871 . . .	938	2,095	53,244	20
1872 . . .	1,823	295	113,690	13
1873 . . .	1,425	36	95,935	36
1874 . . .	1,422	1,547	92,575	5
1875 . . .	1,587	180	104,121	27
1876 . . .	2,055	1,305	131,612	4

Изъ цифръ видно, какъ быстро развивается табаководство на сѣверномъ Кавказѣ, хотя эти цифры значительно преуменьшены. Такъ, напр., по частнымъ свѣдѣніямъ, въ 1872 г. въ одномъ только Темрюкскомъ уѣздѣ засѣяно было табакомъ 213 дес. и собрано 78,830 пуд. ²⁾.

Къ сожалѣнію, сбытъ оказался плохимъ и многіе плантаторы потеряли большіе убытки. Въ 1873 г., по частнымъ-же свѣдѣніямъ, въ юртахъ 17 закубанскихъ станицъ и на частныхъ земляхъ подъ табакъ было занято 930 дес., давшихъ 71,400 п. ³⁾.

О Закавказскомъ табаководствѣ ни официальныхъ, ни частныхъ свѣдѣній почти вовсе нѣтъ. Извѣстно только, что табаководствомъ тамъ заниматься стали недавно, разводить преимущественно на огородахъ, простой табакъ, плохого качества. Высшіе сорта табака привозятся изъ Турціи.

Официальные данныя о табаководствѣ въ Закавказскомъ краѣ имѣются лишь за три года:

¹⁾ «Кавказъ», 1872 г., № 129.

²⁾ «Кубанскія Вѣдомости», 1873 г., № 18.

³⁾ «Кубанскія Вѣдомости», 1874 г. № 36.

	1870 г.		1871 г.		1872 г.	
	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.
Тифлисская	138	—	144	800	22	1,200
Баяннская	80	800	81	824	—	—
Кутаисская	350	1,845	407	389	128	2,267
Эриванская	151	—	126	—	536	—
Елисаветпольская	56	806	62	1,149	3	728
Дербентское градоначальство	5	—	3	1,800	—	—

Табаководство въ Тифлисской губерніи (въ Кахетіи) въ послѣднее время достигло значительнаго развитія, особенно въ Сигнахскомъ уѣздѣ. Въ настоящее время тамъ собирается до 100,000 пуд. табака.

Замѣчательно, что съ развитіемъ табаководства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сигнахскаго уѣзда появился моръ на пчелъ. Пчелы, собирающія цвѣточную пыль отовсюду, стали брать таковую и съ табачныхъ цвѣтовъ, причемъ множество пчелъ погибало, и самый медъ имѣлъ непріятный специфическій запахъ ¹⁾.

Въ заключеніе сообщимъ нѣсколько данныхъ о табаководствѣ въ губерніяхъ царства Польскаго, Сибири и Туркестанскомъ краѣ.

Изъ губерній царства Польскаго, табаководство наиболее развито въ губерніяхъ Варшавской и Люблинской; разведеніе же табака въ другихъ губерніяхъ весьма незначительно. Вотъ officialныя свѣдѣнія о табаководствѣ въ 10-ти губерніяхъ царства Польскаго за пять лѣтъ:

Годи.	Пространство табачныхъ плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пудм.	Фуgmt.
1872.	172	1,725	6,090	37
1873.	152	1,250	4,921	20
1874.	369	2,355	7,037	4
1875.	67	154	3,887	28
1876.	46	2,316	2,582	27.

Цифры эти показываютъ, что табаководство въ губерніяхъ царства Польскаго прогрессивно уменьшается. За пятилѣтіе 1872—1876 г. пространство табачныхъ плантацій уменьшилось въ четыре раза, а сборъ табака—въ два съ половиною раза.

Существуютъ также нѣкоторыя officialныя свѣдѣнія о табаководствѣ въ западной Сибири. Вотъ цифры за 4 года:

¹⁾ «Тифлисскій Вѣстникъ», 1879 г.

Годы.	Пространство табачных плантацій.		Количество сбора.	
	Дес.	Саж.	Пуды.	Фунты.
1872	?	?	27,790	22
1873	?	?	42,871	12
1874	758	2,154	31,712	22
1876	?	?	50,980	10.

Цифры показываютъ, что въ западной Сибири табаководство также съ каждымъ годомъ развивается.

Въ Томской губерніи, на примѣръ, въ послѣднее время разводится табакъ самаго низкаго сорта. Ежегодно собирается въ Бійскомъ, Томскомъ, Кузнецкомъ, Барнаульскомъ и Каинскомъ уѣздахъ до 7,000 пуд., въ томъ числѣ въ одномъ Бійскомъ уѣздѣ (гдѣ табаководствомъ занимались еще 20—25 лѣтъ тому назадъ) 6,000 пуд.

Кромѣ домашняго употребленія, табакъ продается китайскимъ инородцамъ и киргизамъ¹⁾.

Въ Туркестанскомъ краѣ, въ Семирѣченской области, табакъ высшихъ сортовъ русскіе стали разводить въ 1864 г. (сѣмяна взяты изъ Риги); въ 1867 г., въ окрестностяхъ Вѣрнаго было занято подъ табачными плантаціями около 7 дес. Лучшими сортами на мѣстной почвѣ оказались изъ американскихъ: виргинскій и порторико; изъ турецкихъ—дубекъ, македонскій и албанскій. Въ настоящее время средній урожай простирается до 50 пуд., обработка десятины обходится около 250 р.²⁾

Въ 1870 г. было засѣяно табакомъ 44 дес., собрано 1,327 пуд.; въ 1871 г. съ трехъ плантацій было добыто около 250 пудовъ.

Табакъ продается, большею частію, на самомъ мѣстѣ производства иногороднымъ или мѣстнымъ купцамъ или фабрикантамъ. Приводимъ ниже цѣны, которыя существуютъ на табакъ; онѣ, главнымъ образомъ, зависятъ отъ урожая: при хорошемъ урожаѣ цѣны вообще ниже, а при плохомъ—выше, потому что сбытъ табака всегда обезпеченъ.

Не смотря, однакожъ, на вліяніе урожая въ цѣны табака, цѣны эти въ послѣднее время, въ общей сложности, поднялись (на мѣстахъ производства); этому обстоятельству послужило, главнымъ образомъ, возвышеніе цѣнъ на воздѣлываніе и обработку табака.

¹⁾ «Записки кавказскаго общества сельскаго хозяйства», 1872 г., № 23.

²⁾ «Записки кавказскаго общества сельскаго хозяйства», 1872 г., № 23.

Цѣны на крестьянскій табакъ стоятъ вообще ниже цѣнъ на помѣщичій, потому что первый хуже обрабатывается и хуже сушится. Крестьянскій табакъ, большею частію, сырѣе; затѣмъ крестьянскій табакъ бываетъ, большею частью, сборный, т. е. разнаго качества, ибо скупается мелкими партіями¹⁾.

Но въ главныхъ торговыхъ мѣстахъ, за послѣднее десятилѣтіе, цѣны скорѣе понизились, вслѣдствіе удешевленія перевозки табака по желѣзнымъ дорогамъ, сравнительно съ прежнею перевозкою по шоссейнымъ дорогамъ.

Вотъ опловыя цѣны на разные сорта табака для Московской губерніи²⁾.

СОРТЫ.	1866 г.				1876 г.			
	отъ		до		отъ		до	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Бессарабскій	5	—	17	—	4	—	20	—
Махорка.	2	—	4	—	1	50	3	—
Нѣжинскій	2	—	4	—	1	—	2	—
Саратовскій	2	50	5	50	2	—	4	—
Серебрянка.	2	10	2	35	1	50	3	—

Привозъ и вывозъ табака за границу въ теченіи десятилѣтія (1867—1876 г.) были слѣдующіе³⁾:

а) Привозъ табака по европейской границѣ (главнымъ образомъ изъ Турціи и Пруссіи):

въ 1867 г.	на 3.743,792 р.	въ 1872 г.	на 9.878,838 р.
» 1868 »	» 3.496,862 »	» 1873 »	» 5.578,746 »
» 1869 »	» 4.844,700 »	» 1874 »	» 8.079,586 »
» 1870 »	» 4.476,284 »	» 1875 »	» 8.700,000 »
» 1871 »	» 4.818,299 »	» 1876 »	» 18.800,000 »

¹⁾ Щепкинъ, «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1870 г., май.

²⁾ «Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи», сост. Вильсонъ, 1869 г., стр. 341; «Ежегодникъ министерства финансовъ», 1878 г.

³⁾ «Ежегодникъ министерства финансовъ», 1869—1878 г.

б) По азиатской границѣ (преимущественно изъ Турціи):

въ 1867 г.	на 336,277 р.	въ 1872 г.	на 405,793 р.
» 1868 »	» 546,130 »	» 1873 »	» 272,422 »
» 1869 »	» 256,081 »	» 1874 »	» 176,094 »
» 1870 »	» 290,336 »	» 1875 »	» 171,000 »
» 1871 »	» 294,078 »	» 1876 »	» 528,500 ..

Изъ цифръ видно, что привозъ иностраннаго табака увеличился въ десятилѣтіе почти въ пять разъ, что объясняется постоянно возрастающимъ потреблениемъ у насъ высшихъ сортовъ табака. Съ другой стороны, табачные фабриканты, для ароматности, подмѣшиваютъ къ своимъ фабрикатамъ высшіе сорты привознаго табака.

Вывозъ табака разнаго (въ листьяхъ и дѣльнаго):

		За границу.		Въ Финляндію.	
въ 1867 г.	на ?	р.	на 192,697 р.		
» 1868 »	» ?	»	» 172,688	»	
» 1869 »	» 474,386	»	» 206,284	»	
» 1870 »	» 670,534	»	» 412,166	»	
» 1871 »	» 894,432	»	» 442,364	»	
» 1872 »	» 682,472	»	» 321,924	»	
» 1873 »	» 422,170	»	» 441,826	»	
» 1874 »	» 850,428	»	» 550,222	»	
» 1875 »	» 1,450,000	»	» 609,000	»	
» 1876 »	» 203,385	»	» 704,000 ..	»	

Вывозъ табака (преимущественно дѣльнаго) производится въ Персію и др. азиатскія государства; онъ, какъ видно изъ таблицы, значительно колеблется, съ нѣкоторою наклонностью къ пониженію, тогда какъ вывозъ табака (преимущественно низшихъ сортовъ) въ Финляндію увеличивается съ каждымъ годомъ.

Выводы, къ которымъ мы приходимъ относительно развитія у насъ табаководства за десятилѣтіе 1867—1876 г., суть слѣдующіе:

1) Табаководство почти повсемѣстно увеличивается, причемъ пространство табачныхъ плантацій развивается частью на счетъ полевой, но всего больше на счетъ огородной земли. Последнее обстоятельство привело къ тому, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (преимущественно малороссійскихъ) табакъ вытѣснилъ съ огорода крестьянскихъ земель картофель и другіе болѣе необходимые сельскохозяйственные продукты.

2) Табаководство, какъ отрасль сельскохозяйственной про-

мышленности весьма интенсивная, требующая значительной затраты труда и капитала, не может вестись въ значительныхъ размѣрахъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ и вообще свойственно болѣе мелкому землевладѣнію, вслѣдствіе того обстоятельства, что маленькій клочекъ земли, чѣмъ бы, кромѣ табака, ни былъ засѣянъ, никогда не можетъ принести столько дохода, сколько приносить въ формѣ табачной плантаціи.

3) Недостатокъ правильно организованнаго кредита не даетъ большинству крестьянъ-плантаторовъ того номинальнаго высокаго охода, который могъ бы получаться отъ табачныхъ плантаціи.

Большинство крестьянъ-табаководовъ вынуждены прибѣгать къ кредиту евреевъ-эксплуаторовъ, вслѣдствіе чего дѣйствительный доходъ отъ табаководства получается незначительный.

Въ настоящее время является настоятельною необходимостью организація на югѣ Россіи небольшихъ ссудныхъ банковъ подъ сельскохозяйственные продукты вообще и подъ табакъ въ особенности.

4) Цѣны на табакъ на мѣстахъ его производства за послѣднее десятилѣтіе увеличились, вслѣдствіе вздорожанія рабочихъ рукъ и высокой аренды за земли, годныя подъ табакъ; въ центральныхъ же торговыхъ пунктахъ (напр. Москва) цѣны на табакъ понизились на разность перевозки (прежней) по шоссе-нымъ и (настоящей) по желѣзнымъ дорогамъ, вслѣдствіе развитія желѣзнодорожной сѣти.

5) Привозъ табака изъ-за границы увеличивается съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе усиленія потребленія высшихъ сортовъ табака.

6) Вывозъ табака за границу, вообще незначительный, представляется колеблющимся; вывозъ же табака въ Финляндію возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Николай Пономаревъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

ОЧЕРКЪ СЕДЬМОЙ.

БИОЛОГІЯ.

(Продолженіе).

ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ КРОВООБРАЩЕНІЯ.

I.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы ознакомились съ первоначальнымъ состояніемъ біологическаго знанія, на сколько выражено оно въ ученіяхъ древнихъ грековъ о явленіяхъ жизни, и видѣли, что источникомъ его служить примитивная біологія, біологія дикаря. Мы видѣли именно, что метафизическое ученіе древнихъ грековъ о жизни составляетъ непосредственное развитіе анимистическихъ возрѣній первобытной философіи, характеризующеся главнымъ образомъ смѣною олицетворенныхъ духовъ или фетишей отвлеченными сущностями. Генетическая связь или преемственность этихъ ученій состоитъ въ томъ, что оба онѣ ищутъ причину жизни внѣ условій самой жизни, оба онѣ рассматриваютъ жизненность какъ результатъ самобытнаго дѣятеля, обособленно отъ организма и его свойствъ. Послѣднему приписывается чисто страдательная роль; все зависитъ отъ того особаго дѣятеля, который управляетъ организмомъ, его существованіемъ, словомъ — обусловливаетъ его жизнѣдѣтельность. То, что живетъ и то, что даетъ жизнь ока-

зываются двумя, по природѣ своей, совершенно различными вещами. Такимъ образомъ, дуализмъ составляетъ самую характерную и общую черту этихъ начальныхъ возрѣній на біологическія явленія.

Если мы обратимся теперь къ послѣдующимъ ступенямъ развитія біологіи, то увидимъ, что тотъ же дуализмъ, тѣ же «самобытные дѣятели» продолжаютъ всецѣло царствовать въ ней въ теченіе многихъ столѣтій, прежде чѣмъ значеніе ихъ было служено, а затѣмъ уже окончательно сдано въ архивъ. Въ такомъ, напримѣръ, состояніи находилась фізіологія, начиная съ Галена, т. е. со втораго столѣтія нашей эры и до конца прошлаго столѣтія. Въ продолженіи всего этого многовѣковаго періода, рѣшеніе біологическихъ вопросовъ было исполнѣ подчинено метафизическому принципу: «Таинственная жизненная сила объясняла все».

Самыя наглядныя и убѣдительныя тому доказательства представляетъ исторія открытія кровообращенія, къ разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ теперь. Мы останавливаемся на исторіи открытія кровообращенія:

во первыхъ, потому, что въ томъ періодѣ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, ученіе о кровообращеніи, до XVII столѣтія включительно, занимало въ фізіологіи самое выдающееся мѣсто и изъ всѣхъ ея отдѣловъ отличалось наиболее полною разработкою, стало быть, можетъ служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ мѣриломъ для надлежащей оцѣнки степени прогресса фізіологіи того времени;

во вторыхъ, потому, что исторія открытія кровообращенія есть въ сущности исторія начального развитія фізіологіи животныхъ; она, эта исторія, знакомитъ насъ съ тѣми именно фізіологическими явленіями, которыя ранѣ другихъ были освобождены отъ различныхъ отвлеченныхъ сущностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ весьма поучительные примѣры того, какъ совершался этотъ процессъ, какъ исподволь ступенькались примитивныя возрѣнія, уступая свои мѣста взглядамъ болѣе согласнымъ съ дѣйствительностью, что именно содѣйствовало такому прогрессу и что, напротивъ, тормозило его; наконецъ,

въ третьихъ, потому, что ученіе о кровообращеніи имѣло весьма существенное вліяніе на первоначальное развитіе соотвѣтствующаго отдѣла фізіологіи растений, именно, на ученіе о сокообращеніи, т. е. о движеніи соковъ въ растительномъ организмѣ. Не будучи знакомымъ съ исторіею открытія кровообращенія, было бы трудно понять исторію открытія сокообра-

щенія, въ особенности-же было бы невозможно понять источникъ тѣхъ многочисленныхъ заблужденій, которыя предстояло устранить, для того, чтобы ученіе о движеніи соковъ приобрѣло строго научный характеръ.

И такъ, вотъ тѣ мотивы, которые побуждаютъ насъ рассмотретьъ прежде всего и притомъ по возможности обстоятельнѣе послѣдовательныя фазы развитія ученія о кровообращеніи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, т. е. съ самаго ранняго, зачаточнаго его состоянія и до вполне законченной научной системы. Съ этою цѣлью мы позволяемъ себѣ предварительно сказать нѣсколько дополнительныхъ словъ къ тому, что было уже нами сообщено въ предъидущемъ очеркѣ о состояніи этого ученія у древнихъ грековъ.

Анатомическія свѣдѣнія древнихъ грековъ, какъ уже знаемъ, были крайне скудны; они имѣли весьма смутныя представленія о кровеносныхъ сосудахъ и о строеніи центральнаго органа кровообращенія. Правда, имъ было извѣстно, что сердце есть полый органъ, раздѣленный продольною перегородкою на двѣ части, правую и лѣвую; но, говоря объ этихъ частяхъ или полостяхъ, древніе анатомы имѣли въ виду только тѣ полости сердца, которыя нынѣ извѣстны подъ именемъ желудочковъ, что же касается предсердій, то они рассматривали ихъ какъ части сосудовъ, которыми послѣдніе непосредственно прилегаютъ къ сердцу. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія древнегреческихъ анатомовъ, строеніе сердца ¹⁾ отличалось гораздо меньшею сложностью, нежели какъ это извѣстно въ настоящее время. Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что до Эразистрата не было совершенно извѣстно существованіе сердечныхъ клапановъ или заслонокъ. Этому анатому, жившему за три столѣтія до нашей эры, принадлежитъ честь перваго открытія клапановъ сердца; именно, онъ нашелъ, что обѣ полости сердца, правая и лѣвая, въ мѣстахъ своего соединенія съ сердцемъ снабжены особыми заслонками, расположенными такимъ образомъ, что кровь, направляющаяся по венамъ къ сердцу, задерживается при своемъ стремленіи къ обратному движенію и что вообще, благодаря подобному устройству, движеніе крови къ сердцу и отъ сердца отличается всегда опредѣленнымъ направленіемъ. Громадное значеніе такого открытія мы оцѣнимъ вполне, если примемъ во вниманіе, что безъ него нельзя было бы составить себѣ

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о строеніи сердца у человѣка и высшихъ животныхъ.

даже приблизительнаго представленія о фізіологической дѣятельности разсматриваемаго органа въ отношеніи къ явленіямъ кровообращенія. Открытіе Эразистрата составляетъ такимъ образомъ первый шагъ на пути въ открытію кровообращенія; но только первый шагъ—не больше. Греческій анатомъ былъ самъ весьма далекъ отъ надлежащей оцѣнки своего открытія и, вмѣстѣ съ своими современниками, считалъ кровеносными сосудами однѣ только вены, которыя разносятъ питательную влагу по всѣмъ частямъ организма и берутъ свое начало отъ правой полости сердца; лѣвая же полость сердца даетъ начало артеріямъ, въ которыхъ кровь отсутствуетъ и которыя содержатъ воздухъ. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Эразистрата, будучи воспринятъ извнѣ легкими, вступаетъ въ воздухоносную трубочку, откуда, черезъ легочную вену (по терминологіи древнихъ—венозную артерію, *arteria venosa*), проходитъ въ лѣвую полость сердца, а изъ этой полости—въ артеріи, которыми и разносится по всѣмъ частямъ тѣла, доставляя послѣднимъ дыханіе жизни. И такъ, по ученію Эразистрата, система сосудовъ, извѣстная нынѣ подъ общимъ именемъ кровеносной, раздѣлялась на двѣ совершенно разобщенныя между собою группы: на венозную или кровеносную и артеріальную или воздухоносную; то же и относительно сердца: только правая его полость содержитъ кровь, въ лѣвой же находится воздухъ. Ясно, что, съ этой точки зрѣнія, не могло быть и рѣчи о кровообращеніи въ смыслѣ замкнутаго кроводвиженія: кровь движется въ венахъ и только въ венахъ, въ артеріяхъ же движется воздухъ; своимъ волнообразнымъ теченіемъ онъ обуславливаетъ пульсацію, его же упругостью объяснялась и эластичность артерій.

Казалось бы страннымъ и даже невозможнымъ такое грубое заблужденіе, какъ отрицаніе въ артеріяхъ крови, а между тѣмъ легко понять, какимъ образомъ оно могло возникнуть. Оно составляетъ прямое слѣдствіе ученія древнихъ объ источникѣ жизни: жизнь доставляется организму извнѣ, въ видѣ жизненнаго начала; такимъ именно оживотворяющимъ началомъ считался между прочимъ воздухъ (вспомнимъ, напримѣръ, ученіе Діогена аполонійскаго). Сопоставляя съ этимъ теоретическимъ возрѣніемъ тотъ анатомическій фактъ, весьма хорошо извѣстный древнимъ, что, при разсматриваніи артерій мертваго тѣла, онѣ оказываются пустыми, въ противоположность венамъ, содержащимъ кровь,—легко было придти къ заключенію, что артеріи и суть тѣ каналы, по которымъ воздухъ, какъ оживо-

ряющее начало (spiritus), проходитъ ко всѣмъ частямъ тѣла и сообщаетъ имъ жизненность.

Прошло болѣе четырехсотъ лѣтъ со времени Эразистрата, прежде, чѣмъ указанное здѣсь заблужденіе было устранено. Мы сказали выше, что открытіе Эразистратомъ клапановъ сердца составляло первый шагъ на пути въ открытію явленій кровообращенія; предстояло сдѣлать второй шагъ, предстояло показать, что артеріи, подобно венамъ, содержатъ кровь, а не воздухъ, что это тоже кровеносные, а не воздухоносные сосуды. Этотъ второй шагъ былъ сдѣланъ во второмъ столѣтіи нашей эры знаменитымъ анатомомъ и физиологомъ Галеномъ изъ Пергама ¹⁾. Получивъ свое образованіе въ Александріи, этомъ центрѣ научнаго міра того времени, Галенъ отправился затѣмъ въ Римъ, «гдѣ его репутація возросла такъ быстро, что возбудила къ нему зависть и ненависть въ римскихъ врачахъ. Императоры Маркъ Аврелій и Луцій Веръ хотѣли удержать его при себѣ, но онъ предпочелъ продолжать свои путешествія, побуждаемый къ тому главнымъ образомъ своею любознательностью. Послѣ него остались многочисленныя сочиненія ²⁾, которыя всѣ имѣютъ большое значеніе, потому что проливаютъ много свѣта на исторію анатоміи и медицины, и очень долгое время служили источникомъ всѣхъ анатомическихъ знаній, которыми обладалъ міръ. Во времена умственного безплодія и рабства, у арабовъ и европейцевъ среднихъ вѣковъ сочиненія Галена пользовались почти безусловнымъ авторитетомъ; и только при необыкновенныхъ усиліяхъ независимой мысли, Абдолатифъ осмѣлился утверждать, что свидѣтельства нашихъ чувствъ важнѣе положеній Галена. Впослѣдствіи, когда Везалій, въ XVI столѣтіи, обвинялъ Галена въ ошибкахъ, онъ навлекъ на себя вражду всѣхъ врачей» (В. Уэвелъ). Извѣстный англійскій ученый Гексли говоритъ о Галенѣ, что «никто изъ его предшественниковъ не отличался такими глубокими анатомическими познаніями, какими обладалъ этотъ гениальный мыслитель, и что на него можно смотрѣть, какъ на основателя экспериментальной физиологіи». Дѣйствительно, онъ первый показалъ нагляднымъ образомъ, что трупоразсѣченія, въ которыхъ обыкновенно прибѣгали

¹⁾ Клодъ Галенъ родился въ 131 г. по Р. Х., умеръ въ 201 г.

²⁾ О плодовитости этого ученаго древности можно судить уже потому, что ему приписываютъ болѣе 500 трактатовъ по медицинѣ и 250 трактатовъ по философіи, логикѣ, геометріи и проч.

его предшественники, не могут имѣть никакого рѣшающаго значенія въ сложныхъ фیزیологическихъ вопросахъ, что для этого необходимо обращаться къ опыту надъ живыми животными, а не мертвыми. Греческіе анатомы дѣлали опыты надъ мертвыми животными и находили артеріи пустыми; Галенъ сдѣлалъ опыты надъ живыми животными и понялъ, что артеріи, подобно венамъ, содержатъ кровь. Если, говорить онъ, вскрыть при жизни животнаго артерію, то изъ нея выйдетъ кровь, а не воздухъ, что было бы невозможно, будь артеріи въ дѣйствительности воздухоносныя трубки. И такъ, одно изъ заблужденій, маскировавшихъ явленія кровообращенія, было устранено: артеріи—такія же кровеносныя сосуды, какъ и вены; кровь содержится не только въ венахъ, но и въ артеріяхъ, не только въ правой полости сердца, но и въ лѣвой. Не смотря однако на такую важную поправку, внесенную Галеномъ въ ученіе Эрастрата, его собственныя возрѣнія на рассматриваемый нами предметъ отличались крайнею неполнотою и были еще очень далеки отъ истины. Галенъ констатировалъ фактъ величайшей фیزیологической важности, но онъ не могъ дать ему надлежащаго объясненія, и въ своихъ теоретическихъ возрѣніяхъ повторилъ ошибки своихъ предшественниковъ, доставляя тѣмъ самыя убѣдительныя доказательства громаднаго вліянія исторической-преемственности идей. Въ этомъ отношеніи ученіе Галена, какъ мыслителя крайне самостоятельнаго въ своихъ взглядахъ, въ высшей степени интересно. Съ открытіемъ крови въ артеріяхъ, предстояло, конечно, рѣшить: что это за кровь? отличается-ли она по своимъ свойствамъ отъ венозной крови и если отличается, то чѣмъ именно? какую роль она выполняетъ въ тѣлѣ? въ какомъ отношеніи она находится съ кровью, которая течетъ въ венахъ? существуетъ-ли связь между этими послѣдними сосудами и артеріальными и проч.? Пока артеріи рассматривались какъ воздухоносныя каналы, вопросы эти не могли имѣть мѣста; но они возникли сами собою, разъ была доказана ошибочность такого взгляда, и рѣшеніе именно этихъ вопросовъ повело, въ концѣ концовъ, къ открытію явленій кровообращенія.

Какъ же отвѣчалъ на указаные здѣсь вопросы Галенъ? Крайне сбивчиво и неопредѣленно. Правда нѣкоторые изъ его положеній свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что явленія кровообращенія не были для него совершенно скрыты, но онъ имѣлъ о нихъ весьма смутное представленіе. Такъ, онъ полагалъ, хотя и не могъ доказать, что развѣтвленія легочной артеріи, проводящей венозную кровь отъ сердца къ легкимъ, ана-

стомозируются (соединяются) здѣсь съ развѣтвленіями легочной вены, проводящей артеріальную кровь отъ легкихъ къ сердцу, и что такимъ именно путемъ нѣкоторое количество крови изъ правой полости сердца, черезъ легкія, проходитъ въ лѣвую полость сердца. Здѣсь мы видимъ первое указаніе на существованіе легочнаго или, такъ называемаго, малаго кровообращенія, и честь этого открытія несомнѣнно принадлежала бы всецѣло Галену, если бы не одно обстоятельство, доказывающее, что великій анатомъ уловилъ явленіе, такъ сказать, только на половину. Въ настоящее время извѣстно, что вся венозная кровь изъ правой полости сердца (желудочка) вступаетъ черезъ легкія въ лѣвую полость (сперва въ предсердіе, а оттуда въ желудочекъ) и что въ этомъ именно и состоитъ явленіе малаго или легочнаго кровообращенія. Но, какъ мы видѣли, по мнѣнію Галена, такимъ образомъ циркулируетъ только нѣкоторое и притомъ самое ничтожное количество крови, бѣльшая же ея часть вступаетъ изъ правой полости сердца въ лѣвую прямо, черезъ раздѣляющую ихъ продольную перегородку, снабженную, какъ полагалъ Галенъ, мелкими, невидимыми отверстіями, которыхъ на самомъ дѣлѣ вовсе не существуетъ.

И такъ, согласно ученію названнаго анатома, венозная кровь сообщается съ артеріальной прямо черезъ перегородку сердца; о круговомъ движеніи крови здѣсь не могло быть и рѣчи, если не считать круговаго движенія черезъ легкія, которое разсматривалось какъ побочное и притомъ второстепенное явленіе.

Куда направляется кровь изъ лѣвой полости сердца? Она прогоняется въ аорту, а отсюда въ артеріи, которыя разносятъ ее къ частямъ организма наиболѣе совершеннымъ. Въ настоящее время извѣстно, что и это не такъ, что артеріи разносятъ кровь по всѣмъ частямъ тѣла, и что таково именно специальное назначеніе этихъ сосудовъ въ отличіе отъ венъ, которыя принимаютъ въ себя переработанную въ тканяхъ артеріальную кровь и проводятъ ее обратно къ сердцу. Галенъ, однако, думалъ иначе; именно, онъ принималъ, что не только артеріи, но и вены разносятъ кровь по различнымъ частямъ тѣла, другими словами, что не только артеріальная кровь питаетъ, но питаетъ также и венозная кровь и притомъ она именно питаетъ болѣе грубые, несовершенные органы. Отсюда видно, что хотя Галенъ и признавалъ различіе между венозною и артеріальною кровью, но совершенно не то, которое принимаетъ современная физиологія. Понимая ложно отправление венъ, Галенъ

заблуждался и относительно того источника, отъ котораго эти сосуды берутъ свое начало. Такъ, согласно его ученію, одні только артеріи берутъ начало отъ сердца, вены же только проходятъ черезъ сердце, да и то не всѣ, начало же свое онѣ берутъ отъ печени. Здѣсь именно, т. е. въ печени, кровь вырабатывается изъ пищевыхъ веществъ, доставляемыхъ сюда венами изъ кишекъ и желудка, и отсюда она проводится венами же къ различнымъ частямъ тѣла. Однако хотя этотъ процессъ, эта переработка пищи въ кровь, и происходитъ въ печени, тѣмъ не менѣе главная роль принадлежитъ въ данномъ явленіи не самой печени, а тому особенному, кровотворящему дѣятелю (*spiritus naturalis*), который помѣщается въ печени. Выработанная такимъ образомъ кровь содержитъ въ себѣ все необходимое для того, чтобы питать, но она лишена жизненности, т. е. того одухотворяющаго начала, безъ котораго она не можетъ доставить органамъ жизнь. Это одухотворяющее начало кровь приобретаетъ въ сердцѣ—источникѣ жизни. А именно: венозная кровь, вступающая въ правую полость сердца, подвергается, черезъ отверстія продольной перегородки послѣдняго, дѣйствию одухотворяющаго элемента или жизненнаго принципа, который сосредоточенъ въ лѣвой полости сердца. Затѣмъ нѣкоторое количество оживотворенной такимъ образомъ венозной крови изливается въ легочную артерію, бѣльшая же ея часть, какъ было замѣчено выше, прямо переходитъ изъ правой полости сердца въ лѣвую полость и здѣсь уже, подъ непосредственнымъ вліяніемъ жизненнаго начала, окончательно одухотворяется и превращается въ артеріальную (спиритуальную или одухотворенную). Въ такомъ состояніи эта кровь приобретаетъ способность питать наиболѣе совершенные органы тѣла; она именно содержитъ въ себѣ дыханіе жизни или жизненный духъ (*vitalis spiritus*), изъ котораго формируется и самая высшая субстанція души—животный или головной духъ (*animalis spiritus cerebri*), управляющій нашими интеллектуальными способностями.

Но, помимо указанной здѣсь функціи, артеріальная кровь выполняетъ еще одну весьма важную роль, спеціально ей принадлежащую,—рѣчь идетъ о внутренней теплотѣ организма. По мнѣнію Галена, эта внутренняя теплота есть примитивная сила, первоначальная сущность, часть той міровой души, которая оживотворяетъ все: она превращаетъ кровь въ пары и изъ этихъ паровъ зарождается жизненность или жизненный духъ, причѣмъ данный процессъ преобразованія происходитъ въ сердцѣ, именно въ лѣвой его полости; такъ оно и должно

быть, по мнѣнію Галена, потому что сердце есть источникъ теплоты; отсюда эта теплота и разносится артеріальною кровью по различнымъ частямъ организма: «изъ сердца, говоритъ Галенъ,—теплота изливается въ артеріи и чрезъ артеріи—ко всему тѣлу» («Et ita calor continuè effluit à corde ad arterias, et per arterias ad totum corpus»). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ частей организма наиболѣе высокою температурою отличается сердце, а изъ всѣхъ частей сердца—его лѣвая полость; оттого-то эта лѣвая полость и служитъ пунктомъ превращенія венозной крови въ артеріальную или одухотворенную. Далѣе, хотя внутренняя теплота и рассматривается какъ примитивная сущность, но для того, чтобы она могла постоянно обнаруживаться въ тѣлѣ, необходимъ горючій матеріалъ, который поддерживалъ бы пламя жизни и не давалъ бы ему улетучиваться. Такимъ горючимъ матеріаломъ служить кровь: «кровь, говоритъ Галенъ,—это то самое огненное вещество, которое горитъ въ сердцѣ». Развивающееся при этомъ количество теплоты должно быть регулируемо, чтобы не превышать опредѣленной нормы; роль такого регулятора выполняютъ легкія, т. е. дыхательный актъ: вслѣдствіе притока воздуха извнѣ въ легкія, кровь постоянно охлаждается и тѣмъ поддерживаетъ равномерную температуру тѣла. Припомнимъ, что и по ученію Аристотеля главное «назначеніе» дыхательнаго процесса—охлаждать температуру тѣла.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Галена о жизни. Мы видимъ, что оно всецѣло покоится на метафизическомъ принципѣ, которому безусловно подчинены всѣ фізіологическія явленія. Мало того, предъидущее показываетъ намъ, какъ органически цѣльно связано это ученіе съ предшествующими возрѣніями на тотъ же предметъ, до того неразрывно, что, не зная послѣднихъ, нельзя понять и положеній Галена. Въ самомъ дѣлѣ, естественно поставить вопросы: отчего непременно артеріальная кровь есть кровь по преимуществу одухотворенная, а не венозная, и отчего вмѣстилищемъ или центромъ жизненнаго начала является непременно лѣвая полость сердца, а не правая? А между тѣмъ достаточно сопоставить эти теоретическія положенія Галена съ фізіологическими возрѣніями древне-греческихъ анатомовъ, и вопросы разъясняются сами собою. Правда, греческіе анатомы знали одного рода кровь—венозную, а Галенъ, какъ мы видѣли, первый показалъ, что кровь бываетъ двухъ родовъ, т. е. что помимо венозной существуетъ и артеріальная. Но чѣмъ послѣдняя отличается отъ первой? По ученію греческихъ анатомовъ въ артеріяхъ содержится одухотворенный воздухъ;

нѣтъ, говорить Галенъ,—въ артеріяхъ содержится одухотворенная кровь. Такимъ образомъ новое вещество было облечено въ прежнюю, старую оболочку; протекающая въ артеріяхъ кровь приняла на себя тѣ метафизическія свойства, которыя до того приписывались протекавшему въ артеріяхъ воздуху. А такъ какъ, по мнѣнію древнихъ анатомовъ, артеріи берутъ свое начало только изъ лѣвой полости сердца, то этимъ и объясняется почему центромъ жизненнаго или одухотворяющаго начала Галенъ считалъ именно лѣвую полость даннаго органа, а не правую, въ которую вливается или, по Галену, черезъ которую проходитъ обыкновенная, венозная кровь. Эта кровь, какъ мы знаемъ, частью подвергается здѣсь вліянію жизненнаго начала, смѣшиваясь съ спиритуальною кровью лѣвой полости сердца, частью же совершенно изливается въ послѣднюю и перерабатывается здѣсь въ артеріальную или одухотворенную. И вотъ для того, чтобы это смѣшеніе и это переливаніе могли имѣть мѣсто, и было предположено, что обѣ полости сердца сообщаются между собою черезъ отверстія раздѣляющей ихъ продольной перегородки. Такимъ образомъ эта перегородка, въ дѣйствительности сплошная, оказалась снабженною порами. «Для теоріи не доставало факта, говорить по этому случаю Льюисъ,—и люди увидѣли фактъ, котораго имъ не доставало». Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что Галенъ никогда не утверждалъ, что онъ видѣлъ отверстія въ продольной перегородкѣ сердца, и хотя онъ не сомнѣвался въ ихъ существованіи, но считалъ ихъ крайне мизерными для того, чтобы можно было ихъ видѣть.

II.

Много столѣтій прошло прежде, чѣмъ были обнаружены заблужденія великаго анатома древности, а нѣкоторыя изъ его положеній, въ нѣсколько лишь измѣненномъ видѣ, продолжали держаться въ физиологіи даже до новѣйшаго времени; таково, напримѣръ, мнѣніе будто артеріальная кровь теплѣе венозной, а лѣвая полость сердца (предсердіе и желудочекъ) теплѣе правой—мнѣніе, опровергнутое лишь Клодъ-Бернаромъ. Но и помимо столь сложныхъ физиологическихъ явленій, азбучныя истины современной физиологіи продолжали оставаться въ неизвѣстности, и въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій ошибочныя возрѣнія Галена заслоняли собою истинный смыслъ простѣйшихъ физиологическихъ явленій. Мы знаемъ теперь, что вены идутъ не отъ печени къ

различнымъ тканямъ организма, а отъ тканей въ сердце; что венозная кровь не частью, а вся изливается изъ праваго желудка, черезъ легкія, въ лѣвое предсердіе; что венами называются не тѣ сосуды, по которымъ движется венозная кровь, а тѣ которые несутъ кровь въ сердце, артеріями же—которые отводятъ кровь отъ сердца, хотя бы въ послѣднихъ ¹⁾ и содержалась венозная кровь, какъ въ случаѣ ея передвиженія изъ праваго желудка сердца въ легкія, а въ первыхъ ²⁾—артеріальная кровь, какъ въ случаѣ ея обратнаго теченія изъ легкихъ къ лѣвому предсердію. Далѣе, мы знаемъ теперь, что венозная кровь превращается въ артеріальную не въ сердцѣ, а въ легкихъ, и не вслѣдствіе вліянія на нее жизненнаго начала, а вслѣдствіе обмена содержащагося въ ней углекислаго газа на кислородъ атмосфернаго воздуха. Мы знаемъ также, что источникомъ теплоты служатъ ткани организма, а не сердце; что этотъ органъ не очагъ, въ которомъ кипитъ кровь, не мастерская духовъ, въ которой вырабатывается жизненность, не средоточіе и не причина явленій жизни, какъ полагалъ Галенъ и какъ полагали всѣ его предшественники, повторяя въ одинъ голосъ ученіе первобытной біологіи; мы знаемъ, что сердце есть простой, полный мускулъ, имѣющій своею спеціальною функціею выполнять роль обыкновеннаго насоса, въ явленіяхъ кровообращенія.

Все это нынѣ извѣстно уже очень хорошо и составляетъ азбуку современной фізіологіи. Но, повторяемъ, много прошло столѣтій, прежде, чѣмъ эти истины стали признанными, и ни одна изъ нихъ, ровно ни одна, не была извѣстна до XVI столѣтія включительно. Въ теченіи полуторы тысячи лѣтъ идеи Галена продолжали царствовать безусловно; для первыхъ анатомовъ эпохи возрожденія наукъ слово Галена составляло альфу и омегу біологическаго знанія. Его ученіе объ отправленіяхъ сердца и движеніи крови не подлежало даже критикѣ; «такъ должно быть, ибо такъ учить Галенъ»—вотъ тотъ главный аргументъ, въ которому прибѣгали обыкновенно въ случаѣ рѣшенія спорнаго вопроса. Отсюда уже можно составить себѣ надлежащее понятіе о состояніи фізіологическихъ познаній того времени вообще и, въ частности, о состояніи того предмета, исторію котораго мы здѣсь разсматриваемъ, именно знанія явленій

¹⁾ Легочная артерія, которую древніе считали веною похожею на артерію и потому называли артеріальною веною (*vena arteriosa*).

²⁾ Легочная вена, которую древніе считали артеріей похожею на вену и потому называли венозною артеріей (*arteria venosa*).

кровеобращенія. До второй половины XVI столѣтія объ этихъ явленіяхъ знали не болѣе того, что было извѣстно самому Галену. Въ теченіе всего этого продолжительнаго періода ученіе о кровеобращеніи не подвинулось ни на одинъ шагъ, и мы не станемъ удивляться такому застою, если примемъ во вниманіе тотъ глубокой сонъ, въ который была погружена человѣческая мысль въ эпоху средневѣковаго мрака. Какъ бы то ни было, но въ началѣ возрожденія наукъ мы застаемъ ученіе о циркуляціи крови въ такомъ же младенческомъ состояніи, въ какомъ оно было завѣщано міру Галеномъ. Анатомы продолжали думать, что венозная кровь, подобно артеріальной, течетъ въ тканямъ и, подобно послѣдней, питаетъ органы; они также вѣрили въ существованіе отверстій въ продольной перегородкѣ сердца. «Галенъ признавалъ существованіе этихъ отверстій, говоритъ Флурансъ въ своей «Histoire de la découverte de la circulation du sang»,—потому что того требовали его теоретическія возрѣнія; для первыхъ же анатомовъ начала возрожденія наукъ продольная перегородка имѣла отверстія потому, что такъ училъ Галенъ». И вѣра въ авторитетъ и непогрѣшимость этого великаго ученаго древности была такъ сильна, что она превзошла въ данномъ вопросѣ даже своего учителя: послѣдній, какъ мы замѣтили уже выше, никогда не говорилъ, что онъ видѣлъ эти отверстія, но ихъ видѣли его вѣрные поклонники, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. Такъ, Мондини, преподававшій анатомію въ Бодонѣ въ 1315 году, писалъ о мнимыхъ порахъ продольной перегородки сердца, какъ о вещи, которую онъ видѣлъ своими собственными глазами; позже, тѣ же поры видѣли Вассеръ и многіе другіе анатомы XV и начала XVI столѣтія. Только Беранже де-Карпи имѣлъ нѣкоторое сомнѣніе, безпозвоившее его на этотъ счетъ, и которое онъ выразилъ весьма наивно, принявши, что отверстія эти могутъ быть видимы лишь съ большимъ трудомъ (*cum maxima difficultate videntur*); «впрочемъ, какъ остроумно замѣчаетъ по этому случаю Льюисъ,—употребляя достаточно усилія, де-Карпи, вѣроятно, кончилъ тѣмъ, что увидѣлъ бы то, что повелѣвалъ видѣть Галенъ, подобно тому, какъ, ежедневно, цѣлыя тысячи видятъ то, что, по ихъ мнѣнію, они должны видѣть».

Такимъ образомъ одно изъ капиталнѣйшихъ заблужденій, заслонявшихъ собою явленія кровеобращенія, продолжало упорно держаться; никто не сомнѣвался, что кровь прямо переходитъ черезъ продольную перегородку сердца изъ правой его полости въ лѣвую. Въ такомъ состояніи находился этотъ вопросъ, пока

въ 1543 году великій реформаторъ анатоміи Везалій не объявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что онъ не видитъ въ продольной перегородкѣ отверстій, что эта перегородка сплошная и совершенно разъединяетъ одну полость сердца отъ другой, что послѣднія не сообщаются между собою и ни одна капля крови не можетъ пройти черезъ плотную ткань этой внутренней, продольной стѣнки.

И такъ, положеніе, считавшееся около полуторы тысячи лѣтъ неопровержимою аксіомою, было, наконецъ, опровергнуто; одна изъ преградъ къ признанію циркуляціи крови была разрушена, и это была уже вторая преграда со времени Эразистрата. Послѣдній, какъ мы видѣли, сдѣлалъ первый шагъ къ открытію явленій кровеобращенія, указавъ на существованіе въ сердцѣ клапановъ. Галенъ обнаружилъ заблужденіе греческихъ анатомовъ, показавъ, что артеріи, подобно венамъ, содержатъ кровь, и тѣмъ сдѣлалъ второй шагъ къ открытію циркуляціи крови. Везалій констатировалъ фактъ, что полости сердца совершенно разъединены и что, стало быть, венозная кровь не можетъ сообщаться съ артеріальною кровью черезъ продольную перегородку сердца—и это было третьимъ шагомъ въ исторіи открытія явленій кровеобращенія. Именно этотъ—третій—шагъ велъ прямо къ открытію малаго или легочнаго кровеобращенія. Въ самомъ дѣлѣ, если венозная кровь не смѣшивается съ артеріальною въ сердцѣ, то гдѣ же она смѣшивается?

Первое, болѣе или менѣе опредѣленное рѣшеніе данной дилеммы обыкновенно приписывается теологу Сервету¹⁾, который въ своемъ сочиненіи «Возстановленіе христіанства» («*Christianismi restitutio*») высказываетъ нѣсколько весьма близкихъ къ истинѣ мыслей о движеніи крови изъ правой полости сердца, черезъ легкія, въ лѣвую полость.

Здѣсь прежде всего рождается вопросъ—какимъ образомъ въ сочиненіи, относящемся къ совершенно другой области, могли быть затронуты специально фізіологическіе вопросы, какое отношеніе можетъ представлять «возстановленіе христіанства» къ явленіямъ циркуляціи крови? Для настоящаго времени, конечно,

¹⁾ Михаилъ Серветъ, испанецъ, родился въ 1511 году; въ 1553 году, какъ еретикъ, сожженъ Кальвиномъ «на медленномъ огнѣ», въ Женевѣ; той же участи подверглось и упомянутое въ текстѣ его сочиненіе «Возстановленіе христіанства», оно также было сожжено Кальвиномъ; уцѣлало лишь ничтожное количество экземпляровъ, изъ которыхъ въ настоящее время существуютъ только два: одинъ хранится въ парижской публичной бібліотекѣ, а другой—въ вѣнској.

никакое; но водни дѣтства фізіологіи, задачи ея часто смѣшивались съ задачами исключительнаго, теологическаго характера. Примѣръ этого и представляетъ Серветъ: разсуждая въ своемъ «*Christianismi Restitutio*» о душѣ и духѣ, этотъ «смѣлый и безповойный» теологъ обращается, между прочимъ, къ вопросу о происхожденіи души, какимъ образомъ она формируется, какимъ образомъ формируется духъ? Еще древній греческій философъ Эмпедокль полагалъ, что мѣстопробываніе души есть кровь, что развивающающаяся въ крови теплота и составляетъ душу. Ученіе Галена объ одухотворенной крови и объ источникѣ одухотворяющей силы еще болѣе должно было навести Сервета на мысль, въ какомъ направленіи и гдѣ именно слѣдуетъ искать разрѣшенія занимавшей его дилеммы. Дѣйствительно, хотя онъ и не ссылается на Галена, но буквально принимаетъ все ученіе послѣдняго о развитіи жизненнаго духа и духа животнаго и приходитъ отсюда къ заключенію, что сѣдалище духа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и души, слѣдуетъ искать въ крови, и что, стало быть, для того, чтобы отвѣтить, какимъ образомъ формируется душа, необходимо предварительно узнать, какъ формируется кровь; а для этого, говоритъ Серветъ, слѣдуетъ прежде всего выяснить характеръ движенія крови, какъ она движется, откуда и куда течетъ. И вотъ, рядомъ такихъ-то, для нашего времени совершенно ребяческихъ, силлогизмовъ, названный теологъ приходитъ въ своемъ «*Возстановленіи христіанства*» къ вопросу специально фізіологическаго характера, къ вопросу о кровеобращеніи. Сервету было несомнѣнно извѣстно изъ указаній Везалія, что продольная перегородка сердца не имѣетъ отверстій; но съ другой стороны его теоретическія возрѣнія требовали того, чтобы венозная кровь смѣшивалась съ артеріальною. Такимъ образомъ, если это смѣшеніе происходитъ не въ сердцѣ, то оставался лишь одинъ пунктъ, намѣченный еще Галеномъ, хотя надлежало имъ и неопѣненный, именно — легкія; пунктъ этотъ тѣмъ болѣе отвѣчалъ теоретическимъ требованіямъ, что сюда именно, какъ учили еще греческіе анатомы, направляется извнѣ одухотворяющій воздухъ или дыханіе жизни, стало быть, здѣсь именно венозная кровь и должна превращаться въ артеріальную, откуда уже послѣдняя и направляется къ сердцу. «Сообщеніе между правою и лѣвою полостью сердца, говоритъ Серветъ, — происходитъ не черезъ перегородку этого органа, какъ обыкновенно полагаютъ, но болѣе длиннымъ и болѣе замѣчательнымъ путемъ: кровь направляется изъ правой полости къ легкимъ, гдѣ она преобразовывается, становится желтою и изъ легочной артеріи

переливается въ легочную вену, проводящую ее въ лѣвую полость сердца».

Такимъ образомъ было впервые указано явленіе легочнаго кровообращенія. По крайней мѣрѣ, большинство историковъ видятъ въ только что приведенной цитатѣ несомнѣнное доказательство того, что Серветъ первый указалъ и объяснилъ легочное кровообращеніе, до него неизвѣстное. Такъ, по словамъ Кювье, «физиологическое явленіе легочнаго кровообращенія объяснено весьма яснымъ образомъ именно Серветомъ». Того же мнѣнія придерживается и Флурансъ: «Чтобы составить себѣ надлежащее представленіе о явленіи легочнаго кровообращенія, говоритъ онъ,—необходимо было понять, что кровь проходитъ изъ легочной артеріи въ легочную вену; что кровь изъ правой половины сердца вступаетъ въ лѣвую его половину черезъ легкія; что кровь, изливаясь изъ сердца, снова вливается въ сердце; словомъ, что существуетъ циркуляція, круговое движеніе; и вотъ эта идея, эта великая идея, эта новая идея о круговомъ движеніи крови и была впервые высказана Серветомъ». Наконецъ, въ послѣднее время, та же мысль еще рѣзче была проведена Таленомъ въ его статьѣ «Die Entdeckung des Kreislaufs durch Michel Servet» (1876), и Р. Уилисомъ (Willis. «Servetus and Calvin», (1877). Послѣдній, напримѣръ, прямо говоритъ, что будь «Christianismi restitutio» издано вторично и попади оно въ руки анатомовъ,—Гарвей не пользовался бы славою открытія кровообращенія, открытія, которое обыкновенно связывается съ его именемъ.

Не смотря, однако, на всѣ эти замѣчанія, высказанныя такъ рѣшительно, открытіе легочнаго кровообращенія не можетъ быть приписываемо Сервету. Вотъ что говоритъ по этому поводу Льюисъ: «Хотя Серветъ и имѣлъ нѣкоторое понятіе объ анатомическомъ доказательствѣ, представляемомъ большимъ объемомъ легочной артеріи, вслѣдствіе котораго по ней протекаетъ гораздо большее количество крови, чѣмъ то, которое необходимо для питанія легкихъ, однакожъ, стоитъ только прочесть тѣ мѣста его сочиненія, въ которыхъ онъ описываетъ это легочное кровообращеніе, чтобы убѣдиться, что онъ вовсе не имѣлъ о немъ яснаго понятія. Онъ съ увѣренностью рассказываетъ о томъ, что нервы составляютъ продолженіе артерій и съ большою точностью описываетъ, какимъ образомъ воздухъ изъ носа проходитъ въ желудочки мозга, и какъ дьяволъ избираетъ тотъ же путь, для того, чтобы овладѣть душою. Все, что можно сказать, это то, что Серветъ сдѣлалъ одну счастли-

вую догадку изъ числа множества другихъ, которыхъ никакъ нельзя назвать счастливыми».

Однако, хотя Льюисъ, какъ видно изъ приведенныхъ его словъ, и не признаетъ за Серветомъ той заслуги, которая приписывается ему Флурансомъ, Кювье, Улисомъ и др., тѣмъ не менѣе англійскій ученый полагаетъ, что Серветъ «возвѣстилъ о существованіи легочнаго кровообращенія, и исторія должна признать за нимъ первенство въ этомъ отношеніи». Но въ такомъ случаѣ позволительно спросить, отчего же исторія, въ отношеніи гелиоцентрическаго ученія, не признаетъ первенства за Пиагоромъ, который, почти за два тысячелѣтія до Коперника, «возвѣстилъ» о движеніи земли вокругъ солнца и который основывалъ свою «догадку» объ этомъ движеніи на такого же рода данныхъ, какъ и Серветъ свою? Само собою разумѣется оттого, что догадка, по замѣчанію того же Льюиса, не открытіе. Это еще не все. Самая догадка Сервета о круговомъ движеніи крови, въ сущности, далеко не была такъ «счастлива», какъ полагаетъ Льюисъ. Мы привели уже выше слова Флуранса, по мнѣнію котораго, для того, чтобы составить надлежащее представленіе о явленіи легочнаго кровообращенія необходимо было понять, что кровь изъ правой половины сердца возвращается въ лѣвую его половину черезъ легкія. Но въ томъ то и дѣло, что этого недостаточно; иначе пришлось бы допустить, что уже Галенъ имѣлъ ясное представленіе о легочномъ кровообращеніи, потому что, какъ мы видѣли выше, этотъ древній анатомъ признавалъ возможнымъ и даже предполагалъ разсматриваемое здѣсь движеніе крови черезъ легкія; но онъ училъ, что такимъ образомъ переливается только незначительная часть крови. Отсюда уже совершенно ясно, что надлежащее понятіе о легочномъ кровообращеніи было высказано впервые тѣмъ—и тому лишь принадлежитъ первенство въ открытіи даннаго явленія, кто былъ вполне убѣжденъ и ранѣе другихъ могъ доказать, что кровь изъ правой полости сердца изливается въ лѣвую только черезъ легкія, и что иными путями ни единая капля крови не проходитъ изъ правой половины сердца въ лѣвую. Такъ ли понималъ Серветъ легочное кровообращеніе? Нѣтъ не такъ, хотя приведенныя выше слова его и свидѣлствуютъ, повидимому, противное. Вотъ что говоритъ объ этомъ Гексли въ своей рѣчи «Гарвей и открытіе циркуляціи крови», произнесенной имъ въ прошломъ году въ «Лондонскомъ королевскомъ обществѣ»:—«Я весьма старательно, говоритъ англійскій ученый,—ознакомился съ возрѣніями Сервета и, долженъ сознать-

ся, не вижу, чтобы онъ во многомъ опередилъ Галена: послѣдній училъ, что нѣкоторое количество крови изъ правой половины сердца изливается въ лѣвую половину черезъ легкія; но что большая часть крови проходитъ прямо черезъ отверстія продольной перегородки сердца. Серветъ повидимому утверждалъ напротивъ, что вся кровь правой полости сердца, вступая въ лѣвую полость, проходитъ предварительно легкія. Но затѣмъ онъ измѣняетъ это положеніе и говоритъ, что нѣкоторое количество крови правой половины сердца можетъ просачиваться черезъ продольную перегородку этого органа; отсюда прямо слѣдуетъ, что разница во взглядахъ Галена и Сервета сводится въ сущности къ вопросу о количествѣ, т. е. о количествѣ крови, доставляемой въ лѣвую полость сердца тѣмъ или другимъ путемъ: по мнѣнію одного, черезъ легкія проходитъ меньшая часть, а большая просачивается сквозъ отверстія продольной перегородки; по мнѣнію же другаго, — сквозъ эти отверстія проходитъ меньшая часть, а черезъ легкія — большая.

Всѣ приведенныя здѣсь данныя свидѣлствуютъ весьма краснорѣчиво, какъ сомнительны заслуги Сервета въ ученіи о легочной циркуляціи крови. Мало того, признавая даже за Серветомъ первенство по вопросу, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, хотя Таленъ и думаетъ иначе, что «счастливая догадка» этого теолога не имѣла никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ ученія о кровообращеніи; въ этомъ нельзя сомнѣваться уже потому, что упомянутое выше сочиненіе Сервета, было почти все истреблено, сейчасъ же послѣ выхода въ свѣтъ въ 1553 году, и его ученіе о легочномъ кровообращеніи оставалось неизвѣстнымъ.

Шесть лѣтъ спустя, легочное кровообращеніе было «вновь» открыто, и на этотъ разъ оно было дѣйствительно открыто.

Мы замѣтили уже выше, что для надлежащаго установленія даннаго явленія слѣдовало разъ навсегда закрыть мнимыя отверстія въ продольной перегородкѣ сердца и доказать самымъ положительнымъ образомъ, что вся кровь, изливающаяся изъ правой его половины въ лѣвую, проходитъ только черезъ легкія, а другимъ путемъ ни единая капля ея не попадаетъ въ лѣвую половину сердца. Это положеніе впервые было ясно формулировано и доказано въ 1559 году знаменитымъ итальянскимъ анатомомъ Реальдо Коломбо ¹⁾, ученикомъ и преемникомъ

¹⁾ Реальдо Коломбо, изъ Кремона, родился въ 1494 г., умеръ въ 1559 г.

Везали въ Падуѣ. А потому ему именно и принадлежит всецѣло первенство въ открытіи легочной циркуляціи крови. «Сердце, говоритъ Коломбо,—раздѣляется на двѣ полости, т. е. на два желудочка (о предсердіяхъ тогда еще не было рѣчи)—правое и лѣвое... Въ правомъ желудочкѣ содержится обыкновенная кровь, въ лѣвомъ—жизненная или одухотворенная. Оба эти желудочка раздѣляются продольною перегородкой, черезъ которую, какъ полагаютъ анатомы, и проходитъ кровь изъ правой полости сердца въ лѣвую. Но на самомъ дѣлѣ путь этотъ гораздо длиннѣе: именно, кровь черезъ легочную артерію вступаетъ въ легкія, гдѣ она становится легче; затѣмъ, смѣшавшись съ воздухомъ, она проводится легочною веною въ лѣвую половину сердца; явленіе это до настоящаго времени не было ни кѣмъ ни наблюдаемо, ни описано, хотя каждый можетъ легко убѣдиться въ его истинности». Никакого другого передвиженія крови отъ одной полости сердца въ другой Коломбо не допускалъ, считая указанный имъ путь единственно дѣйствительнымъ. «Мнѣніе, будто венозная кровь вступаетъ въ легкія для того только, чтобы питать легкія совершенно невѣрно, говоритъ Коломбо, не вѣрно уже потому, что легочная артерія слишкомъ объемиста, что не могло бы быть, если бы черезъ нее проходило только то количество крови, которое потребляется легкими. Нѣтъ, черезъ нее приходитъ къ легкимъ вся кровь правой полости сердца, и въ легкихъ эта кровь не питаетъ ихъ, а сама напитывается воздухомъ, приобретаетъ яркій цвѣтъ, становится легче, улучшается,—словомъ, изъ венозной преобразовывается въ артеріальную и въ такомъ уже видѣ направляется черезъ легочную вену въ лѣвую полость сердца, а оттуда, черезъ аорту и артеріи, къ различнымъ частямъ тѣла. Такимъ образомъ, устанавливая легочное кровообращеніе, Коломбо вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ и истинный смыслъ этого явленія; онъ счумѣлъ болѣе или менѣе ясно (сколько то было возможно, конечно, для того времени, когда не имѣли еще никакого понятія о составныхъ частяхъ воздуха) оцѣнить значеніе дыхательныхъ процессовъ и не ограничивалъ функцію дыханія исключительно назначеніемъ охлаждать кровь.

Былъ ли Коломбо знакомъ съ возрѣніями Сервета, не заимствовалъ ли онъ свое ученіе у послѣдняго? Мы имѣли уже случай указать выше на тѣ причины, по которымъ вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Великій итальянскій анатомъ, реформаторъ физиологіи, котораго Шеро называетъ Клодъ-Бернаромъ XVI столѣтія, былъ крайне само-

стоятеленъ въ своихъ работахъ, для того, чтобы заимствоваться идеями испанскаго теолога. Да наконецъ и возрѣнія ихъ, въ сущности, совершенно различны. Коломбо вполне понималъ то явленіе, о которомъ онъ говоритъ, и осповывалъ свое ученіе о легочномъ кровообращеніи на анатомическихъ изслѣдованіяхъ. Серветъ же только «догадывался» и притомъ, во-первыхъ, догадывался не совсѣмъ удачно, а во-вторыхъ, существуютъ весьма вѣскіе аргументы въ пользу того, что своею догадкою онъ обязанъ тому самому Коломбо, котораго нѣкоторые обвиняли даже въ плажіатѣ. Аргументы эти были недавно приведены французскимъ физиологомъ Шеро къ его статьѣ: «Michel Servet et la circulation pulmonaire» (въ «Revue Scientifique», № 3, 1879, 2-е serie), въ которой авторъ, рядомъ убѣдительныхъ доводовъ, положительно доказываетъ, что не Коломбо позаимствовался у Сервета, а скорѣе наоборотъ—Серветъ у Коломбо, хотя ученіе послѣдняго о легочномъ кровообращеніи и было опубликовано шестью годами позже появленія въ свѣтъ книги Сервета. Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ несомнѣнные свидѣтельства, что разсматриваемое здѣсь явленіе было открыто Коломбо ранѣе того, чѣмъ возвѣстилъ о немъ Серветъ въ своемъ «Christianismi restitutio». Во первыхъ, необходимо принять во вниманіе, что открытіе Коломбо было опубликовано въ годъ смерти автора и притомъ послѣ его смерти, постигшей великаго анатома на шестьдесятъ пятомъ году его жизни. Стало бытъ, это открытіе было сдѣлано ранѣе 1559 года; дѣйствительно, оно было сдѣлано много ранѣе. Такъ, еще въ 1554 году, слѣдовательно только годомъ позже выхода въ свѣтъ книги Сервета, ученикъ Коломбо, Вальверда, пытаясь примирить идеи Галена съ возрѣніями своего учителя, упоминаетъ, между прочимъ, о легочномъ кровообращеніи, какъ о физиологическомъ явленіи открытомъ Коломбо и прочно установленномъ послѣднимъ, рядомъ анатомическихъ изслѣдованій надъ живыми животными. Далѣе, самъ Коломбо еще въ 1555 году писалъ Пію IV о своихъ работахъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, что онѣ начаты имъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Достаточно сопоставить настоящее заявленіе съ вышеприведеннымъ замѣчаніемъ Вальверда, чтобы убѣдиться, что разсматриваемое здѣсь физиологическое явленіе было извѣстно Коломбо ранѣе 1553 года, т. е. ранѣе того, какъ о немъ возвѣстилъ Серветъ. Выводъ этотъ подкрѣпляется также и прямыми указаніями, изъ которыхъ въ особенности заслуживаютъ вниманіе слова таковаго компетентнаго въ данномъ отношеніи судьи, какъ Галлеръ, который говоритъ прямо, что ле-

гочное кровообращеніе было извѣстно Реальдо Коломбо ранѣе, нежели Сервету, хотя его великое открытіе и опубликовано позже. Не лишне также прибавить ко всему здѣсь сказанному, что имя Коломбо, какъ профессора и ученаго, приобрѣло уже громкую извѣстность въ то время, когда Серветъ еще только добивался докторской степени. Послѣдній посѣщалъ Италію, слушалъ лекціи знаменитыхъ итальянскихъ анатомовъ, и нельзя поручиться, что среди ихъ не было Реальдо Коломбо, на лекціяхъ котораго Серветъ и могъ ознакомиться съ новымъ ученіемъ, съ явленіемъ легочной циркуляціи крови. Наконецъ, извѣстно, что Серветъ переписывался со многими итальянскими учеными и учеными другихъ націй, которые стекались въ Италію, этотъ центръ умственнаго движенія того времени; но на одному, конечно, Вальверду было извѣстно открытіе Коломбо, оно могло быть извѣстно и нѣкоторымъ изъ многочисленныхъ друзей и корреспондентовъ Сервета, отъ которыхъ это открытіе могъ узнать и самъ Серветъ. Во всякомъ случаѣ весьма странно, что ни одинъ изъ анатомовъ или медиковъ того времени, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, ни слова не говорятъ о томъ, чтобы Сервету было извѣстно легочное кровообращеніе ранѣе, нежели Коломбо. Правда, книгу Сервета постигла тяжелая участь; съ содержаніемъ ея едвали кто успѣлъ надлежаще ознакомиться, но тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы въ своей перепискѣ съ учеными друзьями онъ не упомянулъ ни словомъ о своемъ открытіи и чтобы ни одинъ изъ его друзей не сообщилъ объ этомъ, будь открытіе Сервета въ такой мѣрѣ самостоятелно, какъ то полагаютъ его поклонники.

Таковы нѣкоторыя изъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ Шеро приходитъ въ заключенію, что первенство въ открытіи легочнаго или малаго кровообращенія принадлежитъ всецѣло итальянскому анатому Реальдо Коломбо, и что не Коломбо заимствовалъ свое ученіе у Сервета, а наоборотъ Серветъ у Коломбо.

Мы считали не лишнимъ остановиться на этомъ вопросѣ именно потому, что до послѣдняго времени большинство историковъ придерживалось совершенно противоположнаго взгляда, преувеличивая значеніе мнимыхъ заслугъ Сервета въ ущербъ великимъ заслугамъ истиннаго автора легочнаго кровообращенія.

Помимо Сервета и Коломбо, съ открытіемъ легочнаго кровообращенія связываютъ обыкновенно имя знаменитаго ботаника XVI столѣтія — Цезальпина, который, нѣсколько позже Коломбо, также училъ о передвиженіи крови изъ правой поло-

вины сердца въ лѣвую черезъ легкія, хотя повидимому онъ и не зналъ того, что писалъ объ этомъ предметѣ Коломбо; по крайней мѣрѣ онъ не упоминаетъ о немъ. Тѣмъ не менѣе, не отрицая самостоятельности Цезальпина, едвали можно признать за нимъ въ данномъ отношеніи большую заслугу, нежели за Серветомъ. Дѣло въ томъ, что великій ботаникъ, подобно испанскому теологу, имѣлъ весьма неполное понятіе о томъ явленіи, на которое онъ указывалъ, допуская, что нѣкоторое количество крови можетъ изливаться изъ праваго желудочка въ лѣвый прямо черезъ продольную перегородку сердца.

Но нельзя того же сказать о другомъ указаніи Цезальпина, въ которомъ первенство несомнѣнно принадлежитъ ему и которое до Цезальпина не было ровно никѣмъ подмѣчено. Открытіе легочнаго кровообращенія составляло, конечно, громадный шагъ впередъ, въ дѣлѣ изученія явленій передвиженія крови въ организмѣ, но, само по себѣ, оно не могло дать полнаго понятія о характерѣ этого передвиженія. Легочное кровообращеніе совершается только по малой дугѣ того большаго круга, по которому циркулируетъ кровь. Взятая въ отдѣльности, это передвиженіе крови изъ одной половины сердца въ другую, черезъ легкія, не давало, въ сущности, никакого представленія о замѣнутомъ, круговомъ движеніи; оно вовсе не показывало, чтобы кровь, изливающаяся изъ лѣвой половины сердца въ аорту и затѣмъ въ артеріи, снова возвращалась сюда черезъ правую половину сердца и легкія, а безъ этого не могло быть и рѣчи о круговомъ движеніи. Дѣйствительно, что о такомъ движеніи крови не только предшественники Коломбо, но и самъ Коломбо не имѣли ровно никакого представленія, видно уже потому, что никто изъ нихъ не употреблялъ термина «кровообращеніе». Цезальпина первый произнесъ это слово, свидѣтельствуя тѣмъ, что идея о круговомъ движеніи крови зародилась у него ранѣе, чѣмъ у кого другаго. Всѣ анатомы того времени, не исключая и Коломбо, продолжали держаться ученія Галена, что вена проводитъ кровь къ тканямъ, подобно артеріямъ, и что венозная кровь вырабатывается въ печени, отсюда вены и берутъ свое начало; отсюда уже нѣкоторая часть венозной крови доставляется въ сердце, которая и превращается въ артеріальную или одухотворенную кровь. Такимъ образомъ, по мнѣнію, на примѣръ, Коломбо, часть венозной крови изъ печени направляется къ сердцу, именно, въ правую полость его, а отсюда, черезъ легкія, гдѣ она становится артеріальною, входитъ въ лѣвую его половину, затѣмъ въ аорту и артеріи, которыя про-

водятъ ее къ различнымъ органамъ, гдѣ она и потребляется; стало быть, исходною точкою является печень, а конечною—ткани; о круговомъ, замкнутомъ движеніи крови отъ сердца къ сердцу же не могло быть и рѣчи.

Цѣлые вѣка анатомы продолжали упорно держаться мнѣнія, что вены несутъ кровь къ тканямъ, и никто изъ нихъ не замѣчалъ простѣйшаго явленія, совершенно опровергавшаго это ошибочное толкованіе. А между тѣмъ достаточно было сдѣлать несложный опытъ, достаточно было перевязать руку или ногу, чтобы увидѣть, что вена вздувается ниже перевязки, а не выше ея, т. е. по ту сторону, которая дальше отъ сердца, и что, стало быть, кровь въ венахъ течетъ отъ тканей, а не наоборотъ. Однако, возможно ли допустить, чтобы анатомы и хирурги, придерживавшіеся противоположнаго взгляда, никогда не дѣлали подобныхъ перевязокъ и не замѣчали такого простаго явленія, какъ вздутіе вены ниже перевязки? Конечно, нельзя: перевязки дѣлались, явленіе замѣчалось не разъ, и тѣмъ не менѣе все шло по старому. Вѣра въ авторитетъ заслоняла собою истинный смыслъ наблюдаемаго явленія; хотя всѣ видѣли, но никто не понималъ; мѣшало вѣковое заблужденіе, съ которымъ мысль человѣческая разстается вообще тѣмъ труднѣе, чѣмъ ранѣе оно возникаетъ и чѣмъ продолжительнѣе существуетъ, и въ этомъ отношеніи въ исторіи открытія кровообращенія нѣтъ ни одного ученія, которое могло бы поспорить съ вышеупомянутымъ; начиная съ первыхъ анатомовъ древности, всѣ великіе предшественники Галена, самъ Галенъ, наконецъ, его послѣдователи,— всѣ они учили, что вены проводятъ кровь къ тканямъ; неужели же это тысячелѣтнее ученіе должно было разбиться о такой ничтожный, хотя и замѣчаемый фактъ? Въ иныхъ условіяхъ находился Цезальпина: будучи ботаникомъ, онъ менѣе испытывалъ на себѣ вліяніе могучаго авторитета древнихъ анатомовъ ¹⁾ и ему очевидно легче было замѣтить тѣ, что специалистамъ-анатомамъ не дозволяло разсмотрѣть многовѣковая традиція. Дѣйствительно, этотъ великій ботаникъ первый понялъ, что указанное выше явленіе, именно вздутіе вены по ту сторону перевязки, которая дальше отъ сердца, идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ ученіемъ и свидѣтельствуетъ, напротивъ, что

¹⁾ Здѣсь имѣются въ виду специалисты животной анатоміи, т. е., по новейшей терминологіи, зоотомы.

въ венахъ кровь движется отъ тканей къ сердцу, а не отъ печени къ тканямъ.

Такимъ образомъ была сдѣлана попытка устранить одно изъ самыхъ упорныхъ заблужденій, заслонявшихъ собою явленіе общаго кровообращенія, и первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Цезальпина. Артеріи несутъ кровь отъ сердца къ тканямъ, а вены отъ тканей къ сердцу. Отсюда уже не трудно видѣть, что еслибы Цезальпина доказалъ свое предположеніе рядомъ экспериментальныхъ изслѣдованій, а не основывалъ бы его на одномъ только вышеупомянутомъ фактѣ, то онъ несомнѣнно, какъ справедливо замѣчаетъ Гевсли, предупредилъ бы Гарвея въ открытіи общаго кровообращенія; но онъ этого не сдѣлалъ. Не смотря однако на то, нѣкоторые историки, увлеченные именемъ Цезальпина, готовы были умалить великія заслуги Гарвея, крайне преувеличивая значеніе сдѣланнаго итальянскомъ ботаникомъ предположенія. Но вотъ что говоритъ по настоящему вопросу Льюисъ: «Цезальпина первый замѣтилъ этотъ фактъ (вздутіе вены ниже перевязки), но его заслуга состоитъ только въ догадкѣ, что причина такого явленія заключается въ томъ, что потокъ направляется къ сердцу. Но догадка — не доказательство, и нельзя не удивляться тому, что Бленвилъ говоритъ будто «кровообращеніе было извѣстно Цезальпина, хотя онъ и не доказалъ его». Въ дѣлѣ науки разница между догадкою и доказательствомъ на столько же велика, какъ разница между славою, которую можетъ приобрести еще ненаписанная поэма, и славою, которою уже увѣнчано великое поэтическое произведеніе. Еслибы догадки считались подвигами, то храмъ славы былъ бы переполненъ статуями героевъ.¹⁾ Бленвилъ говоритъ, что Галлеръ и другіе потому не признаютъ правъ Цезальпина на это открытіе, что они не читали того, что онъ говоритъ въ своемъ твореніи «De Plantis» («О растеніяхъ»). Обратясь къ тому мѣсту въ сочиненіи Цезальпина, о которомъ идетъ рѣчь, мы увидимъ, замѣчаетъ Льюисъ, какъ, въ сущности, далеко былъ авторъ отъ истины и какъ близко въ то же время подходили къ истинѣ его догадки: «Въ животныхъ мы видимъ, что пища приносится венами къ сердцу, какъ средоточію внутренней теплоты; получивши здѣсь

¹⁾ Если бы, говоря о Серветѣ, Льюисъ рассуждалъ такимъ же образомъ, то онъ, конечно, не пришелъ бы къ тому заключенію, что исторія должна признать за Серветомъ первенство въ отношеніи открытія легочнаго кровообращенія.

окончательное совершенство, она, посредствомъ артерій, распредѣляется по всему тѣлу дѣйствіемъ духа, зарождающагося въ сердцѣ изъ той же пищи»¹⁾.

«Намъ довольно легко, говорить далѣе Льюисъ, —отыскать въ этомъ отрывкѣ почти все то, что мы разумѣемъ подъ именемъ кровообращенія (какъ поступаетъ между прочимъ, замѣтимъ отъ себя, помимо Бленвиля и Флурансъ), но строгая историческая критика видитъ въ немъ не болѣе, какъ догадку. Мы не должны, по справедливому замѣчанію Берара, смѣшивать двухъ положеній, до такой степени неопредѣленныхъ, какъ эти, —которыя сами требуютъ доказательства и которымъ вполнѣнствіи противорѣчилъ самъ Цезальпина, —съ свѣтлыми идеями и разительными доказательствами, на которыхъ утвердилъ свое открытіе Гарвей. Убѣдительнымъ доказательствомъ самостоятельности Гарвея можетъ служить уже и то обстоятельство, что догадки, высказанныя Цезальпина, не смотря на его заслуженный авторитетъ, не только не имѣли никакого вліянія на тогдашнія теоріи, но даже когда Гарвей сталъ распространять свою теорію, то теорія эта была встрѣчена всеобщимъ сопротивленіемъ. Бераръ утверждаетъ, что до Гарвея не только никто не имѣлъ яснаго понятія объ истинной теоріи кровообращенія, но въ науцѣ не было точнаго представленія даже и объ истинной теоріи легочнаго кровообращенія, потому что, хотя Серветъ, Коломбо и Цезальпина знали, что кровь проходитъ черезъ легкія, однако же они воображали, что ее проходитъ только такое количество, которое необходимо для воспріятія «жизненныхъ духовъ», т. е. то же количество, которое, по мнѣнію ихъ предшественниковъ, проходило севозъ отверстія въ перегородкѣ сердца. Они не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что вся масса крови проходитъ черезъ сердце; да еслибы они и знали это, то для нихъ всетаки оставалось бы совершенно темно, откуда она приходитъ и куда идетъ. Надобно было понять весь ходъ кровообращенія, для того, чтобы можно было тщательно изучить какую нибудь часть его».

Въ такомъ состояніи находился вопросъ о циркуляціи крови — до начала XVII столѣтія. Мы видимъ какъ, въ сущности, были неопредѣленны, сбивчивы и неполны знанія анатомовъ XVI

¹⁾ Мы увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, какъ эта идея о живящемъ духѣ и его вѣстелищѣ—сердце, была перенесена Цезальпина и въ его ученіе о явленіяхъ передвиженія соковъ въ растеніяхъ.

столѣтія о самыхъ элементарныхъ физиологическихъ явленіяхъ. Правда, непогрѣшимость Галена была уже нѣсколько поколеблена и одно изъ его заблужденій устранено. Но хотя, благодаря открытію Реальдо Коломбо, уже сдѣлалось извѣстнымъ, что вся кровь правой половины сердца изливается въ лѣвую половину черезъ легкія, тѣмъ не менѣе, всѣ анатомы XVI столѣтія, не исключая Коломбо, продолжали думать, что такимъ путемъ, т. е. черезъ сердце и легкія, проходить не вся масса крови, а только то ея количество, изъ котораго вырабатывается одухотворенная или артеріальная кровь; остальная же часть направляется изъ печени прямо къ тканямъ. Такимъ образомъ явленіе продолжало всецѣло подчиняться метафизическому принципу: связь между венозною и артеріальною кровью признавалась на столько, на сколько тѣ требовала теорія о жизненномъ началѣ или жизненномъ духѣ; въ этого требованія, артеріальная и венозная кровь разсматривались какъ двѣ совершенно различныя и совершенно разобщенныя между собою жидкости. Словомъ, идеи Галена продолжали господствовать, заслоняя собою истинный смыслъ явленій вроеображенія. Цезальпина первый сдѣлалъ попытку, въ 1583 году, исправить многовѣковое заблужденіе о направленіи крови къ венамъ, но, какъ мы видѣли, онъ не пошелъ далѣе простаго предположенія, что вены несутъ кровь отъ тканей къ сердцу, а не наоборотъ, предположенія далеко не убѣдительнаго для его современниковъ. Какъ глубоко ученые того времени были проникнуты взглядами противоположнаго рода свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: Еще за девять лѣтъ до высказаннаго Цезальпина предположенія, знаменитый падуанскій анатомъ Фабрицій Аквапенденте сдѣлалъ весьма знаменательное открытіе, которое въ свою очередь свидѣтельствовало о движеніи крови въ венахъ отъ тканей къ сердцу. Рѣчь идетъ о заслонкахъ или клапанахъ, которыми снабжены нѣкоторыя вены. Впервые клапаны эти открылъ Канони въ 1547 году, но тогда на нихъ не обратили никакого вниманія; спустя 27 лѣтъ, именно въ 1574 году, Фабрицій Аквапенденте вновь открылъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что всѣ они обращены къ сердцу, т. е. устроены такимъ образомъ, что препятствуютъ теченію крови отъ сердца, но допускаютъ теченіе къ нему. Повидимому, отсюда оставалось сдѣлать прямое заключеніе, что вены несутъ кровь отъ тканей къ сердцу; а между тѣмъ никто изъ анатомовъ XVI столѣтія не имѣлъ «достаточно пронизательности, чтобы понять истинное значеніе этого анатомическаго устройства

относительно потоковъ крови». Даже самъ Акванденте, открывшій это устройство, продолжалъ думать, что въ венахъ кровь течетъ къ тканямъ; такова сила традиціи, она заслоняла собою самую простую истину, столь очевидную въ настоящее время для каждаго. Въ данномъ случаѣ мы видимъ тоже самое, что было указано выше относительно вздутія венъ ниже перевязки, и то явленіе наблюдалось не разъ, но никто не понималъ его; то же случилось и при открытіи заслонокъ венъ: Акванденте видѣлъ фактъ, онъ первый открылъ его, но понять его значенія не могъ, и изъ того обстоятельства, что клапаны венъ открываются къ сердцу, этотъ анатомъ вывелъ не то заключеніе, которое, повидимому, само напрашивается, а совершенно противоположное: а именно, будто роль венозныхъ заслонокъ состоитъ въ томъ, чтобы препятствовать чрезмѣрному скопленію крови въ низшихъ частяхъ тѣла и уменьшенію ея количества въ верхнихъ.

III.

Пускай говорятъ, въ виду историческихъ данныхъ, разсмотрѣнныхъ выше, что факты составляютъ главный рычагъ въ развитіи знанія и что эмпиризмъ есть альфа и омега этого развитія! Нѣтъ, исторія науки свидѣтельствуетъ ясно, что такое положеніе далеко отъ истины; оно говоритъ намъ, что подобно тому, какъ пища содѣйствуетъ развитію организма, но не опредѣляетъ его, такъ точно тѣ опыты и наблюденія, которые раскрываютъ передъ нами новые факты, содѣйствуютъ развитію знанія, но не опредѣляютъ это развитіе. Какъ бы ни была пища обильна и питательна, но искалѣченный организмъ не будетъ въ состояніи усвоить ее надлежащимъ образомъ, пока въ немъ существуетъ этотъ недостатокъ; какъ бы ни были многочисленны и разнообразны факты, но знаніе не сможетъ извлечь изъ нихъ надлежащую пользу, пока оно не страхнетъ съ себя вліянія примитивныхъ идей, и тѣмъ сильнѣе это вліяніе, тѣмъ меньше, стало быть, критики, тѣмъ труднѣе понять фактъ и тѣмъ легче увидѣть въ немъ то, что повелѣваетъ видѣть традиція. Вѣдь взятые сами по себѣ факты не составляютъ науки, они должны быть классифицированы, должны быть связаны между собою; но если они связываются искусственно, въ зависимости отъ ложнаго представленія, то и самое пониманіе этихъ фактовъ будетъ ложно. Это и видимъ мы, между прочимъ,

у анатомовъ XVI столѣтія, которые, связывая наблюдаемые факты съ ложною идеею, идеею о жизненномъ началѣ, не были въ состояніи дать этимъ фактамъ надлежащаго толкованія, не были въ состояніи понять ихъ такъ, какъ понимаются они нынѣ, и какъ понялъ ихъ впервые знаменитый Гарвей¹⁾, отрывшій въ 1619 г.²⁾ явленія общаго кровеобращенія.

Обыкновенно полагаютъ, что своимъ великимъ открытіемъ Гарвей обязанъ указанному выше наблюденію Аквапенденте, что венозныя заслонокъ обращены къ сердцу, которое будто бы и навело его на мысль о круговомъ движеніи крови. Такое убѣжденіе сложилось несомнѣнно, подъ вліяніемъ слѣдующихъ словъ современника Гарвея, Роберта Бойля: «Я помню, говоритъ Бойль,—что когда я спросилъ у нашего знаменитаго Гарвея о тѣхъ вещахъ, которыя заставили его подумать о кровеобращеніи, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что когда онъ узналъ, что клапаны въ венахъ многихъ частей тѣла расположены такимъ образомъ, что позволяютъ венозной крови свободно проходить къ сердцу и противодѣйствуютъ ея движенію въ обратномъ направленіи, то это побудило его думать, что природа, обыкновенно столь предусмотрительная, устроила такъ много клапановъ не безъ цѣли; и ни одна цѣль не казалась ему болѣе вѣроятною, какъ та, чтобы кровь расходилась по артеріямъ и возвращалась по венамъ, клапаны которыхъ не препятствуютъ ея движенію такимъ путемъ».

Повторяемъ, подъ вліяніемъ именно этого свидѣтельства Бойля сложилось упомянутое выше убѣжденіе о значеніи венозныхъ заслонокъ въ отношеніи явленій общаго кровеобращенія. И въ какой мѣрѣ убѣжденіе это полагалось непреложнымъ, видно, между прочимъ, изъ того, что нѣкоторые, какъ напримѣръ, Флурансъ, считаютъ существованіе венозныхъ заслонокъ анатомическимъ доказательствомъ общаго кровеобращенія. А между тѣмъ, вотъ что говоритъ объ этомъ Льюисъ: «Значеніе заслонокъ было сильно преувеличено и истинное ихъ отношеніе къ открытію Гарвея не совсѣмъ вѣрно понято. Обыкновенно думаютъ, что знаніе ихъ должно было легко привести къ открытію кровеобращенія, что такъ какъ онѣ позволяютъ

¹⁾ Уильямъ Гарвей, родился въ 1578 г., въ Фолькстонѣ, въ Кентѣ, воспитывался сначала въ Кембриджѣ, а потомъ въ Падуѣ; умеръ въ 1657 г.

²⁾ По крайней мѣрѣ въ этомъ именно году Гарвей впервые сталъ публично, на лекціяхъ, излагать свое открытіе, а въ 1628 г. оно было напечатано въ его «Exercitatio Anatomia de Motu cordis et sanguinis».

крови течь только по одному направленію, не допуская ее возвращаться назадъ, то, изъ разсматриваніи ихъ, необходимо должна была возникнуть мысль о кровообращеніи. Противъ этого, говоритъ Льюисъ, — можно привести весьма убѣдительный фактъ: никто не вывелъ того заключенія, которое, какъ говорятъ, такъ необходимо должно было вытекать изъ разсматриванія заслоночекъ. Мало того, во многихъ случаяхъ кровообращеніе совершается безъ помощи заслоночекъ. Онѣ не существуютъ въ венахъ беспозвоночныхъ животныхъ. Ихъ совсѣмъ нѣтъ въ венахъ рыбъ и пресмыкающихся и очень мало у птицъ; а между тѣмъ, у этихъ животныхъ кровообращеніе также полно, какъ и у человѣка. Даже у человѣка нѣтъ заслоночекъ въ главныхъ венозныхъ стволахъ, хотя писатели телеологической школы и имѣютъ обычай говорить о нихъ, какъ о чемъ-то совершенно необходимомъ и вездѣ встрѣчающемся. Не бесполезно, слѣдовательно, замѣтить, что заслоночки совершенно отсутствуютъ въ большихъ венозныхъ стволахъ, каковы, поля вены и вена воротная, нѣтъ ихъ и въ венахъ — печеночной, почечной, подвздошной и нѣкоторыхъ другихъ; онѣ не всегда встрѣчаются въ непарной венѣ и въ венахъ междуреберныхъ».

И такъ, существованіе венозныхъ заслонокъ вовсе не представляетъ необходимаго отношенія къ явленіямъ циркуляціи крови и, стало быть, далеко не можетъ служить ихъ анатомическимъ доказательствомъ. Если бы, говоритъ Гексли, Гарвей былъ приведенъ къ своему открытію предполагаемымъ путемъ, т. е. путемъ изслѣдованія клапановъ венъ, то его открытіе не имѣло бы за собою никакого основанія, такъ какъ невозможно доказать существованіе кровообращенія при помощи подобнаго рода данныхъ. Но предположимъ, что вены, содержащія клапаны, и представляютъ вѣрное указаніе циркуляціи крови, какимъ же образомъ отсюда заключить о движеніи крови въ тѣхъ венахъ, у которыхъ нѣтъ заслонокъ? По аналогіи? Но аналогія не доказательство — это во первыхъ; а во вторыхъ, дѣйствительно ли тотъ фактъ, что венозные заслонки обращены къ сердцу — приводитъ къ мысли о круговомъ движеніи крови, даетъ ли онъ, не говоримъ полное, но даже приблизительное представленіе объ этомъ движеніи? Для того, кто знаетъ, что кровь обращается по замкнутому кругу, анатомическое устройство, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, будетъ неволью представляться въ такомъ именно свѣтѣ; но стоитъ только по возможности отрѣшиться отъ идеи о круговомъ движеніи крови, чтобы убѣдиться въ противномъ. Что доказываетъ существованіе ве-

нозныхъ клапановъ и ихъ расположеніе?—самое большее тоже, что и вадутіе венъ ниже перевязки, именно, что кровь движется въ венахъ отъ тканей къ сердцу. Но развѣ это положеніе, взятое самое по себѣ, говоритъ сколько нибудь о круговомъ движеніи крови; развѣ изъ того, что кровь въ венахъ направляется къ сердцу слѣдуетъ, что она непременно описываетъ замкнутый кругъ, и изъ того, что эта кровь идетъ отъ тканей развѣ слѣдуетъ, что она изливается сюда изъ артерій, что эта та самая жидкость, которая прогоняется сердцемъ въ артеріи, что между нею и артеріальною кровью существуетъ замкнутая связь? И если бы опытъ не обнаруживалъ намъ такой связи, если бы мы, напротивъ, полагали, что такая связь отсутствуетъ, что отправленія сердца не представляютъ никакого отношенія ко всему потоку крови, что только часть крови проходитъ черезъ сердце и проч., и проч., то къ чему бы могло послужить тогда открытіе венозныхъ заслонокъ. Вѣдь такими же точно заслонками снабжены и лимфатическіе сосуды, въ которыхъ течетъ лимфа и потокъ этой лимфы также направляется къ сердцу, подобно венозному; а между тѣмъ, если бы, на основаніи этого, кто нибудь предположилъ о замкнутомъ круговомъ движеніи лимфы, тотъ сдѣлалъ бы такую же грубую ошибку, какъ и предшественники Гарвея, принимавшіе движеніе венозной крови отъ печени къ тканямъ.

Нѣтъ, путь, приведшій великаго анатома къ его знаменитому открытію, былъ совершенно иной, и ставить это открытіе въ зависимость отъ такого незначительнаго факта, какъ только что разсмотрѣнный—значить не понимать безсмертной заслуги, оказанной Гарвеемъ наукѣ о жизни; значить не понимать, отчего именно Гарвею удалось побѣдить многолѣтнее заблужденіе; не понимать тѣхъ средствъ, того орудія, которымъ была достигнута такая блестящая побѣда. «Ни въ одномъ физиологическомъ вопросѣ, говоритъ Гексли,—ислѣдованіе мертвой ткани не можетъ дать намъ надлежащаго понятія о той роли, которую выполняетъ эта ткань при жизни. Физиологія имѣетъ своею цѣлью опредѣленіе законовъ жизнедѣятельности, а отсюда ясно, что законы эти не могутъ быть установлены иначе, какъ путемъ наблюдений и опытовъ надъ живыми животными». Въ самомъ дѣлѣ, и мы видѣли, на примѣръ, что именно подобнымъ путемъ Галенъ обнаружилъ заблужденіе греческихъ анатомовъ, будто артеріи содержатъ воздухъ; Галенъ не ограничивался опытами надъ мертвыми животными, онъ вскрылъ артерію въ живомъ организмѣ, и струя крови послужила самымъ

краснорѣчивымъ отвѣтомъ на спорный вопросъ. Точно также не ограничивался и Гарвей анатомическими доказательствами, основанными на трупоразсѣченіяхъ, онъ не довѣрялъ выводамъ «нѣмой и холодной науки», какъ называлъ его современникъ, французскій анатомъ Пезе; разсѣченіе трупова, онъ искалъ истину въ живыхъ организмахъ, т. е. тамъ, гдѣ только и можно было найти ее, и нашелъ.

Посмотримъ же, какъ Гарвей нашелъ то, чего не могли отыскать его предшественники. Онъ самъ говоритъ, что, изслѣдуя явленія движенія крови рядомъ опытовъ надъ живыми животными, его вниманіе было обращено на то обстоятельство, что количество крови, находящееся постоянно въ движеніи, скорость этого движенія, размѣры и симетрія обѣихъ полостей сердца и прилегающихъ къ нему сосудовъ, наконецъ механизмъ сердечныхъ заслонокъ и нѣкоторыя другія явленія того же рода—представляютъ рядъ такихъ соотношеній, которыя не могутъ быть объяснены, если предположить, согласно господствовавшему тогда взгляду, что венозная и артеріальная кровь направляются къ тканямъ и здѣсь потребляются послѣдними. Въ самомъ дѣлѣ, съ этой точки зрѣнія необходимо допустить, что количество крови, постоянно прибывающее къ тканямъ, и скорость этого движенія должны состоять въ прямой зависимости отъ количества крови, потребляемаго тканями, и скорости такого потребленія. Но вотъ этой то зависимости и не обнаруживаетъ упомянутый выше рядъ соотношеній: масса крови, находящейся постоянно въ движеніи, масса крови, прогоняемая въ каждый данный моментъ изъ лѣвой полости сердца и вступающая въ правую полость, наконецъ скорость, съ какою кровь движется въ сосудахъ,—все это слишкомъ велико, для того, чтобы допустить, что въ такой же пропорціи и съ такою же быстротою кровь постоянно потребляется тканями и вновь вырабатывается изъ пищевыхъ веществъ; нѣтъ, процессы потребленія и возобновленія крови совершаются гораздо медленнѣе. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ новое затрудненіе: если вены несутъ кровь отъ того источника, гдѣ она вырабатывается, то кровь изъ этихъ сосудовъ будетъ изливаться быстро, нежели прибывать, такъ что эти сосуды, въ концѣ концовъ, должны опустѣть и онасть; далѣе, если движеніе артеріальной крови оканчивается въ тканяхъ, то, такъ какъ кровь потребляется медленнѣе, нежели прибываетъ,—артеріи, въ концѣ концовъ, до того переполнятся кровью, что должны будутъ разорваться.

Откуда уже ясно какъ день, въ чемъ заключается главная ошибка Галена и его послѣдователей. Гарвей открылъ истиннѣе заблужденія, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ нашелъ и путь къ истинѣ: явленія движенія крови вовсе не показываютъ, чтобы вены при этомъ пустѣли и опадали, а артеріи переполнились до разрыва, — стало быть, вены берутъ свое начало не тамъ, гдѣ полагалъ Галенъ; стало быть, движеніе артеріальной крови не оканчивается въ тканяхъ. Ткани потребляютъ только нѣкоторое количество этой крови, и если предположить, что оставшаяся, бѣлая часть переходитъ затѣмъ изъ артерій въ вены и отсюда изливается въ правую полость сердца, то мы легко поймемъ, почему артеріи никогда не переполняются кровью, хотя послѣдняя постоянно прибываетъ къ нимъ, а вены не пустѣютъ и не опадаютъ, хотя кровь изъ нихъ также постоянно изливается; легко поймемъ, почему существуетъ такое полное соотвѣтствіе между количествомъ крови, вступающей въ правую половину сердца и выступающей изъ лѣвой половины; поймемъ и значеніе симметріи въ устройствѣ этихъ двухъ половинокъ, и цѣлый рядъ другихъ явленій. Такимъ образомъ, всѣ эти факты прямо указываютъ на существованіе неразрывной связи между артеріальной и венозной кровью, опредѣляемой количественнымъ соотношеніемъ, и которая прямо уже приводитъ къ признанію замкнутого, круговаго движенія крови.

И такъ, вотъ тотъ путь, которымъ великій Гарвей былъ приведенъ къ открытію общаго кровообращенія. Мы видимъ, что путь этотъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, о которомъ шла рѣчь выше, не имѣетъ ничего общаго съ мнимымъ значеніемъ венозныхъ заслонокъ.

Достаточно сопоставить установленную Гарвеемъ точку зрѣнія на разсматриваемыя здѣсь явленія съ точкой зрѣнія его предшественниковъ, чтобы видѣть, какое коренное различіе представляютъ эти два взгляда. Согласно этому послѣднему взгляду, связь между отправлениями артеріальной и венозной крови признавалась, какъ мы знаемъ, исключительно въ зависимости отъ идеи и жизненной сущности, и на столько, на сколько того требовала эта идея; внѣ этого — артеріальная и венозная кровь разсматривались какъ двѣ совершенно различныя и разобщенныя между собою жидкости. Помимо такой зависимости, такого призрачнаго соотношенія, предшественники Гарвея не замѣчали ничего. Гарвей первый указалъ на существованіе другой зависимости, онъ первый показалъ, что движеніе арте-

ріальной и венозной крови обнаруживаетъ цѣлый рядъ количественныхъ соотношеній; вотъ поэтому-то именно онъ и нашелъ то, чего не могли найти его предшественники, поэтому именно онъ и открылъ явленіе общаго кровообращенія. Нѣтъ, говоритъ Гарвей, — движенія артеріальной и венозной крови не разобщены, это не два различныхъ потока, а одинъ потокъ, направляющійся отъ сердца и снова возвращающійся къ сердцу; съ каждымъ ударомъ этого органа изливается въ артеріи такое количество крови, какое притекаетъ къ нему изъ венъ, съ каждымъ ударомъ этого органа изъ него выступаетъ такое количество крови, которое находится въ постоянномъ, опредѣленномъ отношеніи ко всей массѣ крови; а этого не могло бы быть, если бы артеріальная и венозная кровь не сообщались между собою, если бы изъ артерій кровь не изливалась въ вены, отсюда въ сердце, а изъ сердца снова въ артеріи; словомъ, — если бы кровь не двигалась по замѣнутому, круговому пути и вся масса крови не проходила бы черезъ сердце.

И такъ, столь долго отыскиваемая истина была найдена; она была найдена послѣ того, когда Гарвей показалъ, что явленія движенія крови подчинены количественнымъ соотношеніямъ и что въ этихъ соотношеніяхъ, стало-быть, и слѣдуетъ искать разъясненіе вопроса. Потому именно и велика заслуга Гарвея, что онъ ввелъ въ ученіе о кровообращеніи механическій принципъ, что на этомъ именно принципѣ онъ утвердилъ связь между отправлениями артеріальной и венозной крови, связь, которая до того была всецѣло подчинена метафизическому принципу. Послѣдній уступилъ свое мѣсто высшему принципу; старое ученіе было совершенно уничтожено, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожены и старые авторитеты. «Не смѣли больше клясться Галеномъ, клялись Гарвеемъ, открывшимъ величайшій фактъ животной экономіи, котораго не знали и не подозрѣвали ни Галенъ, ни кто-бы то ни было изъ предшественниковъ Гарвея. Началась новая эра. Было-бы, впрочемъ, совершенно неестественно, если-бы приверженцы старой системы спокойно приняли новую; оппозиція, слѣдовательно, была, и была шумна, ожесточенна. Но подобно большей части оппозицій новымъ ученіямъ, и эта оппозиція была крайне преувеличена историками и писателями, избравшими ее темою для риторическихъ упражненій. Правда, что факультетъ ¹⁾ (парижскій) отвергъ

¹⁾ Одинъ изъ членовъ этого факультета, известнѣйшій французскій анатомъ Риоланъ, былъ единственный изъ противниковъ Гарвея, котораго послѣдній удо-

новое ученіе; но точно также правда и то, что люди замѣчательные приняли его съ энтузіазмомъ. Если Гюн-Патенъ былъ золъ въ своихъ возраженіяхъ, за то Мольеръ смѣялся надъ предразсудками Гюн-Патена, а Буало осмѣялъ факультетъ. Нѣкоторые анатомы приняли новое ученіе и великій Декартъ горячо предался ему (Льюисъ). Болѣе того, на долю Гарвея выпало рѣдкое счастье: видѣть, при жизни, свое ученіе общепризнаннымъ, видѣть, какъ, шагъ за шагомъ, его идеи подчиняли себѣ лучшіе умы того времени и, въ концѣ концовъ, вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь его любимой науки.

Такимъ образомъ, ученіе о циркуляціи крови было поставлено на строго научную почву и дальнѣйшее его развитіе обезпечивалось вполне. До Гарвея знали только о легочномъ кровообращеніи. Гарвей показалъ, что это кровообращеніе совершается по малой дугѣ того большаго круга, по которому обращается вся кровь, что помимо малой дуги существуетъ другая, большая дуга, по которой совершается общее кровообращеніе. До XVII столѣтія всѣ анатомы были убѣждены, что только часть крови проходитъ черезъ сердце; въ XVII столѣтіи ошибочность такого взгляда была уже обнаружена, и для всѣхъ стало уже аксіомой, что не часть, а вся кровь проходитъ черезъ сердце, что вены приносятъ кровь въ правое предсердіе, откуда, силою сокращенія послѣдняго, кровь, черезъ легкія, прогоняется въ лѣвое предсердіе, которое, сокращаясь, гонитъ кровь въ лѣвой желудочекъ; этотъ послѣдній прогоняетъ ее въ аорту, а изъ аорты — въ артеріи, по которымъ она направляется къ тканямъ и затѣмъ вливается въ вены, которыя и приносятъ ее вновь къ правому предсердію. Такимъ образомъ, кровь возвращается къ своему исходному пункту, сдѣлавъ при этомъ одинъ полный оборотъ, т. е. пройдя двѣ дуги этого оборота, — одну, малую: отъ праваго желудочка, черезъ легкія, въ лѣвое предсердіе, и другую, большую: отъ лѣваго желудочка, черезъ ткани, въ правое предсердіе.

Не смотря однако на такую полноту ученія Гарвея о движеніи крови, причину котораго онъ приписывалъ исключительно сокращеніямъ сердца, а не «пульсирующей силѣ», какъ принимали Галенъ и его школа, не смотря, говоритъ мы, на такую полноту ученія Гарвея—въ этомъ ученіи необходимо

стоимъ отвѣтомъ, и котораго онъ такъ уважалъ, что въ своемъ отвѣтѣ на его нападки замѣчаетъ, что книга, содержащая эти нападки, «будетъ жить вѣчно, и когда мраморъ разрушится, будетъ возвѣщать потомству славу вашего имени».

были пробѣлы. Въ одному изъ такихъ пробѣловъ, наиболѣе очевидныхъ, который тщетно пытался пополнить самъ Гарвей, относится вопросъ о сообщеніи артерій съ венами. Послѣ того какъ стало извѣстно, что кровь изъ артерій переходитъ въ вены, явилось необходимымъ показать, какимъ образомъ совершается этотъ переходъ. Гарвей полагалъ, что кровь переходитъ изъ артерій въ вены двумя путями: или вслѣдствіе того, что артеріи прямо открываются въ вены (анастомозируются), или же вслѣдствіе порозности частей. Но это предположеніе Гарвей не могъ доказать и вопросъ оставался неразрѣшеннымъ, пока, въ 1661 году, Мальпиги не открылъ волосные сосуды. Великій Гарвей не дожилъ до этого открытія; онъ умеръ за четыре года до него, предоставивъ другимъ убѣдиться, какъ неопровержимо его ученіе о замкнутомъ, круговомъ движеніи крови. Открытіе волосныхъ сосудовъ пополнило собою именно тотъ пробѣлъ, который всего болѣе ощущался въ ученіи Гарвея. Вотъ что говоритъ Льюисъ объ этомъ открытіи: «съ тѣми средствами, которыми располагалъ Гарвей, онъ не могъ прослѣдить всего пути, проходимаго кровью. Для этого былъ необходимымъ микроскопъ; а микроскопъ для подобнаго рода изслѣдованій былъ впервые примѣненъ Мальпиги, который, четыре года спустя послѣ смерти Гарвея, въ 1661 году, открылъ волосные сосуды, составляющіе каналы, посредствомъ которыхъ артеріи сообщаются съ венами. Онъ говоритъ, что сначала онъ думалъ, что кровь изъ мельчайшихъ артерій изливается въ видѣ потоковъ и что онъ не можетъ открыть сосудовъ, въ которые были бы заключены эти потоки; но, впослѣдствіи, онъ открылъ явственныя стѣнки этихъ сосудовъ; онъ описываетъ и способы изслѣдованія ихъ въ легкихъ лягушки. Расположеніе ихъ въ легочныхъ пузырькахъ, представляющее подобіе сѣтки, описано имъ весьма хорошо». Спустя семь лѣтъ, именно въ 1668 году, волосные сосуды были открыты также Левенгувомъ, который говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Я употреблялъ всѣ средства, какія только могъ придумать, для того, чтобы увидѣть полный путь, проходимый кровью, т. е. чтобы увидѣть какъ какою нибудь мельчайшей сосудъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы называемъ венами, происходитъ изъ другаго сосуда, называемаго артерією, и какъ онъ потомъ вливаетъ содержащуюся въ немъ кровь въ большую вену; но я нашелъ, что это невозможно, потому что, прослѣдивъ какую нибудь артерією до тѣхъ поръ, когда она становится такъ тонка, что по ней могутъ пройти не болѣе одного или двухъ кровяныхъ шариковъ вмѣстѣ, я постоянно

терять ее изъ виду». Къ такому заключенію былъ приведенъ Левенгукъ изслѣдованіемъ крыла летучей мыши; но затѣмъ, разсматривая хвостъ головастика, онъ получилъ болѣе опредѣленные результаты. «Мнѣ представилось зрѣлище, пишетъ онъ, восхитительнѣе котораго никогда и ничего не представлялось моимъ глазамъ, потому что здѣсь я открылъ болѣе пятидесяти кровообращеній въ различныхъ мѣстахъ. Я видѣлъ, что кровь не только проходила во многихъ мѣстахъ отъ середины хвоста къ его краямъ, посредствомъ чрезвычайно мелкихъ сосудовъ, но я видѣлъ еще, что каждый изъ этихъ сосудовъ образовалъ дугу, или оборотъ, для того, чтобы провести кровь назадъ къ серединѣ хвоста, откуда она относится къ сердцу. Изъ этого мнѣ стало совершенно ясно, что кровеносные сосуды, видѣнные мною у этого животнаго и носящіе названія артерій и венъ, въ сущности, одно и то же, т. е., что они называются артеріями до тѣхъ поръ, пока приводятъ кровь къ дальнѣйшимъ своимъ оконечностямъ, и начинаютъ называться венами, когда несутъ кровь обратно къ сердцу».

Такимъ образомъ было закончено изслѣдованіе пути, проходящаго кровью; было доказано, что кровь обращается въ системѣ замкнутыхъ сосудовъ.

Припомнимъ теперь, въ какомъ порядкѣ навоплялись факты, въ какомъ порядкѣ слѣдовали открытія, приведшія, въ концѣ концовъ, къ ученію о кровообращеніи:

1) Эразистратъ доказалъ, что сердце снабжено клапанами или заслонками,—это былъ первый шагъ.

2) Галенъ доказалъ, что артеріи содержатъ не воздухъ, а кровь.

3) Везалій доказалъ, что продольная перегородка сердца не имѣетъ никакихъ отверстій.

4) Коломбо открылъ легочное кровообращеніе, показавъ, что кровь изъ правой половины сердца проходитъ въ его лѣвую половину не черезъ продольную перегородку его, а черезъ легкія.

5) Цезальпина первый высказалъ предположеніе, что кровь въ венахъ направляется отъ тканей къ сердцу, а не отъ печени къ тканямъ.

6) Гарвей доказалъ, что между движеніемъ и массою артеріальной и венозной крови и отправленіемъ сердца существуетъ такое количественное соотношеніе, которое было бы невозможно, еслибы вся масса крови не проходила черезъ сердце, если бы кровь, въ своемъ движеніи, не описывала замкну-

таго круга. Такимъ образомъ было открыто и установлено общее кровообращеніе.

7) Наконецъ Мальпиги, а за тѣмъ Левенгукъ открыли волосные сосуды, посредствомъ которыхъ артеріи сообщаются съ венами.

Обращаясь затѣмъ къ теоретической сторонѣ, мы видимъ, что исторія открытія явленій кровообращенія представляетъ два главныхъ періода: первый, отъ древнѣйшихъ временъ и до Гарвея, когда явленія движенія крови подчиняются всецѣло метафизическому принципу и связь между этими явленіями устанавливается именно въ зависимости отъ даннаго принципа; и второй періодъ, отъ Гарвея до настоящаго времени включительно, когда явленія движенія крови подчиняются количественнымъ соотношеніямъ, т. е. механическому принципу, и связь между этими явленіями признается именно на основаніи этого принципа.

Но хотя ученіе о кровообращеніи и разработано Гарвеемъ весьма полно, тѣмъ не менѣе оно далеко не было закончено; вопросъ о причинѣ движенія крови продолжалъ составлять одинъ изъ главныхъ предметовъ многочисленныхъ изслѣдованій физиологовъ прошлаго и настоящаго столѣтія. Гарвей, какъ мы уже замѣтили выше, полагалъ, что причину движенія крови составляютъ исключительно ритмическія сокращенія сердца. Дальнѣйшими изслѣдованіями и главнымъ образомъ изслѣдованіями настоящаго столѣтія было доказано, что это не такъ, что сердце не единственная причина кровообращенія, что оно возможно и безъ участія сердца, и что въ послѣднемъ случаѣ роль этого органа выполняется самостоятельными сокращеніями артеріальныхъ сосудовъ, сокращеніями, которыя, стало-быть, должны играть вообще не малую роль въ явленіяхъ движенія крови; далѣе было также доказано, что кровообращенію значительно способствуетъ и «присасываніе грудной клѣтки», которая, расширяясь при вдыханіи, тѣмъ самымъ побуждаетъ всю массу крови устремляться по направленію къ себѣ, подобно мѣхамъ, въ которые вгоняется струя воздуха каждый разъ, какъ они расширяются.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, роль сердца была значительно служена, вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась и причина его самостоятельныхъ сокращеній; было доказано, что сокращеніями своими сердце обязано не жизненному началу, а нервнымъ узламъ, нервнымъ клѣткамъ, которыми снабжена ткань этого органа. Всѣ подобнаго рода изслѣдованія совершенно разрушили прежній взглядъ на сердце, какъ на вмѣстилище жиз-

неннаго начала, какъ на источникъ жизни. Если явленія кровообращенія возможны и безъ сердца, значитъ, сердце не есть центръ жизни. Но физиологи XVII и даже начала XVIII столѣтїя думали иначе. И хотя Гарвей подчинилъ всецѣло явленія движенія крови механическому принципу, хотя въ отношеніи этихъ физиологическихъ явленій онъ и освободилъ уже науку о жизни отъ примитивныхъ возрѣній, но въ отношеніи другихъ физиологическихъ явленій, въ отношеніи ученія древнихъ, что сердце есть вмѣстилище жизненнаго начала, Гарвей былъ роднымъ дѣтищемъ своего времени; онъ продолжалъ раздѣлять убѣжденія своихъ предшественниковъ, продолжалъ думать, что кровь возвращается въ сердце, «какъ въ источникъ, въ которомъ она пріобрѣтаетъ нѣкоторыя составныя части, необходимыя для ея совершенствованія»; что легкія имѣютъ своимъ назначеніемъ «охлаждать кровь и не допускать ее до кипѣнія»; что «жизнь—въ крови», что кровь есть «первородная и важнѣйшая часть, потому что въ ней и изъ нея возникаетъ источникъ движенія и пульса, а также и потому, что въ ней вкоренены и насажены животная теплота и духъ жизни, и душа въ ней имѣетъ свое пребываніе». Все это показываетъ намъ какъ далеко былъ Гарвей отъ истиннаго пониманія такихъ физиологическихъ явленій, какъ явленія дыханія и питанія. И не удивительно: въ то время не было еще сдѣлано ничего, что позволяло бы подчинить эти сложныя біологическія явленія количественнымъ соотношеніямъ, какъ то было уже достигнуто по отношенію къ явленіямъ менѣе сложнымъ. Только съ конца прошлаго столѣтїя были обнаружены первыя попытки подобнаго рода. Но изслѣдованіе этихъ попытокъ и ихъ дальнѣйшаго развитія не входитъ въ исторію открытїя явленій кровообращенія; оно относится къ исторіи «физиологїи питанія и дыханія»—о чемъ мы побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ.

Л. К. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ.

(ОЧЕРЕЖЬ ОБЫЧНАГО ПРАВА).

(Окончаніе).

«Полагаемся на здравый смыслъ нашего народа.»
(Высочайшій манифестъ 19 февраля 1861 г.).

V.

Отношенія между родителями и дѣтьми основываются, по преимуществу, на любви родителей къ дѣтямъ, которая носитъ такой же характеръ, какъ и привязанность животныхъ къ дѣтямъ, т. е. это любовь чисто фیزیологическая; уже по самому закону природы родители любятъ своихъ дѣтей, напримѣръ, улыбка младенца, не заключающая въ сущности никакого объективнаго основанія для радости, доставляетъ матери невыразимое удовольствіе. Но, помимо стороны фیزیологической, въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми играютъ большую роль начала нравственности: онѣ налагаютъ на родителей обязанность заботиться о воспитаніи дѣтей. Тѣ же самые законы фیزیологии и законы нравственности опредѣляютъ отношенія дѣтей къ родителямъ. Такимъ образомъ, взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми опредѣляются, прежде всего, законами фیزیологии и нравственности. У народовъ первобытной культуры въ опредѣленіи отношеній между родителями и дѣтьми получаютъ преобладающее значеніе законы фیزیологии; но затѣмъ, съ даль-

нѣйшимъ движеніемъ общественнаго развитія, законы нравственности получаютъ все большее и большее значеніе и являются на помощь въ томъ случаѣ, если бы измѣнили законы физиологій. Такова внутренняя сторона отношеній между родителями и дѣтьми; но такъ какъ эти отношенія проявляются во внѣ, то законъ обязанъ регулировать ихъ сообразно условіямъ общественной жизни. Особенно это является необходимымъ на случай уклоненія этихъ отношеній отъ нормальнаго естественнаго ихъ теченія, что составляетъ уже предметъ юридическихъ опредѣленій.

У народовъ, стоявшихъ на первобытной ступени общественнаго развитія, ребенокъ прежде всего считался принадлежностью всего своего племени или рода, такъ какъ первобытное общественное состояніе человѣка было чистымъ гетеризмомъ, т. е. отличалось совершеннымъ отсутствіемъ брака, или былъ, такъ называемый, общественный бракъ, гдѣ всѣ мужчины и женщины каждой небольшой общины считались въ супружествѣ между собою ¹⁾. Дальнѣйшій естественный прогрессъ понятій совершался такимъ образомъ, что ребенокъ уже принадлежалъ только одной матери: такое состояніе мы находимъ среди дикарей. Затѣмъ, мы видимъ, что ребенокъ считается принадлежностью только одного отца, который вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту родительской власти, даже и жена не освобождалась изъ-подъ этой власти: она становилась, по отношенію къ своему мужу, какъ бы въ положеніе дочери. Вообще чѣмъ больше неравенства въ отношеніяхъ между супругами, тѣмъ эта отцовская власть является суровѣе по отношенію къ дѣтямъ. Гдѣ отношенія между супругами построены на деспотизмъ съ одной стороны и рабской покорности—съ другой, тамъ надъ всѣми и на всемъ царить дивій деспотизмъ домовладыки. Такой неограниченный характеръ носила отцовская власть въ Римѣ (*patria potestas*); она по характеру своему приближалась къ праву собственности: отецъ имѣлъ даже право на жизнь и смерть своихъ дѣтей (*ius vitae ac necis*), личность которыхъ совершенно исчезла въ лицѣ отца, такъ что дѣти не могли имѣть самостоятельнаго праваго положенія. Даже и мать, относительно дѣтей, занимала положеніе немного выше сестры, а по отношенію къ своему мужу она была не болѣе какъ дочь (*filiae locum obtinebat*). Эта родительская власть въ Римѣ являлась пожизненнымъ правомъ отца.

¹⁾ Леббокъ, «Начало цивилизаціи», стр. 71.

Наконецъ, достояніемъ новаго міра является то общественное состояніе, когда дѣти считаются одинаково близкими какъ въ отцу, такъ и къ матери, и родительская власть уже дѣлится между отцомъ и матерью, хотя и не въ равной степени. Германское начало родительской власти является уже съ болѣе нравственнымъ характеромъ защиты и попеченія (*punctum*), такъ что эта власть уже принадлежитъ родителю не пожизненно, а продолжается только до тѣхъ поръ, пока дѣти дѣйствительно нуждаются въ этой защитѣ. Поэтому, въ настоящее время, по нѣкоторымъ законодательствамъ, родительская власть превращается не только съ достиженіемъ дѣтми совершеннолѣтія, но, вообще, съ достиженіемъ ими независимаго матеріальнаго положенія.

Хотя, съ принятіемъ русскими христіанства, греко-римскіе законы и имѣли большое вліяніе на правовую жизнь Россіи, однако родительская власть у насъ принадлежала обоимъ родителямъ вмѣстѣ. Во время господства у насъ патриархальнаго быта, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ неразвитаго общества, родительская власть часто носила характеръ вещнаго права, въ особенности до Уложенія царя Алексѣя Михайловича она простиралась до самыхъ чудовищныхъ размѣровъ. Только Уложеніе 1649 года запретило родителямъ принуждать дѣтей къ дѣяніямъ противозаконнымъ ¹⁾ и отняло у нихъ право на жизнь дѣтей ²⁾, хотя и по Уложенію родителямъ, за убійство дѣтей, полагалось наказаніемъ, только тюремное заключеніе на годъ и церковное покаяніе. За то родителямъ предоставлена была безпредѣльная власть исправлять своихъ дѣтей безъ всякаго вмѣшательства закона въ дѣло исправленія, причемъ Уложеніе Алексѣя Михайловича повелѣваетъ не только не давать дѣтямъ суда по жалобамъ ихъ на родителей, но «ихъ-же за такое челобитье бити внумомъ и отдать ихъ отцу и матери» ³⁾. Такимъ образомъ, въ случаѣ злоупотребленія родителями своею властью, дѣти лишены были права искать судебной защиты отъ ревностныхъ примѣнителей теоріи исправленія.

Все это было возможно во время господства родового быта, но чѣмъ дальше двигалось общественное развитіе, тѣмъ болѣе приходило въ упадокъ родовое начало и семья получала все

¹⁾ Уложеніе Алексѣя Михайловича 1649 г., глава XXII, ст. 5 и 6.

²⁾ Тамъ же, ст. 3 и 26.

³⁾ Тамъ же, ст. 6.

большее и большее значеніе въ сравненіи съ племенемъ или родомъ. Наконецъ, результатомъ этого развитія XVIII вѣкъ выдвигаетъ на сцену начало личности, начало личной самостоятельности каждаго члена общества. Нельзя сказать, чтобы это начало личной самостоятельности вовсе было чуждо нашей древней жизни. Нѣтъ! но оно было заслонено чуждыми ему порядками, и вотъ, XVIII вѣкъ, наконецъ, освобождаетъ его изъ-подъ долгаго тяготѣнія надъ нимъ традиціонныхъ началъ. Теперь съ этимъ принципомъ уже не могла гармонировать прежняя неограниченность родительской власти; вмѣсто прежняго рода, въ которомъ совершенно исчезала личность отдѣльнаго человѣка, на историческую сцену выступилъ человѣкъ съ его личною самостоятельностью и личнымъ достоинствомъ, какъ источникомъ всѣхъ правъ и преимуществъ.

Уже Петръ Великій обратилъ вниманіе на неограниченность родительской власти; такъ, между прочимъ, еще въ 1722 году была высказана общая мысль, что дѣти освобождаются отъ обязанности повиноваться родителямъ противъ своей совѣсти, особенно въ томъ, что требуетъ собственнаго ихъ разсужденія и воли: «и хотя чада воли родительской подлежать, но не какъ скоти безсловесни, въ томъ напримѣръ, что требуетъ самихъ ихъ разсужденія и воли»...¹⁾ Не входя въ разсмотрѣніе разныхъ ограниченій родительской власти, введенныхъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ, я обращаюсь къ нынѣ дѣйствующему праву.

При ближайшемъ разсмотрѣніи постановленій свода законовъ, мы видимъ, что въ немъ, рядомъ съ важными ограниченіями родительской власти, уживаются еще начала патріархальныя, домостроевскія. Это объясняется самымъ характеромъ свода, который не является какимъ либо систематизированнымъ кодексомъ, построеннымъ на однихъ строго-опредѣленныхъ принципахъ, но заключаетъ въ себѣ часто начала другъ другу противорѣчащія и принадлежащія къ двумъ различнымъ эпохамъ, такъ что, напримѣръ, постановленія, взятые изъ Уложенія 1649 года, уживаются рядомъ съ началами, внесенными новою жизнью.

Обращаясь къ нашему семейному праву, мы видимъ, что оно построено на началахъ патріархальныхъ, домостроевскихъ: неограниченная власть родителя тяжелымъ гнетомъ ложится на дѣтей обоюго пола и всякаго возраста²⁾. Родители имѣютъ право

¹⁾ Указъ 1722 г., № 4022; прибавленіе къ духовному регламенту, п. 9.

²⁾ Сводъ законовъ, т. X, ч. I, ст. 164 и 179.

употреблять для исправленія дѣтей всевозможныя домашнія исправительныя мѣры, а въ случаѣ безуспѣшности ихъ, могутъ дѣтей обоого пола, ненаходящихся на государственной службѣ, за упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки, отдавать въ смирительные дома на срокъ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ¹⁾, приче́мъ дѣти должны эти исправленія родителей сносить «терпѣливо и безъ ропота»²⁾. Давая такую обширную власть родителямъ, законъ считаетъ невозможнымъ вмѣшиваться во взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми, такъ что въ личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ дѣтямъ воспрещается приносить жалобы на родителей³⁾. Но вѣдь понятіе исправленія такъ относительно и растяжимо, что подъ покровомъ родительскаго исправленія могутъ скрываться самыя возмутительныя вещи, а между тѣмъ дѣти должны сносить эти родительскія исправленія, какъ говоритъ законъ, «терпѣливо и безъ ропота». И въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительная жизнь повязываетъ намъ, что подобное невмѣшательство закона и суда въ отношенія между родителями и дѣтьми вредно отзывается на общественной нравственности: развѣ можно почерпнуть нравственно здоровыхъ членовъ государства тамъ, гдѣ вмѣсто любви и взаимной помощи въ отношеніяхъ между членами семьи господствуетъ насилие и деспотизмъ съ одной стороны и рабская покорность—съ другой, гдѣ человѣческое достоинство, свобода личности и другія священныя права человѣка нагло попираются дикимъ самодурствомъ родителей «темнаго царства». Государство должно стать на сторону младшихъ членовъ семьи и оградить ихъ отъ самодурства старшихъ. Благодаря неограниченной власти родителей, можетъ быть, многимъ несчастнымъ пришлось посидѣть въ смирительномъ домѣ изъ-за какихъ нибудь капризовъ самодура-родителя⁴⁾!

Разумѣется, этотъ деспотизмъ сильнѣе проявляется въ томъ словѣ общества, въ которомъ живетъ болѣе традиціонныхъ началъ. Но законъ долженъ, съ своей стороны, принять мѣры къ ограниченію этого деспотизма, а для этого онъ долженъ отказаться отъ домостроевской теоріи невмѣшательства въ область семейнаго права. Хотя законъ въ этомъ направленіи уже и

¹⁾ Сводъ законовъ, ст. 165 и уложеніе о наказаніяхъ, ст. 1592.

²⁾ Тамъ же, ст. 177.

³⁾ Тамъ же, ст. 168.

⁴⁾ Никитинъ, «Жизнь заключенныхъ», стр. 193—196.

принимаетъ нѣкоторыя мѣры, такъ, напр., дѣти освобождаются отъ обязанности повиноваться родителямъ противъ своей совѣсти¹⁾; затѣмъ родители не могутъ отдавать дѣтей въ работу безъ ихъ согласія²⁾; но это въ дѣйствительности не имѣетъ должнаго значенія, благодаря общей неудовлетворительности закона объ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, такъ, напр., отдача дѣтей въ работу нерѣдко сливается съ отдачею въ обученіе, на которое родители имѣютъ полное право. Посмотримъ теперь, на какихъ началахъ построены эти отношенія среди крестьянъ.

Родительская власть среди крестьянъ пользуется такимъ уваженіемъ, что иногда родительская воля получаетъ какое-то религиозное освященіе, напримѣръ, благословеніе родительское, по народному убѣжденію, имѣетъ такое благотворное вліяніе на бракъ, что отсутствіе его влечетъ всевозможныя несчастія не только на самихъ брачующихся, но и на ихъ дѣтей. Невѣста, въ свадебной нѣснѣ, обыкновенно, говоритъ, что сваха расплетаетъ косу «по бабушкину повелѣнью, по матушкину согласію»³⁾. Не смотря, однако, на такое уваженіе родительской воли, крестьяне рѣдко принуждаютъ своихъ дѣтей къ заключенію брака противъ ихъ воли; родители, обыкновенно, никогда не протестуютъ противъ ихъ свободнаго выбора, и если дѣло доходитъ до волостнаго суда, то послѣдній почти всегда становится на сторону брачующихся; такъ, онъ или отказываетъ родителямъ въ просьбѣ о наказаніи дѣтей, вступившихъ въ бракъ противъ ихъ воли⁴⁾, или же подвергаетъ штрафу самихъ родителей за принужденіе дѣтей въ браку⁵⁾. Родительское согласіе для заключенія брака имѣетъ значеніе еще и потому, что бракъ въ крестьянскомъ быту имѣетъ характеръ экономическій, а родители въ этомъ дѣлѣ, конечно, являются болѣе опытными, чѣмъ сами брачующіеся. Иногда уваженіе къ родительской власти доходитъ до того, что въ присутствіи родителей сынъ не можетъ позволить себѣ пить водку или курить табакъ⁶⁾. Съ другой стороны, крестьяне, не смотря на видимую черствость и грубость, любятъ своихъ дѣтей не менѣе, а иногда и болѣе, чѣмъ многіе члены, такъ называемыхъ, интеллигентныхъ слоевъ общества; вѣдь и

1) Сводъ законовъ, т. X, ч. I, ст. 169.

2) Тамъ же, ст. 2203.

3) Терещенко, «Бытъ русскаго народа», ч. VI, стр. 215.

4) «Труды комисіи», т. III, стр. 85.

5) Тамъ же, т. VI, стр. 381.

6) Ефименко, «Сборникъ юридическихъ обычаевъ», стр. 42.

подъ грубою рубашкою можетъ биться такое же любящее сердце! Особенно Малороссія изобилуетъ прелестными пѣснями, прославляющими нѣжныя семейныя чувства. Дѣвушки-дочери почти никогда не бывають приставлены къ хозяйству или къ стирани; отецъ, а въ особенности мать, всегда ихъ балуютъ: «наробисья еще дитятко, когда выдешь, а теперь поврасуйся», приговариваетъ мать ¹⁾.

Благодаря борьбѣ среди крестьянъ двухъ противоположныхъ началъ — начала традиціоннаго, патриархальнаго и начала новаго, начала личной самостоятельности каждаго члена семейства, и взгляды крестьянъ на взаимныя отношенія родителей и дѣтей измѣняются, смотря по тому, которое изъ этихъ началъ получаетъ преобладаніе. Такъ, крестьяне нѣкоторыхъ волостей, на вопросы комисіи, отвѣчали, что сынъ никогда не можетъ жаловаться на своего отца ²⁾. Но вообще волостной судъ, въ личныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, скорѣе является противникомъ, чѣмъ защитникомъ дожостроевскихъ началъ. Если же родители жалуются на оскорбленіе или непочтительность дѣтей къ нимъ, то волостной судъ, если дѣйствительно дѣти оказываются виноваты, приговариваетъ ихъ къ какому нибудь наказанію ³⁾, причѣмъ онъ требуетъ отъ родителей доказательствъ ихъ просьбы, такъ что иногда и отказываетъ имъ, если жалоба окажется бездоказательною ⁴⁾.

Руководствуясь не закономъ, а только чувствомъ естественной справедливости, волостной судъ принимаетъ отъ дѣтей жалобы на родителей и даже наказываетъ послѣднихъ, въ случаѣ основательности этихъ жалобъ; такъ, напр., по жалобѣ сына на буйство и пьянство отца волостной судъ наказываетъ послѣдняго розгами ⁵⁾ или арестомъ ⁶⁾. То же самое видимъ и въ томъ случаѣ, когда сноха жалуется на своего свекра, который, при основательности этой жалобы, приговаривается волостнымъ судомъ къ какому нибудь наказанію ⁷⁾. Въ «Трудахъ комисіи» мы находимъ по этому поводу одно любопытное рѣшеніе волостнаго суда: сынъ жаловался на разныя противозаконныя притязанія

¹⁾ Есенинко, «Сборникъ юридическихъ обычаевъ», стр. 52.

²⁾ «Труды комисіи», т. IV, стр. 3, 9, 25, 237 и др.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 25, 31, 81, 257; т. II, стр. 444; т. III, стр. 203, 220; т. IV, стр. 588 и др.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 155.

⁵⁾ Тамъ же, т. II, стр. 424, 426, 445; т. III, стр. 47.

⁶⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 652.

⁷⁾ Тамъ же, т. II, стр. 466; т. III, стр. 207; т. VI, стр. 101.

отца къ нему, а также и на то, что отецъ безъ всякой пользы изрубилъ пальто. Вызванный на судъ отецъ объяснилъ противъ этого, что онъ «властенъ какъ отецъ, поэтому и дѣлаетъ, что знаетъ, и дѣйствительно изрубилъ пальто, разсердившись на сына». Но подобное дикое самодурство разбилось о народную правду, и волостной судъ приговорилъ «властнаго» отца къ наказанію 15 ударами розогъ! ¹⁾). Если же отецъ пьянствуетъ и вообще ведетъ жизнь непорядочную, чѣмъ разстроиваетъ хозяйство, то онъ, по просьбѣ дѣтей, удаляется отъ веденія хозяйства, управленіе которымъ въ такомъ случаѣ передается старшему сыну ²⁾).

Съ правомъ родительской власти по закону, связывается обязанность ихъ давать содержаніе дѣтямъ, воспитывать и готовить ихъ въ какому-нибудь званію или состоянію ³⁾). Эта обязанность родителей скорѣе нравственная, такъ какъ вопросъ о воспитаніи дѣтей весьма неопредѣленный: что собственно нужно разумѣть подъ воспитаніемъ? Вѣдь и простое фактическое нахожденіе дѣтей при родителяхъ, пожалуй, будетъ также воспитаніе. Слѣдовательно, эта обязанность родителей теряетъ юридическое значеніе. Таковой же характеръ имѣетъ и обязанность готовить дѣтей въ какому-нибудь званію. Болѣе реальный и юридическій характеръ имѣетъ обязанность доставлять дѣтямъ содержаніе и пропитаніе; но и здѣсь законъ, постановляя въ общихъ словахъ, не опредѣляетъ, какой именно размѣръ долженъ быть признанъ соотвѣтственнымъ состояніемъ, слѣдовательно, опредѣленіе этого размѣра предоставляется усмотрѣнію самихъ родителей, такъ что, по рѣшенію сената, никакое вмѣшательство судебной власти въ этомъ отношеніи не можетъ быть допускаемо ⁴⁾). Эта обязанность даже не можетъ быть поводомъ къ привлеченію родителей къ отвѣтственности за обязательства дѣтей предъ посторонними лицами, если только онѣ были заключены безъ согласія или уполномочія родителей ⁵⁾). Но это иногда можетъ быть величайшею несправед-

¹⁾ «Труды комисіи», т. II, стр. 445 (рѣшенія Ульяновскаго волостнаго суда, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи)

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 814; т. II, стр. 93, 603; т. IV, стр. 3, 25; т. V, стр. 383; т. VI, стр. 54, 101, 349, 456 и др.

³⁾ Сводъ законовъ, т. X, ч. I, ст. 172—174.

⁴⁾ Собраніе рѣшеній сената, т. I, № 662.

⁵⁾ Рѣшеніе гражданскаго кассационнаго департамента 1866 г., № 28, по дѣлу Кузьминой.

ливостью, такъ какъ дѣти могли войти въ обязательства для насущнаго своего пропитанія, по винѣ самихъ же родителей. Въ такомъ случаѣ дѣти иногда могутъ быть поставлены въ безвыходное положеніе!

Волостной судъ въ этихъ случаяхъ принимаетъ жалобы дѣтей на недоставленіе родителями содержанія и заставляетъ отца доставлять дѣтямъ содержаніе, размѣръ котораго опредѣляется до мельчайшихъ подробностей или въ видѣ денежной выдачи, на примѣръ, по 2 р. 60 к. въ мѣсяцъ ¹⁾ или же натурою: «для одѣванія и прокормленія жалобщика можно отобрать отъ отца его—вожущину, одну свитянку, сукна простаго на одну юбку, одну шапку, четвертую часть хлѣба....» и т. д. ²⁾. Такъ какъ взаимныя отношенія членовъ крестьянской семьи основываются главнымъ образомъ не на родствѣ, а на взаимной помощи, то если отецъ не заботился о воспитаніи своего сына, онъ теряетъ и соотвѣтственныя права на его личность, а потому долженъ вознаградить его за работу, какъ чужаго работника; и дѣйствительно мы находимъ такого рода рѣшеніе волостного суда: «судъ постановилъ, чтобы Т. вознаградилъ сына своего за 4 года по 70 р., а всего 280 р., за его работу, за исключеніемъ его женитьбы, котораго онъ съ малолѣтства долженъ бы пропитывать какъ сына, каковой съ малолѣтства жилъ при матери и пропитывался большею частію милостынею, который былъ у него, какъ намъ извѣстно, не въ видѣ сына, а въ родѣ работника....» ³⁾. Такимъ образомъ волостной судъ здраво относится къ этой обязанности родителей.

Обязанность доставлять пропитаніе должна быть признана и по нашему законодательству признается обязанностью взаимною. Ко времени достиженія дѣтьми личной и имущественной самостоятельности, родители, по старости, могутъ лишиться возможности собственнымъ трудомъ доставать себѣ пропитаніе, а потому на дѣтяхъ лежитъ нравственная и юридическая обязанность доставлять родителямъ все необходимое въ жизни. Конечно, эта обязанность носитъ характеръ субсидіарный, такъ что, если родители и въ старости имѣютъ много источниковъ дохода, то

¹⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 287 (Барашевскій волостной судъ, Темниковскаго уѣзда).

²⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 556 (Ново-Аврамовскій волостной судъ, Хорольскаго уѣзда, Полтавской губерніи).

³⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 371 (Карбулакскій волостной судъ, Саратовскаго уѣзда).

не можетъ быть и рѣчи объ обязанностяхъ дѣтей доставлять имъ содержаніе. Вопросъ о содержаніи возбуждается только въ томъ случаѣ, если родители дѣйствительно нуждаются въ немъ, и въ такомъ случаѣ дѣти не могутъ быть освобождены; да и сами они, если только въ нихъ не угасла послѣдняя искра здороваго нравственнаго инстинкта, добровольно понесутъ эту священную обязанность! По закону природы и нравственному закону, дѣти должны вознаградить родителей за тѣ многочисленныя заботы, какія оказали имъ послѣдніе во время ихъ дѣтства. Если же законы нравственности исчезаютъ, то на помощь къ нимъ поспѣваетъ законъ юридическій, и въ такомъ случаѣ эта нравственная обязанность превращается уже въ обязанность юридическую.

По нашему закону, дѣти, хотя бы они были совершенно отдѣлены отъ родителей, если только эти послѣдніе находятся въ бѣдности, дряхлости или немощахъ, обязаны доставлять имъ пропитаніе и содержаніе по самую ихъ смерть ¹⁾, иначе за оставленіе родителей въ бѣдности они подвергаются наказанію, на основаніи мирового устава ²⁾. Вопросъ о размѣрѣ содержанія долженъ быть разрѣшаемъ судомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что можно вывести изъ 143 ст. мирового устава, которая обязываетъ дѣтей къ производству родителямъ соразмѣрнаго съ ихъ средствами пособія, а также и по рѣшенію сената, что назначеніе размѣра содержанія, нужнаго для родителей, представляется усмотрѣнію суда, сообразно съ средствами дѣтей ³⁾.

Въ крестьянскомъ быту мы встрѣчаемся съ совершенно другою обстановкою. По условіямъ крестьянскаго хозяйства, необходимо, чтобы кто нибудь являлся представителемъ этой хозяйственной асоціаціи — семьи. Относительно платежа податей и отправленія повинностей, государство имѣетъ дѣло только съ однимъ этимъ представителемъ — домохозяиномъ, который такимъ образомъ является главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ. Такимъ домохозяиномъ почти всегда бываетъ отецъ; иногда даже до самой глубокой старости онъ своею властью распредѣляетъ занятія между другими членами семьи, разбираетъ ихъ ссоры и даетъ имъ жизненные практическіе совѣты. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, онъ до самой смерти остается главнымъ лицомъ этой хозяйственной асоціаціи. Точно также не-

¹⁾ Сводъ законовъ, т. X, ч. I, ст. 191.

²⁾ Мировой уставъ, ст. 143.

³⁾ Рѣшеніе гражданскаго кассационнаго департамента 1873 г., № 1446.

обходимость завѣдыванія женскимъ хозяйствомъ вызываетъ назначеніе одной изъ женщинъ главною хозяйкою. Разумѣется, эта отрасль женскаго хозяйства почти всегда находится на рукахъ матери. При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о пропитаніи родителей, такъ какъ они являются главными лицами въ семействѣ. Вопросъ этотъ возбуждается только въ томъ случаѣ, если отецъ по глубокой старости, какъ говорятъ крестьяне, выживаетъ вовсе изъ ума, такъ что его права переходятъ къ старшему сыну или брату, или же если отецъ, чувствуя себя неспособнымъ заниматься хозяйствомъ, дѣлитъ своихъ сыновей и идетъ жить къ одному изъ нихъ, который въ такомъ случаѣ получаетъ и большую часть. Кому только пришлось когда нибудь вращаться среди крестьянъ, тотъ могъ замѣтить, какимъ уваженіемъ пользуются старики-родители до самой смерти, такъ что не возбуждается и вопроса объ ихъ пропитаніи. Пожалуй, иногда сынъ, по своимъ личнымъ нравственнымъ качествамъ, и отказался бы отъ подобной обязанности, но его удержитъ страхъ общественнаго мнѣнія, такъ какъ онъ знаетъ, что міръ его не похвалитъ за то, что онъ «не поводитъ своихъ стариковъ»; «корми дѣда на печи, и самъ будешь тамъ», — говорятъ крестьяне.

Если дѣло доходить до волостнаго суда, то онъ всегда приговариваетъ сына къ доставленію содержанія родителямъ или въ видѣ денежной суммы, или натурой ¹⁾, или же сынъ обязывается взять къ себѣ родителей и оказывать имъ всякое почтеніе ²⁾.

Обязанность прокормить и похоронить старуху-мать лежитъ на томъ сынѣ, которому при раздѣлѣ досталась изба, такъ какъ изба пожизненно принадлежитъ матери ³⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по смерти отца мать дѣлается опекуншею дѣтей съ правомъ пожизненно владѣть всѣмъ оставшимся по мужѣ имуществомъ ⁴⁾, и если въ этомъ случаѣ мать не захочетъ править хозяйствомъ и передаетъ его сыну, то послѣдній обязывается платить ей отъ 2 до 15 р. въ годъ на пропитаніе ⁵⁾. Затѣмъ

¹⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 548—7; т. II, стр. 57, 62, 152, 189; т. III, стр. 214; («сынъ обязанъ выдавать матери на содержаніе каждагодно кулъ ржаной муки, или четверть ржи, или деньгами, овса мѣшокъ, на приварокъ въ годъ по 4 р. и кадочку творогу»).

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 61.

³⁾ Тамъ же, т. V, стр. 6.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 53, 93, 376; т. IV, стр. 488.

⁵⁾ Тамъ же, т. II, стр. 377, 383.

въ обычномъ правѣ крестьянъ находимъ разрѣшеніе одного важнаго вопроса, совершенно непредусмотрѣннаго нашимъ законодательствомъ: сынъ, дававшій содержаніе своей матери, можетъ потомъ взыскать соотвѣтственную часть съ другаго сына ¹⁾).

Мѣстожителство дѣтей полагается при родителяхъ, которые поэтому имѣютъ право требовать къ себѣ малолѣтнихъ дѣтей отъ всякаго посторонняго лица. Но эта обязанность дѣтей къ совмѣстной жизни съ родителями, какъ мы увидимъ послѣ, фактически ограничивается во многихъ случаяхъ. Важный недостатокъ нашего законодательства относительно этого вопроса состоитъ въ томъ, что законъ не опредѣляетъ, который изъ супруговъ, въ случаѣ ихъ раздѣльной жизни, имѣетъ преимущественное право на воспитаніе дѣтей. Поэтому суды, при рѣшеніи подобныхъ дѣлъ, приходятъ въ большое затрудненіе, такъ что одинъ и тотъ же судъ, по одному и тому же вопросу, даетъ два совершенно различныхъ рѣшенія; такъ, петербургская судебная палата, по дѣлу Грушецкихъ, признала, что мужъ есть глава семьи, а потому если онъ отдастъ своихъ дѣтей на воспитаніе третьихъ лицъ, то жена не можетъ требовать ихъ къ себѣ ²⁾). Та же палата, по дѣлу Звенигородскихъ, высказала совершенно другой взглядъ: мужъ имѣетъ право на дѣтей, какъ глава семьи, только тогда, когда семья существуетъ въ законномъ видѣ, т. е. при совмѣстной жизни супруговъ ³⁾). Этотъ вопросъ требуетъ законодательнаго разрѣшенія, такъ какъ раздѣльная жизнь супруговъ въ дѣйствительности встрѣчается нерѣдко.

У крестьянъ дѣти обязываются жить вмѣстѣ съ родителями, пока не обзаведутся собственнымъ хозяйствомъ и законнымъ образомъ не отдѣлятся отъ родителей. Если же они отдѣляются самовольно и безъ всякаго основанія, то волостной судъ иногда наказываетъ ихъ за подобный самовольный уходъ, обязывая при этомъ возвратиться въ родительскій домъ ⁴⁾).

Въ случаѣ ссылки втораго нибудь изъ родителей въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, дѣти старше 14 лѣтъ безусловно имѣютъ право не слѣдовать за своими родителями, а остаться на прежнемъ мѣстѣ жительства; дѣти же менѣе

¹⁾ «Труды комисіи», т. II, стр. 506 (рѣшеніе Митинскаго волостнаго суда, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи).

²⁾ «Судебный Вѣстникъ» 1869 г., № 114.

³⁾ Оршанскій, «Исслѣдованіе по семейному и наследственному праву», стр. 97.

⁴⁾ «Труды комисіи», т. II, стр. 81; т. II, стр. 152.

14 лѣтъ отъ роду остаются при другомъ супругѣ, а если ссылается вдовый или ссылаются оба супруга, то учреждается опека. Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ губернаторъ можетъ разрѣшить родителямъ взять дѣтей съ собою.

Дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, слѣдуютъ состоянію своего отца. Но въ составъ семейства могутъ входить еще дѣти незаконорожденныя, подъ которыми разумѣются вообще дѣти, рожденныя въ незаконномъ бракѣ. Еще римлянами, а затѣмъ всѣми новыми законодательствами, въ томъ числѣ и русскимъ, принято предположеніе, что всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, должны считаться законными, пока не будетъ доказано противнаго (*pater est quem justae nuptiae demonstrant*), причѣмъ всѣ законодательства, для сохраненія внутренняго мира въ семейной жизни и для уменьшенія подобныхъ процессовъ, ограничиваютъ иски о незаконности рожденія, какъ въ отношеніи срока и предмета доказательствъ, такъ и въ отношеніи лицъ, имѣющихъ право на искъ.

Состояніе незаконныхъ дѣтей, по нашему праву, оставлено безъ всякаго опредѣленія, даже отрицается всякая юридическая связь ихъ, какъ съ родителями, такъ и со всѣмъ ихъ родомъ, поэтому они лишены права наследовать въ имуществѣ родителей. Такое безправное положеніе дѣлаетъ ихъ какими-то отверженцами общества, благодаря чему самый фактъ незаконности рожденія кладетъ на всю ихъ жизнь какое-то позорное клеймо, дѣлаетъ изъ нихъ, по выраженію народа, «засорныхъ» дѣтей. Изъ разсмотрѣнія наследственнаго права видно, что крестьяне относятся къ такимъ дѣтямъ разумнѣе и справедливѣе, чѣмъ законъ; они въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обращаютъ вниманіе прежде всего на личныя качества каждаго человѣка, и если подобное «засорное» дитя по своимъ личнымъ качествамъ является хорошимъ человѣкомъ, не пьяницей а трудолюбивымъ, то онъ—такой же членъ семейства и равноправный дольщикъ въ общемъ семейномъ имуществѣ. Замѣчательно, что обычное право нашихъ крестьянъ, въ этомъ отношеніи, болѣе закона приближается не только къ законодательствамъ западно-европейскихъ государствъ, но и къ ученію греческой церкви. Какъ мы знаемъ, по ученію греческой церкви, незаконныя дѣти имѣли право на содержаніе и воспитаніе ихъ отцомъ и наследовали матери своей наравнѣ съ законными. Если мы возьмемъ изъ западныхъ законодательствъ—итальянское, какъ наиболѣе благоприятное для незаконныхъ дѣтей, то увидимъ, что они допускаются къ участию въ наследствѣ вмѣстѣ

съ законными дѣтьми въ половинной долѣ, а затѣмъ, за отсутствіемъ восходящихъ и нисходящихъ родственниковъ и другаго супруга, они призываются къ наслѣдству исключительно одни. У насъ если иногда отецъ и обязывается приличнымъ образомъ обезпечить содержаніе незаконнаго ребенка, то это вытекаетъ не изъ гражданскаго юридическаго отношенія, а является въ видѣ отвѣтственности за проступокъ ¹⁾.

О родительской власти относительно незаконныхъ дѣтей, въ законѣ нашемъ ничего не сказано, такъ что значеніе родительской власти въ этихъ случаяхъ можетъ зависѣть отъ чисто фактическихъ условий, напр. отъ того, у кого былъ ребенокъ на воспитаніи. Если мать оставила своего ребенка безъ всякаго попеченія, которое ему указали люди совершенно посторонніе, то, конечно, она не можетъ и претендовать на родительскую власть, такъ какъ въ этомъ случаѣ чужіе люди, воспитавшіе ребенка, заступаютъ для него мѣсто родителей. Московская судебная палата въ одномъ изъ своихъ рѣшеній признала естественное право матери на незаконнорожденнаго ребенка, по которому она можетъ отыскивать его и изъ чужихъ рукъ ²⁾.

Союзъ между родителями и дѣтьми иногда распространяется дальше естественныхъ предѣловъ, именно, посредствомъ усыновленія устанавливается искусственное отношеніе между родителями и дѣтьми. Въ Римѣ усыновленіе въ первый разъ получило юридическій характеръ и оно вполнѣ соответствовало строю римскаго государства, такъ какъ тамъ семья являлась съ чисто юридическимъ характеромъ. Въ государствахъ новаго міра усыновленіе уже не устанавливаетъ между усыновителемъ и усыновляемымъ таковаго полного отношенія, какое возможно между естественными родителями и дѣтьми; такъ, оно не уничтожаетъ вовсе связи усыновляемаго съ его кровными родственниками, затѣмъ оно не даетъ усыновляемому всѣхъ правъ по отношенію къ имуществу усыновителя, какія возможны въ силу естественнаго происхожденія и проч.

Наше законодательство различаетъ 3 вида усыновленія: усыновленіе дворянами, усыновленіе купцами и, наконецъ, лицами податнаго состоянія. Оставивъ въ сторонѣ первые два, я обращу нѣкоторое вниманіе на послѣднее.

¹⁾ Уложеніе о наказаніяхъ, ст. 994.

²⁾ «Юридическій Вѣстникъ», 1873 года, № 5.

Относительно усыновленія лицами податнаго состоянія наше законодательство не даетъ никакихъ особенныхъ опредѣленій, предоставляя все непосредственному усмотрѣнію самихъ дѣйствующихъ лицъ. Благодаря особенностямъ крестьянскаго хозяйства, усыновленіе въ крестьянскомъ быту встрѣчается очень часто. Не говоря о томъ, что для крестьянина очень важно воспитать себѣ кормильца на старость, но и во всякое время приемышъ можетъ явиться важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, какъ даровая рабочая сила. Усыновленіе въ крестьянскомъ быту совершается посредствомъ приписки къ семейству съ вѣдома общества, согласіе же общества на усыновленіе не требуется ¹⁾. Приемыши, причисленные къ семействамъ крестьянъ, не только пользуются участкомъ земли, принадлежащимъ тому семейству, къ которому они приписаны, но даже получаютъ право на надѣлъ отъ общества участкомъ земли. Впрочемъ этого послѣдняго права они лишаются въ томъ случаѣ, если приписка послѣдовала безъ согласія общества; право же на участокъ, принадлежащій къ той семьѣ, къ которой они приписаны, независитъ отъ подобнаго согласія общества ²⁾.

Права приемыша зависятъ отъ того, какъ онъ будетъ трудиться, и если впродолженіи извѣстнаго числа лѣтъ онъ будетъ старательно трудиться на общую семейную пользу, то дѣлается равноправнымъ членомъ этой трудовой семейной асоціаціи и, въ случаѣ раздѣла, получаетъ равную часть съ родными дѣтьми ³⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ права приемышей зависятъ отъ того, была ли написана въ волостномъ правленіи бумага объ ихъ усыновленіи ⁴⁾.

У крестьянъ существуетъ обычай, въ случаѣ безплодія въ бракѣ, брать къ себѣ приемышей для того, чтобы родились дѣти. Очень часто случается, что затѣмъ безплодіе прекращается; и такимъ образомъ приемышъ дѣлается старшимъ въ потомствѣ усыновившихъ его супруговъ ⁵⁾.

¹⁾ Сводъ законовъ, т. X, ч. I, ст. 155—158.

²⁾ Рѣшеніе гражданскаго касационнаго департамента 1872 года, № 775, по дѣлу Мазаева.

³⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 3, 12, 15, 21, 36, 38, 48, 59, 77, 102, 117, 130, 134, 160, 185, 224, 541, 572, 613; т. II, стр. 26, 29, 33, 47, 53, 66, 370, 377, 383, 603; III, стр. 2, 13, 104, 201, 220, 454 и др.; т. IV, стр. 119; т. V, 279, 492; т. VI, стр. 3, 29, 44, 51, 312, 410, 456 и др.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 235, 254, 262, 294 и др.

⁵⁾ Калачовъ, «Юридическіе обычаи», «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній», 1859 года, т. 2, стр. 17.

На обязанности приёмщика лежит также призрѣніе старика воспитателя до самой смерти ¹⁾).

Личная родительская власть прекращается только смертью родителей или дѣтей и лишеніемъ правъ состоянія ²⁾); впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ родительская власть не всегда прекращается; такъ, дѣти могутъ, по собственному желанію, послѣдовать за своими родителями и въ ссылку; въ такомъ случаѣ родительская власть не прекращается; также и въ томъ случаѣ, если, при ссылкѣ въ Сибирь обоихъ супруговъ, у нихъ остаются дѣти моложе 14 лѣтъ, то губернаторъ можетъ признать для дѣтей полезнѣе слѣдовать за своими родителями.

Затѣмъ мы видимъ много ограниченій родительской власти въ тѣхъ случаяхъ, когда она сталкивается съ какою нибудь другою властью; напр. родительская власть уже не можетъ быть неограниченною относительно того дитяти, которое находится въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, такъ какъ каждое учебное заведеніе имѣетъ извѣстную долю власти относительно своихъ питомцевъ. Тоже самое видимъ и при поступленіи дѣтей на государственную службу. Относительно лицъ женскаго пола имѣется специальное ограниченіе родительской власти при вступленіи ихъ въ бракъ, такъ какъ съ этого момента они подчиняются «неограниченной» власти мужа, а потому они не могутъ въ одно и то же время подчиняться двумъ неограниченнымъ властямъ ³⁾). Но помимо этихъ законныхъ ограниченій, родительская власть въ дѣйствительной жизни часто ограничивается фактически, съ достиженіемъ дѣтьми самостоятельнаго имущественнаго положенія; въ такомъ случаѣ родительская власть являлась бы совершенно излишнею, такъ какъ она вызывается главнымъ образомъ для блага самихъ дѣтей въ то время, когда они дѣйствительно нуждаются въ попеченіи родительскомъ. Какъ только дѣти достигаютъ совершеннаго возраста и обзаводятся собственнымъ домомъ, невозможно и требовать, чтобы они подчинялись «неограниченной» власти родителя. Въ такомъ случаѣ это было-бы своего рода крѣпостное право, задерживающее свободное развитіе личности: какъ интересы общественные, такъ и интересы отдѣльной личности требуютъ, чтобы человѣкъ когда нибудь получилъ, наконецъ,

¹⁾ «Труды комисіи», т. IV; какъ общій обычай во всей Полтавской губерніи, 653; Есенинко, «Сборникъ юридическихъ обычаевъ», стр. 53.

²⁾ Сводъ законовъ, т. X, ч. I, ст. 178, 179.

³⁾ Тамъ же, ст. 179.

возможность трудиться вполне самостоятельно, обезвѣдая своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Тогда только и возможно нравственное совершенствованіе человека, если онъ ничѣмъ не стѣсненъ въ своемъ свободномъ развитіи.

Особенно часто происходитъ такое фактическое ограниченіе родительской власти среди крестьянъ. Крестьянская семья, какъ мы знаемъ, является скорѣе трудовой хозяйственной, чѣмъ кровною ассоціаціей, во главѣ которой стоитъ непремѣнно одно лицо, а остальные члены должны подчиняться власти этого домохозяина. Но какъ только который нибудь изъ членовъ семьи выдѣляется изъ этой ассоціаціи и обезвѣдывается собственнымъ хозяйствомъ, то онъ фактически уже выходитъ изъ-подъ власти своего родителя, дѣлаясь самъ домохозяиномъ и главою новой семейной ассоціаціи. Такой порядокъ вещей въ настоящее время сталъ наблюдаться все чаще и чаще; стремленіе къ самостоятельной жизни заставляетъ нерѣдко самыя мирныя семьи дробиться на части. «И странное дѣло: старики, которые въ своемъ домѣ такъ ревностно охраняютъ права старшинства и такъ деспотически проявляютъ его на дѣлѣ, какъ скоро соберутся на сходку толковать о томъ, слѣдуетъ ли отдѣлить брата отъ брата, племянника отъ дяди, даже иногда сына отъ отца, въ болѣе части случаевъ поканчиваютъ свои совѣщанія тѣмъ, что ихъ «надо распустилъ»! Не выражается ли въ этомъ сознаніе, что въ чужомъ дѣлѣ легче, нежели въ своемъ, допускается начало общаго блага и справедливости? Или, можетъ быть, въ старивахъ воскресаетъ при этомъ память о томъ, какъ имъ самимъ было когда-то невыносимо подчиняться гнету, налагаемому тяжелой рукою старшаго въ домѣ на всѣхъ ему подвластныхъ? Какъ бы то ни было, семейный раздѣлъ утверждается стариками...»¹⁾.

VI.

Имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми, по нашему законодательству, построены на такой же раздѣльности, какъ и имущественныя отношенія между супругами. Только право на взаимное содержаніе и пропитаніе представ-

¹⁾ Калачовъ, «Юридическіе обычаи». «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній», 1859 г. Книга 2-я, стр. 20).

дѣть нѣкоторое отношеніе къ имуществу другъ друга. Съ достиженіемъ совершеннолѣтія, дѣти дѣлаются самостоятельными распорядителями своего собственнаго имущества, къ которому родители не имѣютъ никакого отношенія, кромѣ права на содержаніе во время старости. Впрочемъ и до совершеннолѣтія, когда дѣти еще неспособны къ самостоятельнымъ юридическимъ дѣйствіямъ, родителямъ, по отношенію къ дѣтскому имуществу, принадлежитъ только преимущественное право опеки, и въ этомъ случаѣ они являются такими же опекунами, какъ и стороннія лица, съ обязанностью отчетности предъ опекой¹⁾. Хотя въ нашемъ законодательствѣ различаются имущественныя отношенія къ родителямъ дѣтей отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ, но на самомъ дѣлѣ никакого существеннаго различія нѣтъ; въ обоихъ случаяхъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же принципъ раздѣльности имущественныхъ отношеній. Точно также и дѣти при жизни родителей не имѣютъ никакого права на имущество послѣднихъ, такъ что даже если родители безумно расточаютъ свое собственное имущество, дѣти не могутъ просить судъ объ охраненіи этого имущества. Если бы это имущество сохранилось въ цѣлости до самой смерти родителя, то послѣдній всегда можетъ отстранить сына отъ наслѣдованія въ его благопріобрѣтенномъ имуществѣ и передать его совершенно чужому чловѣку. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ имущественныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми замѣчается полная раздѣльность. Конечно, въ дѣйствительной жизни отношенія между родителями и дѣтьми болѣе тѣсныя; уже въ силу закона природы и нравственнаго закона—между родителями и дѣтьми не всегда можетъ существовать такая раздѣльность имуществъ. Но подобная система имущественныхъ отношеній имѣетъ то достоинство, что она можетъ явиться нѣкоторымъ коррективомъ личныхъ отношеній, сдерживая въ нѣкоторыхъ случаяхъ самодурство родителя.

Отдавая такимъ образомъ полную справедливость подобной системѣ имущественныхъ отношеній, необходимо замѣтить, что личныя и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми по русскому праву совершенно между собою не согласованы: съ одной стороны, надъ дѣтьми обоюго пола и всякаго возраста тяготѣетъ «неограниченная» власть родителя; съ другой стороны, по имуществу они относятся между собою какъ

¹⁾ Сводъ законовъ, т. X, ч. I, ст. 172, 180—195, 226, 229, 294.

лица совершенно постороннія, да и мыслимо ли, чтобы дѣти, подчиненныя лично «неограниченной» власти родителей, въ имущественномъ отношеніи стояли въ совершенно независимомъ положеніи?! Такимъ образомъ существенный недостатокъ нашего закона заключается въ несогласованіи между собою личныхъ и имущественныхъ отношеній между родителями и дѣтьми.

Совершенно иначе построены имущественныя отношенія среди крестьянъ. Крестьянская семья является не столько кровнымъ союзомъ, сколько хозяйственною асоціаціей, построенной на экономическихъ началахъ—общаго труда и вытекающаго изъ него начала общей собственности всего, что приобретено общимъ трудомъ. Особенно ясно этотъ хозяйственный характеръ семьи высказывается въ томъ случаѣ, когда во главѣ семьи становится не старшій по лѣтамъ или по родству, а младшій, но болѣе способный къ управленію хозяйствомъ, или же когда семья является съ чисто фиктивнымъ характеромъ, т. е. когда живутъ вмѣстѣ, общимъ хозяйствомъ, самые дальніе родственники; такъ, напримѣръ, баронъ Гавстаузенъ описываетъ одну семью Ярославской губерніи, имѣющую чисто фиктивный характеръ: «Главой семейства— бездѣтный старикъ, большухой— вдова, имѣющая дочь; мужъ покойной дочери большухи былъ женатъ въ другой разъ, и онъ-то со своею женой и съ пятью дѣтьми исполняетъ главныя обязанности по хозяйству»¹⁾. Ясно, что не кровное родство соединяетъ ихъ между собою, а внутреннее согласіе и взаимные интересы; это своего рода товарищество, которое существуетъ до тѣхъ поръ, пока члены его считаютъ это для себя выгоднымъ и пока въ отношеніяхъ между ними господствуетъ миръ и согласіе. Явись какое нибудь обстоятельство, нарушившее общее спокойствіе, и семья разредется въ разныя стороны, подѣливъ предварительно общее семейное имущество. Такъ какъ главный факторъ крестьянскаго хозяйства—личный трудъ, то разумѣется хозяйство выигрываетъ отъ большаго числа рабочихъ рукъ. Поэтому и на дѣтей у крестьянъ сложился практической взглядъ: «одинъ сынъ— не сынъ, два сына— полсына, а три сына—одинъ только сынъ», говоритъ народная пословица.

Не родствомъ также, а взаимною выгодною и довѣріемъ объясняется то явленіе, замѣчаемое преимущественно въ Малороссіи, что часто братья живутъ отдѣльно, но землю обрабатыва-

¹⁾ А. Еюменко, «Крестьянская женщина», «Дѣло», 1873 года, № 2, стр. 191).

ють совокупными трудами и капиталомъ, а затѣмъ уже дѣлятся зерномъ, а также и сынъ иногда остается вмѣстѣ съ отцомъ, но только живутъ «на двѣ припечки», дѣля продукты по окончаніи каждаго года ¹⁾. Нужно вообще сказать, что артельное начало составляетъ національную черту русскаго народа; нигдѣ артели такъ легко не прививаются, какъ на русской почвѣ. Иногда цѣлыя деревни общими усиліями обрабатываютъ арендуемую у помѣщиковъ землю и затѣмъ, въ концѣ года, дѣлятъ между собою результаты общихъ трудовъ, по числу работниковъ, участвовавшихъ въ такой рабочей артели.

Имѣя въ виду этотъ характеръ крестьянской семьи, мы находимъ естественнымъ, что все семейное имущество является достояніемъ общимъ подѣ управленіемъ старшаго члена или хозяина, причѣмъ всѣ члены этой хозяйственной ассоціаціи суть равноправные пайщики семейнаго имущества, приобретеннаго общимъ трудомъ. Ни семейное положеніе, никакое другое подобное обстоятельство не измѣняютъ этого главнаго принципа крестьянскаго хозяйства. Это объясняется особеннымъ значеніемъ труда въ крестьянской жизни: какъ и у всѣхъ народовъ, стоящихъ на той ступени общественнаго развитія, когда капиталъ не играетъ важнаго значенія въ промышленной жизни, единственнымъ и справедливымъ источникомъ собственности является личный трудъ и преимущественно трудъ земледѣльческій: «якъ вилъ да коса, дакъ и грошей киса». Каждый человекъ цѣнится прежде всего какъ трудовая сила, поэтому человекъ трудящійся, дѣловой, въ крестьянскомъ быту на столько цѣнится, что, напр., «по спорамъ о раздѣлѣ, трудолюбивому и трезвому присудятъ больше, чѣмъ озорнику и пьяницѣ» ²⁾. Благодаря долговременному сожителству и труду, не только жѣны, но даже любовницы, получаютъ право на имущество своихъ сожителей, и если дѣло доходитъ до волостнаго суда, то послѣдній признаетъ за ними это право и защищаетъ ихъ отъ посягательства родственниковъ ³⁾. Приемышъ, проработавшій опредѣленное число

¹⁾ Чубинскій, «Очеркъ юридическихъ обычаевъ Малороссіи» («Записки географическаго общества», 1869 г., т. II, стр. 687, 692).—Тарновскій, «Юридическій бытъ Малороссіи».— («Юридическія Записки», т. II, стр. 35).—Ефименко, «Сборникъ юридическихъ обычаевъ», стр. 246.

²⁾ «Труды комисіи», т. III, стр. 441; т. VI, стр. 384 и др.

³⁾ Князь Костровъ, «Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ Томской губерніи», 1876 г., стр. 45. —А. Ефименко, «Трудовое начало въ обычномъ правѣ» («Слово», 1878 г., № 1, стр. 164—165).

лѣтъ въ домѣ своего усыновителя, получаетъ относительно имущества право совершенно одинаковое съ родными сыновьями усыновителя. Незаконнорожденное, «заворное» дитя, лишенное закономъ самыхъ существенныхъ своихъ правъ, благодаря своему трудолюбію, становится равноправнымъ членомъ крестьянской семьи. Все это указываетъ на важное значеніе труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и нельзя не признать этого трудового начала началомъ болѣе справедливымъ и разумнымъ, чѣмъ многія начала, регулирующія жизнь въ другихъ слояхъ общества. Этимъ же началомъ объясняется и оригинальный взглядъ крестьянъ на тѣ естественныя произведенія земли, къ которымъ не былъ приложенъ человѣческой трудъ: по ихъ понятіямъ, кто срубить бортяное дерево, тотъ воръ, онъ крадетъ человѣческой трудъ; кто рубить лѣсъ, никѣмъ непосѣянный, тотъ пользуется даромъ Божиимъ, такимъ-же даромъ какъ вода, воздухъ и др. ¹⁾.

Изъ начала общей собственности всего семейнаго имущества вытекаетъ то послѣдствіе, что за долгъ, сдѣланный однимъ членомъ семьи, отвѣтственность падаетъ на все семейство, такъ какъ предполагается, что онъ былъ сдѣланъ на обще-семейныя нужды ²⁾. Поэтому все семейство заинтересовано, чтобы отдѣльные члены его не вступали въ излишніе долги, такъ что если который-либо изъ членовъ окажется расточительнымъ, то надъ нимъ, по просьбѣ родителей или жены, назначается опека ³⁾. По закону же, какъ мы видѣли, благодаря раздѣльности имущественныхъ отношеній, каждый членъ семьи отвѣчаетъ за свой долгъ, и родители призываются къ отвѣтственности за долгъ дѣтей только въ такомъ случаѣ, если долгъ этотъ сдѣланъ съ согласія или уполномочія ихъ.

Благодаря особенностямъ экономическаго положенія нашихъ крестьянъ, имущество ихъ не отличается особеннымъ разнообразіемъ и состоитъ главнымъ образомъ изъ предметовъ, необходимыхъ для земледѣльческаго хозяйства, и притомъ въ количествѣ, необходимомъ для веденія только одного хозяйства. Земля большинству сельскаго населенія принадлежитъ еще не на правѣ собственности, а на правѣ пользованія, такъ что она изъята изъ свободнаго распоряженія. Поэтому земельные душе-

¹⁾ «Основа», 1862 г. июнь, стр. 68—69.—А. Есенинко, «Трудовое начало» («Слово», 1878 г. № 1, стр. 153).

²⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 733, 742, 795; т. II, стр. 104; т. III, стр. 37.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 10, 21; т. III, стр. 101, 264; т. IV стр. 660 (какъ общій обычай во всей Полтавской губерніи).

вые участки не могут быть передаваемы въ другія семьи, но всегда остаются въ одномъ и томъ же семействѣ, пока въ немъ остаются члены, способные обрабатывать эти участки. Иногда, и за прекращеніемъ лицъ мужскаго пола въ семьѣ, они остаются за вдовою или вообще за женщиною, если она обязется обрабатывать этотъ участокъ, исправно платить подати и отправлять лежащія на немъ повинности.

Другія недвижимыя имущества, какъ-то: строенія, огородъ, гумно и др., находятся также въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ семьи; всѣ они сообща воздѣлываютъ огородъ, дѣлаютъ необходимыя поправки въ строеніяхъ; молотба хлѣба на гумнѣ и уборка сѣна въ сѣновалы производятся также вмѣстѣ общими усиліями. Явившіеся результатомъ такихъ трудовъ—хлѣбъ, сѣно и другіе продукты составляютъ общую собственность всѣхъ членовъ, участвовавшихъ въ общемъ трудѣ.

Движимыя имущества, какъ-то: земледѣльческія орудія, рабочей скотъ, домашняя утварь, а также иногда и деньги, составляютъ общую собственность всѣхъ членовъ семьи, такъ что и тотъ, который избирается распорядителемъ или, по выраженію крестьянъ, «хозяиномъ», имѣетъ по отношенію къ этому имуществу такія же права, какъ и другіе члены, и только необходимость управленія этимъ имуществомъ вызываетъ назначеніе его главнымъ распорядителемъ, причемъ, какъ мы видѣли, въ такіе распорядители попадаютъ не только старшіе по лѣтамъ или родству, а иногда и младшіе, но болѣе способные къ управленію такимъ хозяйствомъ. Также и для государства необходимо, чтобы былъ какой-нибудь представитель этой рабочей семьи, такъ какъ раскладка податей всегда дѣлается по семействамъ, причемъ домохозяинъ является главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за исправность взноса податей и отправленія повинностей. Конечно, и прочіе члены не освобождаются отъ нѣкоторой отвѣтственности; такъ, они за невзносъ податей и неисполненіе повинностей могутъ быть обращаемы въ работу.

Съ осложненіемъ и развитіемъ экономической жизни, существованіе такой безусловной общности всѣхъ имуществъ становится невозможнымъ, и чѣмъ болѣе развивается экономическая жизнь крестьянъ, тѣмъ болѣе является у нихъ потребностей, и тѣмъ менѣе начинаетъ удовлетворять такимъ условіямъ господствующее среди крестьянъ начало общности имуществъ. Существованіе «отхожихъ промысловъ» и развитіе кустарной промышленности уже расплывааетъ начало безусловной общности имуществъ, и замѣчается все большее и большее распростра-

ние между членами семьи начала отдѣльной собственности, въ особенности въ большихъ семьяхъ.

Особенно тамъ, гдѣ получила большое распространѣніе кустарная промышленность, свободное отъ семейныхъ работъ время крестьяне употребляютъ на выдѣлку всевозможныхъ мѣстныхъ произведеній, какъ-то ведеръ, ложекъ и т. п.; деньги, получаемыя за эти произведенія, уже составляютъ отдѣльную ихъ собственность. Начало отдѣльной собственности иногда получаетъ такое преобладающее значеніе, что, напр., въ Екатеринославской губерніи, отдѣльная собственность членовъ семьи иногда состоитъ изъ лошадей, воловъ и т. п., а также изъ всего, что приобрѣтеть сынъ на собственные заработанныя имъ деньги, хотя бы онъ жилъ нераздѣльно съ отцомъ²⁾. Само собою разумѣется, что одежда у каждаго члена семьи является отдѣльною его собственностью, впрочемъ, иногда она покупается и на общій счетъ: получая отъ членовъ заработанныя ими деньги, домохозяинъ долженъ наблюдать, чтобы всѣ члены семьи имѣли все необходимое, поэтому и доставленіе членамъ семьи необходимой одежды лежитъ также на обязанности домохозяина.

Общее семейное имущество, по понятіямъ крестьянъ, составляетъ только трудомъ производительныхъ работниковъ, но трудъ женщины въ этомъ смыслѣ считается непродводительнымъ, поэтому женщина въ семьѣ является самостоятельною имущественною единицею, она пользуется особеннымъ правомъ имѣть отдѣльное имущество: каждая женщина въ семьѣ имѣетъ свою куру, свѣтъ отдѣльно лень и конопель. Полученные такимъ образомъ продукты, за удовлетвореніемъ потребностей своей ближайшей семьи, т. е. мужа и дѣтей, она продаетъ, и деньги обращаетъ въ свою собственную пользу, или же эти продукты она употребляетъ на составленіе такъ называемой «коробы», изъ которой впоследствии составляется приданое дочери; эта обязанность надѣлять дочь приданнымъ почти исключительно лежитъ на одной матери, такъ что отчасти и этою обязанностью можно объяснить то преимущественное право женщины имѣть отдѣльную собственность. Деньги за нѣкоторые заработки, какъ напр., за продажу грибовъ, ягодъ и т. п., также поступаютъ въ личную собственность женщинъ.

Женщина уже и потому не считается такою же равноправною дольщицею въ общемъ семейномъ имуществѣ, что связь ея

1) «Труды комисіи», т. V, стр. 492, 517.

съ семьею не может считаться постоянной: она за неизмѣнимъ дѣтей и за смертью мужа можетъ удалиться изъ семьи, и обыкновенно всегда, въ подобныхъ случаяхъ, она возвращается къ своимъ родителямъ. Въ особенности дочь—дѣвушка считается въ семьѣ своего отца временною гостею и въ виду того, что впереди ей предстоитъ много труда въ домѣ будущаго ея мужа, она пользуется многими льготами; родители ее балуютъ, въ особенности мать: «наробишься еще дитятво, когда выдешь, а теперь покрасуйся», приговариваетъ мать. Она пользуется также особеннымъ правомъ работать на себя; обработанные ею ленъ и конопель идутъ на составленіе ея «коробы», а также она пользуется правомъ обращать въ свою пользу деньги, получаемыя за нѣкоторые заработки, и неприкосновенность такимъ образомъ составленной коробы на столько уважается крестьянами, что всегда охраняется миромъ отъ притязаній на нее домохозяина.

Въ раздѣлѣ имущественныхъ отношеній членовъ семьи я долженъ еще обратить вниманіе на имущественное положеніе незаконнорожденныхъ дѣтей, приемыша, зятя, принатаго въ домъ тестя, и, наконецъ, сына-солдата, возвратившагося съ военной службы на родину.

Я еще и раньше обратилъ вниманіе на то несправедливое отношеніе закона къ незаконнымъ дѣтямъ, въ силу котораго они лишаются по закону самыхъ существенныхъ правъ, за ними не признается никакихъ правъ на имущество ихъ родителей и другихъ родственниковъ. Такимъ образомъ, за грѣхи своихъ родителей приходится платиться личностямъ вполнѣ неповиннымъ. Справедливость требуетъ, чтобы каждый лично отвѣчалъ за свой проступокъ, безъ привлеченія къ такой отвѣтственности неповинныхъ лицъ. Несравненно справедливѣе устроены имущественныя отношенія среди крестьянъ, возрѣнія которыхъ на незаконнорожденныхъ по справедливости своей болѣе, чѣмъ законъ, приближаются къ постановленіямъ западныхъ законодательствъ, а также и къ ученію греческой церкви. Изъ предъидущаго уже видно, что всѣ имущественныя отношенія среди крестьянъ построены на двухъ главныхъ экономическихъ началахъ: началѣ общаго труда и вытекающемъ изъ него началѣ общей собственности всего, что приобрѣтено общимъ трудомъ. Результатъ этого тотъ, что всѣ участвующіе въ общемъ трудѣ являются равноправными пайщиками въ общемъ семейномъ имуществѣ, независимо отъ того, въ какихъ личныхъ отношеніяхъ находятся они между собою. На этомъ основаніи и незаконно-

рожденные, если они являются такими-же работниками, то пользуются теми-же имущественными правами, какъ и законныя дѣти ¹⁾: «единое-одно получаютъ, потому такіе же работники были»—говорятъ крестьяне ²⁾. При этомъ конечно обращается большое вниманіе на то, какъ они трудились, а также на личныя качества и на отношеніе ихъ къ родителямъ ³⁾. Въ-роятно подъ влияніемъ закона, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для того, чтобы незаконнорожденные пользовались такими же правами, какъ и законныя дѣти, требуется, чтобы была составлена въ волостномъ правленіи бумага объ ихъ усмновленіи ⁴⁾. Но для составленія этой бумаги не требуется особенныхъ формальностей, такъ что никакихъ препятствій не представляется; во всякомъ случаѣ составленіе подобной бумаги сопряжено съ меньшими неудобствами и трудностями, чѣмъ узаконеніе незаконнорожденныхъ по нашему положительному законодательству. И если бы таковаго незаконнорожденного, участвовавшаго наравнѣ съ другими въ приобрѣтеніи общесемейнаго имущества, другіе члены семьи вздумали-бы обдѣлить, то онъ всегда можетъ найти защиту въ волостномъ судѣ, который наважетъ его за непочтание, если онъ виноватъ въ этомъ, но подобной несправедливости никогда не допустить. Волостной судъ въ своихъ рѣшеніяхъ чужды какихъ-нибудь предвзятыхъ теорій, онъ обращаетъ вниманіе на особенности каждаго отдѣльнаго случая, на личныя качества сторонъ, ихъ трудолюбіе и т. п., такъ что онъ всегда «трудолюбивому и трезвому больше присудитъ, чѣмъ озорнику или пьяници» ⁵⁾, не смотря на то, что при такомъ рѣшеніи, можетъ быть, законному сыну достанется и меньше, чѣмъ «незаконнорожденному». Такимъ образомъ, по народной правдѣ и справедливости участь «заворныхъ» дѣтей болѣе и справедливѣе обезпечена, чѣмъ по нашему закону.

Благодаря тому, что крестьянское хозяйство основывается преимущественно на личномъ трудѣ, недостатокъ рабочихъ рукъ иногда заставляетъ крестьянъ брать въ свой домъ приемыша,

¹⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 61, 488, 505, 541, 572, 613; т. II, стр. 26, 47, 53, 61, 603; т. III, стр. 2, 13, 104; т. IV, стр. 29; т. V, стр. 489; т. VI, стр. 29, 51, 54, 205, 258, 456 и др.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 541.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 224; т. IV, стр. 31; т. V, стр. 332; т. VI, стр. 3, 44 и 410.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 235, 254, 262, 294; т. III, стр. 234.

⁵⁾ Тамъ же, т. III, стр. 441; т. VI, стр. 384 и др.

который такимъ образомъ является необходимымъ работникомъ въ семьѣ, иначе безъ него должно страдать общее хозяйство. Такое значеніе приемыша для общаго хозяйства, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, дѣлаетъ его равноправнымъ пайщикомъ въ общемъ семейномъ имуществѣ, причемъ число лѣтъ, необходимыхъ для достиженія такой равноправности, въ разныхъ мѣстахъ различно, но приблизительно отъ 6 до 10 лѣтъ¹⁾. Все это происходитъ фактически, безъ всякаго формальнаго усыновленія, которое требуется при усыновленіи дворянами или купцами. Это объясняется тѣмъ, что съ подобнымъ усыновленіемъ въ крестьянскомъ быту не соединяется особенныхъ правъ для усыновленнаго, такъ какъ при этомъ крестьянинъ имѣетъ въ виду не передачу фамиліи или капитала, а приобрѣтеніе только лишняго работника въ семьѣ, имущественныя права котораго зависятъ не отъ самаго акта усыновленія, какъ это бываетъ въ другихъ сословіяхъ, а отъ своей будущей дѣятельности, отъ того, какъ долго и насколько онъ будетъ трудиться на общую семейную пользу. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ требуется составленіе въ волостномъ правленіи бумаги объ усыновленіи, и именно въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, требуется составленіе бумаги объ усыновленіи незаконнорожденныхъ, для того, чтобы они могли пользоваться тѣми же правами, какъ и законныя дѣти²⁾. Конечно, и здѣсь составленіе такой бумаги не обставлено какими либо формальностями, такъ что не представляетъ особенныхъ трудностей. Иногда между усыновителемъ и усыновляемымъ (приемышемъ) заключается условіе приблизительно слѣдующаго содержанія: приемышь обязывается вести хозяйство съ такимъ же стараніемъ, какъ еслибы это было его собственное хозяйство, затѣмъ обязывается «допоить» родителей, т. е. давать имъ дровъ, одежду и пропитаніе до конца жизни. За все это онъ получаетъ право, послѣ смерти усыновившихъ его отца и матери, не только на все благоприобрѣтенное ими движимое и недвижимое имущество, но также имѣетъ право и пользоваться всѣми землями и угодьями, находившимися въ ихъ пользованіи. Если же приемышь не вы-

¹⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 3, 12, 15, 21, 36, 38, 48, 59, 77, 102, 117, 130, 134, 160, 185, 541, 572, 613; т. II, стр. 26, 29, 33, 47, 53, 66, 370, 377, 383, 603; т. III, стр. 2, 13, 104, 201, 220, 454 и др.; т. IV, стр. 119; т. V, стр. 279, 492; т. VI, стр. 3, 29, 44, 51, 312, 410, 456 и др.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 235, 254, 262, 291 и др.

полнить принятых на себя обязательствъ, а принявшій не пожелаетъ долѣе имѣть его въ своемъ домѣ, то послѣдній обязывается выплатить приемушу «погодки», т. е. извѣстную плату за каждый годъ работы, смотря по взаимному соглашенію ¹⁾. Такимъ образомъ, не смотря на нарушеніе условій, трудъ все-таки долженъ быть вознагражденъ: крестьяне съ такимъ уваженіемъ относятся къ личному труду, что они никогда не допустить, чтобы трудъ могъ остаться безъ всякаго вознагражденія.

Въ подобномъ же положеніи находится пасынокъ въ семьѣ втораго или третьаго мужа своей матери, если только онъ своими трудами способствуетъ накопленію общаго семейнаго имущества, а въ особенности, если вотчимъ женилъ своего пасынка, тогда послѣдній уже безспорно становится дольщикомъ семейнаго имущества. Крестьяне, на вопросы комисіи, говорили, что имущественныя права пасынка зависятъ отъ того, «сколько онъ жилъ и какъ помогалъ» ²⁾. Иногда, впрочемъ, очень рѣдко, пасынокъ въ семьѣ втораго мужа своей матери является на столько чужимъ лицомъ, что имѣетъ свое особое имущество, данное ему со стороны семьи его отца; но и въ этомъ случаѣ онъ всегда награждается «по-Божески» со стороны семьи отчима; такъ, онъ получаетъ лошадь, 2—3 овцы, борону, соху, косу и хлѣбныхъ сѣмянъ на обрѣженіе душеваго надѣла ³⁾. Это награжденіе бываетъ именно въ томъ случаѣ, когда онъ женится и обзаводится отдѣльнымъ хозяйствомъ, получая отцовскій надѣлъ земли.

Имущественное положеніе зятя—«власяня» или «примака», какъ называютъ его народъ, зависитъ отъ того условія, по которому онъ принятъ въ домъ тестя ⁴⁾. Если же подобнаго условія не было заключено, то права его на общее семейное имущество находятся въ зависимости отъ того, какъ долго онъ будетъ жить въ домѣ тестя и насколько старательно будетъ работать; такъ что если онъ проживетъ тамъ около 10 лѣтъ и во все

¹⁾ Еюменно, «Сборникъ юридическихъ обычаевъ», стр. 53.

²⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 505 и др.; т. V, стр. 3, 332; т. VI, стр. 364 и др.

³⁾ Магвѣвъ, «Очеркъ народнаго юридическаго быта Самарской губерніи», стр. 25.

⁴⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 48, 59, 205, 235, 242, 542, 560; т. II, стр. 603; т. III, стр. 220, 234, 330, 411, 441, 448; т. IV, стр. 3, 9, 20, 119, 238; т. V, стр. 21; т. VI; стр. 3, 51, 411 и др.

это время будетъ хорошо работать, то онъ получаетъ такія же права на имущество, какъ и родные сыновья тестя, или, какъ говорятъ крестьяне, зять въ такомъ случаѣ «дѣляется роднымъ»¹⁾. На зятя налагается при этомъ обязанность воспитать малолѣтнихъ дѣтей умершаго тестя²⁾. Если послѣ тестя не осталось сыновей или другихъ родственниковъ, то зять дѣляется обладателемъ всего имущества тестя³⁾. Личный трудъ на столько цѣнится крестьянами, что и безъ всякаго условія, при выходѣ зятя «власяня» изъ дома тестя, волостной судъ всегда присудить ему часть имущества этого послѣдняго, если только зять прожилъ въ его домѣ не менѣе трехъ дѣтъ⁴⁾.

Солдаты, возвратившіеся со службы на родину, получаютъ имуществовую часть, равную съ другими равноправными членами семьи, такъ какъ, говорятъ крестьяне, они несли «службу царскую за всю семью»⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ солдатъ получаетъ даже большую часть противъ равныхъ частей другихъ братьевъ⁶⁾. И если солдатъ, возвратясь со службы, пожелаетъ жить отдѣльно, собственнымъ хозяйствомъ, то онъ надѣляется также и душевнымъ участкомъ земли или отъ семьи, или изъ общественнаго запаса. Вообще, нужно сказать, что положеніе отставнаго солдата въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаково: въ однихъ—солдатъ, по возвращеніи со службы, пользуется особеннымъ почтеніемъ, занимается чѣмъ хочетъ, на мірскомъ сходѣ имѣетъ первый голосъ; хотя ему, во время нахождения въ дѣйствительной службѣ, нарочно и не сохраняется часть имущества, однако, онъ всегда получаетъ равную съ другими часть изъ всего, что застанетъ въ домѣ родительскомъ, хотя бы то было нажито и послѣ него. Въ другихъ мѣстахъ, какъ, наприм., въ Пинежскомъ уѣздѣ, солдатская шинель служитъ печатью отверженія, отставные солдаты, обыкновенно, дѣлаются менѣе трудолюбивыми, чѣмъ были прежде; земледѣліемъ они занимаются небрежно, на мірскихъ сходахъ даже вовсе не имѣютъ голоса,

¹⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 3, 12, 15, 21, 36, 38, 77, 102, 117, 130, 134, 160, 185; т. II, стр. 603; т. III, стр. 130; т. IV, стр. 91, 119; т. V, стр. 279; т. VI, стр. 44, 48, 55, 492 и др.

²⁾ Тамъ же, т. V, стр. 279.

³⁾ Тамъ же, т. V, стр. 60, 68, 88 и др.

⁴⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 411.

⁵⁾ Тамъ же, т. I, стр. 613; т. II, стр. 94, 377; т. III, стр. 220, 234; т. VI, стр. 3, 54, 410, 456, 586.

⁶⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 266.

такъ что о нихъ существуетъ поговорка: «отставной солдатъ, да старая дѣвка въ домѣ, то выходи скорѣе вонъ»¹⁾. Подобное отношеніе крестьянъ къ отставнымъ солдатамъ, вызывается; вѣроятно, не солдатская шинель, а именно то, что отставные солдаты оказываются менѣе трудолюбивыми и менѣе способными къ крестьянскимъ работамъ. Слѣдовательно, въ сущности, отношеніе крестьянъ къ отставнымъ солдатамъ находится въ зависимости не отъ той или другой мѣстности, а отъ личныхъ качествъ такого солдата, и если онъ окажется трудолюбивымъ и равнымъ работникомъ въ крестьянской семьѣ, то не можетъ быть и сомнѣнія относительно его равноправности въ общемъ семейномъ имуществѣ, а также и въ правѣ имѣть голосъ на мѣстныхъ сходахъ.

Изъ разсмотрѣнія имущественныхъ отношеній, хорошо выясняется основной характеръ крестьянской семьи. Это рабочая трудовая ассоціація, члены которой связываются между собою не столько кровнымъ родствомъ, сколько взаимною пользою и внутреннимъ согласіемъ. Имущество такой крестьянской семьи составляетъ общую собственность всѣхъ производительныхъ работниковъ семьи, безъ различія степени кровнаго родства, такъ что ни одинъ членъ другой семьи, какой бы онъ ни былъ ближайшій родственникъ по крови, не имѣетъ никакихъ правъ на такое семейное имущество; между тѣмъ, какъ всякій, даже посторонній человѣкъ, въ смыслѣ кровнаго родства, если онъ былъ такимъ же работникомъ, какъ и другіе члены семьи, является равноправнымъ пайщикомъ въ общемъ семейномъ имуществѣ. Замѣчательно, что даже сыновья, не работавшіе на домъ, слѣдовательно, неспособствовавшіе увеличенію семейнаго имущества, иногда вовсе лишаются права на это имущество²⁾. Такимъ образомъ, права каждаго на семейное имущество опредѣляются не близостью кровнаго родства, а началомъ личнаго труда. Если сравнимъ это съ нашимъ официальнымъ правомъ, то встрѣтимся съ страннаго рода явленіемъ. Въ высшихъ слояхъ общества, среди которыхъ дѣйствуетъ наше официальное право, уже по самымъ условіямъ жизни, начало кровнаго родства, во взаимныхъ отношеніяхъ, должно быть слабѣе, чѣмъ въ крестьян-

¹⁾ Еюменко, «Сборникъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи» стр. 56.

²⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 205, 235, 242, 254; т. V, стр. 48, 60, 68, 73, 87, 108; т. VI, стр. 364, 410 и др.

скомъ быту: ученіе въ школы, а затѣмъ служба — должны ослаблять начало кровнаго родства. Слѣдовательно, и юридическія отношенія между членами семьи должны быть построены сообразно этимъ жизненнымъ условіямъ. На дѣлѣ же видимъ совершенно другое: вліяніе когда-то существовавшаго родоваго быта такъ сильно отразилось на нашемъ законѣ, что и по настоящее время связи кровнаго родства по закону имѣютъ весьма важное значеніе, напримѣръ, область наследственнаго права построена почти исключительно на родовомъ началѣ. Такой порядокъ вещей является полнѣйшимъ анахронизмомъ среди современнаго намъ общества, между тѣмъ, какъ, по народнымъ возрѣніямъ, только тотъ получаетъ право на семейное имущество, кто своими трудами участвовалъ въ его накопленіи. Слѣдовательно, въ юридическихъ отношеніяхъ, среди крестьянской семьи кровное начало уступаетъ мѣсто началу трудовому, началу болѣе справедливому и прогрессивному; чѣмъ отстающія возрѣнія закона!

Игорь Тютрюмовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

21-го сентября 1829 г. двинулся первый локомотивъ Стефенсона «Rocket» по первой желѣзной дорогѣ въ мірѣ, построенной между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Такимъ образомъ 21-го сентября исполнилось пятидесятилѣтіе практическаго осуществленія одного изъ величайшихъ и благодѣлнѣйшихъ подвиговъ человѣческой изобрѣтательности—приложенія пара къ сухопутному движенію, которымъ человѣчество обязано знаменитому Стефенсону. Въ настоящее время трудно даже приблизительно опредѣлить всю ту неизчислимую сумму разнообразныхъ послѣдствій, которыми это великое изобрѣтеніе Стефенсона отразилось на жизни если не всего человѣчества, то по крайней мѣрѣ той части его, которая принадлежитъ къ образованному міру, во всѣхъ сферахъ, ея проявленія, какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной и государственной. Сокративъ большія разстоянія, сблизивъ болѣе чѣмъ на $\frac{5}{8}$ отдаленнѣйшіе между собою пункты, эта громадная побѣда человѣка надъ природою увеличила, можно сказать, жизнь человѣческую на все то количество времени, которое непродуманно расходовалось въ прежнее время на передвиженія. Электрическій телеграфъ ускорилъ, конечно, еще болѣе сношеніе между людьми, но это ускореніе имѣетъ только одностороннее значеніе. Оно ускорило только движеніе слова, мысли, извѣстія, между тѣмъ какъ приложеніе къ сухопутному движенію пара придало небывалую быстроту всему, что можетъ быть двинуто съ мѣста, и прежде всего самому человѣку. Въ настоящее время, какъ и вообще, невозможно ни предвидѣть, ни опредѣлить, до чего можетъ достигнуть человѣческая изобрѣтательность, какія силы или свойства она можетъ еще открыть въ природѣ и приспособить ихъ къ служенію интересамъ и потребностямъ человѣка, но, не вдаваясь въ область фантазіи и оставаясь на почвѣ со-

Кн. X.—Октябрь, 1879.

временныхъ научныхъ познаній, можно пока сказать, что лишь усовершенствованіе воздухоплаванія до возможности всесторонняго примѣненія его къ практическимъ требованіямъ человѣческаго быта, одно можетъ, если не совершенно упразднить, то по крайней мѣрѣ пересилить значеніе изобрѣтенія Стефенсона; но такая побѣда воздухоплаванія надъ паровымъ движеніемъ по рельсовому пути, при современномъ состояніи перваго и при постоянномъ усовершенствованіи втораго, не имѣетъ пока никакихъ сколько нибудь основательныхъ данныхъ для перехода изъ области мечтаній на почву дѣйствительности. Поэтому-то можно съ увѣренностью сказать, что немного юбилеевъ имѣютъ большее право на всемірное торжествованіе его, какъ полувѣковой юбилей великаго изобрѣтенія Стефенсона—открытія первой въ мірѣ желѣзной дороги.

Въ то время, въ тотъ знаменательный день 21 сентября 1829 г., когда изъ Ливерпуля въ Манчестеръ двинулся первый небольшой желѣзно-дорожный поѣздъ, какъ въ самой Англии, такъ и во всей Европѣ, далеко еще не всѣ понимали все значеніе совершавшагося событія и всѣ послѣдствія, которыя оно должно было возымѣть въ скоромъ времени. Большинство относилось съ крайнимъ скептицизмомъ къ новому примѣненію пара; были и горячіе противники, которые все отрицали пользу и цѣлесообразность этого примѣненія, и лишь весьма немногіе, не смотря на все несовершенство первыхъ опытовъ, прозрѣвали или скорѣе предугадывали великую будущность новаго дѣла. Но вотъ прошло пятьдесятъ лѣтъ, недолго существовавшее сомнѣніе и недовѣріе давно уже уступило мѣсто безусловному сознанію благотѣльнаго значенія желѣзныхъ дорогъ. Безконечныя линіи рельсоваго пути болѣе или менѣе густою сѣтью покрыли все пространство цивилизованнаго міра, и входящія въ составъ его народы, наперерывъ спѣшатъ расширить ея протяженіе, участить ея сѣть и выдвинуть ее по возможности далѣе, какъ наилучшее средство къ водворенію цивилизациі въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда она еще не проникла, въ средѣ тѣхъ народовъ, которыхъ она еще не коснулась и которымъ суждено было долго бы еще оставаться отчужденными отъ нея безъ помощи цивилизующаго локомотива. Подводя итогъ того громаднаго развитія, которое въ теченіи полувѣка получило сдѣланное Стефенсономъ примѣненіе пара къ сухопутному движенію и не имѣя подъ рукою цифры дѣйствительнаго протяженія рельсовыхъ путей на всемъ земномъ шарѣ, ко дню окончанія этого полувѣка мы, къ сожалѣнію, должны ограничиться цифрою нѣсколько отсталую въ этомъ отношеніи, отсталую почти на два года, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ недостигающую дѣйствительной. За всѣмъ тѣмъ и этотъ, такъ сказать, ретроспективный

итоги достаточно свидетельствуют о той знаменательной степени, которой въ теченіи окончивающагося полулѣтка достигло развитіе желѣзнодорожнаго дѣла. Къ началу 1878 года все протяженіе рельсоваго пути на земномъ шарѣ равнялось 322,093 километрамъ, (почти тому же числу верстѣ) и сооруженіе его потребовало затраты слишкомъ 60 миллиардовъ германскихъ марокъ, что, по настоящему курсу, равняется почти 30 миллиардамъ нашихъ бумажныхъ рублей. Такимъ образомъ постройка одного километра обошлась желѣзной дорогѣ круглымъ числомъ 186,281,6 марокъ или около 95,000 бумажныхъ рублей. Производительность затраты этого громаднаго капитала далеко нельзя измѣрять тою скромною, иногда даже ничтожною цифрою дивиденда, который доставляютъ желѣзныя дороги сами по себѣ непосредственно своимъ акціонерамъ. Въ этомъ отношеніи множество промышленныхъ предпріятій, по непосредственной выгоды своей, далеко превосходятъ желѣзнодорожное дѣло. Эта производительность заключается въ томъ благотворномъ вліяніи, какое имѣютъ желѣзныя дороги на общее развитіе всей экономіи страны, всѣхъ отраслей народнаго быта и хозяйства, и въ этомъ отношеніи производительность затратъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, не поддающаяся никакому точному вычисленію, едва ли не превосходитъ производительность затратъ на всякое другое промышленное предпріятіе. Изъ указаннаго нами числа 322,093 километровъ всемирной желѣзнодорожной сѣти, собственно Европѣ принадлежитъ 154,523 километра, распредѣляющіеся между различными европейскими державами слѣдующимъ образомъ: Германія въ 1877 г. обладала 30,464 километрами рельсоваго пути, Великобританія—27,540 к., Франція—23,383 к., Россія—21,687 к., Австрія—17,997 к., Италія—8,213 к., Испанія—6,199 к., Швеція—4,791 к., Бельгія—3,710 к., Швейцарія—2,565 к., Нидерланды—1,974 к., Турція—1,537 к., Данія—1,446 к., Румынія—1,233 к., Португалія—969 к., Норвегія—802 к. и Греція—13 к. Въ Америкѣ протяженіе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ составляло 146,470 к., изъ которыхъ 127,470 к., принадлежатъ однимъ Соединеннымъ Штатамъ сѣверной Америки, что составляетъ $\frac{5}{6}$ протяженія всей рельсовой сѣти въ Европѣ. Изъ остальной затѣмъ части желѣзныхъ дорогъ 14,000 километровъ находится въ Азіи, 4,000 к. въ Австраліи и 2,900 километровъ въ Африкѣ. Во всѣхъ трехъ послѣднихъ частяхъ свѣта желѣзныя дороги проведены главнымъ образомъ въ англійскихъ владѣніяхъ, какъ то въ Индіи, въ новой Голандіи и въ капскихъ колоніяхъ, или на англійскія деньги, какъ въ Египтѣ.

Изъ вышеприведеннаго нами распредѣленія желѣзныхъ дорогъ между европейскими государствами, Россія, какъ мы видѣли, занимаетъ

четвертое мѣсто; но это относительно передовое положеніе нашего отечества, по предмету развитія желѣзнодорожнаго дѣла, можетъ быть признано лишь при валовомъ, безотносительномъ расчетѣ общаго протяженія рельсоваго пути. Если же при расчетѣ этомъ мы примемъ въ соображеніе отношеніе рельсоваго пути къ пространству и цифрѣ народонаселенія различныхъ странъ Европы, то Россіи и даже не всей, а только Европейской, придется стать ниже, едва не въ самый хвостъ вышеприведеннаго нами перечня, и дѣйствительно, отношеніе протяженія желѣзныхъ дорогъ въ километрахъ къ пространству европейскихъ государствъ въ квадратныхъ миляхъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Пространство.	Протяженіе жел. дор.			
Бельгія . . .	534 кв. м.	3,710 кил.	1 кил.	на	0,14 кв. м.
Британія . . .	5,726 »	27,540 »	1 »	»	0, 2 »
Швейцарія . . .	751 »	2,565 »	1 »	»	0, 3 »
Германія . . .	10,873 »	30,464 »	1 »	»	0,36 »
Франція . . .	9,599 »	23,383 »	1 »	»	0, 4 »
Австрія . . .	11,333 »	17,997 »	1 »	»	0, 6 »
Италія . . .	5,391 »	8,213 »	1 »	»	0,65 »
Турція . . .	3,237 »	1,537 »	1 »	»	2,— »
Россія . . .	98,474 »	21,687 »	1 »	»	4, 5 »

Отношеніе протяженія желѣзныхъ дорогъ къ населенію нѣсколько благоприятнѣе для Россіи. Въ этомъ отношеніи европейскія страны размѣщаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

	Число жителей.	Протяженіе жел. дор.			
Швейцарія .	2.759,854 д.	2,565 кил.	1 к. ж. д.	на	1,076 душъ.
Британія .	33.889,781 »	27,540 »	1 »	»	1,231 »
Италія . .	27.482,274 »	8,213 »	1 »	»	1,346 »
Германія .	42.661,744 »	30,464 »	1 »	»	1,400 »
Бельгія . .	5.403,006 »	3,710 »	1 »	»	1,456 »
Франція . .	36.905,788 »	23,383 »	1 »	»	1,578 »
Австрія . .	37.252,339 »	17,997 »	1 »	»	2,070 »
Россія . .	75.626,143 »	21,687 »	1 »	»	3,487 »
Турція . .	5.670,000 »	1,537 »	1 »	»	3,688 »

Не считая Греціи, Россія, по протяженію своей рельсовой сѣти, относительно пространства своей территоріи въ Европѣ, занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, а по отношенію къ населенію опередила только Турцію и Португалію. Надо сказать

притомъ, что почти вся наша желѣзнодорожная цѣпь построена въ послѣдніа двадцать лѣтъ и главнымъ образомъ въ теченіи шестидесятихъ и въ началѣ семидесятихъ годовъ, когда желѣзнодорожное дѣло получило у насъ усиленное движеніе. Въ эти годы построены всѣ наши главнѣйшіа линіи, за исключеніемъ Николаевской, единственной желѣзной дороги въ Россіи, съ которой застала насъ Крымская война. (Мы не считаемъ увеселительной Царскосельской желѣзной дороги, которая явилась ранѣе Николаевской, еще въ тридцатыхъ годахъ, но и до настоящаго времени сохранила свой исключительно увеселительный характеръ). Правда, что Николаевская дорога едвали не первая въ мірѣ по качеству, можно сказать, по роскоши сооруженія, и по своей доходности имѣеть несомнѣнно капиталнѣйшее экономическое значеніе; но это значеніе приобрѣтено ею, опредѣлилось и выяснилось вполнѣ лишь съ развитіемъ всей нашей желѣзнодорожной сѣти, которая такъ долго заставила ждать себя. А между тѣмъ ни одно изъ европейскихъ государствъ не нуждалось такъ въ самоскорѣйшей постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и въ самомъ широкомъ развитіи ихъ, какъ Россія, именно вслѣдствіе своего пространства, громаднхъ разстояній, относительной рѣдкости населенія и плохаго состоянія сухопутныхъ сообщеній, изъ которыхъ только самая незначительная часть была поспирована. Въ подобныхъ съ Россіей условіяхъ, въ этомъ отношеніи, находились лишь Соединенные Штаты сѣверной Америки. Но практичные американцы тотчасъ оцѣнили значеніе рельсоваго пути при такихъ мѣстныхъ условіяхъ. Они горячо ухватились за это дѣло и, съ свойственною имъ предприимчивостію и энергіей, дали ему самое широкое развитіе. Въ теченіи 25—30 лѣтъ, они покрыли свою территорію такою густою сѣтью рельсовъ, что въ настоящее время, какъ уже выше сказано, она составляетъ въ общей сложности 127,470 километровъ, что равняется $\frac{5}{8}$ протяженія желѣзныхъ дорогъ всей Европы. Между тѣмъ и постройка Николаевской желѣзной дороги встрѣтила въ свое время, какъ извѣстно, еще очень горячихъ противниковъ, хотя въ то время прошло уже не мало лѣтъ, со времени открытія первой желѣзной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, и польза этого новаго примѣненія пара, для всего цивилизованнаго міра, стояла уже внѣ всякаго сомнѣнія. Но у насъ находились еще люди, которые въ бездорожѣ Россіи продолжали видѣть какое то оборонительное средство ея противъ непріятельскаго нашествія и забывая, что это средство имѣеть обоюдо-острый характеръ, повторяли извѣстную фразу, приписываемую императору Александру I: «La Russie a pour elle le temps et l'espace». Было время, когда этому странному, чтобы не сказать болѣе, изрѣченію, не только въ Россіи, но даже и за границей, придавалось какое то поистинѣ непонятное теперь глубокомысленное

значеніе политико-экономическаго афоризма, какое придается иногда нѣкоторымъ изрѣченіямъ первостепенныхъ политическихъ дѣятелей или великихъ мыслителей. Отцы наши съ патріотическою гордостью повторяли этотъ нелѣпный афоризмъ; его цитировали иногда иностранные писатели, говоря о Россіи и усматривая въ немъ какъ бы выраженіе спокойнаго сознанія своей силы и чуть ли не угрозу Европѣ. Намъ нравилось это изрѣченіе, мы полагаемъ, больше всего потому, что оно какъ бы оправдывало нашу бездѣтельность, уполномочивало насъ спать въ успокоительной надеждѣ, что молъ успѣемъ еще, вѣдь за насъ время и пространство; что же касается до иностранцевъ, которые то же вторили намъ, то мы склонны думать, что они, по крайней мѣрѣ болѣе дальновидные изъ нихъ, находили выгоднымъ для себя наше усныленіе и пользовались этою фразою, какъ колыбельною пѣснью для поддержанія нашей общественной дремоты, пока громъ рухнушаго Севастополя не розогналъ ее и не обнаружилъ до горькой очевидности, что, выражаясь словами одного изъ нашихъ поэтовъ,

Мы время проспали,—пространство же насъ,
Пространство насъ, братья, сгубило.

Да и какъ было не сгубить, когда пришлось и двигать войска, и перевозить всѣ военныя тяжести со всѣхъ концовъ государства, за тысячи верстъ, къ Дунаю, а потомъ къ Севастополю, по грунтовымъ дорогамъ, нерѣдко въ распутицу, по невылазной грязи черноземныхъ степей Новороссіи. Оказалось такимъ образомъ, что эти домашніе союзники наши, пресловутые «время» и «пространство», обошлись съ нами точно такъ же, какъ обходились, во всѣ времена, всѣ наши союзники, какъ бы они назывались—австрійцами или пруссаками, т. е. въ трудную минуту выдали насъ съ руками и ногами; ну что же, «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». Поплатившись парижскимъ трактатомъ за великое преимущество имѣть за себя «время и пространство»; мы, какъ истые славяне, «мудрые послѣ бѣды» и крѣпкіе заднимъ умомъ, схватились было за желѣзныя дороги, съ цѣлью наверстать проспавшее время и уничтожить напавостившее намъ столько пространство; началась желѣзнодорожная горячка. Со всѣхъ сторонъ посыпались проекты желѣзныхъ дорогъ. Одинъ изъ этихъ проектовъ, не упомянемъ теперь чей именно, въ особенности поражалъ своею грандіозностью, онъ хватилъ предложеніемъ построить желѣзную дорогу ни больше ни меньше, какъ отъ стѣнъ московскихъ, чрезъ всю Сибирь, чуть-чуть не до Пекина. Надо сказать однако, что все эти проекты въ то время были вызваны лишь сознаніемъ необходимости желѣзныхъ дорогъ исключительно въ видахъ общественной и государственной пользы, а не тою хищническою жаждою кон-

цесіонной наживы, которая въ послѣдствіи обуяла наше общество. Скорѣйшею постройкою желѣзныхъ дорогъ, въ отсутствіи которыхъ сознана была одна изъ главныхъ причинъ неудачнаго исхода войны, интересовалась вся наша интеллигенція, все мыслящее въ Россіи, о нихъ заговорила вся наша журналистика, пропагандируя или отвергая то или другое направленіе. Вскорѣ однако этому потоку проектовъ, въ большей части которыхъ было болѣе патріотическаго увлеченія, чѣмъ знанія дѣла, положенъ былъ конецъ: наша желѣзнодорожная горячка скоро была замѣчена за границей. Она произвела тамъ двоякаго рода впечатлѣніе: съ одной стороны, опасеніе, что если всѣ эти проекты осуществятся, то Европа пожалуй утратитъ того пособника своего противъ Россіи, который сослужилъ ей въ крымскую кампанію, т. е. пресловутое наше пространство, и Россія, при помощи желѣзныхъ дорогъ, пѣлучитъ возможность быстро передвигать свои громадныя боевыя силы и средства и группировать ихъ на всякомъ пунктѣ границъ своихъ по требованію обстоятельствъ. Это опасеніе откровенно высказывалось тогда въ иностранной журналистикѣ. Съ другой стороны, перспектива затраты огромныхъ капиталовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, при видимой изъ самыхъ проектовъ неопытности нашей въ дѣлѣ и свойственной намъ податливости иностранному вліанію, обѣщали богатую наживу иностраннымъ спекулянтамъ. И вотъ, началось новое нашествіе на Россію иноплемениковъ, какъ и въ прежнія нашествія, главнымъ образомъ французовъ, подъ предводительствомъ плачевной памяти знаменитаго Колинъона и подъ патронатомъ, находившагося тогда въ апогеѣ своего могущества, Наполеона III и ловкаго подручника его графа де-Морни. Для торжества иностранныхъ спекулянтовъ-проходимцевъ у насъ, какъ извѣстно, нѣтъ даже надобности въ такой роскоши патроната. Всѣ русскіе искатели концесій были упразднены и на мѣсто ихъ появилось на русской почвѣ, зачатое во гнѣвѣ Господнемъ международное главное общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ съ Колинъономъ во главѣ, съ монополіей въ карманѣ на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, для перваго раза на протяженіи 4000 верстъ, между прочимъ отъ Москвы до Θεодосіи и до Нижняго, и на окончаніе давно уже начатой дороги отъ Петербурга до Варшавы, съ вѣтвью до Ейдкунена. Созерцая теперь, по прошествіи 20 лѣтъ, все, что было совершено тогда знаменитымъ въ своемъ родѣ Мг. Колинъономъ, всѣ его подвиги, неавольно приходитъ въ голову, что почтенному мужу этому была дана или онъ самъ задалъ себѣ задачу, вывезти изъ Россіи какъ можно болѣе денегъ, затратить напрасно какъ можно болѣе времени и построить какъ можно менѣе желѣзной дороги. И надо отдать ему справедливость. Задача эта была разрѣшена блистательно. До этого времени у насъ

обратилось уже почти во всеобщее повѣрье обвиненіе нашихъ строителей николаевской желѣзной дороги въ неопозволительномъ, яко-бы, даже для инженеровъ, хищничествѣ, которое проявили они при постройкѣ этой дороги, каждая верста которой обошлась государству около 120.000 р. Дѣятельность г. Колиньона и приведеннаго имъ въ Россію полчища французовъ, въ составъ котораго, въ качествѣ строителей и администраторовъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, вошли разные неудавшіеся парижскіе куаферы, повара и всякаго рода бульварные гамены, и все это съ огромными содержаніями, — дѣятельность эта, говоримъ мы, не замедлила сразу дискредитировать вышеупомянутое нами повѣрье о хищничествѣ строителей николаевской желѣзной дороги; и если она не совершенно обѣлила ихъ, то несомнѣнно доказала, что, по части выполненія существующаго, какъ извѣстно, въ прирѣдѣ для инженеровъ особаго закона всасыванья, наши строители николаевской желѣзной дороги, сравнительно съ иноземными строителями дорогъ главнаго общества, оказались, говоря словами философа Расплюева, просто мальчишками и щенками.

Идти наперекоръ всякому, а въ томъ числѣ и инженерному закону природы—не во власти человѣка; но если наши инженеры, при постройкѣ николаевской чугуны, подчинялись ему, то всетаки они выстроили великолѣпнѣйшую въ мірѣ желѣзную дорогу, съ дворцами вмѣсто станцій. Черта, проведенная карандашемъ по картѣ, обозначила для нихъ направленіе этой дороги, и, чтобы не отступить отъ этой черты надѣлѣ, они должны были преодолѣть почти непреодолимныя трудности, особенно при проходѣ чрезъ встрѣчныя на пути, мѣстами, бездонныя болота. Что же сдѣлали строители зачатаго во гнѣвѣ Господнемъ главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ, подъ предводительствомъ Колиньона? Дѣятельность этого знаменитаго мужа окончилась въ Россіи громаднымъ фіаско. Гора родила мышъ! Когда капиталъ, собранный на постройку 4,000 верстъ, въ нѣсколько лѣтъ былъ растроченъ, а результаты этихъ затратъ все еще оставались въ области ожиданій, то правительство, а равно и общественное мнѣніе позволили себѣ, наконецъ, нѣкоторое критическое отношеніе къ дѣятельности, къ искусству и даже къ добросовѣстности знаменитаго строителя, которымъ надѣлила насъ Франція. Огорченный такимъ неслыханнымъ невѣжествомъ русскихъ варваровъ къ представителямъ великой націи, почтеннѣйшій г. Колиньонъ, отряси прахъ съ ногъ своихъ, величественно удалился въ свое прекрасное отечество, унеся съ собою русскіе миліоны и горькое чувство угнетенной невинности. Вслѣдъ за нимъ и подобнымъ же образомъ испарились три четверти его соплеменниковъ, главнымъ результатомъ дѣятельности которыхъ въ Россіи осталось лишь то, что жида-факторы на всемъ протяженіи петербургско-варшавской желѣзной дороги,

съ вѣтвью на Эйдкунентъ, по сѣверо-западному краю, выучились говорить по-французски. Что же касается самой дороги, то, отложивъ уже всякое попеченіе о направленіи на Θεодосію, осиротѣлое главное общество, при помощи значительныхъ правительственныхъ субсидій въ нѣсколько десятковъ миліоновъ и русскихъ инженеровъ, ограничилось окончаніемъ и до него еще въ значительной части готовой болѣе или менѣе вчернѣ петербургско-варшавской линіи, прибавивъ къ ней, отъ себя, вѣтвь въ 178 верстъ на Эйдкунентъ и новую линію въ 410 верстъ отъ Москвы на Нижній; все это въ достаточно мизерномъ видѣ, съ деревянными бараками, вмѣсто станцій.

Фіаско, постигшее главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ началѣ его дѣятельности произвело у насъ какую то панику. Стремленіе, охватившее наше общество послѣ крымской войны, къ скорѣйшей постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ бы обрѣзанное учрежденіемъ главнаго общества и вслѣдствіе того притихшее, не вдругъ оживилось и послѣ упомянутого фіаско, когда снова открылась свобода для желѣзнодорожной дѣятельности. Послѣ довольно продолжительной паузы, первыми выступили на это поприще, если не ошибаемся, на сѣверо-востоки г. фонъ-Дервизъ, получившій концесію на московско-рязанскую желѣзную дорогу, съ весьма крупною, болѣе 80,000 р. поперстною стоимостью, а на юго-западѣ — баронъ Унгернъ-Штернбергъ. Патронируемый высшею администраціею Новороссійскаго края, баронъ предложилъ услуги свои на постройку одесско-балтской линіи, по какому то баснословно дешевому способу, для изученія котораго онъ нарочно ѣздилъ въ Америку. Сколько помнимъ, по его разсчету, верста этой дороги должна была обойтись государству что-то около 19,000—20,000, при условіи даровыхъ рабочихъ, для каковой цѣли и составлены были рабочія бригады изъ штрафованныхъ солдатъ. Дешевый американскій способъ, однакоже, вѣроятно вслѣдствіе «особыхъ климатическихъ условій» нашихъ, не удался на русской почвѣ. Дешевая дорога отъ Одессы до Балты обошлась, на сколько извѣстно, не дешевле фонъ-Дервизовской; но почтенный баронъ уже вошелъ во вкусъ, и вслѣдъ за одесско-балтскою дорогою принялся строить дорогу отъ Балты къ Елисаветграду и далѣе.

Между тѣмъ, многомиллионная благодать, ниспосланная на г. фонъ-Дервиза въ силу дарованной ему концесіи, вызвала желѣзнодорожную горячку; но это было уже не то увлеченіе [этимъ вопросомъ], которое проявилось въ нашемъ обществѣ вслѣдъ за неудачною войною, когда оно было вызвано не столько корыстными вождельніями, сколько сознаниемъ, что постигшая насъ неудача въ значительной степени обусловлена была недостаткомъ сколько, нибудь сносныхъ путей сообщенія въ государствѣ и, главнымъ образомъ, не-

достаткомъ желѣзныхъ дорогъ, и, вслѣдствіе того, стремленіемъ какъ можно скорѣе восполнить этотъ пробѣлъ, Нѣтъ, вновь обнаружившаяся желѣзнодорожная горячка въ срединѣ шестидесятихъ годовъ имѣла совершенно иной характеръ. Удача г. фонъ-Дервиза, вызвавъ слюнки на губы всѣхъ алчущихъ скорой и легкой разживы, разожгла ихъ хищническіе инстинкты. Вся эта порода общественныхъ акулъ, наживавшаяся прежде на откупахъ и подрядахъ и усиленная, успѣвшими къ тому времени проглотить свои выкупныя свидѣтельства, разнаго рода «Прокопами», бросилась просить концесій на постройку желѣзныхъ дорогъ, непременно съ правительственною гарантіею. Куда, зачѣмъ, кому и для чего нужны эти дороги? — это былъ вопросъ второстепенный. Въ Петербургѣ образовался даже особый цѣхъ составителей уставовъ новыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, прошеній о выдачѣ концесій и объяснительныхъ къ нимъ записокъ, въ которыхъ доказывалась первостепенная важность и настоятельная необходимость каждой изъ проектируемыхъ линій, громоздились ряды цифръ и высчитывались, съ величайшею подробностью, миліоны пассажировъ и миліарды пудовъ груза, которые устремятся по этимъ дорогамъ и не только оплатятъ правительственную гарантію, но и дадутъ громадные дивиденды акціонерамъ.

Искатели концесій наперерывъ старались заинтересовать въ своемъ дѣлѣ тотъ или другой органъ нашей прессы, въ которыхъ велась горячая полемика за и противъ той или другой дороги, того или другаго направленія. вмѣстѣ съ тѣмъ наступила обильная жатва для Гулакъ-Артемовскихъ обоюбого пола и всѣхъ видовъ. Спросъ на нихъ возросъ до невѣроятія. Каждый искатель концесій старался заручиться помощью разныхъ, болѣе или менѣе вліятельныхъ проводителей дѣлъ по этой части, завербовать себѣ какое нибудь громкое имя въ число учредителей, за извѣстное участіе въ добычѣ. Завербованные такимъ образомъ Гулакъ-Артемовскіе перваго разбора приняли на себя обязанность проводить дѣло, хлопотать о немъ въ высшихъ инстанціяхъ. Гулакъ-Артемовскіе втораго и третьяго разбора занимались, съ одной стороны, присваніемъ Гулакъ-Артемовскихъ перваго разбора, сношеніями и переговорами съ ними; а съ другой—привлеченіемъ, въ число учредителей, людей по возможности неопытныхъ и недалновидныхъ, но болѣе или менѣе денежныхъ, которыхъ, въ чаяніи будущихъ благъ, можно было бы доить на такъ называемые предварительные расходы. Нерѣдко все дѣло затѣвалось ловкими проходимцами, съ исключительною цѣлью обирания, такимъ путемъ, проставовъ и оканчивалось тѣмъ, что правительство отказывало въ просимой такими предпринимателями концесіи, въ виду очевидной нелѣпости самого прошенія, но уже тогда, когда карманы втянутыхъ въ дѣло проставовъ были по-

рядочно очищены ловкими плутами, которые тотчас же принимались за проектъ новой дороги и присканіе новыхъ простаковъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Правительство, пользуясь наплывомъ соискателей на желѣзнодорожныя концесіи, и часто по нѣсколько на одну и ту же линію, ввело, одно время, нѣчто въ родѣ торговъ на отдачу постройки желѣзныхъ дорогъ между конкурентами. При этомъ правительство сохранило за собою право принимать въ соображеніе на этихъ торгахъ не одно пониженіе цѣны, но извѣстную министерствамъ финансовъ и путей сообщенія относительную благонадежность конкурентовъ. Не смотря на то, что это право оставляло широкій просторъ усмотрѣнію и покровительству, тѣмъ болѣе, что оно прилагалось не только предварительно, по отношенію къ допущенію на торги, но и къ окончательному рѣшенію вопроса послѣ торговъ, вслѣдствіе чего бывали случаи, что концесію получалъ не тотъ изъ конкурентовъ, который предлагалъ принять постройку дороги по наиболее низкой поперстной цѣнѣ, какъ это было, напримѣръ, при выдачѣ концесіи воронежско-ростовской дороги Полякову, — не смотря на это, говоримъ мы, правительство достигло этимъ путемъ не только значительнаго пониженія поперстной стоимости желѣзныхъ дорогъ, но и успѣло ввести въ уставы новыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ нѣкоторыя условія и обязанности, въ интересахъ государства и общества, которыя не были предусмотрѣны въ прежнихъ условіяхъ и отъ которыхъ, такимъ образомъ, ускользнули болѣе старыя желѣзнодорожныя общества. Въ числѣ такихъ условій, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить вмѣненіе въ обязанность новымъ дорогамъ пріобрѣтать извѣстную часть желѣзнодорожныхъ принадлежностей и подвижнаго состава отечественнаго производства, что, если не создало, то дало значительный толчокъ этому производству въ Россіи и содѣйствовало его развитію, хотя все еще далеко недостаточному, сравнительно съ потребностью. Во всякомъ случаѣ, благодаря этому правилу, часть этихъ миліоновъ рублей, которые прежде уходили ежегодно за границу за подвижной составъ, остается теперь въ Россіи, и, конечно, ихъ оставалось бы еще болѣе, если бы русскіе производители вагоновъ и локомотивовъ, злоупотребляя обязательнымъ для желѣзныхъ дорогъ пріобрѣтеніемъ части подвижнаго состава русскаго приготовленія, не подерживали на свои издѣлія цѣны, почти не уступающихъ заграничнымъ.

Замѣчательно, что въ самый разгаръ сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, которымъ ознаменовались конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ, наибольшей задержкѣ подверглась постройка тѣхъ дорогъ, которыя были проектированы ранѣе другихъ и которыя были необходимы для Россіи и наименѣе желательны для иностранцевъ, ка-

ковы дороги на Севастополь и на Либаву. Реализация желѣзнодорожных капиталовъ, которая при 5% гарантіи нашего правительства постоянно такъ легко совершалась на заграничныхъ биржахъ для всѣхъ другихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, для севастопольской и либавской дорогъ очень долго встрѣчала разнаго рода препятствія.

Какъ бы то ни было, начавъ послѣ другихъ европейскихъ державъ или, по крайней мѣрѣ, далеко отставъ отъ нихъ въ началѣ дѣлѣ сооруженія рельсовыхъ путей, Россія въ послѣднія 15—20 лѣтъ успѣла построить ихъ на протяженіи 20,000 верстъ и заняла въ этомъ отношеніи четвертое мѣсто въ Европѣ. Въ настоящее время рельсовый путь нашъ соединилъ всѣ главнѣйшіе пункты Европейской Россіи, въ пятнадцати мѣстахъ уперся въ ея западную границу (6 съ моря и 9 съ суши), и въ семи пунктахъ коснулся Волги, а въ двухъ—даже переступилъ за нее. Если это четвертое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ принадлежитъ Россіи, какъ мы видѣли выше, лишь при безотносительномъ взглядѣ на цифры, и далеко отходить внизъ при сравненіи съ пространствомъ и населеніемъ, то слѣдуетъ сказать, что и на это существуютъ въ пользу Россіи весьма существенныя, смягчающія обстоятельства, именно, эта самая рѣдкость населенія и особенно громадность нашихъ разстояній. Обширныя рельсовыя сѣти Англіи, Франціи, Германіи и даже Австріи составились, главнымъ образомъ, изъ незначительныхъ вѣтвей между частыми и близкими между собою торговыми и промышленными пунктами. Изъ этихъ вѣтвей, каждая сама по себѣ требовала для постройки небольшого, сравнительно, капитала, который легко собирался при обиліи капиталовъ вообще, развитіи кредита, предприимчивости, привычкѣ къ компанейскимъ предпріятіямъ и при существованіи на мѣстѣ производства всего необходимаго для желѣзныхъ дорогъ. Ничего подобнаго не существовало въ Россіи, а главное—соединеніе въ ней почти каждыхъ двухъ пунктовъ, важныхъ въ какомъ либо отношеніи, требовало постройки рельсового пути въ нѣсколько сотъ, въ тысячу и болѣе верстъ. При денежной бѣдности нашей, необходимыя для постройки дорогъ капиталы приходилось приобрѣтать за границею, съ большими пожертвованіями; то же самое должно сказать, особенно въ первое время, и о всѣхъ принадлежностяхъ желѣзныхъ дорогъ. Къ этому надо прибавить нашу непривычку къ самодѣятельности и, напротивъ, нашу привычку всего ожидать отъ правительства; отсутствіе предприимчивости, особенно въ новомъ и сложномъ дѣлѣ, какимъ являлось желѣзнодорожное; и, надо сказать правду, нашу неумѣлость вести обширныя промышленныя предпріятія правильно и добросовѣстно, на компанейскихъ началахъ, въ виду чего, почти всегда эти предпріятія сводятся къ тому, что акціонеры дѣлаются безгласнымъ, беззащитнымъ стадомъ въ рукахъ

нѣсколькихъ главныхъ воротилъ, образующихъ правленія и наблюдательныя совѣты, которые захватываютъ всю власть и безконтрольное распоряженіе дѣлами и имуществомъ общества, представляя ему дутые и фивитивныя отчеты и поддерживая себя искусственно составленными изъ подставныхъ членовъ общими собраніями, при которыхъ невозможна никакая оппозиція ихъ самоуправству, со стороны дѣйствительныхъ акціонеровъ. При совокупности такихъ неблагоприятныхъ условий, частная дѣятельность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, даже во время желѣзнодорожной горячки, подъ вліяніемъ спекуляцій и жажды наживы, являлась у насъ лишь подъ условіемъ всесторонней помощи и покровительства со стороны правительства, и надо отдать справедливость нашему правительству, что эта помощь и покровительство развитію въ Россіи желѣзнодорожнаго дѣла были оказаны имъ въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Можно смѣло сказать, что если Россія обладаетъ въ настоящее время двадцатью тысячами верстъ рельсоваго пути, то этимъ она всецѣло обязана содѣйствію правительства, и безъ этого содѣйствія у насъ не было бы въ настоящее время и половины этого пути. Признавъ за вѣрное, что казна вообще плохой промышленникъ и слѣдуя существовавшему тогда примѣру другихъ европейскихъ державъ, правительство наше, устранивъ отъ самостоятельной постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, предоставило это дѣло частной дѣятельности; но при несостоятельности этой дѣятельности самой по себѣ, по причинамъ, которыя мы указали, правительство оказало ей всевозможную поддержку не только своею гарантіею процентовъ и погашенія затраченныхъ на постройку капиталовъ, авансами и субсидіями, но впоследствии, въ виду убыточной реализаціи частными обществами своихъ капиталовъ, оно приняло на себя и самую реализацію эту. Если по отношенію къ желѣзнодорожному дѣлу въ Россіи путейское вѣдомство и повинно въ нѣкоторыхъ промахахъ, какъ, на примѣръ, контрактъ съ Уайненсомъ, допущеніе къ постройкѣ кievобрестской дороги Фильоля, послѣ урока, даннаго Колинъкомъ, а болѣе всего убыточная для государства продажа или, правильнѣе сказать, отдача, постоянно несостоятельному предъ казною неоплатному должнику ея, главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ лучшей и самой доходной нашей чугулки—николаевской, и это при существованіи далеко болѣе выгодныхъ предложеній,—то эти промахи, если не исполнѣ, то въ значительной мѣрѣ искуплены тѣмъ содѣйствіемъ, которое оказано было общему развитію нашей рельсовой сѣти. Такимъ образомъ, правительство наше сдѣлало все, и даже далеко болѣе всего, что дѣлали у себя всѣ другія правительства для желѣзнодорожнаго дѣла. Оно доставило ему главный жизненный элементъ—деньги, хотя предоставило частнымъ предпринимателямъ весьма широкую сво-

боду въ расходованіи этихъ денегъ при исполненіи технической части дѣла. Говоримъ—предпринимателямъ, а не обществамъ желѣзныхъ дорогъ, потому что собственно общества эти въ полномъ составѣ своемъ, т. е. акціонеры, тутъ постоянно были ни при чемъ, и дѣло не только сооруженія нашихъ желѣзныхъ дорогъ, но и самой ихъ эксплуатаціи вполнѣ; обыкновенно находилось и находится въ рукахъ небольшого кружка воротилъ, сперва подъ названіемъ учредителей, а потомъ—директоровъ. Господамъ этимъ, въ свою очередь, также надо отдать справедливость. Большею частью, они съ полною беззащитностію воспользовались помощью и покровительствомъ правительства и отличились только замѣчательною безцеремонностію въ набиваніи своихъ кармановъ въ ущербъ качествамъ сооружаемыхъ ими дорогъ и удобствамъ публики, по отношенію ихъ эксплуатаціи. Нигдѣ въ мірѣ, исключая, можетъ быть, Турціи и Румыніи, не строились желѣзныя дороги и не управлялись по истинѣ съ такимъ отсутствіемъ экономіи и часто съ такою технической, административною и хозяйственною неряшливостію, какъ у насъ; не смотря на то, что первоначальныя смѣты и разчѣнки разсматривались въ министерствѣ путей сообщенія, и не смотря на то, что для наблюденія, какъ за постройкою желѣзныхъ дорогъ, такъ вполнѣ и за ихъ содержаніемъ и эксплуатаціею, отъ того же министерства существуетъ постоянная инспекція. Говоря вообще, нравы, обычаи и порядки крайне непривлекательнаго характера, усвоенные на нашихъ дорогахъ главнымъ обществомъ, послужили примѣромъ и первообразомъ для всѣхъ послѣдующихъ желѣзныхъ дорогъ нашихъ. Эти нравы, обычаи и порядки, внесенные первоначально Колингономъ и его французскими аюдами, утвердились и развились потомъ, благодаря излишней льготности его устава главнаго общества, при составленіи котораго, какъ перваго въ Россіи устава частнаго желѣзнодорожнаго общества, за неимѣніемъ еще въ виду уроковъ опыта и подъ влияніемъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сильныхъ покровителей, прискорбнымъ образомъ и въ значительной степени упущены были изъ виду необходимыя предусмотрительность и осторожность по отношенію къ государству и къ народу. Въ этомъ уставѣ дано широкое развитіе разнымъ правамъ и льготамъ и крайне недостаточно и поверхностно оговорены обязанности и отвѣтственность. Неудобство такого устава весьма скоро дало себя почувствовать. Всякое улучшеніе, вызывавшееся требованіемъ общественной и государственной пользы и нужды, непредусмотрѣнно точно въ уставѣ, правительству приходилось искупать новыми пожертвованіями и субсидіями, только увеличивавшими и безъ того громадный и безнадежный долгъ главнаго общества государству. Уставы первыхъ, послѣдовавшихъ за главнымъ обществомъ, желѣзнодорожныхъ обществъ, по отношенію къ непредусмотрительности, весьма близко.

подходятъ къ уставу главнаго общества, и лишь въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ опыта, въ уставахъ позднѣйшихъ по времени обществъ, государственные и общественные интересы стали получать постепенно все больше и больше огражденія. Но, не смотря на это, и эти новыя дороги, по мѣрѣ возможности, продолжали усваивать себѣ тѣ же неприглядные нравы, обычаи и порядки, первообразомъ которыхъ, какъ сказано выше, послужило главное общество желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Въ общихъ чертахъ эти порядки и нравы можно характеризовать слѣдующими чертами: крайняя скарденость въ вознагражденіи низшихъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и полная беззащитность ихъ отъ произвола высшихъ. Еще недавно, при одномъ изъ судебныхъ разбирательствъ по поводу незапертаго бабою сторожеваго плагбаума на одной изъ нашихъ чугунокъ, вслѣдствіе чего поѣздъ наскочилъ на переходившую черезъ дорогу лошадь или корову, на судѣ обнаружилось, что сторожиха эта прозѣвала спустить плагбаумъ, заснувъ отъ утомленія; такъ какъ при множествѣ проходящихъ мимо ея плагбаума поѣздовъ, обуславливающихъ безпрестанное подниманіе и опусканіе затвора, при безсмѣнности службы, ей положительно не остается времени для отдыха; и за эту-то безсмѣнную службу она получала 3 р. въ мѣсяцъ жалованья. Наоборотъ, вознагражденіе, подъ разными видами, высшихъ служащихъ и управляющихъ желѣзными дорогами, бываетъ часто несоразмѣрно велико, причемъ господа эти позволяютъ себѣ относиться къ желѣзной дорогѣ, какъ къ своей собственности. Примѣровъ такого самовластия на каждой желѣзной дорогѣ не оберешься. Мы ограничимся указаніемъ на одинъ такой примѣръ, хорошо намъ извѣстный. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на одной изъ желѣзныхъ дорогъ, въ тотъ самый моментъ, когда помощникъ начальника станціи, послѣ двухъ звонковъ, собирался уже дать третій звонокъ и отпустить поѣздъ, запыхавшійся стрѣлочникъ прибѣжалъ сказать ему, что по дорогѣ виднѣ идуцій къ станціи поѣздъ. Опустивъ веревку звонка, помощникъ начальника станціи бросился на дорогу и увидѣлъ, что по ней приближаются къ станціи, везомые его людьми, нѣсколько сдѣланныхъ вагоновъ съ строительнымъ матеріаломъ, отправленные инженеромъ этой желѣзной дороги на возводимую имъ вблизи станціи частную постройку. На моментъ опоздай стрѣлочникъ—и пущенный поѣздъ наскочилъ бы на этотъ транспортъ, и послѣдовала бы катастрофа. Испуганный помощникъ смотрителя, между прочимъ и по требованію публики, составилъ о происшествіи актъ. Это вполне законное и даже обязательное для помощника начальника станціи дѣйствіе, мѣстнымъ заправляющимъ дорогою показалось величайшею дерзостью со стороны субалтерна. Отъ него потребовали, чтобы онъ взялъ назадъ представленный имъ актъ, а когда онъ отказался это исполнить, то его уво-

лили, а актъ остался безъ послѣдствій. Отсутствие всякой экономіи въ расходованіи суммъ, какъ при разныхъ заготовкахъ, такъ и по техническимъ работамъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, констатируется еще недавнимъ и притомъ повторительнымъ (первый вышелъ года два тому назадъ) циркуляромъ техническо-наблюдательнаго комитета при министерствѣ путей сообщенія, предписывающимъ мѣстнымъ правительственнымъ инспекціямъ при желѣзныхъ дорогахъ строго наблюдать, чтобы управленія желѣзныхъ дорогъ соблюдали должную экономію въ расходахъ на производство различныхъ техническихъ работъ по подлежащимъ имъ дорогамъ. По небезызвѣстнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, въ которыхъ находятся мѣстныя путейскія инспекціи желѣзныхъ дорогъ къ управленіямъ этихъ дорогъ, и не будучи пророчкомъ, можно сказать, что и этотъ циркуляръ, подобно предыдущему, останется гласомъ вопіющаго въ пустынь. Строгое и точное исполненіе внушеній циркуляровъ центрального управленія неизбежно поставитъ мѣстныя инспекціи во враждебныя отношенія къ правленіямъ желѣзныхъ дорогъ, возбудитъ пререканія, всегда неприятыя и часто неудобныя. Есть русская пословица: «рука руку моетъ и обѣ чисты бывають». Можно, конечно, подвергать сомнѣнію безусловную точность второй части пословицы, но неоспоримо, что первая часть имѣетъ весьма благотворное практическое значеніе. На ней, въ значительной мѣрѣ, зиждется всяческое благополучное обстояніе, столь желательныя всюду—тишь, гладь, да Божья благодать.

Продолжая болѣе или менѣе общую характеристику порядковъ, существующихъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, приходится указать также на ту весьма нерѣдкую халатность этихъ порядковъ и невнимательность къ исправному содержанію дорогъ, послѣдствія которыхъ не разъ ознаменовались катастрофами, стоившими жизни или увѣчья, какъ пассажирамъ, такъ и сопровождавшимъ поѣздъ желѣзнодорожнымъ агентамъ. Затѣмъ, на пренебреженіе къ интересамъ, какъ своихъ акціонеровъ, такъ и еще болѣе къ интересамъ публики, въ особенности къ интересамъ торговли и промышленности, несущихъ нерѣдко, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, значительные убытки, вслѣдствіе задержки на станціяхъ, порчи и пропажи грузовъ и багажа, и благодаря до сихъ поръ еще весьма неопредѣленно и шатко установленной отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за эти убытки. Въ заключеніе этой неприглядной характеристики, нельзя не упомянуть о той нигдѣ невозможной безпечности, чтобы не сказать недобросовѣстности, которая практикуется нашими желѣзными дорогами по отношенію къ расчетамъ съ казною, т. е. съ государствомъ, вслѣдствіе чего долги желѣзныхъ дорогъ казнѣ возрастаютъ съ каждымъ годомъ, и въ настоящее время, какъ уже мы говорили о томъ въ одномъ изъ предыдущихъ нашихъ обзорѣній, возросли до громадной цифры 50,000 р.

на версту, что, по меньшей мѣрѣ, равняется ихъ стоимости; такъ что въ настоящее время можно сказать, что всѣ наши желѣзныя дороги *de jure* принадлежать государству, между тѣмъ, какъ *de facto*, оно несетъ лишь одни убытки въ ежегодной приплатѣ гарантированныхъ имъ процентовъ, а выгодами пользуются акціонеры желѣзнодорожныхъ обществъ, или, правильнѣе сказать, члены правленій и другіе высшіе агенты этихъ обществъ. Надо думать, что это-то именно обстоятельство, въ связи съ постоянно раздающимися всеобщими жалобами на неудовлетворительность существующихъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ порядковъ, и вынудили наше правительство обратить на этотъ предметъ серьезное вниманіе, вслѣдствіе чего, въ началѣ нынѣшняго года, по Высочайшему повелѣнію, и учреждена особая комісія для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Повидимому, при существованіи на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ съ одной стороны, постоянной правительственной инспекціи, а съ другой—жандармскаго надзора, ни въ какихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ не должно было бы предстоять надобности. Можно было предполагать, что центральныя управленія обѣихъ вѣдомствъ обладаютъ вполне достаточнымъ запасомъ всестороннихъ и проверенныхъ свѣдѣній, которыми только оставалось бы воспользоваться. Назначеніе особой, упомянутой комісіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла доказываетъ, однако, ошибочность этого предположенія. Министерство путей сообщенія, до котораго это дѣло касается непосредственно, не обладаетъ такими достаточными свѣдѣніями, вѣроятно потому, что агенты его на желѣзныхъ дорогахъ исключительно поглощены технической стороною дѣла, на столько многосложнаго, что и въ этомъ отношеніи не успѣваютъ обращать должнаго вниманія на экономическую часть своей специальности, что свидѣлствуютъ вышеупомянутые нами циркуляры центральнаго управленія. А такъ какъ вопросы объ отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ къ публикѣ и къ интересамъ торговли и промышленности не входятъ собственно въ путейскую специальность, то для агентовъ этого вѣдомства и необязательно интересоваться помянутыми вопросами и доставлять о нихъ свѣдѣнія. Что касается до жандармскаго надзора, то онъ имѣетъ, конечно, также свою специальную цѣль, въ область которой, на практикѣ, вовсе не входитъ наблюденіе за желѣзнодорожными порядками по отношенію къ публикѣ; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ столкновеніяхъ публики съ желѣзнодорожными агентами, гг. жандармы почти постоянно являются на сторонѣ послѣднихъ и исполняютъ ихъ требованія, не входя въ разсужденіе—справедливы онѣ или нѣтъ. У насъ почему-то, до сихъ поръ, почти всякій протестъ публики, не говоримъ уже противъ даже низшихъ агентовъ государственной или общественной власти, но даже противъ содержателя какого нибудь увеселитель-

наго сада, надувшаго или оскорбившаго публику, считается чѣмъ-то неблагонамѣреннымъ, какою-то смутю, беспорядкомъ, чуть не бунтомъ, и набрасываетъ на протестанта тѣнь неблагонадежности. Такимъ образомъ оказывается, что порядки нашихъ желѣзныхъ дорогъ по отношенію къ публикѣ, т. е. къ обществу и къ народу, не входятъ ни въ чей кругъ наблюденій, и для послѣдней, лишенной, вслѣдствіе этого, всякаго огражденія и защиты, единственнымъ средствомъ заявленія своихъ неудовольствій оставались, имѣющіяся на станціяхъ, жалобныя книги, пользоваться которыми, безъ риска пропустить поѣздъ и остаться на станціи, далеко не всегда возможно. Составленіе акта еще болѣе затруднительно, потому что тутъ является опять запрещенный закономъ скопъ, не говоря о недостаткѣ времени. Опять является опаска, какъ бы не прозвать поѣздъ, а то и еще хуже, какъ бы самому не попасть въ неблагонамѣренные.

Понятно поэтому, что назначеніе комисіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Баранова, въ первую минуту произвело самое отрадное впечатлѣніе. Говоримъ, въ первую минуту потому, что, оставаясь на почвѣ правдивыхъ и дѣйствительныхъ фактовъ общественной жизни, не можемъ умолчать, что первое отрадное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ столь обычнаго въ нашемъ обществѣ, въ извѣстномъ отношеніи, пессимизма, весьма скоро уступило мѣсто сомнѣнію. Поѣдетъ, разсуждалъ общественный пессимизмъ,—комисія изъ вліятельныхъ лицъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ опредѣленное заранѣе время. Вездѣ и все успѣетъ почиститься и приготовиться къ этому осмотру, во всемъ показанъ будетъ казовый конецъ, съ присовокупленіемъ торжественныхъ встрѣчъ, приѣмовъ, обѣдовъ, овацій, и все на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ объявится прелестнымъ и обстоящимъ въ полномъ благополучіи и исправности, для окончательной полноты каковыхъ найдено будетъ желательнымъ и благополезнымъ, чтобы правительство оказало той или другой дорогѣ свое содѣйствіе новыми субсидіями. Такъ, говоримъ, разсуждалъ общественный пессимизмъ, и винить общество за такой меланхолическій взглядъ на вещи не слѣдуетъ: оно такъ часто обжигалось на молокѣ, что ему простиительно дуть на воду, иногда и безъ видимой нужды, какъ по счастью это оказалось и въ настоящемъ случаѣ. Почтенная комисія, подъ предсѣдательствомъ графа Баранова, отнеслась повидимому вполне серьезно къ возложенному на нее столь важному порученію. Не приступая еще къ разѣздамъ, комисія произвела весьма обширныя подготовительныя работы. Затребованы были всякаго рода относящіяся къ дѣлу свѣдѣнія, какъ отъ министерства путей сообщенія, такъ и отъ другихъ мѣстъ и лицъ, могущія служить къ разясненію разныхъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла. Доставленныя свѣдѣнія

подвергнуты были въ комисіи тщательному пересмотру, классификаціи и возможной провѣркѣ. Были составлены систематическія программы для будущей дѣятельности комисіи во время разъѣздовъ, какъ здѣсь, такъ и потомъ при разъѣздахъ. Затѣмъ, для разъясненій, въ комисію были приглашаемы представители науки, промышленности, торговли, земствъ и городовъ, въ мнѣніямъ и заявленіямъ которыхъ комисія постоянно относилась съ полнымъ вниманіемъ и участіемъ. Въ видахъ ускоренія порученнаго ей дѣла, комисія, для разъѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ, раздѣлилась на семь подкомисій, распредѣливши между собою различныя районы желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ устроены были подкомисіи: петербургская, московская, варшавская, рижская, харьковская, кievская и юго-восточная. Въ составъ подкомисій, кромѣ официальныхъ лицъ, приглашены были наиболѣе компетентныя въ каждой мѣстности лица. Изъ числа упомянутыхъ нами представителей общественныхъ и экономическихъ интересовъ упомянемъ о Гордѣнѣхъ—въ харьковской и о д. с. с. Барановѣ—въ кievской подкомисіи. Слѣдя по газетнымъ сообщеніямъ за дѣятельностью странствовавшихъ по Россіи подкомисій, намъ не случалось встрѣтить извѣстій объ устроенныхъ гдѣ нибудь для ихъ чествованій особенныхъ фестивалей, если не считать Ковно, гдѣ прибывшій съ петербургскою подкомисіей графъ Барановъ, въ качествѣ бывшаго предсѣдателя совѣта главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ, приглашенъ былъ нынѣшними властями этого общества на торжественное открытіе вновь отдѣланной, расширенной и усовершенствованной мастерской товарныхъ вагоновъ. За то всё извѣстія объ экскурсіяхъ подкомисій сообщаютъ о произведенныхъ ими на каждой дорогѣ весьма тщательныхъ и всестороннихъ изслѣдованій всѣхъ мѣстныхъ и общихъ условій желѣзной дороги. Такъ, въ торговомъ отношеніи, подкомисіи старались выяснитъ вліяніе нынѣшней эксплуатаціи на развитіе нашей промышленности и торговли; въ стратегическомъ—ставился вопросъ, насколько удовлетворяетъ состояніе данной дороги могущимъ представиться въ военное время потребностямъ передвиженія значительныхъ массъ войска; въ финансовомъ—какими средствами можно усилить доходность дороги, не выходя изъ предѣловъ устава общества; въ техническомъ отношеніи подробно изслѣдовалось состояніе дороги и дѣеспособность ея по всѣмъ частямъ, какъ по предмету сооруженій, такъ и подвижнаго состава; въ санитарномъ отношеніи изслѣдованіе касалось всѣхъ условій сохраненія здоровья, какъ служащихъ и живущихъ въ станціонной мѣстности, такъ и пассажировъ во время переѣздовъ, т. е. условій почвы, воды, воздуха, жилыхъ строеній, банъ, больницъ, вагоновъ, буфетовъ, съѣстныхъ въ нихъ припасовъ и т. д.; между прочимъ обращено было вниманіе на способы перевозки скота и мѣры къ предупрежденію появленія въ средѣ

его повальныхъ и заразительныхъ болѣзней. Наконецъ, по пожарному вопросу обращено было вниманіе на состояніе и качество практикуемыхъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ охранительныхъ мѣръ и имѣющихъ на нихъ огнегасительныхъ средствъ, по отношенію къ постройкамъ, какъ принадлежащимъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ и частнымъ, находящимся въ сосѣдствѣ съ дорогами, а также относительно поѣздовъ и складовъ матеріаловъ. Для всесторонняго изслѣдованія этого послѣдняго вопроса, въ комисіи предварительно была выработана особая програма. Въ видахъ содѣйствія комисіи по этому предмету, министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ концѣ іюня предложило начальникамъ губерній собрать и представить, въ возможно скорѣйшемъ времени, самыя обстоятельныя свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ програмы комисіи: 1) Очищается ли желѣзнодорожная полосо отъ сухихъ деревьевъ, валежника и хвороста; если очищается, то на какой ширинѣ отъ полотна дороги? Не слѣдуетъ ли въ этомъ отношеніи постановить какія нибудь правила, распространивъ ихъ и на смежныхъ владѣльцовъ? 2) Происходили ли на изслѣдуемой дорогѣ пожары отъ искръ, гдѣ именно (въ селеніяхъ, на поляхъ и лѣсахъ), въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ разстояніи отъ станціи или отъ линіи? 3) Въ теченіи какаго періода послѣ прохода поѣзда обнаруживалось, что причиною пожара былъ паровозъ? 4) Встрѣчаются ли случаи возведенія зданій ближе узаконеннаго разстоянія, какъ отъ станціи, такъ и отъ полотна желѣзной дороги? 5) Какого рода матеріаломъ крыты частныя строенія по линіи желѣзной дороги? 6) Всегда ли и въ какой мѣрѣ желѣзныя дороги оказывали содѣйствіе экстренной перевозкѣ пожарныхъ командъ въ городскія поселенія, охваченныя пламенемъ и призывающія означенныя команды на помощь; какія затрудненія представлялись при такихъ перевозкахъ со стороны желѣзнодорожной администраціи; по какимъ тарифамъ перевозились инструменты и команды, какъ пожарныя, такъ и военныя, вызываемыя на мѣсто пожара; не требуется ли установленія какихъ нибудь обязательныхъ правилъ въ этомъ отношеніи и какихъ именно? Нельзя не отдать справедливости полной цѣлесообразности того серьезнаго вниманія, съ которымъ комисія отнеслась къ пожарному вопросу при изслѣдованіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Министерство путей сообщенія ограничивалось до сихъ поръ по этому предмету предписаніями и внушеніями желѣзнодорожнымъ правленіямъ, но исполненіе этихъ предписаній никогда еще не было провѣрено должнымъ образомъ. Этому отсутствію настойчиваго надзора и должно приписать случаи, подобные тому, который, не далѣе какъ 29 августа, произошелъ въ Волоцкскѣ, во время пожара на тамошней желѣзнодорожной станціи. Въ критическій моментъ, пожарнаго инструмента вовсе не оказалось

на станціи. По телеграфу просили помощи отъ участвоваго правленія въ Жмеринкѣ, но управленіе отвѣтило, что пожарный инструментъ жмеринской станціи находится въ починкѣ (и ужъ нѣсколько мѣсяцевъ) въ Кіевѣ. Благодаря такому состоянію дѣла, пожаръ истребилъ магазинъ съ товарами на 40,000 р., и если остальные склады и таможня не подверглись той же участи, то лишь благодаря прибытію пожарныхъ инструментовъ съ австрійской станціи Подволочискъ. Между тѣмъ, при жалкомъ состояніи пожарной части въ нашей провинціи, исправное и количественно-достаточное содержаніе этой части на станціяхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ имѣетъ громадное значеніе не только для самихъ станцій, но и для всего окрестнаго района, такъ какъ, благодаря быстрому передвиженію по желѣзнымъ дорогамъ, станціонный пожарный инструментъ ихъ имѣетъ возможность во-время поспѣвать на всякій пожаръ въ околотеѣ станцій и оказывать дѣятельную помощь всюду, гдѣ окажется въ ней надобность.

Вообще комисиія для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи отнеслась, повидимому, къ своей задачѣ съ полнымъ вниманіемъ, всесторонностью и энергіей. Быстрота, съ которою производилось изслѣдованіе на мѣстахъ, была немислима (въ смыслѣ серьезности дѣла), если бы комисией, какъ уже мы сказали выше, не были произведены весьма обширныя предварительныя работы по всѣмъ частямъ изслѣдованія: экономической, технической и картографической, такъ что, во многихъ отношеніяхъ, по прибытіи подкомисій на мѣсто, имъ предстояло въ значительной степени лишь провѣрить заблаговременно собраный матеріалъ, дополнить его заявленіями мѣстныхъ представителей администраціи, общественныхъ управленій, торговли, промышленности и публики, каковымъ заявленіямъ открытъ былъ совершенно свободный доступъ, и затѣмъ, провѣривъ на мѣстѣ, фактически, основательность сдѣланныхъ заявленій, выяснить причины указанныхъ заявленіями недостатковъ и средства къ возможно справедливому и неотлагательному для желѣзныхъ дорогъ удаленію этихъ причинъ. Вообще быстрота и успѣшность производства изслѣдованій предсѣдательствуемой графомъ Барановымъ комисиіи, обусловилась именно тѣмъ сочувствіемъ и энергическимъ содѣйствіемъ, которыя оказаны трудамъ комисиіи со стороны, какъ высшей и низшей администраціи, такъ и всѣхъ, вышеупомянутыхъ нами, представителей мѣстнаго самоуправленія, войскъ, таможни, торговли, промышленности, а также и многихъ частныхъ лицъ. Ихъ указанія въ значительной степени помогли правильности разъясненія возбужденныхъ вопросовъ и изысканію способовъ къ правильному ихъ разрѣшенію. Во время своихъ разъѣздовъ, подкомисіи не ограничивались осмотромъ, въ техническомъ отношеніи, собственно желѣзныхъ дорогъ и ихъ непосредственныхъ принадлеж-

ностей. Онѣ осматривали также врачебные кабинеты, больницы, аптеки, школы и даже нѣкоторые частные заводы, доставляющіе желѣзнымъ дорогамъ большіе грузы. На нѣкоторыхъ станціяхъ, повнезапной тревогѣ, были произведены испытанія огнегасительныхъ средствъ. Съ особеннымъ сочувствіемъ заносимъ въ нашу лѣтопись то, что комисія, при изслѣдованіяхъ своихъ, не оставила безъ вниманія положенія рабочихъ и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Изъ свѣдѣній о разъѣздахъ подкомисіи, напечатанныхъ въ «Голосѣ» (№ 182), видно, что на многихъ станціяхъ члены подкомисіи опрашивали служащихъ и рабочихъ, чтобы выяснитъ, насколько они знакомы съ порядками службы, не имѣютъ ли претензій къ желѣзнодорожной администраціи, въ какой мѣрѣ было бы возможно улучшить ихъ положеніе, а также положеніе ихъ семействъ и проч. Изслѣдованіе быта этихъ рабочихъ интересовало подкомисію, вслѣдствіе ея убѣжденія, что тѣмъ лучше обезпеченъ рабочий, тѣмъ съ большимъ усердіемъ онъ отдается службѣ, что весьма важно для упроченія безопасности и правильности движенія, какъ пассажирскаго, такъ и товарнаго. Съ другой стороны, подкомисія старалась изслѣдовать способы къ возможно дешевому передвиженію рабочихъ партій, отправляющихся на заработки въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности. Отъ всей души желаемъ, чтобы такое человѣчное отношеніе комисіи къ быту бѣднаго, подначальнаго, трудящагося на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, люда не ограничилось одними хорошими словами, но перешло въ хорошее дѣло. Участъ низшихъ желѣзнодорожныхъ агентовъ, ничѣмъ негарантированная отъ произвола и каприза высшихъ, давно уже вызываетъ вниманіе и участіе правительства. Что касается до рабочихъ, то это вопросъ, затрогивающій не однѣ желѣзныя дороги. Это вопросъ общій, всероссійскій, также давно уже стоящій на очереди и ожидающій правильнаго и для всѣхъ безобиднаго разрѣшенія.

Изслѣдованія, произведенныя комисіею подъ предсѣдательствомъ графа Баранова, открыли или, правильнѣе сказать, констатировали многія неприглядныя явленія и стороны порядковъ, существующихъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, которые, впрочемъ, давно уже были извѣстны и постоянно возбуждали всеобщія жалобы. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе заявленіе представителей петербургскаго и рыбинскаго биржеваго купечества, занимающагося отпускною торговлею хлѣбомъ, сдѣланное въ засѣданіи петербургской подкомисіи 30 іюня. Предметомъ засѣданія («Голосъ» № 181) было обещаніе вопроса: какими мѣрами можно содѣйствовать поддержанію нашего заграничнаго отпуска хлѣба, въ виду усиливающейся конкуренціи американскихъ поставщиковъ. Поднимая этотъ вопросъ, комисія для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи имѣла въ

виду изыскать мѣры въ улучшенію способовъ транспортировки хлѣба по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и устраненіе, по возможности, всѣхъ тѣхъ, нерѣдко весьма существенныхъ неудобствъ, которыя въ настоящее время тормозятъ это дѣло и возбуждаютъ постоянныя жалобы со стороны грузоотправителей на существующіе на нашихъ чугунахъ порядки. Очевидно, что удачное разрѣшеніе этого вопроса должно послужить въ обоюдной выгодѣ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, такъ какъ, съ устраненіемъ упомянутыхъ неудобствъ, значительно облегчится дѣло транспортировки хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, слѣдовательно, усилится и самая транспортировка этого рода, а съ тѣмъ вмѣстѣ и доходность дорогъ. Въ настоящемъ обзорѣніи мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ, обсуждавшихся въ засѣданіи 30 іюня, мѣръ для достиженія этой цѣли, требующихъ болѣе или менѣе капитальныхъ преобразованій настоящихъ способовъ транспортировки хлѣба, для осуществленія которыхъ необходимо и время, и болѣе или менѣе крупныя денежныя средства. Средства эти, какъ выяснилось въ засѣданіи, при содѣйствіи правительства, могутъ быть доставлены какъ желѣзными дорогами, такъ и торгующимъ купечествомъ, представители котораго, участвовавшіе въ засѣданіи, изъявили полную готовность принять участіе въ пожертвованіяхъ на этотъ предметъ. Въ этомъ обзорѣніи мы ограничимся указаніемъ лишь на тѣ заявленія петербургскихъ и рыбинскихъ хлѣбныхъ торговцевъ, которые указываютъ на неудобства и безпорядки, существованіе которыхъ обуславливается прямо и непосредственно бездѣятельностью или попустительствомъ желѣзнодорожныхъ правленій. Сюда относятся, во первыхъ, чрезвычайная медленность и дороговизна перегрузокъ хлѣбнаго товара. Если это неудобство происходитъ до известной степени отъ существующаго у насъ обычая перевозить хлѣбъ въ мѣшкахъ, то съ другой стороны, и это главнымъ образомъ,—причина эта заключается въ томъ, что перегрузка эта, за неимѣніемъ давно уже усвоенныхъ въ Европѣ и въ Америкѣ дешево и быстро работающихъ механическихъ приспособленій для этой цѣли, такъ называемыхъ элеваторовъ, производится у насъ первобытнымъ, ручнымъ способомъ. Второе и еще болѣе тяжкое обвиненіе, предъявленное хлѣботорговцами на наши желѣзнодорожные порядки—это систематическое воровство товара, при безотвѣтственности управленій желѣзныхъ дорогъ за происходящій отъ этого воровства изыанъ, и при фактическомъ безсиліи суда и полиціи въ преслѣдованіи этого воровства. Воровству этому, широко распространенному по всѣмъ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, подвергался, впрочемъ, не одинъ хлѣбный товаръ. Крадутъ, какъ извѣстно, все, не смотря даже на жандармскій надзоръ. Крадутъ изъ пассажирскихъ вагоновъ, во время выходовъ па-

сажировъ на станціяхъ, или ночью во время ихъ сна, крадутъ изъ багажныхъ вагоновъ, спокойно, не торопясь, выбирая изъ чемодановъ болѣе цѣнные вещи и затѣмъ, уложивъ все остальное въ прежде бывшемъ порядкѣ, запираютъ и увязываютъ чемоданы, такъ что снаружи нельзя замѣтить, что внутренность чемодана была ревизована невидимыми ревизорами, и покража обнаруживается только по прибытіи жертвы домой и по вскрытіи чемодана, когда всякая жалоба бесполезна, по невозможности фактически доказать кражу. Приводимъ одинъ изъ свѣжихъ примѣровъ подобныхъ кражъ («Голосъ» № 182). Изъ Кисловодска пишутъ: «16-го іюня, взявъ билеты прямого сообщенія во второмъ классѣ до станціи Минеральныя Воды, я выѣхалъ съ семействомъ изъ Петербурга. Вещи сданы были въ багажъ: два сундука и чемоданъ, подъ замками и перевязанные веревками. По прїѣздѣ на станцію Минеральныя Воды, вещи изъ багажа были получены въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ сданы, и потомъ доставлены въ Кисловодскъ. Когда здѣсь ихъ вскрыли, то оказалось, что чемоданъ былъ перерытъ, хотя замокъ оказался въ цѣлости и веревки также. По пересмотрѣ вещей, оказалось, что единственная, находившаяся между ними золотая вещь—дамская брошка—украдена; пропали также: пульверизаторъ и незначительная китайская вещица—коробка для пудры. Запечатанный конвертъ съ шоколодомъ найденъ вскрытымъ съ одной стороны и оставленъ въ чемоданѣ. Изъ бѣлья и другихъ вещей ничего не взято. Другой пассажиръ, ѣхавшій въ томъ же поѣздѣ, отъ Козлова, сообщилъ мнѣ, что и его чемоданъ былъ тщательно пересмотрѣнъ дорогою. У него пропала только ножичекъ, вынутый изъ ящика съ хирургическими приборами». Крадутъ, наконецъ, и крадутъ массами изъ товарныхъ вагоновъ. Лѣтъ 10—12 тому назадъ, на варшавской желѣзной дорогѣ производилась систематическая кража товаровъ, въ огромныхъ размѣрахъ, причемъ и замки, и пломбы оставались въ полной неприкосновенности. Послѣ многихъ тщетныхъ стараній открыть похитителей, главное общество обратилось тогда къ служившему еще въ то время въ петербургской сыскальной полиціи г. Блоку, и этотъ умный и ловкій сыщикъ, сыщикъ соп атоге, чрезъ непродолжительное время открылъ цѣлую организованную шайку воровъ, состоящую главнымъ образомъ изъ жидовъ, но и съ участіемъ нѣкоторыхъ низшихъ желѣзнодорожныхъ агентовъ. Шайка эта, которой главная квартира была въ Польшѣ, весьма долгое время совершенно безнаказанно опустошала товарные вагоны. Но кража товаровъ существуетъ не на одной только Варшавской дорогѣ. Это зло, уворенившееся болѣе или менѣе на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Вотъ что, напри- мѣръ, недавно было сообщено («Голосъ» № 178), изъ Бобруйска. «Желѣзнодорожное воровство приняло у насъ значительные размѣры и отли-

чается большою дерзостью. Такъ, недавно, на товарной станціи въ Кіевѣ, по поводу пропажи вещей, отправленныхъ изъ Одессы въ Бобруйскъ, составленъ былъ актъ такого содержанія: «При догрузкѣ товара оказалось, что изъ девяти мѣстъ домашнихъ вещей повреждены чемоданъ, замокъ, съ одной стороны, съ петель сорванъ, съ другой—внутренней цѣлы. Приподнята была одна сторона чемодана, внутри котораго видѣны были замокъ отъ него же. Верхняя холщовая покрывка тоже сорвана, ремешки оборваны (одинъ ремень толстый просто обрѣзанъ). По перевѣскѣ вещей въ партіи не оказалось десяти фунтовъ». И въ такомъ видѣ вещи прибыли въ Бобруйскъ. Настоящій случай скорѣе грабежъ; здѣсь безъ церемоній, съ ломомъ и ножомъ, срываютъ веревки и печати, обрѣзаютъ ремни, «срываютъ съ петель замки» и, обчистивши чемоданъ, туда же кладутъ и сломанный замокъ, пускай, дескать, составляютъ объ этомъ акты, у кого есть охота. Въ Бобруйскѣ, вслѣдствіе такого воровства на дорогахъ, участившагося въ послѣднее время, просто паника; жалобы такъ и слышатся то на одесскую, то на московско-брестскую, то на либаво-роменскую дороги. «Просто не торговля, а разоренье», говорилъ бобруйскій купецъ, у котораго на дняхъ на желѣзной дорогѣ вырвали весь лучший табакъ, а, вмѣсто него, наложивъ въ ящики камней,—«только и слышишь каждый день, что то того на дорогѣ обокрали, то другаго; такъ руки и опускаются».

Въ то же время изъ Новочеркасска сообщаютъ, что недавно близъ слободы Курганъ, прилегающей къ курско-карьково-азовской желѣзной дорогѣ, управляющій экономіею помѣщика, во время осмотра полей, нечаянно наткнулся въ бурьянѣ на нѣсколько тюковъ съ желѣзнодорожными клеймами. О находкѣ тотчасъ дано было знать полиціи, которая успѣшила устроить засаду, и ночью, какъ только воры, на телѣгахъ, явились за своею добычею, тѣ изъ нихъ, которые слѣзли съ телѣгъ, были захвачены. Остальные, не смотря на выстрѣлы полиціи, успѣли ускакать. Но и захваченныхъ было достаточно для обнаруженія существованія и здѣсь цѣлой организованной шайки воровъ, изъ которыхъ одни, во время движенія поѣздовъ, въ заранѣе условленныхъ и удобныхъ мѣстахъ выбрасывали изъ вагоновъ товаръ, а другіе подбирали его, увозили и потомъ распродавали, при помощи жидовъ, которые и тутъ, какъ всегда почти въ подобнаго рода продѣлкахъ, были руководителями, а исполнителями были жители слободы Курганъ. Это организованное воровство, обнаруженное благодаря лишь счастливому случаю, велось очень долго и вполне успѣшно для воровъ, вслѣдствіе участія въ шайкѣ лицъ, близко стоявшихъ къ служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ. Понятно, что безъ сообщничества этихъ господъ, такое не единичное, а постоянное воровство было бы немислимо.

Этот фактъ сообщничества желѣзнодорожныхъ агентовъ съ ворами еще болѣе подтверждается обыскомъ чемодановъ и кражами изъ нихъ въ багажѣ пассажирскихъ поѣздовъ, находящихся во время пути подъ надзоромъ этихъ агентовъ. Не менѣе того понятно и то, что зло это поддерживается попустительствомъ высшихъ желѣзнодорожныхъ властей, которыя не заботятся прекратить его, благодаря недостаточности нашего законодательства относительно ответственности желѣзныхъ дорогъ за пропажу и порчу довѣренныхъ имъ грузовъ. Что же касается до кражи хлѣба, при провозѣ его по желѣзнымъ дорогамъ, то, по заявленію, представленному въ комисію подъ предѣлательствомъ графа Баранова представителями петербургскаго и рыбинскаго биржеваго купечества, кража эта практикуется здѣсь, въ Петербургѣ, въ обширныхъ размѣрахъ и на виду у всѣхъ. Указанія, данныя комисіи по этому предмету хлѣботорговцами и напечатанныя въ «Голосѣ» (№ 181), на столько интересны, что мы позволяемъ себѣ сдѣлать еще одну выписку изъ этой газеты: «Воруютъ хлѣбъ не одни крѣпичники: воровской промыселъ получилъ правильную организацію и твердую точку опоры въ цѣлой сѣти посредниковъ, скупающихъ добытый крѣпичниками хлѣбъ по мелочамъ и, такимъ образомъ, ведущихъ оптовую торговлю на счетъ восьмой заповѣди. Въ комисію представленъ и списокъ этихъ посредническихъ конторъ, на виду у всѣхъ существующихъ въ закусочныхъ лавкахъ и въ особыхъ притонахъ, подробно указанныхъ въ спискѣ. Чтобы показать, во что обходятся такіе «непредвидѣнные и случайные» расходы нашей торговлѣ, достаточно упомянуть, что одна здѣшняя крупная фирма теряетъ на этомъ ежегодно тысячу по 40—50. Одинъ здѣшній крупный торговецъ просилъ бывшаго градоначальника оградить его отъ открытаго, систематическаго воровства хлѣба; генераль-адъютантъ Треновъ тогда же командировалъ по этому предмету шесть сыщиковъ съ подлежащими инструкціями, но это не повело ни къ чему. Пробовалъ представитель фирмы искать защиты въ судѣ: составлено было болѣе 50-ти актовъ, по которымъ дѣла препровождались къ «мировому», но въ результатѣ оказались—оправданіе огромнаго большинства привлеченныхъ и конѣчныя штрафованія нѣсколькихъ лицъ. Очевидно, заключаетъ указаніе, что при существованіи пробѣловъ въ нынѣшнемъ законодательствѣ, представители суда безсильны искоренить зло. Отыскать эти пробѣлы и проецировать законъ, охраняющій интересы товарокозавцевъ, ведущихъ дѣло съ желѣзными дорогами, и составляетъ одну изъ задачъ комисіи».

Подобнаго же рода заявленіе было представлено городскимъ общественнымъ управленіемъ г. Николаева харьковской подкомисіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, и въ этомъ заявленіи выражалась настоятельная необходимость, въ интересахъ торговли, при-

нять энергическія мѣры противъ медленности въ нагрузкѣ товаровъ и противъ воровства. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, николаевская дума по этому предмету («Голосъ», № 163): «Противъ поджожи и порчи товаровъ, громадной разсыпки зерна и нерѣдкихъ кражъ, правленіе дороги не принимаетъ никакихъ мѣръ: пустые мѣшки или систематически пропадаютъ, или же перемѣняются новыя на старыя. Насколько велика разсыпка зерна, можно судить изъ того, что, напримѣръ, со станціи Николаевъ продано его, въ прошломъ году, на 1,700 р.

Жалуясь на медленность погрузки и выгрузки товаровъ, производящихся съ 1877 года, по постановленію желѣзнодорожной администраціи, ея средствами, городъ нашъ указываетъ на недостаточность рабочихъ, которые, вслѣдствіе низкой платы и неакуратности расчета, нанимаются на желѣзную дорогу весьма неохотно. Въ виду этого, товароковалева, обязательно заплативъ за погрузку и выгрузку товаровъ, вынуждены производить ихъ на свой счетъ; въ противномъ случаѣ, придется платить еще и за суточные простои, нерѣдко по 6 р. съ вагона». Къ этимъ прелестямъ желѣзнодорожныхъ порядковъ, заявленіе прибавляетъ слѣдующее: «Грузы залеживаются на станціяхъ часто по 1½, и по 2 мѣсяца, ожидая очереди: во 1-хъ, вслѣдствіе недостатка подвижнаго состава, во 2-хъ, вслѣдствіе злоупотребленій. По разнымъ вліяніямъ, протекціямъ и другимъ поводамъ, отправки дѣлаются безъ очереди. Такъ, недавно, агенты кременчугскаго коммерческаго банка, служащіе на дорогѣ, для патронируемой ими отправки, уничтожили 700 очередей. Вышеска товарныхъ квитанцій производится чрезвычайно медленно и полученіе ихъ сопровождается немаловажными затрудненіями. Тоже самое бываетъ и съ выдачею билетовъ, которыхъ выдается иногда болѣе, чѣмъ имѣется въ вагонахъ мѣсть. Станціи грязны и тѣсны; въ вагонахъ, особенно по ночамъ, вслѣдствіе отсутствія освѣщенія, происходятъ частыя кражи ручнаго багажа». Въ заключеніе, заявленіе николаевской думы говоритъ: «Въ виду того, что вознагражденіе за пропажу товаровъ на желѣзной дорогѣ выдается не по обоюдному согласію заинтересованныхъ сторонъ, а по усмотрѣнію желѣзнодорожной администраціи, ниже стоимости исчезающихъ грузовъ, наше городское общественное управленіе выражаетъ желаніе, чтобъ уплата эта производилась по приговорамъ мировыхъ судей».

Въ общемъ выводѣ, вся масса поступавшихъ въ комисію жалобъ на существующіе у насъ желѣзнодорожные порядки, въ главныхъ чертахъ, сводится: во 1-хъ, къ недостатку огражденія собственности частныхъ лицъ, вѣряемой желѣзнымъ дорогамъ, подвергающейся пропажѣ и порчѣ, вслѣдствіе, отсутствія, съ одной стороны, должной заботливости и надзора со стороны желѣзнодорожной администраціи, а съ другой—отъ недо-

статка складовъ для хранения грузовъ и подвижнаго состава для своевременнаго подъема грузовъ, отчего товары задерживались на станціяхъ болѣе или менѣе предолжительное время, что, при срочной доставкѣ, подвергаетъ товароотправителей нерѣдко весьма значительнымъ потерямъ и увеличиваетъ возможность и количество порчи товара; во 2-хъ, къ черезъ - чуръ халатному отношенію той же желѣзнодорожной администраціи къ публикѣ, проявляющемуся, между прочимъ, въ своеволіи, самоуправствѣ и разнаго рода злоупотребленіяхъ при расчетахъ и взиманіи платы, даже вопреки установленной правительствомъ высшей нормы взиманія платы, за проѣздъ пассажировъ, съ версты. Такъ, напр., на николаевской желѣзной дорогѣ плата, взимаемая за проѣздъ въ I и во II классѣ, не только въ курьерскихъ поѣздахъ, но и въ почтовомъ и пассажирскомъ часто превышаетъ высшую норму, указанную въ уставѣ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и всѣхъ прочихъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Такъ, вмѣсто установленной платы съ пассажировъ I класса—3 к., II— $2\frac{1}{4}$ к. и III— $1\frac{1}{4}$ к. съ версты, на николаевской желѣзной дорогѣ взимается съ пассажира I класса, почтоваго или пассажирскаго поѣзда отъ Петербурга до Москвы, вмѣсто 18 р. 12 к. (604 версты) 19 р., а между промежуточными станціями, на примѣръ, между Любанью и Бологое, вмѣсто 6 р. 50 к. ($216\frac{1}{2}$ версты) 9 р., а между Бологое и Тверью—вмѣсто 4 р. 60 к. ($153\frac{1}{4}$ версты) 5 р. 75 к. Съ пассажира II класса, на тѣхъ же поѣздахъ, взимается, на примѣръ, между Любанью и Малою Вишерою, вмѣсто 1 р. 65 к. ($73\frac{3}{4}$ версты) 2 р. 5 к.; отъ Бологое до Твери — вмѣсто 3 р. 45 к. ($156\frac{1}{2}$ версты) 4 р., а между Тверью и Москвою — вмѣсто 3 р. 52 к. ($156\frac{1}{2}$ версты) тоже 4 р. Было бы желательнo, чтобы высшее правительство прекратило, наконецъ, этотъ самопроизвольный налогъ, существующій вопреки установленной правительствомъ высшей нормы взиманія съ пассажировъ платы за проѣздъ съ версты. Такое же самоуправство существуетъ и при взиманіи платы за перевозку товара. Въ доказательство этого можно указать, на примѣръ, на то, что въ настоящее время здѣсь, въ Петербургѣ, въ камерѣ мирового судьи 7-го городского участка, какъ сообщаетъ «Петербургская Газета» (№ 173), происходятъ цѣлыя засѣданія, исключительно посвященныя разбирательству гражданскихъ исковъ разныхъ лицъ съ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за переборъ денегъ съ товароотправителей противу установленной тарифомъ платы. Прошенія этого рода, по словамъ газеты, поступаютъ десятками и разбирательство ихъ происходитъ каждую субботу. Въ то же время нѣсколько подобнаго же рода исковъ разсматривалось недавно въ камерѣ мирового судьи 2-го городского участка, предъявленныхъ къ дорогамъ: рязско-яземской, козлово-воронежско-ростовской, грязе-царицынской и курско-харьковско-азовской. Надо ска-

зять, что почти всѣ иски были рѣшены мировымъ судьей въ пользу истцовъ, съ возложеніемъ на желѣзныя дороги и судебныхъ издержекъ. Замѣчательно, говорить названная газета, что повѣренные правленій разныхъ желѣзныхъ дорогъ, не имѣя возможности отрицать на судѣ справедливость исковъ, постоянно ссылаются на неясность, якобы, существующихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Между тѣмъ, изъ недавно послѣдовавшаго распоряженія желѣзнодорожнаго техническо-инспекторскаго комитета при министерствѣ путей сообщенія видно, что правленія желѣзныхъ дорогъ сами производятъ путаницу въ примѣненіи тарифа, дѣлая, по частнымъ сдѣлкамъ съ нѣкоторыми товаротправителями, произвольныя отступленія отъ установленнаго тарифа. Помянутое распоряженіе имѣло въ виду прекратить эти частныя секретныя сдѣлки къ выгодѣ однихъ и въ ущербъ другимъ и предписало правленіямъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы измѣненія, дѣлаемыя ими въ тарифѣ, имѣли общій характеръ, и чтобы о каждомъ такомъ измѣненіи тотчасъ сообщалось бы комитету и объявлялось во всеобщее свѣдѣніе. Произвольныя положенія тарифа, дѣлаемыя нѣкоторыми дорогами по частнымъ сдѣлкамъ, конечно, чтобы не въ ущербъ себѣ, указываютъ на возможность вообще пониженія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, не только къ общей выгодѣ, но и къ выгодѣ самихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ доказательство справедливости этого предположенія можно указать на слѣдующій примѣръ: Нѣсколько времени тому назадъ, правленіе общества юго-западныхъ дорогъ понизило тарифную плату за перевозку чернаго хлѣба по линіямъ отъ Елисаветграда до Одессы. Пониженіе это въ самое короткое время не замедлило дать самыя благоприятныя для дорогъ результаты («С.-Петербургскія Вѣдомости» № 169). На елисаветградскую дорогу тотчасъ отправлены были значительныя грузы хлѣба изъ района харьковско-николаевской желѣзной дороги, конечно, въ ущербъ этой послѣдней, удержавшей болѣе высокой тарифъ. Вообще пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа составляетъ жизненный вопросъ для нѣкоторыхъ отраслей отечественной промышленности, каковы, на примѣръ, хлѣбъ, соль, минеральное топливо, керосинъ и др. При громадномъ изобилии этихъ продуктовъ въ Россіи, вслѣдствіе несоразмѣрно высокой провозной платы по желѣзнымъ дорогамъ, они лишены возможности съ успѣхомъ конкурировать съ иностранными однородными продуктами. По отношенію къ хлѣбу это касается, по крайней мѣрѣ, только заграничныхъ рынковъ, но по отношенію къ остальнымъ изъ указанныхъ нами предметовъ, конкуренція эта невозможна для нихъ даже и въ Россіи. Такъ, на примѣръ, во время пребыванія министра финансовъ въ Нижнемъ Новгородѣ, во время ярмарки нынѣшняго года, представителями нашей нефтяной промышленности было заявлено ему, что, при существованіи въ настоящее вре-

мя въ Баку болѣе 200 заводовъ, нашимъ бакинскимъ веросинномъ можно было бы освѣтить не одну Россію, а всю Европу; а между тѣмъ, тамонніе заводчики не пользуются отъ него никакою выгодною и, вслѣдствіе вѣсомаго провознаго тарифа по желѣзнымъ дорогамъ, едва вырываютъ на покрытие расходовъ за провъ и за посуду.

Возвращаясь къ комисіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, прибавимъ въ заключеніе, что изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ ею желѣзнодорожныхъ линій, вполнѣ въ удовлетворительномъ видѣ найдена ею и вполнѣ пріятное впечатлѣніе произвела на членовъ комисіи только одна дорога, и къ сожалѣнію приходится сказать, что эта дорога не наша, не русская, а финляндская, ближайшій къ Петербургу участокъ которой былъ осмотрѣнъ петербургскою подкомисіею. Дешевизна постройки какъ самой дороги, такъ и всѣхъ принадлежащихъ ей сооружений, прочность, добротность и даже изящная простота всѣхъ этихъ сооружений и построекъ, особенно жилищъ, не исключая помѣщеній для рабочихъ и для нижнихъ чиновъ жандармской команды, господствующіе всюду чистота и порядокъ, прекрасные вагоны и обстановка буфетовъ даже для 3-го класса, умѣренность тарифа, почти полное отсутствіе всякихъ жалобъ и заявленій,—все это въ совокупности, такъ мало похожее на то, что постоянно видится и чувствуется на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, произвело на членовъ комисіи самое пріятное впечатлѣніе. Надо сказать, что все то, что подкомисія встрѣтила на ближайшемъ къ Петербургу участкѣ, почти въ той же степени существуетъ и на всѣхъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Вездѣ та же дешевизна постройки и эксплуатація, тотъ же порядокъ и чистота, и благодаря всему этому, достаточно удовлетворительная доходность дороги, не смотря на относительную умѣренность тарифа. Дешевизну постройки желѣзныхъ дорогъ въ Финляндіи и въ Швеціи стараются объяснить благопріятнымъ, якобы, качествомъ грунта, обиліемъ лѣса и камня и дешевизною рабочихъ рукъ. Допуская дѣйствительное существованіе этого условія, относительно грунта, по преимуществу каменистаго, нужно сказать, что если подобнаго рода грунтъ облегчаетъ на ровныхъ мѣстахъ проложеніе рельсовыхъ путей, то онъ же, въ мѣстахъ, гдѣ приходится дѣлать насыпи и выемки, представляетъ несравненно болѣе затрудненій, чѣмъ мягкіе грунты, и обусловливаетъ болѣе дорогія работы, а какъ Финляндія, такъ и Скандинавскій полуостровъ далеко не представляютъ равнины, а скорѣе мѣстность гористую, причемъ всѣ эти грунты состоятъ изъ твердыхъ каменистыхъ породъ. Къ этому надо прибавить, что, по крайней мѣрѣ, въ Финляндіи, при каменистомъ вообще грунтѣ, нерѣдко встрѣчаются болота, множество рѣчекъ и озеръ, которыя надо обходить. Все это, какъ извѣстно, не служитъ къ удешевленію по-

стройки желѣзныхъ дорогъ. Наконецъ и дешевизна рабочимъ рувъ не далеко ушла отъ существующихъ цѣнъ въ Россіи. Приходится, слѣдовательно, признать, что, помимо вышеупомянутыхъ условій, есть еще другія благопріятныя условія, присущія самимъ строителямъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ и наблюдающему за ними вѣдомству, и не оказывающіяся у насъ въ Россіи, благодаря которымъ финляндцы обладаютъ секретомъ строить желѣзныя дороги дешево и хорошо. У насъ, въ Россіи, много еще предстоитъ строить желѣзныхъ дорогъ, а денегъ у насъ такъ мало, что небезполезно было бы, по нашему скромному мнѣнію, если бы наши министерства финансовъ и путей сообщенія постарались бы какъ нибудь провѣдать этотъ финляндскій секретъ, хотя бы въ видахъ содѣйствія комисіи по сокращенію расходовъ.

Въ настоящее время, комисія для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла окончила свои развѣды, и въ полномъ составѣ своею собралась въ Москвѣ для общей сводки и соображенія всѣхъ собранныхъ ею матеріаловъ и составленія изъ нихъ общаго вывода. До сихъ поръ дѣятельность комисіи отличалась, не въ примѣръ нашимъ вообще всякаго рода комисіямъ, замѣчательною быстротою и энергією. Мы не сомнѣваемся, что и въ окончательной работѣ своей она не измѣнитъ этимъ качествамъ. Такъ-же быстро и энергично она приведетъ въ систематическій порядокъ собранные ею матеріалы, сдѣлаетъ общій выводъ, составитъ подробный докладъ, напечатаетъ нѣсколько томовъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи», или «Труды Высочайше учрежденной комисіи по изслѣдованію», и пр., и все это представитъ, куда слѣдуетъ... Но что-же за тѣмъ? Что-же далѣе?... Воже нашъ! сколько уже комисій прошли у насъ по этому пути, комисій по изслѣдованію самыхъ животрепещущихъ, самыхъ настоятельныхъ вопросовъ для государства и народа, каковы вопросы: податной, паспортной, тюремной, о положеніи хлѣбной торговли, сельскаго населенія, рабочаго люда и многіе, многіе другіе, не менѣе важные вопросы, разрѣшеніе которыхъ нетерпитъ, какъ многіе думаютъ, отлагательства. Очевидно однако, что эти многіе ошибаются, и что, за исключеніемъ вопроса о наградахъ, всѣ остальные наши, нетерпящіе отлагательства, вопросы, способны переносить всякое даже безсрочное отлагательство. Поживемъ—услышимъ; а не услышимъ, такъ все таки помянемъ добрымъ словомъ тѣхъ, которые честно, разумно и энергично отнеслись къ возложенной на нихъ работѣ, и сдѣлали все, что было въ ихъ власти, что они хотѣли и могли сдѣлать.

Воспитаніе молодого поколѣнія не должно ограничиваться однимъ его умственнымъ развитіемъ, но должно способствовать правильному развитію и росту всего организма. Въ нашемъ журналѣ уже была рѣчь объ этомъ въ статьѣ «о гимнастикѣ». Но рядомъ съ гимнастикой слѣдуетъ обращать вниманіе и на одежду дѣтей, необходимо не дозволить имъ слѣдовать такой модѣ, которая положительно вредна для здоровья и для правильнаго развитія дѣтей. Къ числу подобной дикой и безразсудной моды принадлежатъ и обувь съ высокими, такъ называемыми, французскими каблуками. Вредъ этой обуви очевиденъ. Отъ постоянной ходьбы на концахъ пальцевъ, имѣя упоръ лишь на половинѣ ноги, тѣло мѣняетъ свой нормальный центръ тяжести, хребетный столбъ изгибается, положеніе органовъ брюшной полости измѣняется, вмѣстѣлище плода опускается внизъ и удлиняется, разстраиваются менструаціи, шагъ, и безъ того короткій у женщинъ, укорачивается еще болѣе, походка напоминаетъ утиную, явлются многія болѣзни спины, нервные страданія и разныя, такъ называемыя, женскія болѣзни, однимъ словомъ, организмъ, поставленный въ неестественныя условія, изъ здороваго обращается въ вялый, дряблый, разрушающійся. Все это хорошо извѣстно нашимъ модницамъ, но о нихъ мы и не говоримъ. Развѣ можно убѣдить того, кто «не хочетъ» быть убѣжденнымъ; развѣ можно подѣйствовать на тѣхъ несчастныхъ, которыя выслушаютъ васъ, вполне согласятся съ справедливостью и основательностью вашихъ доводовъ и все-таки останутся при своемъ, и будутъ продолжать сознательно губить себя. Не о нихъ рѣчь! Пусть калѣчатъ себя за свое стадное свойство подражанія модѣ, пусть страдаютъ, если сами этого желаютъ! Но дѣти—дѣло другое! На нихъ можно дѣйствовать иначе, имъ еще можно запретить носить подобную обувь, и обратить на это вниманіе должны, конечно, прежде всего родители; а если родители до того преступно-безумны, что даже сами поощряютъ въ своихъ дѣтяхъ стремленіе къ подобной модѣ, то противъ этого должны возстать педагоги, т. е. всѣ, имѣющіе къ тому возможность и власть. Вѣдь на подростящую дѣвочку подобная обувь дѣйствуетъ еще губительнѣе. Отъ нея совершенно измѣняется положеніе и самое развитіе вмѣстѣлища плода, что потомъ отразится страшными страданіями при рожденіи дѣтей; эта обувь имѣетъ губительное вліяніе и на извѣстные женскіе процессы, въ особенности во время такъ называемаго «формированія» женщины; она дѣйствуетъ вредно и на развитіе таза. И неужели-же все это пустяки, мелочь, на которую педагогу не подобаетъ обращать вниманіе? Нѣтъ! Если мы, къ сожалѣнію, безсильны убѣдить взрослыхъ, то, по крайней мѣрѣ, не дадимъ имъ калѣчить дѣтей, и если не въ предѣлахъ домашняго очага, то, по крайней мѣрѣ, въ стѣнахъ школъ запретимъ имъ ка-

лѣчить себя, портить себѣ жизнь, разрушая самое драгоценное благо—здоровье!

Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили мудрое распоряженіе попечительнаго совѣта николаевскихъ женскихъ гимназій и прогимназій, который постановилъ: «воспретить воспитанницамъ ношеніе обуви съ высокими каблуками, такъ какъ это весьма вредно вліяетъ на здоровье и правильный ростъ дѣтей». Подобное постановленіе слѣдовало сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Когда же, наконецъ, наше министерство народнаго просвѣщенія, IV отдѣленіе Собственной Его Величества канцелярія, духовное вѣдомство и разныя другія вѣдомства, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ женскія учебныя заведенія, обратятъ вообще вниманіе на этотъ вопросъ, на самый существенный, основной вопросъ развитія—на вопросъ о здоровьѣ? И безъ того современныя поколѣнія становятся все болѣе мизерными и слабыми въ физическомъ отношеніи. Какимъ-же поколѣніемъ подарите вы міръ, отъ этихъ разслабленныхъ отцовъ и отъ этихъ модницъ-матерей, съ недоразвитымъ тазомъ, съ измѣненнымъ, хронически раздраженнымъ вмѣстилищемъ плода, съ жалкою грудью безъ молока, съ вставными зубами, худосочныхъ, лимфатическихъ, вѣчно больныхъ, вѣчно нервныхъ, вѣчно капризныхъ, не могущихъ пользоваться благами жизни, набитыхъ отрывками познаній, но и снабженныхъ въ изобиліи зачатками всевозможныхъ хроническихъ болѣзней, которыя онѣ, наследственно, передадутъ слѣдующимъ поколѣніямъ? Или вы хотите обратить міръ въ одну общую больницу для неизлѣчимыхъ? Подумайте!

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатанъ слѣдующій новый законъ: «Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи губернаторамъ особыхъ правъ при замѣщеніи постоянныхъ должностей по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, полагалъ постановить, въ видѣ временной мѣры, что дѣйствіе ст. 511 т. II ч. I свод. зак. изд. 1876 года, распространяется на земскія и городскія учрежденія при замѣщеніи ими тѣхъ изъ постоянныхъ по симъ учрежденіямъ должностей, утвержденіе въ коихъ не поставлено дѣйствующимъ закономъ въ прямую зависимость отъ губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы, независимо отъ сего, по требованію губернатора, были немедленно удаляемы отъ должностей по упомянутымъ учрежденіямъ всѣ тѣ лица, которыя признаны будутъ неблагонадежными, въ силу власти его, губернатора, опредѣленной ст. 494 тѣхъ же тома и части.

Кн. X.—Октябрь, 1879.

Государь Императоръ, 19-го августа сего года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

Законъ этотъ даетъ губернаторамъ страшную власть. Они могутъ требовать немедленнаго удаленія всѣхъ лицъ по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, которыя признаны ими неблагонадежными. Къ сожалѣнію, понятіе о неблагонадежности такъ растяжимо, что его нельзя ограничить ясно опредѣленными словами закона. Оно зависитъ отъ личнаго убѣжденія, отъ личнаго взгляда, отъ многихъ случайныхъ причинъ. *Ergate humanum est.* Но самый законъ, какъ бы онъ ни былъ строгъ, всегда долженъ ограждать личность отъ подобныхъ вольныхъ и невольныхъ ошибокъ. Наказывая дѣйствительно виновныхъ, онъ долженъ ограждать всѣхъ остальныхъ гражданъ; онъ долженъ каждому дать возможность доказать свою правоту, если это возможно. Вынужденный иногда обстоятельствами давать администраціи извѣстныя полномочія, онъ долженъ устроить и правильный, строгій контроль надъ дѣйствіями этой администраціи; онъ долженъ строго охранять государственную необходимость отъ всякаго посползованія обратить ее въ орудіе произвола и свойственныхъ человѣку страстей. У насъ подобнымъ блюстителемъ и контролеромъ является правительствующій сенатъ. Отъ него будетъ зависѣть и дальнѣйшее толкованіе этого закона, и опредѣленіе слова «благондежность» въ юридическомъ смыслѣ. Отъ него же ожидаемъ мы и защиты гражданъ въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда отъ вольной или невольной ошибки, излишняго усердія, или увлеченія губернатора пострадаетъ невинный, сдѣлавшійся жертвою не закона, а личныхъ страстей. Подождемъ фактовъ. Еще недавно правительствующій сенатъ указалъ одному губернатору на превышеніе имъ дарованныхъ ему полномочій; мы увѣрены, что правительствующій сенатъ явится охранителемъ основныхъ правъ человѣка и во всѣхъ случаяхъ неправильнаго примѣненія губернаторами дарованныхъ имъ правъ. Конечно, въ этомъ случаѣ, точное юридическое разграниченіе гораздо затруднительнѣе, но тѣмъ почетнѣе, тѣмъ благодарнѣе будетъ его государственная, коллегіальная, стоящая выше личныхъ страстей, роль.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РОССІЯ И ГЕРМАНІЯ.

Въ августѣ мѣсяцѣ вдругъ загорѣлась чернильная война, завязалась горячая полемика между нѣмецкими и русскими газетами. Статьи, отвѣты, возраженія и опроверженія становились всѣ рѣзче и рѣзче, начинали сводить былые счеты, подводили итоги расплаты и т. п. Поддаваясь вліянію ежедневной прессы и читающая публика невольно начинала увлекаться этою борьбою и принимать участіе въ этомъ спорѣ двухъ канцлеровъ, олицетворявшихъ собою двѣ народности. Но появилось извѣстное всѣмъ правительственное сообщеніе по поводу этой полемики, затѣмъ миссія Майтейфеля, наконецъ, свиданіе Монарховъ въ Александровѣ—и полемика какъ то вдругъ оборвалась; нѣмецкія газеты прекратили начатое ими препирательство, и въ публикѣ осталось лишь одно недоумѣніе по поводу этой мимолетной борьбы, неразрѣшенный вопросъ: изъ за чего все это? кому понадобилось подобное разжиганіе страстей, подобный опасный, если существуютъ причины, и глупый, если ихъ нѣтъ, способъ?

А причины были или, по крайней мѣрѣ, должны были быть, такъ какъ извѣстно, что починъ въ этой полемикѣ принадлежитъ Бисмарку; извѣстно также, что эта личность никогда ничего не возбуждаетъ безъ причины и всегда пользуется прессою для достиженія задуманныхъ имъ цѣлей или, по крайней мѣрѣ, для пробы, на сколько настроеніе массы отвѣчаетъ его планамъ.

Очевидно, что Бисмарку нужно было возбудить общественное мнѣніе Германіи противъ Россіи, т. е. собственно не возбуждать его, такъ какъ оно вообще и всегда относится недружелюбно къ Россіи, а разжечь его, довести дѣло до такихъ размѣровъ, чтобы повліять

черезъ это на того, который, при всей своей дружбѣ къ Монарху сосѣдней страны, всетаки можетъ быть не пожертвуетъ ею для насущныхъ интересовъ своей страны. Припомнимъ судьбу ганноверскаго короля, этого слѣпаго старца, стариннаго друга прускаго короля Вильгельма IV, котораго не задумался однако, для великой цѣли объединенія, изгнать и лишить царства германскій императоръ Вильгельмъ I.

Но расчеты Бисмарка оказались обманчивыми. И на этотъ разъ, какъ было и прежде, выдвинулась единственная, грозная для Бисмарка, какъ тѣнь Банко для Макбета, фигура Мантейфеля, посланнаго въ Варшаву, помимо воли и даже, какъ говорятъ, безъ вѣдома желѣзнаго канцлера. Но и этого было мало. Состоялось свиданіе Монарховъ въ Александровѣ, наглядно убѣдившее всѣхъ въ тѣсной дружбѣ обоихъ государей и въ несуществованіи даже черныхъ точекъ въ отношеніяхъ двухъ величайшихъ государствъ Европы.

Да, эта дружба сильна и неразрывна! Она на столько глубока, что, по нашему мнѣнію, при жизни обоихъ державныхъ друзей, невозможно, даже немислима война между Россією и Германією. Какъ бы ни были разнорѣчны интересы обѣихъ государствъ по какому либо вопросу, они всегда будутъ разрѣшены личнымъ свиданіемъ или собственноручными письмами, и ни у одного изъ монарховъ не поднимется рука подписать извѣщеніе другаго о разрывѣ, о войнѣ. И эта дружба приноситъ много пользы. Она избавляетъ міръ отъ страшной войны, которая послужила бы началомъ всеобщаго европейскаго побоища, этой страшной катастрофы, стоившей бы міру сотней тысячъ жизней, всеобщаго разоренія и многолѣтняго застоя, который всегда является послѣдствіемъ подобныхъ побоищъ.

Но эта дружба личная, случайная. Она покоится на личныхъ свойствахъ монарховъ, на ихъ родственныхъ связяхъ, на ихъ прошедшемъ. Но она не имѣетъ корней въ народѣ, она не имѣетъ будущности. Для наслѣдниковъ обоихъ престоловъ тѣсная дружба ихъ отцовъ будетъ, конечно, служить предметомъ благоговѣйнаго воспоминанія, но она не явится мѣриломъ ихъ политики, ихъ взглядовъ, ихъ личныхъ симпатій. Посмотримъ же, насколько отвѣчаетъ этой личной дружбѣ симпатія обоихъ народовъ, которая слагается на иныхъ основаніяхъ, не зависятъ отъ жизни одного лица и длится до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся породившія ея причины.

Русскій народъ долго не зналъ иностранцевъ. Прежде всего столкнулись съ ними Новгородцы, отъ которыхъ и пошло свѣдѣніе объ иностранныхъ государствахъ, какъ о «заморской странѣ». Затѣмъ, при царяхъ Иванахъ, при Борисѣ и вплоть до Петра Великаго, иностранцы, хотя и допускались въ Московію въ качествѣ купцовъ (гостей),

но жили почти постоянно въ Москвѣ и весьма рѣдко посѣщали остальные грады и всѣ московскаго государства, кромѣ его сѣверо-западныхъ окраинъ. Командовали они при Алексѣѣ Михайловичѣ и нѣкоторыми рейтарскими полками, но собственно народъ зналъ ихъ мало. Въ Москвѣ же всѣхъ иностранцевъ окрестили однимъ общимъ названіемъ нѣмцевъ, большинство которыхъ и населяло извѣстную нѣмецкую слободу въ Москвѣ «Кокуй».

Петръ Великій впустилъ въ Россію массу иностранцевъ, но и онъ больше держалъ ихъ при себѣ, въ своемъ Петербургѣ, который русскій народъ долгое время считалъ чужимъ, чухонскимъ городомъ, признавая своею столицею, своимъ стольнымъ городомъ лишь одну Москву, игравшую столь видную и почетную роль въ исторіи русской земли. Съ основаніемъ Петербурга туда переехали изъ Москвы даже и тѣ «нѣмцы», которые до Петра жили въ Москвѣ. Собственно съ народомъ, съ деревнею, иностранцы при Петрѣ прикасались мало. Старинный вотчинный порядокъ, измѣнившійся въ ерѣпостной — помѣщичій, оставлялъ власть надъ крестьянами въ рукахъ русскихъ людей.

Первое иностранное имя, которое пронеслось грозою по всей русской землѣ, было имя нѣмца Бирона, долго истязавшаго не только столичную и городскую, но и сельскую Русь. Его именемъ, именемъ бироновщины, народъ окрестилъ эту мрачную эпоху прошлаго столѣтія, и съ тѣхъ поръ впервые заронила въ народномъ сознаніи ненависть къ нѣмцамъ, какъ къ пришельцамъ—истязателямъ народа, ради личной наживы. Царствованіе Елисаветы, а затѣмъ Екатерины II сгладило эту ненависть; новыя поколѣнія забыли ужасы бироновщины; но тогда появилась новая бѣда, независѣвшая уже отъ одной личности, а появившаяся въ видѣ массы мелкихъ тирановъ, расплодившихся и плодившихся на русской землѣ. Съ дарованіемъ льготной грамоты дворянству, съ освобожденіемъ его отъ обязательной вѣчной службы государству, оно начало понемногу селиться въ своихъ имѣніяхъ и заниматься хозяйствомъ. Побывавъ заграницею во время военныхъ походовъ или во время частныхъ поѣздокъ, знатное дворянство, владѣвшее значительными имѣніями, понемногу начинало вводить у себя европейскую систему хозяйства, для чего, не довѣряя своимъ прикащикамъ, посылало въ имѣнія управляющими иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ и, главнымъ образомъ, остзейцевъ, охотно принимавшихъ на себя эту обязанность, съ которою остзейцы и понинѣ еще связываютъ идею о своемъ культуртрегерствѣ. Впрочемъ, при Екатеринѣ II, число этихъ управляющихъ было не особенно велико, и они, будучи подначальными людьми прежнихъ вельможъ

еще побаивались проявлять свои хищническія наклонности къ живѣ и къ истязанію крестьянъ.

Послѣ 1812-го года въ Россіи осталось много иностранцевъ, преимущественно французовъ. Но весь этотъ сбродъ размѣстился главнымъ образомъ въ качествѣ воспитателей юношества, конюховъ, музыкантовъ, лекарей, учителей музыки и танцованія и т. п. Въ управляющіе имѣніями французы почти не шли, да ихъ и не брали, потому что вообще не считали къ тому способными. Этотъ сбродъ хотя и испортилъ не малое количество подроставшаго поколѣнія, но въ народѣ не заслужилъ къ себѣ ненависти. Народъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на шутовъ прежняго времени, но не поминалъ ихъ лихою. Напротивъ, воспитанные въ большинствѣ на преданіяхъ великой революціи, на принципѣ уваженія къ личности, французы, въ большинствѣ, возмущались звѣрскими проявленіями жестокости со стороны помѣщиковъ, и своимъ заступничествомъ или даже просто откровеннымъ выраженіемъ презрѣнія не разъ останавливали расхаживающую руку или жестокосердый гнѣвъ рабовладѣльца.

Послѣ 12-го года и въ особенности въ началѣ царствованія Императора Николая наплывъ управляющихъ изъ нѣмцевъ весьма усилился. Забирая въ свои руки имѣнія, они дѣйствительно значительно увеличивали доходъ, чѣмъ невольно увлекали и другихъ помѣщиковъ приглашать такихъ же управляющихъ и въ свои имѣнія. Къ тому же легкая возможность приобрѣтать дворянство, посредствомъ коронной службы, способствовала тому, что подобныя управляющіе, наживъ себѣ порядочный капиталецъ, легко получали дворянское достоинство (многіе изъ нихъ запасались дипломами еще на родинѣ и, покупая населенныя имѣнія, дѣлались сами помѣщиками, владѣльцами крестьянъ. Вотъ эти-то нѣмцы, какъ управляющіе, такъ и и сдѣлавшіеся изъ нихъ впоследствии помѣщики, являлись по преимуществу безопасными и неумолимыми истязателями и разорителями крестьянъ. Извѣстно всѣмъ, съ какою педантическою, хладнокровно обдуманною жестокостію обращались они съ чуждыми имъ по крови и по народности крестьянами, съ какою изумительною безчеловѣчностью требовали они отъ крестьянъ непосильной, губительной работы. Они дѣйствительно смотрѣли на крестьянъ, какъ на рабочей скотъ, не признавая въ немъ ничего, кромѣ рабочей силы; «ежовыя рукавицы» стали излюбленною фразою всякаго подобнаго нѣмца. Однимъ словомъ, они къ своимъ крестьянамъ относились такъ же, какъ относились и относятся еще многіе изъ нашихъ острѣйшихъ культуртрегеровъ къ своимъ крестьянамъ, эстамъ, латышамъ и литовцамъ.

Подобною же особенною, выходящею изъ ряда, систематичною

жестокостью отличались и командиры въ войскахъ, безопасно калѣчившіе и забивавшіе массу безотвѣтныхъ русскихъ солдатъ. Къ своей изобрѣтательности по части мученій и истязаній, они постоянно присоединяли то немилѣрное высокомеріе, то подавляющее презрѣніе, съ которыми они всегда относились къ солдату, давая ему понять, что онъ—парія, существо низшаго сорта, созданный иначе, чѣмъ они, эти высокопородные господа. Нелишнимъ будетъ припомнить, что еще понынь нѣмецъ-помѣщикъ, обращающійся къ своимъ крестьянамъ-работникамъ или въ своей дворцѣ, не говоритъ имъ ни «ты», ни «вы», а «онъ»—«егъ», что такъ поражаетъ всякаго, впервые слышащаго подобный страшный оборотъ рѣчи.

Тогда то окончательно составилось и окрѣпло въ народномъ сознаніи то недружелюбное, даже дышащее ненавистью отношеніе русскаго крестьянина къ нѣмцу, которое онъ сохранилъ и понынь.

Что сердце русскаго человѣка не лежитъ къ нѣмцу, это фактъ, который признается всѣми нами; а что всякій нѣмецкій человѣкъ, въ свою очередь, искренно, отъ души, ненавидитъ русскаго и Россію—это тоже фактъ, который постоянно проповѣдуютъ сами нѣмцы, когда это имъ нужно, и который они чувствуютъ всегда.

Эти отношенія двухъ сосѣднихъ народовъ очень хорошо извѣстны и Бисмарку, который, надо отдать ему справедливость, никогда не тѣнился иллюзіями, а всегда смотрѣлъ дѣйствительности прямо въ глаза. И вотъ теперь, когда ему понадобилось разгнать эти отношенія, онъ, въ своихъ офиціозныхъ органахъ, настроилъ камертонъ на этотъ ладъ, и по этому камертону усердно залаяла вся германская пресса, съ тѣмъ влорадствомъ, съ какимъ она всегда относится къ Россіи.

Бисмаркъ хорошо сознаетъ важное значеніе прессы въ наше время, но онъ хорошо знаетъ и ея подлунность. Учредитель reptilienfond'a доказалъ этимъ названіемъ, какъ онъ смотритъ на прессу, какимъ путемъ можно овладѣть ею и заставить ея плясать по своей дудѣ.

На дикія выходки нѣмецкихъ газетъ откликнулась и русская пресса. Но между ними есть одна существенная разница, которая, вѣроятно, не совсѣмъ хорошо извѣстна Бисмарку, а если и извѣстна, то должна ему сильно не нравиться.

Наша пресса неподкупна!

Да! Не мало лежитъ на ней увлеченій, ошибокъ и даже грѣховъ, во многомъ виновата она вольными и невольными прегрѣшеніями, но она неподкупна, и за это одно можно многое, если даже не все извинить ей. Ее можно славить, даже совсѣмъ задавить, ее можно заставить замолчать, но купить ее нельзя. Заставить ее не только проповѣдывать, но поддерживать и даже только проходить молчаніемъ

то, что вредно государственнымъ или народнымъ интересамъ, не въ силахъ никакая щедрость корыстныхъ началъ. Бисмаркъ сдѣлалъ первую попытку въ этомъ родѣ еще давно, но онъ получилъ изъ Москвы отвѣтъ, послѣ котораго уже не возобновлялъ своихъ стараний. Русскаго органа, который служилъ бы интересамъ Германіи, онъ въ то время не нашелъ въ русской прессѣ; надѣмся, что онъ не найдетъ ихъ и нынѣ.

И наша пресса дружно отвѣтила на нападки, на клеветы, на брань. И надо отдать ей справедливость — она отвѣчала съ достоинствомъ, съ сохраненіемъ приличія, составлявшими рѣзкій контрастъ съ рыбною бранью нѣмецкихъ газетъ, издававшихъ грязь въ нашего канцлера и въ то же время требовавшихъ строгихъ мѣръ противъ нашей печати, доказывавшихъ необходимость обуздать ее, наложить на нее кару, въ угоду желѣзному канцлеру, возбуждавшему эту полемику.

Но дружба къ германскому императору не есть въ то же время и побижка его канцлеру. Въ настоящемъ случаѣ обещались безъ него. Онъ остался въ сторонѣ. Ему дали хорошій урокъ. Послужить ли онъ ему на пользу? Сомнѣваемся!

У всякаго человѣка есть свои слабости, есть они и у Бисмарка и самую странную, и въ то же время самую мелочную изъ нихъ—это его болѣзненное самолюбіе. Всякое нападеніе на него, всякій будавочный уколъ, отражаются весьма сильно и глубоко въ сердцѣ этого желѣзнаго человѣка. Онъ не оставляетъ безъ отмщенія ничего, что касается его личности, какъ политическаго дѣятеля, и преслѣдуетъ судомъ всякій намекъ на его личность. Онъ удивительно чутокъ къ печатному слову, хотя самъ, безъ всякаго стѣсненія, пользуется имъ для своихъ цѣлей. Вообще, по нашему мнѣнію, онъ въ настоящее время вредный человѣкъ не только для Европы, но и для своей страны. Онъ былъ необходимъ въ то время, когда нужна была рѣшимость, когда необходимо было воспользоваться удобнымъ случаемъ и рискнуть,—предварительно подготовивъ почву. И онъ упорно пошелъ къ своей цѣли, онъ подготовилъ все, сумѣлъ вдохнуть рѣшимость—и выигралъ. Онъ далъ достаточно сильный толчокъ распатанному заданію, чтобы повалить его и разрушить; но онъ не въ силахъ создать новое, у него все выходитъ или казарма, или тюрьма, или и то и другое вмѣстѣ. Человѣкъ крови и желѣза, онъ не годится для мирнаго труда, для спокойной, плодотворной дѣятельности цивилизаціи и культуры. Онъ слишкомъ подавляетъ всякую дѣятельность своей личностью, своими заслугами, своимъ прошлымъ. Въ конституціонномъ государствѣ, какова Прусія, или въ конгломератѣ государствъ, какова Германія, для правильнаго мирнаго развитія страны и государственной дѣятельности необходимо существованіе двухъ партій,

изъ которыхъ каждая, оспаривая у другой власть, зорко слѣдила бы за всѣми ея дѣйствіями и не оставляла бы безъ вниманія ея промаховъ и ошибокъ.

Для государственныхъ дѣателей, каковы министры, необходимо отъ нихъ, новой, во время котораго они принаотривались бы къ дѣятельности замѣнщика ихъ соперниковъ—со стороны, относились бы къ нимъ критически, контролировали бы ихъ съ общественной, а не съ одной личной точки зрѣнія. Подобное отношеніе во время перерыва государственной дѣятельности, во время состоянія «не у дѣла», обновляетъ силы и даетъ оппозиціи возможность, во время призванія ея къ дѣламъ правленія, позвѣрить себя и изъ критики дѣйствій своихъ противниковъ принять къ свѣдѣнію многое, что касается и ихъ самихъ, и ихъ дѣятельности.

Ничего подобнаго не существуетъ въ настоящее время въ Пруссіи и въ Германіи. Долгіе годы безсмѣнно царить надъ нею Бисмаркъ, и нѣтъ ему соперника, и нѣтъ человѣка, который имѣлъ бы шансъ замѣнить Бисмарка ранѣе его смерти. Такимъ образомъ личность безусловно воцарилась надъ конституціоннымъ принципомъ и, конечно, во вредъ послѣднему. Уважая въ Бисмаркѣ его несомнѣнныя заслуги отечеству, оппозиція во многомъ снисходитъ ему, во многомъ покоряется его капризамъ, которые, со старостью, замѣтно развелись въ немъ, и падить его нервы, давно уже болѣзненно разстроенныя пережитою имъ эпохою борьбы, риска и напряженной, усиленной дѣятельности. Къ тому же, вслѣдствіе невозможности захватить власть въ свои руки, сама оппозиція, съ теченіемъ времени, распалась на нѣсколько партій и обращаетъ свое вниманіе лишь на то, чтобы путемъ компромиса, получить хотя какое-нибудь влияніе на управление дѣлами государства, подъ руководствомъ того же безсмѣннаго Бисмарка, мѣняющаго свое благоволеніе къ партіямъ, сообразно той выгодѣ, которую онъ отъ нихъ надѣется получить. Съ своей стороны, авторъ теоріи „крови и желѣза“ весьма слабъ въ познаніи политико-экономическихъ законовъ и вообще не изобилуетъ данными, необходимыми для правельнаго развитія благосостоянія страны. Ревниво охраняя свое самодержавіе, онъ не даетъ свободы дѣятельности своимъ коллегамъ и хочетъ поставить по своему, хотя горькій опытъ разоренія Франціи посредствомъ баснословной контрибуціи, наглядно доказавъ ему весь вредъ, принесенный имъ этою мѣрою своей же излюбленной Германіи. Его новыя таможенныя законы снова, конечно, подтверждаютъ, что человѣкъ „крови и желѣза“ не въ силахъ въ то же время сдѣлаться и руководителемъ мирнаго, торговаго развитія страны, что онъ пережилъ свой предѣлъ, и что его дальнѣйшее пребываніе во главѣ управленія только приноситъ вредъ Германіи и держитъ какъ ее, такъ

и всю Европу въ состояніи напряженія, препятствующаго ея мирному культурному развитію.

Что пѣсня Бисмарка по отношенію къ Франціи еще не слѣдуетъ, что онъ все еще ждетъ не дождется вновь накинуться на своего врага и снова, но уже гораздо чувствительнѣе, поразить его, — это извѣстно всѣмъ. Былъ моментъ, который показался ему благоприятнымъ, когда онъ уже начиналъ по своему обыкновенію разжигать общественное мнѣніе, чтобы взволновать его и подготовить къ войнѣ; но ему помѣшали, и помѣшала вѣсто иной, какъ налгъ маститый канцлеръ.

Подробности этого эпизода еще неизвѣстны намъ и вѣроятно будутъ извѣстны не скоро, но что онъ существовалъ, что зоркій глазъ Горчакова во-время обратилъ вниманіе на самую суть дѣла и воспрепятствовалъ ея осуществленію, — это ясно было замѣтно и изъ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыя доннѣ проникли въ печать.

Вотъ истинная причина той ненависти, которую питаетъ Бисмаркъ къ нашему канцлеру, которую онъ далъ почувствовать ему на берлинскомъ конгрессѣ и которую онъ такъ грубо и безтактно обнаружилъ въ своемъ разговорѣ съ корреспондентомъ „Times“ Вловицемъ. Хотя онъ потомъ и отрегся печатно отъ этого разговора, но прусскій орденъ, которымъ заплатили Вловицу за это отреченіе, ясно доказалъ, что разоблаченія Вловица не были выдумкою, а были фактомъ, только не достигшимъ своей цѣли. Бисмаркъ надѣялся поселить въ русскомъ общественномъ мнѣніи неудовольствіе противъ нашего канцлера, благодаря которому Россія будто-бы не получила должной поддержки со стороны Германіи на берлинскомъ конгрессѣ. Бисмаркъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы подготовить паденіе нашего канцлера, стоявшаго у него какъ бѣльмо на глазу; но его планъ не удался. Князь Горчаковъ и понинѣ остается канцлеромъ, и его традиціи, его взгляды продолжаютъ сохраняться въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и его политикой руководствуются тѣ, которые исправляютъ его должность за время его отсутствія.

Когда же нашъ канцлеръ, испытавшій подобное отношеніе къ себѣ со стороны Бисмарка, во время своего проѣзда черезъ Берлинъ, далъ почувствовать Бисмарку его выходку и не явился въ берлинскую Канюсу на поклоненіе желѣзному палѣ, то Бисмаркъ снова обручился на нашего канцлера и вачѣлъ ту безшабашную перебранку въ печати, о которой мы упомянули въ началѣ нашей хроники.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Бисмарку помѣшали осуществить задуманный имъ планъ; а желѣзный канцлеръ не такой человекъ, чтобы бросить разъ задуманное и рѣшенное имъ въ своемъ мѣсту дѣло; онъ, конечно, вынужденъ былъ отсрочить его, но только

отсрочить—не болѣе. Отказаться совсѣмъ отъ этой идеи, умереть, оставляя Францію богатой и сильной, будетъ для Бисмарка отравкою всей его жизни, будетъ тяжкимъ кошмаромъ, который отравитъ его послѣднія минуты.

Французскій реваншъ исчезъ на время изъ области политики, но онъ горитъ неугасимымъ огнемъ въ сердцѣ каждаго патріота-француза и при мало-мальски сносныхъ условіяхъ выплыветъ наружу и овладѣетъ всею націею до мозга костей. Возбужденіе этого вопроса, а отчасти и его разрѣшеніе, находятся въ рукахъ Россіи, и потому ослабить ее, заставить ее нуждаться въ дружбѣ и поддержкѣ Германіи составляетъ, конечно, завѣтную мечту Бисмарка, чему его дѣйствія въ послѣднее время служатъ лучшимъ доказательствомъ. Кто знаетъ, можетъ быть, въ рѣшительную минуту, онъ не задумается вовлечь Россію въ кровавую борьбу съ Австро-Венгеріею за преобладаніе на юго-востокѣ Европы и даже, въ крайнемъ случаѣ, рѣшится выдать намъ Австрію головою, лишь бы, воспользуясь этимъ, броситься на Францію поскорѣе, пока она еще слаба, пока еще въ ней не возбудились традиціи иныхъ временъ.

Этотъ маневръ Бисмаркъ уже началъ приводить въ исполненіе. Его поѣздка въ Вѣну смутила многихъ. Офиціозный органъ Бисмарка объясняетъ эту поѣздку желаніемъ положить предѣлъ развитію «наиславизма, бросающаго заигрывающіе взоры на Сѣну». Газета хотя и подтверждаетъ, что между правительствами Россіи, Германіи и Австро-Венгеріи не существуетъ въ настоящее время разногласія, но намекаетъ на такіа «общественныя движенія», которыя могутъ увлечь кого-то „помимо миролюбивыхъ желаній правительствъ“, противъ чего и необходимо германско-австрійское соглашеніе.

Бисмаркъ упорно и энергично толкаетъ Австро-Венгерію на югъ; ему очевидно необходимо поставить ее съ Турціею лицомъ къ лицу, довести ихъ до послѣдней борьбы, а затѣмъ? а затѣмъ раскрыть свою игру, показать свои козыри и достигнуть своей цѣли, хотя бы путемъ всеобщей войны.

Да! Между русскимъ и нѣмецкимъ народомъ нѣтъ и никогда не было симпатій. Нѣтъ ея и между интеллигентными классами, которые въ Россіи, въ большинствѣ, въ силу многихъ причинъ, симпатизируютъ французамъ. Не существуетъ ея и между арміями обѣихъ государствъ. Всѣ эти обмѣны военной вѣжливости, депутаціи, отзвы сочувствія и возгласы о взаимномъ уваженіи, все это ограничивается весьма тѣснымъ кружкомъ избранныхъ отъ нѣсколькихъ шефскихъ полковъ; но оно не проникаетъ въ массу войска, да и не можетъ проникнуть, вслѣдствіе кореннаго различія во взглядахъ, обычаяхъ и

правахъ обѣихъ армій. Отношенія офицеровъ между собою, къ нижнимъ чинамъ и къ прочимъ сословіямъ, ихъ полковая жизнь, самое ихъ воспитаніе—на столько рѣзко противорѣчивы, что не въ силахъ создать между арміями даже той мимолетной симпатіи, которую обнаруживали наши войска во время крымской кампаніи къ своимъ врагамъ—французамъ и которую они тогда же вовсе не имѣли къ англичанамъ. Да и боевыя традиціи не представляютъ данныхъ для подобной симпатіи. Наша армія никогда не шла рука объ руку съ нѣмецкими арміями. Во время наполеоновскихъ кампаній мы хотя и считались союзниками нѣмцевъ, но, въ сущности, какъ хорошо извѣстно, даже во время войны гораздо болѣе сходились съ французами, нежели съ этими союзниками, которымъ мы своими руками возвратили независимость, но которые тогда же, при дѣлежѣ добычи, едва не сдѣлались нашими врагами.

Кто знаетъ нашего солдата и знакомъ съ бытомъ пруско-нѣмецкаго воинства, тому ясно, что между ними нѣтъ, да и не можетъ быть ничего общаго, чтобы поддерживало и сближало ихъ взаимныя сношенія, чтобы создавало дѣйствительныя, а не парадныя симпатіи.

И такъ, единственною прочною связью между Россією и Германією является державная дружба обонхъ монарховъ, которая благодѣтельна уже потому, что служитъ гарантією противъ величайшаго бѣдствія человечества—всеобщей войны въ Европѣ. Но монархи смертны. Несомнѣнно, что и послѣ нихъ для Россіи долго еще не представится печальной необходимости объявить Германіи войну. Но гарантирована ли въ свою очередь Россія отъ подобнаго же шага со стороны Германіи? Сомнительно. А кто хочетъ мира, тотъ долженъ быть готовъ къ войнѣ, говоритъ мудрая пословица. Этого и не забываетъ наша сосѣдка. Рядомъ сильныхъ крѣпостей окружила она свою восточную границу; сѣти ея желѣзныхъ дорогъ направлены на наши стратегическія пункты и послужатъ средствомъ для быстрого сосредоточенія мощныхъ боевыхъ силъ на нашей границѣ; въ кабинетѣ Мольте давно уже покоится планъ оборонительной и наступательной войны противъ Россіи; нѣмецкіе культуртрегеры постоянно твердятъ о прекрасныхъ остзейскихъ провинціяхъ, какъ объ исконномъ достояніи и передовомъ постѣ общаго германскаго отечества; а у насъ?... у насъ пока—скатертью дорога, и надежда на мощь русскаго солдата и русскаго народа, скоронившаго на своей землѣ многое множество зарвавшихся къ намъ враговъ. Сильна наша мощь, безгранична наша любовь къ родинѣ, но не все же намъ сжигать наши жилища и уходить въ глубь нашей необъятной страны. Пора намъ создать грозный оплотъ на нашей границѣ, пора намъ послѣдовать примѣру нашего же сосѣда и защищаться отъ нападенія,

внося войну не въ свою, а во вражескую землю. Бережениаго и Богъ бережетъ!

Въ заключеніе настоящей хроники приводимъ появившуюся въ газетѣ «Фигаро» статью «Германія и Франція въ 1875 году, дипломатическій эпизодъ», авторъ которой Эрнестъ Доде, братъ знаменитаго романиста, находится въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ герцогу Деказу, бывшему въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца 1875 года, такъ начинается г. Эрнестъ Доде свой рассказъ,—графъ Мюнстеръ, германскій посоль въ Лондонѣ, встрѣтивъ случайно тамошняго представителя Франціи, графа Жарнака, сказалъ ему: «У имперскаго канцлера страхъ какъ разстроены нервы. Ему необходимъ покой, и я надѣюсь, что онъ отправится въ отпускъ на полгода». Почему же нервы князя Бисмарка были такъ разстроены? Въ этомъ виновата была начатая имъ культурная борьба. Въ Бельгіи происходили демонстраціи въ пользу преслѣдуемыхъ имъ католическихъ епископовъ и нѣкто Дюшенъ написалъ, въ пьяномъ видѣ, письмо къ парижскому архіепископу, предлагая ему убить князя Бисмарка; въ Италиі папа громилъ своими буллами и энцикликами современнаго Діоклетіана. Все это до крайности раздражило канцлера, и онъ, недолго думая, обращается къ Бельгіи и Италиі съ нотами, требуя отъ первой, чтобы она зажала ротъ клерикаламъ, а отъ послѣдней, чтобы она отмѣнила законъ о гарантіяхъ и обращалась отнынѣ съ папою, какъ съ простымъ епископомъ. Бельгія затянула переговоры, Италия отвѣчала, что она не считаетъ себя отвѣтственною за рѣчи папы и вовсе не склонна отмѣнить законъ о гарантіяхъ. Такое сопротивленіе со стороны Бельгіи и Италиі желаніямъ германскаго канцлера вызвало въ Германіи предположеніе, что оба государства дѣйствуютъ по наущеніямъ парижскаго кабинета.

Предположеніе это приняло характеръ почти несомнѣннаго факта, когда стало извѣстно, что версальское собраніе вотировало законъ о кадрахъ французской арміи, въ силу котораго, между прочимъ, всѣ пѣхотные полки приводились изъ трехбаталіоннаго состава въ четырехбаталіонный, а также, что французское правительство покупало лошадей для ремонта кавалеріи и артилеріи. Немедленно же выступили на сцену всегдашніе застрѣльщики германскаго канцлера, — сначала «Кельская Газета», потомъ «Post» и «Сѣверогерманская Всеобщая Газета». Особенное впечатлѣніе произвела, какъ всѣмъ извѣстно, статья «Post», озаглавленная «Быть войнѣ» («Der Krieg in Sicht»). Она появилась 28 марта (9-го апрѣля) и вселила въ Европѣ

общее убѣжденіе, что миръ виситъ на волоскѣ и что предстоитъ до-
полненное и исправленное изданіе войны 1870—71 гт.

На берегахъ Сены, какъ и слѣдовало ожидать, агрессивный тонъ германской печати произвелъ сильное впечатлѣніе; но еще большее впечатлѣніе произвели тамъ донесенія французскихъ пословъ въ Берлинъ, Петербургъ, Вѣнѣ, Лондонъ и Римъ. Всѣ эти донесенія сводились къ тому, что представители Германіи жаловались повсюду на Францію и, обращая вниманіе кабинетовъ на ея вооруженія, открыто заявляли, что она поставила себѣ цѣлью отмстѣу за разгромъ 1871 г. Очень тревожный характеръ имѣли донесенія французскаго посла въ Берлинъ, виконта Гонто-Бирона. Дипломатъ этотъ пользовался особеннымъ благорасположеніемъ императора Вильгельма, былъ persona grata при дворѣ кронъ-принца, но именно поэтому не былъ любимымъ имперскимъ канцлеромъ. Гонто-Биронъ узналъ, что Бисмаркъ сказалъ однажды въ интимномъ кружкѣ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что Франція увеличиваетъ свои расходы по военной части и что не пройдетъ много времени, быть можетъ въ 1877 году, но во всякомъ случаѣ не позже 1880 г., она сдѣлаетъ какую-нибудь глупость. Мы не обязаны ждать, пока она будетъ готова, мы должны объявить ей войну и предупредить ее». Почти въ то же время доведены были до свѣдѣнія французскаго посла слѣдующія слова фельдмаршала Мольтке: «Пусть протестуютъ сколько угодно; что касается меня, то я обращаю вниманіе лишь на факты. Факты же доказываютъ, что Франція готовится къ войнѣ. Нашъ долгъ предписываетъ намъ предупредить Францію и атаковать ее прежде, чѣмъ она будетъ окончательно готова».

Какъ въ настоящую минуту нѣмцы перья вонзились въ Россію, такъ тогда въ Берлинѣ всячески старались представить Францію въ роли атакующаго; въ Парижѣ почти не сомнѣвались, что князь Бисмарку удастся найти предлогъ для войны съ Франціею, такъ какъ тамъ хорошо было извѣстно, какъ онъ поступилъ съ Австріею въ 1866 году. Незадолго до войны, съ цѣлью окончательно увлечь своего государя, Бисмаркъ преднамѣренно раскрылъ всѣ свои замыслы супругѣ саксонскаго посланника въ Берлинѣ, графинѣ Гогенталь, въ надеждѣ, что послѣдняя доведетъ ихъ до свѣдѣнія вѣнскаго кабинета, который принятіемъ извѣстныхъ мѣръ оскорбитъ короля и заставитъ его согласиться на войну съ Австріею. Расчетъ этотъ оказался вѣрнымъ и, благодаря ему, роль атакующаго была навязана Австріи.

Виконтъ Гонто-Биронъ не имѣлъ никакихъ объясненій съ имперскимъ канцлеромъ, за то неоднократно посѣщалъ г. Булова, заявляя

всякій разъ о миролюбіи Франціи и энергично протестуя противъ нападокъ германской офціозной прессы. Билова эти посѣщенія ставили, поиндимуму, въ неловкое положеніе; онъ вадыхалъ, поднималъ глаза къ небу и говорилъ: «что прикажете дѣлать; во всемъ этомъ виновать вашъ задохъ о кадрахъ». Тоже самое говорили французскому послу другіе германскіе дипломаты и генералы. Одинъ лишь фельдмаршалъ Мантейфель отваживался идти наперекоръ общему настроенію и, пожимаая плечами, говорилъ: «Что тутъ удивительнаго, что вы покупаете лошадей. Вѣдь вамъ нужно же реорганизовать свою армію».

Французскій посланникъ въ Мюнхенѣ, г. Лефевръ де-Бегенъ доносилъ, что на конференціи баварскихъ генераловъ обсуждались подробности возможнаго похода во Францію и что президентъ баварскаго совѣта министровъ сказалъ ему: «Князь Бисмаркъ не желаетъ вашего возрожденія въ военномъ отношеніи. Онъ предоставляетъ Россіи свободу дѣйствій на Востокѣ, такъ какъ это единственная держава, способная стать между нимъ и вами». Слова эти были намекомъ на извѣстныя попытки князя Бисмарка заручиться дружественнымъ нейтралитетомъ Россіи въ случаѣ новой войны съ Франціею. Въ числѣ этихъ попытокъ находилась также секретная миссія г. Радовица въ Петербургъ. Въ Вѣнѣ съ самаго начала не вѣрили въ ея успѣхъ. «Всѣ предложенія, имѣющія въ виду низложеніе Франціи, говорилъ графъ Андраши французскому послу, — въ Петербургѣ или въ Берлинѣ, будутъ отвергнуты русскимъ правительствомъ, — могу васъ въ этомъ увѣрить». Немного спустя графъ Андраши связалъ г. д'Аркуру: «Князь Бисмаркъ желаетъ войны съ Франціею. Онъ хочетъ воспользоваться для этого первымъ удобнымъ случаемъ, но Россія сумѣетъ воспрепятствовать войнѣ». Дѣйствительно г. Радовицъ вернулся изъ Петербурга въ Берлинъ ни съ чѣмъ. О разговорѣ его съ княземъ Горчаковымъ ничего не извѣстно, но можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о немъ по слѣдующимъ словамъ, произнесеннымъ нѣсколько дней спустя русскимъ государственнымъ канцлеромъ: «Я все еще не понимаю, съ какой стати прислали ко мнѣ г. Радовица. Во всякомъ случаѣ онъ могъ видѣть, что Россія не только не желаетъ войны, но что она ей даже воспротивится». Уже тогда въ сочувствіи Россіи къ Франціи никто не сомнѣвался, но въ скоромъ времени оно обнаружилось еще ярче. Послѣ первыхъ же сообщеній тогдашняго французскаго посла при русскомъ дворѣ, генерала Лефлю, о тревогѣ, вызванной на берегахъ Сены задирательною политикою князя Бисмарка, князь Горчаковъ выразился словами, свидѣтельствовавшими о симпатіи его къ Франціи. На протестъ посла противъ обвиненій

Франція въ воинственныхъ замыслахъ, князь въ ласковомъ тонѣ отвѣчалъ: «Вы правы, и вамъ нѣтъ надобности защищать передъ нами ваше правительство. Мнѣ лучше чѣмъ кому бы то ни было извѣстно, что оно содѣйствовало дѣлу умиротворенія Европы и что оно вовсе не стремится къ нарушенію мира. Любезный генералъ, могу сказать вамъ только одно: будьте сильны! будьте сильны! Вы слишкомъ богаты, чтобы на васъ не смотрѣли косо. Угнетенные вами миллиарды возвращаются въ ваши карманы, и Франція озабочиваетъ Бисмарка. Я ему сказалъ, что его образъ дѣйствій вызываетъ въ Россіи негодованіе. Повторяю вамъ еще разъ: будьте сильны!» Немного спустя князь Горчаковъ повторилъ эти слова, сопровождая ихъ формальнымъ общаніемъ: «Я общаю вамъ, сказалъ онъ генералу Лефлю, — подѣйствовать въ Берлинѣ на князя Бисмарка». Это было за двѣ недѣли до берлинскаго свиданія.

Въ то время, какъ и теперь, представителемъ Германіи въ Парижѣ былъ князь Гогенлоэ. Не смотря на свое крайне щекотливое положеніе, онъ сумѣлъ своею любезностью и политическимъ тактомъ приобрести симпатіи парижанъ и довѣріе версальскаго кабинета.

Онъ, повидимому, искренно желалъ возстановить дружественныя отношенія между обѣими государствами и чувствовалъ себя весьма неловко въ новой роли, которую навязывала ему агрессивная политика берлинскаго кабинета. «Я не желаю быть здѣсь въ моментъ разрыва, говорилъ онъ, — когда вамъ скажутъ, что я уѣзжаю, вы сами поймете, чтó это значитъ». Поэтому понятно впечатлѣніе, произведенное на герцога Деваза извѣстіемъ, что князь Гогенлоэ уѣзжаетъ въ отпускъ на нѣсколько дней. Князь, однакожъ, не уѣхалъ, но со станціи желѣзной дороги послалъ министру записку, прося у него немедленной аудіенціи. Нѣсколько часовъ спустя они встрѣтились. «Мнѣ поручено увѣдомить васъ отъ имени моего правительства, сказалъ посоль, — что оно считаетъ вооруженія ваши агрессивнымъ актомъ. Прошу принять это къ свѣдѣнію». Герцога Деваза сообщеніе это въ высшей степени встревожило; онъ энергично протестовалъ противъ обвиненій князя Бисмарка. Разговоръ между ними продолжался очень долго и кончился тѣмъ, что герцогъ отказался принять къ свѣдѣнію сообщеніе германскаго посла. Нѣсколько минутъ спустя Девазъ встрѣтилъ русскаго посла, князя Орлова, которому онъ изложилъ опасности, грозящія Франціи и просилъ его ускорить дѣйствіе петербургскаго кабинета, вмѣшательство котораго никогда еще не вазалось такъ необходимымъ, какъ въ ту минуту. «Но что вы сдѣлаете, если васъ атакуютъ?» спросилъ князь Орловъ. «Что мы сдѣлаемъ? отвѣчалъ герцогъ Девазъ, — мы отступимъ за Луару, предоставляя непріятелю занять остальную

часть Франціи». «Вы не сдѣлаете этого», возразилъ посоль. «Мы сдѣлаемъ это, такъ уже рѣшено; мы доставимъ Европѣ зрѣлище Франціи, опустошаемой непріателемъ и не поднимающей руку въ свою защиту. Да, Европа увидитъ это. Но потерпитъ ли она это?» «Я переговорю съ маршаломъ», сказалъ князь Орловъ, и они расстались. Нашъ посоль отправился дѣйствительно въ маршалу Магъ-Магону, который повторилъ ему то, что сказалъ герцогъ Деказъ.

Немного спустя состоялось берлинское свиданіе, раздался могучій голосъ Россіи и грозныя тучи, накопившіяся было надъ Франціей, моментально разсѣялись.

Н.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

(Къ вопросу о происхожденіи домашнихъ животныхъ).

Нѣтъ ни одной, положительно ни одной отрасли знанія, исторія которой не представляла бы самыхъ убѣдительныхъ данныхъ въ пользу того, что преемственность идей играетъ одну изъ наиболѣе выдающихся ролей въ дѣлѣ развитія тѣхъ или другихъ теоретическихъ возрѣній. И это до такой степени вѣрно, что нерѣдко два, повидимому, разнородныхъ мировозрѣнія—одно грубое, примитивное, а другое «научное», по крайней мѣрѣ обставленное научными данными—при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются, въ своемъ исходномъ пунктѣ, вполне солидарными между собою, такъ что не трудно уже опредѣлить, откуда это «научное» мировозрѣніе беретъ свое начало.

Вопросъ, на который мы имѣемъ теперь въ виду обратить вниманіе нашихъ читателей, именно вопросъ о происхожденіи домашнихъ животныхъ можетъ служить однимъ изъ поучительныхъ примѣровъ тому, что было только что нами замѣчено. Конечно, въ настоящее время нѣтъ надобности опровергать будто «то предложеніе, по которому всѣ домашнія животныя вообще, въ особенности же ихъ естественныя породы, происходятъ отъ того, либо другаго первобытнаго дикаго вида, никѣмъ не доказано, да и не будетъ никогда доказано» (Натазіусъ); нѣтъ надобности опровергать будто «естъ домашнія животныя, прямо созданныя такими», будто «способность жить въ прирученномъ состояніи составляетъ, быть можетъ, специфическое (врожденное) свойство, а не приобрѣтенное (привитое впоследствии), подобно тому, какъ способность животныхъ жить въ водѣ или на горахъ, въ лѣсу или степи, составляетъ ихъ специфическую, а не при-

вигую особенность», и что, вообще, «существуютъ животныя, которыми, при сотвореніи ихъ, не то чтобы дана была способность сдѣлаться ручными, но которыя прямо были поставлены въ болѣе тѣсныя отношенія къ человѣку, словомъ, такія животныя, которыя были созданы прямо прирученными» (Натазіусъ). Повторяемъ, въ настоящее время подобныя возрѣнія опровергать не приходится; каждый очень хорошо знаетъ, что скотный или птичій дворъ не съ неба свалился и не вышелъ изъ нѣдръ земли; но тѣмъ не менѣе, эти возрѣнія въ высшей степени поучительны, они поучительны именно въ историческомъ отношеніи, какъ образчикъ упомянутой выше преемственности идей, въ настоящемъ случаѣ—идей творенія. Мы еще лучше оцѣнимъ значеніе этой преемственности, если сопоставимъ возрѣнія Натазіуса съ попыткой Тройона, «втиснуть, по выраженію В. Фохта, въ тѣсную рамку известной семейной хроники, доставляемые природою факты. Рѣчь идетъ о происхожденіи свайныхъ построекъ. И вотъ какъ объясняетъ это Тройонъ:

Послѣ потопа, изъ Азіи потянулись народы, чтобы заселить всю землю. Эти первые колонисты естественно поднимались по рѣчнымъ ложбинамъ и берегамъ. Они гнали съ собою огромныя стада домашнихъ животныхъ. Береговыхъ путешественниковъ часто останавливали разливы рѣкъ; кочевниковъ въ долинахъ задерживали болота или горы. Нужно было развѣдывать мѣстность, защищать себя и домашнихъ животныхъ отъ дикихъ звѣрей. Для защиты строили плоты. Какъ скоро разъ, хотя и съ трудомъ, построены были плоть, его уже не покидали, такъ какъ онъ служилъ надежнымъ убѣжищемъ для старцевъ и дѣтей, и былъ очень полезенъ для ночи. Слѣдовательно, плоты при отдыхѣ причаливались. Но отъ этого, конечно, еще далеко до судоходства; однако, древнее преданіе живо сохранило память о новомъ ковчегѣ, плававшемъ на водѣ, и этого преданія было достаточно, чтобы придти къ мысли соединить нѣсколько деревянныхъ кражей въ одинъ плотъ. Когда семейство отказывалось отъ бродячей жизни, то плотъ, служившій прежде для путешествія, принималъ характеръ неподвижнаго жилища. Плотомъ довольствовались въ такихъ водоемахъ, гдѣ далеко было доставать до твердаго дна, или въ такихъ, которые были такъ малы, что буря не могла произвести на поверхности ихъ водъ большихъ волнъ. Но гдѣ волны поднимались съ большою силою, тамъ естественно могла появиться мысль превратить плотъ въ платформу, которая поддерживалась бы сваями надъ водою на такой высотѣ, чтобы набѣгающія волны не могли доставать до хижинъ, расположенныхъ на этомъ помостѣ. Такъ должны были произойти свайныя постройки (Тройонъ).

Подчеркнутая фраза показываетъ наглядно, для чего именно по-

требовалось все это измышленное «переселеніе народовъ». Зимой 1853—54 гт. докторъ Фердинандъ Келлеръ, изъ Цюриха, открылъ около Мейлена, на Цюрихскомъ озерѣ, доисторическую деревню, выстроенную на сваяхъ и принадлежавшую народу, который стоялъ почти на одинаковомъ уровнѣ развитія, съ такими же сѣверными народами каменнаго періода. Со дня перваго открытія по настоящее время, число свайныхъ построекъ достигло громадныхъ размѣровъ: онѣ были затѣмъ открыты и въ другихъ штатахъ Швейцаріи, помимо Цюрихскаго озера, были найдены также въ пограничныхъ странахъ: Германіи, Италіи, Франціи, словомъ, существованіе на юго-западѣ Европы доисторическаго народа, имѣвшаго обычай строиться на сваяхъ, знакомаго уже съ началами земледѣлія и обладавшаго домашними животными,—стало фактомъ несомнѣннымъ. Но съ другой стороны, преданіе гласитъ, что колыбелью всего человѣчества была Азія и что, стало быть, первые народы пришли въ Европу изъ Азіи. Пытаясь примирить фактъ съ преданіями, Тройону, конечно, ничего не оставалось, какъ придти къ вышеуказанному измышленію, тѣмъ болѣе, что оно вполне гармонируетъ съ идеею творенія, по которой необходимо допустить, что домашнія животныя «прямо были поставлены въ болѣе тѣсныя отношенія къ человѣку». Отсюда уже ясно, откуда пришли первые народы Европы, откуда должны были придти и «поставленные къ нему въ болѣе тѣсныя отношенія» прирученныя животныя. Эти переселенцы, эти будущіе строители свайныхъ жилищъ «гнали съ собою (изъ Азіи въ Европу) огромныя стада домашнихъ животныхъ»; они и должны были «гнать», такъ какъ иначе нельзя было бы примирить преданія съ фактомъ, нельзя было бы объяснить, какимъ образомъ у доисторическихъ обитателей свайныхъ построекъ появились домашнія животныя.

Если мы сопоставимъ теперь эти возрѣнія съ наиболѣе распространеннымъ по настоящее время ученіемъ о происхожденіи домашнихъ животныхъ, то легко поймемъ, откуда это ученіе беретъ свое начало. Само собою разумѣется, что никто изъ современныхъ ученыхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые по образу мыслей принадлежатъ давнопрошедшему времени, не подпишется подъ вышеприведенными словами Тройона или Натазіуса; никто не станетъ объяснять происхожденіе доисторическихъ свайныхъ построекъ такъ, какъ объясняетъ ихъ Тройонъ; никто не повторитъ за Натазіусомъ, что прирученныя животныя были созданы таковыми. А между тѣмъ, большинство этихъ ученыхъ продолжаютъ доказывать самымъ старательнымъ образомъ, что предки нашихъ домашнихъ животныхъ переселились въ Европу съ востока, изъ Азіи, подобно тому, какъ весьма еще недавно тоже предполагалось и доказывалось относительно пер-

ныхъ народовъ Европы. Но масса данныхъ, собранныхъ палеонтологіею и доисторическою археологіею, поставила уже внѣ всякаго сомнѣнія, что человѣкъ обиталъ въ Европѣ за многія тысячелѣтія до такъ называемаго «переселенія народовъ»; что эти доисторическіе обитатели Европы «постоянно жили на той самой почвѣ, на которой мы встрѣчаемъ ихъ предковъ въ настоящее время»; что «нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на какія либо инныя мѣстожителства, которыя они оставили бы для того, чтобы впослѣдствіи найти въ Европѣ конечную цѣль своихъ странннхъ, чтобы не сказать невозможныхъ, переселеній. Зная это, мы должны были ожидать подобныхъ же результатовъ и для домашнихъ животныхъ, такъ какъ эти послѣднія зависятъ отъ человѣка болѣе, чѣмъ онъ отъ нихъ. Мы должны были предположить, что домашнія животныя также выросли на той почвѣ, на которой мы встрѣчаемъ ихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и что первыя изъ нихъ были приручены имъ изъ среды дикихъ животныхъ, водившихся въ той же странѣ» (К. Фохтъ). Такъ слѣдовало бы, конечно, предположить, и Карлъ Фохтъ дѣйствительно, на основаніи работъ Рютимейера и Геера, приходитъ къ заключенію, что «человѣкъ со всѣмъ своимъ домохозяйствомъ, съ домашними животными и полезными растеніями, развился на той почвѣ, на которой мы встрѣчаемъ наиболѣе древніе слѣды, и лишь впослѣдствіи пришелъ въ соприкосновеніе и обмѣнъ съ другими человѣческими породами, точно такимъ же образомъ развившимися на другихъ мѣстностяхъ. До этого, т. е. до первобытнаго развитія и до связи съ почвою, какъ человѣка, такъ и домашнихъ животныхъ, доводить насъ всѣ, доселѣ извѣстные факты. То же, что переходитъ за эту черту, принадлежитъ уже къ области гипотезъ и сказаній»¹⁾.

Просимъ теперь нашихъ читателей сопоставить это положеніе, высказанное пятнадцать лѣтъ назадъ, съ слѣдующими положеніями Виктора Гена, высказанными имъ не далѣе шести лѣтъ назадъ (беремъ нѣсколько примѣровъ на выдержку изъ его книги «Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грецію и Италію, а также и въ остальную Европу»). Самое заглавіе показываетъ уже, съ какой точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ занимающій насъ вопросъ; Азія является колыбелью большинства нашихъ домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній. Вотъ примѣры:

«Одновременно съ присвоеніемъ новой культуры (вслѣдствіе тѣсной связи съ нею) было введеніе осла, произведеніе мула и распространеніе козы... Что оселъ пришелъ въ Грецію изъ семитической Малой Азіи и Сиріи, причеиъ всетаки возможно, что перво-

¹⁾ К. Фохтъ, «Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ». Спб. 1866 г.

начальная его родина—Африка, гдѣ и теперь еще живутъ его родичи, доказывается исторіею языка и подтверждается древнѣйшими культурными и народными отношеніями... Муль, упоминаемый уже нерѣдко Гомеромъ, происходитъ изъ пентійской Малой Азии, какъ Гомеръ положительно говоритъ, отъ энетовъ, народа пафлагонскаго («Илиада», 2, 852), къ чему сколиастъ прибавляетъ: «У энетовъ первые выдумана помѣсь ослонъ и лошадей»... Атика, богатая растительнымъ масломъ и смоками, пропитывала также многочисленныхъ козъ... Если даже коза пришла вмѣстѣ съ первыми арійскими переселенцами въ Европу и, слѣдовательно, была извѣстна эллинамъ и итальянцамъ раньше ихъ новаго отечества, тѣмъ не менѣе, только здѣсь и лишь вмѣстѣ съ принятою семитическою культурою, нашла она свое настоящее мѣсто и полезное употребленіе... Вслѣдствіе переселенія народовъ, семейство быковъ, этихъ первобытныхъ животныхъ при человекѣ, выходящемъ изъ дикаго состоянія, увеличилось еще однимъ родственнымъ видомъ, пришедшимъ съ далекаго юга, чернымъ, злобно глядящимъ, одареннымъ громадною силою для тяжелой работы—буйволомъ... Въ то время, какъ неудержимый процессъ культуры окончателно искоренилъ своенравныхъ, свирѣпыхъ царей европейскихъ лѣсовъ зубра и бизона, за исключеніемъ крошечнаго остатка, переселеніе народовъ привело этого чужеземца съ границъ Остъ-Индіи на южныя побережья Италіи... Подобно испанскому ковылю и пробковому дереву, кроликъ принадлежитъ собственно Испаніи и тѣсно связанъ съ иберійскимъ племенемъ, съ которымъ онъ, должно быть, перешелъ въ западную Европу черезъ Африку... Имя кошки (catus) вмѣстѣ съ самимъ египетскимъ животнымъ перешло изъ Италіи ко всѣмъ народамъ, и не только ко всѣмъ европейцамъ, баскамъ, финнамъ, албанцамъ и новымъ грекамъ, но и на востокъ—къ азіатамъ самаго различнаго происхожденія... Пѣтухъ происходитъ первоначально изъ Индіи, гдѣ его предокъ, банкивскій пѣтухъ, еще и понынѣ живетъ на пространствѣ отъ западной Индіи и индійскихъ острововъ до Кашемира... Голубинный культъ пришелъ съ Ефрата въ переднюю Азію...; отъ сирійскихъ береговъ, но только не прямымъ путемъ, голубь въ началѣ V вѣка пришелъ въ Грецію... Вообще Европа очень немного, изъ дарованнаго ей самою природою, вывела по собственной инициативѣ изъ состоянія дикости и сдѣлала полезнымъ; она должна была для этого получить толчокъ у Средиземнаго моря отъ Азии, а въ средней своей полосѣ—отъ юга, въ которомъ лежать всѣ источники нашего образованія» (В. Генъ).

Приведенное здѣсь общее положеніе Гена объ азіатскомъ происхожденіи большинства домашнихъ животныхъ не составляетъ новости въ литературѣ. Напротивъ, какъ видно изъ предъидущихъ цитатъ

Натазиуса и Тройона, оно служитъ въ сущности дальнѣйшимъ развитіемъ основныхъ возрѣній послѣднихъ. Правда, Генъ не допускаетъ идеи творенія, онъ стоитъ за противоположную идею, идею развитія, но тѣмъ не менѣе онъ является поборникомъ той самой семейной хроники, о которой упоминаетъ К. Фохтъ. И не одинъ Генъ,—большинство ученыхъ, разсматривающихъ данный вопросъ, подобно Гену, съ историко-лингвистической точки зрѣнія и прежде держались и по сей день продолжаютъ держаться тѣхъ же взглядовъ. Изидоръ Жофруа-Сентъ-Илеръ, на основаніи тѣхъ же филологическихъ данныхъ, много ранѣе Гена, доказывалъ, что большинство прирученныхъ животныхъ, въ особенности рогатый скотъ, приведены съ востока ¹⁾. Но вопросъ въ томъ именно и состоитъ, могутъ ли филологическія свидѣтельства быть рѣшающимъ судьей въ дѣлѣ изслѣдованія такого сложнаго и притомъ специально естественно-историческаго явленія, какъ происхожденіе домашнихъ животныхъ. «Такъ какъ, говоритъ Ч. Дарвинъ,—враждебныя племена, завоеывая страну, по всей вѣроятности, давали свои названія различнымъ породамъ скота, который они находили въ завоеванной странѣ, то филологическіе доводы едвали можно считать очень важными» ²⁾. «Въ Италіи, говоритъ Карлъ Фохтъ ³⁾,—очень много фамилій «Bruno»; во Франціи также не мало рождаются людей съ именемъ «Brun»; Германія, въ свою очередь, имѣетъ своихъ «Braun»'овъ; Англія и Соединенные Штаты—своихъ «Brown»'овъ. Но что же сказали бы мнѣ, если бы я вздумалъ производить происхожденіе всѣхъ этихъ «Bruno», «Brun», «Braun» и «Brown» отъ одного предка, брюнета (brun), который, хотя и не передалъ потомкамъ своихъ характеристическихъ чертъ, но завѣщалъ имъ свое имя. Мнѣ, по всей вѣроятности, отвѣтили бы, что дѣти никогда не бываютъ всѣ одинаково свѣтлыми, что у различныхъ націй могутъ рождаться дѣти брюнеты, и что, стало быть, если по цвѣту имъ и дадутъ одинаковое прозвище, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что нѣмецъ «Braun» произошелъ непременно отъ итальянца «Bruno», а итальянецъ «Bruno»—отъ француза «Brun», или наоборотъ; наконецъ, мнѣ отвѣтили бы, что, во всякомъ случаѣ, я долженъ доказать свое увѣреніе, а не основывать его совершенно произвольно на одномъ только сходствѣ именъ. А между тѣмъ, замѣчаетъ Фохтъ,—при рѣшеніи палеонтологическихъ

¹⁾ Is. Geoffroy Saint-Hilaire, «Acclimatation et domestication des animaux utiles». Paris, 1861.

²⁾ Ч. Дарвинъ, «Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія». Перев. подъ ред. И. Сазанова. Спб. 1867.

³⁾ C. Fогt, «Les migrations des animaux» («Revue Scientifique», 1879, № 40, 2-e série).

или антропогеническихъ вопросовъ, очень нерѣдко ограничиваются именно подобными доводами. Филологическіе доводы, прибавимъ отъ себя, всецѣло относятся именно къ этой категоріи. Съ этой точки зрѣнія тождество имени играетъ самую главную, если не сказать единственную роль; «исторія языка» или, проще, исторія имени говорить, по мнѣнію филолога, объ исторіи самаго животнаго. Такимъ образомъ, съ его точки зрѣнія, оказывается, въ сущности, совершенно достаточнымъ прослѣдить откуда идетъ прозваніе того или другаго животнаго, чтобы думать, что оттуда же беретъ свое начало и самое животное. Само собою разумѣется, что ни одинъ филологъ, вообще ни одинъ ученый, придающій въ вопросахъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, рѣшающее значеніе лингвистикѣ, не выскажется о своемъ методѣ такъ прямо, какъ это сдѣлано здѣсь; его методъ говорить самъ за себя. Если, напримѣръ, такому ученому удалось доказать, что прозвище осла (по-гречески—*ὄνος*, по-латыни—*asinus*) происходитъ «отъ семитическаго названія, которому соответствуетъ еврейское *athon*», то это обстоятельство онъ считаетъ совершенно достаточнымъ для предположенія, что «родина осла—Африка»; ему и дѣла нѣтъ, что, быть можетъ, африканскій оселъ относится къ европейскому такъ же, какъ и нѣмецъ «*Braun*»—къ итальянцу «*Bruno*».

Нѣтъ, очевидно, когда рѣчь идетъ объ организмѣ, а не о его прозвищѣ, во вниманіе должны быть принимаемы прежде всего его физическія свойства, его индивидуальныя и родовыя признаки, словомъ, исторія самаго организма, а не исторія его имени, и только первая изъ нихъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Дѣйствительно, въ послѣднее время все болѣе и болѣе выступаетъ на видъ крайняя ошибочность результатовъ, полученныхъ при помощи «историко-лингвистическаго» метода. Съ каждымъ днемъ число накопляющихся палеонтологическихъ данныхъ представляютъ новыя и новыя свидѣтельства, что наши домашнія животныя и культурныя развиты на той-же почвѣ, на которой мы встрѣчаемъ наиболѣе древніе слѣды ихъ. А гдѣ-же встрѣчаются эти слѣды—въ Азіи, въ Африкѣ? совсѣмъ нѣтъ! тамъ-же, гдѣ и нынѣ пребываютъ наши домашнія животныя и культурныя растенія—въ Европѣ. Обратитесь къ ископаемымъ остаткамъ этой страны, остаткамъ, по времени, относящимся къ гораздо болѣе отдаленной древности, нежели къ какой обыкновенно относятъ время пресловутаго «переселенія народовъ»—къ эпохѣ каменнаго вѣка. Отсутствуютъ ли здѣсь малѣйшіе слѣды нашихъ домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній, какъ то необходимо должно слѣдовать согласно историко-лингвистическимъ указаніямъ? Совсе нѣтъ, нѣтъ во-первыхъ, потому, что въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, встрѣчаются уже остатки такихъ домашнихъ животныхъ, какъ со-

база, и въкоторыя породы рогатаго скота и проч. Во вторыхъ, и это положеніе не менѣе предъидущаго заслуживаетъ вниманія— не подлежитъ уже ровно никакому сомнѣнію, что самая древняя фауна костянаго періода, органически связаннаго съ фауною нашего времени не только по развитію, но и по мѣсту, представляетъ рядъ постепенныхъ переходовъ къ современной фаунѣ. Это обстоятельство, говоритъ Жоли, ¹⁾ позволяетъ намъ отнести возникновеніе различныхъ специфическихъ типовъ къ эпохѣ гораздо болѣе отдаленной, нежели какая обыкновенно принимается. Наконецъ, это-же обстоятельство позволяетъ намъ искать въ тѣхъ же типахъ начало происхожденія, если не всѣхъ, то большинства домашнихъ животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ ихъ родовыя формы встрѣчаются въ ископаемомъ состояніи не только въ древнѣйшихъ потретичныхъ образованіяхъ (въ диллювіи), но и въ еще болѣе древнихъ третичныхъ напластованіяхъ Европы—то и оно уже служитъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу того, чтобы разсматривать нашихъ прирученныхъ животныхъ, какъ животныхъ европейскаго происхожденія.

Въ виду этого, не естественнѣ-ли было бы допустить, продолжаетъ Жоли, что древнѣйшая фауна потретичной эпохи служитъ источникомъ тѣхъ породъ домашнихъ животныхъ, остатки которыхъ встрѣчаются въ позднѣйшемъ періодѣ каменнаго вѣка (періода полированного камня) и которые въ свою очередь дали начало нашимъ прирученнымъ животнымъ. Но вотъ еще одно обстоятельство, на которое также необходимо обратить вниманіе. На самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ, которые, по времени, за шестьдесятъ столѣтій предшествуютъ нашей эрѣ, сохранились изображенія животныхъ, свидѣтельствующія, что уже тогда существовали прирученныя породы, во многомъ тождественныя съ нынѣшними. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно обратить вниманіе на изображенія охотничьихъ собакъ—лягавыхъ и гончихъ, которыя встрѣчаются на древнѣйшихъ египетскихъ памятникахъ и по которымъ легко узнать породы собакъ и понинѣ употребляемыхъ для охоты въ Египтѣ ²⁾. Въ виду этихъ фактовъ даже самъ Изидоръ Жофруа Сентъ-Илеръ, одинъ изъ первыхъ партизановъ ученія объ азиатскомъ происхожденіи нашихъ домашнихъ животныхъ, считаетъ необходимымъ отнести начало одомашенія животныхъ въ

¹⁾ Joly: «Origine des animaux domestiques» («Revue Scientifique», 1879 г., № 31),

²⁾ По Туссену, породы собакъ, изображенныхъ на древнѣйшихъ египетскихъ памятникахъ, суть: гончая съ стоячими ушами, молсъ и одна порода съ отвѣсными ушами (E. Toussaint: «Etude sur l'origine du chien domestique»).

очень глубокой древности. Но въ такомъ случаѣ, что сказать о томъ періодѣ, періодѣ каменнаго вѣка Европы, въ сравненіи съ которымъ древность Египта—дѣтство, и въ которомъ тѣмъ не менѣ встрѣчаются уже ископаемые остатки собакъ и другихъ животныхъ, со всѣми признаками одомашненнаго состоянія и притомъ несомнѣнно сродныхъ съ прирученными породами нашего времени? Не ясно ли, какъ Божій день, что въ Европѣ начало прирученія должно быть отнесено въ такую глубь отдаленнаго прошлаго, которая многими вѣками предшествуетъ времени «переселенія народовъ». Предположимъ однако, что это не такъ; допустимъ, что наши домашнія животныя азіатскаго происхожденія, что предки ихъ приведены изъ Азіи во время «переселенія народовъ»; въ такомъ случаѣ необходимо также допустить, что вмѣстѣ съ собаками, быками, лошадьми и т. д. пришельцы съ Востока привели съ собою и своихъ главныхъ, своихъ могучихъ и сильныхъ помощниковъ—индійскаго слона и бактрійскаго верблюда. Не могли же эти переселенцы, отправляясь въ далекія, невѣдомыя страны, пренебречь такими животными, какъ только что упомянутыя. Кто допускаетъ первое предположеніе, для того обязательно и второе. Но тогда очевидно, что между ископаемыми остатками собакъ, лошадей, быковъ, свиней, овецъ и т. д., находимыми въ различныхъ мѣстностяхъ Европы, должны также встрѣчаться и ископаемые остатки индійскаго слона и бактрійскаго верблюда. А между тѣмъ, до настоящаго времени нигдѣ въ Европѣ не была найдено ни малѣйшаго слѣда этихъ животныхъ. Мало того, ни въ одной изъ европейскихъ мифологій не говорится ни слова ни о слонѣ, ни о верблюдѣ, которые, однако, въ Индіи служатъ предметомъ многихъ легендъ. Таковы тѣ общія положенія, въ виду которыхъ всего вѣроятнѣе признать, что наши домашнія животныя европейскаго, а не азіатскаго и вообще не иностраннаго происхожденія, и что время этого происхожденія относится къ гораздо болѣе глубокой древности, нежели какая обыкновенно принимается.

Перейдемъ теперь къ частностямъ. Начнемъ съ животнаго, которое несомнѣнно ранѣ другихъ было приручено человекомъ—именно, съ собаки. «Сколько извѣстно, говоритъ К. Фохтъ,—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ — собака самое древнее. Ее одинаково встрѣчаютъ какъ въ кухонныхъ остаткахъ Даніи ¹⁾, такъ

¹⁾ Кухонными остатками называются груды раковинъ, которыя въ особенности многочисленны на береговыхъ пунктахъ сѣверной Даніи и которыя составляютъ отбросы отъ трапезы первобытныхъ народовъ, жившихъ въ срединѣ каменнаго вѣка.

и въ постройкахъ каменнаго періода въ Швейцаріи. По изысканіямъ Рютимейера, собака эта является представительницею расы, хорошо установившейся до послѣднихъ мелочей. Она была средней величины, съ легкимъ и красивымъ тѣломъ, съ прекрасною, округленною черепною чашкою и большими глазами, съ короткою, умѣренно заостренною мордою и съ очень сильными зубами, правильно расположенными одинъ за другимъ. Ее можно бы назвать торфяною (*canis palustris*). По величинѣ и узкости ногъ, а также и по незначительному развитію мышечныхъ прикрѣпленій, она много походила на обыкновенную лягавую собаку и на тотъ видъ ея, который употребляется въ Германіи для охоты за перепелами (*Wachtelhund*). Въ самомъ дѣлѣ, у послѣдней мы видимъ такой же выпуклый и широкій черепъ, а у первой—тѣ же общія очертанія и ту же длину. Прежде, прародителями нынѣшнихъ собакъ считали то волка, то шакала; но описываемая нами торфяная собака (иначе домашняя собака каменнаго періода) рѣшительно составляетъ особенный, вплоть постоянный видъ, отличающійся и отъ того, и отъ другаго. Такъ какъ она встрѣчается и въ Даніи, и въ Швейцаріи ¹⁾, то, слѣдовательно, нельзя и сомнѣваться, что это былъ видъ, свойственный Европѣ и покоренный человѣкомъ, который употреблялъ ее въ первое время вѣроятно только для охоты, а впоследствии и для охраненія дома и скота, но не въ пищу. Въ подтвержденіе этой мысли, Рютимейеръ указываетъ на то обстоятельство, что собачьи кости лишь въ рѣдкихъ случаяхъ попадаются разбитыми, между тѣмъ какъ кости другихъ животныхъ, употреблявшихся въ пищу, были постоянно разбиваемы, для того, чтобы можно было высасывать мозговину. Кроме того, онъ обратилъ вниманіе еще и на то, что большая часть собачьихъ череповъ сохранилась очень хорошо и принадлежить, въ большинствѣ случаевъ, старымъ животнымъ. А потому Рютимейеръ и полагаетъ совершенно справедливо, что собаки употреблялись въ пищу лишь въ случаѣ нужды, обыкновенно же ихъ оставляли живыми вплоть до дряхлости. Впоследствии, а именно со времени металлическаго періода, какъ въ Даніи, такъ и въ Швейцаріи, начинаютъ появляться породы собакъ болѣе высокія и болѣе сильныя, зубы которыхъ ходятъ болѣе на зубы волкодава и бульдога, чѣмъ на зубы торфяной собаки ²⁾; можетъ быть эти породы и дѣйствительно были заимствованы извнѣ. Но вѣселою постоянство характеровъ, замѣчаемое нами въ торфяной собакѣ, совер-

¹⁾ Впрочемъ, какъ говоритъ Жоли, швейцарская собака того времени скорее напоминаетъ нашу болонку (*Revue Scientifique*, 1879, p. 801).

²⁾ По Жоли, эта собака всего болѣе напоминаетъ нашу овчарку. (Тамъ же).

шенное сходство ее остатковъ, найденныхъ въ различныхъ мѣстахъ и наконецъ, рѣшительное отличіе ее, какъ особаго вида, отъ волка, лисицы и шакала — доказываютъ самымъ несомнѣннымъ образомъ справедливость предположенія, вызваннаго другими причинами, по которому столь разнообразныя породы нынѣшнихъ собакъ не суть измѣненія одного и того же вида, а напротивъ того, — продукты скрещиванія различныхъ, близкихъ другъ къ другу, видовъ» (К. Фохтъ). Это же предположеніе раздѣляетъ и Эрнстъ Геккель, по мнѣнію котораго вообще та или другая домашняя раса никогда не происходитъ отъ одного дикаго вида ¹⁾).

Не смотря однако на заявленія двухъ такихъ сильныхъ авторитетовъ, какъ Карлъ Фохтъ и Эрнстъ Геккель, затронутый здѣсь вопросъ разрѣшается далеко не такъ легко. По крайней мѣрѣ Жюли, на основаніи работъ Бленвиля, приходитъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Въ своей «Остеологіи» (ученіе о востяхъ) Бленвиль говоритъ, что ни одинъ изъ существующихъ нынѣ дикихъ видовъ не можетъ рассматриваться какъ родоначальникъ домашней собаки, что родоначальника ее слѣдуетъ искать въ томъ ископаемомъ видѣ, который жилъ въ Европѣ въ началѣ потретичной эпохи и извѣстенъ у палеонтологовъ подъ именемъ ископаемой собаки (*Canis familiaris fossilis*). Остатки этого животнаго были находимы въ пещерахъ Франціи, Бельгіи, Германіи, и вовсе не будетъ неправдоподобно, говоритъ Жюли, если мы допустимъ, что эта ископаемая собака могла быть утилизована еще первыми обитателями нашего континента, отъ которыхъ она затѣмъ перешла къ доисторическимъ народамъ позднѣйшаго періода, подобно сѣверному оленю пещернаго вѣка — нынѣ домашнему животному лопарей.

Муртиньи, въ свою очередь, раздѣляетъ мнѣніе Бленвиля и говоритъ, что ископаемая собака древнѣйшихъ потретичныхъ образованій (*canis familiaris fossilis*) всего скорѣе можетъ быть рассматриваема, какъ родоначальница нашей домашней собаки. «Настоящее положеніе, говоритъ Жюли, — распространяется на всѣхъ вообще европейскихъ собакъ, всѣ онѣ имѣютъ одного прародителя и этотъ прародитель — *canis familiaris fossilis*, а не какой нибудь видъ, пришедшій съ востока» ²⁾).

Какъ бы то ни было, происходятъ ли современныя породы евро-

¹⁾ Ernest Haeckel: «Histoire de la creation des êtres organisés d'après les lois naturelles». Paris, 1874.

²⁾ Достоинно замѣчана, что въ наиболѣе древнѣйшихъ библейскихъ сказаніяхъ, о собакахъ не упоминается нигдѣ. Моисей, напр., не говоритъ о ней ни слова. (Biblioth. univ. de Genève. T. XXXV).

пейских собакъ отъ одного общаго родоначальника или отъ нѣсколькихъ, близкихъ другъ къ другу, видовъ, предыдущіе факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что начало прирученія этого животнаго въ Европѣ относится къ глубочайшей древности, многими вѣками предшествующей времени «переселенія народовъ» ¹⁾, и что наши домашнія собаки европейскаго происхожденія и берутъ свое начало отъ одного или нѣсколькихъ видовъ canis, жившихъ нѣкогда въ Европѣ въ дикомъ состояніи.

Перейдемъ теперь къ лошади. Ея исторія также мало подтверждаетъ ученіе объ азиатскомъ происхожденіи нашихъ домашнихъ животныхъ, какъ и исторія собаки. Правда, нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Ленорманъ ²⁾, продолжаютъ думать, на основаніи своихъ филологическихъ изысканій, что исходнымъ пунктомъ домашней лошади служить Азія и что переселеніе арійскаго племени послужило толчкомъ для распространенія этого животнаго въ другія страны ³⁾. Весьма любопытно сопоставить это мнѣніе съ словами Марша, который говоритъ: «въ настоящее время положительно извѣстно, что истинное отечество лошади есть Америка». Выходитъ, такимъ образомъ, что изъ Америки лошади перевозчвали въ Азію, чтобы быть здѣсь прирученными и затѣмъ снова разойтись по всѣмъ частямъ свѣта. Въ противоположность Маршу, Мильнъ-Эдвардсъ ⁴⁾ полагаетъ, что лошадь можетъ разсматриваться какъ животное европейскаго происхожденія, въ такой же мѣрѣ, какъ и азиатскаго. Но отчего же, спрашивается, «въ такой же мѣрѣ»; значить, лошадь можетъ и не быть европейскаго происхожденія. А между тѣмъ посмотрите, однако, что говорятъ факты; они далеко не такъ разнорѣчивы, чтобы нельзя было придти къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ. Во первыхъ, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ пещерахъ, напримѣръ, Лангедока и Перигò, относящихся къ вѣку сѣвернаго оленя (каменный періодъ), были найдены, вырѣзанныя на рогахъ сѣвернаго оленя, изображенія различныхъ животныхъ, между

¹⁾ Н. Milne-Edwards, «Comptes rendus de l'Institut». 1869, p. 1259.

²⁾ О томъ, къ какой глубокой древности относится начало прирученія собаки, можно судить по тому, что, согласно недавно высказанному мнѣнію такого авторитета, какъ Стенструпъ, въ Бельгіи домашняя собака существовала уже въ вѣкъ мамонта, который отдѣляется отъ историческихъ вѣковъ не однимъ десятиемъ тысячелѣтій.

³⁾ Lenormant, «Comptes rendus de l'Institut». 1870, p. 279.

⁴⁾ Въ какой степени популярень этотъ взглядъ видно уже изъ того, что онъ принятъ даже въ нѣкоторыхъ нашихъ руководствахъ по зоологіи. Такъ, напр., въ «Руководствѣ зоологіи» профессора Брандта сказано: «Лошадь, вѣроятно, происходитъ изъ Азіи и въ настоящее время она распространена по всѣмъ частямъ свѣта» (часть II-я, 1874, стр. 197).

вторыми встрѣчается и лошадь. Не доказываетъ ли это, что въ то еще отдаленное, доисторическое время, время каменнаго царства, лошадь уже существовала въ Европѣ; иначе, какимъ же образомъ первобытный художникъ, не видя этого животнаго, могъ передать его изображеніе. Онъ несомнѣнно охотился за нею, какъ и за сѣвернымъ оленемъ и другими животными, питался ея мясомъ и проч. И это не одно лишь голое предположеніе: ископаемые остатки лошади были находимы вмѣстѣ съ ископаемыми остатками сѣвернаго оленя и притомъ въ такомъ состояніи, которое несомнѣнно свидѣтельствуеетъ, что это животное употреблялось въ пищу. Какъ бы то ни было, но для насъ важенъ уже самый фактъ существованія лошади на европейскомъ континентѣ, въ столь отдаленномъ періодѣ. «Отчего не допустить въ такомъ случаѣ, спрашиваетъ Жоли,—что эта ископаемая лошадь, будучи сперва въ дикомъ состояніи, была затѣмъ одомашнена доисторическими обитателями Европы? Въ подтвержденіе своего предположенія, названный ученый ссылается, между прочимъ, на Туссена, который полагаетъ, что лошадь находилась уже въ состояніи прирученія еще въ вѣкѣ сѣвернаго оленя. Профессоръ Жерве идетъ еще дальше: именно, онъ относитъ начало одомашненія лошади къ ледниковому періоду. Едвали, впрочемъ, можно представить убѣдительныя доказательства въ пользу мнѣнія Туссена, не говоря уже о крайне смѣломъ предположеніи Жерве. Скорѣе всего, ископаемая лошадь вѣка сѣвернаго оленя была въ дикомъ состояніи, иначе первобытный человѣкъ не сталъ бы ее употреблять въ пищу. Но изъ этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ, что наша домашняя лошадь не европейскаго происхожденія. Напротивъ, существуютъ несомнѣнныя свидѣтельства въ пользу такого происхожденія. Такъ, согласно показаніямъ Пикте, лица весьма авторитетнаго въ подобныхъ вопросахъ, ископаемая лошадь представляетъ такіа существенныя сходства съ нынѣ существующимъ видомъ, что почти невозможно различить ихъ. Отсюда, конечно, не трудно видѣть всякому, кто не зараженъ предвзятою идеею, что родоначальникъ нашей домашней лошади жилъ въ Европѣ еще въ дикомъ состояніи за многіе вѣка до историческихъ временъ. И едвали кто допустилъ бы абсурдъ, что этотъ туземный видъ перекочевалъ въ дикомъ состояніи въ Азію и отсюда уже, будучи прирученнымъ, снова возвратился на родину. А между тѣмъ, именно таковой абсурдъ должны мы допустить, чтобы принять ученіе объ азіатскомъ происхожденіи домашнихъ лошадей Европы.

Еще болѣе убѣдительныя доказательства несостоятельности даннаго ученія представилъ весьма недавно Эккеръ ¹⁾. Прежде всего

¹⁾ Ecker: «Das europäische Wildpferd und dessen Beziehungen zum domesticirten Pferd». (Globus. 1878, 13 d. XXXIV).

онъ устанавливаетъ положеніе; что лошадь существовала въ Европѣ въ дикомъ состояніи. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію: во-первыхъ, свидѣтелями тому служатъ ископаемые остатки даннаго животнаго, современные тому отдаленному прошлому, когда сѣверный олень игралъ преобладающую роль среди европейской жизни; во-вторыхъ, упомянутое выше положеніе подкрѣпляется также свидѣтельствами гораздо болѣе поздними, относящимися къ историческому времени. Такъ, между прочимъ, Эккеръ указываетъ на Эразма Стелла, который въ своей книгѣ, написанной въ 1518 году, говоритъ, что въ Пруссіи существуютъ стада дикихъ лошадей, мясомъ которыхъ питаются мѣстные жители. Элизе Рослинъ, книга котораго была издана въ Страсбургѣ въ 1593 году, въ свою очередь, упоминаетъ о существованіи дикихъ лошадей на вогезскихъ горахъ.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ рождается вопросъ: можно ли разсматривать дикую лошадь, нѣкогда обитавшую въ Европѣ, какъ родоначальницу нашихъ домашнихъ лошадей, или послѣдняя иноземнаго происхожденія? Само собою, для этого прежде всего предстоитъ опредѣлить наиболѣе характерные признаки первобытной лошади. Этой цѣли всего лучше можетъ служить скелетъ ископаемой лошади изъ Солютре, хранящійся нынѣ въ лонскомъ музеѣ. Судя по данному образцу, животное, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, отличалось малымъ ростомъ, коренастымъ сложеніемъ, съ сильно развитою головою и жесткими волосами на косматой гривѣ. Одного уже этого описанія совершенно достаточно, чтобы видѣть, что въ ископаемой лошади изъ Солютре всего болѣе приближаются изъ нынѣ существующихъ породъ — тарпанъ, такая же низкорослая, коренастая, съ большою головою, лошадь, которая и нынѣ водится въ дикомъ состояніи въ Монголіи и Гоби; сюда же относятся дикія лошади изъ Камарго и обширнаго лѣса близъ Мюнстера, въ Вестфалии, — всѣ они представляютъ поразительное сходство съ ископаемою лошадью и послѣдняя можетъ быть разсматриваема, какъ ихъ общая родоначальница. Само собою разумѣется, что всѣ эти данныя, въ сущности, мало содѣйствовали бы разъясненію занимающаго насъ вопроса, если бы не одно весьма примѣчательное открытіе, сдѣланное недавно въ Чертомлинѣ, близъ Никополя на Днѣпрѣ. Здѣсь именно былъ найденъ, между прочимъ, сосудъ, весьма древній, на которомъ изображена, какъ видно изъ рисунка, прирученная лошадь, во всѣхъ своихъ деталяхъ напоминающая тарпана ¹⁾. И такъ, вотъ одинъ наглядный примѣръ происхожденія домашней лошади изъ первобытнаго состоянія, въ какомъ обитала она въ Европѣ въ отдаленныя доисторическія времена. Стало быть и не въ одной только

¹⁾ Цезарь Плиніи говоритъ, что германцы развѣзжали на «маленькихъ, но сильныхъ и бойкихъ лошадяхъ».

Азіи возможно было прирученіе дикихъ животныхъ, оно имѣло мѣсто и въ Европѣ. А если такъ, — то отсюда уже прямо слѣдуетъ, что мнѣнія того же Эккера, будто наиболѣе распространенныя изъ современныхъ породъ лошадей введены были въ Европу извнѣ, именно изъ Азіи, составляетъ не болѣе какъ обычную дань предрасудку и противорѣчить упомянутому выше указанію Пигте. Пусть ископаемая лошадь изъ Солютре не можетъ быть разсматриваема какъ родоначальница крупныхъ породъ. Но развѣ этотъ типъ ископаемой лошади былъ единственнымъ для всей Европы? Жюли, напротивъ, считаетъ возможнымъ признать, что нынѣшнія породы нашихъ домашнихъ лошадей—европейскаго происхожденія, и предъидущее свидѣтельствуетъ, что этотъ взглядъ вѣрнѣе эккероваго и другихъ, ему подобныхъ. Европейскаго же происхожденія, по мнѣнію Жюли, и другое домашнее животное—осель, ископаемые остатки котораго были найдены въ пещерахъ Дариньяка въ Бельгіи и въ другихъ мѣстахъ.

Что же касается вопроса о происхожденіи домашняго рогатаго скота, то и въ данномъ случаѣ опять-таки не существуютъ, говорить Жюли,—никакихъ серьезныхъ указаній на то, что эти животные, какъ обыкновенно полагаютъ, ввезены къ намъ изъ Азіи. Фактовъ же, говорящихъ противное, не мало. Достаточно уже указать на то, что многочисленныя ископаемые остатки, найденныя въ различныхъ мѣстностяхъ Европы, свидѣтельствуютъ несомнѣнно, согласно изслѣдованіямъ такихъ авторитетовъ, какъ Рютимейеръ, Ауэнъ, Ч. Дарвинъ, что родоначальниковъ нашего домашняго рогатаго скота слѣдуетъ искать въ Европѣ, а не на сторонѣ. Такъ, напримѣръ, по Ч. Дарвину, всѣ породы нашихъ домашнихъ быковъ (безгорбыхъ) происходятъ отъ трехъ видовъ: 1) *Bos primigenius* (первобытный быкъ), 2) *Bos longifrons* (по Рютимейеру, торфяной быкъ) и 3) *Bos frontosus* (бугролобий быкъ). Всѣ эти виды встрѣчаются въ ископаемомъ состояніи въ Европѣ и служатъ родоначальниками современныхъ домашнихъ породъ: такъ, первобытный быкъ, который, по мнѣнію Жюли, былъ уже прирученнымъ въ Швейцаріи въ эпоху полированного камня,—весьма походитъ на нынѣшняго быка Фрисландіи. Торфяной быкъ, найденный въ Швейцаріи въ томъ же періодѣ какъ и предъидущій,—въ римскую династію существовалъ еще въ одомашненномъ состояніи въ Англіи и далъ начало многимъ мелкимъ домашнимъ породамъ, существующимъ и понинѣ. Наконецъ, отъ бугролобаго быка, который сопутствуетъ торфяному, произошла, по Фохту, такъ называемая пятнистая швейцарская порода (зименская или зәнентальская).

Слѣдуетъ-ли еще доказывать, что всѣ эти факты не совмѣстимы съ тѣмъ взглядомъ, по которому нашъ домашній скотъ будто бы ввезенъ изъ Азіи.

Тѣ же данныя, говорить Жоли, которыя побуждаютъ насъ признать за собакою, лошадыю и быками европейское происхождение, побуждаютъ признать то же происхождение и за овцами, козами, свиньями, кошкою ¹⁾ и кроликомъ (домашнимъ),— всѣ они имѣютъ своихъ родоначальниковъ въ ископаемыхъ формахъ, которые, нѣкогда, обитали въ Европѣ; кромѣ того, что касается свиньи, то въ настоящее время положительно извѣстно, что она произошла отъ дикаго кабана, который и понынѣ еще водится въ нѣкоторыхъ лѣсахъ европейскаго континента. Само собою разумѣется, что изъ предъидущаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ Европѣ не были и такія домашнія животныя, иноземное происхождение которыхъ несомнѣнно, или которыя составляли бы продуктъ помѣси европейскаго съ иноземнымъ. Но во всякомъ случаѣ, главныя и самыя насущныя формы составляютъ произведение самой Европы, и она обязана этимъ сама себѣ, а никакъ не востоку, отъ котораго, согласно Жоли, Европа получила такихъ, наприм., животныхъ, какъ павлинь, фазанъ, быть можетъ, пѣтухъ и шелковичный червь; еще меньше получила она отъ Африки: главнымъ образомъ— пѣсарку и канарейку; наконецъ, изъ Америки— въ новѣйшее, сравнительно, время Европа обогатилась: индѣйскимъ пѣтухомъ, барбарійской уткой, канадскимъ гусемъ и нопальскою каше-нилью. Самой же Европѣ принадлежатъ: собака, кошка, лошадь, осель, свинья, быкъ, овца, коза, кроликъ, голубь, пѣтухъ ²⁾, утка, обыкновенный гусь, лебедь, а изъ насѣкомыхъ— пчелы.

Итакъ, не были ли мы правы, поставивъ ученіе объ азіатскомъ происхожденіи домашнихъ животныхъ въ зависимость отъ восточнаго преданія и идеи творенія. Иначе, чѣмъ же объяснить это тяготѣніе къ востоку; почему исключительно тамъ должны были развиться домашнія животныя, — развѣ законы развитія въ другихъ странахъ отсутствовали? почему, наконецъ, въ этомъ дѣлѣ народы востока являются самостоятельными, а остальные нѣтъ? Не потому ли, что, согласно преданію, все пришло отъ Азій, съ Востока, и оттуда распространилось по всему свѣту.

Эльпе.

¹⁾ Достоинно замѣчанія, что кошка не была извѣстна древнимъ грекамъ, о ней не упоминаетъ ни Гомеръ, ни даже Аристотель. Она не была также извѣстна евреямъ во время Моисея. Въ древнемъ же Египтѣ она составляла одно изъ обычныхъ домашнихъ животныхъ.

²⁾ Піветель нашелъ въ одной изъ древнѣйшихъ пещеръ каменнаго вѣка кости тиды, которыя представляютъ нѣкоторый варіететъ домашней курицы.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ.

(СЪ КУБЕНСКАГО ОЗЕРА).

I.

Кубенское озеро обмывает берега Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ; длина его 60 или 70 верстъ, ширина отъ 7 до 10 верстъ, глубина отъ 1 до 4 сажень и едва ли доходить гдѣ нибудь до 7. Хотя на картѣ, по длинѣ, и пересѣкаетъ озеро междууѣздная граница, но прибрежные жители о существованіи этой границы не вѣдаютъ и пользуются озеромъ не только какъ общинною собственностью, но и какъ общественною.—Рыбакъ Кадниковскаго уѣзда, напр., ловить рыбу не только подъ своимъ берегомъ и подъ берегами сосѣднихъ волостей того же уѣзда, но во всякое время года преспокойно ѣдетъ къ берегу Вологодскаго уѣзда и тамъ ставитъ свои сѣти; артель рыбаковъ съ неведомъ ѣдетъ ловить рыбу верстъ за 50 отъ своего селенія, и близъ одного мѣста лѣтомъ стоитъ иногда нѣсколько недѣль, захватывая въ каждую тоню десятки пудовъ рыбы, и ни отъ кого не услышитъ окрика: «какъ вы смѣли, кто вамъ дозволилъ ловить подъ нашимъ берегомъ!» Когда, весной, вода залыетъ на луга крестьянъ, напр., Кадниковскаго уѣзда, вологжане тутъ же, на этихъ лугахъ, преспокойно и мирно, рядомъ съ собственниками покосовъ, лучать (бьютъ острогомъ) рыбу. Но ошибся бы тотъ, кто сталъ бы считать рыбаковъ отъявленными коммунистами. Собственность ими чтится болѣе, чѣмъ кѣмъ либо другимъ. Права же на собственность даетъ только личный трудъ. Извѣстно, что рыба мало стоитъ на ровномъ, гладкомъ днѣ, а выбираетъ для стоянки или каменистое мѣсто, или ломъ. Рыбаки, хорошо зная это, ставятъ «холмы», т. е. погружаютъ въ воду вѣтвистыя деревья;

на этихъ холахъ осенью рыбаки ловятъ въ ботальницы (видъ сѣтей) сорогу, а зимой, на уду, окуня. На холѣ, безъ дозволенія хозяина, никто не ловитъ рыбы и не имѣетъ на это права. Но если рыбагъ поставитъ холу на каменистомъ мѣстѣ, то на такой холѣ ловить рыбу имѣетъ право всякій. «На камню рыба стоитъ и безъ холы, такъ ее ловить и ты, и я, и всякій можетъ; тутъ на холу нечего смотрѣть»; такъ говорятъ вамъ рыбаки, отстаивая свои права на природное богатство и отрицая право захвата. Спокойно также оставляетъ рыбагъ въ озерѣ и сѣти, и крюки съ наживою, и оставляетъ ихъ часто на нѣсколько сутокъ безъ всякаго присмотра; ночью, во снѣ, равно и днемъ, за работой, его не тревожитъ мысль, что кто нибудь вынетъ изъ сѣтей рыбу или сниметъ ее съ крюковъ; не боится онъ и за цѣлость оставленныхъ на берегу, открыто, въ лодкѣ, топора, кожана, паруса и цѣнныхъ рыболовныхъ снастей. На вопросъ, были ли примѣры кражи снастей и другихъ рыбацкихъ принадлежностей, рыбагъ обыкновенно отвѣчаетъ: «на памятяхъ-то бывали, да мало». И 60-лѣтній старикъ сообщить вамъ не болѣе двухъ-трехъ примѣровъ кражи снастей и проч., бывшихъ въ сосѣдствѣ на его памятяхъ, т. е. въ пятидесятилѣтній періодъ времени. Тотъ же старикъ, на вопросъ: возможна ли кража снастей и не усиливается ли она за послѣднее время? говорить: «поди по берегу, да обирай, сколько хочешь; гдѣ отыскать вора, особливо, если онъ пережвѣнитъ у сѣтей полавки да тетивы? Вотъ нонѣ поболѣ стало проѣзжающихъ, такъ отъ тѣхъ топоръ или кожу иной разъ прачешь куда нибудь на берегу, въ лодкѣ не оставляешь; а нашъ братъ, рыбагъ, не шалитъ.—А рыбы въ сѣтяхъ не трогаютъ?—«Иной разъ изъ садковъ наживу (медкая сорога) берутъ, а въ сѣтяхъ рыбы не трогаютъ; когда, мимоходомъ, сквозь ледъ увидишь, что на чьемъ нибудь крюкѣ ходитъ щука, да время не торопится, такъ выпѣшаешь ее изъ-подо льду да толкомъ привяжешь, чтобы не сорвалась; а братъ себѣ, не берутъ».—Вотъ Н. И., продолжалъ я разговоръ, жалуется, что у него и съ крюковъ, и изъ сѣтей часто воруютъ рыбу.—«Съ крюковъ подростки иногда снимаютъ рыбу; да это вѣдь не рыбаки: и отцы ихъ не ловятъ рыбы, а сами они бываютъ на озерѣ только послѣ первыхъ заморозковъ, ловятъ окуней на уду. А этому Н. И. не вѣрь: жадность это въ немъ говорить; часто вѣдь сами щуки съ крюковъ уходятъ, часто совсѣмъ и крюки обрываютъ; тоже и изъ заводу (сѣтей) рыба уходитъ, а мѣсто то послѣ не узнаешь: заводъ спуганъ. Н. И. жаденъ, такъ и думаетъ, что рыба не сама ушла изъ заводу, а вынята». Это объясненіе, могу завѣрить, вполне справедливо; иные злые языки добавляютъ даже, что Н. И. разъ самъ былъ замѣченъ въ томъ, въ чемъ по жадности обвиняетъ другихъ.

Такова форма владѣнія озеромъ; теперь сообщу о формахъ пользо-

ванія имѣ, о формахъ его эксплуатаціи. Описывать всѣ виды рыбной ловли и очень длинно, и скучно. Опишу только артельное рыболовство, два его вида: ловлю неводомъ и сѣтью. Что такое неводъ, знаетъ всякій; имѣ ловятъ зимой и лѣтомъ. Ловля неводомъ зимою производится слѣдующимъ образомъ. Въ концу канатовъ невода, у обѣихъ крыльевъ, привязываютъ по очень длинной, узкой тесинѣ (называемой жердью). Выбравъ на озерѣ мѣсто для ловли, продѣлываютъ большую прорубь; въ нее опускаютъ подъ ледъ первоначально жерди въ двѣ противоположныя стороны; тамъ, гдѣ долженъ остановиться передній конецъ жерди, пропѣшиваютъ новую, небольшую прорубь, и искусною рукою, при помощи багра, проталкиваютъ жердь впередъ. Потомъ пѣшаютъ новую прорубь, ведутъ жердь впередъ, и т. д., до тѣхъ поръ, пока весь неводъ, черезъ первую большую прорубь, не уйдетъ за жердями въ воду ¹⁾. Когда неводъ растянуть, жерди того и другаго крыла дѣлаютъ заворотъ и, передвигаясь прежнимъ способомъ, обѣ направляются къ одной точкѣ, гдѣ дѣлается «выходъ», т. е. большая прорубь, черезъ которую неводъ вытаскиваютъ на ледъ. Если ловятъ однимъ неводомъ, а не двумя, тремя или четырьмя вмѣстѣ, то выходъ дѣлается у самаго берега, иначе рыбу невозможно запереть, она уйдетъ въ озеро; поэтому неводъ одиночка называется береговымъ. Лѣтніе невода всѣ береговые; чтобы можно было, зимой, ловить рыбу неводомъ, не только подъ берегомъ, но гдѣ угодно въ озерѣ, соединяются вмѣстѣ на продолжительный періодъ времени два, три и четыре невода; отсюда названія: двойня, тройня, четверня. Въ этомъ случаѣ невода становятся въ озерѣ другъ противъ друга. Четверня съ растянутыми крыльями представляетъ форму квадратнаго четвероугольника, каждая закругленная сторона котораго около 200 саж.; въ углахъ этого квадрата крыло одного невода сходится съ крыломъ другаго, такъ что рыба, находящаяся внутри четвероугольника, заперта въ немъ. Изъ каждаго угла, встрѣчныя крылья сосѣднихъ неводовъ направляются по діагоналямъ къ центру квадрата; по діагонали идутъ два крыла въ рядъ по обшимъ для обѣихъ прорубямъ. Выходы для неводовъ дѣлаются въ центрѣ квадрата на незначительномъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Для исполненія сказанныхъ работъ, понятно, нужно немало рабочей силы. Неводъ одиночка требуетъ 16 работниковъ и 5 лошадей; въ четвернѣ работаетъ не менѣе 64 человекъ, а иногда болѣе 70. Каждый

¹⁾ Тянуть за жердью весь неводъ нѣтъ физической возможности; для этого черезъ прорубь, которую только что оставила жердь, вытаскиваютъ багромъ на ледъ канаты верхней и нижней тетивы невода и ими подтягиваютъ самый неводъ; жердь же идетъ впередъ только со свободнымъ концомъ каната.

работникъ—равноправный членъ артели. На Кубенскомъ озерѣ не знаютъ и не помнятъ ни одного невода съ наемными рабочими. Обыкновенно каждый членъ артели участвуетъ наравнѣ съ другими личнымъ трудомъ; лошади для перевозки невода и другихъ работъ доставляются членами поочередно, точно также каждый членъ доставляетъ определенное количество сажень сѣти (20 саж.); эти членскія сѣти спиваются вмѣстѣ—и неводъ готовъ. Тогда общій голосъ артели опредѣляетъ, кому быть «хозяйномъ»; хозяинъ при неводѣ одинъ, будь то четверня или неводъ-одиночка. Хозяinomъ обыкновенно бываетъ самый искусный, добросовѣстный рыбакъ: онъ не только знаетъ нравъ и жизнь каждой рыбы, но знаетъ и озеро, какъ свои пять пальцевъ; ему должны быть извѣстны во всемъ озерѣ всѣ рыбныя мѣста, всѣ отмели и углубленія, онъ долженъ знать, гдѣ дно каменистое, гдѣ илистое, гдѣ песокъ, гдѣ трава; онъ долженъ знать, по возможности точно, мѣстонахожденіе даже отдѣльныхъ камней. Знать все это необходимо: на удачу пускать неводъ въ озеро, принимая во вниманіе трудность работъ, крайне невыгодно; если неводъ задѣнетъ за что нибудь, отдѣвать его и лѣтомъ трудно и убыточно, такъ какъ рыба уходитъ, а зимою, когда неводъ идетъ подо льдомъ, отдѣвать его гораздо труднѣе. И добросовѣстный рыбакъ, обладающій требуемыми знаніями, бываетъ хозяinomъ, безсмѣнно, много годовъ. У хозяина невода и сборный пунктъ для артели, отъ него изъ дому отправляются на ловлю; хозяинъ хранитъ артельныя деньги до времени дувана (дѣлежа) и завѣдуетъ продажей рыбы, отдавая отчетъ артели, причемъ одинъ изъ ея грамотныхъ членовъ ведетъ для контроля приходорасходную записъ¹⁾. Хозяинъ выбираетъ мѣсто для ловли, наряжаетъ членамъ работу, самъ принимаетъ дѣятельное въ ней участіе (лѣтомъ у него работы болѣе, чѣмъ у кого либо изъ членовъ), смотритъ за исправностью работъ и снастей. Относительно выбора мѣста для ловли, артель, особенно прежде (не менѣе 15—20 годовъ назадъ), имѣла только право совѣщательнаго а не рѣшающаго голоса; хозяинъ могъ идти въ этомъ случаѣ противъ мнѣнія всей артели. Артельщики, допустившихъ оплошность, хозяинъ нерѣдко вразумлялъ съ горяча оплеухами; но такое вразумленіе было нерѣдко только прежде, нынѣ же, по словамъ хозяевъ, народъ не переносчивъ сталъ: «тронь инова пальцемъ, такъ онъ сдастъ всей пятерней». Хозяинъ съ установившеюся репутаціей и прочно удерживающійся на своемъ

---

¹⁾ Вѣроятно, въ видахъ гарантіи противъ плутовства со стороны хозяина, между рыбаками сложилось повѣрье, что если хозяинъ допуститъ малѣйшую недобросовѣстность при продажѣ рыбы или при храненіи ея и денегъ, то рыба перестанетъ ловиться.

мѣстѣ, самъ принимаетъ въ артель новыхъ членовъ, доводя о томъ до свѣдѣнія прочихъ, голоса которыхъ и въ этомъ случаѣ, хотя иногда только формально, но все-же есть высшая, рѣшающая инстанція. На вопросъ: имѣеть-ли право такой, прочно утвердившійся на мѣстѣ хозяинъ удалять произвольно членовъ изъ артели? я прямого утвердительнаго или отрицательнаго отвѣта не получалъ. «На инова хозяинъ и осерчаетъ, велить уходить изъ артели; да артель если за него попроситъ, такъ онъ и останется».—Можеть-ли хозяинъ не послушать артель, задавалъ я новый вопросъ?—«Эдакъ-то не бывало. Иной изъ насъ хотъ и виновать въ чемъ, да какъ ты его выгонишь изъ артели: есть такіе, что, помимо артели, ему во всю зиму гроша не добыть». Вотъ что говорятъ вамъ вмѣсто точнаго отвѣта на вопросъ о взаимныхъ правахъ артели и хозяина. Однако хозяина, которымъ члены недовольны, артель во всякое время можетъ смѣнить, если только, безъ ущерба для промысла, есть возможность замѣстить его другимъ. Вообще практика не представляетъ крупныхъ раздоровъ между хозяиномъ и членами артели; такое-же обстоятельство, какъ вразумленіе плухами, считалось, да пожалуй считается въ теоріи и нынѣ, необходимою принадлежностью промысловъ, какъ необходима была недавно розга въ школѣ.

Остается теперь сказать о томъ, какъ артель распоряжается продуктами труда. Рыба продается мѣстнымъ прасоламъ. Нельзя сказать, чтобы прасолы составили себѣ этою торговлею большое состояніе, да конечно и впредь не составятъ, такъ какъ сильно пьютъ и потому не рѣдко теряютъ деньги. Если замѣтишь рыбакамъ, что лучше бы артели самой доставлять рыбу на городской рынокъ, то услышишь возраженіе, диктуемое страхомъ риска: «много хлопотъ будетъ: вѣдь прасолы хотъ иной разъ и большой барышъ огребуть, такъ въ другой—дыру въ горсти привезутъ и убытку хватятъ». Изъ вырученныхъ артелью денегъ за рыбу, хозяину, при дуванѣ, кромѣ пая, дается денежная благодарность, размѣръ которой вполнѣ зависитъ отъ воли членовъ и отчасти отъ успѣха ловли; жердениковъ, т. е. лицъ, гоняющихъ жердь, (отъ нихъ требуется снаровка, и это обыкновенно кандидаты на хозяина)—при хорошемъ ловѣ, артель тоже иногда даритъ деньгами. Остальная сумма дѣлится совершенно ровно между всѣми членами артели. Членскій пай за всю зиму колеблется между 10 и 40 рублями. При распредѣленіи продуктовъ лова пользуется, значить, постоянною привилегіею, только одинъ хозяинъ. Ему достается отъ двухъ до трехъ паевъ: пай членскій, денежная благодарность, которая тоже достигаетъ иногда размѣровъ пая, и наконецъ, третій пай рыбою; хозяину четверни предоставлено право бесплатно пользоваться артельною рыбою во все время лова для пот-

ребленія ея въ семьѣ; хозяинъ невода-одиночки получаетъ бесплатно рыбу только въ большіе праздники; остальные же члены артели и для личнаго продовольствія рыбу покупаютъ. Хозяйская привилегія на большую, сравнительно съ другими членами, долю въ уловѣ обусловливается его знаніями и искусствомъ, а также и хлопотами, которыхъ прочіе члены не знаютъ; къ хозяину на домъ ежедневно собирается артель при отправкѣ на озеро; хозяинъ спшиваетъ неводъ, починаетъ, сушитъ его и т. п.

Предполагаю, многихъ интересуесть вопросъ, дается ли пай заболѣвшимъ членамъ? Рабочей силы при неводѣ излишней нѣтъ, поэтому при продолжительной болѣзни члена, онъ посылаетъ изъ семьи кого-либо взаимѣнъ себя; если же это невозможно, то больной членъ или выходитъ изъ артели, или, на время болѣзни, нанимаетъ на мѣсто себя кого нибудь со стороны. Только въ подобномъ случаѣ и можно встрѣтить при неводѣ наемнаго рабочаго.

Ранѣе я упомянулъ, что есть еще артели, ловящія сѣтью. Сѣть—это небольшой неводъ (каждое крыло 60 сажень), ея ловятъ въ первую половину зимы, когда ледъ еще не очень толстъ, и ловятъ тѣмъ же способомъ, какъ и неводомъ-одиночкою. Членовъ артели при сѣти восемь; сборный пунктъ у хозяина; правъ распорядителя дѣлами артели онъ не имѣетъ и пай его равенъ членскимъ паямъ. О мелкихъ артеляхъ, состоящихъ изъ двухъ человекъ, говорить много нечего; для ловли рыбы въ лодкѣ нужны два человека, а въ семьѣ часто бываетъ только одинъ работникъ; если такой малосемейный хочетъ ловить рыбу, то ищетъ себѣ товарища. Такія малыя артели не отличаются постоянствомъ: онѣ быстро возникаютъ, быстро и распадаются. Число ихъ опредѣлить невозможно; нельзя сказать, чтобы ихъ было много, такъ какъ малосемейные рѣдко ловятъ рыбу за недостаткомъ времени. Число же крупныхъ неводскихъ артелей можно опредѣлить съ точностью: зимою 1877—1878 г. на озерѣ ловила одна четверная, три двойныя и не менѣе 6 неводовъ-одиночекъ; «ситарскихъ» артелей было не менѣе 50. Считая минимумъ 16 работниковъ при неводѣ и 8 при сѣти, найдемъ, что зимою въ артеляхъ было не менѣе 656 членовъ. Лѣтомъ ловить болѣе или менѣе постоянно не болѣе 10 неводовъ, такъ какъ члены отвлекаются полевыми работами и, по временамъ, всѣмъ имъ заразы собираться трудно. Годовъ 25 назадъ, крупныхъ неводскихъ артелей было, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе; количество же «ситарскихъ» артелей не падаетъ, а скорѣе возрастаетъ. Меня заинтересовала причина уменьшенія крупныхъ артелей: «не вслѣдствіе ли упадка артельного духа, думалъ я, — рушатся артели»? Для разъясненія причинъ я обратился съ распросами къ ры-

бакамъ. Они поголовно объясняютъ уменьшеніе артелей уменьшеніемъ рыбы въ озерѣ. «Теперь нѣтъ выгоды ловить, говорили они, какъ за зиму-то получишь десять рублей: вѣдь и снасти рвутся, и обудка, и одежа, и сѣно изъ саней вѣтромъ тащить,—вотъ всѣ твои 10 рублей и разошлись, а барыши откладывай въ карманъ. Теперь за деньгами въ Питеръ пошли, а не на озеро». Дѣйствительно артели разрушались постепенно, какъ постепенно уменьшалась рыба. Четверни и тройни, ихъ прежде было не мало, распались на двойни и одиночки, одиночки превращаются въ ситарныя артели или совѣмъ распадаются; если рыба хорошо ловится, то малая артель, а тѣмъ болѣе единичныя ловцы скорѣе соберутся на промыселъ и не упустятъ горячаго времени; а не ловится рыба, такъ рыбаки исправляютъ домашнія работы.

А рыба нынѣ часто не ловится. Уменьшеніе ея въ озерѣ очень ощутительно. Годовъ 10 тому назадъ администрація, съ цѣлью противодѣйствовать этому злу, запретила ловить рыбу мутникомъ. Мутникъ—это сѣть съ мелкими ячеями, въ нее ловили очень мелкую рыбу и продавали сушеною. Кубенскій окуневый «сущъ» расходился широко и доставлялъ рыбакамъ большія выгоды. Запретъ ловить сущъ сильно подорвалъ падавшій уже отъ безрыбья промыселъ и погналъ кое-какъ державшихся рыбаковъ, за деньгами, съ озера въ Питеръ. Изъ нѣкоторыхъ деревень Борисовской волости, Вологодскаго уѣзда, до запрета, въ Питеръ ходило не болѣе 3 человекъ; теперь изъ той же деревни идетъ не менѣе 30-ти. Рыбаки именно этому запрету приписываютъ свое обѣдненіе; хотя обѣдненію, можетъ быть, способствовали и общія экономическія причины, но въ иныхъ мѣстахъ рыбаки говорятъ: «до того (до запрета) о продажѣ скотины за недоимки у насъ не слыхать было, а теперь это частенько дѣлается». Послѣ такихъ рѣчей становится понятнымъ, что запретъ ловить сущъ не могъ быть принятъ рыбаками доброжелательно; и дѣйствительно рыбаки, съ цѣлью устранить его, дѣлали складчины даже до 300 р., вручали эти деньги ходоку и отправляли его въ Петербургъ хлопотать о разрѣшеніи лова; ходоки посылались неоднократно, употребляли эти деньги въ Петербургъ на подарки, на составленіе и написаніе прошеній, но ничего не достигли: крестьяне не знаютъ даже отвѣтовъ на эти прошенія. При такомъ отношеніи рыбаковъ къ дѣлу неудивительно, что, и послѣ запрета, мутникъ, хотя тайкомъ, но нерѣдко употребляется въ дѣло. Полиція, по временамъ, дѣлаетъ громы, сжигаетъ мутники и штрафуетъ виновныхъ. Въ концѣ сентября 1877 года, при арестѣ мутниковъ въ мѣстечкѣ Никулинскомъ, Борисовской волости, разыгралась слѣдующая исторія. Членъ полиціи

города Вологды, рано утромъ, кажется 28 сентября, при понятыхъ, накрылъ одного рыбака при озерѣ съ мутникомъ. По словамъ крестьянъ, рыбакъ былъ сильно побитъ. Съ озера чиновникъ отправился производить обыски по деревнямъ. При обыскахъ понятые вели себя не особенно вѣжливо; такъ, одна баба, впоследствии, на судѣ, показывала: «смотрю, вошли въ избы незнакомые люди; я имъ что-то сказала, а одинъ изъ нихъ какъ рѣзнетъ меня по уху, такъ я безъ памяти и свалилась... опаматовалась,—въ избѣ никого ужъ нѣтъ; съ тѣхъ поръ вотъ я не слышу, оглохла». Такое обращеніе понятыхъ, хотя и вызывало недоброжелательныя замѣчанія со стороны крестьянъ, но обыскъ первоначально шелъ какъ по маслу. Наконецъ, чиновникъ поѣхалъ съ обыскомъ въ третью, большую деревню. Въ полѣ передъ деревнею онъ замѣтилъ шумную толпу. Чиновникъ, не доѣхавъ еще до толпы и не зная доподлинно ея настроенія, струсилъ, вернувшись съ прямой дороги въ деревню къ домамъ причта, а для утрашенія бунтовщиковъ велѣлъ своему приближенному стрѣлять изъ револьвера (выстрѣлъ былъ только одинъ). Бѣгство полицейскаго, отсутствіе въ числѣ понятыхъ мѣстныхъ властей (сотскаго, старшины, старосты) и еще кое-какія не рекомендующія полицію соображенія породили въ крестьянахъ подозрѣніе, что это неуполномоченный отъ полиціи, а какой-нибудь пройдоха прижимаетъ ихъ съ цѣлю наживы. Въ толпѣ закричали: «робята! это выжига, а не начальникъ! за взяткой пріѣхалъ!» Для удостовѣренія въ правахъ чиновника, крестьяне направились къ дому священника, куда скрылся полицейскій, и потребовали бумагу, дающую право чиновнику производить обыскъ. Свое полномочіе полицейскій, на бѣду, забылъ въ Вологдѣ. Такой отвѣтъ не могъ разсвѣять подозрѣній. Населеніе окрестныхъ деревень все поголовно собралось къ домамъ причта. Ребята, дѣвки, мужики, бабы, старики—всѣ были возбуждены; горячились даже люди нисколько незаинтересованные въ дѣлѣ, никогда не ловившіе рыбы. Подъ вліяніемъ охватившаго всѣхъ возбужденія, рыбаки поволотили крестьянина сосѣдней волости, занимавшагося, съ цѣлю личной поживы, доносами на ловившихъ. Доносчикъ, при первомъ появленіи крови, съ намѣреніемъ искусно перепачкался въ ней и, удовлетворивъ тѣмъ жажду мести толпы, успѣлъ найти пріютъ въ домѣ дьякона. Толпа разошлась только послѣ полудня; полицейскій чиновникъ благополучно уѣхалъ. Кажется трудно было отыскать зачинщиковъ, такъ какъ ихъ не было, а предварительное слѣдствіе умудрилось указать ихъ. На судѣ привлечено было десять человѣкъ подсудимыхъ. Московская судебная палата, въ декабрѣ 1878 г., двухъ изъ нихъ приговорила къ двухнедѣльному аресту, третьяго—къ штрафу въ 15 р., а остальныхъ оправдала.

Принесъ ли хотя какіе нибудь положительныя результаты запретъ ловить мелкую рыбу? Тамъ, гдѣ не ловили прежде «сущъ», къ запрету относятся индифферентно; но говорятъ, что и поныѣ рыба уменьшается въ озерѣ по прежнему. Мѣстности же заинтересованныя въ дѣлѣ—тяготятся запретомъ.—«Большая рыба есть—и малая будетъ; большой нѣтъ—и малой не будетъ». Вотъ приговоръ этой административной мѣрѣ со стороны заинтересованныхъ лицъ.

По этому вопросу, въ одномъ изъ зимнихъ №№ «Сѣвернаго Вѣстника» (зима 1871/72 г) я встрѣтилъ подобное же резюме какого-то докладчика въ какомъ-то экономическомъ обществѣ, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: Безрыбье нашихъ озеръ и рѣкъ, ежегодно возрастающее, не смотря на всѣ мѣры противъ него, имѣетъ причину недостатковъ для рыбы пищи; садите въ озера миліонами искусственно разводимую рыбу, но если вы ее не покормите, то она погибнетъ безслѣдно; пишите законы, запрещающіе ловить рыбу, хотя кровью рыбаковъ, но цѣли всетаки не достигнете: рыба исчезаетъ отъ недостатка пищи, а не отъ неправильнаго лова.

Правъ-ли докладчикъ—судить не берусь.

Введенскій.

IV. ПРАЗДНИКИ И ГОДОВЩИНЫ.

День всѣхъ святыхъ въ Парижѣ.

Я посѣщалъ владбище Père Lachaise въ разное время и при самыхъ различныхъ условіяхъ; я видѣлъ его залитымъ благодатными лучами солнца, и въ теплый лѣтній вечеръ, и покрытымъ, зимою, слоемъ липкой грязи, смѣшанной со снѣгомъ; видѣлъ его при сборищѣ народной толпы въ нѣсколько десятковъ тысячъ, отъ которой какъ бы дрожала земля, и заходилъ въ него тогда, когда тамъ царствовало полнѣйшее безлюдье и дѣйствительно могильная тишина; но никогда оно не производило на меня того впечатлѣнія, какое долженъ испытывать человекъ, посѣщая это мѣсто печали и послѣдняго жилища умершихъ. Англійскія владбища, съ своими плазучими ивами, искусственно дикою чащею кустарниковъ и надгробными памятниками строгого стиля, надписи которыхъ, взятая изъ библейскихъ стиховъ, угрожаютъ страшною минутой послѣдняго суда, или, будучи почерпнуты изъ болѣе кроткихъ изрѣченій священнаго писанія, утѣшаютъ надеждой на безконечную благодать Сына Божія, — способны навести чувство глубокой грусти на душу даже самаго равнодушнаго человека; господствующее въ этихъ словахъ настроеніе имѣетъ свойство увеличивать и увѣковѣчивать безутѣшную скорбь одиночества, испытываемаго обыкновенно при потерѣ дорогаго намъ существа. Испанскія и итальянскія владбища представляютъ собою совсѣмъ иное воззрѣніе на смерть и придаваемый ей смыслъ. Между зеленѣющихъ блестящею листвою душистыхъ миртовыхъ деревьевъ видѣются бѣлые мраморные памятники; безчисленное множество на-

ходящихся тамъ могилъ не имѣютъ никакихъ надгробныхъ плитъ съ надписями, но украшены яркими цвѣтущими растеніями; гніеніе скрывается подъ роскошными благоуханными цвѣтами; отдѣльныя могилы и отдѣльные памятники исчезаютъ въ этой общей массѣ цвѣтовъ и растеній, которыя одинаково заволакиваютъ дерновый холмъ и мраморныя статуи. Смерть представляется здѣсь мирнымъ стремленіемъ къ сліянію въ одно общее, міровое существованіе, гдѣ всякая отдѣльная личность поглощается общею жизнью природы; она является здѣсь тихою, успокоивающею, почти желательною, такъ какъ ее обрываютъ цвѣты и благоуханіе, а не страхъ и горестъ. Рёге Lachaise не имѣетъ ни строгой суровости англійскихъ кладбищъ, ни той поразительной полноты жизни, какая господствуетъ на итальянскихъ. Однимъ словомъ, на немъ не лежитъ величественнаго отпечатка смерти. Оно просто представляетъ собою подобіе и продолженіе города, который отправляетъ сюда своихъ мертвецовъ; всѣ глупости, всѣ роды тщеславія, всѣ мелочныя и пошлыя страсти этого новаго Вавилона внесены даже въ предѣлы кладбища, стѣны котораго не удерживаютъ безумцевъ отъ такого вторженія; парижане даже въ самомъ фактѣ смерти остаются тѣми же, какими были въ продолженіи всей своей жизни: вѣтренными, свѣтскими комедіантами. Горестъ объ умершихъ, выражающаяся въ памятникахъ, надписяхъ и украшеніи могилъ, не имѣетъ здѣсь своего серьезнаго значенія и несомнѣнной искренности; выраженіе печали слишкомъ многословно, слишкомъ краснорѣчиво для чувства, которое должно выходить прямо изъ сердца. Всѣ эти надписи не трогаютъ васъ, и вы читаете ихъ холодно, какъ ученическія упражненія въ стилистикѣ. Тутъ дѣло говорить само за себя: всѣ эти витіеватыя изліянія, всѣ гладко выточенные стишки и героическіе, смѣло заявляемые афоризмы, которые блестятъ золотыми буквами на изящно отполированныхъ, сѣрыхъ гранитныхъ плитахъ, диктованы не истиннымъ чувствомъ, а комбинаціями разсудка и приличія. Всякая знатная фамилія кичится своими надгробными памятниками. На сколько желаетъ она первенствовать своимъ богатствомъ и элегантнымъ великолѣпіемъ—въ Bois, въ оперной ложѣ, на морскихъ купаньяхъ, на скачкахъ, такъ точно желаетъ она перешеголять другихъ на улицахъ кладбища Рёге Lachaise. Здѣсь, также, какъ и тамъ, внизу, въ городѣ, который съ кладбища видѣнъ во всѣ стороны на необозримое пространство, есть свои элегантныя, буржуазныя и простыя квартиры: тотъ, кто всю свою жизнь прожилъ въ кварталѣ Ма-

девянь или въ Faubourg St. Germain, желаетъ быть похороненнымъ непременно въ большой, средней алеѣ; а тотъ, кто, живя въ зараженномъ разными миазмами уголкѣ квартала Temple, получилъ тамъ чахотку, отволится на вѣчный покой обыкновенно въ самое отдаленное мѣсто, у забора, идущаго по западной сторонѣ кладбища. Богатые люди имѣютъ свои собственные дворцы, люди съ меньшими средствами отправляются въ наемныя квартиры, какія они занимали и при жизни, и гдѣ до нихъ помѣщались цѣлыя цесолвнїя неизвѣстныхъ имъ мертвецовъ, а потомъ и они сами должны будутъ уступить свое мѣсто новымъ нанимателямъ. При постоянной, молчаливой и ожесточенной борьбѣ за существованіе, какая ведется въ громадномъ городѣ большинствомъ его населенія, такъ же трудно прїобрѣсти себѣ на вѣчныя времена могилу, какъ трудно завести свой собственный уголокъ при жизни.

«Суета суety!» вотъ надпись, какою слѣдовало бы сдѣлать надъ воротами кладбища Père Lachaise. Каждый предметъ, представляющійся здѣсь вашимъ глазамъ, говоритъ вамъ, какъ люди жадно цѣпляются за всѣ самыя ничтожныя житейскія отличія и преимущества, какъ велико болѣзненное стремленіе блеснуть и привлечь на себя вниманіе даже за предѣлами гроба и какое глубокое чувство состраданія, чтобы не связать презрѣнія, возбуждаетъ все это въ посѣтителѣ кладбища. Парижанинъ даже и послѣ смерти своей не рѣшается разстаться съ красною ленточкою Почетнаго Легіона, и потому онъ всегда приказываетъ вырѣзать этотъ знакъ отличія на своемъ могильномъ камнѣ. Всякій, полагающій, что при жизни своей онъ оказалъ хотя малѣйшую услугу человечеству, хотя бы послѣдняя ограничивалась лишь фактомъ основанія овощной лавки, которую держали въ теченіи двадцати пяти лѣтъ для блага живущихъ по близости кухарокъ, уже непременно хлопочетъ о томъ, чтобы самодовольно, соотвѣтственнымъ образомъ, заявить объ этомъ на своемъ памятникѣ. Я вполне понимаю смыслъ вырѣзыванія пальмы, какъ эмблемы первенства, на гробѣ какого нибудь академика, изображенія меча на могилѣ солдата, или заглавія книги, прославившей своего автора, на памятникѣ сочинителя. Но здѣсь не ограничиваются этимъ. Неизвѣстные архитекторы приказываютъ изобразить на своей надгробной плитѣ планъ и чертежи какой нибудь будки, которую они выстроили въ сосѣдней улицѣ; на могилахъ депутатовъ воздвигаются монументальной величины ораторскія трибуны, а тотъ, кому нѣчего рассказать о себѣ, что бы говорило лично въ его пользу, тотъ, по крайней мѣрѣ, по-

хвастается хотя тѣмъ, что онъ родственникъ или даже просто землякъ какого нибудь извѣстнаго лица.

Стѣитъ нарочно посмотреть на эти часовни, которыя вышпаются почти надъ каждою могилою. Это просто маленькіе дворцы, кокетливые, элегантныя и отдѣланныя съ самою утонченною роскошью. Всѣ они выстроены изъ мрамора или гранита, входныя двери бронзовыя, украшенныя арабесками или отлитыми фигурами; въ окна вставлены разноцвѣтныя или расписанныя живописью стекла. Налюбовавшись до сыта на прелестныхъ керувимовъ, на урны и на зубцы готической архитектуры или на стройную соразмѣрность изящныхъ колоннъ классической внѣшности этихъ зданій, заглянемъ внутрь ихъ, и что же мы тамъ увидимъ? Отполированныя мраморныя, или расписанныя живописью стѣны, мозаичный полъ, по большей части покрытый дорогимъ ковромъ, разставленныя вокругъ рѣзные, обитые шелковою матеріею стулья и скамейки для молитвы, картины, бюсты, статуи; въ глубинѣ поставленъ богато украшенный столъ, изображающій алтарь, на которомъ стоятъ китайскія фарфоровыя вазы и роскошныя бронзовыя подсвѣчники, а съ потолка спускается превосходной работы лампада. Все это, взятое вмѣстѣ, скорѣе напоминаетъ убранный въ строгомъ вкусѣ будуаръ богатой дамы, отказавшейся отъ всѣхъ проказъ молодости, чѣмъ мѣсто погребенія умершаго и воспоминанія о немъ. Здѣсь-то именно родственники и друзья семейства покойника собираются въ день праздника Всѣхъ Святыхъ и проводятъ около получаса, какъ въ свѣтскомъ салонѣ, въ пріятной компаніи и въ веселой болтовнѣ.

Парижскій Toussaint сохранилъ только названіе этого благочестиваго дня всеобщаго поминовенія усопшихъ. Онъ посвященъ здѣсь не мертвымъ, а живымъ. Праздникъ Всѣхъ Святыхъ имѣетъ въ Парижѣ такое же значеніе, какъ въ Вѣнѣ катанье въ Пратерѣ перваго мая. Весь Парижъ поднимается на ноги и отправляется совершать свою традиціонную прогулку, цѣлю которой случайно оказались кладбища; характеръ ея все тотъ же, какъ еслибы гулянье происходило въ Bois de Boulogne, въ Parc Monceau, или въ Jardin du Luxembourg; настроеніе духа гуляющихъ тоже остается одинаково веселымъ. Съ праздника Всѣхъ Святыхъ начинается офиціальное открытіе зимняго сезона; въ этотъ день выставляются на показъ первыя зимнія моды, отъ эффекта которыхъ будетъ зависѣть принятіе или непринятіе ихъ большимъ свѣтомъ. Такимъ образомъ, знатная публика ѣздитъ на кладбища, чтобы показать свои новыя туалеты, а прочая—

отправляется туда для того, чтобы посмотреть на них. День Всѣхъ Святыхъ считается однимъ изъ величайшихъ праздниковъ въ средѣ низшихъ классовъ парижскаго населенія, которое вообще не особенно чтитъ воскресные дни и церковные праздники; но въ этотъ день ни одна занимающаяся какою нибудь работою женщина и ни одинъ мастеровой уже не примутся за свое всегдашнее дѣло; не подумайте, однакожь, что эти усердные труженики дали отдыхъ своимъ рукамъ ради чувства благочестія. Весь рабочій людъ, въ пестрыхъ блузахъ и сѣрыхъ непромокаемыхъ плащахъ, гурьбою спѣшитъ на кладбища, чтобы тамъ весело поболтать съ знакомыми, завязать какую нибудь скороспѣлую любовную интригу, завести знакомство и посмотреть на знатныхъ баръ. Отправляются туда обыкновенно въ одиночку, а возвращаются уже парами. Съ кладбища идутъ въ сосѣдніе кабаки, кофейни, портерныя, и день оканчивается самыми безобразными оргіями.

Но причемъ же тутъ сами умершіе? Они играютъ самую послѣднюю роль въ этотъ день, который, какъ всѣ полагаютъ, посвященъ ихъ воспоминанію. Конечно, всякое семейство считаетъ необходимымъ украшать въ этотъ день могилы своихъ близкихъ; но это дѣлается единственно лишь потому, что свѣтское приличіе требуетъ, чтобы на памятникахъ видны были знаки воспоминанія о покойникахъ. Истинное горе и дѣйствительная печаль о недавней утратѣ избѣгаютъ въ этотъ день посѣщенія кладбищъ, наводненныхъ равнодушною, шумно разговаривающею праздничною толпою. Неужели неутѣшная мать захочетъ, чтобы ея горькія слезы были видимы наглыми комі, отыскивающими своихъ, не менѣе безстыжихъ любовницъ? Неужели сдержанныя рыданія сироты должны смѣшаться съ свѣтскою болтовнею знатныхъ господъ и съ хихиканіемъ во всему равнодушной черни? Истинное горе стыдливо и робко въ своихъ проявленіяхъ; оно боится безучастнаго взгляда любопытныхъ, оно ищетъ темноты и уединенія и не пойдетъ осквернять свою святыню, въ день Всѣхъ Святыхъ, на кладбищѣ Père Lachaise, когда оно бываетъ полно сотнями тысячъ праздношатающихся. Мы положительно должны отнести въ области вымысла преданіе о видѣнной тамъ женщинѣ въ траурѣ, которая, почти въ безпамятствѣ отъ истерическихъ рыданій, будто бы найдена была распростертою на свѣжей, обложенной дерномъ могилѣ; описаніе подобной картины можно встрѣтить только на столбцахъ разныхъ сентиментальныхъ фельетоновъ газетъ, но никакъ не въ день Всѣхъ Святыхъ на кладбищѣ Père Lachaise.

То, что можно увидѣть здѣсь, совсѣмъ другаго свойства. Отъ самаго главнаго входа тянется огромная, тѣсная народная толпа, которая не прерывается почти вплоть до Rue de la Voquette и которую по обѣ стороны сдерживаютъ въ должномъ порядкѣ полицейскіе солдаты. На кладбищѣ, по всѣмъ дорожкамъ, вдоль которыхъ расположены могилы, расхаживаютъ цѣлыя легіоны сторожей въ мундирахъ, какимъ могъ бы повзвидовать даже фельдмаршалъ: зеленый фракъ съ серебряными пуговицами, серебряными галунами и съ вышитымъ серебромъ изображеніемъ герба города Парижа на огвороченныхъ фалдахъ, черная треугольная шляпа съ трехцвѣтною кокардою и съ широкою, черною, обшитою по обѣимъ сторонамъ серебрянымъ кантомъ, перевязью en bandoulière. Носители этого блестящаго костюма держатъ себя съ полнѣйшимъ сознаниемъ своего достоинства и своей ослѣпительной вѣншности; они выступаютъ плавно и гордо, только на одинъ моментъ позволяя себѣ снизойти съ высоты своего величія, именно тогда, когда кто нибудь изъ проходящихъ, смиренно приложивъ руку къ шляпѣ, попроситъ указать ему дорогу. Какъ эти самые элегантно одѣтые сановники—чуть было не сказали слуги—города Парижа, такъ и знаки воспоминанія на могилахъ умершихъ нисколько не располагаютъ къ меланхолическимъ мыслямъ. Вѣнокъ изъ цвѣтовъ или свѣжій букетъ кажутся парижанамъ слишкомъ простыми украшеніями для могилы дорогаго существа въ день Всѣхъ Святыхъ; они не любятъ ничего натурального. Они предпочитаютъ этому какое-то подобіе вѣнка, нѣчто въ родѣ круглой колбасы изъ проволоки съ нанизанными на нее черными и бѣлыми стеклянными бусами гипсовые вѣнки, изображающіе иммортели, выкрашенные, желтою, блестящею краскою, букеты цвѣтовъ изъ *parieg maché*, съ выгнѣсненною на нихъ надписью «*Souvenir*» или «*Aux bien-aimés*» и прочія, тому подобныя, лишенные всякаго изящества и вкуса вещи. Но кромѣ гипсовыхъ и стеклярусныхъ вѣнковъ, они въ особенности любятъ извѣстнаго рода картинки, въ черной овальной рамѣ, подъ выпуклымъ стекломъ, изображающія какую нибудь чувствительную сцену: наприимѣръ, женщину въ элегантномъ траурномъ платьѣ, которая опустилась на колѣни, склонивъ голову на скамейку возлѣ могилы своего мужа; или ребенка, который наклоняется къ надгробному холму, чтобы положить на него вѣнокъ и т. п. Слезливая надпись предназначается для дополненія горестнаго впечатлѣнія, какое должно быть произведено такимъ наивно задуманнымъ изображеніемъ. Я положительно не постигаю, какъ людямъ съ такимъ образованіемъ и тонкимъ

вкусомъ, каковы парижане, могло придти въ голову приносить на могилу своихъ родственниковъ такія глупости и такую базарную дрянъ, купленную за грошъ въ грязной лавчонкѣ какогонибудь, жующаго табакъ и стучащаго своими деревянными сапогами, оверньскаго крестьянина? По моему мнѣнію, тотъ, кто покупаетъ подобныя уродливыя изображенія, чтобы выразить этимъ свою печаль о потерѣ дорогаго ему существа, стоитъ на одной ступенькѣ съ жителемъ Тибета, который механическимъ движеніемъ руки перебираетъ свои четки, думая, что этимъ служить Богу. Но при всемъ этомъ практикуется еще худшая вещь: есть много такихъ людей, которые, обвѣшивая могилы своихъ родныхъ гипсовыми вѣнками и такими же изображеніями, не покупаютъ ихъ, а берутъ на прокатъ дня на два! Да, здѣсь эти вещи отдаются на прокатъ на 48 часовъ за самую ничтожную плату! Не похоже ли все это на злую сатиру, сочиненную мизантропомъ, для оклеветанія самыхъ святыхъ чувствъ человѣческаго сердца?

Театральная мишура, напускной пафосъ, декорационная, бьющая на эффектъ обстановка, мелочное желаніе блеснуть вышностію—вотъ все, что вы можете встрѣтить на парижскомъ кладбищѣ, и никогда это грустное отсутствіе истиннаго чувства не проявляется сильнѣе и осязательнѣе, какъ именно въ день Всѣхъ Святыхъ!

Канунъ Новаго года въ Парижѣ.

Въ году мало такихъ дней, когда парижскій трудовой людъ складываетъ свои усердно работающія руки, рѣшившись не ходить въ мастерскія, въ разныя конторы и въ лавки, чтобы провести день по праздничному, положительно ничего не дѣлая. Я уже говорилъ, что такимъ днемъ обыкновенно бываетъ Toussaint. Подобная честь оказывается въ Парижѣ также кануну Новаго года. Съ вечера св. Сильвестра начинается всеобщее веселое празднчанье, которое, съ наступленіемъ втораго дня Новаго года, для многихъ оканчивается весьма печальнымъ образомъ.

Въ Сильвестровъ вечеръ весь Парижъ, не тотъ важный «tout Paris», который присутствуетъ на первыхъ театральныхъ представленіяхъ, при открытіи ежегодныхъ художественныхъ выставокъ, именуемыхъ salon и т. п., но буквально все, безъ исключенія, населеніе города, начиная съ министра и кончая вѣтошникомъ, который оставляетъ на этотъ вечеръ свой фонарь,

свою врючоватую палку и свою корзину съ тряпьемъ, отправляется на бульвары, гдѣ съ самаго праздника Рождества устраивается пестрая ярмарка; восемьсотъ или тысяча лавокъ расположены на тротуарахъ по обѣимъ сторонамъ улицъ, и онѣ-то именно и служатъ поводомъ къ бывающему тутъ на Новый годъ гулянью. Лавки эти выстроены чрезвычайно просто; это какіе-то маленькіе, сколоченные изъ досокъ шалаши, въ которыхъ нѣтъ и тѣни того изящнаго вкуса и вида, на чтѣ французы всегда были и есть великіе мастера. Достаточно было обрѣзковъ отъ початыхъ кусковъ самыхъ дешевыхъ обоевъ, чтобъ придать этимъ шалашамъ болѣе приличный видъ; но даже и это украшеніе считается излишнимъ, потому что они простоятъ тутъ не дольше двухъ недѣль. Здѣсь продается самый скверный, ничего не стоющій хламъ всякаго рода; вся эта громадная ярмарка устраивается въ расчетѣ на человѣческую привычку къ однажды установившемуся обычаю; всѣ посѣтители остаются больше не передъ самими товарами, а болѣе ради усердно жестикулирующихъ продавцовъ, которые хватаютъ всякаго подошедшаго за пуговицу сюртука и не выпускаютъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ не рѣшится купить хотя на нѣсколько су какую нибудь дрянъ, которая или оставляется опять тутъ же, или отдается въ руки перваго попавшагося на глаза ребенка. Однакожъ, я замѣчаю, что сила привычки къ установившемуся обычаю начинаетъ понемногу притупляться; возьму при этомъ въ примѣръ хоть самаго себя: когда я въ первый разъ совершалъ такое странствованіе по этимъ новогоднимъ лавкамъ, то это удовольствіе обошлось мнѣ по меньшей мѣрѣ въ десять франковъ, но потомъ, когда я уже порядкомъ присмотрѣлся ко всему этому, я отдѣлался только тратою въ пять су, приобрѣтя такъ называемый «question chinoise».

Можетъ быть читатель полюбопытствуетъ узнать, что за штука этотъ «question chinoise»? Но пусть не воображаетъ онъ себѣ чего нибудь особенно интереснаго; все дѣло заключается только въ громкомъ названіи. Это ни болѣе ни менѣе, какъ два кусочка проволоки, соединенные мѣдною цѣпочкою. Китайскій «вопросъ», на который нужно отвѣтить, состоитъ въ слѣдующемъ: какимъ образомъ рознать эти двѣ проволоки, ничего не сломавши? Сначала вещь кажется вамъ очень трудною, но потомъ, когда вы ознакомитесь съ незатѣйливымъ разрѣшеніемъ загадки, то вы увидите, что это до глупости просто. Смотря по требованію времени «вопросъ» переимѣняетъ только свое названіе. Такъ въ 1875 году былъ «эльзасскій вопросъ», потомъ

черезъ годъ «клерикальный», а въ 1877 году, соотвѣтственно событіямъ дня, «восточный вопросъ», но всѣ они вертятся почти на томъ же механическомъ фокусѣ, съ весьма незначительными измѣненіями.

Но главнымъ предметомъ торговли на Новый годъ остаются всетаки игрушки, которыми исключительно наполнена большая половина лавокъ. Впрочемъ вы тутъ не увидите ничего особеннаго или оригинальнаго; въ кукольныхъ комедіяхъ изображается ѣдущій верхомъ на свиньѣ прусаекъ, или французскій матросъ, пихающій въ бочку опять таки прусака, и тому подобныя остроумныя вещи, которыя надобно даже самимъ французамъ; но замѣчательнѣе всего, что въ игрушкахъ преобладаетъ воинственный элементъ, т. е. всевозможнаго рода оружіе; сабли, пистолеты, ружья, пушки, митральезы, сдѣланныя или самымъ топорнымъ образомъ изъ куска дерева, или даже художественно, съ самыми мельчайшими подробностями, такъ что глядя на нихъ вы положительно можете принять ихъ за миниатюрныя модели настоящаго оружія! Много также продается гадкихъ конфетъ въ водотыхъ бумажкахъ, залежавшагося, заплѣсневѣлаго шоколада въ нарядныхъ лакированныхъ коробкахъ съ вырѣзными бумажными кружевами, и промать всякихъ въ такой же степени привлекательныхъ лакомствъ. Многие торговцы исключительно занимаютъ фабрикацію всякихъ, такъ называемыхъ, музыкальныхъ инструментовъ, въ родѣ жестяныхъ флейтъ, трубъ изъ *raree* *maché*, волынокъ, сдѣланныхъ изъ двухъ кусочковъ тростника, табакерокъ съ музыкой и т. п. Вездѣ также промать маленькихъ фонтановъ, волчковъ, керосиновыхъ лампочекъ, дающихъ свѣта не болѣе самаго тусклаго ночника, — и все это выставляется съ разными пышными названіями, какъ бѣ дѣйствительно какія нибудь вновь изобрѣтенныя вещи. Менѣе всего можете вы встрѣтить здѣсь лавокъ съ галстуками и перстанными перчатками, съ дешевою и разумѣется, сообразно цѣнѣ, скверною почтовою бумагою и иллюстрированными книжками; впрочемъ это еще единственныя, годныя хотя для какого нибудь употребленія, предметы изъ всѣхъ, продающихся на этой ярмаркѣ.

Несравненно замѣчательнѣе и интереснѣе всѣхъ товаровъ сами продавцы ихъ; каждый изъ нихъ въ теченіи дѣлаго дня изошряется въ самыхъ фантастическихъ приемахъ, чтобъ привлечь къ себѣ вниманіе мимо проходящей толпы. Какъ самое первобытное и общеупотребительное средство существуетъ разумѣется словесный зазывъ покупателей. Съ непостижимой бы-

стротою и силою голоса, которая заставляет предполагать за-видную крѣпость легкихъ, расписываетъ каждый всѣ удивитель-ныя вещи, находящіяся въ его лавочкѣ. «Путешествіе по всему земному шару въ одну минуту!» оретъ во все горло кто-нибудь и продаетъ маленькіе деревянные глобусы. «Необыкновенно дешево! дешевле никто не продаетъ!» выкрикиваетъ другой, пред-лагая покупателямъ грубой работы деревянныхъ барабашковъ, съ качающеюся головою, или собакъ, виляющихъ хвостомъ. «Вы вѣрно полагаете, что я сошелъ съ ума? реветъ какъ быкъ тре-тій, какъ бы убѣждая мнимоотказывающагося покупателя, — да, это дѣйствительно можно подумать, смотря на достоинство и на дешевизну моего товара. Но я говорю вамъ это серьезно, такъ какъ эта самая дешевизна цѣнъ и доставляетъ мнѣ множество покупателей».

Гдѣ уже словесная рѣчь не помогаетъ, тамъ пускается въ ходъ какойнибудь страшный вошь, крикъ, звонъ и прочее; одинъ отъ времени до времени кричитъ самымъ отчаяннымъ образомъ; при этомъ новый, еще ненаученный опытомъ человекъ ки-дается въ ту сторону, предполагая, что когонибудь рѣжутъ, но видитъ улыбающуюся физиономію, которая обращается къ нему съ слѣдующими словами:—«Вы вѣроятно услышали мой крикъ? Вотъ точно такъ закричалъ вчера отъ удивленія одинъ англи-чанинъ, съ котораго я спросилъ за такую куклу 29 су». Дру-гой звонитъ въ колокольчикъ, третій дудитъ въ какую-то ги-гантскую трубу, четвертый насвистываетъ на головномъ гребнѣ «l'Amant d'Amanda», прочіе пляшутъ или подпрыгиваютъ на од-номъ мѣстѣ, иные дѣлаютъ видъ, какъ будто сардонически хо-чутъ (это одно изъ весьма дѣйствительныхъ средствъ зазыва-нія), кто лаетъ по собачьи, кто пускаетъ въ ходъ громкія хло-пушки и т. д. Весь вопросъ этой бульварной торговли заклю-чается собственно въ моментальномъ привлеченіи публики. Ко-му удастся остановить вниманіе человекъ шести изъ всѣхъ гу-ляющихъ, то въ ту же минуту около его лавки образуется густая толпа, такъ какъ всякій непременно хочетъ въ свою очередь поглядѣть, на что смотреть другіе, поэтому пышныя зазыванія, крикъ, звонъ въ колокольчикъ и подражаніе лаю со-баки оказываются не только цѣлесообразными, но даже необ-ходимыми мѣрами.

А мимо этихъ кричащихъ и на всѣ лады шумящихъ про-давцевъ проходятъ сотни тысячъ людей вплоть до самой ночи. Все это представляетъ собою такое зрѣлище, на которое стоитъ посмотрѣть, еслибъ даже нужно было нарочно пріѣхать

для этого. Всѣ громадныя, длинныя улицы, расходящіяся отъ Château d'Euau звѣздообразно во всѣ стороны, главныя бульвары между Porte st. Denis и церковью Madelaine, второстепенныя бульвары Magenta, Strasbourg, Sebastopol, Voltaire и Hausmann, составляющіе протяженіе въ нѣсколько нѣмецкихъ миль, покрыты сплошною массою снующаго взадъ и впередъ народа. Чтобъ представить себѣ эту картину недостаточно будетъ сравнить ее съ движеніемъ, происходящимъ въ пчелиномъ ульѣ, или съ суетою разрытаго муравейника, потому что это дастъ понятіе только о видимости, а слухъ останется всетаки ни при чемъ, между тѣмъ какъ именно онъ и бываетъ тутъ пораженъ по преимуществу. Пчелы и муравьи не производятъ при своемъ движеніи большого шума, но тамъ, гдѣ собралась трехсотъ-тысячная толпа парижанъ, уже навѣрно будетъ такой гамъ и крикъ, какихъ не въ состояніи произвести три миліона людей другой націи. Все это вмѣстѣ болтаетъ, лепечетъ, кричитъ, гогочетъ, скрипитъ и поетъ, такъ что стекла дрожатъ въ окнахъ и вы чувствуете какой-то одуряющій звонъ и гулъ въ ушахъ; въ этому необходимо прибавить еще топотъ, подпрыгиваніе, приплясываніе, маханье руками, раскачиваніе головами, такъ что у васъ темнѣетъ въ глазахъ и вамъ кажется, что будто и земля, на которой вы стоите, и воздухъ, который васъ окружаетъ, все это вертится, въ какомъ то несюнчаемомъ вихрѣ.

Какъ будто рѣка, выпешдая изъ береговъ, разлилась по широкимъ асфальтовымъ тротуарамъ, отъ самыхъ домовъ до гранитныхъ тумбъ около мостовой двигается эта масса людей, въ которой смѣшались всѣ самыя разнородныя элементы общества: модныя франты въ смѣшномъ востюмѣ, уже нѣсколько лѣтъ какъ принятомъ всею «haute gomme» и который состоитъ изъ длиннаго до пять и съ поднятымъ до ушей воротникомъ халата изъ мохнатой матеріи, падающимъ сзади широкими складками и перехваченнымъ въ талии поясомъ; знатныя дамы въ мѣховыхъ, съ высокими каблуками, сапожкахъ, коротенькой бофточкѣ, опушенной соболемъ или песцовымъ мѣхомъ, съ муфтою, изображающею морду какого нибудь звѣря и прикрѣпленною къ шнурку, который надѣтъ на шею; другія, въ старомодныхъ, длинныхъ, прямыхъ, покрытыхъ шелвою матеріей, салонахъ на бѣлицемъ мѣху, съ такимъ же воротникомъ; а между ними, одѣтыя столь же богато, но болѣе рѣзко и эксцентрично, всегдашнія вечернія посѣтительницы бульваровъ. Ихъ туго набрахмаленныя юбки трещатъ какъ хлопунки, высоко поднятыя шелковыя платья шуршатъ и шумятъ, а длинный, волочащійся

шлейфъ путается у всѣхъ въ ногахъ, такъ что наступившій на него рискуетъ расшибить себѣ носъ; лица ихъ раскрашены совсѣмъ особеннымъ образомъ, далеко не по образцу итальянскихъ или фламандскихъ портретистовъ, но совершенно исключительнымъ и въ высшей степени страннымъ способомъ: щеки покрыты изжелто-сѣрою краскою, съ самымъ блѣдно-розовымъ оттѣнкомъ; губы — ярко-краснымъ карминомъ, верхняя губа слегка тронута темною сѣпѣй, нижнія вѣки глазъ оливково-зеленыя, рѣсницы и брови совсѣмъ черныя, а лобъ, носъ и уши бѣлыя какъ мѣлъ. Эти такъ тщательно разрисованныя куклы составляютъ всегда предметъ зависти и удивленія для безчисленнаго множества маленькихъ *ouvriers*, которыя съ своею простою и вмѣстѣ изящною прическою и своимъ вѣчнымъ коричневымъ *palette* такъ благотворно дѣйствуютъ своимъ появленіемъ посреди всей этой толпы. Далѣе идетъ патриархально прогуливающееся буржуазное семейство: супругъ — маленькаго роста, тощій, безбородый, смиреннаго вида, а супруга — большая, толстая женщина, съ довольно густыми усами, рѣшительными движеніями и звучнымъ *contralto*, и ихъ дѣти, болѣе тепло, чѣмъ порядочно одѣтыя. Потомъ всевозможныхъ полковъ солдаты, мастеровые въ синихъ блузахъ, нѣкоторые даже безъ шапокъ, цѣлый легионъ *sergents de ville*, зорво слѣдящихъ въ этомъ темномъ лабиринтѣ за тѣснымъ сосѣдствомъ рукъ съ чѣмъ нибудь чужимъ карманомъ — и вотъ у васъ передъ глазами всѣ главнѣйшіе типы, изъ какихъ состоитъ эта движущаяся масса.

Весь этотъ живой потокъ людей, отъ *Porte st. Martin* и *st. Denis*, стремится мимо великолѣпно освѣщенныхъ магазиновъ бульваровъ *Bonne Nouvelle*, *Poissonnière*, *Montmartre*, мимо *Café Vichy* и Оперы, на другую сторону, чтобъ воротиться обратно по той же дорогѣ, но уже инымъ путемъ.

Всѣ веселы, всѣ улыбаются, ноги не устаютъ десять разъ проходить по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ, глазамъ не прискучено смотрѣть въ сотый разъ на то, что они уже видѣли девяносто десять разъ передъ этимъ. Вся эта необозримая людская толпа радуется и забавляется какъ группа школьниковъ, которыхъ неожиданно распустили по случаю какого нибудь экстреннаго праздника. Движеніе и суета продолжаютъ далеко за полночь, такъ что Новый годъ начался уже часа два или три, а эти уличные лавочники еще и не думаютъ прекращать своей торговли, а разгулявшійся людъ все еще не можетъ рѣшиться разстаться съ веселою бульварною суетою; совсѣмъ забывая, что уже давно пора идти домой и ложиться спать.

Изъ области прошеднаго.

Святой Вольфрамъ, фрисскій апостолъ, хотѣлъ окрестить фрисскаго князя Радбота, и чтобы склонить его къ тому, обѣщаль ему, послѣ смерти, мѣсто въ раю. Радботъ отвѣчалъ, что онъ прежде хорошенько подумаетъ объ этомъ. Ночью явился ему языческій богъ, въ котораго онъ до сихъ поръ вѣровалъ, и сказалъ, что если христіанинъ обѣщаль ему въ будущемъ блестящій чертогъ, то пусть покажетъ его ему теперь; а что онъ, языческій богъ, съ своей стороны, готовъ, не дожидаясь его смерти, сейчасъ же подарить ему золотой дворецъ, который навсегда останется въ его пользованіи. Проснувшись, Радботъ разсказалъ все это святому Вольфраму, который объяснилъ ему, что это было просто дьявольское навожденіе злаго духа. Князь возразилъ на это, что онъ согласится принять христіанство, если языческій богъ не покажетъ ему его будущаго жилища. Тогда рѣшено было, что Радботъ пошлетъ отъ себя одного фриза, а Вольфрамъ своего діакона, и когда оба посланные только что вышли изъ города, то имъ тотчасъ же встрѣтился попутчикъ, который сказалъ имъ: «Пойдемте скорѣе; я покажу вамъ великолѣпный дворецъ, приготовленный для герцога Радбота». И они пошли широкою дорогою по необитаемымъ мѣстамъ, наконецъ, своротили въ сторону, куда вела другая дорога, вся вымощенная гладкимъ, разноцвѣтнымъ мраморомъ. Еще издали увидели они блестящій золотомъ дворецъ, къ которому они пришли по алеѣ, вымощенной золотомъ и драгоценными камнями. Войдя внутрь дворца, они были поражены его необычайною красотою и великолѣпиемъ, и роскошью поставленнаго въ глубинѣ величественнаго трона. Тогда путеводитель сказалъ имъ: «Вотъ жилище, приготовленное для герцога Радбота!» Объятый удивленіемъ діаконъ возразилъ на это: «Если дворецъ этотъ созиждень волею Божіею, то онъ останется вѣчно несокрушимымъ; если же это дѣло рукъ дьявольскихъ, то оно тотчасъ исчезнетъ». И вмѣстѣ съ этимъ онъ сотворилъ надъ собою крестное знаменіе; тогда вдругъ путеводитель превратился въ сатану, золотой дворецъ въ вучу грязи, а діаконъ и фризъ очутились посреди болота, гдѣ было пропасть воды и которое все заросло высокимъ тростникомъ и осокою, такъ что они въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней съ трудомъ могли выбраться оттуда и возвратиться въ городъ...».

Эта интересная легенда, выписанная мною безъ малѣйшихъ измѣненій изъ книги Гримма, вотъ уже три года постоянно приходитъ мнѣ на память въ день 15 августа, когда Парижъ особенно праздновалъ и ликовалъ въ былое время. Прежде—и это было не такъ давно—во всѣхъ концахъ и уголкахъ Парижа слышна была военная музика, производились военные парады, для всѣхъ были открыты даровой входъ во всѣ театры, устраивались фейерверки, приемы и балы при дворѣ, однимъ словомъ, это былъ національный праздникъ, въ которому съ энтузіазмомъ готовился всякій французъ, и которымъ вся нація радостно и шумно справляла день рожденія великаго корсиканскаго воина. Но въ настоящее время уже положительно ничто не напоминаетъ того значенія, какое придавалось прежде этому дню. Правда, что 15 августа всѣ цвѣточныя рынки загромаждены горшками цвѣтовъ и букетами всякаго рода, такъ какъ это день св. Дѣвы Маріи, когда бываютъ именинницы чуть-ли не всѣ парижанки, которымъ ихъ знакомые и обожатели обязательно подносятъ въ подарокъ какіе нибудь цвѣты; но между этою массою красующихся на выставѣ цвѣтовъ вы однако не увидите ни одной многознаменательной фіалки. Солнце яркимъ свѣтомъ заливааетъ безлюдныя улицы, и только передъ церковью St. Augustin, гдѣ совершается тихая обѣдня за упокой душъ умершихъ Наполеонидовъ, можно замѣтить небольшую кучку людей, которые робко озираются вокругъ и съ приторнымъ равнодушіемъ смотрятъ на личностей, входящихъ въ церковь. Вотъ все, что осталось отъ блеска и шумныхъ празднествъ Наполеонова дня.

И я опять-таки при этомъ невольно припоминаю легенду о золотомъ чертогѣ, превратившемся въ кучу грязи отъ одного слова и при одномъ мановеніи руки. Это дѣйствительно похоже на непонятное чудо, совершившееся въ странѣ, среди бѣлаго дня, во-очію всѣхъ, въ девятнадцатомъ столѣтіи. По поводу этого, я нѣсколько разъ приставалъ съ вопросами къ очевидцамъ, какимъ образомъ могло все это случиться? и въ отвѣтъ получалъ только пожатіе плечами и слова: «не знаю». Еще 3 сентября 1870 года во Франціи была имперія, а въ Парижѣ—императоръ. Передъ Тюльерійскимъ дворцомъ стоялъ караулъ изъ блестящихъ гвардейцевъ; лакеи въ великолѣпныхъ ливреяхъ расхаживали, то лѣниво, то озабоченно, взадъ и впередъ. Напудренные кучера выѣзжали съ придворными экипажами, украшенные золотымъ гербомъ и короной. Въ двадцати приемныхъ залахъ разставлены были камергеры и ординарцы—

офицеры; верховые курьеры развозили придворныя повѣстки по всѣмъ направлѣнιάмъ, и сотни савонниковъ съ различными византійскими титулами, по цѣлымъ часамъ, работали надъ разрѣшеніемъ вопросовъ по части церемоніала и принесенія поздравленій. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ засѣдали люди, судившіе и управлявшіе своими согражданами во имя императора, такъ что, начиная съ министровъ и кончая полевыми сторожами, всякое колесо и всякій винтикъ официальной машины получали свое движеніе изъ тюльерійскаго дворца. На всѣхъ штемпеляхъ и почтовыхъ маркахъ было напечатано изображеніе императора, на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ находилась надпись «Empire Français» и начальная буква имени императора красовалась на кожаномъ поясѣ каждаго солдата. Потомъ вдругъ пришло 4-е сентября и все это какъ будто сдунуло вѣтромъ. *Afflavit Deus et dissipati sunt*. Прошло всего только двадцать четыре часа и въ странѣ уже не было ни имперіи, ни императора. Опустѣлъ тюльерійскій дворецъ; придворныя лакеи и кучера облеклись въ синія блузы и въ обыкновенныя панталоны; гвардейцы сняли съ себя блестящій мундиръ и стали простыми смертными высоваго роста въ шесть футовъ; не стало болѣе ни камергеровъ, ни церемоніймейстеровъ; придворная и государственная схема сдѣлались уже историческимъ документомъ; явились монеты и почтовые марки съ новымъ, страннымъ, женскимъ портретомъ, прежняя надпись на общественныхъ зданіяхъ замѣнилась другою: «République Française». Во всѣхъ административныхъ бюро откуда-то вынырнули незнакомыя личности: *Egalité, Liberté, Fraternité*; всѣ, еще вчера облеченные какою нибудь официальной должностію, или имѣвшіе положеніе, власть и вліяніе, уже должны были сдѣлаться частными людьми; послѣдніе стали первыми, Франція была провозглашена республикою.

За ночь весь наполеоновскій міръ исчезъ, какъ бы провалился въ преисподнюю, и когда Франція проснулась на слѣдующее утро, то она съ удивленіемъ протирала себѣ глаза, какъ будто не вѣря появленію запустѣнія и беспорядка на томъ мѣстѣ, гдѣ еще вчера существовалъ твердый, политически организованный общественный строй. Имперія, со всѣмъ домомъ и семействомъ, съ чадами и домочадцами, была поглощена бездною революціи, подобно баснословной Винетѣ, поглощенной моремъ. Какъ иногда на поверхность моря всплывала какая нибудь вещь, платье или трупъ, напоминавшіе объ исчезнувшемъ въ морской пучинѣ городѣ, такъ точно теперь продавались съ молотка принадлежавшіе императору фарфоръ и ло-

пади съ придворныхъ конюшенъ, или въ газетахъ появлялся какойнибудь документъ изъ тайнаго архива тюльерійскаго дворца. Какъ изрѣдка со дна моря раздавался тихій колокольный звонъ и шумъ, доказывавшій, что въ поглощенномъ морскою пучиною городѣ еще не совсѣмъ угасла жизнь; такъ точно было въ періодъ недавняго послѣдняго кризиса, устроеннаго бонапартистами и влеривалами. Но въ сущности имперія все-таки исчезла безслѣдно.

Всякій разъ, когда я прихожу въ Palais Royal, черезъ аллею тюльерійскаго сада или черезъ дворы тюльерійскаго дворца, меня преслѣдуетъ неотвязчивая мысль о томъ: какимъ образомъ могло случиться, что такая обширная, глубоко вкоренившаяся организація, какъ правительственная система, которая въ теченіи восемнадцати лѣтъ господствовала надъ цѣлою націей съ тридцати шестью миліоннымъ населеніемъ, вдругъ рухнула, не оставивъ по себѣ ничего, ровно ничего, даже той традиціонной вучки пепла, которая, по существующему въ народѣ повѣрью, всегда остается послѣ исчезновенія обманчиваго призрака дьявола? Даже банкротство какагонибудь маленькаго комерсанта оставляетъ послѣ себя болѣе слѣдовъ, чѣмъ эта улетучившаяся имперія. Это непостижимо, это ненатурально! Мнѣ случалось бывать и въ другихъ странахъ, гдѣ также низвергались царствующія династіи и мѣнялся образъ правленія, напримѣръ: въ Испаніи, въ Неаполѣ, въ Тосканѣ, въ Пармѣ, въ Ганноверѣ. Приверженцы стараго порядка образуютъ тамъ удалившіяся отъ дѣлъ, но для всѣхъ видимыя группы; подъ новымъ слоемъ все еще явственно видны очертанія прежнихъ порядковъ. Всѣ указываютъ тамъ прямо на бывшаго придворнаго медика, на бывшаго придворнаго поставщика, на бывшаго придворнаго сторожа; всѣ знаютъ, что такой-то былъ камергеромъ, такой-то шталмейстеромъ, а такая-то статсъ-дамой. Въ петлицѣ этихъ господъ вы всегда увидите ленточку тѣхъ орденовъ, которые хотя въ настоящее время уже не существуютъ, но которые свидѣтельствуютъ о должностяхъ и достоинствахъ, имѣвшихъ когда-то дѣйствительное, осязательное значеніе, и которые чтутся носителями ихъ, какъ воспоминаніе прошедшаго времени. Во Франціи вы не встрѣтите подобнаго явленія. Можетъ показаться невѣроятнымъ тотъ дѣйствительно существующій фактъ, что воспоминанія объ эпохѣ царствованія Бурбоновъ, удаленныхъ отъ престола уже болѣе 46 лѣтъ, во всякомъ случаѣ живѣе и осязательнѣе, чѣмъ воспоминанія объ имперіи, паденіе которой совершилась чуть не вчера. Обитатели Сень-Жерменскаго пред-

мѣстья сохраняютъ за собою до сихъ поръ тѣ придворные титулы, какіе были имъ пожалованы королемъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ я уже имѣлъ случай обстоятельно говорить объ этомъ въ первомъ томѣ этой книги. Между тѣмъ, послѣ столь недавняго ниспроверженія владычества бонапартистской партіи не видно даже нивакихъ, подобныхъ предшествовавшимъ, проблемъ въ настоящее республиканское время. Всѣ смотрятъ какъ на сонъ на то время, когда въ Парижѣ былъ императорскій дворъ, и еслибъ вамъ вздумалось назвать по имени когонибудь изъ представителей бывшаго шесть лѣтъ тому назадъ всѣмъ извѣстнаго «общества», то, въ отвѣтъ на это, спрошенный вами господинъ начнетъ потирать себѣ лобъ, стараясь припомнить, о комъ собственно вы говорите. А между тѣмъ у Наполеона былъ блестящій придворный штатъ, созданное имъ дворянство, съ новыми, пестрыми гербами, были адъютанты, гвардія, слуги! Куда же дѣвались тѣ комары и ночныя бабочки, которыя такъ кружились и увивались около блеска двора, въ лучахъ котораго и они сверкали яркимъ свѣтомъ? Тѣ вушцы, которые ластились, какъ вошки, и виляли хвостомъ, какъ собаки, ища случая, чтобъ проскользнуть въ какуюнибудь щель безчисленныхъ переднихъ, для того только, чтобъ получить названіе «поставщика императорскаго двора», послѣ 4 сентября успѣли стереть съ своей вывѣски это названіе, къ которому они такъ неустанно стремились и котораго, наконецъ, добились съ такимъ трудомъ. Понятное дѣло, вѣдь имъ собственно нужна была эта реклама для ихъ торговли, а какая же выгода оставаться поставщикомъ императорскаго двора, когда прогнали самаго императора? Послѣ этого они принялись продѣлывать всѣ свои прежнія заискиванія въ лакейскихъ для полученія новыхъ титуловъ и называются теперь: кто поставщикомъ короля португальскаго, кто поставщикомъ принца уэльскаго, кто поставщикомъ итальянской королевы Маргариты. Придворные гвардейцы и напудренные лакеи сдѣлались городскими сержантами или консьержами; а нѣкоторые изъ нихъ, успѣвшіе скопить себѣ немного денегъ, отырыли фруктовые или молочныя лавочки и почти никогда не вспоминаютъ того времени, когда они, разодѣтые въ шитые золотомъ кафтаны, лосинные панталоны, и обутые въ шелковые чулки, обращали на себя вниманіе, любящихъ поглазѣть на подобныя вещи, своихъ согражданъ. И это также весьма понятно. Люди такого пошиба обыкновенно бываютъ слишкомъ практичны и прозаичны, чтобы въ сердцѣ ихъ могло найтись мѣсто для грустныхъ, сентиментальныхъ

воспоминаний. Если, впрочемъ, когда нибудь и случится имъ вспомнить о великолѣпнѣйшій императорскаго двора и своей блестящей ливреи, то развѣ тогда, когда они пропустятъ нѣсколько лишнихъ рюмочекъ absynthe съ людьми одинаковыхъ съ ними возрастной, причѣмъ ругнуть себя подъ-носъ, непечатнымъ словомъ, республику, которая положила конецъ славному житію и дневному разбою всякихъ придворныхъ чиновниковъ. Но если можно понять причину безслѣднаго исчезновенія придворныхъ поставщиковъ и придворныхъ лакеевъ, то уже ничѣмъ нельзя объяснить исчезновенія людей, составлявшихъ собственно придворное общество; куда дѣвались эти сотни напыщенныхъ временщиковъ темнаго происхожденія, этихъ элегантныхъ, изящныхъ дамъ, знаки отличія и брилліанты которыхъ такъ ослѣпительно блестяли на волшебныхъ, даваемыхъ императоромъ, праздникахъ и балахъ; куда дѣвались эти граціозныя созданія, наполнявшія собою ложи большихъ театровъ во время первыхъ представленій, оживлявшія лѣтній сезонъ въ Булонѣ, Этретѣ и Баденъ-Баденѣ, катавшіяся осенью вокругъ озера въ Bois de Boulogne, а зимою открывавшія свои роскошныя салоны, въ которыхъ собиралась аристократія всѣхъ странъ Европы? Что стало съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ первенствовала княгиня Меттернихъ и гдѣ была воспѣта и превознесена до небесъ красота графини Валевской, введшей въ салонную жизнь сапсап, распѣвавшей шансонетки Терезы и непристойностью своихъ разговоровъ перешеголявшей даже вѣкъ Людовика XV? Гдѣ же они теперь? Ее не видно ни въ ложахъ театровъ, ни въ Bois de Boulogne, ни на водахъ! Непостижимо, непонятно, какъ весь этотъ блескъ и великолѣпіе лопнули какъ мыльный пузырь и улетучились, не оставивъ даже никакого признака своего существованія!

Жюль Вернъ, въ одномъ изъ своихъ талантливыхъ произведеній, кажется въ «Путешествіи къ центру земли», вздумалъ описать, что будто бы въ одинъ весьма отдаленный періодъ времени, кусокъ земной поверхности, со всѣми находившимися на немъ звѣрями и растеніями, провалился внутрь земли, гдѣ будто бы организмы продолжали свое подземное существованіе, между тѣмъ какъ однородныя имъ животныя и растенія, оставшіяся на поверхности земли, частью вымерли, частью переродились въ современные виды и формы. А что, если и имперіалистскій міръ, безслѣдно исчезнувшій съ лица земли, продолжаетъ по прежнему свое подземное существованіе, подобно птеродактилямъ и ихтиозаврамъ Жюля Верна? Что, если навод-

неніе, вырвавшееся изъ нѣдръ земли, опять повторится, и безъ вѣсти пропавшія личности вдругъ опять появятся на Божій свѣтъ цѣлы и невредимы? Франція стоитъ на такой вулканической почвѣ, гдѣ всегда слышится подземный гулъ и броженіе, и потому неожиданное появленіе этихъ личностей легко можетъ перейти въ предѣлы возможности.

Замѣьте, что я говорю:—въ предѣлы возможности, но не вѣроятности. Еслибы изрѣдка не попадалась вамъ въ руки монета съ изображеніемъ Наполеона и еслибъ кое-гдѣ на мостовыхъ столбахъ не бросалась въ глаза буква N съ короною на верху, которую вѣроятно забыли снять, то вамъ и въ голову не придетъ вспомнить, что здѣсь была когда-то вторая имперія и жилъ какой-то Наполеонъ III. Все это мгновенно пропало и забыто, какъ *Fata morgana*, исчезнувъ какъ золотой чертогъ фризскаго герцога Радбота.

V. ТИПИЧЕСКІЯ «CAUSES CÉLÈBRES».

СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Книга, авторъ которой поставилъ себѣ задачею описать современную парижскую жизнь, была бы неполна, еслибы въ ней не было упомянуто о нѣкоторыхъ «causes célèbres», отъ времени до времени производящихъ во всемъ городѣ сильное волненіе. Для вѣтренныхъ умовъ, эти скандалы дня, имѣющіе свойство оживлять двухмиліонное населеніе, представляются просто мимолетными, случайными явленіями, придающими, на нѣсколько вечеровъ, пикантное разнообразіе салоннымъ разговорамъ; но возвращаться къ которымъ считается неприличнымъ, разъ уже онѣ потеряли увлекательную прелесть новизны. Но внимательный наблюдатель признаетъ за ними болѣе серьезное значеніе. Онъ видитъ въ нихъ совокупное выраженіе тайныхъ законовъ, господствующихъ и выбивающихся наружу общихъ понятій о нравственности; онъ замѣчаетъ въ нихъ симптомы скрытыхъ, глубоко укоренившихся общественныхъ золъ, тѣмъ болѣе тяжкихъ, что онѣ оставались незамѣченными до той поры, пока не выказались въ какомъ нибудь ужасномъ преступленіи. Нѣкоторыя causes célèbres похожи на фонари, съ помощью которыхъ правоописатель отыскиваетъ, въ темныхъ углахъ и трюцбахъ, тѣ безобразія, которыя, до сихъ поръ, никому не были извѣстны; поэтому я и нашелъ нужнымъ, выбравъ изъ самыхъ характеристичныхъ, типическихъ и новѣйшихъ уголовныхъ процессовъ, занимавшихъ Францію въ періодъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, представить ихъ читателямъ для уясненія нѣкоторыхъ особенныхъ, свойственныхъ парижанамъ, взглядовъ на общественную нравственность.

Одна изъ такихъ causes célèbres, надѣлавшая, въ свое время, столько шума и вызвавшая даже много толковъ во французской литературѣ, разсматривалась въ судѣ присяжныхъ, около Рождества, въ 1875 году. Это былъ «процессъ Мирамба». Человѣкъ, отъ имени котораго процессъ получилъ свое названіе, господинъ Мирамба, былъ вспыльчивый, нервный, задорный уроженецъ южной Франціи, изъ Бордо. По своему общественному положенію, онъ занималъ частное мѣсто въ одномъ большомъ ювелирномъ магазинѣ; онъ былъ вдовъ и отецъ хорошенькой восемнадцатилѣтней дочери, Жанны, которая служила продавщицею въ модномъ магазинѣ «Au Panthéon». Тамъ она познакомилась съ нѣкимъ monsieur Робертомъ, двадцатичетырехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, служившимъ въ томъ же магазинѣ въ качествѣ прикащика. За знакомствомъ послѣдовало сближеніе, а за сближеніемъ—то, что всегда бываетъ, когда мушкетеръ 24 года, а дѣвушка 18 лѣтъ, гдѣ бы они не жили, въ Парижѣ или въ какомъ нибудь глухомъ захолустьѣ. Обстоятельство это не осталось безъ послѣдствій; но Жанета не рѣшалась сама лично сообщить эту непріятную новость своему отцу, а призналась въ этомъ одной сосѣдкѣ, которая и взялась передать такое щекотливое порученіе кому слѣдуетъ.

Однакожь, Мирамба принялъ эту вѣсть болѣе серьезно, чѣмъ какъ обыкновенно относятся къ подобному обстоятельству парижскіе отцы хорошенькихъ восемнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, состоящихъ продавщицами въ модныхъ магазинахъ. Онъ обратился къ своей дочери съ вопросомъ, кто именно виновникъ ея несчастія? и она отвѣчала ему: «Робертъ!», причемъ она, можетъ быть, дѣйствительно сказала правду, но къ этому она прибавила, что онъ обѣщалъ жениться на ней и что, кромѣ его, она ни съ кѣмъ не находилась въ близкихъ отношеніяхъ, что, впрочемъ, въ послѣдствіи оказалось ложью. Послѣ такого признанія, Мирамба отправился къ Роберту и потребовалъ у него объясненія. Робертъ, которому, разумѣется, не могло быть пріятно, чтобы этотъ господинъ при всѣхъ, публично, въ магазинѣ сдѣлалъ ему сцену, назначилъ отцу своей возлюбленной другое мѣсто для объясненій, на слѣдующій день. Оба явились, въ опредѣленный часъ, въ одно café, гдѣ Мирамба тотчасъ же, безъ обиняковъ, приступилъ къ дѣлу. Онъ рассказалъ Роберту, что Жанна чувствуетъ себя беременною и спросилъ его, желаетъ ли онъ женитьбою загладить передъ нею свою вину, такъ какъ онъ лишилъ ее невинности? Молодой человѣкъ, въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ, возразилъ ему, что онъ никогда не

думалъ жениться на Жаннѣ, что онъ никогда не обѣщаль ей этого и сама Жанна никогда не требовала этого отъ него; что онъ уже былъ не первый, которому Жанна оказала свою благосклонность, и что ему положительно извѣстно, что даже въ то время, какъ она была его любовницею, она развлекалась на сторонѣ другими маленькими интрижками. Мирамба, раздраженный до крайней степени такимъ объясненіемъ, спросилъ еще разъ: «Говорите же, согласны ли вы жениться на Жаннѣ?» а когда Анри Робертъ отвѣчалъ: «ни за что не соглашусь!», то Мирамба выхватилъ изъ бокового кармана своего сюртука кинжалъ и съ страшною силою воткнулъ его молодому человѣку въ лѣвую половину груди. Но судьба видимо повровительствовала Анри. Нанесенный ему ударъ оказался не только не смертельнымъ, но даже и неопаснымъ, такъ какъ, по какому-то особенно счастливому случаю, клинокъ скользнулъ по ребрамъ, не задѣвъ ни сердца, ни легкаго, и Анри могъ быть спасенъ.

Этотъ случай разбирался судомъ присяжныхъ; Анри разсказалъ все, что зналъ о Жаннѣ; а Жанна, вытребованная въ судъ, въ качествѣ свидѣтельницы, созналась во всемъ, что про нее говорили. Мирамба, будучи спрошенъ, нѣсколько разъ повторилъ, что онъ имѣлъ намѣреніе убить Анри Роберта, не запираясь даже и въ томъ, что онъ заранѣе рѣшилъ и обдумалъ, какъ именно это сдѣлать. Но не смотря на собственное сознание виновнаго въ совершенномъ имъ преступленіи, присяжные, однакожь, признали его невиновнымъ, и папа Мирамба съ гордымъ видомъ вышелъ изъ зала суда, ведя подъ руку свою милую дочку, вѣроятно съ твердымъ намѣреніемъ на будущее время опять пустить въ ходъ свой кинжалъ, къ чему Жаннета, конечно, не замедлитъ доставить ему случай.

Очевидно, что преступленіе, совершенное Мирамба, выходило изъ разряда обыкновенныхъ, и Александръ Дюма, съ своимъ неизмѣннымъ инстинктомъ сенсационнаго романиста и скандальнаго драматическаго писателя, оцѣнилъ его по достоинству. Непосредственно за неудавшимся покушеніемъ Мирамба на убійство Роберта, Дюма прислалъ въ «*Evénement*» статью, которую напечатать могъ только французскій журналъ, написать въ такомъ искаженномъ и нелѣпномъ видѣ могъ только авторъ «*La dame aux camélias*», а читать съ такимъ наслажденіемъ могла только глупая парижская публика. Господинъ Дюма пустился въ разглагольствованія о матеріальной оцѣнкѣ дѣвической добродѣтели, которую законъ обязанъ принять подъ свое покрови-

тельство, обязавъ соблазнителя или жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ, или заплатить ей уже не помню какую именно сумму денегъ; что плодъ преступной любви долженъ быть усыновленъ націю и проч., и проч. Однимъ словомъ, Дюма нагородилъ съ три короба всякой чепухи. Изъ всей этой безконечно-длинной вереницы пустыхъ фразъ и громкихъ восклицаній, единственною, удобопонятною вещью оказывался совѣтъ всѣмъ отцамъ на будущее время запасаться ножомъ или кинжаломъ для оболъстителей ихъ дочерей. Въ этомъ горячечномъ бреде видна по крайней мѣрѣ послѣдовательность. Сначала Дюма говорилъ «убей ее!», а потомъ уже сказалъ: «убей его!». Такимъ образомъ установлена очередь для убійства; равенство передъ ножомъ возводится на степень общественнаго догмата, такъ что уже не будетъ сдѣлано предпочтенія одному полу передъ другимъ.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, пока продолжалось уголовное слѣдствіе и рѣшеніе суда еще не состоялось, всякій имѣлъ право, смотря по индивидуальному складу своихъ понятій, или посмѣяться надъ выводами господина Дюма, или сердиться на нихъ, но во всякомъ случаѣ считать ихъ только плодомъ личныхъ возрѣній автора на этотъ предметъ. Но послѣ произнесенія окончательнаго рѣшенія суда, это уже становилось невозможнымъ, потому что оправданіе виновнаго присяжными, вслѣдствіе кровожадной фантазіи, непонятной въ гуманномъ писателѣ, возвело ее на степень нравственнаго принципа. Вердиктъ присяжныхъ былъ на столько ясенъ, что даже не давалъ ни малѣйшаго повода къ какому-нибудь двусмысленному толкованію. Онъ положительно и безапелляціонно рѣшилъ, что отецъ имѣетъ полное право вербовать себѣ зятьевъ съ ножомъ или съ револьверомъ въ рукѣ.

Этотъ вердиктъ создалъ новую категорію процесовъ въ уголовной практикѣ. Говоря: «Кошелекъ или жизнь!» вы рискуете быть повѣшеннымъ. Но сказавъ: «Твое имя для моей дочери или жизнь!» вы ничѣмъ не рискуете, и самое худшее, что можетъ васъ постигнуть, это видѣть вашъ поступокъ представленнымъ въ апопеезѣ Александромъ Дюма. Была-ли дѣвушка перломъ невинности и чиста какъ лилія въ своей добродѣтели, или она «шлялась по тротуарамъ»,—это безразлично; воспользовался-ли молодой человекъ простосердечіемъ дѣвушки и обезчестилъ ее вслѣдствіе разныхъ соблазновъ, обѣщаній и влятвъ, или онъ просто не имѣлъ цѣломудрія Іосифа и не могъ устоять противъ заманчивыхъ ласкъ красавицы, убѣжавъ отъ нея и вы-

рываясь изъ ея пламенныхъ объятій и не бросивъ вмѣсто себя своего плаща, — объ этомъ не спрашиваютъ. Передъ вами — юноша, дѣвица и отецъ, три необходимыхъ лица для драмы, причемъ сначала ставится вопросъ: «Согласенъ-ли ты жениться на ней?» Юноша отвѣчаетъ: «Нѣтъ!» Тогда свергаетъ ножъ, льется кровь, господинъ Дюма аплодируетъ, а двѣнадцать присяжныхъ кричатъ хоромъ: «Прекрасно! отлично! *Vivat sequens!*» Если же юноша отвѣчаетъ: «Да!», тогда отецъ проливаетъ слезы, является священникъ, погудить немножко органъ, всѣ тронуты, и въ міръ стало однимъ счастливымъ супружествомъ болѣе. Неужели вы не находите этого прелестнымъ, идилическимъ, назидательнымъ, трогательнымъ, неужели во всемъ этомъ вы не видите идеала всего хорошаго и прекраснаго? Конечно такъ, еслибъ во всемъ этомъ не было такой безсовѣстной фальши и лжи.

«Оправданіе» Мирамба присяжными есть колоссальная публичная ложь, которую рѣшили произнести двѣнадцать безсовѣстныхъ наглецовъ. Сказать, что Анри Робертъ былъ не правъ, отвѣтивъ «*jamais!*» на требованіе Мирамба, чтобъ онъ непременно женился на Жаннѣ; а Мирамба былъ въ правѣ за это всадить ему ножъ въ грудь? А позвольте васъ спросить, господа присяжные, кто изъ васъ, будучи на мѣстѣ Роберта, не сказалъ бы, подобно ему, «*jamais?*» Но у васъ не хватило смѣлости сознаться въ этомъ и, для прикрытія своей трусости и подлости, вы объявили Роберта негодяемъ, а Мирамба — героемъ. Многие авторы познакомили насъ съ различными методами спасенія женской чести: Ливій заставляетъ свою Лукрецію умертвить самое-себя; Лессингъ заставляетъ старика Одоарда Галотти сдѣлаться убійцею своей дочери Эмилиі; но Ливій и Лессингъ по всей вѣроятности заблуждались и впали въ грубую ошибку; не Лукрецію, не Эмилию слѣдовало убить, а Севста Тарвинія и Гримальди; не дѣвушку, а мужчину. Такого рода открытіе сдѣлалъ Александръ Дюма, а вы, почтенные господа присяжные, подтвердили это.

На дѣло Мирамба, по моимъ понятіямъ, слѣдуетъ взглянуть не какъ на простой уголовный процессъ, а какъ на весьма грозное явленіе въ разрѣшеніи социальныхъ вопросовъ. Обоюдныя отношенія половъ въ современномъ Вавилонѣ очерчиваются весьма ярко и принимаютъ кровавый оттѣнокъ. Здѣсь, свободная любовь вошла уже въ составъ общественнаго строя, съ которой всякій знакомъ, которая имѣетъ трагическое вліяніе на судьбу сотни тысячъ семействъ, завладѣвая въ этихъ сотняхъ тысячъ случаевъ отдѣльными личностями совершенно, но которая тѣмъ

не менѣе не признается официальнымъ образомъ, представляя собою подобіе страуса, который, желая скрыться отъ чьихъ-либо глазъ, прячетъ свою голову въ песокъ. Эта мнимая строгость нравовъ, ради своей собственной выгоды и въ интересахъ добродѣтели, блюстительницею которой она выдаетъ себя, поступила бы гораздо благоразумнѣе, еслибъ шире раскрывала глаза на все окружающее, а не отворачивалась умышленно отъ совершающихся фактовъ. Положа руку на сердце, скажите: много ли найдется мужчинъ, которые, до вступленія въ бракъ, не имѣли бы прежде незаконныхъ отношеній съ какою-нибудь женщиною? Каждый изъ насъ былъ въ свою очередь Анри, имѣвшій свою Жанну, съ тою только разницею, что у одного была одна, у другаго сотни, но у всякаго непремѣнно своя. Парижанинъ женится, какъ я уже подробно говорилъ объ этомъ въ первомъ томѣ, не тогда, когда того требуютъ природа и физическое развитіе его организма, а когда у него есть деньги или онъ можетъ рассчитывать на хорошее приданое; по большей части это случается уже слишкомъ поздно, а до тѣхъ поръ «свободной любви» приносится дань, подобающая только законному супружеству. По закону человѣкъ долженъ быть моногамистъ, и нарушитель этого закона подлежитъ уголовному суду какъ двоеженецъ, тогда какъ, въ сущности, всѣ парижане несравненно болѣе ярые полигамисты, нежели турки, но только въ еще болѣе грубой, безнравственной и циничной формѣ. И такая полигамія, только не пользуясь законными правами, въ сущности признается дѣйствительно существующею, какъ общественная необходимостъ, и въ таковой степени, что всякій мужчина смѣло можетъ хвастаться «своими любовными похождениями» и показывать знакомымъ альбомъ «красивыхъ женщинъ», съ которыми онъ былъ «близко знакомъ». Анри Робертъ поступилъ точно такъ же, какъ поступаютъ всѣ его пріятели, его знакомые, знакомые его знакомыхъ и какъ поступали его предки до седьмага поколѣнія, не подвергаясь за это наказанію. Онъ только имѣлъ несчастье наткнуться на такого панаху-головорѣза и тогда дѣло дошло до суда присяжныхъ. И что же мы узнаемъ? Такое дѣйствіе, на которое Анри привыкъ смотрѣть какъ на что-то обыденное, натуральное, само-собою разумѣется, общеупотребительное, вдругъ признается преступленіемъ; тѣ самые люди, которые съ гадкою улыбкою слушали, когда Анри, въ какой-нибудь портерной, рассказывалъ имъ свои *petites aventures*, которые одобрительно трепали его при этомъ по плечу и потомъ, уходя, сами дѣлали тоже самое, — вдругъ грозно нахмурили лобъ и объявили бѣдному

Анри, хотя не прямо, но очень ясно, что онъ совершилъ постыдное дѣло и что не напрасно судьба, въ лицѣ Мирамба, пострадала его, поцарапавъ кинжаломъ по ребрамъ. Все это вышло оттого, что они сидѣли не въ портерной, а засѣдали въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ. Оттого и рѣзкій переходъ отъ прямодушнаго отношенія къ дѣлу, къ чувству общественнаго приличія! Съ одной стороны — частная правда, съ другой — официальная ложь. Прорвался еще одинъ нарывъ на тѣлѣ нашей общественной жизни, потекла оттуда кровь, и всякій гной, и введенный въ рану зондъ уже не находитъ здороваго мяса, а только дряблыя ткани, гниль и пустоту.

Вотъ какимъ представляется это дѣло, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія Анри. Но на него нужно взглянуть еще съ другой стороны, со стороны Жанны. Имѣла ли дѣвушка право требовать отъ молодого человѣка, чтобы онъ на ней женился? Присяжные передъ судомъ объявили: «да!» потому что они оправдали Мирамба; а въ залы суда, они сказали бы: «нѣтъ!» потому что не позволили бы своимъ сыновьямъ жениться на такой дѣвушкѣ.

Относительно обязанностей, налагаемыхъ совѣстью на оболстителя чистой, невинной дѣвушки, которую онъ обезчестилъ и потомъ бросилъ, какъ увядшій цвѣтокъ, у людей истинночестныхъ и благородныхъ сложилось такое понятіе: проступокъ, въ которомъ несравненно болѣе виновенъ онъ, чѣмъ она, можетъ быть заглаженъ только бракомъ, и кто не исполнитъ этого, тотъ положительно безсовѣстный негодяй. Но между Жанной и Анри дѣло было обставлено совсѣмъ иначе, и потому непростительно господину Дюма дѣлать видъ, что онъ не понимаетъ существующей въ этомъ случаѣ громадной разницы, и не кстати употреблять громкія слова, въ родѣ «невинность», «обольщеніе», «поруганіе дѣвственной чистоты» и т. п. Безъ сомнѣнія, совѣсть всякаго порядочнаго человѣка подскажетъ ему, какъ долженъ онъ поступить, чтобы загладить свою вину передъ скромною лиліею, которую онъ оторвалъ отъ ея стебля насильственною, святотатственною рукою; но онъ знаетъ также, что онъ ничѣмъ не обязанъ относительно другихъ несчастныхъ, уже сорванныхъ и презрительно брошенныхъ цвѣтковъ, которые переходятъ потомъ въ другія руки. Общество и приличіе не даютъ имъ никакихъ правъ; напротивъ, онѣ свободно допускаютъ, чтобы вторыя, поднявшія ихъ съ земли руки опять бросили ихъ на пыльную дорогу, гдѣ онѣ валялись до тѣхъ поръ.

Законы допускаютъ жалобу на виновниковъ беременности дѣ-

вупки, но въ случаѣ, еслибы они даже и взяли ея сторону, результатъ ихъ покровительства оказывается благопріятнымъ лишь для одного ребенка, а не для матери. Этотъ же самый законъ, а также и общество отворачиваются отъ этой женщины, отдавая ее на посмѣшище, на поруганіе; а между тѣмъ, тутъ существуетъ различіе, требующее должной оцѣнки. Я не стану говорить о вѣтренной гризеткѣ, для которой любовникъ, какъ самецъ, составляетъ такую же принадлежность, какъ шляпка и зонтикъ во время воскресныхъ прогулокъ; ни о свѣтской дамъ-кокеткѣ, которая гордится своими побѣдами и количествомъ своихъ поклонниковъ; ни о тѣхъ гнусныхъ тваряхъ, которыя рассчитываютъ на глупость и бошелевъ неопытныхъ молокососовъ. Всѣ три заслуживаютъ отъ мужчины одного и того же: денегъ за посѣщеніе и потомъ пинка въ спину. Но есть категория дѣвушекъ, не имѣющихъ ничего общаго съ этими самками. Это все, большею частью, достойныя глубокаго сожалѣнія жертвы крайней нужды, тяжелыхъ жизненныхъ обстоятельствъ, недостатка родительскихъ заботъ и попеченій, и мужской подлости; онѣ лишаются самаго дорогаго, почти единственнаго сокровища въ ихъ жизни — невинности, прежде еше, чѣмъ успѣютъ понять, что онѣ потеряли; онѣ грѣшатъ сначала какъ бы во снѣ, безсознательно, безъ полнаго разумѣнія того, что дѣлаютъ; потомъ онѣ знакомятся съ какимъ нибудь мужчиною, испытывая въ первый разъ дѣйствительное чувство любви. Но къ чему поведетъ оно? Мужчина, можетъ быть, и самъ желалъ бы отвѣчать на эту любовь такою же горячею привязанностью, потому что ему отдаютъ безгранично — свою красоту, свою вѣрность, свою преданность, свою добродѣтель, именно, добродѣтель, которая стоитъ далеко выше той добродѣтели, какъ ее понижаютъ въ обществѣ, но при этомъ не достааетъ лишь одного — дѣвической чистоты. И это обстоятельство составляетъ смертный приговоръ для несчастной дѣвушки. Ея врожденное, главное право на требованіе отъ мужчины не только любви, но его руки, вѣнчальнаго кольца и его фамиліи, осталось въ рукахъ покинувшаго ее обольстителя, и за свою благосклонность она не смѣетъ заявлять своихъ претензій ни на что, кромѣ любовныхъ ласкательныхъ словъ и чувства, мимолетнаго, какъ лунная лѣтняя ночь. Если ей случится намекнуть на женитьбу, то ей въ отвѣтъ слышится роковое слово Анри: «*jamais!*» причеиъ не всегда имѣется подъ рукою папапа въ родѣ Мирамба, да и въ такомъ случаѣ, еслибы за нее и вступился кто либо подоб-

нымъ образомъ, то вѣдь ей собственно это ни въ чемъ не поможетъ.

Вотъ какъ слѣдовало именно поставить вопросъ при процессѣ Мирамба, тотъ самый вопросъ, смысла котораго не понималъ или не хотѣлъ понять Александръ Дюма: какъ обязанъ поступить всякій Анри относительно своей Жанны, если она дѣйствительно его любитъ и остается ему вѣрна, но не приноситъ уже ему съ собою въ приданое своей дѣвической невинности? Этотъ вопросъ, разсматриваемый съ академической точки зрѣнія, покажется нагло-безнравственнымъ, ничтожнымъ, не стоящимъ вниманія; но въ практической жизни онъ громко вопіеть объ отвѣтъ на всѣхъ перекресткахъ улицъ большихъ городовъ, гдѣ дается полный разгулъ всякаго рода страстямъ. Отвѣты на этотъ вопросъ въ Парижѣ пока даютъ только: — Сена, поглощающая ежегодно такую массу молодыхъ дѣвушекъ; Morgue, гдѣ на выкрашенныхъ черною краскою доскахъ лежатъ мертвыя, ооченѣвшія тѣла красивыхъ женщинъ, съ распущенными волосами и со сложенными на груди руками, и куда приходятъ смотрѣть на нихъ равнодушныя толпы любопытныхъ; и тюремные списки, въ которые заносятся имена женщинъ-дѣтубійцъ.

Законодатели, философы, поэты! Вотъ вамъ вопросъ, стоящій того, чтобы вы приложили къ нему вашъ умъ и ваши способности; разрѣшите его въ какомъ нибудь параграфѣ кодекса, въ опредѣленіи причины причиняемаго имъ зла, или изображая его въ драмѣ; но только рѣшайте его, рѣшайте скорѣе! Займитесь его разрѣшеніемъ хотя ради того, чтобы Сена, Morgue и тюремные списки уже не могли по прежнему давать на него такіе страшно-практическіе отвѣты!

Незаконнорожденный.

Процессъ Мирамба бросилъ свѣтъ на одну темную сторону жизни большого города: на кратковременность любовныхъ связей между вѣтреными молодыми людьми; другой случай преступленія, послѣдовавшій годъ спустя и разсматривавшійся въ засѣданіи военного суда, 19-го октября 1876 года, былъ «процессъ Филиппо», который ярко освѣтилъ другую темную сторону общественной жизни, именно: участь незаконнорожденныхъ дѣтей, плодъ этихъ преступныхъ связей. Въ этомъ смыслѣ процессъ Филиппо представляется такимъ же натуральнымъ продолженіемъ

процеса Мирамба, какъ существованіе несчастнаго незаконно-рожденнаго ребенка, явившагося на Божій свѣтъ въ видѣ естественнаго послѣдствія временныхъ любовныхъ отношеній.

Факты, на которыхъ основанъ процессъ Филиппо, весьма несложны. Филиппо, молодой человѣкъ 23-хъ лѣтъ, былъ воспитанникъ военной Сень-Сирской школы, выдержавшій, въ августѣ 1876 года, выпускной экзаменъ и готовившійся оставить это заведеніе 23-го августа, съ чиномъ подпоручика. Наканунѣ этого дня, въ ночь, у многихъ молодыхъ людей, спавшихъ въ общемъ дортуарѣ, оказались украденными ихъ кошельки. Тотчасъ же приступили къ самымъ тщательнымъ розыскамъ, вслѣдствіе которыхъ оказалось, что преступленіе это совершилъ Филиппо, потому что похищенные кошельки съ деньгами найдены были у него. Случай этотъ произвелъ всюду сильное и тяжелое впечатлѣніе. Сень-Сиръ считается разсадникомъ французскихъ офицеровъ; всѣ теперешніе генералы, маршалы и штабъ-офицеры французской арміи вышли оттуда, а настоящіе воспитанники заведенія предназначаются, со временемъ, къ командованію войсками при защитѣ отечества отъ внѣшнихъ враговъ.

Отъ этихъ юношей, которые, со временемъ, могутъ сдѣлаться главнокомандующими, нація требуетъ пылкой до самозабвенія храбрости рыцарей временъ Крестовыхъ походовъ, доведеннаго до педантизма чувства чести кавалеровъ двора Людовика XIII и сознанія великодушнаго, самоотверженнаго, обоюднаго долга товарищества, подобнаго тому, которое существовало между тремя мушкетерами, описанными Дюма-отцомъ, такъ что всѣ эти качества, при юношескомъ эвальтированномъ идеализмѣ, уже положительно переходятъ въ крайность. Поэтому, легко себѣ представить, какой переполохъ произошелъ между воспитанниками Сень-Сира, когда оказалось, что воровство было учинено однимъ изъ ихъ товарищей. Возмущенное этимъ фактомъ, общественное мнѣніе тотчасъ же выдумало сказку, которая лучше всего обрисовываетъ возрѣнія нація на характеръ, какаго она требуетъ и какаой предполагаетъ въ молодыхъ офицерскихъ кандидатахъ. Когда уже преступленіе Филиппо было доказано, то, какъ рассказывали, всѣ прочіе воспитанники заведенія выбрали изъ среды себя двоихъ товарищей, которые пришли къ Филиппо и сказали ему: «Вотъ кинжалъ, вотъ шестиствольный револьверъ, вотъ ружье, системы Шасно, а вотъ стелынка съ синильною кислотою. Мы оставляемъ тебя одного. Ты знаешь, чѣмъ воспитанникъ Сень-Сирской школы обязанъ сдѣлать, когда онъ имѣлъ несчастіе запятнать свою честь. Если хочешь, то ты можешь напи-

сать письмо къ нашему начальнику. Скажи ему, что ты рѣшился повончить съ собою. Скажи, пожалуй, что причиною твоего проступка была несчастная любовь, или долги, или семейныя обстоятельства, однимъ словомъ, выдумай что хочешь; твои товарищи все еще любятъ и уважаютъ тебя и потому поручили намъ передать тебѣ такой совѣтъ». Но при окончательномъ судебномъ засѣданіи, официальный защитникъ подсудимаго счелъ, однакожь, необходимымъ заявить положительно, что таковой мелодраматической, бьющей на эффектъ сцены никогда не происходило; она была слишкомъ театральна, чтобъ могла показаться вѣроятною; но, по свойственной всякому французу страсти къ вычурнымъ выходкамъ, въ Парижѣ не только повѣрили такому геройскому предложенію, но даже находили «*que c'est charmant!*»!

На послѣднемъ засѣданіи, Филиппо, рыдая и закрывъ лицо руками, сознался во всемъ. Его вчерашніе товарищи, уже одѣтые въ щегольскій офицерскій мундиръ, съ золотою эполетою подпоручика на правомъ плечѣ, подходили одинъ за другимъ къ рѣшеткѣ и съ опущенными глазами, дрожащимъ голосомъ, давали противъ него свидѣтельскія показанія. Подсудимый, уже не имѣя силъ отвѣчать, просто кивалъ въ знакъ согласія головою, не запираясь и не оправдываясь. — «Затѣмъ воспользовались вы деньгами вашихъ товарищей?» спросилъ несчастнаго предсѣдатель. — «Затѣмъ, что у меня не было денегъ, а я не хотѣлъ отстать въ чемъ-нибудь отъ своихъ товарищей!» — «Что побудило васъ къ совершенію этого преступленія?» Но тутъ подсудимый пришелъ въ такое сильное волненіе, что долго не могъ ничего отвѣчать; наконецъ, оправившись немного, онъ началъ говорить, останавливаясь почти на каждомъ словѣ, и въ короткихъ выраженіяхъ передалъ во всеуслышаніе содержаніе печальнаго романа своей жизни. Онъ былъ незаконнорожденный сынъ одного армейскаго офицера, достигшаго уже въ настоящее время большаго чина. Ему былъ только годъ, когда вспыхнула крымская война. Отецъ его долженъ былъ отправиться въ Крымъ, но еще до начала похода онъ исполнилъ нѣкоторыя, требуемыя закономъ, формальности, необходимыя во Франціи для усыновленія незаконнорожденнаго ребенка. Можетъ быть, онъ поступилъ такъ вслѣдствіе необдуманности, можетъ быть, даже по добротѣ сердца, а можетъ быть и потому, что его принудили къ тому его товарищи. И такъ, у маленькаго Филиппо былъ отецъ, который далъ ему свою фамилію. Но сдѣлался-ли онъ оттого счастливѣе? Мы это сейчасъ увидимъ. Отецъ Филиппо возвратился изъ Россіи въ чинѣ маіора, но нисколько не заботился о своемъ

сынѣ, котораго увидалъ только въ день судебного засѣданія. Такимъ образомъ, отецъ не зналъ сына въ лицо, а сынъ не зналъ въ лицо своего отца. А между тѣмъ, каждый изъ нихъ зналъ другъ о другѣ, гдѣ именно кто находится, и формальныя, натянутыя родственныя отношенія поддерживались лишь тѣмъ, что разъ или два въ годъ отецъ писалъ къ сыну холодное письмо, а сынъ сдержанно отвѣчалъ на него, сознавая при этомъ всю неловкость своего положенія.

Молодой Филиппо, которому покровительствовалъ одинъ изъ друзей его отца, оказался способнымъ, прилежнымъ и хорошимъ мальчикомъ. Въ 1870 году, будучи только семнадцати лѣтъ, онъ вступилъ въ армію вольноопредѣляющимся, чтобъ сражаться съ нѣмцами. По окончаніи войны онъ былъ принятъ въ Сенъ-Сиръ, гдѣ и оставался въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Тамъ ему иногда давали чувствовать, что знаютъ его незаконное происхожденіе; часто, съ горькою завистью въ сердцѣ, смотрѣлъ онъ на товарищей, когда они получали нѣжныя письма, маленькіе подарки, пріятныя денежныя приемыли отъ своихъ отцовъ, матерей и сестеръ; ихъ посѣщали родные, вакаціонное время они проводили въ кругу своего семейства; между тѣмъ, какъ онъ оставался безъ денегъ и безъ подарковъ, никто не заботился о немъ, а время вакацій онъ долженъ былъ проводить въ школѣ, въ грустномъ одиноществѣ, стыдясь его причины. Однакожъ, онъ старался не выказывать при этомъ своего тяжелаго чувства; учителя всегда были имъ довольны и въ немъ никто никогда не замѣчалъ даже и тѣни нечестныхъ или порочныхъ наклонностей.

Вдругъ, является однажды въ заведеніе новый воспитанникъ, молодой человѣкъ по фамиліи Ф... Одновременно Филиппо получаетъ отъ своего воспитателя, пріятели своего отца, письмо, гдѣ тотъ сообщаетъ ему, что отецъ женился на богатой вдовѣ, по фамиліи также Ф... и что новый школьный товарищъ — ея сынъ; что, кромѣ того, отецъ желаетъ, чтобы молодой Ф... не зналъ о существованіи между ними нѣкотораго родства, и поэтому, если онъ приступитъ въ нему съ разными вопросами, то пусть Филиппо не говорить, что старикъ Филиппо приходится ему отцомъ. Это случилось года за полтора до несчастнаго происшествія. Съ этой минуты въ душу Филиппо закралось нехорошее чувство. Но что же удивляться этому? Онъ постоянно имѣлъ передъ глазами своего счастливаго своднаго брата; онъ узнавалъ, что тотъ постоянно получалъ отъ своего отчима письма и деньги, что у начальника.

школы то и дѣло освѣдомлялись объ успѣхахъ молодого человека, который, въ восхищеніи, отправлялся на вакаціи домой; такъ мудро-ли что онъ еще въ большей степени, чѣмъ прежде, чувствовалъ всю горечь своего незаслуженнаго одиночества, своей бѣдности, незаконности своего рожденія, и потому, кто первый осмѣлится бросить въ него камень за то, что онъ, въ безумномъ отчаяніи, бросился въ бездну преступныхъ мыслей, когда чувство зависти вшивалось своими острыми когтями въ его сердце?

Судьи не рѣшились сдѣлать этого. Они приговорили его только въ двухгодичному обыкновенному аресту. Необходимо при этомъ замѣтить, что воровство во Франціи, сравнительно, наказывается строже, чѣмъ убійство или нанесеніе смертельнаго удара, что воръ, въ настоящемъ случаѣ, носилъ мундиръ Сенъ-Сирской школы и что судьями его были суровые, старые служаки. При такихъ исключительныхъ условіяхъ, двухлѣтній обыкновенный арестъ равнялся почти совершенному оправданію. Обыкновенный составъ французскихъ присяжныхъ навѣрное оправдалъ бы его вполне.

И господа эти поступили бы правильно, не предполагая, что такое оправданіе могло быть опасно тѣмъ, что оно какъ бы служило поощреніемъ къ преступленію. Но вѣдь Филиппо, въ сущности, и не былъ преступникомъ, а только жертвою тяжелыхъ сложившихся для него обстоятельствъ. Не его мѣсто было на скамьѣ подсудимыхъ; тамъ должны были находиться настоящіе виновники: его отецъ, общество, новѣйшая цивилизація; а онъ былъ лишь ихъ обвинителемъ, который, повѣстью своего преступления, бросилъ имъ въ лицо укоръ въ ихъ виновности. Филиппо былъ несчастіе всякаго сироты, гораздо несчастіе всякаго подкидыша, съ которымъ у него оказывалось общимъ только чувство полнѣйшаго отчужденія; онъ даже не имѣлъ тѣхъ постоянныхъ надеждъ и сладкихъ мечтаній, какими всегда бываетъ полно воображеніе найденышей, живущихъ романтическими грезами о блестящей будущности. Этотъ процессъ представляется намъ типомъ того рода мрачныхъ романовъ, которые ежедневно происходятъ въ Парижѣ, передъ нашими глазами, и только потому не обращаютъ на себя ничего вниманія, что оканчиваются безъ скандала, такъ какъ заключительная глава ихъ разыгрывается не при торжественной обстановкѣ залы суда и потому не попадаетъ на страницы газетныхъ фельетоновъ. Въ процессѣ Филиппо героемъ романа является молодой человекъ; но въ романахъ по большей части господствуютъ героини. И

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РЪЧИ“

С.-Петербургъ, Прачешный переулкъ, 5.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 20 до 30 листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой	16 »
съ пересылкой	17 »
За границу: въ Европу	} 18 »
Сѣверную Америку и Египетъ	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	При подпискѣ.	къ 1 Маю.	къ 1 Сентябрю.
безъ доставки	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 »	5 »	4 »
съ пересылкой	9 »	5 »	4 »

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к. и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на получение журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Максимильяновскій переулкъ, 14.

